

Российская академия наук
Институт славяноведения

Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе
Отдел истории культуры славянских народов

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ

Власть и общество в СССР
и странах Восточной Европы
в 50-е – 60-е гг. XX в.

Москва
2011

СОДЕРЖАНИЕ

Сборник подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН на 2009–2011 гг. «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»

Исследовательский проект «Социально-политические и этноконфессиональные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке: конфликты и компромиссы»

Редколлегия:

д.ф.н. Н.М. Куренная (ответственный редактор)
д.и.н. г.П. Мурашко, д.и.н. Т.В. Волокитина

Рецензенты:

д.и.н. Л.С. Лыкошина, к.и.н. М.В. Лескинен

В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. – ??? с.

ISBN

Сборник материалов конференции, состоявшейся в Институте славяноведения РАН, отражает некоторые итоги исследований наименее изученных аспектов взаимоотношений власти и общества в СССР и странах Восточной Европы на этапе десталинизации и поиска новых путей развития. В центре внимания авторов – историков, политологов, литературоведов и культурологов – сложная палитра общественных настроений в СССР и странах «социалистического лагеря», их роль в процессах либерализации и трансформации политических режимов в 50-е – 60-е гг. XX в.

Для историков, обществоведов и всех интересующихся политической и культурной историей XX столетия.

ISBN

© Институт славяноведения РАН, 2011

От редколлегии 0

ИМПУЛЬСЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В СССР

Шестаков В.А.

Эволюция советской политической системы в контексте изменений общественных настроений (1950 – начало 1960-х гг.) 0

Твардовская В.А.

«Новый мир» Твардовского в общественной жизни СССР 1950-х годов 0

Софронова Л.А.

Образы вождей в советском кинематографе 0

Костырченко г.В.

Сталинский антисемитизм: становление и развитие. 1938-1953 гг. 0

Едемский А.Б.

Москва, март – июль 1953-го...
Наблюдения югославских дипломатов 0

Стыкалин А.С.

Советская Молдавия: восприятие «Пражской весны» и особой позиции Румынии во время чехословацкого кризиса 0

Аксютин Ю.В.

Изменения общественных настроений в СССР в 1950-е – 1970-е гг. (По материалам массовых опросов населения) 0

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ**

Покивайлова Т.А.

Механизмы формирования общественных настроений
в Румынии и их эволюция в 1946-1950 гг. 0

Желицки Б.Й.

Венгрия в середине XX века: влияние внутривластных
факторов на динамику общественного мнения 0

Носкова А.Ф.

«Чем реальный социализм становился хуже,
тем больше в него верили...» (Общественная атмосфера
в Польше на рубеже 1940-х – 1950-х годов) 0

Барат М.

Политические настроения венгерской интеллигенции во второй
половине 1940-х – 1950-е годы 0

Мурашко г.П.

Властная вертикаль и эволюция умонастроений в Чехословакии
в 50-е годы XX в.
(По документам российских архивов) 0

Волокитина Т.В.

Начало болгарской «оттепели»
и общественные настроения в стране 0

Корнеев С.А.

Идейно-политические приоритеты интеллектуальной эли-
ты Словакии как составная часть словацкого национального
вопроса (1950-е – 1960-е гг.) 0

Валева Е.Л.

Оппозиционные настроения в Болгарии в 1960-е годы 0

Стыкалин А.С.

Что думали румыны об СССР в 1964 г.
(Свидетельствует советский дипломат) 0

Улуян Ар.А.

Готовился ли переворот в Албании?
«Дело Т. Сейко»: версии 0

Марьина В.В.

Словакия начала 1960-х годов: реабилитация так называемых
словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос 0

Романенко С.А.

Советские люди и югославы.
Попытки преодоления взаимных предрассудков,
стереотипов и иллюзий. 1953-1964 гг. 0

Волобуев В.В.

Антисемитизм в ПНР через призму взаимоотношений власти и
общества. 1944-1968 гг. 0

Семенова А.В.

Общественные настроения кашубов в послевоенной Польше
(1940-е – 1960-е гг.) 0

Коровицына Н.В.

Массовые перемещения, ценности и настроения
периода социалистической индустриализации
Восточной Европы 0

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ

Хорев В.А.

Польская литература:
расчет с прошлым или поиски новых путей? 0

Куренная Н.М.

Дёрдь Лукач и литературно-общественная жизнь Венгрии 0

Петровская О.В.

Формирование студенческого контингента вузов Болгарии и
Польши в контексте «воспитания» новой интеллигенции
(конец 1940-х – 1950-е годы) 0

Мельников Г.П.

Искусство и культурная ментальность чешского общества в кон-
це 1950-х годов 0

Калинова Е.

Интеллигенция и власть в Болгарии: непростые взаимоотноше-
ния (середина 50-х – первая половина 60-х гг. XX в.) 0

Шерлаимова С.А.

От танков до танков. Чешские писатели в 1940-е – 1960-е годы 0

Волобуев В.В.

«Клуб Кривого колеса» в общественно-культурной жизни
Польши 0

Широкова Л.Ф.

Словацкая литературная периодика 1960-х годов и ее роль в
формировании либеральных настроений в обществе 0

Шведова Н.В.

Словацкие надреалисты: зигзаги творческих судеб 0

Будагова Л.Н.

Влияние настроений в обществе на самоопределение и судьбу
человека 0

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В ноябре 2010 г. в Институте славяноведения РАН прошла научная конференция «Эволюция общественных настроений в СССР и странах Восточной Европы в контексте трансформации политических режимов (40-е – 60-е годы XX века)», организованная Научным центром истории сталинизма в Восточной Европе и Отделом истории культуры славянских народов Института славяноведения. В ней также приняли участие сотрудники Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Российского института стратегических исследований, Центра политических исследований Института экономики РАН и Московского областного государственного педагогического университета. Данное мероприятие явилось частью исследовательского проекта, вошедшего в программу фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН на 2009-2011 гг. «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Руководители и участники проекта не в первый раз сосредотачивают свое внимание на таком недостаточно изученном аспекте проблемы социальных трансформаций, как общественные настроения и их эволюция. К 40-летию событий «Пражской весны» свет увидел сборник статей и материалов международной научной конференции, прошедшей в Институте славяноведения в октябре 2008 г.¹ Но событиям 1968 г. предшествовал самостоятельный этап общественных трансформаций в СССР и странах Восточной Европы, связанный с попытками либерализации политических режимов после смерти И.В. Сталина. Он и стал предметом рассмотрения на очередной конференции. В ходе ее с докладами выступили исследователи разных специальностей – историки, политологи, литературоведы, культурологи. На стадии подготовки сборника на приглашение редколлегии принять в нем участие откликнулись ученые из Болгарии и Венгрии. Им мы выражаем искреннюю благодарность.

Воссоздавая палитру общественных настроений в СССР и восточноевропейском регионе, авторы стремились аргументировать свои позиции, вводя в научный оборот новые архивные материалы и привлекая обширную мемуар-

ную литературу, которая в последние годы постоянно пополняется новыми работами, обогащая, а подчас и серьезно корректируя прежние представления о событиях прошлого и их героях.

Статьи сборника тематически группируются в три раздела. В первом авторы рассматривают события в СССР в 1950-е – 1960-е годы, отношения власти и общества в их многообразии и взаимовлиянии, пытаются нащупать связь общественных настроений и начавшейся «сверху» либерализации, в частности, показать зарождение протестных «импульсов» и выявить наиболее чувствительные к ним социальные группы общества; представить, по мере возможности, и взгляд «со стороны» – иностранцев на события в Советском Союзе и советских граждан на события в некоторых странах «социалистического лагеря». Во втором разделе сборника выявляются общественные настроения в Восточной Европе, переживавшей непростой этап развития, когда под лозунгами десталинизации осуществлялся сложный и противоречивый процесс, приведший, в конечном счете, в одних странах к попыткам реформировать систему, а в других – к возникновению феномена неосталинизма. И, наконец, третий раздел отражает непростые отношения власти и творческой интеллигенции, пытавшейся критически переосмыслить прошлое, извлечь из него уроки, определить для себя новые ориентиры и перспективы будущего развития. «Волны» десталинизации пробуждали надежды интеллектуалов на лучшее будущее – на преодоление негативов периода культа личности в СССР и странах региона, свободу художественного поиска, возможность через свои произведения выражать собственные гражданские позиции, искать и находить адекватные реальности методы художественного выражения, не ограничиваясь обязательными установками «социалистического реализма».

В непрекращающихся по сей день бурных дискуссиях о сталинизме, в том числе и о его влиянии в странах Восточной Европы, нередко сопровождающихся попытками «модернизировать» сознание общества, фактически создать новую, «актуальную», историю, в том числе и оперируя лозунгами «десталинизации» как залога мифического «гражданского примирения», важную роль призваны сыграть научные исследования, основанные на исторических фактах и их объективной интерпретации. Не последнее место в ряду дискуссионных проблем занимает преодоление негативных последствий культа личности Сталина. Это актуализирует необходимость изучения процесса либерализации

¹ 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. (Отв. ред. г.П. Мурашко). М., РОССПЭН, 2010, 803 стр.

политических режимов в Советском Союзе и восточноевропейском регионе, где существовали свои, разные по масштабам и воздействию на общество, «культы» и «культики», но где задачи их развенчания и адекватной оценки, так же, как и в СССР, выдвинулись в начале 1950-х годов на повестку дня.

Редколлегия надеется, что сборник найдет своего заинтересованного читателя и станет стимулом для дальнейшего изучения указанных проблем российскими и зарубежными учеными.

ИМПУЛЬСЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ В СССР

В.А. Шестаков

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ (1950 – НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

Революции конца XX века в странах Восточной Европы и СССР с достаточной ясностью поставили перед исследователями непростой вопрос о возможности и пределах эволюции политических систем советского типа¹. Сам факт эволюции «режимов бюрократических распорядителей»² от Сталина до Горбачева, их определенная адаптация к изменяющимся условиям достаточно очевидны. Гораздо менее очевиден и нуждается в серьезном исследовании вопрос о причинах, характере (механизме) и пределах этих изменений. Имела ли политическая система советского типа исторический шанс «некатастрофической трансформации» вместо повторяющейся из раза в раз «модернизации через катастрофу?»³ Иными словами, в какой мере способна система советов как «продукт самобытного народного творчества, как проявление самостоятельности народа»⁴ к саморазвитию? Способны ли эволюционные изменения политических режимов в совокупности дать своеобразный кумулятивный эффект перехода всей системы в новое качественное состояние⁵, или, как утверждают

---

¹ Политическая система по существу – качественная характеристика политических порядков, организации государственной власти в масштабах общества. В современной политической науке эволюция политической системы понимается как процесс постепенного повышения соответствия ее элементов, обретения внутренней целостности.

² *Нуйкин А.* Идеалы или интересы? // Новый мир. 1988. № 1. С. 198.

³ *Коэн С.* Антимодернизация. Распад СССР не был прорывом к демократии // Политический журнал. № 39/40. 23 октября 2006 . С. 73.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., Т. 12. С. 317.

⁵ В этой связи отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, можно ли считать прививки к системе Советов ростков парламентских институтов эволюционными изменениями? Весьма показательны, что большевистские вожди, не устававшие говорить о преимуществах советской формы государственности перед парламентской, тем не менее, практически всегда шли проторенным путем западных демократий.

многие исследователи, советская система принципиально неререформируема? ⁶ Можно ли назвать эволюционной замену основных властных институтов Советского Союза в конце XX в. на парламентские (западные) образцы? Или в таком случае лучше говорить о перерыве постепенности, о смене, замещении эволюционных процессов революционными? Известно, что стремление М.С. Горбачева в 1980-е гг. сделать все «как в цивилизованных странах», «скрестив» систему Советов с президентской властью, лишь ускорило развал СССР и привело к краху советской социалистической системы.

Чтобы ответить на эти и другие аналогичные «проклятые» вопросы новейшей отечественной истории, очевидно, необходимо тщательно проанализировать все без исключения этапы существования советской системы – от становления до краха. За годы существования советской политической системы вопрос о ее реформировании вставал неоднократно. Попытки изменения политических институтов имели место и в 1920-е и 1930-е гг.⁷ Правда, далеко не все из них могут быть квалифицированы как модернизационные. В предвоенные годы в рамках общего курса Сталина на укрепление государственности, обеспечения безусловной власти центра над периферией происходила милитаризация управления страной, в гражданских отраслях вводились военные порядки. Представление о скором отмирании государства при переходе к социализму было заменено идеологией сильного государства. В годы Великой Отечественной войны продолжалась максимальная централизация политического, хозяйственного и военного руководства. Произошла милитаризация конституционных органов государственного управления. Были созданы чрезвычайные, внеконституционные, органы с особыми полномочиями, действовавшие на чрезвычайной нормативно-правовой основе. Вместе с тем, именно в годы войны под сильным давлением новых реалий властные структуры в СССР втайне начали проработку возможных изменений некоторых существенных механизмов советского строя⁸. При определенных обстоятельствах они могли стать системными. Так,

⁶ См.: *Попов г.Х.* Реформирование неререформируемого (Попытка Алексея Косыгина). М., 2009; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 19.

⁷ См.: *Писаренко К.Н.* Тридцатилетняя война в Политбюро. 1923-1953. М., 2003; *Васильев Ю.А.* Модернизация под красным флагом. М., 2006.

⁸ См. подробнее: *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М., 2006. С. 34-35.

в проекте «О поднятии роли и улучшении работы СНК союзных и автономных республик, крайисполкомов, облисполкомов, городских и райисполкомов», подготовленном в начале 1944 г. Маленковым, Молотовым и Хрущевым, в качестве главной организационной меры, обеспечивающей перестройку руководящих органов, предлагалось «*чтобы первый секретарь ЦК коммунистической партии союзной республики, крайкома, обкома, окружкома, горкома, райкома партии был одновременно и председателем совнаркома союзной (автономной) республики, исполкома краевого, областного, окружного, городского, районного Совета депутатов трудящихся*» (здесь и далее курсив мой. – В.Ш.)⁹

Применительно к послевоенному периоду можно с известной долей условности говорить о трех попытках реформирования политической системы в СССР. Первая из них была порождена смертью Сталина, точнее, вызванной ею опасностью потери управляемости страной. Хронологически полоса реформ охватывает весь период хрущевской «оттепели». Вторая – имела место в первые годы правления Л.И. Брежнева как реакция на хрущевские нововведения и может быть квалифицирована как контрреформа. Третья, самая масштабная и радикальная, была начата М.С. Горбачевым на пике перестройки. Очевидно, что каждая из реформ имела разные последствия для судьбы страны. Вместе тем, при их сравнительном анализе обнаруживается много общего и универсального.

Первая из вышеназванных попыток реформирования политической системы интересна в силу двух важнейших обстоятельств. Во-первых, к этому времени, как считают многие исследователи, советская система уже прошла «детский период» своего формирования и вступила в стадию зрелости, позволявшую выявить ее реальные возможности¹⁰. В известном смысле хрущевское десятилетие – «золотой век» советского социализма. Это время относительно благоприятное с точки зрения международной обстановки и экономической конъюнктуры, когда развитие происходило

⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 147. Л. 86.

¹⁰ *Ханин г.* Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль. XXI. 2003. № 7. С. 6. Согласно иной точке зрения, в эти годы раскрылся практически весь заложенный в ней потенциал и советская система дала максимум того, на что способна в идеале (*Шмелев Н., Попов В.* На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 89).

не в чрезвычайных условиях. СССР за послевоенное десятилетие многого достиг в экономической, социальной и научной сферах. Этот период по многим экономическим показателям, включая использование основных фондов, рост национального дохода, был лучшим в истории советской экономики. В 1950-е – середине 1960-х гг., благодаря высоким темпам экономического роста и повышению эффективности производства, успешно росли индустриальный потенциал и военная мощь страны, было достигнуто реальное повышение уровня жизни населения. Во-вторых, что весьма показательно, попытки реформирования системы начались, когда она находилась на подъеме, демонстрировала хорошую динамику развития. За десятилетие реформ были ослаблены основные черты сталинского социализма – его нецивилизованность, репрессивность, частично ликвидирована система принудительного труда, начался процесс реабилитации политзаключенных. Хрущев смог ослабить идейно-догматический характер сталинского социализма. Власть стала, в какой-то мере, считаться с обществом, с его интересами. В совокупности изменения сталинской модели социализма в середине XX в. достигли таких пределов, что дали веские основания исследователям говорить о хрущевском социализме¹¹. В современной историографии многие аспекты хрущевских преобразований получили достаточно полное освещение¹². Но, к сожалению, об истинных причинах изменений историческая наука знает гораздо меньше, чем о самих изменениях. Сам Хрущев обычно на заседаниях Политбюро и пленумах ЦК КПСС, а также в публичных выступлениях говорил туманно: время пришло, – редко объясняя, почему время изменений пришлось именно на данный момент и не годом или месяцем раньше или позже. Официальная историография хрущевского времени вслед за партийными документами объясняла новации исключительно объективными обстоятельствами, требованиями научного управления обществом, а после смещения Н.С.Хрущева – якобы

¹¹ *Ольсевич Ю., Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. С. 32.; *Попов г.Х., Аджубей Н.А.* Пять выборов Никиты Хрущева. М., 2008. С. 279-315.

¹² *Пыжиков А.В.* Хрущевская «оттепель». 1953 – 1965. М., 2002; *Таубман У.* Хрущев. М., 2005; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. М., 2007.; *Хрущев С.Н.* Никита Хрущев. Реформатор. М., 2010. и др.

его субъективизмом и волюнтаризмом¹³. В годы перестройки, когда вновь возник интерес к преобразованиям Хрущева, все реформы по-прежнему приписывались «доброй» или «злой» воле реформатора. Лишь на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Хрущева, М.С. Горбачев во вступительном слове сказал о том, что оказавшиеся у власти сталинские «наследники» были вынуждены переступить через идеологические догмы и запреты, поскольку того требовала жизнь. И, следовательно, и тип, и характер реформ, включая выбор «объектов» реформирования, также определялся не столько «волюнтаризмом» Хрущева, сколько объективными условиями, в которых оказалась страна после смерти Сталина¹⁴. Однако и на данной конференции, и в последующие годы проблема мотивации реформ, по существу, развития не получила. По справедливому суждению Е.Ю.Зубковой, «советская история была представлена, главным образом, как результат изолированных действий верхов, тогда как умонастроения и особенности восприятия рядовых граждан в основном оставались достоянием дневниковых наблюдений, путевых заметок и мемуаров¹⁵.

На долгие годы доминирующей темой исторических исследований «оттепели» стал «волюнтаризм» Хрущева, его реальные и мнимые ошибки в

¹³ *Зверев А.Т.* Совершенствовать государственный аппарат. М., 1955; *Георгадзе М.П.* Некоторые вопросы работы Советов депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма // Советы депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 9-29; *Ким Л.И.* Социалистическая законность в организации деятельности местных Советов депутатов трудящихся. Томск, 1961; *Лепешкин Л.И.* Дальнейшее совершенствование форм организационно-массовой работы Советов с учетом опыта исторического развития // Советы депутатов трудящихся в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 181-196; *Старовойтов Н.* Расширение функций постоянных комиссий // Советы депутатов трудящихся. 1962. № 9. С. 15-20.; *Викентьев А.И.* Очерки развития народного хозяйства СССР. (1951-1958). М., 1959; *Ермаков В.Т.* Исторический опыт культурной революции в СССР. М., 1968. История Коммунистической партии Советского Союза. 5-е изд., М., 1979; История национально-государственного строительства в СССР. 1917-1978. Т. 2. М., 1979.

¹⁴ Н.С.Хрущев. (1894-1971) Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С.Хрущева. 18 апреля 1994 года. Горбачев-Фонд. М., 1994. С. 3-4.

¹⁵ *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 .М.,1999. С. 5.

стремлении модернизировать страну. Лишь на рубеже нового столетия, когда накопилось достаточное количество документальных материалов, появились серьезные научные исследования, акцентирующие внимание на глубинных мотивах реформ¹⁶. В их числе – некоторые работы, в которых, так или иначе, рассматривается вопрос о зависимости преобразований Хрущева от общественных настроений¹⁷. Это, в первую очередь, исследования Ю.В. Аксютин и Е.Ю.Зубковой, непосредственно касающиеся проблемы влияния настроений населения и политических эмоций на изменение принципов и механизмов осуществления политической власти в СССР в конце 1940х – середине 1960-х гг.

Безусловную ценность представляют также выводы В.А. Козлова, рассматривающего многочисленные конфликты, беспорядки того времени как форму обратной связи власти с народом. Правящая верхушка, получив, как говорится из первых рук, в обход бюрократической машины, прямой и жесткий сигнал о наличии конфликта, вынуждена была искать объяснение и причины, вносить изменения в политику, в конце концов, искать и находить более или менее приемлемый баланс интересов¹⁸. Несомненно, интересны и выводы Э. Кулевица о влиянии групп интересов, ценностей альтернативного общества на трансформацию политического режима.

Вместе с тем многие аспекты проблемы взаимодействия власти и народа в СССР в послевоенный период остаются вне поля зрения исследователей. В этой связи целью настоящей статьи является попытка выяснить степень влияния изменений общественных настроений на функционирование и характер эволюции политического режима в годы «оттепели».

¹⁶ Лейбович О. Первая оттепель. Была ли политическая реформа в 1953-1964 гг. Пермь, 1990; *Он же*. Реформа и модернизация в 1953 –1964 гг. Пермь, 1993.; Ясин. Е. г. Российская экономика, истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002; *Гайдар Е.Т.* Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.

¹⁷ Зубкова Е.Ю. Указ. соч.; Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004. Козлов В.А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. М., 2006.; *Он же*. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953 – начало 1980-х гг. М., 2010; Кулевиц Э. Народный протест в хрущевскую эпоху М., 2009; *Суровцева*. Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.) М., 2010 .и др.

¹⁸ Козлов В.А. Неизвестный СССР... С. 40-41.

Как показывает анализ, изменение общественных настроений в рассматриваемый период играло не последнюю роль в принятии тех или иных решений властными органами. В XX в. любой политический режим, даже диктаторский, не мог существовать без учета общественных настроений, без обратных связей с населением. Не являлись в этом отношении исключением и сталинский режим, и политические режимы его преемников. Как отмечает в своем исследовании Е.Ю. Зубкова, власть в СССР, чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, активно интересовалась умонастроениями граждан¹⁹. Несмотря на то, что публичных социологических опросов до начала 1960-х гг. в стране не проводилось, такого рода информация «отслеживалась» достаточно регулярно и докладывалась представителям власти, как местной, так и центральной. Сбором информации о настроениях населения занимались в той или иной форме различные государственные и общественные организации, но главными структурами, для которых такого рода деятельность была обязательной и постоянной, были партийные органы и специальные подразделения органов внутренних дел и госбезопасности.

Однако закрытость сталинского общества, отсутствие «нормального» демократического взаимодействия между властью и обществом не позволяла даже властной верхушке проводить адекватный мониторинг состояния общества и государства, она же не давала соответствующих инструментов анализа и прогнозирования. В результате нередко о самом наличии социальных и этнических конфликтов правящая верхушка узнавала в «неизбежно извращенной форме бунтов и массовых беспорядков, либо нелегальных “антисоветских проявлений”»²⁰. С другой стороны, и реакция власти, как правило, не имела публичного характера. По свидетельству В.А. Козлова, вопрос о массовых беспорядках дошел до уровня Пленума ЦК КПСС лишь однажды, в связи с волнениями русского населения в Грозном²¹.

Как показала историческая практика, донесений спецслужб и осмысления этой информации в идеологических формах оказалось недостаточно, чтобы преодолеть тот барьер, который отделял правителей в системах советского

¹⁹ Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 8.

²⁰ Козлов В.А. Неизвестный СССР... С.45

²¹ Там же. С. 39.

типа от управляемых. Отсутствие легальной оппозиции и свободной прессы лишали советских руководителей многих источников информации о действительных настроениях общества и, особенно, о его динамике, каковыми в развитии демократическом обществе являются выборы органов власти, прямое участие масс в управлении, пресса и иные средства массовой коммуникации, собрания, манифестации. По этой причине все советские руководители, включая Сталина, а затем и Хрущева, сами становились заложниками созданной ими системы. Они плохо знали ту страну и тот народ, которым управляли. Не последнюю роль в этом играло и их окружение, которое из лести, а нередко личной корысти вводило их в заблуждение. Весьма показательны в этом плане приводимые Константином Симоновым, со слов министра путей сообщения И.В. Ковалева, высказывания Сталина: «“Заведующие”, так иногда иронически вождь называл членов Политбюро, ... хотят сделать из меня факсимиле... они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. *Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут, чтоб я поставил факсимиле*»²². Как отчетливо видно из слов советского лидера, «заведующие» за годы плотного общения с вождем, нашли эффективное средство отстоять собственную точку зрения, а заодно и ввести в заблуждение самого Сталина, заранее согласовывая документы и лишая вождя привычных ориентиров, возможности получить больше информации для принятия решений. Не случайно в первые послевоенные годы Сталин был далек от понимания истинной остроты вопросов социальной политики, в то время как миллионы людей в СССР голодали, и было немало случаев голодной смерти. «Говорят [у нас] низкая зарплата, иронизировал он в узком кругу соратников в начале 1947 г. – У нас зарплата зависит от того, кто как работает. Хорошо человек работает и зарплату получает хорошую»²³.

В целом, имея виду определенную хронологически и иерархически выстроенную систему факторов (от особенностей хозяйственного и политического механизмов – до накопленного к этому времени политического опыта

²² Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 160-161.

²³ Мальшев В.А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: Из дневника наркома // Источник. 1997. № 5. С. 132.

и политической культуры), влиявших на формирование политики власти и, соответственно, эволюцию политических институтов в рассматриваемый период, следует констатировать, что общественные настроения играли далеко не первую роль. Важнейшее обстоятельство, снижавшее значение обратных связей власти и народа в советской системе, – идеократический характер власти и связанная с этим безграничная вера советских руководителей в абсолютную непогрешимость марксистского учения, стремление следовать не столько жизненным реалиям, практике, сколько теоретическим построениям «классиков» марксизма-ленинизма.

Анализ последних сталинских работ и выступлений дает все основания говорить о его неизменной приверженности марксистским догматам. Несмотря на довольно скептическое отношение к марксистскому учению, Сталин явно разделял большинство предрассудков классиков марксизма. И, прежде всего, гиперболизированную роль революционного насилия. Сталин вслед за основоположниками марксизма явно принципиально недооценивал демократию, испытывал неприязнь к либерализму, к политическим свободам. Он и после войны не оставил идею подготовки революционных взрывов во всех странах мира, а при определенных условиях установления повсеместно советской власти. По свидетельству А.И. Микояна, Сталин якобы планировал осуществить построение коммунизма в нашей стране еще при своей жизни. Когда сталинский соратник, по его словам, высказал свои сомнения вождю, тот резко ответил: «Ты отстал! Именно сейчас настало время!»²⁴. Будучи всего лишь талантливым интерпретатором марксистского учения, Сталин в послевоенные годы явно испытывал дефицит новых идей относительно дальнейшего развития советского общества. Редактируя так называемый митингский проект Программы ВКП(б), Сталин ни разу не высказал собственной точки зрения, ограничившись многократными короткими замечаниями: «Не то»²⁵. Видимо, не случайно «вождь народов» в конце жизни не видел необходимости в реформах, считая, что все «у нас» обстоит хорошо.

Применительно к первому послевоенному десятилетию можно говорить как минимум о двух достаточно ясно различимых сигналах «снизу» (если не считать

²⁴ Микоян А.И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 569–570.

²⁵ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д. 121. Л. 27,28, 29.

доминирующего стремления всего населения СССР к миру и социальной стабильности). Самый очевидный из них и наиболее массовый заключался в том, что широкие слои населения, и особенно крестьянство, устали ждать «светлого будущего» и ожидали улучшения материального положения. В условиях холодной войны правительство СССР сохранило политику военного времени по отношению к деревне. Низкий жизненный уровень можно было терпеть только в чрезвычайных условиях, только в атмосфере страха – обязательного элемента более или менее жесткого механизма администрирования. Но после войны люди устали бояться. Верно наблюдение, что война резко снизила не только ценность человеческих жизней, но и уровень страха. Усиление административного и налогового нажима на деревню порождало недовольство, протесты со стороны части колхозников, проявлявшихся в многочисленных письмах-жалобах в органы власти. За 1947-1952 гг. только в Совет по делам колхозов поступило 126 тыс. жалоб²⁶. Проявление другого сигнала – стремление к смягчению, либерализации политического режима, введению элементов ограниченной демократии в эти годы было менее очевидным. В условиях усиления репрессивности сталинского режима эти стремления не могли быть массовыми и выражались, главным образом, в антибюрократических настроениях населения.

Понимание необходимости пойти навстречу этим ожиданиям населения проникло в умы советской правящей верхушки еще до смерти Сталина²⁷. Весной 1953 г., когда появилось определенное «окно возможностей» для реализации разных вариантов десталинизации и, соответственно, различных вариантов развития страны, именно степень понимания сталинскими «наследниками» общественных настроений в целом и ожиданий отдельных социальных слоев оказалась решающим фактором для победы в борьбе за власть. Как показывает характер действий каждого из претендентов на власть после смерти Сталина, представления о собственном будущем и будущем страны

²⁶ *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945– март 1953). Сб. док. М., 1993. С. 139.

²⁷ По мнению Микояна, война оказалась большой школой для десятков миллионов людей, с учетом этого он полагал, что начнется процесс демократизации в стране и партии, «что, как минимум, мы вернемся к тем демократическим формам отношений в партии и отчасти в стране, которые были до 1929 года, и пойдем дальше» // *Микоян А.И.* Указ. соч. С. 569– 570.

они формировали сообразно своему месту во властных структурах и степенью информированности о происходивших в обществе процессах. Весной 1953 г. Л.П. Берия и Г.М. Маленков в силу особой близости к Сталину в наибольшей мере владели информацией о положении дел в стране, настроениях населения. Хрущев как периферийный в недалеком прошлом политик – в гораздо меньшей. Соответственно, у конкурентов Хрущева гораздо раньше, чем у него самого, сложились критические отношения к некоторым сторонам сталинской политики. Имея доступ к программным документам, разрабатываемым в послевоенные годы в недрах партийного и советского аппарата, они смогли со временем сформировать определенную систему взглядов по основным проблемам внешней и внутренней политике и сразу после смерти Сталина приступить к реализации некоторых из них.

В последнее десятилетие в историографии утвердилась точка зрения, что «арест Берии, суд над ним и его расстрел привели в действительности к приостановке десталинизации и даже ресталинизации²⁸, так как победивший в схватке за власть «сталинист» Хрущев избрал самый консервативный вариант реформ²⁹ и, более того, упустил шанс выйти из социализма³⁰. Эти выводы основываются на предположении, с наибольшей определенностью выраженном известным экономистом г.Х Поповым, что «главной проблемой СССР к середине пятидесятых годов стал вопрос о завершении эксперимента с государственно-бюрократическим социализмом и о начале реформ, направленных на его преобразование в более прогрессивный строй – постиндустриальный»³¹.

В свою очередь, конкурентам Хрущева, впрочем, без достаточных доказательств, приписываются планы далеко идущих реформ, вплоть до выхода из социализма³². Эта апологетика неосуществившегося «правого» вариан-

²⁸ *Рейман М.* Решение январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове // *Вопросы истории* 1996. № 4. С. 29– 30.

²⁹ *Пыжиков А.В.* Новое прочтение драматического эпизода отечественной политической истории // *Вестник Российской академии наук*, 2006. Т. 76, № 5. С. 457.

³⁰ *Попов г.Х.* Упущенный шанс. (К 50-летию XX съезда КПСС) // *Московский комсомолец*. 2006. 22 февраля. С. 6.

³¹ Там же.

³² *Новый курс Л.П.Берии* // *Исторический архив*. 1996, № 4; *Сто дней «лубянского маршала»* // *Источник*. 1993, № 3; *Попов г.Х., Аджубей Н.А.* Указ. соч. С. 279.

та реформ не подкреплена в достаточной мере источниками и основана на неверной оценке тех вызовов и угроз, с которыми столкнулась страна в рассматриваемый период, и основанном на ней ряде неправомερных допущений, умозрительных предположений. Во-первых, более чем спорно утверждение, что страна в канун смерти Сталина находилась накануне социального взрыва. Несомненно, последние годы жизни диктатора отмечены ростом социальной напряженности. Все слои советского общества, хотя и в разной степени, ощущали дискомфорт. Особо взрывоопасная ситуация складывалась среди узников ГУЛАГа. Его состав в послевоенные годы сильно отличался от эпохи «Большого террора», поэтому, начиная с 1946 г., лагерные восстания следовали одно за другим. По некоторым данным, в 1946-1952 гг. произошло более 20 выступлений. Большею частью они были направлены против сталинского режима «активной несвободы»³³. Органы правопорядка не случайно рассматривали их как возможную предпосылку широкомасштабных восстаний в ряде окраинных районов СССР³⁴. Но принципиальное отличие от них выступлений 1953-1954 г – демонстративная «советскость», подчеркнутая лояльность по отношению к институтам советской власти. Заключенные ждали амнистии. Эти восстания и забастовки имели целью информировать новых «хозяев» Кремля о том, что происходит в лагерях. «Мы хотим, – говорилось в обращении заключенных Горного лагеря к правительству, Президиуму Верховного Совета и ЦК КПСС от 27 июня 1953 г., – чтобы с нами разговаривали не языком пулеметов, а языком отца и сына»³⁵. Что касается бунтарской активности населения вне лагерей, то, как справедливо считает В.А. Козлов, «стихийные лидеры беспорядков 1950 – 1960-х гг. обычно не покушались на устои коммунистической системы. Их действия были направлены либо против “плохих чиновников” на местах, либо – “плохого Хрущева” на самом верху»³⁶. Как показывает анализ писем во власть, мемуаров и сводок органов госбезопасности, подавляющая часть советских граждан, включая и диссидентов, разделяла в этот период социалистические ценности, считала, что социализм еще не

³³ Штамм А. Кенгир как конец сталинского ГУЛАГа // Посев. 2004. № 6. С.35.

³⁴ Козлов В.А. Неизвестный СССР... С. 63.

³⁵ История сталинского ГУЛАГа. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. М., 2004. С. 353.

³⁶ Козлов В.А. Указ соч. С. 42-43.

показал всего, на что способен³⁷. Таким образом, рубеж 1950-х гг. не отмечен массовым разочарованием советских людей в социалистической идеологии. Советская система в целом сохраняла стабильность и жизнеспособность. Сложный комплекс коллективных чувств, эмоций и суждений, отражавших текущие и перспективные ожидания населения, в эти годы все еще в значительной мере опирался на мифологическое осмысление действительности. В общественных настроениях отторжение отживших сталинских реалий, социальных устоев парадоксально сочетались со стремлением построить новую жизнь, утвердить «ленинские принципы». Динамизм советской экономики, победа над нацистской Германией, эгалитаризм обеспечивали официальной пропаганде наглядную убедительность. Был, к примеру, привержен марксизму-ленинизму, разделял многие иллюзии своего времени известный советский поэт, редактор знаменитого «Нового времени» и автор остро сатирического антисталинского «Теркина на том свете» – А.Т. Твардовский³⁸. Участники марксистской группы Л. Краснопевцева в Московском университете, арестованные в 1957 г. за якобы антисоветскую деятельность, на деле выступали в защиту решений XX съезда о культе личности Сталина³⁹.

Иными словами, есть все основания считать, что кризис конца 1940-х – начала 1950-х гг. носил не системный, а модернизационный характер. И, следовательно, вне субъективных намерений Берии или Маленкова к этому моменту отсутствовала политическая «почва» для выхода страны из социализма. По этой же причине для реализации программы десталинизации «сверху» также имелись существенные ограничения в общественных настроениях. Формальной причиной модернизационного кризиса явилась смерть харизматического лидера. Но главная причина заключалась в очередной смене мобилизационного цикла. Созданная Сталиным командная система изначально была при-

³⁷ Согласно утверждениям многих участников правозащитных и либеральных групп, они утратили веру в «социализм с человеческим лицом» после 1968 г., когда советские танки вторглись в Чехословакию, подавив реформы «Пражской весны».

³⁸ Лакишин В.Я. Уроки Твардовского // Лакишин В.Я. Берега Культуры. М., 1994. С. 211-212; см. также: Публикация рабочих тетрадей поэта за 1953-1960 гг. (Знамя. 1989. № 7-9); Александр Твардовский. Новомирский дневник. Том первый. 1961-1966. М., 2009.

³⁹ В этот же период возникали подпольные кружки и «ревизионистского», и антимарксистского толка, ставившие целью борьбу с существующим режимом.

звана работать в постоянно напряженном, мобилизационном режиме. Однако в реальности она функционировала иначе, находясь в движении между двумя крайними точками – от абсолютно стабильного, застойного состояния до нестабильного, аварийно– мобилизационного состояния⁴⁰. В последние годы жизни вождя номенклатура, не желавшая вечно жить в ожидании репрессий, ищет и находит бюрократические способы самозащиты. А власть, в свою очередь, пытается перевести управление страной в аварийно-мобилизационный режим. В итоге, по выражению самого вождя, образовался «центростоп». Сталин в конце жизни не видел иных способов решения этой задачи, кроме раскручивания нового витка репрессий и проведения очередной антибюрократической кампании.

Со смертью Сталина для его преемников политическая и экономическая стабилизация становится первоочередной задачей. Восстания и бунты лишь раз напомнили сталинским «наследникам» о том, что методы «силовой» мобилизации населения достигли своего потолка. Дальнейший силовой нажим был чреват серьезными экономическими проблемами в плановой экономике, угрожал социальной стабильности. Нараставшее снизу давление вело к тому, что вопросы отмены массового террора, выборочной реабилитации безвинных жертв сталинских репрессий превращались в главное орудие борьбы за власть в Кремле. Десакрализация власти наносила серьезный удар, прежде всего, по самим властным структурам, серьезно меняя условия их существования и, прежде всего, характер связи вождя с обществом. Самый простой и быстрый способ решения этих двух взаимосвязанных задач – укрепление существующей политической системы, а не ее слом. В этом основные претенденты на полноту власти в стране были едины. Политическую стабилизацию было проще достичь через укрепление существовавшей политической системы, чем через ее слом. Уже в силу этого обстоятельства весной 1953 г. ни Берия, ни Маленков, ни тем более Хрущев, не ставили вопрос о глубокой политической реформе.

Второе допущение – завышенный реформаторский потенциал Л.П. Берии и Г.М. Маленкова. Вопреки распространенному мнению, приписывающему Берии и Маленкову далеко идущие планы по реформированию советской

⁴⁰ Прохоров А. Русская модель управления // Эксперт. 2000. № 3. С.84.

политической системы, их наличие пока не подкреплено документально. Но даже если допустить наличие у Берии и Маленкова подобных планов, они имели чрезвычайно мало шансов на их реализацию. Как показывает исторический опыт, в том числе и зарубежный, последовательная демократизация не возможна без активной поддержки гражданского общества. На рубеже 1950-х гг. гражданское общество в СССР в лучшем случае делало первые шаги, и опереться на его поддержку реформаторы не могли. Не менее важно, что Берия и Маленков не могли также рассчитывать на реальную поддержку значительной части правящей элиты. Не один из них не имел прочных связей с партийной бюрократией на местах и в армии. Дело в том, что основные группы бюрократии – командный состав вооруженных сил, госбезопасности, государственно-партийные чиновники, хозяйственные руководители осознали себя в качестве особой группы лишь после смерти Сталина, в ходе борьбы за власть в Кремле. Что касается поддержки подчиненных Берии силовых структур, то она слабла по мере реализации инициированных им же мероприятий, направленных на ограничение карательных функций советского государства.

Серьезные сомнения в возможности углубления Берией преобразований, продолжения десталинизации вызывает тот факт, что и для народа, и для номенклатуры он являлся кровавым палачом, организатором массовых репрессий, выселения немцев Поволжья, калмыков, многих народов Северного Кавказа. (О его заслугах в деле создания ядерного оружия знали в то время считанные единицы). Жестокий и циничный руководитель карательных органов, он активно исполнял самые грязные и кровавые поручения Сталина. Возглавив вновь после 5 марта 1953 г. силовые органы, Берия полученную информацию использовал против своих противников. Реабилитация началась по тем делам, в которых, не был замешан сам Берия. Тем самым он сам задал условия всей послесталинской борьбы за власть⁴¹. Поэтому далеко не случаен и выбор Хрущевым направления первого удара в борьбе за власть – против Берии. Кроме чисто тактических, для этого были более глубинные основания, связанные с репрессивной сутью советской системы, олицетворением которой в глазах значительной части общества был Берия. Для Хрущева Берия – не марксист. «Для него страдания людей ничего не

⁴¹ Буковский В. «Московский процесс». М., 1996. С.81.

стоили. Для него главное – карьера, собственное положение»⁴². Многие исследователи согласны сегодня с тем, что Берией двигало вовсе не желание выйти за пределы социалистической системы и, тем более, не стремление к чистоте марксистско-ленинских идей и забота о благе народа. Собственно, прагматизм и цинизм Берии – важнейшая причина его поражения в борьбе за власть. «Лубянский маршал» приступил к расчистке сталинских «завалов», прежде всего, ради строительства фундамента новой, собственной власти. Его самые заметные инициативы по слову репрессивной системы диктовались конкретными задачами борьбы за власть. Первой, кого освободил Берия уже 9 марта, в день похорон Сталина, была П. С. Жемчужина – жена самого видного члена Политбюро ЦК КПСС В.М. Молотова. Через несколько дней был освобожден главный телохранитель покойного вождя – С.Ф. Кузьмичев, который был восстановлен в старой должности начальника Управления охраны. Вслед за Кузьмичевым с тюремных нар в кабинеты на Лубянке пересаживаются десятки бериевцев, на которых он мог рассчитывать во всем. 15 марта на различные посты были назначены люди, близкие Берию и Маленкову (Круглов, Кобулов, Серов, Масленников). Чекисты же не бериевского круга (Рухадзе и др.) оставались в тюрьме⁴³. Берия меньше всего был связан идеологическими догмами марксизма-ленинизма, но в тех исторических условиях это скорее являлось недостатком. Его предложение вывести все государственные органы из-под контроля партии не могло быть реализовано без глубокой политической реформы и свидетельствует, скорее, о недостаточном понимании им реального механизма власти в СССР. Сегодня вполне очевидно, что советские органы не были жизнеспособны без партийной вертикали. Многие годы партия более или менее успешно противостояла экспансии ведомств⁴⁴. На волне осуждения в годы революционных перемен КПСС как стержня тоталитарного режима также забылось, что именно в партии в послевоенные годы еще сохранялись некоторые элементы демократизма, давно изгнанные из других властных структур.

⁴² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания. В 4-х книгах. М., 1999. Кн. 4. С. 60.

⁴³ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 106.

⁴⁴ Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004. С. 72-73.

Проигрыш Маленкова в борьбе за власть, кроме сугубо личностных моментов, связан, главным образом, с традиционной слабостью исполнительных органов (правительства) в системе органов административного управления. Отказавшись от своих постов в партаппарате и заодно от жесткой ориентации на московскую бюрократию, Маленков лишился их возможной поддержки и важнейшего источника информации. Возглавив в канун смерти Сталина борьбу с бюрократизмом, с избыточностью центрального аппарата министерств и ведомств, он также не мог рассчитывать на лояльность достаточно многочисленного и влиятельного слоя чиновников.

Широко известные предложения Маленкова «всемерно форсировать развитие легкой промышленности, добиваться выравнивания темпов экономического роста двух основных отраслей индустрии – производства средств производства и производства предметов потребления» не нашли понимания у набравших силу в условиях холодной войны «оборонщиков» из военно-промышленного комплекса. Впоследствии именно ВПК во главе с Д.Ф. Устиновым сыграет решающую роль и в свержении Хрущева.

Победа Н.С. Хрущева над заведомо более сильными соперниками в схватке за власть не случайна. Он в силу своих личных (человеческих) качеств и особенностей биографии и карьеры смог лучше своих конкурентов уловить послевоенные ожидания, как в целом всего общества, так и слоя бюрократии, на который он опирался. Именно он оказался способен на диалог с народом. Н.К. Байбаков, рисуя в своих воспоминаниях не самый привлекательный образ Хрущева, тем не менее, обращает внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство. После «железного» Феликса и других железных наркомов, после вождя с «металлической» фамилией, пользовавшихся жесткими средствами, страна хотела бы иметь во власти обычного человека. «...Видимо, в нас, – отмечал Байбаков, – в нашей социальной психологии жило скрытое желание человеческой простоты, распахнутости и новизны»⁴⁵. Имея ввиду приверженность Хрущева к защите простого человека, Сталин называл его «народником»⁴⁶. Можно, думается, утверждать, что, по существу, Хрущев – выходец из социальных низов, вознесенных революцией для исторического

⁴⁵ Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998. С. 109.

⁴⁶ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 10-11.

действия, олицетворял собой «иммунные силы» советской системы. Для Хрущева и подобных ему выдвиженцев высокие властные посты – это реальная возможность претворить в жизнь извечную мечту человека о земном рае⁴⁷, раскрыть до конца сущностные силы советского строя, в преимущества которого перед капиталистическим он безоговорочно верил. Хрущев был убежден, что «в условиях социалистического хозяйствования действуют иные (чем при капитализме) законы». «... У нас каждый, – подчеркивал он на совещании в 1955 г., – трудится в интересах всех, а все в интересах каждого. В соревновании с Америкой, товарищи, нет сомнения, что победа будет за нами, потому, что наше хозяйство построено на основе учения, созданного Марксом и Лениным, развивается без буржуев, без помещиков, без эксплуатации человека человеком. *Хозяйство самое разумное, самое рациональное, самое правильное*»⁴⁸. Не случайно главный личный интерес он связывал с задачей волевого, силового переустройства мира на коммунистический лад. Опираясь на полученные в юности и Промышленной академии обрывки знаний, Хрущев полагал, что самое главное и основное давно сделано, в основе системы прочно лежит марксизм-ленинизм, остались пустяки: «не мудрить, а лучше работать»⁴⁹. «Весь вопрос в том, чтобы ускорить получение конечных результатов. А это зависит от нас», – убеждал он⁵⁰. И эта фанатичная, иррациональная вера в то, что социализм суть общество социальной справедливости, являвшаяся на протяжении 50-х – 60-х гг. основой социального консенсуса власти и общества в советской системе, несомненно, – важнейшее условие возвышения Хрущева, его права на власть.

Подобные массовые настроения предопределили и победу в борьбе за власть, и вектор всех последующих преобразований Хрущева, глубину его реформ, включая и нововведения в политической сфере. По этой причине в те годы не был возможен не только выход из социализма, но и серьезные заимствования форм западной демократии. Социалистические настроения большей части советских людей априори обрекали на забвение все поступавшие в ЦК

⁴⁷ Там же. С. 71.

⁴⁸ Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 2. С. 101.

⁴⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть... Кн. 4. С. 533.

⁵⁰ Там же.

КПСС предложения «пересмотреть учение Маркса»⁵¹, децентрализовать процесс принятия решений и др., а также делали маргинальными антикоммунистические диссидентские течения.

Хрущев не был и не мог быть первым в либерализации политического режима. Правы авторы, утверждающие, что «Хрущев не был демиургом этого процесса, а скорее сам был захвачен массовым, хотя и подспудным стремлением вырваться из призрачного неисторического мира в мир реальный»⁵². Хрущев многие годы работал на Украине, вдали от «большой» политики. После войны он не входил даже в первую «пятерку» членов Политбюро. Все важнейшие стратегические вопросы Сталин решал без его участия. По этим и иным причинам Хрущев не располагал внятной программой перестройки политической системы. Но, в отличие от Маленкова и Берии, у него был несомненный ресурс в виде непосредственного опыта управления украинской партийной организацией (в 1947 г. он стал первым секретарем ЦК КП(б)У) и знания настроений населения и номенклатуры на местах. Как свидетельствовал в беседах с Ф. Чуевым консервативно настроенный Молотов, Хрущев «отразил (потребительские) настроения подавляющего большинства...»⁵³. Не случайно он первым в сталинском руководстве открыто признал, что деревня очень плохо живет в материальном смысле, что колхозники тоже люди и хотят хорошо жить. Очевидно, Хрущев после смерти Сталина и даже в конце своей карьеры был далек от понимания того, что модель ранней социалистической индустриализации, осуществлявшейся в СССР за счет ресурсов аграрного сектора, подошла к пределу возможностей. Однако он не мог не видеть, что обратной стороной успехов в послевоенном восстановлении и создании ракетно-ядерного щита страны был низкий уровень жизни, неразвитые потребности и сверхвысокая норма эксплуатации. Особенно низким был жизненный уровень колхозного крестьянства. На рубеже 1950-х гг. Сталин, как свидетельствуют недавно рассекреченные документы, был серьезно озабочен поиском средств для решения атомной проблемы, для создания совершенно новых отраслей военной промышленности. По этой причине были

⁵¹ Зубкова Е.Ю. Указ соч. С.211-212.

⁵² Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва.1992. С.195.

⁵³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991. С. 325, 363, 367, 387.

заморожены все проекты структурных изменений в советской экономике и демократизации советского общества⁵⁴. Большие трудности с выполнением заданий четвертой пятилетки заставили советское руководство при разработке Директив пятого пятилетнего плана дважды уменьшать сумму капитальных вложений в экономику⁵⁵. Из-за хронического дефицита средств были заморожены, капиталовложения во всех отраслях, не носивших в понимании Сталина стратегического характера, включая строительство заводов электронно-вычислительной техники и военных аэродромов. В условиях нараставшей гонки вооружений Сталин предпочел ничего не менять в колхозной системе, не трогать личного подсобного хозяйства крестьян, о чем он вполне определенно сказал в своей беседе с группой видных советских экономистов в феврале 1952 г.: «Надо приучить колхозы, чтобы они больше думали об общественном деле. Сейчас колхоз ничего, кроме своего хозяйства, знать не хочет»⁵⁶. Хрущев, в целом разделяя и поддерживая цели сталинской аграрной политики, тем не менее, выступал против ее крайностей, так как лучше Сталина знал реальное положение деревни. Он был против очередного большого нажима на деревню как постоянного источника средств для народного хозяйства. Принципиально не возражая против закона о «первой заповеди – колхозника», Хрущев в своей известной статье «О строительстве и благоустройстве в колхозах», опубликованной 4 марта 1951 г. в «Правде», первым решительно выступил против двойной занятости крестьян. Он прямо говорил о том, что более добросовестные передовые колхозники, не желавшие в ущерб общественному хозяйству отвлечься на работу в своем личном хозяйстве, не могли построить себе даже дом. «Теперь у колхозника другие требования, он хочет хорошо устроить свой быт, и одна комната его уже не может удовлетворить. Надо подумать о том, чтобы у колхозников были 2-3-4 комнаты...»⁵⁷ Вопреки широко распространенному мнению, именно этот акцент, а не строительство пресловутых агрогородов, – главный в хрущевской статье. Ее критический, разоблачительный пафос был заме-

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 122. Л. 42-46.

⁵⁵ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 96. Л. 14-16.

⁵⁶ Там же. Ф. 83. Оп. 1. Д. 8. Л. 113.

⁵⁷ «Правда». 4 марта 1951 г. С.2-3.

чен Сталиным и вызвал его гнев. Однако наказания Хрущева не последовало, ибо могло придать его письму большую значимость и вызвать в обществе нежелательный резонанс. Сталин ограничился закрытым письмом, предназначенным для партактива. Маленков, готовя его по просьбе вождя, постарался максимально сгустить краски, представить с согласия Сталина Хрущева ярким противником личного подсобного хозяйства, ущемляющим кровные интересы крестьян. Анализ всего процесса подготовки Маленковым закрытого письма, призванного дезавуировать очевидные констатации Хрущева, показывает, что Сталина и его ближайшее окружение волновала отнюдь не судьба личного хозяйства колхозников, а то обстоятельство, что Хрущев в письме будировал «потребительские настроения», а точнее, прямо говорил о необходимости подъема жизненного уровня деревни. На все это требовалось громадные средства, тогда как задачей власти на тот момент была необходимость получить деньги из деревни⁵⁸.

Сделав в первой половине 1950-х гг. акцент на решение хозяйственных проблем, повышение жизненного уровня, жилищное строительство, Хрущев смог на время стабилизировать политический режим, не меняя в нем практически ничего. Инициативы Хрущева тех лет не касаются вопросов политического устройства. Одна из причин вялости демократизации властных структур – избранная первым секретарем ЦК КПСС авторитарная модель модернизации, в которой демократические институты власти, политический плюрализм и политическая конкуренция сознательно подавлялись, а ставка делалась на бюрократический аппарат, приказы, дисциплину, иерархию. Занятый хозяйственными реформами, Хрущев действовал, главным образом, мобилизационными методами. Но его интуитивная опора на традиционалистские (в советском понимании) слои населения и формы организации жизни способствовала временному сплочению общества и переводу процессов либерализации сталинского режима из революционной формы, чреватой возможным социальным взрывом по «югославскому сценарию», в эволюционную. Стремление первого секретаря ЦК КПСС убрать «перекосы», доставшиеся в наследство от тирана, находило поддержку у значительной части населения, откликнувшегося на переме-

⁵⁸ РГАСПИ. Ф.83. Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 14, 15.

ны ростом энтузиазма граждан. Об этом убедительно свидетельствовали экономические итоги первого пятилетия реформ⁵⁹.

После того, как осенью 1955 г. в Президиуме ЦК КПСС сосредоточился значительный материал о политических репрессиях и ответственности Сталина за совершенные преступления в отношении коммунистов и партийных руководителей во второй половине 30-х гг., Хрущев был вынужден обратить внимание на эти проблемы. Будучи непосредственно причастен к политическим репрессиям на Украине и в Москве, он был достаточно осведомлен о механизме их фабрикации, тем не менее, выявление полной фальсификации ряда политических процессов произвели на него, по свидетельству ближайшего окружения, крайне тяжелое впечатление. Однако разоблачая на XX съезде КПСС культ личности Сталина, он не был готов последовательно идти по пути десталинизации. Освобождения от сталинского наследия не могло быть без обновления всех сфер советского общества – от экономики до межнациональных отношений, без последовательной замены всех несущих конструкций сталинского социализма. Но такая замена была невозможна без его тщательной «инвентаризации», без всестороннего познания сталинского наследия, которые не случились вплоть до краха советской системы. Поэтому вновь, как и в 1953 г., тема культа личности в решающей мере оказалась инструментом борьбы за власть. Идеиная платформа Хрущева мало отличалась от сталинской, да и могла сильно отличаться по объективным причинам. Хрущев много раз на протяжении своей политической карьеры, а затем в мемуарах обращался к сталинскому «наследству». Его оценки по разным причинам неоднократно менялись. В первые месяцы после кончины советского лидера, как впоследствии отмечал сам Хрущев, мы «никак еще не могли освободиться от идеи, что Сталин – друг каждого, отец народа, гений и все прочее»⁶⁰. В своих публичных выступлениях он ни разу не усомнился в правильности партийного курса, неоднократно использовал формулу: «А что же, мы напрасно

⁵⁹ Согласно официальной статистике, рост промышленного производства составлял в год 8-10%. Почти вдвое увеличились объемы закупаемой государством сельскохозяйственной продукции. Об улучшении жизни свидетельствовал также прирост населения и увеличение продолжительности жизни // Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С.95,121, 205-206.

⁶⁰ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть... Кн. 2. С.137.

трудились со Сталиным?» И, выступая 13 мая 1957 г. на совещании писателей в ЦК КПСС, отвечал: «Не напрасно... То большое дело, которое сделано Сталиным, мы не осуждаем. Все мы работали, не считаясь не только с силами, но и с жизнью своей»⁶¹. По существу, со Сталиным Хрущев расходился лишь по причинам нравственного порядка. На упомянутом совещании с писателями он вполне определенно высказался об этом: «Мы Сталина осудили за то, что он по своим стрелял»⁶². Через пять лет, выступая на товарищеском ужине в болгарском Евксинограде, Хрущев вновь акцентировал нравственный аспект: «Сталин – это смешение великого с гнусным. Он марксист, он ленинец и он был убийцей, он был способен на самые большие гнусности, и он эти гнусности делал»⁶³. Однако сам Хрущев – далеко не либерал. И об этом он много раз говорил на протяжении своей карьеры: «Мы никогда не стояли за такую демократию, которая без руля и без ветрил, у нас достаточно ума и сил для пресечения этого»⁶⁴. Вместе с тем, готовый «арестовывать, судить, высылать и сажать в тюрьму уголовных преступников», Хрущев выступал за то, «чтобы следствие и суд проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому можно было убедиться, что данные люди виновны»⁶⁵.

Не располагая собственными концепциями развития советского общества, не проведя детального анализа сталинского наследия, Хрущев не был способен на последовательную критику политики и идей Сталина. Он до конца своих дней считал, что «при всей субъективной направленности действий Сталина, его роль была положительной в том смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к истории, был человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в его силах, для победы дела рабочего, трудового народа...»⁶⁶. Эти соображения заставляли Хрущева и других членов высшего руководства делать акцент на личностных качествах вождя, его «неуемной жажде

⁶¹ Выступление Н.С.Хрущева на совещании писателей, 13 мая 1957 г. // Источник. 2003. С. 79.

⁶² Там же.

⁶³ Речь Н.С.Хрущева на товарищеском ужине в Евксинограде (Варна) 16 мая 1962 г. // Источник. 2003. № 6. С. 132.

⁶⁴ Выступление Н.С.Хрущева на совещании писателей... С. 79.

⁶⁵ Н.С.Хрущев. Время. Люди. Власть... Кн. 2. С. 19.

⁶⁶ Там же. С.137.

власти». Показательно, что по мере обретения нового управленческого опыта, расширения кругозора в силу зарубежных поездок. оценки «отца народов» Хрущевым становились все более сдержанными и критичными.

В современной историографии нет однозначного ответа на вопрос, почему Хрущев стал свертывать процесс десталинизации. Наиболее взвешенной представляется позиция Р.Г. Пихои: «Сказав правду о конкретных преступлениях Сталина, он испугался последствий своего исторического деяния, ибо в обществе началась дискуссия о характере самой системы. Помнил и свою личную вину в репрессиях. Кроме того, он видел мощную оппозицию внутри правящей элиты, включая таких сталинских “зубров”, как Молотов, Каганович, Маленков»⁶⁷. Действительно, опасения развития событий в СССР по венгерскому или польскому сценарию заставляли Хрущева маневрировать, постоянно оглядываться на коллег по высшему руководству, жестко реагировать на любые проявления инакомыслия и социального недовольства. Все годы своего правления Хрущев боялся зайти в критике Сталина слишком далеко, справедливо опасаясь, что критика его ошибок и преступлений обернется критикой социалистической системы, и тогда события выйдут из под контроля власти. «Вы знаете, говорил он участникам майского (1958 г.) пленума ЦК КПСС, – как активизировались после XX съезда некоторые антипартийные элементы, пытались выступить против партии...если бы мы дали волю разного рода антисоветским элементам, то потеряли бы руководство в партии»⁶⁸. Анализируя на пленуме развитие событий в Венгрии, Хрущев пришел к выводу, что если бы Ракоши и другие венгерские руководители проявили твердость и волю, максимум трех-пятерых зачинщиков посадили в тюрьму и осудили, то никакой контрреволюции там не было бы»⁶⁹.

При обсуждении письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» власти столкнулись с серьезной критикой. Об этом свидетельствуют отправленные в адрес ЦК КПСС сводки органов госбезопасности.

⁶⁷ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти 1945-1991. М., 1998. С. 124.

⁶⁸ РГАНИ. Ф.2. Оп.1. Д.317. Л.55.

⁶⁹ Там же. Л.56.

«Письмо, – говорил на партсобрании партийной организации отдела главного технолога Ярославского автозавода 25 января 1957 г. коммунист Киселев, – зачитано таким тоном и с такими намеками – или замолчите, или будем сажать. Неужели нас ничему не могла научить Венгрия... Гомулка в Польше установил действительные выборы, а у нас существует механическое голосование...»⁷⁰ В Саратове, согласно тому же источнику, на аналогичном собрании военного судостроительного завода выступавшие говорили о ненужности в СССР органов госбезопасности и профсоюзов»⁷¹.

Осенью 1956 г. и, в особенности с 1957 г., после событий в Польше и Венгрии была вновь запущена машина политических репрессий. В августе 1957 г. последовали арест группы Л. Краснопевцева, затем погром «литераторов-очернителей», травля Б.Л. Пастернака. Однако, опасаясь соединения недовольства рабочих с интеллигентским инакомыслием, власть вынуждена была пойти на существенные уступки рабочим для снижения их потенциальной конфликтности. В конце 1956 г. пленум ЦК принял решение о снижении норм выработки, т.е. фактически об увеличении зарплаты⁷². Политика «кнута и пряника» позволила властям благополучно выйти из первого после смерти Сталина кризиса взаимоотношений с народом.

Главная причина непоследовательности Хрущева в критике ошибок Сталина, на наш взгляд, лежит в другой плоскости. Последовательная критика теории и практики сталинизма, а, следовательно, и радикальные реформы, не были возможны, прежде чем сталинская мобилизационная модель развития исчерпала бы себя.

Именно с этим фактором власть столкнулась в начале 1960-х. Но уже в январе 1959 г. трудности с социальной ориентацией социалистической экономики, заставили руководство страны перевести вектор развития на достижение коммунистических целей, в том числе и коммунистического изобилия, одновременно отодвигая их решение, как минимум, на десяток лет вперед. Не имея возможности широко использовать материальное стимулирование труда, не меняя принципиально самой системы, Хрущев искал новые силь-

⁷⁰ РГАНИ. Ф.89. Оп.6. Д.6. Л. 1-2.

⁷¹ Там же. Л. 4.

⁷² Козлов В.А. Неизвестный СССР... С.272.

ные стимулы к труду, к повышению его производительности. Однако была и иная причина, которая заключалась в убежденности лидера в том, что главное преимущество советской системы состоит в ее социальной справедливости. Как, в свое время, верно подметил О. Лейбович, за освобождение от террора советское общество расплачивалось усилением дифференциации, в том числе и имущественной. Прекращение террора способствовало интеграции политической элиты, тем самым и ее обособлению в социальной структуре общества. Ответом на растущую социальную дифференциацию и становился коммунистический эксперимент.

Спустя два года на XXII съезде КПСС тезис о развернутом строительстве коммунизма был закреплен в новой, третьей по счету программе партии⁷³. В соответствии с основополагающими партийными документами в ближайшие 20 лет должны были отмереть все проявления частной собственности, товарно-денежные отношения в экономической жизни подлежали ликвидации, а социалистические властные институты предполагалось преобразовать в общественное коммунистическое самоуправление. Работа над проектом новой партийной программы, заставила советское руководство впервые задуматься о глубокой реформе политической системы. Хрущев впервые поднял вопрос о возможной реорганизации Президиума ЦК КПСС лишь 14 декабря 1959 г. при обсуждении проекта Программы КПСС: «Видимо, в программе надо бы подумать и насчет демократизации нашего общественного строя. Без этого нельзя... Взять к примеру наше руководство – Президиум. Мы не ограничены ни властью, ни временем⁷⁴». Чтобы сталинский произвол не повторился, Хрущев предложил предусмотреть в Программе и Уставе ряд мер по ротации партийных кадров, «чтобы все время было обновление». «Буржуазные конституции, – констатировал партийный лидер, – пожалуй, более демократично построены, чем наша: больше двух созывов президент не может быть. Если буржуа и капиталисты не боятся, что этим их устои будут подорваны, когда после двух сроков выбранный президент меняется, так почему мы должны бояться, что же,

⁷³ XXII съезд КПСС. 17-31 октября 1961 года: Стенографический отчет .Т. Ш. М., 1962. С. 276.

⁷⁴ Президиум ЦК КПСС .1954– 1964. М.,2003. Т.1 Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 395.

мы не уверены в своей системе или меньше уверены, чем эти буржуа и капиталисты, помещики? Ничего подобного, я не верю в это»⁷⁵.

Провозглашенное советским руководством начало развернутого строительства коммунизма означало, по существу, реставрацию традиционных командно-приказных методов мобилизации общества путем внеэкономического принуждения. По существу, это была последняя попытка Хрущева найти ответ на модернизационный вызов в рамках существующей системы, вновь задействовав мотивационный механизм, основанный на эксплуатации веры и энтузиазма. Тем не менее, вопреки более поздним утверждениям, начинания Хрущева в целом были поддержаны обществом. Анализируя социологический опрос 1960 г., Б.А. Грушин отмечал, что «общий психологический тонус населения страны был, вне всякого сомнения, положительным и весьма высоким»⁷⁶.

Но уже в самом начале 1960-х гг. подготовленные аппаратом ЦК справки прямо констатировали симптомы социально-политического кризиса в СССР. Сообщения об антиправительственных листовках и высказываниях, оскорблениях в адрес лично Хрущева, призывах к бунтам и забастовкам в начале июля 1962 г. приходили отовсюду.

В 1962 г. в некоторых городах страны произошли массовые беспорядки, сопровождавшиеся погромами административных зданий, уничтожением общественного имущества, нападением на представителей власти и другими бесчинствами. Вершиной кризиса стали волнения в Новочеркасске. Там впервые в организации подавления беспорядков приняли непосредственное участие высшие партийные иерархи (члены Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян и Ф.Р. Козлов). В результате этого и ответственность за расстрел легла не на местные власти, военных, КГБ или милицию⁷⁷. Новочеркасская трагедия в полной мере продемонстрировала власти жесткую взаимообусловленность процессов социальных преобразований и колебаний массовых настроений. В марте 1962 г. на пленуме Хрущев отметив, что «возврат назад к старому, к принуждению невозможен и неэффективен»

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М., 2001. С. 138.

⁷⁷ Козлов В.А. Неизвестный СССР...С 333.

вен», что «из продуктов питания у нас нет перебоев только с хлебом», пошел на принятие непопулярного решения. 17 мая 1962 г. Совет министров СССР принял решение повысить закупочные (и сдаточные) цены на крупный рогатый скот, свиней, птицу, масло животное и пр., причем, весьма существенно – по некоторым категориям чуть ли не вдвое. Одновременно были увеличены розничные цены на мясо и мясопродукты на 30% , а на масло животное – на 25% ⁷⁸.

Социально-политический кризис начала 1960-х гг., по своей сути, имел иную природу, чем модернизационный кризис начала 1950-х. Дело не только в том, что, как утверждает В.А. Козлов, «власть попала в заколдованный круг. Экономические проблемы невозможно было разрешить, не вызывая возмущения граждан, не создавая предпосылок для роста оппозиционных настроений, не провоцируя невыгодных для власти сравнений между декларируемыми целями (строительства коммунизма и т.п.) и унылой действительностью»⁷⁹.

К началу 1960-х гг. дали знать о себе как многие негативные последствия проводившейся ранее политики, так и врожденные пороки системы, – прежде всего, ее громоздкость в административном плане, отсутствие внутренних стимулов к росту эффективности и лучшей координации и т.п. Отказавшись от массового применения насилия, Хрущев лишил себя, по существу, единственного эффективного инструмента социально-экономической политики. В доставшейся ему «в наследство» сталинской модели социализма беспрекословное подчинение центру обеспечивалось страхом и еще верой людей в светлое будущее. Но страх все больше исчезал, да и идеалистов-романтиков становилось с каждым годом все меньше. Исчерпание возможностей мобилизации ресурсов традиционного сектора радикально меняло ситуацию в стране. Власть захлестнули проблемы, которые она в принципе не могла решить.

Вопрос о том, куда двигаться стране – к постепенной демократизации или назад к диктатуре, возникал после XX съезда неоднократно. Поиску ответа на вопрос, куда двигаться дальше, посвящены и последние годы пребывания Хрущева у власти. В 1961 г. на протяжении почти четырех месяцев в разъездах по стране он пытался в ручном режиме управлять страной, но перелома в развитии народного хозяйства не добился. Хрущев пришел к выводу, что реформы 1953 г.

⁷⁸ История ценообразования в СССР.1956-1964. Документы и материалы. Т. IV. М.,1978. С.741.

⁷⁹ Козлов В.А. Неизвестный СССР... С.273.

окончательно выдохлись, исчерпали себя, как и целина⁸⁰. Сделанного оказалось недостаточно, чтобы заставить экономику, особенно сельское хозяйство, работать без внеэкономического принуждения. Попытки создать работающую систему, в которой стержнем была бы провозглашенная Хрущевым материальная заинтересованность, иными словами, работа ради личной выгоды, натолкнулись на непреодолимые препятствия доктринального и ментального свойства.

С этого вывода начинается новый, последний этап хрущевского реформирования. Чтобы сохранить власть, у реформатора имелось две возможности: максимально увеличить давление «сверху» или сделать систему саморазвивающейся. Первый вариант был принципиально невозможен в силу нарастающего давления «снизу». Преобразования Хрущева дали гражданам почувствовать вкус свободы, и уже никакие дальнейшие попытки «закручивания гаек» не могли отбить этот вкус. Второй вариант требовал кардинальной перестройки основ советской системы, изменения отношений собственности и т.п., что также не отвечало на тот момент массовым настроениям и интересам правящей элиты. Новочеркасская трагедия продемонстрировала, что люди потеряли доверие к власти и больше ни какие жертвы ради «светлого будущего» не пойдут. Даже крайне умеренным эволюционным реформам Хрущева противостояли реальные силы – аппарат управления и заостреннее экономическое мышление. Для выхода из социализма требовалось не только время. Прежде всего, необходимо было освободиться от стереотипов и идеологических догм целой исторической эпохи, найти необходимую форму и определить содержание процесса трансформации в экономической и социальных сферах.

Потеряв значительную часть поддержки общества, Хрущев продолжил поиски направлений совершенствования системы методом проб и ошибок. И на закате своей карьеры он мыслил социалистическими категориями, понимал сталинизм исключительно как «неправильную» систему власти, а десталинизацию как осуждение сталинского террора и реабилитацию его жертв. Он не был готов начать демонтаж социализма. Как отмечал М. Гефтер, «Хрущев провозгласил “общенародное государство”, но сам не успел дорасти даже до дарованного сверху демократизма»⁸¹.

⁸⁰ Хрущев С.Н. Указ. соч. С. 778.

⁸¹ Гефтер М. Десталинизация. // 50/ 50 .Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 398.

Определенный поворот в мировоззрении Хрущева, который некоторыми исследователями трактуется, как поворот от реформ к трансформации, начинается на рубеже 1960-х гг.⁸² С этим тезисом нельзя безоговорочно согласиться, однако несколько инициатив советского лидера в потенциале могли иметь далеко идущие последствия для судеб советской системы. Чтобы заставить устойчиво функционировать разбалансированную непрерывными реорганизациями экономику страны, Хрущев осенью 1962 г. продолжил курс на «профессионализацию управления экономикой». Чтобы партийная власть руководила хозяйством со знанием предмета, Хрущев предложил разделить партийные организации по производственному принципу, создав два обкома КПСС: сельский и промышленный⁸³. На ноябрьском пленуме ЦК 1962 г. секретари обкомов, а именно они доминировали в ЦК, проголосовали «за», но для Хрущева эта победа оказалась «пирровой». Обкомы и райкомы не собирались сдавать позиции. Благодаря созданию совнархозов в середине 1950-х гг., реальная власть, и не только на местах, оказалась сосредоточенной в руках партийных функционеров. Весь штат сталинского контроля – от начальников территориальных управлений госбезопасности, МВД, прокуратуры – до областных статистических управлений был отдан практически в руки территориальных парторганов. Территориальным парторганизациям подчинялись также и органы народного контроля. В итоге верховная власть получала лишь ту информацию, которая устраивала партийные органы. В итоге Хрущев утратил обратную связь со своей главной опорой – бюрократическим аппаратом и не знал, что реально происходит в стране. Разделение парторганов на промышленные и сельские, должно было восстановить эти связи, заставив обе структуры конкурировать между собой. Разделение парторганов создавало ситуацию «двух хозяев», которая, по мнению г.Х. Попова, при определенных условиях могла привести или «к утрате полной бесконтрольности начальства, или ...к двухпартийной системе»⁸⁴. Фактически же решение разделить территориальные парторганизации на промышленные и сельские стало для номенклатуры последней каплей в чаше терпения. Серьезные противоречия между

⁸² Хрущев С.Н. Указ соч. С.704.

⁸³ Пленум ЦК КПСС . 19-22 ноября 1962 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 77.

⁸⁴ Попов г.Х. Реформирование нерепформируемого... С. 126.

первым секретарем ЦК КПСС и стремившейся к стабильности партийной бюрократией обозначились еще весной 1962 г. Партийную номенклатуру всерьез обеспокоила передача полномочий сельских партийных органов, руководивших, по словам Хрущева, «всем вообще», в руки профессиональных управленцев из межрайонных производственных колхозно-совхозных управлений. А еще раньше совнархозы стали оттеснять обкомы от управления промышленностью. Из категории «вождей» они переходили в категорию «помощников». Смириться с этим секретари райкомов и обкомов не могли.

Вынужденная отставка Хрущева помешала реализации еще одной его далеко идущей инициативе. Летом 1964 г. в беседе с А.И. Микояном он предложил превратить Верховный Совет СССР в действующий парламент, наделив его соответствующими полномочиями. «Почему же наш парламент, – говорил Хрущев своему коллеге, – только штампует решения ЦК и правительства? Министры чихать хотели на наш парламент, а в Англии они отчитываются перед парламентом, отвечают на их запросы и т.д. Почему нам тоже не сделать так, чтобы Верховный Совет вызывал [министров] для отчета, пропесочивал бы их. Более того, он может и вносить предложения в правительство об изменении каких-то решений». «Чтобы осуществить это нелегкое дело, – продолжал Хрущев, – надо много энергии и труда вложить, сломить сопротивление аппарата...»⁸⁵ В реальности итог оказался иной...

Главный итог хрущевского десятилетия состоит, на наш взгляд, в том, что власть, идя навстречу ожиданиям масс, разрушила систему сталинского принуждения, но так и не нашла инструментов, адекватно замещающих террор в управлении социалистической экономикой. Хрущевский период «бури и натиска», достаточно успешный по итогам социально-экономического развития, показал, что модель «либерального коммунизма», в целом, безусловно, более гуманная и комфортная для простых тружеников, столь же тупиковая и бесперспективна как «тоталитарная» сталинская модель.

⁸⁵ Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., Вагриус. 1999. С. 617.

А.Т. Твардовская

«НОВЫЙ МИР» А.ТВАРДОВСКОГО В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СССР 1950-х ГОДОВ

Александр Трифонович Твардовский был главным редактором журнала «Новый мир» в 1950-1954 и 1958-1970 годах.

В литературе «первый заход» Твардовского в «Новый мир» оказался посвоему заслоненным историей его журнала в 60-х гг. – более длительной и яркой. «Новый мир» в 1950-1954 гг. остается явно недооцененным, и порой необоснованно противопоставляется в литературе журналу Твардовского последующих лет. Сам он, собиравшийся писать книгу воспоминаний «16 лет в “Новом мире”», считал эти два периода своей редакторской деятельности единым целым, полагая, что без первого не состоялся бы и второй.

Роль «Нового мира» в общественной жизни первой половины 50-х гг. пока мало изучена. А между тем журнал А. Твардовского – важный источник постижения этого переломного времени. Новомирские публикации, отклики на них в печати и в партийных «верхах» способны многое прояснить и в настроениях интеллигенции и в позиции власти на рубеже эпох – сталинской и хрущевской.

Главным редактором «Нового мира» Твардовский был назначен в феврале 1950 г. Мартовский номер журнала уже вышел за его подписью. В ту пору, при жизни И.В. Сталина, подобное назначение в центральный «литературный и общественно-политический журнал», каким значился «Новый мир», не могло обойтись без участия вождя. М. Аскольдова-Лунд, одна из первых обратившаяся к исследованию журнала Твардовского 50-х гг., связывает это назначение с выступлением поэта на юбилее вождя в декабре 1949 г в Большом театре. Твардовскому было поручено зачитать от писателей стихотворное «Слово к товарищу Сталину» – плод коллективного труда. «Сталин слушал Твардовского с большим вниманием. Первым зааплодировал... Сталин внимательно рассматривал автора “Теркина”»: вот он каков. Истинно русский, народный поэт!.. Они никогда прежде не встречались, и больше друг друга не увидят... Смотрины прошли удачно. Спустя два месяца Твардовский стал редактором “Нового мира”»¹.

Вряд ли все же решающую роль в таком назначении сыграло выступление поэта на юбилее вождя. Знакомство Сталина с ним, хотя и заочное, было более основательным: Твардовский – орденосец и трижды лауреат Сталинских премий. Учрежденные вождем премии его имени не присуждались без его прямого участия. Сталин должен был быть знаком с поэзией Твардовского и располагать хотя бы самыми общими сведениями о нем. Вождю, разумеется, было известно, что поэт – сын раскулаченного и семья его сослана. Поэма «Страна Муравия» отразившая смутнение и тревогу крестьянской души перед коллективизацией и одновременно надежды на лучшую жизнь, ему понравилась. Не смутили вождя и вопросы, которые тогда никто не осмеливался поставить перед ним: «Товарищ Сталин, дай ответ, // Чтоб люди зря не спорили, // Конец предвидится, ай нет // Всей этой суетории. // И жизнь на слом, и все на слом // Под корень, подчистую. // А что к хорошему идем, // Так я не протестую...». В 1939 г. Твардовский получил орден Ленина. Награда прервала травлю его смоленскими критиками как «кулацкого подголоска».

В списке кандидатов на Сталинскую премию автора «Теркина» было. Его, по свидетельству А. Фадеева, вставил туда Сталин. Поэма «Дом у дороги» признавалась критикой слишком мрачной – в ней им не хватало пафоса победы. Сталинская премия 2-й степени спасла ее судьбу, хотя переиздавалась она редко. А в 1947 г. последовал разгром «Родины и чужбины» – прозы Твардовского военных и послевоенных лет. Громили за «абстрактный гуманизм», «провинциальный патриотизм», отсутствие классового подхода и т.д. Но и громившие книгу за несоответствие ее требованиям, предъявляемых партией к советской литературе, признавали талант и искренность автора. Сталин в талантливых поэтах нуждался. На пути к «огосударствлению» Твардовского применялся привычный вождю метод «кнута и пряника». На XIX съезде ВКП(б) поэт был избран в состав Центральной Ревизионной Комиссии. Разумеется, в списки высших партийных органов никто не попадал без санкции вождя.

Требовалась такая санкция и для назначения на пост руководителя литературного журнала. «Новый мир», издававшийся с 1925 г., при редакторе В. Полонском считался весьма авторитетным изданием в 20-30-е гг. В нем печатались, И. Бабель, М. Горький, А. Веселый, С. Есенин, Л. Леонов, В. Маяковский, Б. Пастернак, М. Пришвин, А. Толстой, М. Шолохов К концу 30-х гг. авторский

состав оскудел, журнал стал терять читателей, оказавшись позади «Знамени», «Красной нови», «Октября». В послевоенные годы встал вопрос о его жизнеспособности, но ведущим он не сделался и под редакцией К. Симонова.

Инициатива назначения Твардовского новым редактором принадлежала генеральному секретарю Союза писателей СССР (СП) А. Фадееву. Как рассказывает К. Симонов, «Фадееву, который очень любил Твардовского как поэта, ценил его строгость, самостоятельность суждений, внутренне даже сверялся с ними, давно хотелось втянуть Твардовского в какую-то большую общественно-литературную работу». В начале 1950 г., когда решался вопрос о переходе Симонова редактором в «Литературную газету», ему было жалко оставлять «Новый мир» и он не знал на кого его оставить. «Не знаю, чем бы все кончилось, – вспоминает он, – если бы не Твардовский, который вдруг, в присутствии Фадеева, посоветовал мне все-таки пойти на газету. Сказав, что мне по силам переменить ее к лучшему, он, словно угадав причину моих колебаний, добавил, что если я пойду на “Литературную газету”, он готов попробовать свои силы в “Новом мире”...Я согласился пойти в “Литературную газету”, а Твардовский через месяц стал редактором “Нового мира”»². Сталин его кандидатуру одобрил.

В литературе распространилось мнение, высказанное как ни парадоксально и некоторыми новомирцами, что в этот «первый заход» Твардовский по-настоящему журналом не занимался, относясь к нему с безразличием. Так, В.А. Каверин считал, что Твардовский находился «в той полосе, когда жизнь журнала для него не цель событий, а календарная обязанность, которой он не придает серьезного значения». Вывод этот был сделан после снисходительно-насмешливой оценки редактором успеха каверинского романа «Доктор Власенкова»: «Почти «Джейн Эйр»!». «Я понял тогда, что Твардовский равнодушен к журналу», – объясняет Каверин³. Но именно «равнодушный» редактор напечатал вторую часть романа («Новый мир», 1952, №№ 2-4) после того, как первая подверглась в печати сокрушительной критике, и ни один журнал, по свидетельству автора, не хотел с ним иметь дела. И только Твардовский, расхоронившийся с Кавериным в литературных вкусах пригласил его к сотрудничеству.

В.Я. Лакшин рассказывает, что Твардовский «почти безотчетно» принял неожиданное для него назначение в «Новый мир». «О периоде работы в «Новом мире» 1950-1954 годов он говорил как о чем-то «доисторическом», полу-

бессознательном»». Подобные оценки, сделанные как бы со слов Твардовского, кажутся весьма странными на фоне перечисленных мемуаристом (далеко не всех) самых значительных публикаций журнала тех лет. Да и сам Лакшин в записях 50-х гг. говорит о том, как он и его друзья любили этот журнал, как тревожились за его судьбу. Он напечатал здесь лишь одну рецензию, но уже был замечен редактором. А его друг Марк Щеглов в журнале Твардовского выдвинулся как выдающийся критик. И по признанию самого Лакшина, он тогда, в 50-е гг., «гордился, что пусть чем-то, да связан с этим славным, честным и атакуемым изданием»⁴.

Думается, более точно понял состояние Твардовского К. Симонов, который вместе с Фадеевым в январе-феврале 1950 г. вел с ним переговоры о «Новом мире»: «Очевидно, именно тогда в жизни Твардовского пришел час, когда ему захотелось самому, на практике, в общественно – литературном деле применить те нравственные и эстетические критерии, которые у него сложились. И толстый журнал был, конечно, хотя и не легким, но благодарным полем для такой деятельности»⁵.

Работать в таком журнале поэту давно хотелось. Еще во время войны, в 1944 г., с ним вели переговоры об его участии в будущих редакциях «Знамени» и «Нового мира». Он «поверил в “новую эру” журналов, простодушно высказался о механическом подборе редколлегии, о возможности иного подхода к делу». Однако соображения поэта, каким должен быть «толстый» литературный журнал, явно не пришлись «ко двору», и переговоры иссякли⁶.

Есть мнение, прозвучавшее в воспоминаниях В.Я. Лакшина и заявленное в серьезном исследовании Т.А. Снигиревой, что Твардовский пришел на пост главного редактора «Нового мира» «не имея редакторского опыта»⁷. Это убедительно опровергается М. Аскольдовой – Лунд. Она напоминает, что поэт был членом редколлегии «Красной нови» и «Литературной газеты», консультировал коллег⁸. Соглашаясь, что эта «многоступенчатая, профессиональная обкатка» была вполне достаточной для того, чтобы руководить журналом, стоит добавить неназванные ступени. В Смоленске с 1930 г. поэт работал литконсультантом при местной писательской организации, а в 1934-1935 гг. – ответственным секретарем журнала «Западная область». Редактор журнала А.Н. Локтев был тяжело болен, и на молодого Твардовского падала большая нагрузка по поиску материалов и их подготовке к печати. Будучи корреспондентом

фронтальной газеты «Красноармейская правда», поэт являлся и ее литературным консультантом. Из потока стихов и заметок, посылаемых фронтовиками в редакцию, он отбирал пригодные для публикации, выступая в роли редактора. Кроме названной М. Аскольдовой-Лунд повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», Твардовский редактировал книги С. Маршака, М. Исаковского, А. Кулешова, «Антологию белорусской поэзии», книгу классика чувашской литературы К.В. Иванова «Нарспи» и ряд других самых разных изданий.

Можно утверждать, что свое согласие занять пост главного редактора «Нового мира» Твардовский принял вполне сознательно, как соответствующее его стремлению и опыту.

Он начал работать с редколлекцией, унаследованной от Симонова. В нее входили М.С. Бубеннов, В.П. Катаев, С.С. Смирнов, А.К. Тарасенков М.А. Шолохов и К.А. Федин. Шолохов в делах журнала никакого участия не принимал и не появлялся в редакции, даже будучи в Москве. Федин, не чаще чем раз в году, мог дать отзыв на принятую к печати рукопись. Катаев и Бубеннов, враждовавшие друг с другом, каждый по-своему мешали работе. Лишь в конце 1953 г. удалось ввести в редколлекцию новых членов – прозаика С.П. Антонова, публициста С.Б. Сутоцкого и литературоведа А.Г. Дементьева, а также избавиться от Бубеннова и Шолохова. После ухода тяжело больного Тарасенкова, заместителем Твардовского стал А. Дементьев. Работать в новом составе редколлекции оставалось меньше года. Почти четыре первые года вся работа по журналу велась редактором и его заместителями – Смирновым и Тарасенковым. Этими малыми силами журнал выпускался при активной помощи работников редакции – Б.Г. Закса, И.А. Саца, А.И. Кондратовича и других.

Новый редактор принял журнал в трудное для литературы время. В эти последние сталинские годы партийное руководство литературой было особенно жестким. Еще не завершилась кампания борьбы с космополитизмом, в силе оставалось постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946 г.), являвшееся руководством для критиков.

Ко времени «первого захода» в «Новый мир» у сорокалетнего Твардовского была своя уже сложившаяся идейно-эстетическая позиция. Она серьезно расходилась с методом «социалистического реализма», который, согласно Уставу Союза советских писателей был обязателен для литератора. Следуя этому «новому творческому методу», действительность надо было

изображать «в свете социалистического идеала»: не такой, какой она есть, а какой должна быть.

Коммунист Твардовский был приверженцем традиций русской классики. Он признавал ненужным, лишним определение «социалистический» к таким понятиям как реализм или гуманизм. Поэт верил в социализм как самое справедливое устройство общества, но не воспринимал существующий строй как социалистический. Он ценил в литературе, прежде всего, правду о жизни. Партийность позиции видел в том, чтобы говорить эту правду, «как бы ни была горька». Его редакторское кредо: «Все, что талантливо и правдиво – нам на пользу».

Твардовский задумал собрать в своем журнале писателей талантливых, идейных, честных и совестливых. Под идейностью он понимал «искреннюю и глубокую заинтересованность в большой теме нашей современности». Сам Твардовский всегда писал о главном в жизни народа, будь то «революция сверху», война или послевоенные трудности и достижения. В его представлении «идейный человек – это горячо любящий человек, все существо которого проникнуто верой, убеждением»⁹. Идейность и художественность – для Твардовского неразрывные принципы творчества: «порочность и ущербность идейно-содержательной стороны произведения всегда с неизбежностью вызовут его художественную неполноценность, но и форма, как и неотрывная сторона содержания, никогда не нейтральна и часто влияет на идейный смысл произведения»¹⁰.

Твардовский и мечтал печатать такую литературу – идейную, правдивую и талантливую, хотя, конечно же, предвидел трудности на этом пути. Планирование в области искусства для него «это, конечно, не составление планов с параграфами и пунктами, а каждодневная, страстная заинтересованность, взискательная мысль об искусстве, что искусство дает сегодня»¹.

Вместе с редколлекцией новый редактор унаследовал «портфель» «Нового мира» К. Симонова. В 1950 г. он еще частично использовал это «наследство», но сразу же озаботился поисками авторов для своего журнала. Твардовский привлекал к сотрудничеству и уже известных мастеров (С. Маршак, М. Исаковский, Ф. Гладков, В. Каверин, В. Катаев, В. Инбер, О. Берггольц, К. Паустовский, М. Пришвин, К. Чуковский и др.) и начинающих, многие из которых стали авторами «Нового мира» не только 50-х, но и 60-х гг. (С. Залыгин, В.

Тендряков, г. Троепольский, С. Антонов, Н. Дубов, Н. Носов, К. Ваншенкин и др.). Редактор печатал и тех, с кем расходился в эстетических пристрастиях, если признавал их причастность к настоящей литературе. Но по идейно-художественным разногласиям мог отказать и знаменитостям, имена которых украсили бы его журнал, привлекли внимание читателей. Так, он отклонил предложенные М. Шолоховым главы второй книги «Поднятой целины», пьесу К. Симонова. Отказы эти, честно и убедительно обоснованные в письмах к авторам, не оборвали контакты этих писателей с журналом.

Писавшие о «Новом мире» Твардовского 50-х гг. отмечали в нем две ведущие темы – деревенскую и военную. Стоит особо отметить, что для него они были самым тесным образом связаны. Память о прошедшей войне не оставляла поэта, а послевоенная жизнь усиливала боль и горечь о принесенных жертвах. Новые тяготы и жертвы народа, понятные во время войны, в глазах Твардовского не оправдывались великими стройками во имя будущего. В послевоенные годы поэт переживал затяжной творческий кризис. «Петь привыкший на войне» и понимавший, что после победы «песня новая нужна», он не представлял, каким трудным будет его путь к новым темам. Большинство его стихов на рубеже 1940-1950-х гг. посвящено «жестокой памяти» о войне. Выход из кризиса наметился с приходом в «Новый мир».

* * *

К жизни советской деревни Твардовский относился с особой заинтересованностью, обострившейся в 50-е годы. И не только потому, что вырос в деревне, а с 15 лет работал селькором. Он считал проблемы деревни важнейшими, ключевыми для страны, превращавшейся из сельскохозяйственной в индустриальную. С ценой этого прогресса, осуществлявшегося за счет «раскрестьянивания» и обнищания деревни поэт согласиться не мог.

Жизнь народа Твардовский знал «не понаслышке, не из книжки». Ежегодно ездил на малую родину в Смоленщину, будучи депутатом Верховного Совета РСФСР от Владимирской (1947-1951), а в 1951 г. – Воронежской областей, знал и те места. И во второй свой депутатский срок, как и в первый, выступая перед избирателями в нетопленных сельских клубах, он видел людей

в чиненных тулупах и шинелях без погон, отвечал на их порой трудные вопросы и часто был бессилён помочь в решении их жизненно важных проблем. О многом рассказывали ему и письма читателей, избирателей, земляков. Как депутат, член ЦРК ЦК, редактор журнала он располагал также информацией о положении в стране, для печати не предназначенной.

Наблюдения о бедственном положении деревни рассыпаны по дневниковым записям и письмам, как и соображения, о мерах по подъёму сельского хозяйства. Сельская тематика для редактора «Нового мира» 50-х гг. воспринималась как передний край литературы..

Твардовский сразу же попытался привлечь к своему журналу авторов, озабоченных положением в деревне и судьбами крестьянства. Первым серьёзным выступлением «Нового мира» по деревенской теме были очерки В.В. Овечкина «Районные будни». Твардовский обратился к Овечкину с приглашением сотрудничать, несмотря на то, что их дружеские отношения были прерваны выступлением Валентина Владимировича на обсуждении его прозы «Родина и чужбина». Овечкин тогда объявил, что разочаровался в Твардовском, поскольку тот «больше любит не человека на земле, а землю под человеком». Он критиковал поэму Твардовского «Дом у дороги», потому что в ней «колхозом и не пахнет», «нет ни одного слова о колхозе». В общем хоре обличавших «Родину и чужбину» голос Овечкина звучал для автора особенно резким: из всех выступавших он был дружен именно с ним. В первый послевоенный год они вместе затевали журнал для сельской интеллигенции, который, кроме художественных произведений и публицистики, должен был печатать «большие проблемные очерки о новых процессах из жизни села». Проект журнала кроме Твардовского и Овечкина был подписан М. Шолоховым, А. Фадеевым, М. Исаковским и П. Вершигорой. Но задуманное издание не состоялось: у власти были иные приоритеты. А. Фадеев объяснил, что «сейчас форсируют всевозможные научные, главным образом научно-технические журналы, что связано с проблемами четвертой пятилетки и, конечно, вопросами обороны»¹².

В. Овечкин представил в «Новый мир» очерк, отвергнутый «Правдой», а за ней и рядом центральных журналов и газет. Автор, как потом вспоминал, не надеялся, что Твардовский напечатает «Районные будни»: обратился в его журнал от отчаяния. На полученную рукопись неожиданно быстро пришла телеграмма: «Работа, безусловно, интересная, ценная. Будем печатать». А еще

через пару дней писатель получил замечания от редактора. Они не затрагивали смысла авторских наблюдений и выводов, а касались деталей и стиля, свидетельства, как тщательно был отредактирован Твардовским текст¹³.

На примере одного из районов средней полосы автор показывает методы партийного руководства сельским хозяйством, сводящиеся к жесткому администрированию, без учета опыта и традиции местных земледельцев, при полном равнодушии к нуждам людей. Овечкин делится своими наблюдениями о том, какой ущерб хозяйству наносят спущенные сверху директивы о сроках сева или уборки урожая, не считающиеся с климатическими условиями и погодой. Он рассказывает, как нужная отчетность достигается при помощи уравниловки, когда за счет изъятия «излишков» у богатого колхоза, существуют «на плаву» отстающие. Сами производители не имеют никакого отношения к распределению продуктов своего труда.

Первые новомирские очерки, где бюрократу и карьеристу Борзову противостоял честный и справедливый Мартынов, могли подвести читателю к заключению, что все беды в деревне от неправильного руководства. Но в последующих, печатавшихся в «Правде», очерках, где Мартынов становился первым секретарем, главным хозяином в районе, надежды на хорошего руководителя, как средство спасения, исчезали. Очерки «На переднем крае», призванные показать, как многое может изменить к лучшему умный и душевный партийный руководитель, наоборот, убеждали в ограниченности его возможностей перестроить отношения властей с колхозами.

«Районные будни» получили огромный общественный резонанс. Ни одно произведение «крупных» жанров, по свидетельству редактора «Нового мира», не могло сравниться с ним ни читательской почтой, ни количеством отзывов в печати¹⁴. У истоков линии своего журнала Твардовский видел именно очерки Овечкина. Он определял их как «фактор поворотного значения», о чем не раз говорил в выступлениях в 60-е гг. Впервые в советской литературе было сказано правда о тяжелом положении в деревне, правда неприкрашенная, неурезанная, без обязательных констатаций о том, что «отдельные недостатки» не мешают общему «поступательному движению вперед».

Стоит напомнить, что «Районные будни» появилась в журнале за год до сентябрьского пленума ЦК ВКП(б), признавшего тяжелое положение в сельском хозяйстве и необходимость перемен в методах руководства колхозами.

В. Овечкин сам понимал, что ни секретарь райкома, ни председатель колхоза, будь они хоть «гениальными» дела не исправят, да и «откуда же набраться их – гениев». Сам бывший председателем одной из первых коммун в Приазовье, он продолжал считать, что «идея колхозов» – «самая человечная идея устройства жизни в деревне»¹⁵, продолжал искать новые организационные формы колхозной жизни. Твардовский, смолоду веривший в колхозы столь же горячо, в 50-е годы уже не считал возможным в рамках только колхозного строя вывести сельское хозяйство из отсталости. Противником колхозов он не стал и, так же, как Овечкин и другие авторы-«деревенщики», думал над условиями подъема колхозного хозяйства. Он отводил важную роль принципу материальной заинтересованности, так и не нашедшему применения в колхозах, резко отрицательно воспринимал последовательное наступление на личное, приусадебное хозяйство, считал губительным жесткое администрирование, убивавшее инициативу земледельцев, не опиравшееся на инициативу и опыт земледельцев. Но все эти меры воспринимались им как паллиативные.

По дневниковым записям видно, что главную беду Твардовский уже в 50-е гг. усматривал в отсутствии у крестьянина права на выбор, каким должно быть его хозяйство. Он все более утверждался в мнении, что в деревне, наряду с колхозами, должны быть допущены и другие формы хозяйствования и собственности: кооперативная и (в разумных пределах) частная. Высказать эти взгляды в печати было нельзя. Всякое покушение на монополию колхозного строя расценивалось как кулацкие происки. В 60-е гг. Твардовский уже окончательно определится как сторонник многоукладности, путь к которой – постепенная, но последовательная демократизация существующего строя. Под влиянием редактора и общей обстановки в журнале, Овечкин все более убеждался, что сельским труженикам необходимо предоставление большей инициативы, что следует опираться на их мнение и опыт и что без такой опоры не поднять сельское хозяйство¹⁶.

Очерки Овечкина явились образцом «деловой прозы», которой Твардовский предсказывал большое будущее. В этом жанре, который блестяще представлен в «Новом мире» 60-х гг., в 50-е гг. здесь выступали опытный, очень ценный Твардовским, Иван Зыков, молодой Анатолий Злобин, ездивший от редакции на стройки Сибири, а также, пробовавшие себя как очеркисты, С. Залыгин и В. Тендряков. Раздел «Очерки наших дней» привлекал читателей

постановкой острых проблем, основательностью и конкретностью в их освещении. В советской публицистике черты эти ценились значительно меньше, чем боевой, наступательный дух изложения. Когда философ и искусствовед М.А. Лифшиц раскритиковал М. Шагинян за некомпетентность и дилетантизм при описании предприятий и научно-исследовательских институтов, которые она как журналист посетила, это было воспринято как покушение на ее активную гражданскую позицию¹⁷.

Опубликование очерков Овечкина в «Новом мире» явилось своеобразным призывом к писателям обращаться к значительным и острым проблемам народной жизни, не дожидаясь соответствующих указаний партии. Деревенскую тему продолжили г. Троепольский, В. Тендряков, С. Залыгин, оставшись и в 60-е гг. авторами «Нового мира» Твардовского. Как и Овечкин, все они были знакомы с советской деревней на практике. г.Н. Троепольский был агрономом, затем сельским учителем, В.Ф. Тендряков, бывший фронтовик, сельский учитель, затем секретарь райкома комсомола Вологодской области хорошо знал положение дел на местах. С.П. Залыгин, окончивший Омский сельскохозяйственный институт, участвовал в гидрологических экспедициях.

Г. Троепольского редактор «Нового мира» разглядел среди авторов «самотека», шедшего в редакцию, и пригласил сотрудничать. Гаврила Николаевич писал о колхозной жизни в жанре сатиры, явившись здесь своего рода новатором. Его герои – люди, которым колхозный строй дает возможность жить за счет других, не утруждая себя крестьянским трудом. Это и бюрократ, за отчетностью не видящий людей, и болтун-активист, всегда находящийся при деле, в нем не участвуя, хапуга, неистощимый изобретатель способов хищения колхозного достояния¹⁸. Несмотря на непритязательность сюжета, «Записки агронома» получили многочисленные отклики (в том числе и новомирцев В. Овечкина и С. Залыгина)¹⁹.

По-новому подошел к изображению колхозной жизни и В. Тендряков, в ту пору только вступающий в литературу. В его повести «Падение Ивана Чупрова» внимание обращено на нравственные и психологические коллизии, порождаемые условиями, в которые поставлена деревня. Он художественными средствами показывает, как стремление выполнить план, поставленный во главу угла, перегнуть соседей, уродливо сказывается и на руководителях колхоза и на подчиненных. Очковирательство и подлоги в отчетности оправ-

дываются председателем колхоза стремлением сделать колхоз передовым. Но его негодные средства во имя благой цели по-своему берут на вооружение колхозники, чтобы избавиться от председателя, развалившего хозяйство²⁰.

Большой общественный резонанс имела повесть В. Тендрякова «Не ко двору», вызвавшая более 80 откликов в печати, весьма разноречивых. В основе ее – конфликт между старым и новым отношением к труду и собственности в деревне, возникающий внутри семьи, разрушая ее. Писатель показывает, что часть молодежи уже естественно и органично восприняла принципы коллективизма и отвергала частнособственнические интересы. Те, кто счел повесть неудачной, упрекали автора, что он не показал «воинственный характер положительных сил нашего общества»²¹.

Новомирская художественная и «деловая» проза резко выделилась на общем фоне литературы о колхозной деревне послевоенного времени. Образцом здесь считался роман-дилогия С. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» (1947-1950), получивший две Сталинские премии. Герой романа фронтовик Сергей Тутаринов на посту председателя райисполкома без каких-либо серьезных препятствий достигает невиданного подъема сельского хозяйства, легко преодолевая косность отдельных председателей колхозов. Переведенный на языки народов СССР и 29 языков Европы и Азии, роман многократно переиздавался, инсценировался, экранизировался, по его мотивам была создана опера.

В «Новом мире» это знаковое произведение позднего сталинизма представит в статье Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» образцовым воплощением «лакировки действительности». Хорошо знавший нищую северную деревню, Ф.А. Абрамов в этом своем выступлении излил накопившиеся горечь и гнев, вызванные литературой, безучастной к бедам и нуждам сельских тружеников, не способной дать представления об истинных трудностях их жизни. На примере произведений С. Бабаевского, Е. Мальцева, г. Николаевой писатель показывает «с какой завидной легкостью» в этой литературе поднимается хозяйство послевоенной деревни, преодолеваются трудности, главная из которых – «косность председателя колхоза». Абрамов особо остановился на том, как критика поддерживает подобный подход к серьезнейшей теме, расхваливая авторов-лауреатов, устранившихся от подлинных проблем сельской жизни.

Если в период «оттепели» оценка романа Бабаевского как собрания «цветных иллюстраций» к политике партии пройдет в печати спокойно, то статья Ф. Абрамова – первое выступление против фальшивой, «лакировочной» прозы о деревне будет признана идейной ошибкой «Нового мира»²². Покушавшаяся на традиционное для советской литературы изображение колхозной жизни статья сразу «вызвала тревогу» первого секретаря СП²³. В Отделе науки и культуры ЦК КПСС ее назвали «ошибочной и вульгаризаторской». Было отмечено, что «Новый мир» «неудовлетворительно показывает жизнь современной советской деревни и освещает вопросы сельского хозяйства в связи с решениями сентябрьского пленума ЦК КПСС “О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР”»²⁴. Это говорилось о журнале, который в очерках В. Овечкина еще за год до пленума поставил вопросы, на нем обсуждавшиеся.

Цитируемая резолюция Отдела ЦК – один из красноречивых примеров партийного руководства литературой и журналистикой.

* * *

Если деревенская тема была представлена в «Новом мире» группой авторов, выступивших в разных жанрах, то о войне журнал опубликовал одно крупное произведение, но самое значительное в литературе той поры, – роман В.С. Гроссмана «За правое дело».

Роман был начат в 1945 г. Твардовский, сблизившийся с Гроссманом на войне, следил за его работой, зная, что он способен сказать свое, правдивое слово о пережитом народом в военные годы. Завершенный в 1949 г., роман поступил в редакцию «Нового мира» под названием «Сталинград». До прихода Твардовского Симонов начинал редактировать роман, представляя его на отзывы в Отдел науки и культуры ЦК ВКП(б) и ИМЭЛ (Институт Маркса-Энгельса-Ленина) при ЦК ВКП(б). В редакции большинство было против его напечатания. Из редакционного портфеля, оставленного Симоновым, Твардовский сразу же выделил то произведение как особую ценность.

Впервые военные годы, пройденные страной, были представлены в художественной литературе столь многопланово и широко, в традициях классики XIX в. Война предстала в судьбах героев романа, разных по национальности,

образованию, социальному положению. Здесь и представители высшего состава, и простые солдаты, партийные работники и интеллигенция, профессор Штрум и крестьянин Вавилов. У каждого была своя жизнь до войны, но они одинаково готовы были ее защищать. По-разному представляя себе послевоенную действительность, герои верили, что она будет лучше, чем до войны. Драматические эпизоды войны, ее кульминация – Сталинградская битва, сопровождалась в романе размышлениями о жизни и смерти, о человеческом братстве, о фашизме как общечеловеческой угрозе. Главным рупором автора был профессор Штрум, но многие авторские суждения высказывали и партийный работник Крымов, и сестры Шапошниковы, и другие герои.

Надо признать, что не все в романе нравилось новому редактору, и его замечания были вызваны не только предвидением цензурных трудностей. Но в целом Твардовский воспринимал это произведение Гроссмана, как подлинно художественное, глубокое и серьезное.

Твардовский сразу же поставил своей задачей опубликовать роман, хотя и осознавал, сколь многотрудной она будет.

Сопровождавшая «Сталинград» Гроссмана документация (переписка с инстанциями, протоколы обсуждений, внешние и внутренние отзывы) по объему уже почти доросла до самого романа, но в печать его так и не продвинула. Да и в редакции остались весьма влиятельные его противники – М. Шолохов, М. Бубеннов, В. Катаев. Твардовский обратился к А. Фадееву за поддержкой, которую тот обещал ему при назначении на пост редактора. Фадеев и Гроссман писали Сталину, но ответа не получили. Не получил Гроссман помощи и от М.А. Суслова – секретаря ЦК, ведавшего вопросами идеологии, к которому также обращался.

За разрешением на публикацию роман Твардовский обратился к А.Н. Поскребышеву. Он надеялся, что заведующий личной канцелярией Сталина познакомит вождя с романом, где тот (как и ряд других первых фигур государства и партии) является действующим лицом. Ответа также не было. По-видимому, Поскребышев Сталину роман не показал, и вождь прочитал его уже напечатанным. На заседании Секретариата союза писателей 6 октября 1950 г., где по настоянию Фадеева, обсуждался роман, сплоченно выступили против него «как чуждого духу нашего общества» М. Бубеннов, В. Катаев, Б. Агапов, В. Кожевников. Гроссмана обвиняли в «отсутствии советского патриотизма», «клевете на защитников Сталинграда»²⁶.

Поставить в план журнала роман Гроссмана в такой обстановке, к тому же усложнившейся в связи с кампанией против космополитизма, означало идти на риск. Работа главного редактора журнала и до этого была сопряжена с риском: рискованной, безусловно, была публикация овечкинских «Районных будней». Стремясь напечатать Гроссмана, Твардовский снова шел на риск, считая его оправданным: правдивое и талантливое произведение должно было дойти до читателя.

После того, как автор учел все замечания А. Фадеева, Твардовский тщательно отредактировал роман, уделив особое внимание языку и стилю. Предшествующие рецензенты и редакторы оставляли эти проблемы в стороне, выискивая идейно сомнительные формулировки, идеологически не выдержанные суждения. Исследовательница Т. Снигирева, изучив пометки Твардовского на полях рукописи Гроссмана, сохранившейся в РГАЛИ, высоко оценила его редактуру. «Это была серьезная кропотливая правка, способствовавшая точности и выразительности писательского слова», – заключает она, приводя в доказательство характерные примеры. Так, Твардовский предложил убрать стереотипные объяснения потерь и поражений Красной Армии в 1941 г., сделанные в газетном стиле и потому выпадавшие из общего художественного текста романа («не снять ли – скучно»). Десять страниц, где назывались причины отступления, перечисленные Сталиным, и объяснялось состояние танковой промышленности к началу войны, он зачеркнул («Надо!»). В ряде мест отмечена ненужная выпренность стиля. Так, характеристика Штрума и его лаборатории («мускулистая практика, несущая на плечах крылатую теорию, с острыми глазами»), редактором подчеркнута с пометой «Красиво!!!». Твардовский, остро чувствуя слово, всякий раз отмечал неудачное его использование. Так, в авторском тексте о том, что немцев «стали крестить» кличками «фриц», «ганс», редактор заменил слово «крестить» на «именовать», имея в виду неуместность употребленного Гроссманом. Список подобных исправлений, сделанных редактором можно было бы продолжить («выпивательное дело» исправлено на «питейное», «гвардейский раскат» на «командирский» и т.д.)²⁷. С.И. Липкин (поэт, переводчик) свидетельствовал, что Твардовский к обязанностям редактора «отнесся с любовью и ответственностью»: он «страстно хотел роман напечатать». Об этом близкий друг В. Гроссмана мог знать только от него²⁸.

Роман «За правое дело» был опубликован в четырех книжках «Нового мира» (№№ 7-9 за 1952 г.). Отвечая на поздравление с появлением романа в печати, автор писал А. Фадееву 25.У.П.52.: «Я думаю, что ни написать сейчас, ни рассказать при встрече не смогу Вам, что я пережил в дни выхода 7-й книги «Нового мира»²⁹. Выход в свет романа явился событием не только в жизни Гроссмана, но и всей советской литературы. Его поначалу и встретили как произведение, которого долго ждали: уже в октябре в выступлениях и в печати отмечалась крупномасштабность романа, глубокое идейное содержание, талант и мастерство автора³⁰. 13 октября 1952 г. «замечательный роман» получил самую высокую оценку писателей и критиков при обсуждении на секции прозы СП СССР, где был выдвинут на Сталинскую премию³¹.

Жизнь Гроссмана и судьба его романа резко изменились в связи с сообщением ТАСС 13 января 1953 г. о раскрытии заговора врачей-вредителей, которое развязало антисемитскую кампанию. Уже в январе проводится обсуждение романа в издательстве «Советский писатель», где он ранее был принят к печати. На сей раз редсовет от него отказывается. В Новом мире» 16 января проходит дискуссия, также навязанная «сверху». Твардовский еще недооценивает опасность, нависшую над журналом и его автором. В письме А. Фадееву 3 февраля, где отвечает на его замечания к главам поэмы «За далью – даль», он лишь мимоходом сообщает, что в редакции «по указанию свыше» было обсуждение Гроссмана, добавив в скобках: «все хорошо»³². Обсуждение действительно прошло относительно спокойно: прямых сигналов к разгрому романа в партийной печати пока не было. Роман еще можно было защищать, как это и сделал новомирский критик А. Турков. Но после выступления центрального партийного органа со свирепой и разносной критикой романа, занявшей два подвала,³³ положение резко изменилось. «Правду» поддержал журнал «Коммунист» (№2 за 1953 г.) и все центральные газеты, дружно, одна за другой, выступившие во второй половине февраля. В литературной среде кампанию по уничтожению романа Гроссмана воспринимали как организованную по указанию вождя, которого роман привел в негодование. В «верхах» пристально следили, как ведется кампания, отчитывая редакции иных изданий за допущенные недочеты и делая нужные поправки³⁴.

Критики романа не касались его достоинств, не было и речи о том, что нового он внес в литературу о войне. Во многом повторяя уже сказанное о ро-

мане «Правдой», «добивавшие» Гроссмана обличали писателя-фронтовика в отсутствии патриотизма, искажении образов советских людей, идеалистической философии, отсутствии критики американского империализма и других грубых идеологических ошибках и просчетах. Публикация романа Гроссмана в «Новом мире», как правило, связывалась с другими «ошибками» журнала, уже отмечавшимися в печати.

3 марта «Литературная газета» напечатала письмо редколлегии «Нового мира», признавшей публикацию романа «За правое дело» Гроссмана своей ошибкой. Ранее ошибкой признал А. Фадеев свою поддержку романа, сам автор уже послал в Секретариат СП покаянное письмо. Мог ли Твардовский в той обстановке поступить иначе, нарушив партийную дисциплину и выступив против всей редколлегии? Он не был готов к тому, чтобы «положить на стол партбилет». Еще сильно было воздействие марксистских догматов о незатухающей классово-борьбе, о необходимости твердой идеологической дисциплины.

Об этом напомнил Твардовскому Фадеев в своих замечаниях на главу «Литературный разговор» поэмы «За далью – даль». В ней поэт размышлял о внешнем и, не менее страшном, внутреннем редакторе, мешающих свободе творчества: «Тебе ли, автор, неизвестно, // Что как ты к этому ни тщишь, // Правдиво, искренно и честно // Изображать живую жизнь, // Хотя б хотел того до боли // И было б это по плечу, // Тебе я как бы и позволю, // Но в самый раз окорочу...». Фадеев попросил снять эти строки из монолога воображаемого редактора. По его словам, они могли быть восприняты как протест против руководства партии литературой. Он объяснял, что многие беды многих писателей проистекают из «восприятия силы диктатуры не как их собственной силы (и прежде всего как силы воспитания народа), а как силы, стоящей “над” ними, силы “извне”»³⁵. Несомненно, что на письме Фадеева, написанном в больнице, сказались и сообщение о «заговоре врачей». Влияние «дорогого седого и мудрого друга Саши» было еще велико, и Твардовский снял крамольные строки.

24 марта 1953 г. состоялось заседания Президиума СП СССР, который, подводя итоги критики романа В. Гроссмана как «чуждого в идейном отношении произведения», распространил ее в полной мере на журнал «Новый мир». Здесь впервые речь шла уже не об отдельных ошибках редколлегии, а о

ее работе в целом. Принятое постановление указало на публикацию в «Новом мире» (редактор которого был членом Президиума) произведений, «содержащих крупные идейные пороки». В качестве примеров называлась повесть Э. Казакевича «Сердце друга», стихи Н. Асеева, статьи В. Огнева, Н. Гудзия и В. Жданова, А. Гурвича³⁶.

«Опубликование ошибочных и художественно беспомощных произведений свидетельствует о низкой требовательности редколлегии “Нового мира” к идейному и художественному качеству отбираемых для печати произведений», – утверждалось в постановлении. Оно призывало «пресечь все возможности проникновения в советскую литературу чуждой идеологии, чтобы наша литература всегда была могучей идеологической крепостью»³⁷. По содержанию, стилю и духу постановление было типичным документом сталинской эпохи.

Генеральный секретарь СП по следам постановления напечатал статью, где жесткому порицанию были подвергнуты те, кто поддержал роман Гроссмана. Отдельный раздел отводился ошибкам «Нового мира»³⁸.

Критика «Нового мира» партийными «верхами» призвана была подтвердить неизменность политики КПСС в области литературы. Руководство СП СССР с готовностью подтвердило верность этой политике. Но опубликованный Твардовским роман Гроссмана, тем не менее, продолжал свою жизнь. Перед самым уходом из редакции Твардовский представил в Отдел науки и культуры ЦК «новый вариант» романа «За правое дело», исправленный и дополненный автором. В 1956 г. роман Гроссмана был издан в Воениздате.

* * *

Как ни лихорадило редколлегию журнала, испытывавшую в первые месяцы 1953 г. в связи с делом Гроссмана «свои ознобы и жары», он продолжать выходить с новыми произведениями, привлекавшими читательское внимание, вносившими свежую струю в советскую литературу послевоенных лет. Во втором полугодии здесь появились повести В. Дудинцева и В. Тендрякова, романы В. Пановой Л. Кабо, рассказы Г. Троепольского, С. Залыгина, И. Меттера, стихи молодых тогда поэтов К. Ваншенкина, Р. Гамзатова, Е. Винокурова, а также М. Алигер, А. Кулешова, М. Рьяльского, переводы С. Маршака (из Р.

Бернса и Дж. Родари), А. Гитовича (с китайского)), Назыма Хикмета, главы поэмы «За далью – даль» А. Твардовского, статьи критиков М. Щеглова, К. Чуковского, В. Асмуса, М. Лифшица, очерки И. Зыкова и А. Злобина, рецензии М. Азадовского, Б. Галанова, Е. Герасимова, адмирала И.С. Исакова, А. Кондратовича, И. Саца, В. Сурвилло А. Туркова, И. Халифмана, С. Шмидта. Среди авторов оставались и те, кто попал под критический обстрел, как, например, Б. Галанов и В. Жданов. Актив сотрудников «Нового мира» за 1953 г. вырос, окружение журнала становилось шире и многообразнее. В труднейших условиях журнал продолжал свой путь, набирая высоту.

Укрепились связи с читателями, которым Твардовский придавал самое важное значение. Придя в журнал, он основал новую рубрику «Трибуна читателя» (после ухода Твардовского К. Симонов ее ликвидировал – в его журнале появилась «Трибуна писателя»). В «Новом мире» Твардовского читатели обсуждали повесть Ю. Трифонова «Студенты» (№ 2 за 1951 г.), вопросы связи литературы с жизнью (№ 4 за 1952 г.), спорили о культуре речи (в № 4 за 1954 г.). Растущая почта журнала поддерживала редакцию и служила стимулом к новым смелым публикациям.

За скобки статьи приходится вынести просветительскую роль журнала, которая была намечена редактором изначально. Это большая самостоятельная тема. Твардовский видел задачу журнала в пропаганде достижений современной науки и культуры. Журнал рассказывал о них в рецензиях на научные исследования, на книги о выдающихся ученых и деятелях искусства. Судя по личному архиву Твардовского, он вступил в переписку с видными учеными (академиками А.Н. Несмеяновым, А.В. Винтером, В.А. Обручевым, Е.В. Тарле и др.), заказывая статьи для «Нового мира». При этом просил авторов, не снижая научного уровня, сделать изложение материала понятным не только для специалистов. Как ни в одном литературном журнале здесь уделялось внимание рассказам о природе родной страны, о путешествиях по ее лесам и рекам, горам и степям, о необходимости сохранения ее природных богатств.

Наименее читаемым оставался в журнале отдел публицистики. Он был перегружен инструкциями, регламентирующими, что и как освещать во внутренней и внешней политике, каким образом откликаться на праздничные и юбилейные даты. Заголовки статей этого раздела во всех журналах были одинаковы: «Съезд строителей коммунизма» (о XIX съезде ВКП(б)), «Знаменосец

идей партии Ленина-Сталина» (к 40-летию газеты «Правда»), «Боевой союз единомышленников-коммунистов», «Коммунистическая партия – руководящая и направляющая сила советского народа» и т.д.). Перестроить и оживить публицистический раздел при жизни Сталина и первые годы после его смерти было невозможно.

Рывок вперед был сделан в области критики – официальной сфере в тогдашней литературе. Наряду с критиками и литературоведами старшего поколения – К. Чуковским, Н. Гудзием, М. Лифшицем В.Б. Александровым, И. Сацем, редактор активно привлекал к журналу представителей послевоенного поколения (М. Щеглова, В. Померанцева, В. Жданова, Вл. Огнева, З. Паперного, А. Туркова, А. Кондратовича). При ритуально-обязательном употреблении термина «социалистический реализм» критики в журнале Твардовского явно отклонялись от его принципов. Здесь учитывали правдивость и достоверность художественного отображения действительности, выступая против «серости» в литературе – оторванных от «живой жизни» произведений, написанных без души и мысли. Чаще, чем об указаниях партии, новомирские критики напоминали о традициях великой русской литературы и ответственности перед читателем.

В журнале Твардовского не боялись поднять голос против тех, кто считался в советской литературе авторитетом. Так, повторюсь, Ф. Абрамов, выступая против романов С. Бабаевского, сумел сказать про общие недостатки советской литературы о послевоенной деревне, писательской «лакировке» действительности. М. Щеглов, критикуя роман «Русский лес» Л. Леонова, признанного в советской литературе классиком, показал, как искусственность замысла, его заданность (с чем советскому читателю приходилось часто сталкиваться) приводят к фальши в образах героев и самого повествования. М. Лифшиц, выступая против недостоверности и поверхностности «Дневника писателя» М. Шагинян, метил в типичную для советской публицистики тенденцию: замаскировать некомпетентность пафосной фразеологией и видимостью активного участия.

Особый резонанс имела статья В.Г. Померанцева «Об искренности в литературе». Она подверглась жестоким нападкам за утверждение, что искренность писателя – необходимое условие настоящей литературы. Автора, призывавшего писателей не к проповеди, а к исповеди, обвиняли в субъективизме

и попытке подорвать принцип партийности в литературе. Заметим, что партийности в литературе Померанцев не отрицал, но доказывал, что она может быть действенной только при искренней убежденности³⁹. Внимание партийных «верхов» к статье Померанцева привлекли те писатели, которые стремились быть признанными «помощниками партии». В записке Отдела науки и культуры ЦК от 8 февраля 1954 г. о «порочной концепции» статьи Померанцева говорится со ссылкой на донесения А. Суркова и Б. Полевого. В письме Б. Полевого секретарю ЦК П.Н.Поспелову от 13 февраля дается развернутая критика «похабных статей» В. Померанцева и М. Лифшица в «Новом мире». Они, по словам Полевого, повторяют основные тезисы врагов советской литературы «о неискренности» советских писателей, об их «приспособленчестве», «лакировке действительности». В отчетах в ЦК о поездках в ГДР В. Ажаев и Е. Долматовский отмечали, что в братской стране статья Померанцева воспринимается как ревизионистская и злопыхательская. М. Шагинян в ответ на просьбу Б. Полевого «информировать» его об откликах на статью В. Померанцева, сообщала об отрицательном ее восприятии друзьями и использовании врагами СССР⁴⁰.

На совещании с представителями редколлегии печатных изданий СП СССР 25 января 1954 г. А. Твардовский останавливался на статье г. Померанцева как событии в литературной жизни, стремясь дать отпор ее келейному порицанию и подковерной борьбе вокруг нее. «В библиотеках не получишь этого номера (со статьей Померанцева. – В.Т.), все время звонки по телефону, письма, запросы... Это и есть настоящий интерес, который привлекает нашего читателя, заставляет его с особым вниманием прислушиваться к тому, что мы говорим о себе, ибо он многим в нашей работе, представленной за последнее время, недоволен... Можете резать меня на куски, но делайте это на печатных страницах со всей ответственностью перед читателем и общественностью... Если ты не согласен с тем, что я сказал, – обыграем это дело на печатном листе, а нехорошо, если мы бегло бросаем какие-то замечания, навешиваем ярлыки, которые повисают»⁴¹.

Отвечать на критику Померанцева в печати новомиряцам не дали. Твардовский мог защищать автора лишь на «проработках» журнала на Секретариате СП и в ЦК партии. Единственная попытка поддержать в печати статью «Об искренности в литературе» группой студентов и аспирантов филологического

факультета МГУ обернулась для них и редакции «Комсомольской правды», напечатавшей их письмо, крупными неприятностями. Оценка в газете статьи Померанцева как «острой и плодотворной для развития нашей литературы» в Отделе науки и культуры ЦК КПСС была признана «идейно-порочной», дезориентирующей читателей⁴².

Признанный в партийных «верхах» неблагонадежным, находясь под прицелом критики, «Новый мир» продолжал укреплять свои позиции в литературе. Можно сказать, что нападки на ту или иную публикацию, будь то роман Пановой или повесть Казакевича, критическая или литературоведческая статья, сразу же привлекали к ней читательское внимание, как к явлению незаурядному. Линия «Нового мира» еще не была достаточно последовательной: наряду с талантливыми произведениями, достоверно отображающими действительность с ее реальными проблемами, трудностями и достижениями, попадались на его страницах безликие «производственные» повести, стереотипные статьи (Б. Рюрикова, Б. Леонтьева, г. Александрова и других официозных публицистов). Но чем явственнее определялась позиция журнала, тем более однородным становился авторский состав. В первой половине 1954 г., до разгрома редколлегии, здесь печатаются Ф. Gladков, М. Пришвин, С. Смирнов, В. Тендряков и г. Троепольский, С. Антонов, М. Ганина, А. Бек, Б. Бедный, С. Залыгин, В. Овечкин. Твардовским отредактирована повесть В. Некрасова «В родном городе», опубликованная в «Новом мире» уже без него. Поэзия в эти же последние месяцы редакторства Твардовского представлена М. Алигер, П. Бровкой (Белоруссия), А. Малышко (Украина), А. Парнисом (Греция), Р. Гамзатовым (Дагестан), К. Симоновым, А. Прокофьевым и самим редактором, печатавшим здесь продолжение поэмы «За далью – даль».

Уже за первые два года работы Твардовского журнал ликвидировал задержки с выходом, которые при К. Симонове были постоянными. До прихода Твардовского издание было убыточным (полмиллиона руб. в год). При новом редакторе тираж «Нового мира» возрастал ежегодно, и уже в конце 1951 г. журнал принес государству 3 млн. руб. прибыли⁴³. Несмотря на такое свидетельство роста авторитета журнала и читательского спроса на него, на Секретариате СП постоянно обсуждалась его «неудовлетворительная работа» и «серьезные ошибки идейно-политического характера», а в печати не прекращались отрицательные оценки новомирских публикаций.

Не известно, как долго в такой обстановке мог бы продержаться журнал, подписываемый к печати Твардовским, если бы не новое произведение редактора – поэма «Теркин на том свете», которую он начал писать вскоре после смерти Сталина. Все послевоенные годы читатели в письмах к поэту требовали продолжения «Василия Теркина», подсказывая, кем в послевоенной жизни мог бы он стать, где должен был трудиться. Ответом на читательские запросы явилась поэма, где герой попадает на тот свет, который автор представил своеобразным отражением некоторых существенных сторон устройства советского общества. Это не просто сатира, а, по сути, антиутопия, воссоздавшая модель тоталитарного строя с его иерархической лестницей, сетью органов со всеопутывающей регламентацией, громоздкой бюрократической системой, которую, «чтобы сократить, надо увеличить». Здесь и свое загробное Бюро, и Комитет по делам перестройки вечной, и печать, немыслимая без многоступенчатой цензуры. В загробном мире самое существенное «обозначено в меню, а в натуре нету». К примеру, и оклад и паяк – условные, «вроде, значит, трудодня». Автор как бы приглашает взглянуть на советское общество со стороны, отрешившись от привычного стереотипного взгляда на его устройство как единственно возможное и правильное.

Верстка поэмы обсуждалась в мае 1954 г. на расширенной редколлегии. Многие присутствовавшие поздравляли поэта с удачей, жали руки. А после обсуждения в ЦК КПСС полетели доносы некоторых участников обсуждения, в которых поэма характеризовалась как «антисоветский пасквиль». Набор «Теркина на том свете», готовившийся для № 7 «Нового мира», был рассыпан. Но поэма, помимо воли автора, распространялась в списках, став едва ли не первым произведением «самиздата». А к обвинению Твардовского в идейно-ошибочной линии руководимого им журнала добавилось и признание его поэмы «идейно-порочной».

Члены редколлегии были вызваны «на беседу» с секретарем ЦК П.Н. Поспеловым, во время которой обсуждался отдел критики «Нового мира» и поэма Твардовского. По итогам встречи Твардовский 10 июня 1954 г. обращается в Президиум ЦК КПСС с протестом. Он доказывает, что старался направлять работу журнала в духе «прямой и бесстрашной критики недостатков, нетерпимости к приукрашиванию действительности», следуя примеру последних пленумов ЦК и видя в этом «свою прямую задачу литератора-коммуниста».

С этой позиции он защищал и новомирскую критику (в частности, статью Померанцева). Он отказывался признать свою поэму «клеветнической»: пафос ее – «в осмеянии всяческой мертвечины, уродливостей бюрократизма, формализма, казенщины и рутин, мешающих нам, затрудняющих наше победное продвижение вперед». Коммунист Твардовский заявлял «со всей ответственностью» перед ЦК, что «малая продуктивность» беседы с Поспеловым «определяется “проработочным” ее характером. Были предъявлены грозные обвинения по поводу действий и поступков, которые, как я ожидал, заслуживали бы поддержки и одобрения, а наши возражения и разъяснения по существу дела звучали все».

В обращении в высшую партийную инстанцию Твардовский едва ли не первый поставил вопрос о ненормальности признания вины без понимания сути предъявленных обвинений. «Не согласен немедленно признать себя виновным – значит, ты ведешь себя не по партийному, значит, будешь наказан. Но чего стоят такие “автоматические” признания ошибок, которые делаются из страха быть наказанным или просто по инерции: обвинен – признавай вину, есть она или нет в действительности»⁴⁴.

Эту инерцию Твардовскому преодолеть не удалось: «автоматическое признание ошибок» при проработке в партийных инстанциях не подвергалось сомнению ни в ЦК КПСС, ни в Секретариате СП. Постановление Секретариата ЦК КПСС «Об ошибках журнала “Новый мир”», принятое 23 июля 1954 г., в едином порыве поддержала партийная группа Секретариата СП. Особенно «боевыми» и «наступательными» при обсуждении решения партийной инстанции были выступления А. Суркова, Б. Рюрикова, Н. Лесючевского, В. Кожевникова. От поэта требовали дать «политическую оценку» ошибочной линии «Нового мира» и своей «вредной поэме».

На заседании Президиума правления СП СССР 11 августа 1954 г. Твардовский заявил, что, будучи коммунистом, принимает решение ЦК «как документ непререкаемый для члена партии... Не могу уверить вас в том, что во мне произошел мгновенный перелом, что я все понял, но я постараюсь понять и сделать нужные выводы...» Всю ответственность за публикации в «Новом мире» редактор взял на себя, опровергая мнение о «злонамеренном окружении» редактора и «тлетворном влиянии» на него. Он объяснил, что некоторые статьи, признанные ошибочными (М. Лифшица,

В. Померанцева), встретили сопротивление отдельных членов редколлегии (С. Смирнова, А. Дементьева), но он напечатал их, осуществив «свое право главного редактора». Ему «принадлежала не только правка, не только указания авторам, но даже заголовки этих статей, подробная консультация, наблюдения». Не оспаривал Твардовский и «политическую оценку» своей поэмы «Теркин на том свете». «Раз об этом говорит ЦК, я обязан принять его оценку моей работы... Но вы должны понять меня по-человечески. Каждое новое произведение – этап в жизни писателя. Нужно время, чтобы все осмыслить и подумать...Мое авторское отношение к этой вещи остается отношением родителя к своему детищу. Хотя для общества оно кажется ублюдком, а у родителя к нему сохраняется еще и другое, родительское отношение»⁴⁵.

Постановление Президиума правления СП СССР об освобождении его от обязанностей главного редактора журнала Твардовский принял спокойно – оказался к этому вполне подготовлен. Он пожелал новому редактору успехов в работе журнала, который для него «был всегда дорог и останется дорогим»⁴⁶.

* * *

В дневнике Твардовского записей о потере журнала почти нет. Видимо, трудно было найти слова, чтобы выразить все пережитое вместе с «Новым миром», который воспринимался как собственное его детище. «Жаль только, что такого журнала уже не будет», – записал редактор в предчувствии неминуемого ухода. В этой скупой строчке и горькое сожаление о неосуществленных планах и замыслах и, одновременно, сознание, что журнал, задуманный им, состоялся. Твардовский в полной мере сознавал, что разгром «Нового мира» – не только его личная беда. Давнему знакомцу еще со смоленских времен Твардовский писал: «Многие мои товарищи и даже друзья, желая поддержать во мне “бодрость духа”, говорят обо мне, имеют ввиду мое положение, не понимая, что все произошедшее и происходящее касается их не в меньшей мере и, в тем большей для каждого степени, чем серьезнее и сознательнее, он относится к своему призванию, профессии, долгу»⁴⁷.

И все-таки в самой расправе с непослушным редактором, казалось бы, типичной для партийной политики, было нечто необычное, свидетельствующее, что обстановка в стране становится иной.

В партийных «верхах» зрела мысль о специальном постановлении о «Новом мире» наподобие выпущенного в 1946 г. ЦК постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». Это было бы логично, учитывая, что на обсуждениях журнала Твардовского его сравнивали с «враждебными» изданиями, «разгромленными в свое время партией» («Перевалом», «Литературным критиком», «Звездой» и «Ленинградом»), а Фадеев говорил о «меньшевистствующих» критиках, окопавшихся в «Новом мире». Однако, благодаря вмешательству Н.С. Хрущева, решили ограничиться «внутренним» постановлением. Генеральный секретарь КПСС высказал мнение, что «разгромного решения ЦК по журналу принимать не следует. Нужно спокойнее пройти мимо этого случая... Мы сами виноваты, что многое не разъяснили в связи с культом личности. Вот интеллигенция и мечется»⁴⁸.

Столь «мягкое» отношение к «идейным ошибкам» и «ошибочным линиям» для власти было непривычным, и Твардовский вполне ощутил разницу между разгромом его журнала и литературными погромами сталинского периода. «Могло быть гораздо хуже, – записал он в дневнике. – Меня обличали в недостаточности признания (ошибок. – В.Т.), но во всем, во всем было “торможение”», преуказанное свыше. Все время была “подстилка”: “большой, талантливый”. “Выводов” не было...»⁴⁹.

Не было и отлучения Твардовского от литературы, которое по советской традиции должно было последовать за обвинениями во вредной и порочной линии руководимого им журнала и признании его поэмы антисоветской и клеветнической. Он не был выдвинут на очередной срок в депутаты Верховного Совета РСФСР, но остался членом Правления СП СССР, продолжал печататься.

Симптомом изменений в партийном руководстве литературой явилось и то, что решение об ошибках «Нового мира» и снятии Твардовского с поста главного редактора, принятое ЦК КПСС 23 июля, в печати не оглашалось от его имени. Высший партийный орган «доверил» принять развернутое решение по «Новому миру» и опубликовать его Правлению СП. Разумеется, «доверие» было оправдано⁵⁰.

Союз писателей СССР, созданный как творческая организация для защиты писателей и интересов литературы, был, по сути, послушным орудием партии. За все время существования он не защитил от произвола власти ни одного писателя, усердно помогая подчинять своих членов волеизъявлению партийных органов.

Едва ли не первым в истории советской журналистики было сопротивление редактора журнала критике, исходившей от центрального партийного органа, несогласие с оценкой ЦК своей новой поэмы. Борьба за справедливость, за право ответить на критику в печати была безуспешной и закончилась признанием Твардовским ошибок. Но признание это сочли недостаточным: слишком очевиден был его формальный характер. Однако сам факт такой борьбы, за которой пристально следило общество, явился признаком новых отношений советского писателя с властью, невозможных при жизни Сталина.

В таком завершении конфликта «Нового мира» с партийным руководством свою роль, по-видимому, сыграло и благожелательное отношение генерального секретаря КПСС к поэту Твардовскому. На встрече 19 июля 1954 г., длившейся более часа, Хрущев, видимо, не мог не почувствовать искренность Твардовского, незаурядность его личности. Но главным для руководителя КПСС, уже намечавшего курс на борьбу с «культом личности» Сталина, было понимание невозможности действовать сталинскими методами. При этом Хрущев стремился не ослаблять руководства литературой, сохранять контроль над ней, пресекая любое отклонение от официальной идеологии. Эти, по сути, взаимоисключающие направления политики Хрущева будут порождать ее непрерывные колебания. В борьбе за власть он не мог не учитывать новые настроения, уже обозначившиеся в обществе, отразившиеся в печати и письмах, поступавших в ЦК.

Провозгласив антисталинский курс, Хрущев не решился опереться на передовые, демократические силы и в борьбе с «наследниками» Сталина в «верхах», действовал непоследовательно, уступая их давлению.

Новые настроения в обществе, его нежелание «жить по-старому» обычно относят к периоду после XX съезда КПСС, когда они выразились ярко и определенно. Однако справки Отдела науки и культуры ЦК о «нездоровых настроениях» в творческих союзах (писателей, художников, композиторов) в первой половине 50-х гг. свидетельствуют, что такие настроения появились еще до съезда. Журнал Твардовского не только уловил и выразил стремления

интеллигенции и трудовых слоев к обновлению жизни, к преобразованиям в социально-экономической и политической областях, но и способствовал их развитию и оформлению.

Твардовский пришел в «Новый мир», думая, прежде всего, о задачах, стоящих перед литературой, которую он считал важнейшим фактором общественной жизни. Он верил в огромное нравственное влияние литературы – очищающее, оздоравливающее – на общество и на власть. Литература в представлении Твардовского была призвана поддерживать человека в жизненной борьбе, укреплять в нем мужество и надежду, честь и совесть, пробуждать сострадание, возвышать душу. Но партия отводила литературе чисто утилитарную роль агитатора за свою политику, пропагандиста и иллюстратора последних партийных постановлений. Выполнению этой роли соответствовал метод «социалистического реализма», от которого все больше отклонялся журнал Твардовского.

Авторами журнала были советские писатели, как и редактор, не считавшие себя оппозиционерами. Но «живая жизнь» в тех талантливых и правдивых произведениях, которые Твардовский стремился печатать, неизбежно вступала в противоречие с казенной идеологией, с ее застывшими догмами.

Как только у «Нового мира» появилось свое лицо, наметилась своя линия, партия, по словам противников журнала, «показала образец хозяйского отношения к литературе». Разгром журнала Твардовского призван был подтвердить, что КПСС не выпустит литературу и искусство из подчинения своим задачам. В этом состояли и урок инакомыслящим, и средство их устрашения, задержавшее, но не остановившее развитие литературы. Более того, недолгое существование «Нового мира» Твардовского изменило состояние литературы. Роман Гроссмана, «деревенская» проза, новомирская критика по своему преобразили ее, послужив для многих писателей ориентирами в движении к мастерству, идейности, правде. Менялась и обстановка в стране: в борьбе за власть Хрущев вынужден был учесть общественные стремления, вся отчетливее заявлявшие о себе после XX съезда. Политический климат явно потеплел. Одним из симптомов «оттепели» явилось возвращение Твардовского в «Новый мир»: в 1958 г. он вновь был назначен главным редактором журнала. Поэт вступил на этот пост, вооруженный опытом четырех незабываемых для него новомирских лет «первого захода».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аскольдова-Лунд М. Сюжет прорыва. Как начинался «Новый мир» Твардовского // «Свободная мысль-XXI». 2002, № 1. С.73.
- ² Симонов К. Истории тяжелая вода. М. 2005. С. 426, 269.
- ³ Каверин В.А. Эпилог: Мемуары. М., 1989, С. 227.
- ⁴ Лакшин В.Я. Голоса и лица. М., 2004. С.235-236; Его же. «Новый мир» во времена Хрущева. Дневник и попутное (1953-1964). М., 1991. С.16.
- ⁵ Симонов К. Указ соч. С.269.
- ⁶ Твардовский А. «Я в свою ходил атаку...» Дневники. Письма. 1941-1945. М., 2005. С. 291.
- ⁷ Снигирева Т.А. А. Твардовский. Поэт и его эпоха. Екатеринбург, 1997. С.190.; Лакшин В.Я. Голоса и лица. С. 235.
- ⁸ Аскольдова-Лунд М. Указ соч. С.7.
- ⁹ Романова Р.М. Александр Твардовский. Труды и дни. М., 2006. С.348.
- ¹⁰ Твардовский А.Т. Об инертности формы и содержания // «Литературная газета». 1951, 11 сентября.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Выступление В. Овечкина см.: Стенограмма обсуждения «Родины и чужбины» А.Твардовского (Романова Р.М. Указ. соч. С.296); Фадеев А. Письма. М., 1973. С. 226.
- ¹³ Например, на с. 2. предлагалось вычеркнуть слова «накинь на него оброть»...»Ведь выше сказано, – объяснял Твардовский, – что конь силился оборвать уздечку, значит, он привязан» (Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 6. М., 1983. С. 423. Очерки В. Овечкина «Районные будни» («Новый мир», 1952, №№ 9, 12) печатались затем в «Правде» и завершились в журнале Твардовского (Овечкин В. На переднем крае // «Правда», 1953, 20. 21 июня; Его же. В том же районе (Продолжение очерков «Районные будни» и на «Переднем крае» // «Новый мир», 1954, № 3.
- ¹⁴ Твардовский А. Памяти Валентина Овечкина // «Новый мир». 1968, № 1. С. 285-286; Его же. В.В. Овечкин // Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 5. М., 1980. С. 282.
- ¹⁵ Письмо В.В. Овечкина А.Т. Твардовскому 11 января 1953 // «Север». 1979, № 10; Овечкин В. Собр. соч. в 3-х томах. Т.3. М., 1990. С. 241.
- ¹⁶ Там же. С. 199
- ¹⁷ Лифшиц М. Дневник Мариэтты Шагинян // «Новый мир». 1954, № 2; Агапов Б. Против снобизма в критике // «Литературная газета». 1954, 6 апреля. Не опровергнув ни единого довода М Лифшица, убедительно показавшего дилетантизм М. Шагинян, не боявшейся «писать о том, чего она не знает», автор отметал его критику М. Шагинян как снобистскую и вредную.
- ¹⁸ Троепольский г. Из записок агронома // «Новый мир». 1953, №№ 3, 8; 1954, № 1. Вышедшие отдельным изданием трижды в 1954-1955 гг. «Записки» разошлись по всей стране.

- ¹⁹ Характерно письмо электромонтера Ф. Васюхина и агротехника И. Билыка из Харьковской области: «Искренность и правда колхозной жизни – вот что главное в рассказах Троепольского. Никишка Болтушок, Гришка Хват и другие сатирические образы – не повторение уже ранее известного, а неподдельное оригинальное новшество» (Трибуна читателя // «Звезда». 1954, № 5. С.190.
- ²⁰ Тендряков В. Падение Ивана Чупрова // «Звезда». 1953, № 11.
- ²¹ Тендряков В. Не ко двору // «Новый мир». 1954, № 6. В числе положительно отзывавшихся на повесть –М. Шолохов, К. Симонов, В. Овечкин. Иную оценку см.: Жизнь колхозной деревни и литература, М., 1956. Здесь выражено недовольство недостаточной активностью героя в борьбе с пережитками прошлого. По повести В. Тендрякова «Не ко двору» режиссер М. Швейцер снял фильм «Чужая родня» (1955).
- ²² Абрамов Ф. Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки) // «Новый мир».1954, № 4; Светов Ф. Нравственный кодекс героя (Некоторые проблемы прозы 1961 года) // «Вопросы литературы». 1962, № 3.
- ²³ А. Сурков. Под знаменем социалистического реализма // «Правда». 1954, 25 мая. «Статья Абрамова, по существу, списывает целый ряд вещей, которые нам помогли, были вкладом в литературу, – утверждал К. Симонов. – Слушайте, как можно издеваться над тем, что колхозники, которые еще плохо едят, строят электростанцию, уже намечают колхозную пятилетку? Да ведь это основа нашего стиля в работе» (Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953-1957. Документы. М., 2001. С. 245).
- ²⁴ Там же. С.223-224.
- ²⁵ Цензура в Советском Союзе. Документы. М., 2004. С.358-359.
- ²⁶ Липкин С., Берзер А. Жизнь и судьба Василия Гроссмана. Прощание. М., 1998. 193-195.
- ²⁷ Снигирева Т. Указ соч. С. 90-91.
- ²⁸ Липкин С., Берзер А.. Указ соч. С. 189.
- ²⁹ Александр Фадеев. Письма и документы. Из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. М., 2001. С.283.
- ³⁰ Новый литературный год // «Литературная газета». 1953, 6 января; Львов С. Рождение эпопеи // «Огонек». 1952, № 47; Галанов Б. Эпопея народной борьбы // «Молодой коммунист». 1953, № 1.
- ³¹ См. подробнее: Липкин С., Берзер А. Указ. соч. С.147-149.
- ³² Александр Фадеев. Указ. соч. С.324-325.
- ³³ Бубеннов М. О романе В. Гроссмана «За правое дело» // «Правда». 1953, 13 февраля.
- ³⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура.... С.24.
- ³⁵ Александр Фадеев. Указ. соч. С. 322-323.
- ³⁶ К приходу Твардовского в «Новый мир» А. Гурвич числился в «антипатриотической группе критиков-космополитов». Сам факт привлечения его к сотрудничеству был чреват последствиями, и они сказались сразу же после опубликования статьи А. Гурвича «Сила положительного примера» («Новый мир». 1951, № 4).

- ³⁷ Аппарат ЦК КПССС и культура... С.26–28.
- ³⁸ *Фадеев А.* Некоторые вопросы Союза писателей // «Литературная газета». 1953, 28 марта.
- ³⁹ *Померанцев В.* Об искренности в литературе // «Новый мир». 1953, № 12.
- ⁴⁰ Аппарат ЦК КПССС и культура... С.200, 206. 207-209.
- ⁴¹ Цит. по: *Романова Р.* Указ соч. С.411-412.
- ⁴² Замалчивая острые вопросы // «Комсомольская правда». 1954, 17 марта. Письмо подписали А. Бочаров, В. Зайцев – аспиранты, Ю. Манн – преподаватель (будущие известные критики и литературоведы) и студент А. Аскольдов (будущий известный кинорежиссер); Записку Отдела ЦК КПССС о письме в защиту статьи В. Померанцева см.: Аппарат ЦК и культура... С. 211; М.Щеглов записал в дневнике, что 39 студентов мехмата МГУ послали в «Правду» письмо в защиту В. Померанцева. Оно, разумеется, напечатано не было, а подверглось разбирательству на встрече студентов с писателями (*Лакиин В.* «Новый мир во времена Хрущева...») С.18.
- ⁴³ *Романова Р.М.* Указ. соч. С.367.
- ⁴⁴ Аппарат ЦК КПССС и культура... С. 225-227.
- ⁴⁵ *Романова Р.М.* Указ. соч. С. 427-429. Более чем странным представляются сведения В. Лакшина, в эту пору в журнале не работавшего, о том, что крамольные критические статьи были отправлены в печать И. Сацем зимой 1953-1954 гг. в отсутствие Твардовского, уехавшего «надолго по дальневосточной магистрали» и попросившего И. Саца «присмотреть за отделом критики» (*Лакиин В.* «Новый мир» во времена Хрущева... С. 15). Но редактор в эту пору не покидал журнала надолго в его трудном положении. Единственная его отлучка в период редакторства – месячная командировка в Якутию в июне 1953 г. В Сибирь и на Дальний Восток он поехал в 1956 г., уже оставив редакторский пост. Да и не в правилах Твардовского было бы передоверять свои редакторские обязанности кому-либо даже из редколлегии. И.А. Сац был сотрудником редакции, но в редколлегию в ту пору не входил – полномочия него были весьма ограниченные.
- ⁴⁶ *Романова Р.М.* С. 429.
- ⁴⁷ *Твардовский А.Т.* Письма о литературе. М., 1985. С. 94.
- ⁴⁸ Испытание сталинщиной: Документы и комментарии к политической биографии Хрущева // «Вечерняя Москва». 1994, 15 апреля.
- ⁴⁹ *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей (1953-1960) // «Знамя». 1989, № 7. С.142.
- ⁵⁰ Информация о расширенном заседании Президиума правления СП и его резолюция // «Литературная газета». 1954, 12 августа; Об ошибках журнала «Новый мир». Резолюция Президиума правления СП СССР // Там же. 1954, 17 августа.

Л. А. Софронова

ОБРАЗЫ ВОЖДЕЙ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Изображения вождей пролетариата, живописные и скульптурные, составляли важнейшую часть идеологической пропаганды советской эпохи. Широко известные работы А. В. Герасимова, Д. Налбандяна и других художников и скульпторов активно распространялись и тиражировались. Также неизвестные мастера участвовали в общем движении по увековечиванию образов вождей, которые, заметим, не были неизменными. На первых порах изображали «живого» Ленина, затем утвердился образ Ленина-вождя, который позднее превратился в символ советской эпохи¹. Также стремительно символизировалось изображение Сталина, который почти сразу в своих изображениях стал вождем.

Скульптуры государственного значения занимали открытое городское пространство и маркировали его центр: стояли на площадях городов. «Памятник Ленину или площадь его имени становились центрами ритуальной жизни города или поселка, здесь проводились праздничные демонстрации и торжественные мероприятия»². В закрытом пространстве они присутствовали в официальных учреждениях и домашних интерьерах (уже как малая скульптура). Их дополняли «государственные» портреты и плакаты, на которых можно было встретить эти самые портреты. Они как бы цитировались в другом виде изобразительного искусства, как в плакате «Изучайте великий путь партии Ленина-Сталина». Во время официальных праздников и демонстраций «государственные» портреты и плакаты соответствующей тематики в огромном количестве появлялись в открытом городском пространстве – в отличие от скульптурных изображений, они находились там временно.

Не только «большое» искусство, но и прикладное превратилось в информационный политический канал – сразу после смерти Ленина, например, выпустили почтовую карточку с изображением похорон вождя; выходили серии почтовых марок с портретами Ленина и Сталина, ткались ковры с их фигурами. Произведения «большого» искусства копировались в фарфоре. Уже в первые годы советской власти появились заказы на изготовление бюстов «Ве-

ликим людям в области революции»³. Большой популярностью пользовались авторские работы, посвященные, например, теме детства Ленина⁴. Борьбе с врагами посвящена фарфоровая группа «Мальчик показывает пограничникам, где прячется шпион».

Таким образом, как личное пространство советского человека, так и пространство социальное, были пронизаны идеологией, закодированной в изображениях вождей пролетариата. Они оказались наиболее емкими для передачи политической информации. Конечно, ее доносило и слово, которое порой превращалось в цитату, как, например, в фильме Ю. Райзмана «Урок жизни» (1955 г.). В общежитии студенты готовятся к экзамену по политической экономии, изучают сочинения Маркса и заучивают наизусть определения добавочной стоимости, прибыли и проч. Эти же определения они произносят потом на экзамене. Очевидно, что в искусстве предпочитались косвенные способы идеологизации.

Изобразительный ряд государственной значимости создавал мощный фон в прозе, на котором разворачивались сюжеты и создавались характеристики героев. Литература и пластические искусства одинаково вели общую для всех видов искусств тему прославления власти. В искусстве слова изображения вождей присутствовали и как объекты художественного воспроизведения, что продолжало давние традиции культуры. Портреты входили в поэзию на равных правах с лирическим героем. Они оживали и вступали в немой диалог с человеком, как в «Разговоре с товарищем Лениным» Вл. Маяковского: «Грудой дел, суматохой явлений день отошел, постепенно стемнев. Двое в комнате. Я и Ленин – фотографией на белой стене. Рот открыт в напряженной речи, усов щетинка вздернулась ввысь, В складках лба зажата человечья, в огромный лоб огромная мысль».

Архаический прием оживления портрета снижался и активно использовался в детской литературе, что, по замыслу создателей массовой поэтической продукции, должно было с раннего детства приблизить советского человека к семантическому ядру власти. Он должен был научиться не только ее безоговорочно почитать, но и различать ее «человеческие» черты. В стихах для детей Ленин ласково смотрел на них со своего портрета: «Каждый день, зимой и летом, Мы приходим в детский сад. Ясным солнышком согретый Со знакомого портрета Ленин смотрит на ребят». Не выходя за портретную раму, он вступал

с ними в беседу, улыбался и шурился, как в украинских детских стихах М. Познанской: «Мружить очі і сміється, А усмішка, мов жива. І чомусь мені здається – Ось він вимовить слова»⁵.

Наиболее адекватным способом передачи темы власти был кинематограф, к которому вожди первого советского государства относились особо, они, как известно, быстро осознали его возможности в деле пропаганды. Пропагандировать – это не значит произносить длинные речи с экрана, пропаганду можно осуществлять через киногероев высокого ранга. Вожди появлялись на киноэкране и на сцене, что бывало довольно редко. Сталину не нравилось, как его играют на сцене, он предпочитал кинематограф. Возможно, поэтому пьеса Н. Погодина «Человек с ружьем» стала сценарием одноименного фильма. Были попытки перенести образы вождей на оперную сцену, но эти произведения так и не были поставлены: Сталин был недоволен введением в оперу Т. Хренникова «Буря» одного эпизода с Лениным.

Итак, на экран среди вымышленных персонажей вышли реальные персонажи истории, Ленин и Сталин. На первых порах Ленин явно превышал Сталина по значимости, который занимал в картинах пока сравнительно мало места, как в к/ф «Человек с ружьем» (1938, С. Юткевич). Здесь Ленин – главный герой, как и в к/ф «Ленин в 1918 году» (1939, М. Ромм). Но Сталин исподволь выходил на первый план. «Ленин занят общим руководством и своего рода кабинетной работой, а Сталин непосредственно проводит в жизнь решения партии на фронтах и на периферии»⁶. Позднее Сталин становится единственным персонажем высокого ранга – «Клятва» (1946, Э. Ишмухамедов), «Великое зарево» (1938, М. Чиаурели), «Клятва» (1946, М. Чиаурели). В этом фильме Сталин дает клятву Ленину вести советский народ по заданному им пути. Т. е. первый вождь пролетариата пока не отодвинут, не смещен с пьедестала, он незримо присутствует рядом со Сталиным.

Сталин не обязательно выступал на экране в роли главного героя, иногда вообще лишь присутствовал в некоторых эпизодах, например, входил в ложу в к/ф «Член правительства» (1939, И. Хейфец, А. Зархи). В фильме «Депутат Балтики» (1936, А. Зархи, И. Хейфец) вождь звонил по телефону профессору Полежаеву, что возрождало того к жизни и знаменовало ее решительный поворот. Профессор понимал, что не одинок, что он вместе со своим народом. Слабо выявленные позиции вождя в событийном плане, его незримое при-

существование не препятствовали Сталину главенствовать над всем, что происходит на экране. Он уже приобрел черты культурного героя, как в фильмах о Чкалове, Пархоменко, Дзержинском.

Добиться успехов в деле пропаганды можно было еще одним способом, более экономным, но не менее впечатляющим. На экране создавался особый вид пространства, в котором выделялись значимые в семантическом отношении точки. Это были портреты и скульптуры вождей. В кинематографе сосуществуют слово, движение, танец, музыка, знаки архитектуры (декорации), элементы живописи. Поэтому включение портретов и скульптур вождей в художественную ткань фильмов было органичным. С одной стороны, так удваивалась реальность, с другой – усиливалась идеологическая составляющая киноленты. Так был найден эффективный способ внедрения в массовое сознание главных символов советского государства, тех самых «текстов власти», с которыми советский человек сталкивался на каждом шагу в повседневной жизни. Появление на экране изображений Ленина и Сталина не было излишним – так кино отражало жизнь, ими насыщенную. Кроме того, эти изображения выполняли вне-эстетическую функцию – несли важную идеологическую нагрузку, определяли общую направленность киносюжетов и выступали знаками лояльности.

Кинематограф давал возможность зрителям увидеть вождей пролетариата и эмоционально их воспринять в особом ключе. Следует обратить внимание на то, что с портретами и скульптурами на экране порой сосуществовали «живые» вожди. Кроме того, актеры добивались сходства не столько с реальными образами вождей, сколько с их воплощениями в живописи и скульптуре. Государственный портрет, картина, плакат были для них образцами. К этим изображениям зритель уже был приучен, он привык воспринимать вождей в условных позах скульптур, с теми выражениями лиц, которые застыли на живописных полотнах (улыбка Ленина), с аксессуарами, которые были настолько постоянными, что становились символами (трубка Сталина).

В актерском исполнении вожди выглядели как скульптуры и портреты. Сталин, в роли которого выступил А.Д. Дикий, однажды был удачно назван холодным образом-памятником (А. Бернштейн). Черты Сталина-портрета, Сталина-статуи смешивались на экране: «Он – портрет, почти монумент: его никогда не изображали лежащим, редко сидящим; он всегда стоит или медлен-

но прохаживается». У него «всегда ровный голос, без интонаций; движения бедны, приближаясь к пластике портрета-скульптуры. Он не ест и не пьет, его внешний вид не меняется, чтобы ни происходило (в «Клятве» он один и тот же, хотя протекает почти тридцать лет). Не случайно равными Сталину персонажами присутствуют его портреты и статуи. Иногда возникает мысль: кто же кого играет? он – эти неподвижные изображения или они его?»⁷

В опоре на государственные изображения в зрительском сознании происходило совмещение актера и роли. Благодаря актерской игре, нацеленной на повтор доступным всем изобразительных образцов, вожди не только походили на статуи, они «очеловечивались». Как пишет известный исследователь советского кино, Н. М. Зоркая, «первое появление “живого Ленина” было сенсацией: вспыхивали аплодисменты, люди вставали. <...> Этому во многом способствовала актерская трактовка. У Ленина, каким его преподносил Щукин, был веселый заразительный смех, быстрота реакции, нетерпеливые движения и жесты. Этот невысокий человек – весь динамика, весь – сгусток юношеской энергии»⁸.

«Очеловечивание» строго дозировалось. В основном вожди сидели за столами рабочих кабинетов, выступали с трибун партийных съездов. Они творили современную историю – достаточно напомнить фильмы, в названиях которых отмечены важнейшие исторические даты советской эпохи: «Ленин в октябре» (1937, М. Ромм), «Ленин в 1918 г.» (1939, М. Ромм). Вожди вели народ к победам, решали важные государственные задачи. Такими их хотело видеть общество, воспитанное тиражированными портретами и плакатами. Их выбрал в себя кинематограф, искусство визуальное и тяготеющее к синтезу. Кино-вожди, не сильно отличавшиеся от своих изображений, сближались со скульптурой, плакатом, официальным портретом, которых в советских фильмах было в избытке. Эти изображения как бы свидетельствовали о том, что киносюжет не отклоняется от официальных предписаний, за чем будто внимательно следили двойники вождей, находящиеся тут же на экране.

Итак, портреты и скульптуры вождей целенаправленно попадали на экран, а «живые» вожди в исполнении известных актеров походили на них. Они совмещались в одном фильме, как в «Падении Берлина» (1949, М. Чиаурели), где Сталин представлен как талантливый полководец, стратег, решающий исход войны. Рядом с ним присутствует его портрет, превращающийся в двой-

ник «живого» вождя и становящийся смысловым центром многих эпизодов. Так усиливалась тема власти. Столкновение оригинала и двойника происходило не только на экране, но и в живописи, примером чему служит картина С. Луппова «1 мая. Ткачихи». Первомайская демонстрация находится на первом ее плане. Мавзолей, на котором стоят руководители страны, приветствующие демонстрацию, не доминирует на этом полотне. Сталин не стал композиционным центром картины. Его образует огромный сталинский портрет, который несут ткачихи, поднимая высоко над Красной площадью. Очевидно, что художник воспроизвел реальность советского праздника. «“Достижения” – макеты станков и стогов – провозили по площади мимо трибун. И тут же несли портреты тех, кто стоял на трибунах, выражая идею единства руководящих и руководимых»⁹.

Возвратимся к фильму М. Чиаурели, чтобы сказать следующее. Портрет Сталина сопровождает развитие сюжетной линии учительницы Наташи и стхановца Алексея, он осеняет их любовь. Так «происходит перевод интимно-личностного плана – в социально-политический»¹⁰. В финале портрет заменяет сам Сталин: самолет, на котором он прилетает в Берлин, садится прямо перед рейхстагом. Герои встречаются «в завоеванном Берлине именно в тот момент, когда Сталин, словно бог, спускается с неба»¹¹. Так оживает изображение, выполняющее функцию замещения.

«В социальной и культурной памяти представление об идентичности изображенного лица некогда бывшему будет жить долго, перекликаясь примерами через столетия», – пишет г. В. Вдовин о портрете XVIII в.¹² Его наблюдения полностью приложимы к советской эпохе, где не только «некогда бывшие», но и «живущие в настоящем времени» заслуживали изображения. Отношения личности и изображения не изменились со временем. На изображение переносились представления о личности, ему оказывались те же почести, что оригиналу. Оно почиталось наравне с ним, наказания полагались за неуважение как к оригиналу, так и к двойнику. Приведем характерный пример из работы Я. Плампера «Алхимия власти». Студенты, бывшие фронтовики, перед тем как начать в общежитии откровенный разговор о военных годах, поворачивали портрет Сталина лицом к стене¹³.

С начала 50-х гг. «живых» вождей полностью заменяют их живописные и скульптурные изображения. С изменением политики партии происходят их

чрезвычайно значимые перемещения, в какой-то степени вторящие тем, которые происходили с киноролями. Если ранее были распространены парные портреты Ленина и Сталина, то позднее они лишились симметрии изображения. Сталин отодвинул первого вождя пролетариата, портреты которого оказались на периферии (к/ф «Красный галстук»). Сталин не только подавлял ленинские изображения. В некоторых фильмах он пребывает в гордом одиночестве, как в к/ф «Щедрое лето» (1950, Б. Барнет). Здесь его изображение не дополняется ленинским портретом. Портрет как бы единственного вождя висит в окружении плакатов и лозунгов в правлении колхоза. Эта кинолента заканчивается подлинным апофеозом: вход на выставку достижений народного хозяйства местного значения украшает не только большой сталинский портрет, но и череда портретов членов политбюро. В к/ф «Битва в пути» (1961, В. Басов) тонко продуман фон, на котором доминирует портрет Сталина. Его составляет полное собрание сочинений вождя. Можно предположить, что сталинское слово, пусть не произнесенное, существенно дополняет его изображение и равнозначно ему по смыслу. Аналогичный принцип совмещения избран в уже упоминавшемся плакате «Изучайте великий путь партии Ленина-Сталина», где молодой человек вчитывается в строки какой-то пропагандистской книги, а рядом на столе лежат томики сочинений Сталина.

Итак, в названных выше фильмах портреты Ленина отсутствуют. Так кинематограф следовал политическим изменениям в стране и своими средствами демонстрировал их. Чрезвычайно значимыми были манипуляции, далее производимые с «текстами власти». После 1956 г. началось обратное движение изображений вождей – Ленин вернулся, а Сталин исчез, и не только в новых фильмах. Прежде всего это касалось «живого» Сталина, но также и его портретов. Н. Зоркая в уже цитируемой нами статье, посвященной фильмам о Максиме, пишет, что «... после XX съезда КПСС и с началом борьбы против «культы личности», были осуществлены новая версия и новая печать фильмов дилогии, где Сталин был искусно устранен, просто ликвидирован»¹⁴. Также был отредактирован фильм М. Ромма «Ленин в 1918 году»: вырезаны эпизоды, в которых появлялся Сталин, переозвучены упоминания о нем. Убрали сцены с Бухариным¹⁵. Подобного рода переделки были дважды проделаны с «Лениным в октябре». «В 1963 году, при “восстановлении” теперь уже сокращенной версии в фильм были внесены очередные исправления: путем различных тех-

нических ухищрений Сталин был удален из фильма полностью – его просто закрывали то доснятые перед экраном персонажи, то настольная лампа. Упоминания о Сталине в тех сценах, которые не подлежали изъятию, были или вырезаны, или переозвучены. Так, например, в одной из сцен Ленин поручает Василию: “Бегите к Сталину и Свердлову” – в версии 1963 года Ленин говорит “Бегите к Бубнову и Свердлову”¹⁶.

Следуя указаниям свыше, изображения Сталина в фильмах, не вошедших в первую десятку, ретушировали, смывали и вырезали. Подобная операция была, например, проделана с фильмом «Красный галстук»: «Госфильмофонд восстановил первоначальный вариант, шедший до 1956 года, когда перемонтажу были подвергнуты многие картины сталинского времени. Из «Красного галстука» тогда исчез финал – радостная песня, где Ленин и Сталин поминаются трижды, а портреты усатого парят над демонстрантами. Говорят, портреты вождя ретушировались и в отдельных сценах. В «Красном галстуке» таких сцен много, ведь портреты висят во всех показываемых интерьерах, и общественных, и частных. Лишь однажды, в детской, это портрет юного Ильича. А так – Сталин в разных ракурсах, но всегда одинаково милый»¹⁷. В кинофильме «Большая жизнь» (1939, Л. Луков), отредактированном в 1963 г., полностью были изъяты эпизоды с портретами вождя.

Иногда фильмы с портретами Сталина просто клали на полку. Один зритель, рассказывающий в Интернете о своих впечатлениях от фильма «Застава в горах» (1953, К. Юдин, Вл. Герасимов), проницательно заметил, что в хрущевское время его не показывали именно из-за портретов Сталина. Значит, в этой ленте его не ретушировали и не прибегали к никаким другим ухищрениям. Действительно, сталинский портрет в «Заставе в горах» занимает центральное положение на стене комнаты, где заседает начальство погранзаставы. В этой картине заметно то самое перемещение изображений вождей, о котором сказано выше. Если портрет Сталина постоянно попадает в поле зрения, то небольшой бюст Ленина скромно стоит на книжных полках среди редко расставленных книг. Именно такой принцип размещения изображения вождей был тогда распространенным.

Когда ленинские идеи вновь стали актуальными и Ленин принял на себя всю символическую полноту власти, его изображение превратилось в знак обновления политики Коммунистической партии Советского Союза. Оно вы-

шло на первый план. Теперь ленинские портреты, статуи, бюсты заполняют официальные и домашние интерьеры. Их великое множество, что должно, видимо, по замыслу создателей фильмов, передать верность советского народа ленинским идеям. Они находятся в большом количестве на заводах, в парткомах, домах культуры, правлениях колхозов. В некоторых фильмах, правда, бывает достаточно одного изображения вождя, как в к/ф «Наш общий друг» (1961, И. Пырьев). В других их избыточность бросается в глаза, как в «Случае на шахте восемь» (1957, В. Басов). Известный лозунг «Ленин с нами» режиссер воспринял буквально. Изображения Ленина присутствуют в служебных кабинетах, в парткоме, в цехах. Огромные портреты и статуи кажутся неуместными там, где кипит работа. Можно сказать, что создатели фильма переусердствовали, такое изобилие изображений представлялось естественным в иные годы – после смерти вождя пролетариата. Процитируем в связи с этим статью Л. Красина «О памятнике Владимиру Ильичу»: «Нет почти крупной фабрики или завода, нет деревни и города, где тысячи и тысячи рабочих и крестьян не думали бы о том, чтобы иметь у себя на площади, на улице, в помещении клуба своего Ильича из камня, чугуна, бронзы или, в крайнем случае, гипса»¹⁸.

Ленинские изображения не хаотично заполняли пространство. Так, в к/ф «Есть такой парень» (1956, В. Ивченко) действует принцип их размещения в зависимости от статуса «мест», где они находятся. В комсомольском бюро завода висит плакат, центральной фигурой которого является Ленин, в партбюро – ленинский портрет в раме. В рабочем клубе высится гипсовая статуя вождя. Расположена она не в центре зала, а в фойе, где встречает веселую молодежь. Право на труд и право на отдых как бы регламентируется свыше. В школах развешены официальные ленинские портреты, как в к/ф «Аттестат зрелости» (1954, Т. Лукашевич). Под огромный портрет Ленина, который сидит за столом, покрытым белой скатертью, проходят бурные комсомольские собрания, устраиваются веселые маскарады. Он всегда дан крупным планом. В классе висит строгий ленинский портрет. Учебный процесс и отдых осеняются изображением, уже явно имеющем черты сакрализации.

Не только в официальных учреждениях, на предприятиях, но и в домашнем быту присутствуют изображения Ленина. В частных интерьерах они уже не столь величественны; чаще всего это небольшие бюсты, находящиеся отнюдь не в центре внимания оператора, как в предыдущих примерах, где ста-

туи, портреты, плакаты маркируются особо. Камера на них не останавливается, но непременно замечает. Кроме того, изображения вождя соседствуют с другими, присутствующими в интерьере, как в «Свадьбе с приданым», фильме снятом в 1953 г. (реж. Т. Лукашевич, Б. Равенских).

Здесь в избе председателя камера не раз ловит семейные фотографии: парное изображение родителей главной героини и ее собственное. Можно предположить, что эти «домашние» фотографические портреты знаменуют семью и род. В угадываемом красном углу красуется радиоприемник, покрытый белой салфеткой, на нем стоит маленький бюст Ленина. Он ни разу не взят крупным планом, а лишь мелькает в кадре. Подобное смещение изображений, «домашних» и официальных, знаменательно. Видимо, по замыслу создателей фильма, оно должно свидетельствовать о приближении вождя пролетариата к простому человеку, для которого он становится своим, родным. Вот как об этом говорит А. М. Панченко: «Свой Ильич – это гений места, домашний божок»¹⁹. Отсутствие сталинского портрета в этом фильме многим кинокритикам представляется невероятным: «Любопытно, что в киноверсии спектакля совершенно не присутствует Сталин, бюст Ленина можно заметить в образцовой избе председательши, а портрета Сталина нет. Либо культ личности был не столь тотален, либо Сталина отредактировали задним числом (по данным Википедии фильм был восстановлен в 1972 году)»²⁰.

Действительно, и портреты Сталина входили в домашний пантеон, что отразилось в живописи, например, в картине художника В. Лукьянова «Старая квартира». Здесь портрет Сталина висит над кроватью больной старухи, а в зеркале шкафа отражаются иконы. Два вида сакральных изображений не находятся в противоречии, вдобавок они дополняются ковриком с гусаром и девицей.

В других фильмах портреты и бюсты Ленина не часто попадают в семейный круг и не становятся смысловым центром интерьера. Примером может служить к/ф «Путешествие в молодость» (1956, В. Ильенко). Здесь в квартире директора завода маленький бюст Ленина стоит на книжном шкафу. Т.е. опять происходит смещение, как и в «Свадьбе с приданым», значимое. Если в «Свадьбе» бюст Ленина находится в красном углу на радиоприемнике – так новое совмещается со старым, архаическим –, то в «Путешествии в молодость» он занимает место, которое по традиции принадлежит бюстам вели-

ких философов, писателей, ученых. Примечательно, что в к/ф «Неоконченная повесть» (1955, Ф. Эрмлер) портрет Ленина в окружении портретов ученых висит над кроватью героя, борющегося с недугом. Существовали и другие способы представления образа вождя. В к/ф «Иван Бровкин на целине» (Ив. Лукинский, 1958 г.) недалеко от портрета Ленина висит барометр, рядом стоит большой фикус, который в те времена был значимой частью домашнего интерьера, но вряд ли в деревне. Вдобавок действие происходит не в домашнем интерьере, как в «Свадьбе с приданым», а в официальном учреждении – в правлении колхоза.

Распределение ленинских изображений и их смещение оказываются возможными в официальных учреждениях. В к/ф «Ночной патруль» (1957, Вл. Сухобоков) в милицеевском кабинете на книжном шкафу стоит выполненная, видимо, в бронзе статуэтка Ленина. Большой ленинский портрет, под которым произносит речь высокий милицкий чин, висит в зале милицеевской школы. Как видим, ленинские изображения могут не собираться в одном пространстве, а распределяться в соответствии со значимостью выделенных в нем «мест». Бывают и совершенно неожиданные «места» для скульптурных изображений вождя. Бюст Ленина стоит на этажерке в углу в к/ф «По тонкому льду» (1966, Д. Вятч-Бережных).

Его изображения не всегда бывают одиночными. В официальных учреждениях, суде, прокуратуре, милиции, Ленина дополняет Дзержинский, олицетворяющий справедливый советский суд. В фильме «Два билета на дневной сеанс» (1966, г. Раппапорт), как и во многих других, их портреты, размещенные рядом, даются крупным планом в эпизодах заседаний сотрудников МВД. Позднее портрет Ленина исчезает, остается только портрет Дзержинского, к которому уже не так настойчиво привлекается внимание зрителя. Однажды Ленин соседствует с Марксом, притом в комедии «Не имей сто рублей...» (1959, г. Казанский). Видимо, в культурном сознании сохранилась идея парности изображений. Напомним, что был период, когда портреты Ленина и Сталина располагались рядом.

Когда современные кинематографисты обращаются к ранней советской эпохе, они учитывают ту значимость, которая в недавние времена придавалась изображениям вождей. Н. Михалков в к/ф «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974 г.), как бы вспомнив «Разговор с товарищем Лениным»

Маяковского, столкнул взглядами председателя губкома с портретом Ленина и выстроил немой диалог человека и изображения. По-другому решены отношения героя и портрета вождя, теперь Сталина, в киносериале «Ликвидация» (2007, С. Урсуляк), действие которого разворачивается в послевоенные годы. Развенчанный маршал Жуков пляшет перед огромным портретом Сталина, который, кажется, заполняет собой весь его кабинет. Неслышный диалог Жукова и вождя решен средствами танца – маршал в гневной и издевательской пляске как бы наступает на Сталина. Появляются на экранах и «живые» вожди, уже как знаки истории, как в телесериале «В круге первом» (2005, г. Панфилов).

Портреты и скульптуры вождей на экране – это знаки времени и власти, сопровождающие советского человека на протяжении всей его жизни. Вожди страны на его глазах превращались в культурных героев, мифологизировались и приобретали сакрализованный статус, что усиливало значимость их изображений – они также сакрализовались. Общество знало своих вождей по этим изображениям и такими хотело их видеть. Ему предоставлялась эта возможность прежде всего в кинозалах. Конечно, и изобразительное искусство поставляло образы вождей, которые, кстати, могли сталкиваться с изображениями принципиально другого ряда.

Кинематограф возродил архаические способы почитания вождей – через изображения. С ними он проделывал сложные семантические операции, то сдвигая с оригиналом – тогда они замещали вождей, играли роль двойников; то смещая их из композиционного центра на периферию, что означало перемены в общественной жизни. Они перестали быть деталью частного и официального интерьера или открытого городского пространства. Социально-политический пласт в фильмах 1940-1960-х гг. кодировался прежде всего в изобразительном ряде. Портреты и скульптуры составляли их семантическое ядро

Когда изображения вождей советского народа появлялись рядом, они оказывались равными по смыслу. Когда одно из них исчезало, а потом вновь возникало, подавляя собой другое, зритель легко прочитывал смыслы таких изменений. Движение изображений всегда имело важную семантическую нагрузку, как и их расположение в пространстве. Зритель полностью доверял особому символическому языку изображений, вполне ему доступному и понятному. Ему не нужно было слов, которые бы нечто объясняли, не

нуждался он и в сюжетах, подгоняемых под новые политические ситуации в стране. Изобразительные «тексты власти» и изменения в их размещении говорили ему, может быть, даже больше, чем сюжет. С их помощью кинематограф развивал темы исторических свершений в стране, поворотов в политике КПСС. Киноповествование о производственных успехах, конфликтах, первой любви разворачивалось под сенью образов вождей, но они уже не влияли на судьбы героев, как это делали ранее на экране «живые» вожди, ср. «Депутат Балтики».

Портреты и скульптуры вождей выполняли важную функцию – они очерчивали то социально-политическое пространство, в котором развивались киносюжеты, выстраивали некую единую линию, возвышавшуюся над событиями, разворачивающимися на экране, линию, определявшую и государственный строй, и повседневный быт, и решительно все события жизни человека.

Следует заметить, что избыток портретов вождей – не изобретение сталинизма. «Историография советского периода отмечена рядом работ, в которых сталинизм представлен как явление, донныне неизвестное, как идеологический феномен именно XX века. Однако сегодня такая редукция этого явления только к идеологии все более обнаруживает свою методологическую несостоятельность, особенно в связи с появлением новых исследований по социально-политической истории, в особенности тех, где предпринимаются попытки показать, что “чудовище” родилось и развилось из сложного переплетения многогранного опыта прошлого с идеологически заданными проектами ближайшего и более отдаленного будущего»²¹.

Как выглядел этот «многогранный опыт прошлого» в сфере изображения государственных деятелей? В средние века они изображались на иконах, эти изображения выполнялись по канонам и только в одном случае – если спустя годы после смерти, церковь причисляла их к лику святых. Царские изображения входили в Титулярники. «Начавшееся во второй половине XVII в. серийное воспроизведение портретных образцов достигает своего пика в екатерининское царствование и не утрачивает актуальности на всем протяжении рода Романовых, со временем переходя к тиражным печатным изданиям <...>. Постепенно опускаясь в массовую низовую сферу, серийное воспроизведение реализуется в династических лото, календарях, игральных картах и этикетках с изображением российских правителей на спичечных коробках»²². Так, по

словам В. г. Чубинской, персонализировалась национальная история. «Преисполненные монаршего достоинства самодержцы демонстрируют перед зрителем бессмертную славу своего имени и высоких титулов, носителями которых они являются»²³. Параллели с советским временем напрашиваются сами собой. Следовательно, опыт кинематографа не является новаторским. Напротив, он развивает универсальный способ внедрения идеологии в общественное сознание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Комарова О. С. Политико-массовая скульптура вождей советской власти в контексте ленинского плана монументальной пропаганды. Интернет: <http://new.hist.asu.ru>
- ² Мифология и идеология в СССР. Интернет: <http://www.sakharov-center.ru/museum/mithology-ussr/>
- ³ Варган С. Советский фарфор: следствие плана «монументальной» пропаганды. Интернет: <http://www.luxemag.ru/art>
- ⁴ Малкаева И. Фарфоровый портрет. Интернет: <http://www.farfor>
- ⁵ Примеры взяты из статьи П. Калмыкова «О Ленине большом и маленьком». Интернет: <http://www.gazeta.ru/culture>
- ⁶ Интернет: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ⁷ Мильдон В. Монолог для хора: двойник-призрак. Образы Ленина и Сталина в советском 30-40-х годов. Интернет: <http://www.kinozapiski.ru/article/1079>
- ⁸ Зоркая Н. М. Трилогия о Максиме и большевики от Максима до Ленина. Интернет: <http://old.portal-slovo.ru>
- ⁹ Чередниченко Т. В. О роли имиджа в истории // Социологическая публицистика, 1993, №9. С. 93.
- ¹⁰ Дашкова Т. Любовь и быт в кинофильмах 1930-1950-х годов // История страны. История кино. М., 2004. С. 223.
- ¹¹ Шахадат Ш. Интимные тексты, интимные пространства. К конструкции интимности в русской культуре. Интернет: <http://www.uni-konstanz.de/Fuf/Philolo/LitWiss/slavistik>
- ¹² Вдовин г. В. Индивидуальность. Личность. Персона. Опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века. М., 2005. С. 75.
- ¹³ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010.
- ¹⁴ Зоркая Н. М. цит. соч.
- ¹⁵ Интернет: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- ¹⁶ Там же.

- ¹⁷ Мокроусов А. От Грозного до Михалкова. Интернет: <http://www.russ.ru/pole>
- ¹⁸ Цит. по: Панченко А. М. (совм. с А. А. Панченко). Осьмое чудо света: мавзолей Ленина // А. М. Панченко. Русская история и культура. Работы разных лет. Спб., 1999. С. 491.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Семеркин Л. Интернет: sov_gino_ru
- ²¹ Кондратьева Т. Современное государство как власть по «Домострою» (к спорам о социокультурных истоках сталинизма). Интернет: <http://magazines.russ.ru>.
- ²² Чубинская В. г. Проблемы имажинации, номинации и нумерации в русских генеалогических портретных сериях // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 398.
- ²³ Там же. С. 403.

Г.В. Костырченко

СТАЛИНСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ. 1938–1953

Данная статья – плод почти двадцатилетней интенсивной разработки темы, которую можно сформулировать, как власть и евреи в СССР. Исследование это развернулось с начала 1990-х гг., причем в содружестве с такими к тому времени опытными и авторитетными израильскими исследователями, как профессора М. Альтшулер и Ш. Редлих (из Иерусалимского и Бер-Шэвского университетов соответственно). В результате в ряде государственных архивов были выявлены, проанализированы и потом частично опубликованы сотни ранее засекреченных и потому неизвестных ученым важнейших документов. В ходе изучения и осмысления этого громадного вновь открывшегося фактографического массива были опубликованы несколько монографий, сборников документов и многочисленные статьи¹. Приобретенные в итоге научные знания позволили сделать изложенные ниже концептуальные обобщения о «еврейской политике» Сталина. Но сначала несколько соображений по периодизации проблемы.

В XX веке советское еврейство и, в первую очередь, интеллигенция из этой национальной среды, столкнулось в своих отношениях с властью с несколькими судьбоносными историческими вызовами. Первый такой вызов пришелся на революцию 1917 г. и гражданскую войну. Второй – на послевоенный период 1948 – 1953 гг. Третий – на так называемые застойные и перестроечные годы, когда развернулся массовый исход евреев из СССР, означавший, по сути дела, спонтанное, самопроизвольное решение «еврейского вопроса», с которым безуспешно пытались справиться сменявшие друг друга режимы в нашей стране как на протяжении XIX, так и почти всего XX веков. Произошло парадоксальное: чего не смогла сила власти, сделала ее слабость.

Время действия, или, лучше сказать, социально-политического доминирования каждого из этих трех вызовов обрамлялось соответствующими хронологическими вехами, которые, не поддаваясь точной датировке, приблизительно все же определяются. Конкретно вычлениются следующие основные периоды взаимоотношений Советского государства с еврейством вообще и с его интеллектуальной элитой в частности: 1). 1917 – 1935 гг.; 2). 1936 – 1953 гг.; 3). 1953 – 1991 гг.

Начало первому периоду (1917–1935 гг.) было положено Октябрьской революцией. В ней еврейская интеллигенция сыграла важную историческую миссию «иноплеменного катализатора», благодаря которой во все времена (например, при Петре Великом) и у всех народов запускается механизм преодоления сковывающей инерции традиционализма, смены политических элит и ускоренной социальной модернизации. Одним из важнейших моментов этого периода стала эмансипация евреев, причем не только правовая (произошла еще при Временном правительстве), но и фактическая. Этому в немалой степени способствовало то, что разгромив подпольные «буржуазные» черносотенные организации, большевики покончили с прежней идеологией юдофобии, как «старой», имевшей глубокие религиозные корни, так и «модернизированной», являвшейся «слепком» заимствованного на Западе расового антисемитизма. Кроме того, были сняты все барьеры на пути вхождения евреев в политическую, управленческую, культурную и интеллектуальную элиту общества, причем это вхождение происходило в обеспечивавшемся «верхами» режиме наибольшего благоприятствования и в отсутствие сопротивления со стороны старой элиты, устраненной революцией. Все это дало мощный импульс процессу естественной ассимиляции еврейства, жертвовавшего своей этноидентичностью ради жизненного преуспевания в русскоязычной среде. Началось интенсивное формирование советской интеллигенции еврейского происхождения (ИЕП), в лице которой режим обрел надежную социальную опору (тогда как при царизме русско-еврейская интеллигенция являлась одним из ударных отрядов антиправительственной оппозиции). Однако поддержка государством этого процесса осуществлялась исключительно с «классовых» позиций (еврейские интеллектуалы, тяготевшие идейно к сионизму, а культурно – к гебраизму, преследовались большевиками как «буржуазные националисты»). Благодаря ревностному служению новой власти советские интеллигенты из числа евреев очень быстро оказались на ведущих позициях в основных сферах социальной жизнедеятельности – от государственного управления и национальной

¹ В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994; Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Г.В. Костырченко (Россия. XX век. Документы) М., 2005; Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.

безопасности до культуры и науки. В 1920-е – 1930-е гг., да и в последующие годы ИЕП внесла заметный вклад в развитие многих сфер жизнедеятельности советского общества – политическую, экономическую, научную, культурную, производственно-техническую, управленческую, образовательную и др. Гоовря о политической сфере, необходимо отметить, что представительство евреев во власти и управленческой сфере, будучи максимальным в первые послереволюционные годы, с середины 1920-х гг. постепенно стало сокращаться, хотя и спустя десятилетие еще оставалось внушительным. Причем в силу значительной ассимиляции евреев, вошедших в советскую политическую элиту, фактор их этничности играл, по сути, номинально-формальную роль.

Содействуя ассимиляции евреев и используя их как ударную силу в «социалистическом» переустройстве общества, режим параллельно подпитывал и этнокультурное развитие этого нацменьшинства (создание еврейских театров, клубов, газет, журналов, издательств, школ, техникумов, факультетов и кафедр в вузах, административных районов, колхозов и т.п.). При этом большевики сделали ставку исключительно на идишистскую культуру, считая такую поддержку вынужденным и временным компромиссом, повышающим эффективность борьбы с «буржуазным» сионизмом и гебраизмом и, в конечном счете, обеспечивающим плавное, постепенное (через «переходную ступень») течение ассимиляционных процессов. В наибольшей степени официальная политика предпочтений в отношении еврейского нацменьшинства была присуща первому 15-летию советской власти, приверженной тогда интернационалистско-ленинской идеологической парадигме. Однако создав на Дальнем Востоке Еврейской автономной области и объявив в середине 1930-х гг. об успешном решении в СССР «еврейского вопроса», власть перестала нуждаться в идишистских культуртрегерах, все больше воспринимая их как помеху дальнейшей ассимиляции евреев и потенциальную «пятую колонну». Вот почему с середины 1930-х гг. «евреи-националы», как и другие нацменьшинства (поляки, чехи, немцы и др.), стали преследоваться режимом, а в годы «Большого террора» подверглись репрессиям как агентура враждебных СССР стран. Тогда пострадало и немало ассимилированных евреев-интеллигентов, главным образом из числа партийных и государственных функционеров. Причем, и «националы», и «ассимилянты» пали жертвами обострившейся шпиономании и пароксизма универсальной номенклатурной чистки, но не политической юдофобии: ее элементы проявились

чуть позднее – когда пик политических репрессий миновал и наступил период стабилизации и даже некоторого смягчения режима.

Второй период в истории «еврейской политики» советского режима (1936–1953 гг.), который, собственно, и составил предметную основу данной статьи, проходил под знаком постепенной кристаллизации спорадических элементов официального антисемитизма в четко выраженный официальный курс, который в полной мере проявился в 1949 – 1953 гг. Именно к началу второго периода четко обозначились предпосылки этого явления. Тогда в глобальном соперничестве трех макроидеологий – либерализма, коммунизма и национализма – последний стал уверенно лидировать, а в СССР произошла смена идеологических парадигм – интернационалистской на патриотическую. Следствием стала кардинальная перестройка советской государственности на основе новой концепции «старшего брата», символически освященной новой «сталинской» конституцией. По сути, это было отступление от ленинского проекта межэтнической конвергенции, лишившего прежде доминировавших (численно, культурно и политически) русских былых привилегий (делегировались нацменьшинствам), и походило на некоторый возврат к устоям царской империи. Как бы вновь декларировалась руководящая роль русских, провозглашавшихся самым передовым народом в строго иерархичном этнополитическом конгломерате так называемых социалистических наций, а ассимиляция нацменьшинств все больше переводилась на административные рельсы. Как и всякая другая модель, построенная на силе центра, авторитете вождя и жизненной энергии государствообразующего народа, СССР мог быть жизнеспособным лишь при сохранении этими системными факторами своей эффективности. Однако, рано или поздно, ресурсы центра иссякают, харизматические вожди умирают, а жизненные силы «старшего брата» под бременем возложенной на него объединительной миссии слабеют. При этом «младшие» окраинные народы, наоборот, за счет донорской подпитки из центра все больше наращивают свой экономический и культурный потенциал и все активнее стремятся к политической самостоятельности.

Семена «угасания» советской империи были парадоксальным образом посеяны самой властью, существенно усилившей свою этническую (антиимперскую!) системную составляющую в ущерб социально-политической. Национальная принадлежность стала использоваться режимом как социальный маркер, применявшийся, в том числе, и для скрытой дискриминации.

«Инфицирование» власти элементами антисемитизма являлось в определенной мере следствием предвоенного советско-германского государственного сближения. Однако официальный антисемитизм в многонациональном и декларативно интернационалистском Советском Союзе никогда не носил, в отличие от мононациональной нацистской Германии, тотально-репрессивного характера, развивался медленнее и, самое главное, не имел легитимного статуса. Сталин, в отличие от Гитлера, не был идейным антисемитом. Если нацистское «окончательное решение» предусматривало полное физическое уничтожение евреев, то сталинская «еврейская политика» ставила во главу угла ассимиляцию, изначально считавшуюся марксистской теорией объективным и потому прогрессивным явлением. Официальному антисемитизму в СССР была присуща латентная тактика действий «изподтишка», а также использовавшаяся для прикрытия риторика о «коренизации» кадров, прокламировавшая номенклатурный приоритет представителей «титულიной» национальности. Негласность и дозированность сталинского антисемитизма исключали возможность осуществления массовых репрессивных антиеврейских акций.

Новые антиеврейские национально-кадровые веяния в номенклатурных сферах заявили о себе с конца 1930-х гг., в частности, тем, что в аппарате ЦК ВКП (б) сначала прекратились кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а потом тех из них, кто уцелел после «Большого террора», стали исподволь устранять оттуда, причем на первых порах по одному, почти незаметно. Внешне все выглядело вполне благопристойно, ибо обставлялся этот остракизм благовидными предложениями и проходил без скандалов, причем с последующим трудоустройством нежелательных в национальном отношении лиц на менее значимые, но достаточно престижные должности в наркоматах и других государственных учреждениях, откуда евреев начнут убирать только спустя несколько лет.

Главную роль в генезисе официального антисемитизма сыграл фактор единовластия Сталина. Этот момент имел как объективную, так и субъективную составляющие. Первая проявилась в том, что антисемитизм стал системным явлением, производным от политического режима Сталина, точнее, от такой его «несущей конструкции», как идеология «осажденной крепости», изоляционизма, политической ксенофобии. Если в нацистской Германии офи-

циальный антисемитизм носил самодовлеющий характер, то в СССР он служил средством укрепления единовластия Сталина и был следствием социально-политической автаркии страны.

Происшедшая «этнизация» режима обернулась скрытой дискриминацией евреев и других нацменьшинств. Она позволила Сталину демагогически использовать лозунг «коренизации» кадров как средство раздувания конкурентной борьбы (не только межэтнической, но и межпоколенческой) внутри управленческой элиты, подчиняя ее, таким образом, своей воле. В ходе «Большого террора», не носившего в целом антисемитской окраски, произошло кардинальное обновление руководящего номенклатурного слоя (в том числе и вследствие репрессивного вымывания немалого количества евреев и представителей других нацменьшинств). В результате во власти возобладали молодая генерация бюрократии (главным образом из славян), которая состояла по преимуществу из людей, вышедших из социальных низов и приобщившихся к большевизму с середины 1920-х гг. («ленинский призыв» в партию) в период сильнейшего всплеска в обществе бытового антисемитизма, и которая стала новым социальным базисом режима. Видя в этом воспитанном в духе абсолютной преданности верховному вождю номенклатурном слое свою главную политическую опору, Сталин манипулировал им, в том числе, и посредством тайного аппаратного антисемитизма, ставшего важным подспорьем для провоцирования конкурентной борьбы внутри правящей бюрократической элиты. Впрочем, и та потом «научилась» активно «играть» на юдофобии вождя. Кроме того, политический популизм сталинизма выражался в создании мифа о верховном вожде, отстаивающим в борьбе со своеволием и злоупотреблениями чиновной бюрократии – «вредного средостения», «проклятой касты» – народные интересы, а также в подспудных спекуляциях на «темных инстинктах» «низов», в том числе и на ксенофобии.

Аппаратной колыбелью официального антисемитизма явился ведущий в аппарате ЦК ВКП (б) Отдел руководящих партийных органов, преобразованный в 1939 г. в Управление кадров – мощную структуру, своего рода аппаратного монстра, ведавшего назначениями, увольнениями и перемещениями в руководящих слоях советского чиновничества – от наркомов до директоров совхозов. Именно это управление, руководимое Г.М. Маленковым, и выступило в роли генератора государственного антисемитизма в стране.

Как системное явление антисемитизм был нацелен на постепенное, «дозированное», сокращение «еврейского влияния» в советском обществе, причем, в первую очередь, в политическом и идеологическом его сегментах. Сначала это осуществлялось почти исключительно посредством административного «кадрового регулирования» (увольнения с работы под различными предлогами, перевод с руководящих на менее значимые и рядовые должности и т.п.), а с конца 1940-х гг. – еще и путем репрессий. Если до конца 1940-х гг. официальный антисемитизм использовался Сталиным преимущественно «рационально» (в интересах политического укрощения номенклатуры), то потом (когда психика этого жестокого политика под бременем лет все более параноически деградировала) – преимущественно «эмоционально», провоцируя такие «безумные» акции, как «дело врачей». Симптоматично, что и такой крупный и серьезный аналитик истории большевизма, как Б.И. Николаевский отмечал разницу между советским вождем конца 1930-х (осуществлял «Большой террор» «не по безумию Калигулы, а потому что сделал его фактором своей активной социологии») и начала 1950-х, допуская применительно к этим годам «возможность ненормальности Сталина»².

Важным элементом начальной стадии второго периода стало то обстоятельство, что нацистское нападение на СССР лишь на время приглушило советский аппаратный антисемитизм. Дальнейшее развитие этой «болезни» было лишь на время приторможено. Вот почему, столкнувшись с широкомасштабным гитлеровским геноцидом евреев, сталинское руководство ограничилось контрпропагандой, разоблачавшей антисемитскую ложь нацистов, основанную на теории «жидобольшевизма» (статьи И.Г. Эренбурга, Е.М. Ярославского и др.), и вместе с тем расширяло практику замалчивания Холокоста. И если в начальный период войны это замалчивание можно было как-то объяснить опасением невольно не подыграть геббельсовской пропаганде, утверждавшей, что фюрер пришел освободить русский народ и что Германия воюет только против коммунистов и евреев, то сокрытие еврейских жертв, скажем, в советском официальном сообщении от 7 мая 1945 г. об освобождении узников Освенцима уже никак нельзя мотивировать этим резонансом.

² Николаевский – Валентинову, 20 октября 1954 г. // Валентинов Н.В. Наследники Сталина / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1991. С. 218-219.

Другой особенностью этой стадии стало происходившее параллельно резкое усиление в обществе бытового антисемитизма, провоцируемого тяготами военного времени, нацистской пропагандой и, конечно, соответствующими настроениями в «верхах». Аппаратный антисемитизм вновь стал «прорастать» на советской чиновничьей ниве уже начиная со второй половины 1942 г., когда власти благодаря первым победам над врагом вышли из стресса и как бы «взялись за старое». Тогда по команде со Старой площади начались увольнения евреев из сферы управления культурой и пропагандой. В результате в еврейской среде возникли упорные слухи о том, что главные антисемиты «засели» в ЦК, и именно оттуда исходят циркуляры с дискриминационными новациями в области кадровой политики. И хотя в действительности никаких письменных антиеврейских директив не рассылалось (это автоматически подпадало под статью уголовного кодекса), устные указания такого рода, несомненно, были, что подтверждается многочисленными документальными свидетельствами. Тогда в аппарате ЦК ВКП (б) начали составляться секретные информационные доклады с явным антисемитским подтекстом. Например, «О подборе и выдвижении кадров в искусстве» – именно так называлась докладная записка от 17 августа 1942 г. руководства Агитпропа ЦК в секретариат ЦК, в которой констатировалось, что «во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно еврей)», а «русские люди оказались в меньшинстве»³.

Начавшаяся на основе пятого пункта анкеты кадровая чистка, несмотря на ее завуалированный характер, вызвала бурную ответную реакцию. Пострадавшие, которые в большинстве своем догадывались об истинной причине их изгнания из управленческих структур, стали обращаться в «инстанции», в том числе и к Сталину, прося объяснить, в чем они провинились перед партией и государством, и требовать наказать уволивших их чиновников-антисемитов, действовавших, как они думали, или, точнее, хотели думать, по собственной инициативе. В защиту жертв чистки выступили многие известные деятели культуры и науки русского происхождения. Благодаря такому общественному противодействию, самое серьезное, что могло тогда произойти, – легализация скрытого аппаратного антисемитизма и слияние его в едином мутном потоке со стихийной юдофобией масс – к счастью, не случилось. Да и пока шла война,

³ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953 / Сост. г.В. Костырченко (Россия. XX век. Документы) М., 2005. С. 27-29.

Сталин не решился на широкие антиеврейские действия, хотя его завуалированный личный антисемитизм, чутко угадываемый ретивым в исполнении любой прихоти «хозяина» придворным окружением, скорее всего, и спровоцировал ту же кампанию борьбы «за чистоту русского искусства». Впрочем, когда запахло скандалом, вождь смекнул, что подобная авантюра может обернуться для советских «верхов» нежелательными последствиями: самодискредитацией в глазах международного общественного мнения, неизбежными осложнениями во взаимоотношениях с союзниками, усилением межнациональных трений внутри общества, подрывом его социального единства и сплоченности. И, наконец, стало очевидным, что дальнейшее нагнетание антиеврейских страстей может быть воспринято в мире как некая солидаризация с человеконенавистнической нацистской идеологией и политикой гитлеровцев. Для Сталина такая перспектива была неприемлемой. Поэтому в интересах дела (точнее, сохранения собственной власти) он в годы войны не только сумел заглушить свою личную, все время нараставшую антипатию к еврейству, но даже пошел, например, в конце 1941 г. на создание Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) во главе с С.М. Михоэлсом и, используя эту структуру для пропагандистской обработки западного общественного мнения, извлек в итоге немалую политическую и материальную выгоду (несколько десятков миллионов долларов помощи от международного еврейства). Вместе с тем, Сталин, наделенный трайбалистским менталитетом и мыслявший категориями коллективной вины, подверг в годы войны наказанию целые этносы, которые огульно были обвинены в предательстве.

Однако к неудовольствию Сталина, ЕАК под напором разбухшего кровавой войной и Холокостом еврейского самосознания стал из «ручной» пропагандистской организации спонтанно превращаться в орган еврейской культурно-национальной автономии. Кульминацией такой эволюции явилась утопическая попытка лидеров ЕАК под влиянием некоторых руководителей американского «Джойнта» возродить в начале 1944 г. проект создания еврейской республики на территории Крыма. Причем, на это и другие проявления так называемого буржуазного национализма власти реагировали на первых порах сдержанно.

Как ни парадоксально, но обострение еврейской проблемы в СССР произошло уже после победы над нацизмом, когда мир, расколовшись на противостоявшие друг другу военно-политические блоки, погрузился в затяжную холодную войну. Тогда СССР из региональной державы превратился в мировую,

став в биполярном мире одним из центров глобальной силы. В условиях усиления международной напряженности и блокового противостояния руководство СССР не желало больше мириться с национальными инициативами лидеров советского еврейства, которые пытались к тому же сохранить установленные ранее контакты со всемирным еврейством (в том числе и сионистскими кругами). По мере «холодного» ужесточения режима в ход были пущены тайные репрессивные акции. В начале 1948 г. по негласному приказу Сталина был убит Михоэлс, олицетворявший собой волю советских евреев добиться права на полноценное национально-культурное развитие. Воздействие извне на еврейскую проблему в СССР особенно стало ощутимым после того как в 1948 г. возникло государство Израиль. Возрождение еврейской государственности на Ближнем Востоке вызвало в советском еврействе (в первую очередь в его образованном слое) всплеск национального самосознания, выразившийся, в частности, в массовых стихийных демонстрациях национальной солидарности в связи с приездом в Москву первого израильского посла г. Меир осенью 1948 г. Сталину, очевидно, пришлось пережить в связи с этим настоящий шок. Именно тогда запущенному ранее процессу административной ассимиляции было придано сверху силовое ускорение, и он приобрел репрессивно-силовой форсированный характер. На смену административному ограничению еврейской национальной активности пришло ее силовое подавление. Одновременно власть занялась искоренением еврейской культуры как таковой. В глазах Сталина та превратилась в атрибут «буржуазного национализма» (сионизма), который в СССР считался преступным по определению. К началу 1950-х гг. престарелый и страдавший от многочисленных хронических недугов диктатор окончательно превратился в патологического юдофоба, которому повсюду мерещились заговоры сионистов. Однако Западу так и не удалось даже в незначительной мере нарушить герметичность сталинского «железного занавеса», организовав сколько-нибудь существенную эмиграцию советских евреев.

Почти пять лет длилось незримое противостояние руководства ЕАК, этой небольшой группки людей, робко заявившей в 1944 г. о правах стоявшего за ними национального меньшинства, и государственной машины подавления, не привыкшей считаться ни с чьими правами. За дерзкий вызов, брошенный созданной им системе и ему лично, Сталин жестоко отомстил, казнив в августе 1952 г. 13 человек «по делу ЕАК». Были арестованы и руководители Еврей-

ской автономной области, что означало полный крах пропагандистского мифа о «красном Сионе», символизировавшего собой советское решение «еврейского вопроса».

Развернутая в конце 1940-х гг. в средствах массовой информации ура-патриотическая шумиха вокруг так называемых безродных космополитов послужила своеобразным прикрытием репрессивной акции по ликвидации еврейской общественной активности и национальной культуры. Скоординированные пропагандистская и полицейская атаки имели ни с чем не сравнимый устрашающий эффект и оказали сильное психологическое воздействие на в большинстве своем ассимилированное советское еврейство. Его представители, занимавшие важные позиции в управленческой, творческой и интеллектуальной сфере страны, в наибольшей степени пострадали от антикосмополитической кампании. Послевоенное усиление официального антисемитизма в его советской разновидности было объективно обусловлено еще и тем, что в социальной природе диктаторского режима изначально заложен жизненно важный для него императив пропагандистского использования «образа врага» как инструмента порабощения общества и манипулирования его сознанием. Когда с конца 1940-х гг. жупелы «космополита» и «еврейского националиста» стали активно вытеснять из пропагандистского обихода такие обветшавшие «страшилки», как «троцкисты», «вредители» и прочие «контрреволюционеры», этот образ стал исподволь наполняться антиеврейским содержанием. Обличая интеллигенцию за «раболепие» и «низкопоклонство» перед Западом (это преклонение, надо признать, действительно имело место, принимая порой гротескные формы), Сталин боролся, однако, не с причиной этого «недуга» – порождавшей идеализацию Запада (да и тот же «культ личности») герметичной закрытостью советского общества, а со следствием – внешними проявлениями самоуничужения. По сути, он, загоняя «болезнь» внутрь, воевал с собственной тенью, используя антисемитизм как крайнюю форму антизападничества.

Значительную роль в резкой антисемитизации власти сыграли такие факторы, как холодная война, внутренняя аппаратная борьба за власть. Имели немаловажное значение и моменты субъективного плана, в силу которых Сталину повсюду стала мерещиться американско-сионистская опасность. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что послевоенный курс Сталина на превращение СССР в великую мировую державу, противостоящую Запа-

ду, вызвал глухое неприятие советской интеллигенции либерального толка, имевшей прозападную ментальность. Ее Сталин и обвинил в космополитизме, так как не мог не ощущать ее затаенных симпатий к Западу и скепсиса в отношении его великодержавного курса. Адекватно ответить на глобализационный вызов, брошенный американцами после войны, Сталин так и не смог. Вместо этого он направил свой гнев на евреев, которые ему представлялись неким бродильным веществом, закваской, используемой американцами для получения пригодного для их глобального натиска «человеческого материала».

Возможно, из-за подобных страхов Сталин и посвятил последние годы жизни в основном тому, чтобы максимально изолировать подвластную ему страну от внешнего мира, прежде всего от Запада. Тем самым он попытался отвратить ее от того позитивного пути развития в духе европеизации, на который та вступила еще во времена Петра Великого.

Антикосмополитическая пропагандистская акция знаменовала собой переход власти к более жесткой административно-силовой парадигме руководства и способствовала укреплению партийно-полицейского тандема в организации и проведении кадровых чисток. Вновь, как в 1930-е годы, пропагандистские кампании партаппарата сопровождались «активными мероприятиями» госбезопасности с последующей фабрикацией политических дел и проведением судебных процессов (теперь, правда, только закрытых).

Расправившись одним махом с еврейской культурой и ее представителями, власти вплотную занялись ассимилированными евреями, которые подозревались ею в «сочувствии» буржуазным националистам. Вот почему перманентные кадровые чистки начинают приобретать с весны 1949 г. все более откровенный антисемитский характер. Ключевую роль в этом сыграло подписанное Сталиным 21 июня 1950 г. секретное постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в связи с крупными ошибками, вскрытыми в работе с кадрами в Министерстве автомобильной и тракторной промышленности СССР», которое привнесло в спонтанные до этого антиеврейские гонения в номенклатурной сфере систематичность, универсальность и детальную регламентацию. В документ было включено положение, обязывавшее министров и других руководителей ведомств ежегодно представлять в ЦК отчеты о работе с кадрами, как в цент-

ральных аппаратах управления, так и в подчиненных им организациях⁴. Причем, в эти отчеты должны были, наряду с прочими, в обязательном порядке заноситься и сведения о национальности вновь принятых и уволенных сотрудников. И самое главное, было устно разъяснено, что особое внимание следует уделять движению кадров еврейского происхождения. По сути, это означало легитимацию тотальной антиеврейской чистки управленческого аппарата как атрибута государственной политики национальной безопасности⁵.

Выдавливание евреев из номенклатуры проходило постепенно, чем обеспечивался необходимый при латентном антисемитизме камуфляж, да и видимость стабильности, невозможной при резких кадровых изменениях, чреватых серьезными издержками для страны. Ретивые администраторы, пытавшиеся уволить сразу всех евреев, даже наказывались, поскольку способствовали тому, что тайное становилось явным. В ходе послевоенной антиеврейской чистки пострадали управленцы, начиная с министров и далее по нисходящей, а также журналисты, профессура, другие представители творческой интеллигенции. При этом наблюдался «перелив» кадров еврейского происхождения с верхних на низшие, менее престижные уровни номенклатурной пирамиды. Но допускались и исключения из правил. Скажем, в сфере науки и техники, связанной с обеспечением обороноспособности страны, господствовал прагматический подход, исповедовавшийся, прежде всего, Л.П. Берией: наиболее даровитых ученых и конструкторов еврейского происхождения власти не только не трогали, но и создавали им благоприятные условия для работы. Однако прием молодых евреев в вузы, учреждения и на предприятия, входившие в сферу обеспечения национальной безопасности, был полностью перекрыт. В 1950 г., в отличие от предыдущих лет, среди абитуриентов, поступивших в высшие учебные заведения МВД, МГБ, МИДа, Минвнешторга, а также в Высшую партийную школу и Академию общественных наук при ЦК ВКП (б), не оказалось ни одного еврея⁶.

Массовые антиеврейские чистки 1949 – 1953 гг. носили универсальный характер, захватив управленческие звенья буквально во всех сферах деятель-

ности – в экономике, науке, искусстве, литературе, здравоохранении, образовании, силовых структурах и т.д. В большинстве случаев конечным результатом гонений становилось увольнение с работы под тем или иным предлогом (от написанного под нажимом заявления об уходе «по собственному желанию» до ссылок на проводимое якобы сокращение штатов и демагогических обвинений в невыполнении служебных обязанностей). При этом настоящая причина увольнения – еврейское происхождение сотрудника – официально никогда не называлась. Сверху кампания направлялась посредством устных директив, передаваемых или непосредственно, в ходе персональных инструктажей чиновников кадровых служб и секретарей парткомов в министерствах, ведомствах и руководящих партийных органах, или по телефону.

Помимо понижений в должности или увольнений из тех или иных учреждений или предприятий чистка в некоторых случаях имела и куда более печальные последствия. Когда в дело вмешивались органы МГБ, специализировавшиеся на разоблачении «преступной деятельности» «еврейских буржуазных националистов», чистка сопровождалась арестами не в чем неповинных людей и даже вынесением потом некоторым из них смертных приговоров. Наиболее жестокой была расправа в 1950 г. на Московском автомобильном заводе им. Сталина, где тайной полицией было «вскрыто» «сионистское подполье». По так называемому делу ЗИСа были арестованы более 50 человек, 14 из которых расстреляли (то есть больше, чем потом казнили по делу ЕАК)⁷.

Последняя групповая казнь «еврейских националистов» состоялась 18 сентября 1952 г., когда по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР было расстреляно четверо бывших руководящих сотрудников Кузнецкого металлургического комбината в Сталинске (ныне Новокузнецк Кемеровской области)⁸.

Вследствие того что послевоенные репрессии в СССР значительно уступали по масштабу кровавой чистке 1937–1938 гг., от политического террора властей в период «зрелого» антисемитизма пострадало относительно небольшое количество евреев. Всего в 1948 – 1953 гг. за «националистическую деятельность» были репрессированы около 1 тыс. евреев, в том числе расстреляны не более ста, что частично подтверждается следующими данными.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 922. Л. 79-80; Д. 931. Л. 126-130.

⁵ Государственный антисемитизм в СССР... С. 353-356.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 35. Л. 147, 215.

⁷ Государственный антисемитизм в СССР... С. 359-369.

⁸ Там же. С. 370-385.

Годы	Количество советских евреев, арестованных и осужденных госбезопасностью		
	По общим политическим мотивам (% евреев от всех арестованных в СССР по тем же мотивам)	В том числе как националистов – сионистов, бундовцев (% евреев от всех арестованных за “националистическую деятельность”)	В том числе как клерикалов (членов иудейских общин)
1936	Данных нет		
1937	Данных нет	420 (сионистов) (0,8)	
1938	Данных нет	1926 (сионистов) (2,8)	
1939	2969 (6,6)	181 (сионисты и клерикалы) (7,5)	
1940-1942	Данных нет		
1943	Данных нет	55 (сионисты и клерикалы) (5,1)	
1944	Данных нет		
1945	714 (0,6)	67 (0,3)	–
1946 –1947	Данных нет		
1948	956 (1,4)	42 (0,2)	8
1949	1979 (2,8)	249 (1,5)	17
1950	1232 (2,1)	201 (1,3)	39
1951	1079 (2,3)	229 (2,5)	55
1952	352 (2,1)	102 (2,8)	4
1953	405 (3,8)	128 (3,5)	2
Итого:	9686 (2,7)	3600 (2,6)	125

Из таблицы видно, что доля евреев в общем количестве советских нерусских граждан, репрессированных в послевоенное время за «националистическую» деятельность, начинает нарастать с 1949 г., при том, что в среднем за 1939 – 1953 гг. эта доля не превысила 3%⁹.

Своего апогея антиеврейские чистки достигли в последние месяцы жизни Сталина, когда тот предпринял свою последнюю масштабную политическую провокацию, известную как «дело кремлевских врачей». И хотя по обвинению во «вредительском лечении» высокопоставленных советских партийных и государственных деятелей, наряду с известными специалистами-медиками еврейского происхождения, были взяты под стражу и подвергнуты пыткам некоторые их не менее именитые русские коллеги, в целом это «дело» имело антисемитский характер. Именно в таком качестве оно было воспринято общественным мнением и в Советском Союзе, и за рубежом.

В те дни инфильтрация антисемитизма в общество происходила так бурно, что принцип постепенности увольнений, соблюдавшийся ранее при антиеврейских чистках был отброшен, руководству некоторых предприятий и учреждений (главным образом, связанных с обеспечением национальной безопасности) сверху было дано указание чуть ли не за сутки уволить всех евреев. Такого размаха антиеврейская вакханалия достигла в силу того, что болезнь стоявшего за ней Сталина сопровождалась инстинктивной ставкой диктатора на шовинистический популизм, ставший последней его ударной силой из арсенала средств поддержания режима личной власти. Тем не менее, осознав, по всей вероятности, опасность дальнейшего нарастания националистической истерии для целостности созданной им многонациональной коммунистической империи, диктатор незадолго до смерти стал свертывать пропагандистскую кампанию вокруг «дела врачей», чреватого разрушением фундаментальных основ многонационального государства и наступлением социального хаоса. Таким образом, социальное нагнетание антисемитизма, достигнувшее апогея к двадцатым числам января 1953 г., пошло затем на убыль. Тем самым устранялась потенциальная возможность осуществления властями сколько-нибудь крупной антиеврейской акции.

⁹ Таблица составлена по данным: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918-1953). М., Жуковский. «006. С. 337, 341, 346, 348, 363-464.

Да, тогда в обществе циркулировали упорные слухи о подготовке Сталиным массовой депортации евреев. И подобная угроза, безусловно, существовала. Ведь чуть ли не с момента воцарения в России большевиков власти постоянно практиковали бессудное и массовое выселение людей (сначала по классовому, а затем и по национальному признакам). Но также верно и то, что в тех условиях подобный сценарий был неосуществим. В отличие, скажем, от насильственного выселения территориально локализованных на окраинах империи кавказских народов, депортацию сотен тысяч евреев, проживавших не обособленно в колониях-гетто, а в густонаселенных городских центрах страны, ассимилировавшись и растворившись в инонациональной массе, нельзя было провести ни молниеносно, ни тем более тайно. Ясно, что изъятие такого количества людей из нормальной общественной среды, где к тому же многие из них играли заметную роль в области науки, культуры, других общественно значимых сферах, возможно было бы только после всесторонней продолжительной подготовки. Требовались предварительные радикальные изменения и в официальной идеологии, сохранявшей, несмотря на шовинистический пресс сталинизма, еще существенную толику большевистского интернационализма. То есть, схематично выражаясь, почвеннический шовинизм должен был бы полностью вытеснить коммунистический интернационализм, что было невозможно в принципе. Несмотря на все симпатии Сталина к традиционной русской государственности и нагнетавшийся по его воле русский патриотизм, он не мог отказаться от коммунистической идеологии, ибо его евроазиатская империя от Берлина до Владивостока держалась, главным образом, на ней, а отнюдь не на русской идее. И в этом противоречии коренилась главная причина идеологической амбивалентности сталинизма. Осмысливая еще в начале 1960-х гг. этот феномен, глубокий знаток советской системы Эммануил Казакевич писал: «...Мы строили не сталинскую империю, а социалистическое общество. Если бы мы заподозрили хоть раз, что нас пытаются заставить строить сталинскую империю, – Сталина давно бы уже не было. Сталин это отлично знал. Недаром же он клялся Лениным и беспрестанно называл себя его учеником. ...Недаром, ссоря между собой народы, он прославлял дружбу народов. Если бы он все время этого не говорил, не повторял и не подчеркивал, – его давно уже не было»¹⁰.

¹⁰ Казакевич Э.Г. Гений и злодейство // Советская культура. 1988. 9 июля. С. 6.

Другим главнейшим сдерживающим фактором послужила угроза развязывания третьей (ядерной) мировой войны: в подготовке к ней СССР явно отставал от США, и Сталин, остерегавшийся внешнеполитических авантюр, отлично это понимал. Раскручиванию спирали репрессивного шовинизма воспрепятствовало и подспудное противодействие высшей бюрократии, значительно окрепшей в послевоенные годы. Та явно не желала, чтобы ее и дальше продолжали отправлять на заклание, теперь уже за якобы пособничество сионистской «пятой колонне». Впрочем, само расстроившееся к тому времени здоровье диктатора делало невозможной организацию нового «Большого террора».

Это был как раз тот случай, когда происшедшая в конце 1930-х гг. трагедия вновь напомнила о себе, перевоплотившись в фарс. Все эти обстоятельства не позволили СССР пойти по нацистскому пути «окончательного решения» «еврейского вопроса». Поэтому разговоры о том, что Сталин жаждал и способен был на краю могилы разжечь пожар третьей мировой войны и повторить массовое кровопускание 1937 года, планируя использовать в качестве запала массовую депортацию евреев, не имеют под собой сколько-нибудь веских научных оснований. Словом, у полностью изжившей себя сталинской диктатуры хватило пороха только на истеричную, но вместе с тем устрашающую увертюру. Ее время завершилось. Начиналась новая эпоха. Однако после смерти вождя новый режим, несмотря на отказ от прежних «крайностей», принципиально не изменился. Вот почему антисемитизм – пусть и в значительно меньшей «концентрации» – продолжал и далее присутствовать во власти.

А.Б. Едемский

МОСКВА, МАРТ – ИЮЛЬ 1953-го... НАБЛЮДЕНИЯ ЮГОСЛАВСКИХ ДИПЛОМАТОВ

Советско-югославский конфликт, длившийся с 1948 г. до первых месяцев 1953 г., наложил серьезный отпечаток на восприятие элитами и народами обеих стран друг друга. В Советском Союзе смотрели на ФНРЮ через призму резолюций совещаний Коминформа 1948 и 1949 гг.¹, в то время как в Югославии укоренились определения СССР, как новой империалистической страны, деспотии и т.п. В появлении таких оценок большую роль сыграли выступления и статьи М. Джиласа весной-осенью 1950 г., утверждавшего, что в СССР господствует государственный социализм, управляемый «иерархически дифференцированной кастой бюрократов»².

Смерть И.В. Сталина повлияла на преодоление рутинных формулировок, внесла в них новые ноты. Первые признаки того, что советская сторона изменила свое отношение к Югославии, сами югославы отметили уже в первые недели после кончины советского вождя. Изменилось отношение к югославским дипломатам со стороны их советских коллег за границей, а также чиновников МИД СССР к служащим посольства ФНРЮ в Москве (самый яркий пример тому – протянутая рука заместителя Молотова Я.А. Малика югославскому поверенному в делах Джуричу после завершения церемонии похорон Сталина)³.

Ситуация, открывавшая дополнительные возможности для успешной работы в Москве, и требования руководства в Белграде, которое желало иметь достоверную картину происходившего в СССР⁴, побудили посольство ФНРЮ в СССР к резкой активизации деятельности. Сбор информации о настроениях советских граждан был лишь одним из направлений в этой работе. При отсутствии нормальных контактов с официальными лицами СССР (до августа 1953 г. каждый из них рассматривался как чрезвычайный) упор делался на мнения представителей посольств других стран в Москве, визуальном наблюдении за советским руководством на торжественных заседаниях и приемах, куда стали приглашать сотрудников посольства ФНРЮ, на анализ высказываний советских руководителей, их выступлений в печати, а также статей в

советских СМИ и периодических журналах. На этом фоне информация, получаемая в беседах с советскими гражданами, включая уличные разговоры и слухи, мнения знакомых и пр., была существенным, но не единственным источником тех ценных данных, которые подвергались анализу в Белграде. Большое значение придавалось также оценкам и характеристикам, исходившим от дипломатов в других странах, как Запада, так и советского блока. В самые кризисные моменты (в 1953 г. это были события после смерти Сталина в марте, арест Л.П. Берии в июле и процесс над ним в декабре) сведения о настроениях советских граждан и членах дипкорпуса наравне фигурировали в телеграммах югославского посольства, направлявшихся в Белград.

Так, о смерти Сталина стало известно в информационном агентстве ТА-НЮГ в ночь с 5 на 6 марта. Вечером 6 марта была получена телеграмма посольства в Москве. В ней сообщалось о мерах безопасности, предпринятых в центре советской столицы («милицейские кордоны блокировали большую часть центра даже и для пешеходов»), приводились высказывания москвичей о том, что [у советской страны] «много врагов», но также отмечалось и «имевшее место ликование»⁵.

Освещая события 7 марта, Джурич отмечал, что для прощания с вождем «потекли реки паломников в основном из представителей предприятий и учреждений», однако вследствие «плохой и чрезмерно жесткой» организации было «очень много обмороков. При этом людей укладывали на скамьи или землю. Никто не плачет... Лица серьезны, но не печальны. Заметно меньше пьяных на улицах»⁶. В тот день глава югославской миссии отказался пройти в составе представителей дипломатического корпуса мимо гроба с телом Сталина, направив вместе себя секретарей посольства Жагара и Божича, которые доложили: «Сталин выглядит страшно, посинел. Нет ни жалости, ни атмосферы поклонения подобной той, что в мавзолее Ленина»⁷.

Вечером в подробном отчете о событиях прошедшего дня Джурич заметил: «Многие дипломаты считают, что русским не удалось добиться той торжественности, которую следовало ожидать. Все же похороны прошли лучше, чем процессии граждан перед гробом Сталина в Колонном зале в эти дни. Утверждают, что поведение граждан во время прощания напоминало рыночную толкучку, и не было ничего похожего на атмосферу преклонения по отношению к покойнику. Возможно, этого и не желали. Складывается впечатление,

что Сталин начал мешать как только умер, и поэтому его быстро похоронили. Во время торжественных мероприятий дело было не столько в Сталине, сколько в желании нового правительства показать себя таким же сильным, как и правительство при Сталине»⁸.

Все сообщения из Москвы тщательно изучались в Государственном секретариате по иностранным делам (ГСИД) ФНРЮ. Об этом, частности, свидетельствовали указания заместителя госсекретаря по иностранным делам В. Мичуновича, переданные в посольство: «Для дополнения донесений используйте, кроме сведений от дипломатического корпуса в Москве, как можно больше личных наблюдений и выводов из печати, [указывайте] всегда (выделено в телеграмме. – А.Е.) источник информации»⁹.

В начале апреля в Белграде был выработан детальный план действий по зондированию перспектив развития двусторонних отношений. Руководитель политического отдела ГСИД А. Милатович рекомендовал посольству в Москве время от времени инициировать рассмотрение периферийных вопросов этих отношений с тем, чтобы определить реакцию советского руководства. Милатович указывал: «Вопросы, которые нас интересуют в связи с последними изменениями в СССР, неисчерпаемы. Чтобы ответить на них, следует, по возможности, использовать как можно больше источников». Поскольку особое внимание предлагалось уделить «выявлению позиции и намерений СССР в отношении Югославии», то Милатович рекомендовал «внимательно изучать отношение к дипломатам со стороны сотрудников госбезопасности, занятых слежкой за ними, поведение МИД, Протокольного отдела и Бюробина¹⁰, отношение русских к сотрудникам посольства Югославии на тех приемах, где и они присутствуют, поведение представителей стран-сателлитов и т.д., оценки прессы, радио и пр.». В Белграде также рекомендовали «время от времени просить разрешения на организацию загородных пикников, посещение традиционных для поездок дипломатического корпуса мест, внимательно отслеживая реакцию русских». Особо оговаривалась необходимость получения разрешений на поездки югославских дипломатов в Ленинград, Варшаву, Хельсинки, Тегеран. «Словом, – указывалось в одной из инструкций, – от советского МИД следует как можно больше требовать, и, если разрешения получены, отправляться в путь на автомобиле или поезде... ибо это сделает возможным получение качественной информации в результате личного наблюдения»¹¹.

7 апреля югославское руководство дало публичную оценку событиям в Советском Союзе. Сделал это Э. Кардель, выступая на митинге в г. Крагуеваце. Упомянув о происходящих в СССР «изменениях», он заявил, что, «не имея сами по себе большого значения, они, тем не менее, важны, поскольку свидетельствуют об имеющемся у советского правительства намерении отречься от старой сталинской политики». Причины перемен Кардель охарактеризовал туманной фразой о том, что новое советское руководство вынуждено уступать «серьезному сопротивлению трудящихся масс бюрократическому деспотизму и иностранной империалистической экспансии». Действия Югославии на протяжении последних лет Кардель назвал правильными: страна выстояла, «как один человек, на позициях социализма, и сейчас сильнее, чем когда-либо в прошлом; те же, кто принимали антиюгославские резолюции, оказались в сложной внутривнутриполитической ситуации»¹².

На следующий день, 8 апреля, под влиянием выступления Карделя в посольство в Москве была направлена телеграмма заместителя госсекретаря по иностранным делам А. Беблера: «Исходя из последних изменений и дальнейшего хода событий в советской политике и скорости, с которой происходит смягчение позиции [СССР] во внешних и внутренних делах, мы предполагаем, что дело заключается не в отвлекающем маневре сегодняшнего руководства, вызванном текущим моментом. Это результат внутренних и внешних трудностей, которые вынуждают [руководство] искать новые пути, переходить к более крупным шагам. В связи с этим самая важная задача для вас – искать причины этих изменений в политической, экономической и общественной ситуации в СССР и странах-сателлитах, их взаимных отношениях и отношении к остальному миру, чтобы правильно истолковать возникшие перемены и предвидеть их дальнейшее развитие». Беблер призвал сотрудников посольства «быть внимательными в контактах, когда даете оценки», «быстро и конкретно» информировать Белград. «Наблюдения на месте и материалы из страны дадут нам самые большие возможности для информации о вышеизложенном»¹³.

Требования Белграда о получении всесторонней информации стали для сотрудников посольства руководством к действию. Уже 8 апреля Джурич, ссылаясь на домработницу супруги одного из дипломатов, русскую по национальности, сообщил, что та верит в убийство Сталина, о чем говорят по всему городу, как и об убийстве Готвальда. Джурич сообщил также, что о подобных

слухах информирует и военный атташе. Пометы на полях этой телеграммы Джурича свидетельствуют, что в Белграде подобным сообщениям придавали большое значение. Один из чиновников внешнеполитического ведомства написал: «Полезно было бы узнать, как много об этом говорят в городе, отмечать и слушать разговоры граждан в местах общепита и др.» Он также считал важным составить «баланс таких наблюдений в общественной жизни в связи с последними событиями»¹⁴.

Интерес югославов к изменениям в Москве был обоснованным. За фасадом структурных и персональных перестановок на вершине власти, за шагами в культурной жизни и другими событиями, в частности, сообщением МВД СССР об амнистии «кремлевских» врачей скрывалась определенная политическая линия. В стране поднималась первая волна антисталинской критики, начатой новым руководством буквально через несколько недель после смерти Сталина. Как вспоминал Константин Симонов, в апреле 1953 г. вскоре после официального объявления о фальсификации «дела врачей», членов и кандидатов в члены ЦК пригласили в Кремль, рассадили по нескольким комнатам и предложили ознакомиться с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина в истории с «врачами-убийцами», с показаниями Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы и т.д. По словам Симонова, «идея предоставить членам и кандидатам ЦК эти документы для прочтения принадлежала, несомненно, Берии, именно он располагал этими документами, и впоследствии выяснилось, что так все и было»¹⁵.

В Югославии во многом сохранялись прежние подходы к двусторонним отношениям. Причина заключалась, как в конфронтационной инерции, так и в связи с намерениями руководства активно использовать сообщения о переменах в СССР для укрепления своих позиций в стране и подчеркивания собственной стойкости и бесстрашия в недавнем конфликте. Так, в югославских комментариях амнистии «врачей-отравителей» подчеркивалось, что ее «следует толковать не как отрицание злодейских методов и практики, а как сиюминутный маневр, который в данной ситуации навязан, прежде всего, внутренними факторами, отличающими новое положение в СССР»¹⁶. 10 апреля Беблер в телеграмме в Москву потребовал от посольства сообщить «все ваши соображения об отражении и реакции в массах по поводу последних событий»¹⁷.

20 апреля Джурич сообщил, что амнистия, «действительно, была очень широкой. Некоторые граждане говорили, что она очень-очень большая; один шофер такси на замечание о том, что она охватывает десятки тысяч людей, заметил, что их намного больше». Сам Джурич, ссылаясь на западных дипломатов, привел цифру свыше 1 млн. чел. Передал он и максимальную оценку, дававшуюся американцами, – 2 млн. чел. вместе с подследственными. Джурич сослался и на свои наблюдения. По его словам, недавно в трудовом лагере в 30 км от Москвы на ярославском направлении содержались несколько сот человек, а сейчас – никого¹⁸.

Наблюдения посольства о настроениях советских граждан не использовались в выступлениях югославских руководителей напрямую. В заявлении о нормализации отношений с СССР И. Броз Тито 14 июня 1953 г. говорил, в основном, об официальной политике советского руководства в прошлом. Он напомнил о восприятии советскими людьми Югославии, формировавшемся на основе советской печатной продукции, отметил факты фальсификации истории в советских учебниках и энциклопедиях, в частности, распространенное определение Югославии как фашистского государства. Общий вывод, сделанный югославским лидером, звучал так: «После того, что они сделали нам за последние четыре года, мы с трудом сможем в будущем верить им на сто процентов»¹⁹.

Тем не менее, о начавшемся пересмотре отношений к СССР в югославском обществе свидетельствовали выступления участников пленума ЦК СКЮ (в особенности Э. Карделя) в июне 1953 г. Попытки выступавших проанализировать реакцию населения на начало нормализации отношений с СССР свидетельствовали как о поиске новых подходов в пропагандистской работе СКЮ в новых условиях, так и о том, что репрессии против коминформовцев в Югославии не достигли своих целей. В частности, Карделя волновали «многочисленные факты дезориентации» населения. «Печать и наша политическая работа, – отмечал он, – оказались не на высоте». Он раскритиковал тех авторов, статьи которых в печати были посвящены обсуждению серьезности мирных намерений Москвы. По мнению оратора, следовало, в первую очередь, концентрировать внимание на победе Югославии в конфликте. «Не чувствовалось, что наша пропаганда действительно использовала эту нашу большую победу», – подытожил Кардель²⁰.

Обращает на себя внимание и выступление «делегата из Хорватии» (имя его в стенограмме пленума не уточнялось), который отметил, что в Загребе в клерикальных кругах и среди интеллектуалов распространены компрометирующие Союз коммунистов суждения о том, что Югославия «склоняется к пакту с русскими». Он также указал, что после смерти Сталина загребская печать сообщала о превращении Советского Союза «за одну ночь ... в главного борца за мир», что в республике имеются люди, которые «все это время не стояли твердо на наших позициях и тайно продолжают считать, что были правы...». Фактическая констатация наличия скрытой оппозиции курсу югославского руководства привлекла внимание Тито, попросившего уточнить: «Что они говорят?». Делегат повторился: «В загребской печати нашел выражение подход, согласно которому после смерти Сталина, после изменений, которые произошли в СССР и после разных событий в его внешней политике, особенно по корейскому вопросу, Советский Союз стал главным борцом за мир». Это разъяснение вызвало ироничный комментарий Тито: «Когда получаешь оплеухи, вынужден становиться борцом за мир»²¹.

Подобное восприятие перемен в СССР югославское руководство подтвердило и в пятилетие резолюции Коминформа (1948 г.) по югославскому вопросу, отметив его соответствующей статьей Карделя под заголовком «Эти пять лет», опубликованной 28 июня в газете «Борба»²².

Второй кризис в советском руководстве, связанный с арестом Л.П. Берии и необходимостью обоснования этой акции набором соответствующих аргументов, также вызвал пристальное внимание в Белграде. Реакция югославской верхушки на его устранение и оценки ситуации в СССР явились характерным примером усердной работы внешнеполитической машины ФНРЮ и использования югославским руководством полученной информации в собственных интересах.

Документальные источники свидетельствуют, что об «исчезновении» Берии югославское посольство сообщило в Белград лишь 1 июля. Не имея точной информации, Джурич передал содержание осторожных высказываний некоторых дипломатов. Военный атташе одной из западных стран 27 июня (в субботу вечером) наблюдал особые меры безопасности, введенные в Москве; другой дипломат отметил отсутствие Берии в тот же день в Большом театре, где на репризе новой оперы Ю.А. Шапорина «Декабристы» присутствовали

советские руководители. При этом назывались вероятные причины: занятость Берии в связи со слухами о предстоящей денежной реформе в СССР (в то время такая реформа уже была проведена в Чехословакии, вызвав волнения и панику населения. – А.Е.), или срочная поездка его в Берлин в связи с недавними событиями в Восточной Германии²³.

Первую более достоверную информацию Джурич направил в Белград лишь 5 июля после полученных им сведений о предстоящем пленуме ЦК КПСС и возникшей у послов Франции и США гипотезе об устранении Берии в результате противоречий между ним и Маленковым²⁴. Тем не менее, данные версии не были развиты в югославских аналитических материалах, хотя для этого была возможность.

10 июля 1953 г. после публикации в советских СМИ краткого сообщения о состоявшемся пленуме ЦК КПСС в телеграммах из югославского посольства был изложен набор новых сведений. Дипломаты подтверждали, что об устранении Берии «народ узнал 10 июля из газет, за которыми выстроились огромные очереди. Граждане обсуждают эту новость, собираясь небольшими группами, и избегают иностранцев, т.е. тех, кто лучше одет». Сообщалось также о начавшемся во второй половине дня 9 июля снятии портретов Берии, развешенных в общественных зданиях, и проведении заседаний парткомов с осуждением его деятельности. В телеграмме также были приведены слова одного «партийного активиста», рассказавшего, что «после смерти Сталина Берия укреплял буржуазный национализм и сионизм». При этом югославские дипломаты отмечали, что советским гражданам больше по душе иное объяснение причин устранения Берии – намерение при помощи силовых структур «подмять под себя и партию, и правительство»²⁵.

Однако подобные комментарии в Белграде посчитали явно недостаточными, и по получении официального сообщения, изложенного в советской печати, руководство Югославии сформулировало конкретные задачи для своих дипломатических миссий. Уже 10 июля внешнеполитическое ведомство потребовало от всех югославских посольств в странах, входящих в Информбюро, «уделить максимальное внимание получению полной информации в связи с событиями вокруг Берии», своевременно направлять в Белград все возможные комментарии и мнения сотрудников посольств. Руководство не скрывало, что не знает, как оценивать события в Москве, и требовало информации,

которая позволила бы понять «является ли устранение Берии ориентацией на антисталинский или просталинский курс»²⁶.

В соответствии с полученными указаниями Джурич исправно передавал в «инстанции» все получаемые посольством сведения по делу Берии. 11 июля он сообщил об аресте коменданта Московского гарнизона генерале Артемьева и «еще двух высоких руководителей, имена которых держатся в секрете». Он также доложил о распространившейся версии («некоторые граждане уверенно говорят»), согласно которой на стороне Берии выступили несколько руководителей высокого ранга, не входивших в Президиум ЦК. (Сам Джурич считал, что так и было). Он также сообщил о циркулировавших в парторганизациях слухах, что решение об аресте было принято в Президиуме ЦК после слежки и пристального наблюдения за Берией. Из разговоров со многими гражданами, – сообщал Джурич, – мы делаем вывод, что массы готовят к решению о расстреле [Берии], а, возможно, что в этом духе будут организованы и требования со стороны общественности. Таким путем желают убедить население в существовании серьезных доказательств, вследствие чего ЦК вынужден был так поступить. Подчеркивается еврейское происхождение Берии, говорится, что он поднял уровень жизни в Грузии значительно выше, чем в других краях. При этом подразумевается и Сталин»²⁷. 11 июля в Белград было сообщено о том, что «граждане обсуждают аферу с врачами». В виду того, что «их освобождение приписывается Берии, высказываются предположения о реабилитации Игнатьева и Рюмина и повторном аресте врачей». «Интересно, – заметил Джурич, – что об этом мы слышим во многих местах наряду с акцентированием внимания на том, что Берия – еврей»²⁸. В тот же день он сообщил также и о том, что «о Маленкове говорится с похвалой, как о человеке скромном и т.п. Упоминается и его мать, которая якобы и ныне работает – руководит домом отдыха под Москвой. В двух местах мы слышали, что она – сестра Ленина Ольга. Интересно, что Маленкову приписывают родственную связь с Лениным», – подчеркивал Джурич²⁹.

13 июля Джурич сообщил в Белград о том, что «корреспонденты ЮП и АФП по отдельности слышали от некоторых граждан, что Берия имел связи с товарищем Ранковичем». Дипломат, однако, не придавал серьезного значения услышанному, считая, что «это может быть результатом стремления самих журналистов создать сенсацию из-за недовольства тем, что их

сообщения подвергаются строгой цензуре». «Мы сообщаем об этом по той причине, что на Западе, возможно, появятся подобные сообщения. Один гражданин сказал, что Берия хотел быть “советским Тито”, но как он себе это представляет, пояснить не [за]хотел», – телеграфировал глава югославской миссии³⁰.

14 июля Джурич направил в Белград сразу две телеграммы по вопросу «о случившемся с Берией». «Все проведено в сталинском стиле, – писал он. – Обвинения неконкретны, а от народа требуется принять их как истину в последней инстанции. После смерти Сталина и пропагандистских мероприятий против деятельности МВД советские граждане начали размышлять чуть-чуть свободнее. Большинство людей, с которыми мы разговаривали, озабочены и сомневаются в соответствии обвинений действительности... Это особенно касается лиц, которые занимают более высокое положение». Сообщая о результатах «расследования “дела Берии”, проведенном работниками посольства посредством аккуратных расспросов советских граждан», глава югославской миссии сообщал: «Поначалу мы встретили повсеместное одобрение действий против Берии просто потому, что он был шефом полиции. Но сегодня в конфиденциальных беседах собеседники признают, что этого недостаточно, и озабоченность нарастает. Некоторые говорят, что Берия желал добра народу. Они делают этот вывод из звучащих в его адрес обвинений в намерении “реставрировать капитализм”, что в народе трактуют как стремление Берии уменьшить давление на крестьянство...» «Дело Берии серьезнее, чем думалось на первых порах, – подчеркивал Джурич. – Оно потрясло весь устоявшийся порядок дел в Советском Союзе». В посольстве предполагали, что «на формальном суде» Берия будет обвинен, как заговорщик и националист³¹.

Переходя к обобщениям, Джурич сделал вывод: «Бюрократическая система создала особую оппозицию, которая стихийно сотрясает укореняющийся принцип властвования. Мы полагаем, что победители в Кремле, если у них хватит сил, пойдут на широкую ликвидацию различных противников, подобных Берии, чтобы на обозримое время сделать невозможным возникновение похожего случая... Кремль нанес значительный ущерб своему имиджу и в стране, и во внешнем мире, но в скором времени (если ход дел пойдет по накатанной колее) последствия будут серьезнее. Поэ-

тому победители должны идти дальше и достичь временной, но все же длительной консолидации власти». Что касается судьбы самого Берии, то в посольстве не было сомнений, что «его умертвят», ибо, если он окажется в заключении, «не сможет на что-либо рассчитывать». Югославские дипломаты полагали, что в сложившейся обстановке власти не осмелятся на масштабную физическую ликвидацию политических оппонентов, но при этом подчеркивали, что «процесс смещений, отставок и т.п. будет достаточно объемным»³².

В очередном сообщении в Белград Джурич опроверг предположения некоторых западных дипломатов, предсказывавших «возвращение Советского Союза, прежде всего во внешней политике, к последовательному сталинизму». Ссылаясь на общее мнение сотрудников посольства, он писал: «Мы думаем, что подобное никоим образом не случится, и развитие (ситуации в стране. – А.Е.) пойдет по уже объявленному пути, который, в сравнении с прежним, достаточно популярен и ведет к определенным уступкам требованиям народа». Он также обратил внимание на то, что после ареста Берии в советской политике, «за исключением большего акцента на необходимость быть бдительнее в отношении внешнего врага, не замечено сколь-нибудь серьезных изменений». «Если даже инициатором планов... поднятия жизненного уровня населения, примирения с Западом и т.п. был именно Берия, – указывал Джурич, – то нынешнее правительство не сможет от них отступить (а тем более в грубой форме и быстро), вследствие их популярности, хотя, возможно, некоторые из этих мер будут замедлены или откорректированы»³³.

В одном из сообщений Джурич попытался разобраться в авторстве уже заметной в то время «кампании против культа личности». Отметив ее антисталинскую направленность, Джурич указал на то, что происходящие в СССР перемены все активнее приписываются Маленкову. При этом он подчеркнул, что популярность «рассказов» о нем нельзя объяснить лишь наивным стремлением граждан иметь одного лидера, возвышающегося над остальными, и что именно повторения подобного население и опасается³⁴.

Сообщения из Москвы диктовали югославскому руководству необходимость отреагировать на устранение Берии. Взятая им пауза объяснялась тем, что 1 июля Белград запросил у Москвы агреман на нового руководителя дип-

ломатической миссии в Москве Д. Видича. (Положительный ответ был получен 13 июля)³⁵. После этого лидеры Югославии определили свое отношение к событиям в СССР. Согласно дневниковым записям В. Дедиера, одного из заместителей М. Джиласа и автора изданной к тому времени официальной биографии И. Броз Тито, югославский лидер в одном из разговоров 15 июля в узком кругу назвал смещение Берии «прогрессивным». В тот же день Дедиеру удалось побеседовать со всеми югославскими руководителями, которые проявили завидное единство в оценках. Ранкович в унисон с Тито назвал случившееся в Москве прогрессивным шагом, так как «полиция» ставится под контроль партии. В телефонном разговоре Джилас, предварительно поинтересовавшись у Дедиера мнением Тито, согласился с оценкой «прогрессивности события», говорил о необходимости написать о переменах в СССР большую статью, так как «больше нет смысла ждать»³⁶.

19 июля Кардель выразил общее мнение руководства республики на митинге по случаю открытия памятника Б. Кидричу. При публикации в прессе раздел его речи, посвященный событиям в Советском Союзе, получил четкое название – «Что происходит в СССР». Из всей многообразной информации посольства в Москве Кардель выбрал только сообщение, что советские граждане считают арест Берии прогрессивным потому, что он был руководителем советских карательных органов. В целом же оратор использовал сложившуюся в Москве ситуацию для подтверждения верности прежнего курса Югославии и следующим образом охарактеризовал начавшийся этап либерализации политических режимов в «социалистическом лагере»: «События в царстве сталинского бюрократического деспотизма свидетельствуют о том, что и там социалистические силы становятся все активнее и уже начали ломать стену государственной капиталистической деспотии. Об этом свидетельствует не только движение трудящихся в Восточной Германии, Чехословакии и других странах, не только перемены в Венгрии, но и в самом Советском Союзе». Назвав устранение Берии «падением НКВД – столпа сталинской тирании», Кардель уклонился от оценок оставшегося у власти руководства: «Не рассматривая, какие цели при этом преследует Маленков вместе с людьми его группы и до какого предела они дойдут, будут ли вынуждены начать разрушение сталинской системы, мы, тем не менее, можем считать позитивным уже сам факт того, что новые

люди во главе советского государства могут укрепиться только за счет подкopa под силу и влияние НКВД, механизма, который являлся опорой сталинского деспотизма»³⁷.

Кардель очертил варианты дальнейшего развития событий, зависящие от выбора новым руководством социальной опоры. «Большого выбора нет, – заметил он, – или новое НКВД и военная клика, или трудящиеся массы. В первом случае кризис системы будет только углубляться и обостряться, во втором – будут необходимы уступки трудящимся и более значительная демократизация, а тем самым будет нарастать давление демократических сил, социалистических сил на основы бюрократического деспотизма и государственного капитализма». Кардель свел перемены в СССР к победе югославского руководства в конфликте с Москвой, прозрачно заявив, что «система, которую во имя “социализма” в агрессивной манере хотели навязать (курсив мой. – А.Е.) нашему трудовому народу, оказалась в тяжелом внутреннем кризисе». Не удержался Кардель и от противопоставления этому кризису успехов югославской общественно-политической системы³⁸.

Одновременно с этими констатациями югославская сторона продемонстрировала в отношении СССР символический жест доброй воли. Несмотря на решение советской стороны смягчить режим перемещения югославских дипломатов по территории СССР, частично устранив имевшиеся ограничения (об этом югославское посольство было уведомлено нотой от 22 июня 1953 г.), подобные ограничения в отношении советских дипломатов в Югославии продолжали действовать. Временный поверенный в делах СССР г.н. Шнюков 13 июля пожаловался высокопоставленным сотрудникам ГСНД на существовавшую практику, и уже 18 июля советское посольство было извещено, что его сотрудники имеют право на передвижение по всей стране за исключением пограничных зон. 19 июля югославские дипломаты в Москве, в свою очередь, получили разрешение на поездки по всему Советскому Союзу, кроме «закрытых районов»³⁹.

Весьма скоро и в публичных, и в личных оценках Карделя жесткие характеристики советской системы были смягчены. В. Дедиер не мог скрыть удивления, когда 22 июля в частной беседе Кардель продемонстрировал явные подвижки на этот счет. При обсуждении «дела Берии», Кардель, казалось, поначалу подтвердил прежние выводы. Устранение всесильного министра он

назвал «событием огромного значения, несомненно, представляющим мощный удар по зданию, возведенному Сталиным». Новое советское руководство под давлением масс было вынуждено сделать такой компромиссный шаг. Но далее Кардель заметил: «Мы должны исходить из оценки базиса в СССР. Он прогрессивен. Мы должны подвергнуть некоторому пересмотру наши оценки общественного строя в СССР. Мы их давали в разгар борьбы, вследствие этого сознательно отодвигали на задний план такие позитивные элементы советского общественного устройства, как базис»⁴⁰.

* * *

Изучение общественных настроений в СССР в первые месяцы после смерти Сталина являлось одной из основных задач посольства Югославии. В соответствии с указаниями из центра югославские дипломаты, говоря современным языком, постоянно занимались мониторингом данного сегмента общей ситуации в Советском Союзе, регулярно информировали о новых тенденциях и конкретных событиях свое руководство. Учет этих данных в политике ФНРЮ в отношении Москвы и в международных делах в целом открывал перед И. Броз Тито и его окружением возможность вырабатывать адекватную ситуации позицию, не делать поспешных шагов в отношении как с Востоком, так и с Западом. Вместе с тем инерция советско-югославского конфликта 1948 г., последствия перехода страны к активному сотрудничеству с Западом, а также идеологическая зашоренность югославских теоретиков, их стремление акцентировать свою победу в конфликте со Сталиным, добиться, таким образом, дополнительной легитимации своего режима оставляли полученную информацию на периферии внимания руководства. Тем не менее, интересные наблюдения и выводы югославских дипломатов, отраженные в телеграммах и донесениях тех месяцев, остаются важным источником изучения истории постсталинского СССР, отражая динамику изменений в стране весной-летом 1953 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В резолюции совещания Коминформа «О положении в Коммунистической партии Югославии» (июнь 1948 г.) говорилось, что «югославские руководители встали на путь прямого обмана своей партии и народа». Во второй резолюции по югославскому вопросу «Югославская компартия во власти убийц и шпионов», принятой на совещании Коминформа в ноябре 1949 г., указывалось, что «компартией Югославии овладели контрреволюционные силы, самочинно выступающие от имени народа», что «фашистская идеология, фашистская внутренняя, так же как и предательская внешняя политика клики Тито, ...создали пропасть между шпионско-фашистской кликой Тито-Ранковича и коренными интересами свободолюбивых народов Югославии. Поэтому антинародная и предательская деятельность клики Тито встречает все большее сопротивление как со стороны коммунистов, сохранивших верность марксизму-ленинизму, так и среди рабочего класса и трудового крестьянства Югославии» (Совещания Коминформа 1947, 1948, 1949 гг. Документы и материалы. М., 1998. С. 458,702-703).
- ² Ђилас М. Савремене теме. Београд, 1950. С.18-20. Подробнее см.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 гг. М., 2008. С.48; 137.
- ³ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953-1955. Tematska zbirka dokumenata / Priredio R.Luburić. Podorica, 1999. S.47. Dok.28. Telegram iz Moskve. Broj: bb. 9.III.1953.
- ⁴ Так, внизу текста телеграммы Джурича от 6 марта 1953 г. было сформулировано требование к автору «приводить рядом с комментариями и их источники, а также ваши впечатления» (Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S.38).
- ⁵ Državni arhiv Sekretarijata za inostrane poslove (далее: DASIP). Politički arhiv (далее: PA). 1953-Fascikla 84 (далее: F.). Dosije (далее: D.) 13-43065.Telegram iz Moskve. Broj: bb, 6.III.1953.
- ⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953-1955. S.41. Dok.15. Telegram iz Moskve.Broj: bb 7.III.1953.
- ⁷ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S.41-42. Telegram iz Moskve – Sekretarijatu za inostrane poslove (далее: SIP-u).Broj: bb 7.III.1953.
- ⁸ Ibid. S.52-53. Ambasada FNRJ u Moskvi. Br. 14/53 Zabeleška odpravnik poslova Dragoja Džurića o pogrebu Stalina. Moskva, 9 marta 1953 g. О наблюдательности Джурича свидетельствует, к примеру, и следующая характеристика поведения Готвальда и Червенкова на похоронах: «Готвальд вошел вместе с Червенковым. Мне бросились в глаза его несколько одутловатое лицо, неуверенная походка и выражение лица ничего не соображающего человека. Он смотрел все время перед собой и только время от времени, чтобы увидеть Сталина, поднимался на цыпочки из-за тех, кто был перед ним. Червенков выглядел усталым, бледным, но смотрел спокойно и с интересом вокруг себя, на Сталина и тех главных, когда они подходили, Делать все это с легкостью ему позволял его рост» (Ibid. S.51).

- ⁹ DASIP. PA-1953 – F 84 – D 9 – 43241. I odeljenje. 12 marta 1953. Micunovic – Ambasadi FNRJ Moskva. Телеграммы аналогичного содержания ушли во все представительства ФНРЮ за рубежом.
- ¹⁰ DASIP. PA-1953 – F 84 – D 9 – 44380. Arso Milatoviić 6.IV.1953 – Ambasadi FNRJ, Moskva.
- ¹¹ National Archives and Record Administration (далее: NARA). Record Group (далее: RG) 59. Box 3807. DC/R. Central Files. 761.00/4-853. Department of State. Incoming telegram. From Belgrade (Wallner) to Secretary of State. No 1420. April 8, 1953.
- ¹² DASIP. PA-1953-F.85-D.15-45648 8.IV.1953 Bebler – Ambasda FNRJ, Moskva
- ¹³ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S.53.
- ¹⁴ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1998. №4. С.114.
- ¹⁵ Исти методи, иста признања. // Борба. 1953. 6.IV. С.3. Данный подход сохранился и позже. Так, 19 мая 1953 г. «Борба» в сходном стиле комментировала выборы в Венгрии и напечатала большой материал о «подлинном смысле снижения цен на товары в СССР».
- ¹⁶ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 54. Dok. 29.
- ¹⁷ DASIP. PA-1953 – F.84 – D.2– 45142. Moskva – SIP-u. Broj172. 18.IV.1953.
- ¹⁸ Тито Броз Ј. Говори и чланци. Књ.VIII. С.133-138.
- ¹⁹ Архив Југославије. Београд. (далее: АЈ). Фонд 507. II/10. Други пленум СК СКЈ АЈ. фонд 507. II/10. S.40-41.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Подробнее см.: Rajak ., Yugoslavia and the Soviet Union in the Early Cold War. Reconciliation. Comradeship, confrontation, 1953-1957. London&New York, 2011. P.47. О реакции советского посольства в Белграде на статью Э. Карделя см.: Едемский А.Б. Указ. соч. С.109
- ²² DASIP. PA. SSSR. 1953. F-86. D-1-49522. Забелешка одправника послова Драгоја Ђурића о разговорима вођеним 1 јула 1953 г. на пријому у Амбасади Канаде поводом националног празника.
- ²³ В донесении вновь приводился факт отсутствия Берии в субботу 27 июня на оперном спектакле «Декабристы», где был весь состав Президиума ЦК КПСС, а также сообщалось о передвижениях в ту же ночь десятка танков через центр советской столицы. (Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 81. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 350 5.VII.1953.).
- ²⁴ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 82. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 361 10.VII.1953.
- ²⁵ Ibid. S.83. Crnobrnja – Svim IB zemljama. DDD. 10.VII.1953.
- ²⁶ DASIP. PA. SSSR. 1953. F.-84. D.3–49480. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 369. 11.VII.1953.
- ²⁷ Ibid. D.1-49483.Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 366. 11.VII.1953.

- ²⁸ DASIP. PA. 1953. F.-84. D-4-49672. Telegram iz Moskve (Đurić) – SIP-u. Broj 370. 11.VII.1953.
- ²⁹ Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a... S. 85. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 378. 13.VII.1953.
- ³⁰ DASIP. PA. 1953. F.-84. D-4-49672. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 380. 14.VII.1953.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. D.4-49671. Telegram iz Moskve – SIP-u. Broj 381. 14.VII.1953
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ Советско-югославские отношения. 1945-1956. Документы и материалы. Новосибирск, 2010. С.535.
- ³⁵ Dedjer V. Izgubljena bitka Josifa Visarionoviča Staljina. Beograd, 1978. S.547.
- ³⁶ Борба. 1953. 20.VII. С.1.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Об этом сообщило ТАНИОГ 19 июля 1953 г. (АВП РФ. Фонд Комитет информации. (1953), Оп.1. П.130. Д.292. Л.195); Советско-югославские отношения... С. 534-535.
- ³⁹ Dedjer V. Izgubljena bitka Josifa Visarionovica Staljina. Beograd, 1978. S.548.

А.С. Стыкалин

СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ: ВОСПРИЯТИЕ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ» И ОСОБОЙ ПОЗИЦИИ РУМЫНИИ ВО ВРЕМЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА

В аппарате ЦК КПСС в Москве внимательно следили за состоянием меж-национальных отношений в Советском Союзе. Стекавшаяся сюда из разных союзных республик информация внимательно изучалась, по наиболее существенным вопросам составлялись докладные записки для Политбюро (до 1966 г.– Президиум) и Секретариата ЦК КПСС. Как показывают документы, особое внимание было приковано к ситуации в Прибалтике и западных областях Украины. Как хорошо видно из опубликованных в последнее десятилетие стенограмм заседаний Президиума ЦК КПСС, некоторые из них были целиком посвящены национальным отношениям в СССР. Так, в 1959 г. на Президиуме ЦК подробно обсуждалось положение дел в компартиях Латвии и Азербайджана, причем по итогам заседаний были приняты постановления о националистических тенденциях, националистических перегибах в тех или иных республиках, сделаны оргвыводы. Я.Э. Калнберзин и И.Д. Мустафаев были освобождены от обязанностей первых секретарей компартий своих республик¹. Руководство компартии Молдавии и, в частности, И.И. Бодюл, избранный первым секретарем ЦК в 1961 г., прекрасно знали о том, какое внимание уделяется партийным руководством страны состоянию межнациональных отношений, и не желали оказаться в положении раскритикованных за просчеты в национальной политике. А потому, не дожидаясь команды из Москвы, Бодюл старался систематически информировать центр о ситуации

¹ См. стенограмму заседания Президиума ЦК КПСС от 1 июля 1959 г., на котором обсуждалась ситуация в Латвии и Азербайджане: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Главный редактор академик А.А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 356–387. См. также краткую запись заседания от 2 июля: Там же. С. 387 – 388. Соответствующие постановления Президиума ЦК КПСС см.: Там же. Т. 3. Постановления. 1959 – 1964. М., 2008. С. 37-39.

в своей республике. Одно из таких донесений датируется 29 ноября 1965 г., т.е. относится к периоду, когда во главе КПСС уже стоял новый генеральный секретарь – Л.И. Брежнев, которого Бодюл знал по совместной работе в Молдавии в начале 1950-х годов ².

Как доносил в Москву первый секретарь ЦК компартии Молдавии, высказывания Мао Цзэдуна об оккупации Советским Союзом ряда чужих территорий ³, издание в Румынии ряда книг, трактующих в тенденциозном духе историческое прошлое Молдавии ⁴, а также увеличение притока иностранной литературы в республику вызвали негативные националистические тенденции среди определенной части интеллигенции республики. Наиболее отчетливо это проявилось в некоторых выступлениях на съезде писателей 14-15 октября 1965 г. Правильно поставленные вопросы о необходимости развития молдавского языка, улучшения учебников, сохранения памятников культуры и т.д. иногда трактовались, по

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 189 – 195.

³ В июле 1964 г., принимая делегацию японской социалистической партии, Мао Цзэдун заверил своих собеседников, что Китай поддерживает претензии Японии в отношении Курильских островов. Он заметил при этом, что и в Восточной Европе Советский Союз удерживает за собой ряд территорий, на которые имеет меньше прав, чем некоторые соседние государства (Польша, Финляндия, Румыния). О содержании беседы китайского лидера с японскими социалистами было известно в Москве из публикаций китайской и японской прессы, высказывания Мао стали предметом обсуждения на заседании Президиума ЦК КПСС 19 августа 1964 г., где Хрущев выступил с пространном монологом, посвященным проблеме национально-территориальных противоречий между социалистическими странами. См. запись: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т.1. С. 848 – 852. Через месяц, 25 сентября 1964 г., Президиум ЦК обсуждал новую информацию, поступившую из Пекина – о том, что румынская делегация во главе с премьер-министром И.Г. Маурером, прибывшая в Китай на торжества по случаю 15-летия КНР, в беседе с министром иностранных дел КНР Чен И затронула вопрос о несправедливости присоединения к СССР ряда румынских территорий. Президиум ЦК принял решение проверить достоверность полученных сведений (Там же. С. 859). Подробнее см.: Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953 – 1964) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930 – 2005). Отв. редактор К.В. Никифоров. Сборник статей. М., 2010. С. 371-392.

⁴ Обзоры работ румынских историков, подготовленные для аппарата ЦК КПСС, см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 110.

мнению Бодюла, в националистическом духе. На основании имеющихся недостатков делались необоснованные, далеко идущие выводы об игнорировании национальных особенностей, беззаботном отношении к развитию и распространению молдавской литературы, пренебрежении памятниками прошлого (в этой связи назывались, прежде всего, монастыри и церкви).

Озабоченность И.И. Бодюла вызвала постановка некоторыми писателями вопроса о целесообразности замены кириллицы латиницей. Партийный лидер усматривал в этом игнорирование исторических фактов и условий формирования молдавской нации и молдавского языка ⁵. Ему явно не нравилось, что самой постановкой вопроса о латинице «подчеркивалась принадлежность молдаван к нациям романского происхождения», а тем более не нравились прорумынские настроения, сквозившие, по его мнению, в выступлениях некоторых писателей. В качестве примера таких настроений было приведено заявление Иона Друцэ о том, что «не надо торопиться воздвигать китайскую стену между Молдавией и Румынией».

И.И. Бодюл был явно обеспокоен тем, что нездоровые, по его мнению, настроения «встречались аплодисментами определенной части съезда и, наоборот, эта же часть проявляла нетерпимость к выступлениям, в которых ораторы доказывали несостоятельность выдвигаемых предложений», в частности, о переходе на латиницу ⁶. Кстати, как заметил первый секретарь ЦК КП Молдавии, гости из союзных республик зачастую солидаризировались именно с «нездоровыми» выступлениями. Так, гость из Латвии писатель Ю. Ванаг под аплодисменты многих собравшихся выразил недоумение тем, что молдавский народ пользуется кириллицей, в то время как классики молдавской литературы писали латинским алфавитом. Украинский писатель В.И. Левицкий из г. Черновцы заметил, что отсутствие в Молдавской ССР, а также в молдавоязычных районах Украины

⁵ Позицию о предпочтительности кириллицы он аргументировал тем, что народ этого края пользуется ею на протяжении шести веков и только в течение 22 лет румынской оккупации (1918 – 1940) кириллица была заменена латинской графикой. Около 80% населения Молдавии получило образование при Советской власти, используя русский алфавит (хотя, вероятно, применительно к середине 1960-х годов эта цифра несколько завышена). Кроме того, 35% населения республики составляют не молдаване, а люди других национальностей (преимущественно русскоязычные) и русский язык, доступный подавляющему большинству молдаван, является языком межнационального общения

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 190.

учебников на латинице лишь стимулирует ввоз учебных пособий из Румынии, по которым обучается подрастающее поколение. Справедливость этого суждения подтверждается, на наш взгляд, документами из фондов ЦК компартии Молдавии за 1960-е годы. Так, по некоторым свидетельствам, в Кишиневском медицинском институте многие преподаватели, работая со студентами-молдаванами, широко использовали в учебном процессе румынские учебники, поскольку считали это эффективным делом; имеются аналогичные свидетельства и по другим вузам⁷.

И.И. Бодюл не преминул обратить внимание на факты недоброжелательного отношения некоторых деятелей культуры к партийной критике. В частности, создатели фильмов «Человек идет за солнцем» (режиссер М. Калик) и «Последний месяц осени» (режиссер В. Дербенев), критиковавшихся в первом случае за абстракционизм, а во втором случае за «извращение в отдельных эпизодах классово-политической», отказывались реагировать на критические замечания, звучавшие в республике, ссылаясь при этом на высокие оценки своего творчества всесоюзной кинематографической общественностью.

Предвидя возможную критику московских партийных инстанций за попустительство в отношении разного рода националистических проявлений и стараясь опередить такую критику, И.И. Бодюл в своем отчете готов был самокритично признать, что «нездоровые» проявления на съезде стали возможны как результат недостаточной политической работы среди писателей. Хотя морально-политическую обстановку в Молдавской ССР он в целом охарактеризовал как нормальную, тем не менее признал, что «возникшие на съезде вопросы создали определенное общественное мнение в республике» и активно обсуждаются⁸. Для устранения имеющихся неясностей этим вопросам предполагалось уделить должное внимание на ряде республиканских партактивов и съезде работников культуры республики, намеченном на февраль 1966 г. Лидер республиканской парторганизации в письме, обращенном в вышестоящие инстанции, не только доложил о мерах, принятых в целях преодоления «националистических тенденций» в деятельности республиканского Союза писателей, но признал, что молдавский народ до сих пор использует произведения некоторых писателей прошлого, изданные в межвоенный пери-

⁷ Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). (далее – AOSPRM). F. 51. In. 29 (1968). D. 28, ff. 65-66.

⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 194.

од латинской графикой. Это касается не в последнюю очередь произведений писателей, считающихся общими классиками молдавского и румынского народов и создававших свои произведения в Румынии.

И.И. Бодюл затронул и достаточно острую, животрепещущую, судя по многим документам, проблему о том, на каком языке должны выступать в низовых парторганизациях партийные работники. Как явствует из документов, командированным из Москвы инструкторам, лекторам часто задавали вопрос: почему руководящие работники компартии Молдавии всегда выступают перед народом на русском языке⁹. При этом ситуации в Молдавии противопоставлялось положение на Украине, где первый секретарь ЦК компартии республики П.Е. Шелест, а по его примеру и другие руководители республики имели обыкновение выступать перед украиноязычной аудиторией на ее родном языке и делали это даже в преимущественно русскоязычной Одессе¹⁰. И.И. Бодюл не обходит стороной этой проблемы, подходя к ней довольно аккуратно. По его мнению, «в республике сложилась нормальная обстановка для разговора на любом языке – русском или молдавском – по усмотрению выступающего»¹¹. Однако некоторая часть интеллигенции проявляет недовольство тем, что на собраниях недостаточно выступают на молдавском языке. С другой стороны, иногда бывают и случаи, когда требуют говорить по-русски от тех, кто может это делать не очень уверенно. Как явствует из записки первого секретаря ЦК компартии Молдавии, он считал необходимым поправлять тех функционеров, которые требуют от выступающих говорить на том языке, которым они хуже владеют.

Первый секретарь ЦК компартии Молдавии коснулся и поднимаемой некоторыми интеллигентами (в том числе на съезде писателей) проблемы о

⁹ AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 28, f. 58.

¹⁰ Надо сказать, что П.Е. Шелест, будучи ортодоксальным коммунистом, занявшим, в частности, предельно жесткую позицию в связи с чехословацким кризисом 1968 г., вместе с тем до сих пор не без оснований считается многими украинскими историками наиболее национально ориентированным первым секретарем республиканской парторганизации за весь советский период. За чувствительность к национальным ценностям он, как известно, и поплатился. В 1972 г. именно за националистические «перегибы» он был подвергнут критике на Политбюро ЦК КПСС, отозван из Киева, а через год выведен из Политбюро ЦК КПСС. См.: Шелест П.Е. «... Да не судимы будете». Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995.

¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 191.

преобладании на улицах вывесок, написанных только на русском языке, как и о том, что мало молдавских названий улиц. Многие кишиневские улицы, заметил он, имели русские названия еще до Октябрьской революции. Вместе с тем в своей записке в Москву он признал, что этой проблеме надо придавать надлежащее значение, регулируя правильное сочетание двух языков как на вывесках, так и в названиях улиц, тем более, что имеющиеся в этом отношении диспропорции привлекают внимание иностранной прессы, черпающей информацию от туристов, все чаще посещающих республику.

И.И. Бодюл расценил как серьезный недостаток в идеологической работе закрытие ряда периодических изданий, выходивших в республике как на русском, так и на молдавском языке, а также плохое распространение молдавской книги. Все это, как он писал в Москву, используется в качестве аргумента теми, кто обвиняет руководство республиканской парторганизации в недооценке развития молдавской культуры и этот аргумент, «нужно сказать, встречает довольно сильное сочувствие со стороны интеллигенции»¹². В целях более полного удовлетворения запросов читателей первый секретарь ЦК компартии Молдавии настоятельно поставил перед Москвой вопрос о восстановлении издания ряда ранее закрытых газет и журналов, в том числе специального издания для крестьянства, литературного журнала на русском языке «Днестр», газеты «Вечерний Кишинев», а также о разрешении организовать ряд новых изданий, в том числе иллюстрированного журнала типа «Огонька» и литературной газеты. В ЦК компартии Молдавии считали также целесообразным разукрупнить издательство «Картя молдовеняскэ», а также выделить дополнительные средства и бумагу для увеличения выпуска литературы на молдавском языке. Только создание ряда новых газет и журналов, как отмечал Бодюл, ослабит тягу к получению такой литературы из Румынии.

Первый секретарь не мог, конечно, обойти стороной вопроса о резком увеличении начиная с 1964 г. подписки в Молдавии на румынскую периодику и он вполне резонно объяснял это явление наряду с другими причинами нехваткой местной литературы, которая удовлетворяла бы запросы читателей. В самой Румынии с большим энтузиазмом воспринималась перспектива расширения аудитории румынских изданий за счет Советской Молдавии.

¹² Там же. Л. 192.

Румынские периодические издания реализовывались в Молдавии по весьма доступной цене и это в свою очередь способствовало тому, что подписка на молдавские издания значительно сократилась за два года. Ставя перед Москвой вопрос об ограничении притока румынских изданий, Бодюл напрямую увязывал его с созданием новых молдавских газет и журналов. Надо сказать, что широкое распространение румынских изданий в Молдавии сохранялось и в последующие годы. В октябре 1968 г. в ЦК компартии республики состоялась серьезная разборка, когда выяснилось, что в Молдавской ССР по недомоту чиновников имеют широкое хождение румынские газеты за конец августа, в которых публиковались выступления Чаушеску и другие материалы, отражавшие острое неприятие румынским руководством советской силовой политики в условиях чехословацкого кризиса, так что значительная часть населения в республике воспринимала происходящее сквозь призму официальной румынской точки зрения¹³. На военных сборах, происходивших в период чехословацкого кризиса, фиксируются антисоветские высказывания, причем иногда под влиянием именно румынской интерпретации событий. Некоторые районные функционеры, ранее не заподозренные в различного рода националистических настроениях, противились мобилизации сельской молодежи на военные сборы, а также предоставлению колхозного автотранспорта и дорожно-строительной техники в распоряжение войсковых частей Одесского военного округа¹⁴. Как доносил И.И. Бодюл в Москву 23 августа 1968 г., через два дня после вступления войск ОВД в Чехословакию, партийные органы не только продолжают разъяснительную работу среди трудящихся, «организован постоянный контроль за настроениями трудящихся Молдавии, проживающих вдоль границы»¹⁵. Еще в июле, во время больших маневров, проходивших на территории Молдавии (в том числе в непосред-

¹³ См.: Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation and annotation by M. Kramer // Cold War International History Project Bulletin. Issue 12/13. Washington, 2001, p. 326-333.

¹⁴ См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97, f. 170; D. 102, f. 94. Временное изъятие у колхозов для нужд армии немалой части автопарка, произошедшее в июле во время больших маневров, проходивших на территории Молдавской ССР, не только нервировало население, но и вело к дезорганизации хозяйства. См.: Ibid. D. 29, ff. 239-241.

¹⁵ Ibid. D. 97, ff. 103-106.

твенной близости от г. Бельцы), и крупномасштабных военных сборов среди населения кое-где имели место панические слухи в связи с грядущей якобы войной, в магазинах было раскуплено продовольствие¹⁶. В условиях дефицита информации от республиканских партийных и советских органов жители Советской Молдавии все активнее обращались к румынскому радио и телевидению, что только усиливало психоз – румынские СМИ в период резкого обострения советско-румынских отношений нагнетали обстановку на границе, безосновательно писали о возможном вторжении войск стран ОВД не только в Чехословакию, но и в не подчинившуюся своим союзническим обязательствам Румынию. Принятые меры¹⁷ лишь в ограниченной степени сняли напряжение. Согласно отчетам политпропагандистов, трудящиеся во время лекций о международном положении проявляли жгучий интерес к политике Румынии, задавали вопросы о ее претензиях в отношении Бессарабии¹⁸. В советской партийно-пропагандистской работе в процессе критики руководства СРР использовались некоторые двусмысленные внешнеполитические жесты румынского правительства, такие, как, например, возложение

¹⁶ См.: Ibid. D. 29, ff. 239-241. По итогам июльских маневров был сделан вывод, что подобного рода мероприятия необходимо сопровождать не только идеологическими, но и адекватными организационными мерами в целях обеспечения нормальной внутренней обстановки; в 20-х числах августа партийные и советские органы на местах были лучше проинструктированы центром о происходящих событиях и панических проявлений удалось избежать. Панические слухи были характерны не только для Молдавии. Жители северо-кавказского региона в августе 1968 г. также запасались провизией и предметами первой необходимости «на черный день». См.: Крючков И.В., Крючкова Н.Д. Отклики «Пражской весны» в Ставропольском крае (по материалам Краевого архива) // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. редактор г.П. Мурашко. М., 2010. С. 441. В Польше население уже в мае начало активно запасаться продовольствием, подавшись слухам о скорой войне. См.: Волобуев В.В. Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии // Там же.

¹⁷ Так, уже к середине июля 250 пропагандистов провели по всей республике 5000 выступлений с разъяснением линии КПСС. См.: AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97, ff. 88-92.

¹⁸ См.: Ibid, ff. 88-94. Даже партийные пропагандисты испытывали в СССР дефицит информации по многим конкретным вопросам, связанным с чехословацким кризисом, и в целях восполнения этого дефицита нередко использовали версии румынских газет, не менее тенденциозные, но дополнявшие картину событий некоторыми новыми деталями (Ibid, D. 28, f.32).

венка на могилу Маннергейма премьер-министром И.Г. Маурером при посещении Финляндии в апреле 1968 г.¹⁹.

Вообще из документов можно сделать вывод, что в 1968 г. в молдавском обществе (в частности, в кругах интеллигенции и студенчества) имела место активизация настроений в пользу единения с Румынией. В октябре 1968 г. командированный из Москвы доктор философских наук из Института философии АН СССР М.С. Джунусов выступал перед кишиневскими студентами с лекциями о национальных отношениях в СССР. Его просили привести убедительные доказательства того, что молдаване являются самостоятельной нацией, отличной от румын, спрашивали, почему романский по языку народ не пользуется латинским алфавитом. Ставились также вопросы о переводе делопроизводства на молдавский язык, о гораздо более активном использова-

¹⁹ Возложение венка было мотивировано тем, что будущий маршал Финляндии Карл Густав Маннергейм в годы первой мировой войны в качестве военачальника русской армии одно время сражался с германскими и австро-венгерскими войсками именно на румынском фронте. Как бы там ни было, в Москве восприняли этот независимый внешнеполитический жест крайне негативно. Посол Румынии был вызван в МИД СССР, где первый заместитель министра В.В. Кузнецов официально выразил недоумение в связи с возложением венка на могилу Маннергейма, назвав это актом явно недружественным СССР. См.: Cătănuș A.–M. Tensiune în relațiile româno-sovietice în anul “Primăverii de la Praga” // Arhivele Totalitarismului. București, 2006. № 1–2, ff. 228-229. См. также: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 19. В отчете о разъяснении трудящимся Молдавской ССР текущего момента (середина лета 1968 г.) содержалась следующая дежурная фраза: «Трудящиеся республики очень остро реагируют на непоследовательность политики руководителей румынской компартии по некоторым вопросам международной политики, взаимоотношений с нашей страной и странами социалистического лагеря. Особый гнев и возмущение вызвал у молдавского народа факт возложения венка на могилу Маннергейма правительственной делегацией Румынии во главе с Маурером» (AOSPRM. F. 51. In. 29. D. 97, f. 89). В соответствии с политическим заказом в 1968 г. от имени трудящихся республики особенно часто выступали на собраниях ветераны Великой Отечественной войны и прежде всего участники освобождения Чехословакии. При этом надо иметь в виду, что в 1960-е годы в Молдавии, особенно в Кишиневе, проживало несколько тысяч отставных или отправленных в запас военнослужащих в звании от майора до генерал-майора. Предоставление демобилизованным старшим офицерам квартир в больших городах на западных национальных окраинах СССР (в том числе в Кишиневе, Львове, столицах прибалтийских республик) было в 1950-е – 1970-е годы неотъемлемой составной частью политики не столько русификации, сколько своего рода «интернационализации» проблемных национальных регионов, создания механизмов противодействия развитому национализму.

нии титульного языка в высшей школе, о том, что и евреи должны иметь свои собственные национальные школы²⁰.

В 1960-е годы не была решена проблема создания в Кишиневе мощного радио- и телевизионного центра. Проблема эта ставилась руководством Молдавии перед Москвой многократно. Ее считали тем более актуальной, поскольку, как замечал Бодюл в своей записке от 29 ноября 1965 г., ввиду недостижимости передач из Кишинева «большая часть жителей республики пользуется телевизионным вещанием Румынии, которая построила вдоль общей с нами границы несколько мощных телевизионных установок»²¹. Как явствует из другой записки, даже в таком крупном и преимущественно русскоязычном городе как Бельцы румынское телевидение летом 1968 г. показывало более четко, нежели передачи из Кишинева²². 6 мая 1968 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах помощи Молдавской ССР в улучшении идеологической работы». Этому предшествовало письмо И.И. Бодюла председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину от 29 марта 1968 г. о том, что «в последнее время население Молдавии подвергается особенно усиленному идеологическому воздействию извне»; «географическое расположение республики, находящейся в радиусе действия мощных радиотрансляционных центров западных держав, позволяет беспрепятственно принимать их передачи, многие из которых специально предназначены для обработки населения Молдавской ССР»²³. Однако выделенные в соответствии с постановлением от 6 мая из союзного бюджета средства на улуч-

²⁰ Ibid, D. 98, ff. 55-58.

²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 148. Л. 193.

²² АОСПРМ. Ф. 51. Ин. 29. Д. 97, f. 94.

²³ Ibid, ff. 19-20. Меры по глушению радиопередач извне, как правило, не были эффективны, что неоднократно отмечалось во внутрипартийной документации 1960-х годов («Как показала жизнь, глушение передач из-за рубежа полностью не достигает цели и носит скорее символический характер»). Из записки секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева в Президиум ЦК КПСС «О заглушении зарубежных радиопередач» от 30 марта 1963 г.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 263. Л. 18-22). Из документов аппарата ЦК компартии Молдавской ССР известно, что жители республики в 1968 г. зачастую узнавали о событиях в Чехословакии и Польше сначала из зарубежных (в первую очередь румынских) источников – радиопередач, телевидения и прессы, а затем уже из советских СМИ (АОСПРМ. Ф. 51. Ин. 29. Д. 29, f. 239).

шение радио- и телевизионной трансляции, создание ряда новых мощных ретрансляторов были сочтены в республике явно недостаточными. В своем письме в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. о ситуации на советско-румынской границе И.И. Бодюл увязывал необходимость выделения дополнительных средств с задачами контрпропагандистского характера: «по нашему мнению, республиканские средства информации следовало бы значительно шире использовать для политического влияния на Румынию»²⁴. Пока же они использовались в скромных пределах возможного. Бодюл докладывал о том, что в последние дни радио и телевидение республики заняты в основном передачей «на молдавском языке, доступном для румын», сообщений ТАСС, редакционных статей «Правды» и других пропагандистских материалов, излагающих официальную советскую точку зрения. Эта работа не была напрасной. По свидетельству румынских туристов, которых обострение чехословацкого кризиса застало в Кишиневе, население Румынии действительно проявляло большой интерес к передачам кишиневского радио и телевидения, поскольку хотело знать истинные намерения советского руководства²⁵ – в румынском обществе в конце августа 1968 г. существовали определенные опасения военного конфликта между СССР и Румынией²⁶, и ознакомление с официальной советской позицией в некоторой мере способствовало прояснению ситуации и снижению панических настроений.

Румынский фактор играл свою роль при запрашивании средств не только на создание новых ретрансляторов, но и на благоустройство населенных пунктов, особенно в приграничной полосе. Как читаем в одной из записок,

²⁴ Ibid, D. 97, f. 106.

²⁵ Ibid, D. 102, ff. 43-50.

²⁶ См.: Марьина В.В. Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny» // Славяноведение. 2008. № 3. С. 22-40. О ситуации на советско-румынской границе, принятых в Румынии мерах по мобилизации дает представление записка И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г. См.: АОСПРМ. Ф. 51. Ин. 29. Д. 97, ff. 103-106. См. также письмо ветерана румынской компартии Л.И. Брежневу, направленное через ЦК компартии Молдавской ССР. Критикуя руководство румынской компартии за «национализм», автор пишет о проходящей в Румынии мобилизации, создании рабочих дружин, вооружении партийно-государственного актива (Ibid, ff. 173-176).

адресованных в Совмин СССР в 1968 г., «в связи с тем, что за последнее время румынской стороной проведены крупные работы по благоустройству пограничных сел, создается обстановка для нежелательных сравнений»²⁷. Очевидно, в силу определенных исторических обстоятельств и в Бессарабии, и в Румынии привыкли сравнивать положение дел по обе стороны Прута, в определенных случаях, вероятно, есть основания говорить о своего рода соревновании в показухе.

Официальные связи жителей Советской Молдавии с гражданами Румынии были в 1960-е годы не слишком интенсивны и в целом не благоприятствовали формированию прорумынских настроений населения республики. Прежде всего патриотам Советской Молдавии не могло понравиться демонстративное проявление неуважения к самому факту существования этого политического образования в составе СССР. Как читаем в информации для ЦК КПСС о связях пограничных районов Советской Молдавии и Румынии (1967 г.), «большинство встреч с румынскими товарищами проходит сугубо официально. Со стороны отдельных представителей партийных и государственных органов делается попытка игнорировать сам факт существования Молдавской ССР, ее государственности и суверенитета»²⁸. Правда, в окончательном, посланном в Москву варианте эта фраза была смягчена: очевидно, в Кишиневе не хотели давать лишний повод для обострения советско-румынских отношений.

Выезжая в Румынию, жители Советской Молдавии нередко сталкивались с довольно пренебрежительным отношением. Были случаи, когда во время выступлений молдавских спортсменов в них бросали гнилые яблоки, а то и бутылки²⁹. Но даже тогда, когда в донесениях говорилось о сердечном приеме, отмечалось также, что румынская сторона неизменно подчеркивала, что гостей она принимает от СССР, а не от Советской Молдавии. Наряду с официальными связями существовали и неформальные, по всей видимости, ничуть не менее интенсивные. Как читаем в записке И.И. Бодюла в ЦК КПСС от 23 августа 1968 г., «каждое политическое мероприятие, которое проводится в Молдавии, сразу становится известным широкому кругу актива Румынии. По

всему видно, что румыны имеют определенные контакты с Молдавией, организованную связь и внимательно следят за происходящими у нас событиями»³⁰. Есть, пожалуй, основания говорить о достаточно тесных связях обществ по обе стороны Прута в 1960-е годы.

Таким образом, документы свидетельствуют о том, что в 1960-е годы в среде молдавской интеллигенции (особенно творческой) активизировались поиски национальной идентичности, в некоторых случаях связанные с прорумынскими устремлениями, однако в большей мере со стремлением выявить общность молдаван с латинским миром. Партийное руководство, пытаясь поставить преграду прорумынским тенденциям, вместе с тем выступало за расширение возможностей для развития молдавской культуры, что проявилось в обращениях к Москве с просьбой разрешить создание в республике более развитой инфраструктуры культуры, в том числе системы массовой информации.

²⁷ Ibid, f. 96.

²⁸ Ibid, D. 240, f. 3.

²⁹ Ibid, f. 4.

³⁰ Ibid. D. 97, f. 104.

Аксютин Ю.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В СССР В 1950-е – 1970-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МАССОВЫХ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ)

В тоталитарном советском обществе, безусловно, предполагалось железное, нерушимое единство партии и руководимого ею народа. Эта «аксиома» утверждалась не только в средствах массовой информации, но и непременно присутствовала во внутренней, закрытой информации, игравшей своеобразную роль некоей «обратной связи». Отправляя «наверх» сводки об откликах населения на проводимые властью мероприятия, партийные функционеры и сотрудники спецслужб руководствовались уже давно отработанной схемой. Большая часть подобных документов, как правило, состояла из положительных и даже восторженных высказываний, причем выдаваемых за «единодушные». Однако в конце сводок нередко указывалось, что «наряду с этим (то есть позитивным. – Ю.А.) встречаются отдельные случаи проявления нездоровых, а порой и враждебных настроений». Шла «наверх» и информация о конкретных проявлениях враждебных режиму настроений и действий, о которых органы госбезопасности и местные власти считали необходимым доложить. Объективность подобных сообщений относительна, что, несомненно, следует учитывать при их анализе и использовании для определения спектра общественных настроений. В частности, по ним практически невозможно установить, какие настроения преобладали. К тому же нельзя быть абсолютно уверенным в том, что приводимые в сводках высказывания и мнения точно отражают то, что говорилось конкретным человеком, что они не изложены произвольно или не сфальсифицированы. Но даже если отбросить эти опасения, следует учитывать, что указанная информация фиксирует внимание лишь на противоположных полюсах общественных настроений – на «всенародном одобрении» и на исключениях из этого «правила». Документы КГБ фиксировали, в первую очередь, не норму, а отклонение от нее, своего рода политико-психологическую патологию, с точки зрения режима. Как широко она была распространена – другой вопрос. За неимением других источников, этот

архивный материал, которым в последнее время пользуются многие историки, можно считать отражающим, хотя и с оговорками, общественные настроения 50-х и 60-х годов прошлого столетия и дающим некоторое представление о том, что принято называть «гласом народным».

Пока изучение общественных настроений сосредоточивалось на отдаленных эпохах, историку приходилось иметь дело лишь с теми источниками, которые в опубликованном виде дошли до наших дней. Он был лишен возможности проводить «полевые исследования». Однако если обратиться к проблемам современной истории, источниковый арсенал исследователя значительно расширяется. Его существенно может дополнить «устная история», которая уже становится новым направлением исторических исследований¹. Да, конечно, устная история собирает наподобие пылесоса все и без всякого разбора. Как и любые воспоминания о прошлом, устные свидетельства носят не очень-то надежный характер. Они часто неточны в силу ограниченных возможностей человеческой памяти и в значительной мере окрашены сегодняшним отношением к прошлому. Тем не менее, массовые ретроспективные интервью, устные воспоминания дают возможность спуститься до уровня «молчаливого большинства», дать слово тем слоям и категориям советского общества, о пристрастиях и настроениях которых трудно получить полное и объективное представление из всех прочих источников.

На опыте сбора устных свидетельств и мнений мы и остановимся в предлагаемой вниманию читателя статье. В 1994 – 2004 гг. студенты факультета истории, политологии и права Московского педагогического (ныне государственного областного) университета провели массовый опрос полутора тысяч человек (своих родителей, близких и дальних родственников, просто знакомых и даже случайных встречных) о событиях второй половины XX в. Для проведения опроса была разработана специальная анкета. Рассказы этих людей, а, главное, высказанное ими личное отношение к тому или иному событию, к конкретному политическому лидеру, дали возможность и некоторые основания для того, чтобы попробовать выявить количественные оценки различных секторов спектра политических настроений и предпочтений времен «оттепели», проследить эволюцию общественных настроений в 50-е и 60-е гг. прошлого столетия.

¹ Анализ современного состояния исследований, осуществленных в русле «устной истории», и их библиографию см: Oral History. Mundlich erfragte Geschichte. Göttingen, 1990.

Обработка ответов на вопросы этой анкеты, касающиеся ключевых событий, как хрущевской «оттепели», так и брежневского «застоя», дали следующие результаты.

Смерть Сталина. Согласно данным опроса свидетелей и очевидцев тех событий, 45% опрошенных восприняли известие о смерти Сталина болезненно, с болью в сердце и жалостью в душе, скорбели об утрате. Испытали потрясение, находились в шоке, были угнетены, испытывали тревогу, страх и даже ужас еще 9% опрошенных. Вспоминали, что многие или даже все плакали, более 16% опрошенных. Плакали и даже рыдали сами 13% опрошенных. Испытывали растерянность; не представляли себе, как же теперь «без него»; боялись за будущее 12% респондентов. «Казалось поначалу – луна свалилась с неба», – вспоминала жена поэта Луговского ².

Отмечали, что это было всеобщее горе, всенародная скорбь, не раскрывая своего собственного отношения, почти 12% опрошенных. Задавались вопросом, кто будет вместо него, всего лишь 0,5% опрошенных.

Массовой истерии не поддавалось совсем незначительное количество населения. Если соболезновали и печалились, то не очень, особого горя не испытывали, особенно не расстроились, или даже спокойно, безразлично, равнодушно, без всяких эмоций отнеслись к происшедшему почти 6% опрошенных. Ощущение грядущих перемен к лучшему или даже радость испытывали около 3% опрошенных. «Наконец-то, его не стало», – с облегчением заявила, например, сталинская любимица, народная артистка СССР Л.П. Орлова ³.

Следует иметь в виду, что неприятие советской власти и лично Сталина отдельными людьми и даже небольшими группами (например, баптистами и православными сектантами) сохранялось. Понятно, что такое событие, как болезнь и последующая смерть вождя, усилили подобные настроения.

«Скорее бы подход, злодей!» – говорила Р.М. Мессерер-Плесецкая, бывшая киноактриса, вдова репрессированного дипломата, сама побывавшая в тюрьме и ссылке ⁴. «Подход, мать его!» – матерился, всхлипывая

² Луговская М. Неудачи оправданиям. Биографический роман // Новая Россия. 1996. № 2. С. 162.

³ Сегодня // НТВ. 11 февраля 2002 г.

⁴ Цит. по: Катанян В. Стрелочница не испугалась ГУЛАГа // Вечерний клуб. 20 августа 1994 г. С. 3.

и плача, полковник Ф. Казаков, военный комиссар Свердловского района Ленинграда.

Для его дочери, студентки университета, обиженной тем, что отец не пустил ее в Москву на похороны, это было «открытием и потрясением» ⁵.

Преемственность власти. На вопрос «Кто, по вашему мнению, обладал наибольшими способностями и наибольшим правом руководить страной? Если вы отдавали кому-нибудь предпочтение, то почему?» 39–40% опрошенных высказались в пользу Г.М. Маленкова. «Большинство было за Маленкова», – утверждала работница рыбоперерабатывающего комбината в Поронайске на Сахалине Т.С. Зайцева. Еще более категоричен был водитель Артиллерийской академии С.П. Воблов: «Вопрос о руководителе партии и правительства после смерти Сталина не стоял, все были единогласны – Маленков», так как «на протяжении многих лет он был рядом со Сталиным, особенно после его 70-летия». Всегда доверял выбору и решениям власти рабочий Кузнецкого металлургического комбината С.Ф. Пономарев ⁶.

«Добрый, сделал для рабочего класса много блага», – таким считала Маленкова З.И. Громова, работница ювелирного завода в Бронницах. «Он сумел дать колхозам подняться после войны», – подчеркивал И.Ф. Пыков, офицер военного гарнизона Кубинка-1 в Подмоскowie. Больше других руководителей он нравился выпускнице Архангельской сельской средней школы в Куринском районе Орловской области М.М. Луниной, вспоминавшей: «Да и сразу налоги отвалились» ⁷.

Но вот чтостораживает в подобных высказываниях: ровно половина мотивированных ответов в пользу Г.М. Маленкова дает основание считать, что отвечающие говорили не о своей позиции в марте 1953 г., а об оценке его деятельности в более позднее время, во всяком случае, не раньше августа 1953 г. Другими словами, свою тогдашнюю оценку они *путают* с положительным отношением деятельности Маленкова на посту главы правительства ⁸.

Судя по анкетам, В.М. Молотов пользовался симпатиями примерно 12–14% опрошенных. «Многие тогда так считали» среди знакомых Ю.Ф.

⁵ Казакова Р. Отец, время и я. // Правда. 9 сентября 1990 г. С. 3.

⁶ Анкеты №№ 301, 362, 57/99 // Личный архив автора.

⁷ Анкеты №№ 88, 71, 105 / 98 // Личный архив автора.

⁸ См., например: Анкеты №№ 111, 112, 113, 122 и др. // Личный архив автора.

Морозова, слесаря Болоцкой МТС во Владимирской области. Наиболее образованным (знал 8 иностранных языков) считал Молотова военнослужащий с острова Порккала-Удд А.Н. Степанов⁹.

Уже с первых шагов преемников Сталина в считавшемся монолитном «общественном мнении» выявились трещинки, признаки недоверия. Причем, не в среде интеллигенции, как можно было бы предположить, а в самых низах, в толще не очень-то грамотных людей.

3 апреля 1953 г. были объявлены невиновными и освобождены кремлевские врачи. На вопрос «Поверили ли вы в их невиновность или продолжали считать, что они в чем-то виноваты?» 43% респондентов в 1998 г. и 48% – в 1999 г. ответили утвердительно: поверили. Не поверили официальному сообщению, продолжали считать, что нет дыма без огня, 20-23% опрошенных. Около двух третей этой категории людей составляли женщины. «Просто так их бы не посадили», – полагала продавщица из Нерчинска О.Г. Михайлова. «О деле врачей ходили какие-то слухи, и когда их реабилитировали, никто не поверил», – вспоминала О.В. Фоменкова, работница фаянсовой фабрики в Дрезне. «Евреи всегда виноваты», – считала Р.А. Ивасенко из поселка Хомутово в Башкирии¹⁰.

Неожиданная реабилитация кремлевских врачей заставила кое-кого задуматься: почему совсем недавно о них говорили как об «убийцах в белых халатах», а теперь объясняют, что их собственные признания были получены «незаконными методами»? И что это за методы? пытки? А что же Сталин? Открыто подобные вопросы, конечно, никто задавать не осмеливался. Ответ же на них власти дали после ареста и казни Берии, и общество согласилось: вот кто истинный злодей!

Примирение с Югославией в результате визита Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Белград в начале лета 1953 г. одобрили 52% опрошенных. Причем, 24% отметили, что сам этот визит и принесенные советскими руководителями извинения не показались им унижительными для великой державы. Не одобрили перемены в отношениях с югославами чуть более 11% опрошенных.

А вот такое крупное для того времени событие, как *встреча глав госу-*

⁹ Анкеты №№ 224 и 365 /99 // Личный архив автора.

¹⁰ Анкеты №№ 94, 4 и 34 / 99 // Личный архив автора.

дарств и правительств четырех великих держав в июле 1955 г. в Женеве, не осталась в памяти или о ней смутно помнят от 46 до 49% опрошенных. «Наверно, не было большим событием, чтобы запомниться», – объяснял работник Ленгипростроя И.Ф. Григорьев. «Политика нас не касалась», – признавалась рабочая совхоза «Измайлово» в Ленинском районе Московской области А.Е. Щитинина¹¹. Некоторые опрошенные (20,5%) помнят: в Женеве наметился компромисс и говорилось о налаживании международных связей, что и было ими встречено с одобрением. Выдвинутые на этой встрече советские предложения, в частности о вступлении СССР в НАТО, В.М. Михайлов из Тайнинской рассматривал как «доказательство мудрости внешнеполитического курса» руководства нашей страны. Встречу в Женеве, по мнению учительницы из подмосковного Косино г.К. Пятикрасовской, «приветствовали очень многие». Например, в Курской глубинке: как свидетельствовал 16-летний в ту пору школьник В.Р. Червяченко, «все вздохнули с облегчением, появилась надежда, что войны не будет». При этом ему запомнилось, что некоторые считали: «здесь договорились двое военных – Жуков и Эйзенхауэр, а военным тогда доверяли очень сильно». «Радовались, что угроза войны отступает», и по словам секретаря сельсовета в Дубровицах под Подольском З.Н. Нифонтовой. Ведь до этого люди, вспоминал колхозник В.Д. Жаров из деревни Марково в Лотошинском районе, не верили в возможность сохранения мира и думали, что все кончится новой войной. По мнению председателя одного из белорусских колхозов В.Я. Пономарева, дух Женевы «вселял уверенность в возможности повернуть ход событий от конфронтации к мирному решению спорных вопросов». «Была надежда, что главы государств договорятся о разоружении и объединении Германии», у повара кафе-ресторана «Столешники» Е.В. Глазуновой¹².

Визит канцлера К. Аденауэра в Москву в сентябре 1955 г. и установление дипломатических отношений с ФРГ вызвали отчетливо полярные оценки. На вопрос «Не показалось ли вам чрезмерной уступкой освобождение из заключения и отправка на родину пленных немецких генералов,

¹¹ Анкеты №№ 254 и 380 / 99 // Личный архив автора.

¹² Анкеты №№ 115, 140, 152, 328, 376, 146, 128, 112 /99 // Личный архив автора.

считавшихся до этого военными преступниками?» почти 35% опрошенных ответили отрицательно: нет, не показалось, а вот 39% дали положительный ответ. Таким образом, в отличие от примирения с Тито, дипломатическое признание западногерманского режима, сопровождавшееся амнистией немецких генералов, встретило гораздо меньшую поддержку населения. Историческая память в данном случае негативно сказалась на оценке шагов советского руководства к примирению со вчерашним противником. И «дух Женевы» тут мало чем помог.

XX съезд КПСС. О том, с каким невероятным трудом происходил сдвиг в общественном сознании советских граждан после смерти Сталина, свидетельствует их отношение к «секретному» докладу Хрущева о культе личности и его последствиях на закрытом заседании съезда, а затем зачитанного сначала на партийных активах, а потом и на партийных и комсомольских собраниях. Иными словами, текст доклада могли слышать более 7 миллионов коммунистов и почти 18 миллионов комсомольцев, которые, конечно, поделились сенсационной информацией со своими близкими и знакомыми.

В 1994-1999 гг. студенты МГОУ опросили 1526 очевидцев событий сорокалетней давности. Из них о своем одобрении услышанного заявили 483 человека, т.е. 32%, а о неверии и неодобрении – 553 человека, т.е. 36%.

Общество, во всяком случае, довольно значительная его часть, настолько успело одурманиться сильными и регулярными дозами идеологического культового зелья, что отказ от него, а тем более попытка прописать противоядие, вызывали своеобразную «ломку». Врачи в таком случае поступают по-разному: либо решительно и бесповоротно продолжают «шоковую терапию», рискуя, что больной сорвется и все может кончиться летальным исходом, либо ограничиваются гомеопатическими дозами лечения, пилюлями и припарками, не имея, однако, никакой гарантии от возможного рецидива застарелого недуга. Хрущев вставал то на один, то на другой путь, но нигде не был достаточно последователен. Если «глас народа» действительно был тогда таковым, то становится понятнее, почему Хрущев, так много сил положивший на то, чтобы доклад о культе личности был оглашен на XX съезде КПСС, а затем стал известен всей партии, да в придачу комсомолу, вдруг остановился и даже стал делать попятные шаги. Значительную роль тут сыграли и оппозиция его соратников, и советы «китайских товарищей»,

и опасения, как бы события не вышли из-под контроля и не стали развиваться по тому сценарию, который позднее был реализован в Польше и Венгрии, и совсем иное «сопротивление материала».

По полученным нами данным, положительно к *военной акции в Венгрии* отнесся 41% респондентов. Среди мотивов, приводимых в ее оправдание, преобладают или традиционно интернационалистские, или великодержавные, или же сугубо верноподданнические. Неодобрительно к военному вторжению отнеслись более 23% опрошенных. Не подлежит сомнению, что мотивы неодобрявших военную интервенцию в Венгрию носят отчетливый либеральный и демократический характер. Значит, можно предположить, что эта часть советских граждан придерживалась в то время преимущественно либерально-демократических ценностей.

Попытка отставки Н.С. Хрущева в июне 1957 г. стала для него серьезным испытанием. Закончилась она, как известно, тем, что его противники были объявлены «антипартийной группой» и выведены из Президиума ЦК и из ЦК КПСС, после чего в партии и стране была развернута широкая кампания по их дискредитации. Липецкий обком КПСС сообщал 22 июля 1957 г., что им проведено 1493 собрания, на которых присутствовали 186157 человек и выступили 8750 человек. Собрания «повсеместно прошли под знаком одобрения и поддержки решения пленума ЦК КПСС». В то же время авторы сообщения вынуждены были признать, что на некоторых собраниях отдельные рабочие и служащие ставили под сомнение правильность этого решения. Так, главный бухгалтер совхоза «Трубетчинский» С.М. Михайлов выступил против. В отчете приведены его слова: «Как же так? Товарищ Молотов проработал столько лет, был нужен для государства. А теперь его вдруг выбросили за борт. Члены ЦК приняли постановление единогласно потому, что получают по 20-30 тысяч рублей, а я прожил 43 года и за 40 лет не наелся».

Не поверили тому, что Молотов мог стать на путь борьбы против партии, и просили организовать его выступление по радио или опубликовать его заявление в печати рабочие завода гидроаппаратуры в Ельце – заливщики Измалков и Разенков, токари Иванов и Рязанцев. Просьбы к ЦК разрешить В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу и Г.М. Маленкову выступить по радио с заявлениями об ошибочности их действий прозвучали в Липецке на станкозаводе, в облпроекте и трамвайном управлении, а также в жилищно-комму-

нальном отделе и ремонтно-строительном цехе Новолипецкого металлургического комбината¹³.

Судя по результатам опроса, отрицательно отнеслись к попытке лишить Хрущева поста первого секретаря ЦК КПСС 25% опрошенных в 1998 и 1999 гг. Желали смены Хрущева 20% опрошенных. Индифферентно настроены или не имели своего мнения 23% респондентов. Затруднились с ответом 26% опрошенных, почти половина которых объясняли это тем, что были не в курсе событий, не знали о них. Еще около 11% вообще не помнили об этом событии. Ответа нет или он не расшифровывается у более чем 10% опрошенных.

Итак, открытое политическое столкновение за власть летом 1957 г. закончилось победой Хрущева, одобренной затем относительным большинством простых граждан. Немалую их часть составляли его приверженцы. Но были среди них такие, кто оказался бы на стороне победителя и в случае иного, противоположного, исхода борьбы за власть.

Отставка Н.С. Хрущева в 1964 г. Нейтрально, безразлично отнеслись к перемене власти в Кремле 20% опрошенных в 1996 г., 18% опрошенных в 1997 г., 27,5% опрошенных в 1998 г. и 23,5% опрошенных в 1999 г. С сожалением узнали эту новость 17% опрошенных в 1996 г., 10% опрошенных в 1997 г., 25% опрошенных в 1998 г. и 26% опрошенных в 1999 г. С одобрением отнеслись к ней 31% опрошенных в 1996 г., 42% опрошенных в 1997 г., 31,5% опрошенных в 1998 г. и 31,5% опрошенных в 1999 г. Таким образом, одобрявших переворот явно больше, чем отнесшихся к нему негативно, причем большая их часть в 1956 г. негативно восприняла разоблачение Хрущевым культа личности Сталина.

Ностальгия по Сталину – это только часть тогдашнего общественного мнения. Так уж получилось, что как раз в это время совершался переход ко всеобщему среднему образованию (завершился к 1976 г.), сопровождавшийся ростом численности такой специфической социальной прослойки, как интеллигенция. Хрущевская «оттепель» сделала более благоприятной для ее деятельности общественно-политическую атмосферу в стране, хотя изначальный конфликт интеллигенции с властью, начисто отрицающей свободу и демократию, никуда не

¹³ Информация Липецкого обкома КПСС от 22 июля 1957 г. об откликах трудящихся на постановление пленума ЦК КПСС // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 32. Д. ? Л. 85, 88-89.

исчезал. Но появились новые моменты. Прежняя антибуржуазность населения, проявлявшаяся в отрицательном отношении к интеллигенции, теперь, по мере насаждения властью культа образования, стала постепенно сменяться глубоким уважением к образованным, творческим людям. И когда Хрущев во время и после посещения в 1962 г. художественной выставки в Манеже с нескрываемым раздражением и гневом обрушился на молодых художников (а затем и литераторов), то он не встретил поддержки не только у интеллигенции, но и рядовых граждан. Лишь 16% опрошенных посчитали его правым, тогда как 20% были на стороне тех, кого он обвинял в разного рода грехах, в том числе в антисоветизме. Безобразным назвал поведение Хрущева драматург В.С.Розов. Далек был от искусства рабочий Московского завода малолитражных автомобилей С.И. Виктюк, но слышал, что на выставке были представлены очень интересные работы. Осуждение выразила работница фабрики «Красные текстильщики» г.А. Гришина: «Хрущев не разбирается, а лезет»¹⁴.

Вот с такого рода умонастроениями и пришлось иметь дело «команде», пришедшей на смену Хрущеву. Ее первые шаги во внутренней и внешней политике были встречены с интересом и одобрением. Но затем случилась «Пражская весна». Военное вмешательство СССР и его союзников по Варшавскому Договору во внутренние дела Чехословакии 21 августа 1968 г. одобрили, посчитали эту меру необходимой, правильной 34% опрошенных. Не одобрили 46%. Отнеслись двойственно, с сомнением, неоднозначно 3% опрошенных. Не имели своего мнения, не задумывались 13%.

Затем реформы в сфере экономике уступили место разговорам о реформах. Усилились преследования инакомыслящих. При этом власти, естественно, ссылались на «интересы трудящихся». Голос трудящихся, между тем, не был единым. Те, что познатнее, выступали с публичным осуждением деятельности «клеветников на советский строй». Остальные помалкивали, а если и высказывали свое мнение, то не на собраниях, а в курилках и дома на кухне, благо отдельных квартир становилось все больше и больше. Население активно обуржуазивалось, и его симпатии были отнюдь не на стороне дряхлеющих на глазах старцев у власти.

Начало сбываться «лукавое» политическое пророчество видного правоведа начала XX в. Н.Н. Алексеева, которым он делился на страницах журна-

¹⁴ Анкеты №№ 306, 169 и 297 /98 // Личный архив автора.

ла «Народоправство» в декабре 1917 г., характеризуя участников малочисленной демонстрации в защиту Учредительного собрания, организованной Союзом инженеров и Советом депутатов-интеллигентов: «Самые настоящие «цензовики», не ниже четырехклассного городского училища. А все остальные – имя им миллион – они с народными комиссарами и с настоящей «народной властью»». Касаясь разговоров о том, что народ обманули, ввели в заблуждение, он писал: «Конечно, обманули, но есть обман и обман. Большевицкий обман на руку самым дурным чувствам и инстинктам русского народа. На этих инстинктах, конечно, не построишь государства, однако на них довольно продолжительное время может держаться политическое бытие революционной эпохи». На вопрос, какой же может быть эта продолжительность, Алексеев давал такой ответ: «Большевицкая хирургия в ее временном бытии может кончиться или тогда, когда воры перережут друг друга, или тогда, когда «цензовики» сумеют противопоставить большевизму физическую силу. Но в плане «номенальном» большевизм кончится тогда, когда вся Россия получит образование не ниже городского училища и превратится в государство тех «цензовиков», представители которых дефилировали по Тверской 3-го декабря»¹⁵.

Вот эти «цензовики», коих становилось все больше и больше, – разочарованные и недовольные – начинают интересоваться типично интеллигентскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?»

На вопрос «Приходилось ли вам тогда читать какие-либо произведения А.И. Солженицына или что-нибудь слышать о них?» 28% опрошенных ответили положительно (читали). В том числе 8% – полуподпольно, в «самиздате». Слышали о Солженицыне по зарубежному радио еще 26%. Не читали, не слышали 38%. Одобрительно отнеслись в то время к высылке Солженицына за рубеж и лишению его советского гражданства 12% опрошенных. Неодобрительно, с сожалением оценили эту высылку 14%.

С одобрением отнеслись к вводу советских войск в Афганистан 27 декабря 1979 г. только 22% опрошенных, причем 10% из них отметили, что впоследствии это мнение изменилось, у 4% – оно осталось прежним. Настороженно, с тревогой встретили это известие 7%. Отнеслись без одобрения,

отрицательно, были против 60%. Трудно поверить, что в конце 1979 – начале 1980 гг., подавляющее большинство советских граждан не согласилось с решением своего руководства ввести войска в Афганистан. Объяснений этому может быть несколько. И, прежде всего, напрашивается такое: людям свойственно забывать те свои мысли и поступки, с которыми они позже стали не согласны, поэтому они вполне искренне считают, что их сегодняшнее мнение соответствует тому, что было когда-то раньше, хотя дело обстояло иначе. Так могло произойти и с массовым сознанием в отношении войны в Афганистане.

Скорректировать его должны были ответы на дополнительные вопросы, зафиксированные в анкетах: «Продолжало ли оставаться ваше мнение именно таким и позже? Если стало другим, то когда и почему?» В определенной степени эти дополнительные вопросы свою задачу выполнили. Но вот в какой именно, в большей или в меньшей, уверенно утверждать трудно. На результаты опроса мог повлиять и формальный подход значительной части анкетированных к беседе с респондентами. Ведь чтобы человек вспомнил что-то из своего прошлого, ему часто следует помочь не только наводящими вопросами, но и напомнить кое-что, одним словом побеседовать, причем не торопясь, на что не у каждого анкетированного хватает времени, терпения да и заинтересованности в получении подробного и аргументированного ответа. Всего 26% из 60% опрошенных, выразивших, мягко говоря, несогласие со вступлением советских частей в Афганистан, подтвердили, что эта их точка зрения не менялась. Вот их-то, с некоторой долей уверенности, и можно причислять к тем, кто на самом деле изначально не одобрял советское вторжение.

На вопрос «Изменилось ли ваше отношение к Брежневу к концу его жизни?» только 5% опрошенных ответили, что оно было и осталось уважительным, положительным. Было и осталось скептическим или отрицательным у 8%. Оставались безразличными, не задумывались над этим 3%. Не изменилось, но не указано, каким оно было раньше, у 29% опрошенных. В худшую, отрицательную сторону изменилось отношение к Брежневу у 34% опрошенных. «Нечего держать у власти такого маразматика», – говорил Е.В. Коровин, начальник конструкторского бюро Красногорского оптико-механического завода. «Слишком долго он был у власти», – считала З.П. Ермолаева,

¹⁵ Алексеев Н.Н. Современный кризис // Народоправство. 1917. № 17. С. 13.

инженер того же завода: «Так как он был главой партии, его конечно уважали. Но, по-моему, он превратился в дряхлого старика, еле держался, всякую чушь говорил и медали на себя цеплял – никакого авторитета. Было ясно, что он скоро умрет». «Старость – не младость, человек должен сознавать свою нетрудоспособность, – полагал А.А. Кожемякин, рабочий подмосковной фабрики имени Володарского. – Лучше ушел бы в прошлое с достоинством, чем быть дураком и посмешищем у своего народа»¹⁶. Не оказалось ответа у 12% респондентов.

Таким образом, несложные подсчеты позволяют сделать вывод, что в начале 1980-х гг. 20% тех, кто продолжал лояльно относиться к Брежневу, противостояли не менее чем 42% критически относившихся к нему и ожидавших персональных перемен на советском партийно-государственном Олимпе.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

---

¹⁶ Анкеты № 42, 40 и 13/99Б // Личный архив автора.

Покивайлова Т.А.

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ В РУМУНИИ И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ В 1946–1953 гг.

На рубеже 1947–1948 гг. в социально-политическом развитии Румынии произошли кардинальные изменения. 30 декабря 1947 г. под нажимом коммунистов король Румынии Михай отрекся от престола и выехал за границу. Румыния была провозглашена Народной Республикой. Начал осуществляться переход к сталинской модели общественного развития.

В течение предыдущих полутора лет создавались внутренние и международные предпосылки для такого перехода. В ноябре 1946 г. состоялись выборы в парламент. Благодаря многочисленным нарушениям на выборах победили коммунисты и их союзники, объединенные в Блок демократических партий (БДП). Совместно с Союзом венгерских трудящихся, который по тактическим соображениям не вошел в БДП, слишком уже сильными были межнациональные противоречия между румынами и венграми, Блок демократических партий набрал 79,6 процентов голосов и получил в парламенте 378 мест из 414. Оппозиционные партии Национал-царанистская (Ю. Маниу) и Национал-либеральная (Дину Брэтиану) получили соответственно 33 и 3 места в парламенте¹. С таким соотношением сил они не только не могли влиять на решения, принимаемые парламентом, но и даже, бойкотировать его работу. Король Михай, смирившись со сложившейся ситуацией, выступил на открытии парламента с традиционной тронной речью, что по-существу означало поддержку выборов.

Однако высокие результаты, полученные на выборах коммунистами и их союзниками, были достигнуты благодаря массовым фальсификациям и использованию, так называемой «некоторой техники». Как сообщал из Бухареста в Москву советский посол С. Кавторадзе, «в этом своем намерении применить “технику” во время выборов правительственный блок, видимо, не очень-то соблюдал конспирацию, так как некоторые провинциальные руководители “исторических” партий оказались, по их словам, осведомленными

о мерах фальсификации, которые правительственный блок был намерен провести в том или ином районе»². Тем не менее, методы, которые использовали коммунисты, сработали, несмотря на то, что положение в стране и настроение основной части населения не давали оснований рассчитывать на столь значительную победу левых сил.

В 1946 г. Румынию постигла страшная засуха, приведшая к тяжелому урожаю. Происходил быстрый рост цен не только на продовольственные, но и на другие товары первой необходимости. По словам С. Кавторадзе, «правительство пришло к выборам с пустыми руками, не располагая даже самыми минимальными запасами хлеба, чтобы маневрировать ими в районах, которые постигла засуха»³.

Ухудшение материального положения основных масс населения привело к росту недовольства политикой правительства. По сообщениям, поступавшим из Румынии в Москву, «крестьянство засушливых районов было недовольно тем, что правительство не приняло эффективных мер для массового ввоза кукурузы из-за границы и не оказало продовольственной помощи населению этих районов. В урожайных районах страны крестьянство было недовольно блокированием зерна и низкой ценой, предлагаемой за него государственными органами. Крестьянство также было недовольно тем, что продавая продовольствие по государственным ценам, оно вынуждено было покупать необходимые ему товары по спекулятивным.

Среди рабочих также наблюдалось недовольство, являвшееся следствием несоответствия между их зарплатой и ценами на предметы первой необходимости. Эта же причина вызывала недовольство и даже враждебное настроение к правительству среди государственных служащих.

Недовольство проявлялось также и среди военных, поскольку их материальное положение было аналогично с положением государственных служащих»⁴.

Положение интеллигенции было сложным, а ее отношение к коммунистам и новой власти было весьма неоднозначным. Часть ее, особенно та, которая участвовала в годы войны в антифашистском движении, пошла на сотрудничество с коммунистами. Другая же часть составила внушительную базу оппозиционных сил.

Настроения интеллигенции нашли свое отражение, в частности, в беседе профессора французской литературы Яского, а затем Бухарестского универ-

ситетов Н. Щербана с Первым секретарем советского посольства Федоровым, состоявшейся 24 мая 1946 г. Говоря о своем отношении к коммунистам и присутствию Красной Армии на территории Румынии, профессор Щербан заявил: «румынские коммунисты совершили большую ошибку, начав сразу же стремиться к власти. Лучше бы они составили оппозицию и постепенно завоевывали бы себе сторонников». «Коммунизм, – заявил Щербан, – нельзя навязывать стране силой, как этого хотят коммунисты». Далее он сказал, что «если бы советские войска ушли из Румынии, то положение румынского правительства стало бы тяжелым». Кроме того Щербан утверждал, что «“исторические” партии не так глупы, чтобы быть против дружбы с СССР». «Дружба с СССР, – сказал он, – диктуется Румынии ее географическим положением»⁵.

И тем не менее после выборов 1946 г. Национал-царанистская партия (НЦП) и национал-либеральная партии (НЛП) были подвергнуты гонениям со стороны правительства. Летом 1947 г. румынские спецслужбы, организовав провокацию на аэродроме Тамэдэу, где был разыгран сценарий с бегством лидеров НЦП за границу, арестовали ее руководителей⁶. Обвинив НЦП в антигосударственной деятельности, правительство запретило главную оппозиционную партию, а против ее лидеров в ноябре 1947 г. спецслужбы организовали судебный процесс. НЛП в этих условиях «самораспустилась». Хотя председатель НЦП Ю. Маниу сам не участвовал в побеге, он был арестован и приговорен к пожизненному заключению. В 1953 г. он умер в тюрьме г. Сигета.

В ноябре 194 г. произошли также существенные изменения в составе правительства. От власти были отстранены представители либеральной партии г. Татареску. Сам г. Татареску лишился поста министра иностранных дел и был выведен из правительства. Основные министерства оказались в руках коммунистов. Кроме министерства юстиции, внутренних дел, экономики, которые и до этого принадлежали коммунистам, они получили также министерство иностранных дел, финансов и военное министерство.

В этот же период руководство КПР и СДП развернуло значительную работу по объединению двух партий. Заметим, что ряды компартии из года в год быстро росли. С 1000 членов, которые партия насчитывала после выхода ее из подполья в августе 1944 г., численность ее возросла к сентябрю 1947 г. до 700 000 человек и до 800 000 человек к февралю 1948 г. После объедине-

ния КПР и СДП в феврале 1948 г. партия насчитывала более одного миллиона членов. С этого времени она стала именоваться Румынской рабочей партией (РРП) ⁶.

Быстрому росту компартии, на наш взгляд, способствовали такие факторы, как укрепление ее позиций в правительстве и государственных учреждениях, поддержка, оказываемая ей Москвой, и советской военной администрацией, находившейся в Румынии. Значительную роль сыграла продовольственная помощь Советского Союза, прежде всего зерном, а также поставки сырья для промышленности ⁷. Исходя из вышесказанного, трудящиеся слои населения связывали надежды на улучшение своего социально-экономического положения с политикой коммунистов. Большое значение имела также массированная пропагандистская деятельность компартии и широкое использование подконтрольных ей средств массовой информации.

Рассматривая проблему формирования общественных настроений в румынском обществе, нельзя не учитывать тот факт, что после разгрома гитлеровской Германии, авторитет и престиж Советского Союза значительно возросли. Опираясь на социально обездоленные слои населения, коммунистическая партия Румынии прилагала огромные усилия, чтобы создать мифологизированный «светлый образ» Страны Советов.

Вместе с тем нельзя не отметить ряд факторов, которые негативно влияли на настроения населения Румынии. Крестьянство, которое только что получило землю по аграрной реформе, было взбудоражено слухами о готовившейся коллективизации и о создании колхозов по советскому образцу ⁸. Рабочие были недовольны своим материальным положением. Попытки правительства пресечь спекуляцию не давали ощутимых результатов. Промышленники и коммерсанты опасались национализации. В условиях обострения отношений между СССР и западными державами в обществе уже с 1947 г. стали циркулировать слухи о неизбежности войны между Советским Союзом и США, о чем свидетельствовали донесения румынской полиции ⁹. При этом дело доходило до самых невероятных домыслов. Говорили, что, якобы, «по дороге в королевский дворец на аудиенцию с королем г. Татареску был ранен, а Анна Паукер, якобы, пыталась застрелить короля» ¹⁰. Тем не менее, в целом доверие к правительству у значительной части населения сохранялось. В сообщениях из советского посольства в Москву, в МИД СССР, от 13 ноября 1946 г. говори-

лось: «работа таких мощных массовых партий, как коммунистическая, социал-демократическая, земледельческая «Фронт плугарей», выступающих под знаменем подлинно народного демократизма и дружбы с Советским Союзом, в значительной степени преодолевает и парализует действие отрицательных факторов, как субъективного, так и объективного характера» ¹¹.

По мере нарастания «холодной войны» и конфронтации СССР с Западом советское руководство стремилось обеспечить полный контроль над странами, входившими в зону своего влияния. Оно считало, что только установление режимов, аналогичных советскому, и создание военно-политического блока союзных с СССР государств Центральной и Юго-восточной Европы позволит решить эту задачу, о чем свидетельствовали документы Коминформбюро, состоявшегося в сентябре 1947 г. в Польше в г. Шклярска Поремба.

Со своей стороны, используя традиционно сложившиеся связи (экономические, политические, культурные, религиозные) Запад пытался сохранить сферу собственных интересов. Несмотря на разрыв отношений Запада с Румынией в года Второй мировой войны, когда она выступила на стороне гитлеровской Германии, среди части румынского населения, прежде всего интеллигенции, студентов, бывших политических деятелей и т. д., все еще сохранялось западное влияние. Так, в Румынии традиционно было сильным влияние французской культуры. При французском посольстве в Бухаресте действовал культурный центр и французская библиотека. Аналогичные центры существовали и при английском и американском посольствах. Среди определенной части населения распространялись бюллетени посольств, в кинотеатрах демонстрировались американские фильмы, усилилось вещание западных радиостанций.

В справке, подготовленной в МИД СССР в июне 1947 г. по материалам, поступившим из советского посольства в Бухаресте, отмечалось, что «аппарат американской миссии в Бухаресте поддерживает связи с верхушкой буржуазии и видными представителями интеллигенции». Сообщалось также, что «организация «друзья США» ведет работы среди средней буржуазии, а «молодые друзья США» уделяет внимание учащейся молодежи. Такие организации, как «Красный крест», «Институт сестер милосердия», «Академия социального обеспечения» оказывают помощь трудящимся слоям населения. Среди нуждающейся части населения распространяются продовольственные подарки» ¹².

Таким образом, на рубеже 1947–1948 гг. между СССР и Западом развернулась жесткая борьба за умы и настроения румынских граждан. Поэтому, естественно, встает вопрос, а было ли готово к этому времени румынское общество к восприятию нового режима, основанного на монополии одной политической силы – коммунистической – и быстрым темпам преобразований по опыту СССР во всех сферах экономической, общественно-политической и культурной жизни страны?

Ответ на этот вопрос дают в какой-то степени документы того периода, такие, как, например, донесения центральных и местных органов полиции и жандармерии, а также аналитические записки, поступавшие из советского посольства в Бухаресте и консульств в Москву. Так, в донесении полиции от 1 января 1949 г. указывалось: «нужно отметить, подчеркивалось в донесении, что значительная часть населения – рабочие, интеллигенция, работники ручного труда, поддерживают структурные преобразования, происходящие в экономической, социальной и культурной жизни. Те же слои, которые жили раньше за счет эксплуатации чужого труда, с ненавистью относятся к происходящим преобразованиям, и всеми силами пытаются воспрепятствовать их осуществлению»¹³.

Из ген. консульства СССР в г. Констанце сообщали, что «среди элементов, проводящих работу против существующего в Румынии политического режима, в нашем консульском округе в настоящее время имеются следующие: бывшие помещики, кулаки, военнослужащие, уволенные из армии, бывшие руководители «исторических» партий и легионеры. Они стараются посеять среди населения панику, заявляя, что война неизбежна и что американцы скоро сбросят в Румынии парашютистов, что после прихода сюда американцев сразу же изменятся все порядки»¹⁴. Разбитые портреты Сталина, руководителей румынских коммунистов Анны Паукер, г. Георгиу-Дежа и других, погромы, устроенные в помещениях, в которых размещались отделения Общества советско-румынской дружбы (АРЛУС), нападения на руководителей местных партийных организаций и народных советов, распространение антиправительственных манифестов и листовок, чаще всего написанных от руки, промонархические выступления, – все эти факты, о которых сообщалось в полицейских сводках, свидетельствовали о наличии среди части населения антикоммунистических и антисоветских настроений¹⁵. Враждебно к новой

власти были настроены греко-католическая и римско-католическая церкви и, соответственно, их прихожане¹⁶.

Имелись также случаи вооруженных выступлений в горных районах, куда бежали легионеры, бывшие офицеры румынской армии, раскулаченные крестьяне и т. д. В настоящее время в работах румынских авторов особо акцентируется внимание на подобных вооруженных выступлениях, с тем, чтобы нарисовать широкую картину сопротивления румынского общества тоталитарному режиму¹⁷, хотя, как показывают документы, подобные выступления были единичными и не носили организованного характера. Таким образом, тяжелая экономическая ситуация, инфляция, перебои в снабжении, рост налогового бремени и обязательных поставок в деревни, страх крестьянства перед коллективизацией – все это способствовало росту недовольства населения новой властью.

Поэтому необходимо было найти рычаги нейтрализации и подавления протестных настроений в обществе.

Следуя в фарватере Москвы и опираясь на указания, поступавшие из Отдела пропаганды ЦК ВКП(б), РПП развернула антизападную пропаганду, которая стала одним из крупнейших идеологических мероприятий. Одновременно с расширением советско-румынских связей шел процесс свертывания контактов с Западом. Летом 1948 г. в Бухаресте был ликвидирован французский культурный центр, была закрыта также библиотека французской литературы, действовавшая при этом центре. Кроме того, были ликвидированы культурные центры и общественные организации, существовавшие при английском и американском посольствах.

Опираясь на сталинский тезис «об обострении классово-войсковой борьбы по мере продвижения к социализму», в сознании населения формировался образ внешнего и внутреннего врага: «мировой империализм» и «враги народа». В конце сороковых – начале пятидесятых годов в связи советско-югославским конфликтом к этому добавилась еще одна составляющая – борьба с титоизмом и антиюгославская пропаганда¹⁸.

Руководство Румынии активно включилось в антиюгославскую пропаганду, развернутую Кремлем. Увеличилось также давление на Югославию по другим каналам. Выступая на заседании Секретариата Коминформа, лидер румынских коммунистов г. Георгиу-Деж заявил о стремлении РПП обеспечить организационно-политическую и агитационно-пропагандистскую безо-

пасность границы: «ЦК РПП укрепил кадровый состав местных организаций благонадежными людьми, усилил партийную пропаганду и агитацию среди сербского и хорватского населения приграничных районов с целью превращения его в активную боевую силу против фашисткой банды Тито, создал в книгоиздательстве специальный отдел антититовской литературы на сербском языке, в том числе документов Коминформа, предпринял меры по обеспечению государственного суверенитета и безопасности Румынии, предотвратив ряд попыток забросить титовских агентов на румынскую территорию»¹⁹. Из пограничных районов в засушливые степи Бэрэгана было выселено 9469 человек сербской национальности²⁰.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, интерес в стране к информации с Запада не только не уменьшился, но и все больше возрастал. Не только интеллигенция и образованные слои общества стремились получить сведения о жизни за рубежом, а также интерпретацию западными средствами информации событий, происходивших у себя на родине, но и часть рабочих, и даже «партийных агитаторов» проявляли интерес к передачам западных радиостанций²¹.

Это не могло не беспокоить партийное руководство и органы безопасности. Обвинения в сотрудничестве с англо-американскими спецслужбами, а также в связях с румынской оппозицией, находившейся за границей, с сионистскими организациями, с Ватиканом, стали основой многочисленных судебных процессов, развернувшихся в Румынии²².

В этих условиях монополия РПП на средства массовой информации являлась одним из важнейших инструментов воздействия на массы.

С конца 1947 г. руководителем информационной политики в Румынии фактически являлся Отдел ЦК РПП по печати, а также Комиссия по информации при ЦК компартии Румынии. До 1949 г. на местах в качестве цензоров действовали инструкторы Министерства культуры и информации, созданного еще в 1945 г., которые осуществляли контроль за прессой. К 1949 г. были закрыты не только все газеты политических партий, кроме коммунистической, но и независимые и частные издания. Единственной газетой, оставшейся в частных руках, являлась газета «Адэвэрул» («Правда»), владельцем которой активно сотрудничал с компартией. Впоследствии и эта газета оказалась в ведении коммунистов.

Переход всей полноты власти в руки коммунистов потребовал от РПП коренного изменения идеологической и организационно-политической работы с целью воздействия на формирование общественного мнения в пользу нового режима и переориентации с западных стран на Советский Союз.

В октябре 1948 г. в структуре ЦК РПП был организован специальный Отдел пропаганды и агитации с широкими контрольными функциями. В него входило 12 секций, которые контролировали работу Министерства образования, Академии Наук, Комитетов по радиовещанию, кинематографии, культуры и искусства, Управления, по печати, издательств, прессы, Союза писателей, Союза композиторов, Общества по распространению науки и культуры и т. д. В номенклатуру ЦК РПП входили Президент Академии Румынии, директора центральных научно-исследовательских институтов, ответственные редакторы центральных органов печати, ректоры университетов, деканы исторических и философских факультетов, руководители творческих союзов, директора ведущих национальных театров²³.

Начиная с 1949 г. в Румынии были введены в действие механизмы, призванные обеспечить монопольный контроль румынского партийно-государственного руководства над обществом, такие как цензура, глушение передач западных радиостанций, контроль за личной перепиской, ограничение личных и производственных контактов и связей румынских граждан с представителями западных стран, закрытие границ и ужесточение пограничного контроля, запрещение свободного режима передвижения иностранцев по румынской территории, свободное обмена литературы, изъятие из открытого доступа в библиотеках огромного количества литературы, в том числе и произведений румынских классиков, национализация театров и контроль за содержанием их репертуаров и т. д.²⁴.

В мае 1945 г. Президиум Великого Национального Собрания (ВНС) утвердил решение Совета министров Румынии о создании Главного Управления по делам печати и типографий (ГУ ПТ) при Совете Министров с широким объемом полномочий по контролю за СМИ. Главное управление осуществляло контроль за всеми видами информации, исходящими из министерств, государственных учреждений и ведомств. Контролируемые публикации разделялись на три группы: секретные, для служебного и открытого пользования. В специальном декрете ВНС, опубликованном в мае 1949 г., говорилось, что

Главное Управление по делам печати и типографий а) контролирует выпуск всей печатной продукции: газет, журналов, программ, афиш; б) редактирует официальные бюллетени Румынской Народной Республики; в) осуществляет контроль над распространением и хранением печатной продукции, импортом и экспортом газет, книг и предметов искусства; г) регламентирует работу книжных магазинов (в том числе антикварных и букинистических); д) проверяет фонды библиотек и книгохранилищ на предмет изъятия «вредной литературы»; е) подвергает цензуре все передачи, транслирующиеся по радио. Кроме того ГУ ПТ редактировало официальные бюллетени РНР, осуществляло контроль за публикацией в газетах сообщений Совета Министров, а также координировало работу всех информационных служб департаментов и общественных организаций.

22 июня 1949 г. Совет Министров Румынии принял постановление о цензуре²⁵. В соответствии с этим постановлением вся печатная продукция страны должна была проходить цензуру и получать разрешение на публикацию. Под контроль ставились все магазины и библиотеки, куда поступали книги и газеты из-за рубежа.

Как уже отмечалось выше, средства массовой информации помимо блокирования пропаганды с Запада должны были широко пропагандировать опыт и достижения Советского Союза, а также проводить в жизнь политико-идеологические установки румынского партийно-государственного руководства. Из Москвы в ЦК РРП, также как и в ЦК других компартий стран региона, поступали директивы с требованием усилить пропаганду советского опыта с целью расширения советского влияния на общественную и культурную жизнь страны.

В марте 1949 г. заведующий IV-ым Отделом МИД СССР С.П. Кирсанов направил в страны ЦЮВЕ целый ряд рекомендаций «по более глубокому внедрению культурного влияния Советского Союза, повышению его эффективности». В связи с этим в СССР развернулась работа по активизации деятельности советских общественных и политических организаций, занимающихся внешней пропагандой: Всесоюзного общества связей с заграницей (ВОКС), Софинформа, ТАСС, Радиокомитета, «Международной книги» и др. и оказанию помощи в перестройке всей системы образования, науки, искусства в восточноевропейских странах. Были приняты также меры для расширения научных,

культурных, экономических, политических связей между СССР и Румынии. С этой целью предполагалось увеличить обмен студентами, командирование советских ученых и специалистов в Румынию, расширение преподавания в школах и учебных заведениях русского языка, улучшение работы советских культурных и научных центров. Вместе с тем необходимо отметить, что все контакты советских граждан, также и граждан восточноевропейского региона, в том числе и Румынии, находились под контролем правоохранительных органов.

Таким образом, советское руководство наращивало свои пропагандистские усилия с целью расширения влияния на население восточноевропейских стран. Учитывая рекомендации ЦК ВКП(б), РРП активно включилась в пропаганду «преимуществ советского социалистического строя», «достижений советского народа» в социально-экономической, политической и культурной жизни советского общества. Апологетика успехов СССР и «образа жизни советских людей» нужна была советскому руководству для того, чтобы скрыть истинное положение дел в Советском Союзе и убедить население стран советского блока в необходимости построения социалистического общества по советскому образцу. При этом сведения и факты часто искажались и фальсифицировались.

Формы воздействия на население Румынии были самыми разными. Особое значение придавалось деятельности Обществу румыно-советской дружбы (АРЛУС), созданного в ноябре 1945 г. К 1949 г. отделения АРЛУС существовали уже по всей стране. В 1949 г. в рамках АРЛУС был организован Отдел советской культуры с пятнадцатью секциями. Центральная библиотека АРЛУС насчитывала 70 000 экземпляров книг на русском языке. При АРЛУС работала также детская библиотека²⁶. За период с 1 октября по 1 мая 1949 г. в рамках АРЛУС было прочитано 215 тыс. лекций²⁷.

Еще в 1946 г. было создано издательство «Русская книга» с собственной библиотекой и журналом «Румыно-советские Анналы». За несколько лет на румынский язык было переведено и издано значительное количество художественной и научной литературы. Издательством на румынском языке был опубликован целый ряд коллекций книг, таких как «русская классика», «советская литература», «литература для молодежи», «общая культура», художественные альбомы, и т. д., тиражом –4,5 миллиона экземпляров²⁸. Вышли в свет

в переводе на румынский язык произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Чернышевского, В.Г. Беллинского, А.П. Чехова²⁹.

В 1948 г. начал свою работу румыно-советский институт им. М. Горького. В институте осуществлялась подготовка преподавателей по русскому языку и литературе, а также велась научная работа по различным направлениям науки и культуры. Филиалы института были созданы в городах Клуже, Яссах, Тимишоаре, Тыргу-Муреше³⁰. С целью ознакомления населения с историей румыно-русских исторических связей был организован румыно-русский музей³¹. Активно начали развиваться связи между научными учреждениями и институтами СССР и Румынии, обмен делегациями ученых, артистов, музыкантов и т. д.

Значительно расширился книгообмен. Так, например, только в библиотеку Института истории Румынской Академии ежегодно поступало около 15 общественно-политических и исторических периодических изданий. Наряду с пропагандистской литературой читатель мог ознакомиться с трудами таких советских историков как Е. Тарле, С.Д. Сказкина, Б.Ф. Поршнева, А.З. Манфреда, Б.А. Грекова, Н.М. Дружинина, И.С. Галкина, книгами по древнерусской литературе и архитектуре, памятниками русской письменности.

В научных институтах в обязательном порядке изучались работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР». В политкружках шло изучение «Краткого курса истории ВКП(б)». Общественные науки превратились в охранительный фактор утверждающегося режима. Отношение к советской науке и участие в ее пропаганде являлось критерием благонадежности румынских ученых.

Усилилась также и наглядная агитация, проводились выставки достижений народного хозяйства СССР, выставки, посвященные творчеству советских писателей и художников, возводились монументы И.В. Сталина, шло переименование городов улиц и площадей. Например, город Брашов был переименован в город Сталин, в престижном районе Бухареста был воздвигнут монумент И.В. Сталину, а в августе 1950 г. в центре Бухареста была открыта выставка, посвященная его жизни и деятельности³².

В то же время ЦК ВКП(б) инициировал развертывание в восточноевропейских странах идеологических компаний «по разоблачению лженаучных теорий», которые полным ходом набирали силу в СССР: «борьба с вейсма-

низмом-морганизмом в защиту мичуринского учения», с «безродным космополитизмом» и др., сопровождавшиеся гонениями на ученых, писателей и деятелей науки и искусства³¹. Реакция властей на эти кампании в Румынии сопровождалась кадровыми чистками, отстранениями от работы старой профессуры и профессионалов. В связи с известным «делом врачей» в СССР в Румынии прошли кадровые чистки, затронувшие в первую очередь лиц еврейской национальности. Массовые чистки были проведены в медицинских учреждениях и ВУЗах³³. Все эти мероприятия широко освещались в прессе. Шла соответствующая обработка общественного мнения.

В 1950–1952 гг. в Румынии произошел всплеск новых массовых репрессий, целью которых являлось подавление насильственными методами всякого инакомыслия и любого сопротивления власти. Репрессии затронули значительные слои населения – от крестьянства до бывших представителей политических оппозиционных партий. Устранялись также и потенциальные оппоненты и внутри самой РПР. Нагнетание в обществе напряженности и страха являлось одной из важных составляющих внутренней политики румынского партийно-государственного руководства.

Таким образом, в конце сороковых – начале пятидесятых годов двадцатого века партийно-государственный аппарат в Румынии в условиях перехода к строительству в стране социализма по советскому образцу пытался монополизировать право на формирование общественного мнения. Наряду с мощной идеологической пропагандой и политическим террором информационная блокада общества являлась одним из главных компонентов становления режима советского типа и формирования общественного мнения в пользу нового режима и правящей партии.

Однако, несмотря на использование всех механизмов, которыми располагала правящая партийно-государственная номенклатура, они в полной мере не срабатывали. Хотя под воздействием этих механизмов разрушалась ориентация значительной части населения на Запад и шел процесс переориентации на Советский Союз, румынскому руководству, тем не менее, не удалось полностью закрыть доступ к иной информации, отличной от официальной, и добиться желаемых результатов.

Реальные результаты мероприятий не были адекватны предпринятым усилиям. Это объяснялось целым рядом причин: прежде всего географи-

ческим положением страны, ментальностью части ее населения, которое продолжало считать себя частью Европы, от которой ее отделили, а также технологическим прогрессом в средствах западных коммуникаций, что снижало эффективность пресечения потока информации, который шел с Запада, и не обеспечивало полной монополии партийно-государственного аппарата на механизмы формирования общественных настроений в румынском обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Popescu E. Prelegeri de istorie contemporană a României. România în anii 1946–1947. București, 1974. P. 25. Șomicu S.S. Radiografia Puterii. Elite politice din România în anii 1945–1989. Craiova, 2003. P. 41.
- ² Архив Внешней политики Российской Федерации (Далее: АВП РФ) Ф. 0125. Оп. 34. П. 130. Д. 10. Л. 83–84.
- ³ Там же. Л. 82.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. П. 131. Д. 16. Л. 44–46.
- ⁶ Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului Român. București, 1997. P. 473.
- ⁷ История Румынии. 1918–1970. М., 1971. С. 478.
- ⁸ Onișoru Gh. România în anii 1944–1948. Transformări economice și relații sociale. București, 1998. P. 140.
- ⁹ Ibid. P. 138.
- ¹⁰ Ibidem.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 34. П. 130. Д. 10. Л. 83
- ¹² Там же. Оп. 35. П. 136. Д. 10. Л. 12.
- ¹³ Arhivele Naționale ale României (далее ANR). Fond Ministerului de interne. Dos. 1 (1949) P. 1.
- ¹⁴ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление режимов советского типа. 1949–1953: Очерки истории. М., 2002. С. 335–336.
- ¹⁵ ANR. Fond Ministerului de interne. Dos. 1, P. 3–6, 18–23, 25, 30. Moraru C. Așteptându-i pe americani // Magazin istoric. N 9. 2000. P. 26–29.
- ¹⁶ Onișoru Gh. Op. cit. P. 174.
- ¹⁷ Stan A. Teroare și rezistența în România democrației populare // Analele Sighet 7. Anii 1949–1953. Mecanismele terorii. P. 15–24. Mocanu M.R. Forme și strategii de comunizare a societății românești (1049–1953) // Analele Sighet 7. P. 30–42.

- ¹⁸ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. раб. С. 348–352, 353–379; Anton M. Ieșire din cerc. Politica externă a regimului Gheorghiu-Dej. București, 2007. P. 26–28.
- ¹⁹ Адиебеков Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М., 1994. С. 152–153.
- ²⁰ Anton M. Op. cit. P. 28.
- ²¹ РГАСПИ Ф. 575. Оп. 1. П. 272. Д. 18. Л. 16.
- ²² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. раб. С. 426–577.
- ²³ Scurtu I. Impunerea modelul stalinist în România (1948–1953). Revoluția culturală // Historia. Revistă de istorie. An. IX. N 87, martie 2009.
- ²⁴ См. подробнее: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. раб. С. 380–422.
- ²⁵ Там же. С. 329–330.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Ед. хр. 348. Л. 119.
- ²⁷ Там же. Л. 14.
- ²⁸ Там же. Л. 9
- ²⁹ Там же. Л. 10.
- ³⁰ Scurtu I. Op. cit. P. 30.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. 1949–1953. С. 377.
- ³³ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 14. Л. 58–60; Филлитов А.М. «Холодная война». Историографические дискуссии на Западе. М., 1991. С. 107.

Б.Й. Желицки

ВЕНГРИЯ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА: ВЛИЯНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Изучение общественного настроения прошлых исторических эпох, реакции людей на те или иные события, особенно если они не были зафиксированы источниками и о них сохранилось мало документальных свидетельств, далеко не легкая задача для современного исследователя. Безусловно, общественное настроение, как в прошлом, так и сегодня, это результат воздействия на людей целого комплекса конкретных факторов и обстоятельств, в результате или под влиянием которых оно формировалось или формируется. Абстрагируясь от внешнеполитических воздействий и факторов, в том числе, от громадного разочарования венгерского населения в связи с повторением национальной травмы – новой потерей территорий компактного проживания этнических венгров после Второй мировой войны, от их массового насильственного переселения и выселения из отдельных сопредельных государств, и концентрируясь исключительно на проблемах внутривнутриполитических, мы остановимся на наиболее ярких проявлениях реакции населения, вызванной радикальными общественно-политическими преобразованиями, которые явно меняли сознание людей и оценки ими действительности на рассматриваемом этапе истории.

В 40-е – 50-е гг. прошлого века в жизни Венгрии, как и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, произошли значительные, можно сказать судьбоносные, общественно-политические сдвиги и социально-экономические перемены, буквально перевернувшие жизнь населения. Ломались вековые устои, кардинально менялось само общество, и эти перемены, безусловно, влияли на сознание людей, на настроение общества. Нет сомнения, что перемены 1945-1955 гг. воспринимались и оценивались обществом, его различными слоями по-разному. Приступая к рассмотрению воздействия различных исторических событий и факторов на венгерское общество в первые послевоенные годы, целесообразно сначала дать читателю представление о самом об-

ществе в целом. Поскольку сделать это в рамках одной статьи невозможно, ограничимся лишь констатацией того, что венгерское общество после мировой войны лишилось не только всей прежней правящей элиты, государственно-административного аппарата, но и значительной части представителей наиболее состоятельных и зажиточных слоев населения, включая и представителей «господского среднего класса» страны. Все они в большинстве своем покинули страну, существенно облегчив тем самым положение оставшихся там малоопытных в управленческих делах демократических сил и вернувшихся из советской эмиграции коммунистов, сыгравших важную роль в налаживании новой общественно-политической жизни страны. Представляется важным предварительно выяснить и общие принципиальные вопросы о способностях венгерского общества к самоорганизации и самовыражению, к отстаиванию своей воли до подписания Мирного договора (1947 г.), да и затем, уже в условиях становления и функционирования тоталитарной системы в стране. Но все эти вопросы требуют самостоятельных исследований.

Занявшись поисками соответствующих документов и литературы, необходимых для подготовки настоящей статьи, автору пришлось убедиться в научной неразработанности данной проблемы. Если сами исторические процессы и реальные изменения в общественно-политической жизни нашли соответствующее освещение в литературе, то реакция гражданского общества на них практически не выявлена, почти не фиксировалась обществоведами и пока еще не анализировались историками. Приходится оперировать весьма ограниченным кругом доступных материалов и источников: редкими упоминаниями, случайными фрагментами документального характера, немногочисленными воспоминаниями современников событий в журнальных публикациях нашего времени.

Самого пристального внимания исследователя заслуживает, на наш взгляд, аналитическая справка «Венгрия: оппозиционная деятельность и ее потенциал», составленная 5 января 1956 г. в Вашингтонском университете на основе секретных материалов, предоставленных авторам военными и разведывательными службами США. Они же являлись и заказчиками этого документа. В разделе справки о ситуации в стране и настроениях населения указывалось, что в послевоенной Венгрии со стороны общества в отношении властей «отсутствует всякое сопротивление, и нет даже следов партизанских групп»¹.

Представляется, что подобный вывод справедлив для более раннего периода в послевоенной истории Венгрии. В 1945-1947 гг. практически все население поддержало те решения и перемены, которые претворяло в жизнь тогдашнее коалиционное правительство страны. Это касалось, прежде всего, проведения земельной реформы, национализации банков, передачи покинутых хозяевами бесхозных промышленных предприятий в управление рабочих комитетов, установление демократической многопартийной системы, внедрения демократии. В феврале-марте 1945 гг. крестьяне, как и рабочие на предприятиях, во время проведения земельной реформы также входили в состав соответствующих комитетов. Народные массы разделяли и одобряли политику правительства страны в этих вопросах, были полны решимости и энтузиазма содействовать скорейшему налаживанию мирной созидательной жизни и восстановлению экономики. Положительному настрою общества некоторое время не могли помешать даже возложенные на страну непосильные репарации или повторное сокращение её территории. Со временем, когда во внутривнутриполитической сфере стали усиливаться позиции определенных партийно-политических групп, стремившихся к коренной переделке общества и его подчинению одной партии, настроения населения начали претерпевать существенные изменения. Заметим, что вплоть до середины 1950-х гг. материальное положение большинства населения никак нельзя было назвать удовлетворительным, что вызывало недовольство и, несомненно, усиливало оппозиционный потенциал общества. Ко времени написания упомянутой выше справки критические настроения уже нашли зримые проявления в венгерском обществе. В силу этого процитированный вывод американских аналитиков предстает как, по меньшей мере, спорный и требующий комментариев. События осени 1956 г. подтверждают справедливость такого подхода.

Чаяния, интересы, мнения и воля политических и социальных сил общества в значительной мере проявляются и реализуются преимущественно через политические партии и их представителей в парламенте, а также через другие общественные организации. Как известно партийно-политический спектр послевоенной Венгрии в целом характеризовался отсутствием в стране каких-нибудь организованных антидемократических сил, и, тем более, политических партий такого характера. В политической палитре страны появилась и начала активно проявлять себя новая *легальная* политическая сила – Вен-

герская коммунистическая партия (ВКП), руководители которой вернулись в страну из московской эмиграции. К этому моменту в рядах ВКП насчитывалось всего 3058 членов². По численности она уступала другим партиям. Тем не менее, имея полную поддержку со стороны советского руководства Союзной контрольной комиссией (СКК) в Венгрии, она пользовалась широкими возможностями, в результате чего стала одной из ведущих партий и наиболее активных организующих политических сил послевоенной Венгрии. В дальнейшем ее численность в результате интенсивного набора в свои ряды новых членов стремительно возросла: в 1945 г. ВКП насчитывала уже 30 тыс. коммунистов³. Программа партии, обнародованная в Дебрецене осенью 1944 г., предусматривала демократизацию общественно-политической жизни страны, признание и утверждение многопартийной парламентской системы, а в перспективе – построение социализма. Она встретила одобрение и поддержку со стороны всех остальных политических сил Венгрии. На начальном этапе ВКП сумела, таким образом, используя соответствующие лозунги и приемы, завоевать определенную популярность в массах. Серьезным испытанием на прочность для нее, как и для других политических партий, стали первые после войны парламентские выборы в ноябре 1945 г.

Советские наблюдатели в Венгрии, внимательно отслеживавшие обстановку в стране, еще до выборов зафиксировали опасения представителей ряда политических партий, что ВКП готовится совершить поворот к диктатуре. В частности, в донесениях начальника 7-го отдела ГлавПУРККА генерал-майора М.И. Бурцева в ЦК ВКП(б), сообщалось, что население убеждено: в случае победы коммунистов на выборах «всех загонят в колхозы, отнимут собственность, кормить людей будут из общего котла, а поскольку коммунисты трудиться не хотят, они сами будут только контролировать работающих»⁴. По всей вероятности, подобные оценки и слухи руководству ВКП были известны, заставляя внимательно выстраивать политику по отношению к одной из ведущих партий венгерского политического спектра – Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ). Эволюцию тактики коммунистов раскрыл в беседе с г. Димитровым в Москве 6 августа 1945 г. один из руководителей ВКП Э. Герё. Заметив, что «реакция в разной форме переходит в наступление» против компартии, он пояснил: «До этого мы очень осторожно обращались с Независимой партией мелких хозяев, как *большой массовой крестьянской партией*

(курсив здесь и ниже наш. – Б. Ж.), поскольку она была нашей союзницей во Фронте национальной независимости. Но с этого времени мы открыто стали совершать нападки на правое крыло этой партии... Одновременно должным образом занялись и руководством партии, большинство которого *состоит не из правых элементов, а из последовательных демократов*»⁵. Отметим, что подобные оценки со стороны коммунистов в отношении данной партии и ее руководства были большой редкостью. Именно обстановка в стране после поражения коммунистов на прошедших ранее муниципальных выборах заставила руководство ВКП накануне выборов в парламент изменить, хотя бы временно, свое отношение к ПМСХ.

Парламентские выборы в ноябре 1945 г. отчетливо выявили отношение населения к разным политическим силам страны и выдвигаемым партиями программам. КПВ получила 17% голосов избирателей, ПМСХ – 57%, Социал-демократическая партия Венгрии (СДП) – 17,4%. Эти три партии и заняли ведущее место в созданной после выборов демократической коалиции.

Избиратели однозначно ответили на волновавший все венгерское общество вопрос: чему они отдают предпочтение – коммунистическому строю советского типа или государственному устройству, которое базируется на принципах плюралистической демократии. Результаты этих свободных парламентских выборов 1945 г. стали тогда подлинным выражением мнения, воли и настроения населения страны. Они стабилизировали общественно-политическую ситуацию, и Венгрия в соответствии с принципами европейского парламентаризма смогла приступить к эволюционному развитию по пути народной демократии. Были сформированы многопартийный парламент и демократическое коалиционное правительство страны. Новый парламент (Государственное собрание) в начале 1946 г. провозгласил Венгрию республикой.

Известную напряженность в обществе создавало то обстоятельство, что компартия и после парламентских выборов сохранила за собой руководство всеми силовыми структурами страны, в том числе *политической полицией* (будущими органами госбезопасности), которую сама и сформировала.

Первые подразделения упомянутой в документе полицейской полиции возникли как подотделы полиции в структуре МВД в 1945 г. еще при Временном правительстве, сформированном в Дебрецене. Возглавил ее вернувшийся из СССР бывший партизан Андраш Тёмпе⁶. Первоначальной целью

подотделов стали арест ультраправых и фашистских элементов, выявление и ликвидация любых сил, организаций и движений, выступавших против новой Венгрии. Впоследствии всемогущие органы политической полиции были реорганизованы в Управление государственной безопасности (УГБ). Все они, так или иначе, как справедливо отмечают исследователи, постепенно были приспособлены коммунистическим руководством для реализации их целей и потребностей, стали, по сути, «глазами, ушами и кулаком компартии»⁷. Задачи, которые ставились перед этими органами коммунистическим руководством, со временем существенно модифицировались и расширились, приобрели, наряду с уже отмеченными, явные репрессивные функции. По этой причине они сеяли страх среди населения и вызывали скрытую ненависть со стороны граждан. «Первостепенной задачей политической полиции, кроме всего прочего, стало полномасштабное наблюдение за обществом, за его настроением, чтобы сломить его недовольство, сопротивление и держать его в узде и страхе», – отмечал венгерский исследователь Д. Дьярмати⁸. Он констатировал, что эти органы с самого начала «считали реакционерами всех, кто не был коммунистом». По утверждению автора, в условиях утвердившейся в стране с осени 1948 г. коммунистической диктатуры, и реорганизацией политической полиции в УГБ, последнее стало для узкого круга партийного руководства настоящим «поставщиком информации о гражданах в промышленном масштабе», а в конце 1949 г. превратилось в гиперминистерство.

В руках коммунистов оказался важный и действенный рычаг управления обществом, контроля и воздействия на него в своих целях. Представитель руководства компартии, глава МВД Л. Райк в беседе с советскими представителями в апреле 1947 г. с полным основанием подчеркивал, что «в полиции все важные отделы и посты находятся в руках коммунистов». Он отмечал также, что компартия «была первой партией, которая поняла важность полиции и добилась того, что взяла ее в свои руки и не выпускает»⁹. Руководящая роль КПВ в силовых структурах, проявлявшаяся в насаждении репрессивных методов действия, вторжении в частную жизнь населения, слежке и прослушивании телефонных разговоров, перлюстрации переписки и пр., отнюдь не способствовала росту популярности и авторитета КПВ среди населения, делала ее объектом острой и, надо сказать, во многом справедливой критики.

Первое открытое недовольство ситуацией, в том числе и деятельностью силовых органов, вылилось в июле-августе 1946 г. в массовый стихийный протест населения в городах Мишкольц, Хатван, Уйпешт и некоторых других местах. 18 июля в Мишкольце, население которого, как и повсюду, испытывало острую нехватку продовольствия, отчаявшиеся рабочие бросили работу и вышли на улицу. Они протестовали против бездействия полиции, допустившей разгул спекуляции, и потребовали от властей города решить вопрос со снабжением населения продуктами. Одна из рабочих колонн, направлявшаяся в центр города, наткнулась на двух спекулянтов мукой, уже успевших продать 20 центнеров дефицитной муки. Вспыхнула драка. Возмущенные рабочие открыто обвинили полицию в потворстве спекулянтам. В связи с этим происшествием представитель советских оккупационных войск подполковник В. Мудриков, усмотревший в действиях рабочих «происки реакции», сообщил в Политуправление Центральной группы войск: «Главные нападки реакции направлены против коммунистов, как ведущей рабочей партии, а также против политической полиции. Реакция стремится любыми средствами опозорить компартию, используя для этого недовольство и отчаяние рабочих». В то же время он признал, что «митингом протеста никто не руководил, он прошел, как стихийное выступление рабочих»¹⁰. Полиция арестовала 16 рабочих, что вызвало сильное возмущение их товарищей. Мудриков сообщал, что 1 августа 1946 г. примерно 12-15 тыс. заводских рабочих снова вышли на улицу и направились к центру города, требуя освободить арестованных и выдать начальника политической полиции, члена ВКП Френкеля. Получив отказ властей, возмущенная толпа ворвалась в здание полицейского управления, «нашла полковника Френкеля и начала его избивать, а затем вывела на рыночную площадь», чтобы расправиться с ним. Френкеля спас уполномоченный СКК подполковник Семенов, который «ворвался в толпу на машине и призвал протестующих прекратить самосуд»¹¹. Избитого и потерявшего сознание Френкеля с большим трудом удалось освободить из рук разгневанных рабочих. Основными причинами стихийного выступления рабочих явились, по мнению Мудрикова, крайне плохое обеспечение их продуктами питания, нищета, инфляция. В документе подчеркивалось:

«1) События в Мишкольце возникли спонтанно, но реакционные элементы использовали их, придав им антидемократический характер (требование

распустить лагеря интернированных, антисемитские лозунги, нападение на полицию, избивание начальника политической полиции);

2) горком компартии и социал-демократической партии Венгрии оставались пассивными и беспомощными наблюдателями событий;

3) события в Мишкольце показали, что ВКП совершила грубую ошибку, назначив на пост начальника политической полиции лицо еврейской национальности;

4) реакционеры и правые элементы будут использовать события в Мишкольце для дискредитации компартии»¹².

Описанные события подтверждают, что если в первые годы народной демократии, как отмечалось выше, антикоммунистические настроения в венгерском обществе еще не проявляли себя и действия компартии не вызывали сопротивления со стороны граждан, то в 1947 г. ситуация стала резко меняться. Происходило это в той мере, в какой руководство самой компартии, – практически отказавшись от первоначально сформулированных в программе партии заявлений и принципов, – взяло курс на свертывание плюралистической демократии и развернуло наступление на другие политические партии и организации гражданского общества, на отдельные социальные группы, прибегая при этом к различным приемам и ухищрениям, используя разные методы давления. Настроения в обществе отразили недовольство политикой ВКП, действиями ее руководства и подконтрольных ему силовых органов. Последние именно с этого времени начали фронтальное наступление, прежде всего, против тех наиболее влиятельных в обществе личностей и организаций, которые могли помешать коммунистам реализовать наметившийся курс на утверждение диктатуры от имени пролетариата. Печатные органы ВКП с этой целью уже с 1946 г. стали методично сообщать о надуманных, якобы готовившихся акциях и группах «заговорщиков», преследующих свержение новой государственной власти. Таковых «компетентные органы», естественно, «находили» в рядах наиболее влиятельных демократических партий страны. В результате основными объектами нападков становились лидеры наиболее влиятельной политической силы страны ПМСХ и католическая церковь. Именно против их представителей выдвигались и преднамеренно конструировались при помощи органов безопасности различные лживые обвинения, проводились разбирательства и сфабрикованные судебные процессы, возмущавшие и будоражив-

шие венгерское общество. В конечном счете, они были направлены, прежде всего, на дискредитацию и последующее отстранение от власти основных руководителей крупнейшей политической партии страны, на подрыв авторитета церковных иерархов, не угодных лидерам компартии. Предпринимавшиеся против них действия одновременно сопровождались соответствующей дезинформацией, стремлением убедить широкое общественное мнение в их виновности, но часто они вызывали прямо противоположную реакцию населения.

Провозгласив 31 января 1946 г. Венгрию республикой, Национальное собрание позаботилось о принятии соответствующих законов, надеясь, что они способны защитить неотъемлемые права и свободы граждан от любых поползновений антидемократических сил. На самом деле, они так и не стали надежной преградой ползучему тоталитаризму. Законы гарантировали широкие права личности, свободу мысли и выражения мнений, объединений и собраний, права на свободу совести, на личную безопасность и достойную человеческую жизнь без страха и нищеты, на образование и участие граждан в управлении государством и в органах местного самоуправления¹³.

В конкретных же исторических обстоятельствах многие из этих гарантированных гражданам прав и свобод стали регулярно нарушаться, а принятые законы использовались силовыми органами исходя из установки на обострение классово-борьбы в стране. В начале 1947 г. МВД сообщило о раскрытии подпольной прохортистской организации, якобы нашедшей убежище в ПМСХ, руководству которой на основе ложных обвинений была приписана организация «заговора против республики». Сфабрикованные обвинения стали поводом для того, чтобы ложно обвинить в причастности к этому «заговору» Белу Ковача (1908-1959), генерального секретаря ПМСХ, депутата парламента. Это и стало началом фронтального наступления коммунистического руководства против лидеров самой авторитетной в стране партии. Парламент, однако, не лишил Б. Ковача депутатской неприкосновенности, благодаря чему он избежал ареста. Но, не чувствуя за собой никакой вины, 21 февраля 1947 г. Ковач добровольно явился в следственные органы, чтобы лично опровергнуть выдвинутые против него обвинения. После допроса его отпустили, но по дороге он по личной просьбе Ракоши был задержан представителями Союзной контрольной комиссии и вскоре вывезен на территорию Австрии. На допросах Ковача принуждали признаться в антигосударственной деятельности. Поскольку

он оказался сделать такие признания, как и подтвердить причастность других деятелей ПМСХ к «заговору», его отправили в СССР, где до апреля 1956 г. Ковач находился в одном из лагерей.

Исчезновение столь авторитетного и популярного политика вызвало сильное потрясение и огромное разочарование в венгерском обществе. Господствующие настроения населения в тот момент – чувство незащитности, страх, убежденность в том, что законность, государство, действующее от имени народа, являются лишь иллюзией, что абсолютное парламентское большинство, правительство и даже глава государства полностью уязвимы перед лицом стремившегося к единовластию коммунистического меньшинства. Трагедия Б. Ковача стала первым проявлением наступления этих сил, направленного на дискредитацию лидеров ПМСХ и других демократических организаций, на расшатывание самих политических партий, а по сути, начавшегося фронтального наступления против еще не успевшей окрепнуть послевоенной венгерской демократии.

Для реализации намеченных задач уже имелись необходимые предпосылки. «С марта 1946 г. наметился поворот: еще не всеобщий штурм позиций капитализма, но... захват выдвинутых вперед, наиболее ответственных и важных форпостов. Мы неустанно продолжали разоблачать, отстаивать и изолировать реакционные элементы партии мелких хозяев, которая была вынуждена то поодиночке, то мелкими группами исключать из партии или снимать с должностей своих скомпрометированных нами таким путем членов», – вспоминал позднее М. Ракоши. – „Тактикой салями” называли тогда выполняемую нами день за днем кропотливую работу по расчленению и выкорчевыванию реакции, укрывавшейся в партии мелких хозяев. В этих непрерывных боях мы перемогли силы врага...»¹⁴.

Надуманые и лживые обвинения в адрес наиболее влиятельной и популярной в народе партии, действительно, помогли представителям компартии осуществить дискредитацию и потребовать удаления из ПМСХ именно тех самых авторитетных лидеров, которых еще не так давно сам Ракоши именовал последовательными демократами. Многие центристы в руководстве НПМХ стали жертвами «тактики салями», в частности, глава коалиционного правительства и председатель ПМСХ Ференц Надь (1903-1979) и председатель парламента Венгрии Бела Варга (1903-1991), которые весной-летом 1947 г. в

результате политического кризиса были вынуждены эмигрировать, а, по сути, изгнаны из страны.

Готовясь к наступлению на ПМСХ, Ракоши предварительно информировал советское политическое руководство о своих намерениях доказать, что к «заговору» причастен премьер-министр Ф. Надь. Это, по его словам, позволило бы «разоблачить» и другого выходца из ПМСХ президента страны Золтана Тильди¹⁵. «Вопрос только в том, — писал Ракоши 5 апреля 1947 г. в ЦК ВКП(б), — как нам выступить против Нады, ведь он последний бастион политического руководства мелких хозяев, и нет сомнений, что борьба станет более ожесточенной, чем в случае с Бела Ковачем»¹⁶. 29 апреля Ракоши прибыл в Москву. В беседе с В. М. Молотовым он просил помочь получить от находившегося в заключении Б. Ковача доказательства, что Ф. Надь «имел связь с заговорщиками». Выразив сожаление, что у «заговорщиков» так и не нашли оружия, Ракоши заявил: «...Тогда мы могли бы крепче их разоблачить. Нам нужно что-то драматическое. Но при этом мы должны соблюдать осторожность. Народ устал, все хотят мира, покоя, и мы не хотим предстать перед массами в роли возмутителей спокойствия»¹⁷. Для устранения Ф.Надя с политической сцены был разработан специальный сценарий. Во время очередного отпуска, который Надь проводил в Швейцарии, следственные органы «случайно» обнаружили свидетельства его причастности к упомянутому «антиреспубликанскому заговору». Парадоксально, но глава правительства якобы затеял заговор против собственной власти! После случая с Б. Ковачем Надь уже ничему не удивлялся. Добившись от коммунистов воссоединения с семьей, остававшейся в Венгрии, он прямо на капоте машины, которая привезла его жену и четырехлетнего сына в Швейцарию, подписал предложенное ему заявление об отставке.

Удаление из политической жизни страны известных политиков и партийных функционеров породило в обществе мрачное и тревожное (а у некоторых даже паническое) настроение, атмосферу страха. В результате многие демократически настроенные интеллектуалы и политики выехали на Запад, немало дипломатов стали невозвращенцами.

Еще один существенный вопрос, который с 1947 г. оказался в центре внимания венгерской общественности, был связан с отношениями между властью и церковью. Католическая церковь, лишенная в результате земельной реформы значительной земельной собственности, не испытывала теплых чувств

к новой власти. Иницированное же коммунистами дальнейшее наступление власти на церковную автономию, выразившееся в огосударствлении церковных школ и стремлении отменить религиозное обучение в школах, усугубило ситуацию. Этот вопрос затронул интересы не только католиков, но и кальвинистов, лютеран и представителей других конфессий, вызвав дискуссию в парламенте. Постановке этого вопроса предшествовала взбудоражившая общество акция властей: летом 1946 г. по требованию главы СКК генерал-лейтенанта В. П. Свиридова в стране было ликвидировано около 1500 молодёжных организаций, обществ и союзов, среди них католических. Многие родители-католики, считая конфессиональные церковные школы важным оплотом религиозного воспитания, выступали против их национализации. Хотя вопрос о государственно-церковных отношениях ставился в свое время еще в буржуазной Венгрии и раскол венгерское общество, в новых условиях негативное восприятие венграми наступления государства на церковь объяснялось пониманием перспективы замены религиозного обучения фактически другим идеологическим воспитанием. Проблема продолжительное время обсуждалась в стране. Понятно, что особо острую реакцию вызвала она в церковных кругах, особенно со стороны иерархов и примаса католической церкви Й. Миндсенти. Свой письменный протест он подал главе коалиционного правительства Ф. Надю. Примас отклонил предложение также и о факультативной форме религиозного обучения. В знак солидарности десятки тысяч католиков направили в адрес премьер-министра письма протеста.

Наблюдая сопротивление со стороны верующих, хитроумный Ракоши предпочел оставаться в стороне от этих проблем, переведя стрелку на представителей ПМСХ во властных структурах. В одном из писем в Москву И. В. Сталину, А. А. Жданову и Л. П. Берии он писал: «Мы хотим предоставить проведение закона о факультативном преподавании религии Ф. Надю и его партии; поэтому до тех пор, пока он остается последовательным в этом вопросе, мы вынуждены оставлять без внимания непосредственные нападки на него. Если же выяснится, что и в этом вопросе он ведет двойную игру, то мы безжалостно разоблачим его как инициатора плана внесения в порядок дня вопроса о факультативном преподавании религии и взвалим на него ответственность за этот неподготовленный шаг. После этого поставим вопрос об ответственности Ференца Нады в заговоре»¹⁸.

Закулисные маневры Ракоши сочетал с демагогическими заявлениями, призванными создать ему имидж терпимого в конфессиональных вопросах политика. Выступая 10 мая 1947 г. на митинге в одном из районов Будапешта, он публично утверждал: «У нас свобода религиозного обучения, как в США, Англии, Франции и в других странах западной демократии. Религиозное обучение является существенным элементом демократии. Коммунистическая партия, его одобряет и поддерживает. За последние два года мы этот вопрос не поднимали, считая, что даже затрагивание этого вопроса требует основательной и длительной просветительской работы, чтобы успокоить верующих, и здесь нет и речи об антирелигиозных поступках»¹⁹. А ведь еще 10 января 1947 г. на встрече с партактивом Будапешта он заявил, что до конца года с клерикальной реакцией следует покончить.

Нарастание антикоммунистических настроений в венгерском обществе было связано и с новыми парламентскими выборами 31 августа 1947 г.

Обращаясь незадолго до выборов к советскому правительству, Ракоши сообщал о намерении коммунистов, используя новый избирательный закон, «вычеркнуть из списков 12-15% избирателей как реакционеров и фашистов»¹. Большой общественный резонанс вызвало использование коммунистами многочисленных так называемых синих бумажек (открепительных талонов), с помощью которых ВКП намеревалась получить до 300 тыс. дополнительных голосов избирателей (в действительности эта цифра оказалась намного меньше – 208 693). Манипуляция со списками не прибавила компартии популярности, однако, в конечном счете, именно она помогла КПВ получить 22,3% голосов и одержать победу.

После выборов началось стремительное полевение государственной жизни. Побывавший в Венгрии заместитель заведующего Отделом внешней политики ЦК ВКП(б) Л.С. Баранов сообщал: «Католическая церковь имеет еще очень сильное влияние на широкие массы населения, особенно на женщин... Реакционному католическому духовенству будет нанесен первый удар в результате национализации церковных школ»⁴. И, действительно, Закон о национализации школ был принят уже 16 июня 1948 г., а вскоре после слияния СДПВ с ВКП, т. е. утверждения коммунистической диктатуры от имени пролетариата, новое правительство 6 сентября 1948 г. запретило даже факультативное преподавание основ религии в школах.

Летом 1948 г. в стране наступил период *коллективного молчания*. Население, напуганное действиями органов УГБ, далеко не добровольным слиянием двух рабочих партий, фактически означавшим поглощение социал-демократии коммунистами и ее уход с политической сцены, а также массированным наступлением на католическую церковь – «гнездо реакции», находилось в состоянии крайнего напряжения. Открыто сопротивляться явному навязыванию венгерскому обществу воли лидеров компартии, все настойчивее стремившихся к ликвидации многопартийной демократии и установлению коммунистической диктатуры, пытались немногие.

В СДПВ о неприятии ее слияния с компартией, проведенного под силовым давлением руководства КПВ на левых социал-демократов, наиболее отчетливо заявили члены высшего партийного руководства – заместитель Генерального секретаря партии Ференц Седер, депутат парламента Анна Кетли, Имре Селиг, Антал Бан и др. Против них как членов правого крыла развернулась беспощадная борьба. По требованию лидеров компартии при активном содействии левого социал-демократа Дьёрдя Марошана указанные функционеры еще в марте 1948 г. были отправлены в «отставку», что фактически привело к исключению их из партии. Затем последовали аресты, ложные обвинения, и в итоге Ф. Седер, А. Кетли и др. оказались в тюремном заключении⁵. В лагерях оказались и многие рядовые члены бывшей СДПВ, не пожелавшие принять коммунистическую доктрину. После освобождения многие социал-демократы эмигрировали из страны.

Среди протестовавших против диктата компартии важную роль играл кардинал Й. Миндсенти. В ноябре 1948 г., когда Ракоши заявил о будущем «отмирании» партий, кардинал безошибочно определил, в каком направлении развиваются события в Венгрии. Примас неоднократно подчеркивал, что, как ранее, фашистский, так и ныне складывающийся в стране политический режим, он считает диктатурой, несмотря на имевшиеся между ними различия. Миндсенти утверждал, что политические представители нового режима предают страну, насмеваются над демократией, преследуют церковь и религию, терроризируют народ²⁰. После ареста своего секретаря полный мрачных предчувствий примас в письме архиепископу калочскому Й. Грёсу писал: «Я не участвовал ни в каком заговоре, и не отказываюсь также от поста архиепископа (эстергомского – Б. Ж.). – Мне не в чем винить себя,

и я ничего не подпишу. Если это все же случится, то оно будет всего лишь проявлением слабости человеческого тела, и такую подпись я заранее объявляю недействительной»²¹. Предчувствия его не обманули. Вскоре политическая полиция арестовала примаса в его дворце в Эстергоме. В декабре 1948 г. он в духе времени был обвинен в «антиреспубликанском заговоре», шпионаже, валютных махинациях и действиях по «возвращению господства Габсбургов»²². Сфабрикованные обвинения, подложные «доказательства», прозвучавшие на судебном заседании 3-8 февраля 1949 г., стали основой для сурового приговора о пожизненном заключении. В связи с этим в книге «Процесс века» венгерский автор Б. Ишпанки, сравнивая суд над примасом с «троцкистскими» и другими процессами 1937 и 1938 гг. в СССР, а также с политикой Геббельса, направленной на то, чтобы «опорочить католическую церковь», пришел к выводу, что и коммунисты, и фашисты действовали одними и теми же методами. При этом он обратил внимание на два важных момента, отразивших общественные настроения: «Во-первых, Миндсенти у нас в стране человек наиболее популярный. Где бы он ни появлялся, собирались десятки и сотни тысяч человек. Совершенно добровольно. Во-вторых, наше общественное мнение готово принимать все, только не то, что исходит от УГБ. Его деятелям не верят даже тогда, когда они говорят правду»²². По мнению автора, мир был поражен тем, что «процесс Миндсенти возродил гитлеровские методы». Разумеется, ни этот процесс, ни последующая расправа над архиепископом Й. Грёсом (на судебном заседании 27 июня 1951 г. приговорен к 15 годам тюремного заключения) не способствовали изменению настроений верующих, углублению их доверия к власти.

Тем не менее, отношения власти с церковью в 1948-1951 гг. находились в стадии «нормализации». На основании взаимных уступок между представителями государства и церковными иерархами разных религиозных конфессий были подписаны соглашения, которые привели к некоторому уменьшению напряженности в обществе. Священники обязывались не затрагивать в своих проповедях вопросы текущей общественно-политической жизни, хотя проповеди священников-сторонников мира («béкерарок») не преследовались, более того, их число постоянно росло. Конфессиональными вопросами со стороны властей в дальнейшем занималось специальное ведомство – Государственное управление по делам религии.

В 1949 г., вслед за принятием новой конституции Венгрии, изменением функций Государственного собрания, реорганизацией всей структуры верховной власти произошла фактическая ликвидация многопартийной демократической системы (отдельные партии были запрещены, как, в частности, Партия венгерской независимости, а другие были вынуждены прекратить свою деятельность или раствориться в созданном Отечественном народном фронте). В стране окончательно утвердилась властная монополия компартии. Это время наступления на основы гражданского общества в Венгрии, время административных и силовых мер против «кулачества, как класса» на селе, выселения из крупных городов (интернирования) «классово чуждых элементов», введения нормированного труда на предприятиях, что приводило к определенному снижению реальной заработной платы (в 1953 г. до 20-25% по сравнению с 1949 г.), усугубившему ситуацию и вызвавшему всплеск общественного недовольства.

Ликвидация кулачества в Венгрии началась в 1952 г., но списки кулаков (или, как их поначалу именовали, – «нежелательных элементов») политическая полиция начала составлять в 1949 г. В них значились более 70 тыс. семей, владевших 25 хольдами земли (хольд – 0,57 га). Работа над списками завершилась к весне 1951 г. Считается, что задуманная акция была предпринята не столько из экономических, сколько из политических соображений. Ликвидацию этой прослойки крестьянства в руководстве ВПТ считали важной осуществить потому, что потенциально именно эта зажиточная и социально активная часть села, в отличие от других групп сельского населения, рассматривалась как потенциальная ведущая сила сопротивления утвердившемуся в стране режиму. Как сообщала газета «Сабад нэп» («Свободный народ») от 27 февраля 1953 г., только в селе Кецел из 3585 сельских производителей 3000 были подвергнуты различным мерам наказания за свои «враждебные действия». Трудно установить, насколько объективна эта оценка, но то, что коллективизация и наступление против кулачества порождали в деревне протестные настроения, очевидно.

В Будапеште и других крупных городах летом 1951 г. борьба развернулась против «классово чуждых элементов», выразившись в их массовом выселении. Как сообщала «Сабад нэп» 7 августа 1951 г., к тому времени только из столицы была вывезена в лагеря 4281 неблагонадежную семью. Есть сведе-

ния, что к осени того же года были интернированы уже 5182 семьи, или 12704 столичных жителя. Еще около 1200-1400 семей, не дожидаясь худшего, предпочли уехать в более безопасные места, в села и небольшие города²³. В массе своей это были зажиточные и аристократические семьи.

Судить об общественном настроении в Венгрии, о тех мерах и средствах, при помощи которых УГБ помогало ракошистскому руководству ВПТ подчинить себе венгерское общество в так называемые «50-е годы» (под ними в Венгрии подразумевается период 1948-1955 гг.), можно также по числу граждан, привлеченных тогда силовыми структурами к судебной или административной ответственности. По подсчетам академика Ивана Т. Беренда, за годы ракошистского режима около 25% венгерского общества пострадало от преследований и репрессий, было подвергнуто различным мерам наказания (арест и пребывание под следствием, тюремное заключение, интернирование в лагеря, полицейский надзор и пр.)²⁴. Органы госбезопасности, этой, по сути, никем, кроме партийной «тройки» в лице М. Ракоши, Э. Герё, М. Фаркаша, не контролируемой структуры, присвоили себе неограниченные функции, имели право принимать решение о наказании, минуя судебные органы. По имеющимся данным, только в 1950-1952 гг. судебные разбирательства в Венгрии велись против 650 тыс. граждан. В дальнейшем, в 1952-1955 гг. – уже против 1 млн. 136 тыс. 434 граждан. Половина подсудимых (516 708 чел.) была привлечена к ответственности²⁵. Следует иметь в виду, что общая численность населения страны составляла в то время 9,3 млн. человек. Ракошистские органы безопасности в начале 50-х годов, руководствуясь сталинским тезисом об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму, проводили массовые аресты по политическим мотивам. В справке министра внутренних дел Ласло Пироша, направленной 8 сентября 1953 г. в Коллегию МВД, указывалось: «Органы госбезопасности в 1951 г. арестовали 2096, в 1952 г. – 3228, а затем до 1 августа 1953 г. – 1871 человека по различным политическим причинам. Из них за тяжелые политические преступления (шпионаж, диверсия, саботаж, террор, заговор) в 1951 г. – 450, в 1952 г. -1035, а в 1953 г. – 681 человека»²⁶. В 1954 г. министр докладывал о разоблачении в стране 28 контрреволюционных организаций и 87 враждебных групп²⁷. В результате число осужденных по политическим мотивам достигло 30 тыс. человек.

Не удивительно, что напряжение в венгерском обществе нарастало²⁸. Недовольство режимом Ракоши уже в начале 1950-х гг. приближалось к критической отметке, хотя до поры, до времени оно сохраняло скрытые, латентные формы, выражаясь в частности, в электоральной апатии. Часть общества демонстрировало индифферентное отношение к мероприятиям власти. В качестве примера приведем донесение одного из служащих Государственного управления по делам религии Иштвана Ласло в «инстанцию». Накануне новых выборов в Государственное собрание 11 апреля 1953 г. он сообщал: «Выборы уже не интересуют людей, ни стариков, ни молодых»²⁹. 17 мая свои наблюдения за священником одной из церквей, принадлежавшей ордену доминиканцев, он суммировал так: «У священника Тота вчера было какое-то подставное лицо на исповеди, которое и донесло на него. Якобы Тот говорил ему, чтобы не ходил голосовать за нынешний режим... Мы посетили его, и он дал нам честное слово, что никого не подстрекал к отказу от голосования. И, действительно, зачем же ему поступать так, когда у нас всего одна партия, а оппозиции нет»³⁰.

После кончины И. В. Сталина и июньских беспорядков 17 июня 1953 г. в Берлине венгерские спецслужбы, озабоченные общей ситуацией и ростом недовольства в стране, усилили оперативную работу среди разных групп населения с целью изучения их настроений. Один из таких агентов, выполнявший подобное задание в Буде, присоединившись к группе прихожан местной церкви, попытался вызвать их на откровенность. В ответ на провокационные суждения агента, что «у нас нет даже признаков проявления широкого и организованного выступления», одна из женщин заявила: «В этом нет особой необходимости. В России теперь ситуация складывается так, что вскоре и Ракоши и Реваи должны будут уйти. Грядут перемены, как и там, после смерти Сталина... У нас, конечно, не будет такого противостояния, у нас рабочие замучены тяжелым трудом, и они давно ждут, чтобы коммунизм сгинул. Они чувствуют, что в таком рабстве еще не жили и такой эксплуатации не подвергались еще никогда»³¹. В заключительной части донесения от 28 июня 1953 г. агент констатировал необходимость проявлять «большую настороженность с нашей стороны».

В 1953 г. Венгрия жила ожиданиями перемен. И благодаря советскому вмешательству в политику Ракоши, дождалась их. 12 июня 1953 г. часть руко-

водителей ВПТ (но без Герё, Реваи и Фаркаша) была приглашена в Москву, где М. Ракоши, сосредоточивший в своих руках как высшую партийную, так и исполнительную власть (уже не говоря о полном контроле над органами безопасности), подвергся резкой критике со стороны нового советского руководства. Ему был дан «совет» поделиться властью, уступить пост главы правительства Имре Надю, пользовавшемуся значительным авторитетом в народе. На заседании ЦК ВПТ ³² 28-29 июня 1953 г. кандидатура И. Надя на пост главы правительства была утверждена, было принято также важное решение о неизбежных переменах в стране. О них 4 июня 1953 г. на заседании венгерского парламента сообщил сам И. Надь ³³, причем его речь, в отличие от прежней практики, передавалась в прямом эфире, ее могла слушать вся страна. В правительственной программе, обозначившей «новый курс» развития страны, говорилось о снижении темпов индустриализации и перегруппировке капиталовложений из тяжелой промышленности в легкую и пищевую промышленность, о развитии сельского хозяйства, об отмене обязательных сельскохозяйственных поставок и отказе от принудительного кооперирования села, о прекращении действий полевых судов и о новом подходе к вопросам законности и правопорядка, о пересмотре дел незаконно осужденных, об амнистии и ликвидации лагерей для интернированных и пр. Было признано необходимым сократить раздутый государственный и административный аппарат, повысить роль Отечественного Народного фронта в политической жизни страны и т.п. Это были проблемы, интересовавшие всех и находившие живой отклик в народе.

Программная речь И. Надя оказала весьма благоприятное воздействие на общество, изменила настроение людей, давала надежду на будущее. Она сразу же встретила положительный отклик и широкую общественную поддержку у самых разных слоев населения. По сути, руководство страны устами Надя впервые публично признала свои ошибки. Оно оказалось вынужденным объявить «новый курс» и согласиться на частичное реформирование в экономической и общественно-политической жизни страны. Амнистия и ликвидация лагерей позволили выйти на свободу большой массе незаконно осужденных и задержанных без суда и следствия: В 1953 г. из лагерей вернулись домой и занялись производительным трудом около 75 тыс. человек. Кроме того, уже в ноябре 1953 г. на родину из советских лагерей возвратились 1500 политических заключенных ³⁴.

Правительственную программу, однако, с особой настороженностью и недоверием принял партийный аппарат и чиновники. «Не только функционеры партийных органов и силовые организации, но и госаппарат и руководители массовых организаций, высшее и среднее звено руководства экономической жизни повернулись против неё. Ведь многие из них лично скомпрометировали себя при выполнении... непопулярной политики партийного руководства, – писал в этой связи журналист М. Вашархейи. – А они, вместе с заинтересованными членами своих семей, представляли собой сотысячную массу» ³⁵.

Нет необходимости особо подчёркивать, что все остальные слои населения Венгрии позитивно восприняли и поддержали программу нового правительства страны, с надеждой смотрели в ближайшее будущее. Показательная реакция *крестьянства*. Как впоследствии вспоминали многие современники, в течение нескольких дней после обнародования программы сельские жители гуляли и веселились, отмечая свое освобождение от навязанной принудительной системы хозяйствования. Отмена «списка кулаков» вызвала воодушевление, начался выход крестьян из колхозов, многие стали обращаться с просьбой вернуть им свои земельные наделы для самостоятельного ведения хозяйства ³⁶. Село и крестьянство становились, по сути дела, массовой базой реформы И. Надя. *Городское население* также восприняло программу и связанные с ней перспективы как полезные и выгодные для себя. Хотя в программе не были прописаны конкретные пункты, трудящиеся городов, что называется, «читали между строк» и связывали с «новым курсом» возможности для прекращения роста эксплуатации на производстве, произвола и беззаконий, выселения и интернирования. Иными словами, программа положительно повлияла на настроения горожан. Другой вопрос, что если село сразу же разобралось в том, как следует поступать, то городские труженики не сразу смогли перейти к действиям.

После национализации предприятий они лишились прежнего рабочего самоуправления, не чувствовали себя хозяевами заводов и фабрик. Представители *интеллигенции* также были удовлетворены программой правительства И. Надя, так как рассчитывали на возможность свободы творчества и работы в соответствии со своей профессиональной квалификацией. Однако эта общественная прослойка, наученная опытом периода единоличной власти Ракоши демонстрировала сдержанность оценок и некоторое время воздерживалась

от откровенных высказываний, испытывала сомнения и считала перемены следствием внутренней борьбы в руководстве партии. Вскоре, однако, она активизировалась и ощутила себя интеллектуальной опорой политики «нового курса» Прежде всего, это относилось к творческой и научной интеллигенции – молодым литераторам, журналистам, учёным-гуманитариям – историкам, философам и экономистам.

Борьбу за обновление и реформирование системы, за расширение духовной свободы в 1953 г. начали именно партийные интеллигенты. Они поддерживали начинания И. Надя вплоть до 1955 г. включительно. Иными словами, общественное настроение было на стороне нового политического курса. Другое дело, что по ряду обстоятельств (прежде всего, в силу того, что партийная и государственно-политическая власть по-прежнему оставалась в руках тех леворадикальных консервативных сил, которые с самого начала мешали исполнительной власти, тормозили выполнение правительственной программы) Ракоши и его сторонникам удалось в 1955 г. снова взять вверх, приступить к реставрации прежних порядков. С согласия Кремля они 18 апреля 1955 г. отстранили реформатора И. Надя от занимаемого им поста премьер-министра и развернули против него травлю, закончившуюся его исключением из партии. Тем не менее, за время деятельности правительства И. Надя в стране были начаты, а в ряде областей осуществлены такие необратимые процессы, проведены такие преобразования, которые охватили практически все сферы жизни населения страны. Подавляющее большинство венгерского общества в целом положительно оценило их и не желало возвращения к прежним порядкам, вызывавшим у народа явное неприятие. Период деятельности правительства И. Надя в 1953-1955 гг. с точки зрения осмысления народом перспектив развития страны исключительно важен. В массах утвердилось понимание, что возврата к прежнему не может быть, что Ракоши и его сторонникам не под силу повернуть колесо истории вспять. Люди хотели немедленного и безоговорочного разрыва с духом и практикой сталинизма в их ракошистском исполнении.

Стремление ортодоксальных партийно-политических кругов снова навязать венгерскому обществу свои порядки привело к стремительному углублению общественно-политического кризиса и небывалому росту народного недовольства и протестных настроений. Реакция венгерского общества на

попытки реставрации известны. Осенью 1956 г. революционная буря смела ретроградные силы с исторической сцены Венгрии. И хотя тогда внешний фактор и силовое вмешательство прервали процесс революционного обновления страны и общества, не дали раскрыться демократическим инициативам и устремлениям масс во главе с И. Надем и навязали стране «второе издание» коммунистической «демократии», в Венгрии оно уже оказалось несколько иным, значительно отличавшимся от ракошистской. Настроение общества в тех условиях определяли уже другие факторы и обстоятельства. Анализ колебаний общественного настроения в революционные дни и в постреволюционных условиях, в период кадаровской стабилизации и в последующие четверть века, когда страна пребывала в условиях «развитого социализма», – тема уже другого исследования, требующая самостоятельного рассмотрения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Где похоронить вождя? После кончины Сталина на закрытом заседании Политбюро ЦК КПСС обсуждался вопрос о выборе достойного места для погребения вождя. Один из членов Политбюро предложил похоронить его на Святой земле.

– «Ни в коем случае! – перепугался другой. – Где угодно, но только не там! Помните, одного там уже похоронили, а он взял и воскрес!»

«Лучший ученик» и свинья. Машина, в которой находился Ракоши, считавший себя «лучшим учеником» Сталина, проезжая по селу, задавила свинью одного крестьянина. Послал Ракоши своего секретаря к хозяину уладить дело и возместить нанесенный ущерб. Пошел секретарь в дом и пропал... Наконец, появляется уже навеселе.

– «Где ты был так долго? Уладил дело?» – спрашивает Ракоши.

– «Я действовал по инструкции... Вошел, представился, и как только сказал хозяину, что “та самая свинья подохла”, все они страшно обрадовались, – отвечает секретарь. – Усадили меня за стол и начали гулять во-всю. Так что все в порядке».

Ракоши и попугай. Вышел Ракоши на прогулку в Буде. Вдруг слышит, как из открытого окна попугай кричит: «Сдох-х-хни, Ракоши! Сдох-х-хни, Ракоши!» Разгневался вождь и вызвал вооруженный отряд арестовать хозяина. Но хозяйка заметила неладное и быстро переставила клетку с попугаем на соседний балкон, где жил священник. Бедолагу-соседа арестовали, и клетку с попугаем унесли. Идет суд... Прокурор пытается добиться от попугая повторения злополучного изречения, но тот упорно молчит. Тогда прокурор с помощниками решили помочь попугаю и давай хором подсказывать: «Сдох-х-хни, Ракоши! Сдох-х-хни, Ракоши!» И вдруг попугай неожиданно заголосил: «О, Господи, услышь их мольбу! Услышь, Господи!»

О величии Ракоши. Приехал Ракоши в одно село. Видит, сидит на обочине мальчик и раскладывает кучки из конского навоза. Поинтересовался вождь: «Что это ты делаешь, паренек? Что это у тебя?»

– «Это все начальники, – отвечает мальчик. – Две кучки – это наш участковый милиционер, три – председатель колхоза, эти четыре – секретарь парторганизации, а вот здесь, где пять – это большой начальник – секретарь обкома».

– «Ну, а где же у тебя самый главный начальник?»

– «Ракоши, что ли? Ой, дядя, мне такую большую кучу дерьма не набрать!»

Рабочий и государственная тайна. Один рабочий в разговоре с товарищами назвал Ракоши дураком. Донесли на него и отдали под суд. Приговор состоял из двух пунктов и был суровым: 1) Три месяца заключения за неуважительное высказывание; 2) 15 лет каторги за разглашение государственной тайны.

Ситуация в школе, или все для человека. Учительница объясняет на уроке принципы социализма и суммирует: «У нас, дети, все для человека – работа, культура, наука, искусство...» Поднимает руку Морицка: «Госпожа учительница, а я знаю, кто этот человек, даже имя его могу назвать».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Meszerics Tamás.* Politikai ellenállás '45-56 // *Beszélő.* 2000. 9-10. sz.. 76-78. o.
- 2 Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ), Ф.495. Оп.74. Д. 119. Л. 32
- 3 Там же.
- 4 РГАСПИ. Ф. 17. Оп.128, Д.38. Л.
- 5 *Moszkvának jelentjük... Titkos dokumentumok 1944-1948.* Вр., 1994. 58. o.
- 6 *Ibidem.* 57. o.; Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953. Документы. В 2-х томах. Т.1 (1944-1948). М., 1999. С. 428.
- 7 *Gyarmati György.* A politika rendőrsége 1945-1956. // *Beszélő.* 2000. 9-10. sz.. 85-95. o.
- 8 *Ibidem.*
- 9 *Ibidem.* 180.o.
- 10 *Ibidem.* 107. o.
- 11 *Ibidem.* 107-110. o.
- 12 *Ibidem.* 111. o.
- 13 *Kétév hatályos jogszabályai 1945-1946.* Вр.,1947. 57-60.o.
- 14 *Rakosiu Mamuc.* Статьи и речи. Т. 2. М., 1956. С. 131.
- 15 РГАСПИ. Ф. 17. Оп.128. Д. 214. Л. 20-21.
- 16 *Moszkvának jelentjük...159. o.*
- 17 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1019. Л. 20-21.
- 18 *Moszkvának jelentjük... 27. o.; Волокитина Т.В., Мурашко г.П., Носкова А.Ф.* Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-х – 50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008.С. 538-539.
- 19 *Szabad Nép.* 1947. május 10.
- 20 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944-1953. В 2-х томах. Т. 1. 1944-1948. М., 1997. С. 692-693.
- 21 *Moszkvának jelentjük... 264. o.*
- 22 Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Холодная война и социал-демократия в Восточной Европе. 1944-1948 г. Очерки истории. М., 1998. С. 130-133.
- 23 *Szerencsés Károly.* Magyarország története a II. világháború után (1945-1975). Budapest, 1990. 89. o.
- 24 *Egyházügyi hangulat-jelentések 1951, 1953.* Вр., 2000. 39.o.; *Vasari Emilio.* Der verbaunte Kardinal. Wien, 1977. S.24.
- 25 *Szabad Nép.* 1948. december 29
- 26 *Ispánki Béla.* Az évszázad pere. Budapest, 1995. 53. o.
- 27 *Gudenus János József, Szentirmay László.* A magyar arisztokrácia sorsa 1945 után //

- Valóság, 1987. 5. sz., 47. o.
- 28 В определенной степени это находило отражение в «устном народном творчестве» – в политических анекдотах, получивших в этот период широкое распространение. См.: Приложение.
- 29 *Berend T. Iván.* Az ötvenes évek a történelemszemléletben és köztudatban // *Történelem és közgondolkodás.* Bp., 1982. 179. o.
- 30 *Szerencsés Károly.* Op. cit., 105. o.
- 31 *Meszerics Tamás.* Op. cit. 80-83. o.
- 32 ВПТ – Венгерская партия трудящихся – новое название компартии после объединения ее с социал-демократами в 1948 г.
- 33 *Ibidem.* 84. o.
- 34 *Egyházügyi hangulat-jelentések...* 168. o.
- 35 *Ibidem.* 215. o.
- 36 *Ibidem.* 228-229. o.
- 37 *Nagy Imre.* Egy évtized. Válogatott beszédek és írások. II. köt. Bp., 1954. 349-376. o.
- 38 Подробнее см.: *Желицки Б.Й.* Имре Надь // *Вопросы истории.* 2006., № 8. С. 56.
- 39 *Vásárhelyi Miklós.* Az első meghiusított reformkísérlet. Az 1953-as kormányprogram // *Medvetánc,* 1988. 2-3. sz. 171. o.
- 40 *Barla Szabó Ödön.* Gazdaságpolitika és gazdasági fejlődés az MDP KV 1953 júniusi ülése után // *Párttörténeti Közlemények,* 1981. 2. sz. 11-12. o.

М. Барат

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ВЕНГЕРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – 1950-Е ГОДЫ

В Венгрии интеллигенция в 1945 г. насчитывала примерно 500 тыс. человек¹. Она характеризовалась гетерогенностью состава, на которую влияли материальная обеспеченность, общественное положение, политические ориентации в прошлом, отношение к народно-демократическому государству и СССР и другие факторы. В целом интеллигенция играла важную роль в руководстве обществом, в определении политического курса страны, идеологии, хотя по своей политической активности может быть разделена на несколько групп, в которых также не было единства, наблюдалась сложная картина постоянной идейной и политической борьбы.

В силу многих исторических обстоятельств влияние Германии в духовной жизни Венгрии было традиционно сильным. Однако в массовом сознании населения в странах Центральной Европы, испытавшего потрясения военного времени, проявилось стремление к разрыву с наследием предшествующей эпохи. Тем более это было характерно для Венгрии, которая вышла из войны побежденной. Наряду с выработкой основных принципов демократизации, начались переоценка прошлого и поиски виновных. По ходу этого процесса интеллигенция, сыгравшая значительную роль в общественной жизни при режиме Хорти, оказалась, образно говоря, «на скамье подсудимых». В послевоенные годы венгерские трудящиеся испытывали стойкую неприязнь к представителям интеллигенции, не без основания считая их «пособниками» правящего класса. Некоторые представители интеллигенции были связаны с бывшими «верхами» экономически, а также и семейными узами. Интеллигенция по инерции испытывала сильное влияние

¹ К интеллигенции относят лиц, профессионально занимающихся умственным трудом (преподаватели, инженеры, юристы, врачи, артисты). Некоторые авторы включают в число интеллигенции также государственных служащих независимо от их образования.

антикоммунистической и антисоветской пропаганды межвоенного периода и в первые месяцы народной власти занимала выжидательную позицию. Это обстоятельство использовали все партии: в развернувшейся борьбе за власть каждая из них старалась привлечь интеллигенцию на свою сторону. Значительная часть населения Венгрии отдавала предпочтение западным демократическим моделям общественного устройства, что отразили результаты парламентских выборов ².

Венгерская коммунистическая партия (ВКП) ³ непосредственной и важнейшей задачей, стоявшей на повестке дня, считала восстановление страны, разрушенной войной. Соответствующая программа, принятая на партийной конференции 20 мая 1945 г., исходила из необходимости сплочения всех патриотических и демократических сил. Конференция сформулировала также задачу усиления влияния коммунистов среди интеллигенции, сплочения ее передовых представителей в рядах партии, а также привлечения ее на сторону народно-демократического режима.

Руководство ВКП понимало, что ликвидировать остатки реакционной фашистской идеологии можно было, главным образом, методами идейно-политической воспитательной работы. Действуя против убежденных и выявленных противников народной демократии административными методами ⁴, ВКП

² В Венгрии на относительно свободных выборах в Государственное собрание в ноябре 1945 г. абсолютную победу одержала не скрывавшая своей прозападной ориентации Партия мелких сельских хозяев (ПМСХ). Коммунисты получили на выборах 17% от всех голосов, что было расценено руководством партии как поражение. Нам представляется, что правильнее было бы оценивать этот результат как успех партии, которая только что вышла из подполья.

³ Так именовалась компартия Венгрии с сентября 1944 по июнь 1948 г., когда после слияния с социал-демократической партией стала называться Венгерской партией трудящихся (ВПТ). После событий октября 1956 г. было принято новое название – Венгерская социалистическая рабочая партия (ВСРП), а прежний главный руководящий орган – Центральное руководство (ЦР) переименовано в ЦК (Центральный комитет) (прим. ред.).

⁴ В ликвидации остатков фашизма значительную роль сыграли так называемые проверочные комитеты, но к осени 1945 г. стало очевидным, что только с их помощью невозможно очистить административный аппарат, упорядочить экономическую и культурную жизнь. Вместо проверочной процедуры необходимо было искать иные средства. В частности, по предложению ВКП была введена практика составления списков «Б», в которые включали лиц, подлежащих увольнению.

стремилась применять к различным слоям интеллигенции другую тактику – разъяснительной работы.

Уже в первой половине 1945 г. на страницах коммунистической печати появилось немало материалов, характеризовавших истоки, природу и влияние националистической, шовинистской идеологии. Значительную роль сыграл в уничтожении национализма, шовинизма и других враждебных новому строю идеологий, сохранившихся в сознании интеллигенции, и Клуб Форум, созданный по инициативе ВКП. Задача Клуба заключалась в разъяснении интеллигенции актуальных вопросов, волновавших общество, организации совместно с другими представителями интеллигенции, прежде всего с левым крылом партий Венгерского национального фронта независимости (ВНФН), публичных свободных дискуссий, способствуя тем самым приобщению масс к идеям народной демократии. В конце 1945 г. не только в столице, но и в других городах страны, стали возникать подобные клубы, действовали кружки прогрессивной интеллигенции. Уже в апреле 1945 г. было принято решение о необходимости проведения встреч представителей коммунистического руководства с интеллигенцией; в конце мая состоялась первая такая встреча ⁵.

Исходя из необходимости мобилизации интеллигенции на восстановление страны, ВКП считала исключительно важным популяризировать свою хозяйственную политику, в первую очередь, среди технической интеллигенции. При этом коммунисты не питали иллюзий, что интеллигенция в одночасье превратится в коммунистически ориентированную. Перспективу они видели в длительной, терпеливой работе по ее перевоспитанию. С этой целью в аппарате ЦК ВКП была создана специальная комиссия по делам интеллигенции в составе Йозефа Реваи, Дьёрдя Лукача, Белы Фогараши, Мартона Хорвата, Белы Зентаи, Эмила Вейла и Яношне Антала. Комиссия руководила работой среди разных слоев интеллигенции ⁶, позднее внутри комиссии была сформирована подкомиссия по технической интеллигенции, занимавшаяся специальными проблемами этой группы,

⁵ Balogh Sándor. A Magyar Kommunista Párt értelmiségi politikájának felszabadulás utáni történetéből. Századok, 1965/3. sz. 458–479.

⁶ Politikatörténeti és Szakszervezeti Levéltár [PIL] 274. f. 24/2. ő. е. В начале 1947 г. комиссия была реорганизована в отдел по делам интеллигенции.

особенно в связи с ее ролью в руководстве предприятиями и обучении специалистов⁷.

Результаты этой деятельности с точки зрения восстановления страны, по существу, стали сказываться во второй половине 1945 г. На рубеже 1945-1946 гг. участие интеллигенции в восстановлении страны еще больше возросло⁸.

Политический облик интеллигенции, однако, не был единым. Третий съезд ВКП имел основание признать: «Массы интеллигенции настроены все еще сдержанно. Общеизвестно резко критическое отношение ее меньшей части к демократии и нашей партии. Но съезд не должен забывать о тех работниках умственного труда, которые вместе с трудящимися приняли участие в восстановлении и, таким образом, своей работой голосовали за демократию»⁹.

В первые послевоенные годы даже в тех странах Восточной Европы, в частности, в Венгрии, где политическое влияние Советского Союза явно перевешивало влияние Запада, шла острая идеологическая борьба. Несмотря на левацкие эксцессы в период Венгерской советской республики в 1919 г., о которых общество не забыло, несмотря на официальную антисоветскую пропаганду хортистского режима, военные усилия Советского Союза, его победа над гитлеровской Германией создавали питательную почву для роста симпатий к СССР, способствовали усилению просоветских или, во всяком случае, уважительных по отношению к СССР настроений среди интеллигенции и более широких кругов общественности. Значительная часть интеллигенции с ожиданием и надеждой относилась к усилиям по демократизации общества, начавшейся после освобождения страны Красной Армией. В деле формирования благожелательного по отношению к СССР общественного мнения главными партнерами советского пропагандистского аппарата были в основном коммунисты, но инициатива проведения пропагандистских мероприятий по разъяснению советской внешней и внутренней политики и создания общества дружбы с СССР исходила именно от некоммунистической интеллигенции. В одном из донесений советского посольства в Москву от 12 апреля 1945 г. от-

⁷ *Németh József. A műszaki értelmiség és a mérnökszakszervezet 1946/1947 társadalmi-politikai küzdelmeiben. Századok, 1978/5. 899–932.*

⁸ ВКП достигла значительных успехов в области завоевания интеллигенции. К сентябрю 1946 г. в партии числились уже 31300 интеллигентов.

⁹ Szabad Nép, 1946. október 2.

мечалось, что писатель либеральной ориентации Л. Зилахи от имени группы интеллигенции обратился к представителям советской военной администрации в Венгрии с предложением организовать общество друзей СССР¹⁰. Общество было создано летом 1945 г. Первым его председателем был Зилахи, почетным председателем – профессор А. Сент-Дьёрди. Советская сторона с самого начала держала его деятельность под контролем, активно участвовала в налаживании работы, выдвигала своих доверенных лиц на ответственные должности в руководстве обществом¹¹. Такая практика продолжалась и позднее. Заместитель политсоветника Союзной контрольной комиссии г. Баурлин в своем донесении в ВОКС летом 1945 г. писал об усилении советского влияния в культурной и общественной жизни Венгрии. Однако негативные явления, связанные с пребыванием Красной Армии в стране, деятельность органов безопасности в скором времени начали отрицательно сказываться в обществе, подрывая престиж Советского Союза и венгерских коммунистов. «Мы часто слышим от “благодарных” посторонних лиц о том, что влиянию нашей партии вредят злоупотребления Красной Армии по отношению к населению», сообщал весной 1945 Г.М. Ракоши в Москву г. Димитрову¹². По мнению театрального режиссера Ференца Хонта, поначалу вступление в страну Красной Армии вызвало огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу, но мероприятия советских военных властей по «дефашизации»,

¹⁰ *Стыкалин А.С.. Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов) //Международный Исторический Журнал, 2000 январь-февраль – http://history.machaon.ru/all/number_07/analiti4/total/stykalin/index.html*

¹¹ М. Хошев, 1-й секретарь Посольства СССР в Венгрии, в справке об итогах работы конгресса Венгеро-советского общества в декабре 1950 г. сетовал на то, что «руководящие работники ЦК ВПТ и, в частности Ревай, до последнего времени не желали информировать посольство о своих намерениях по составу руководства Общества. Они намеревались без каких-либо доводов под видом укрепления руководства сменить весь руководящий состав Общества, не оставив преемственности, чем фактически на продолжительное время дезорганизовать работу Общества. Лишь перед самым конгрессом по просьбе посла т. Киселева ЦР ВПТ согласилось оставить в руководстве Общества бывшего генерального секретаря Берната Дьердь в качестве заместителя генерального секретаря» (Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 137. Д. 60. Л. 20).

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 782. Л. 232.

толкуемой в неоправданно расширительном смысле как устранение всех нежелательных элементов, привели к заметному снижению симпатий к СССР¹³. Венгерский писатель и теоретик кино Бела Балаж, посетивший Москву летом 1946 г., в беседе с сотрудниками ВОКС говорил о том, насколько трудно в условиях Венгрии пропагандировать «добрую волю» СССР, например, при решении вопроса о границах Венгрии: «Многие венгры чувствуют себя обиженными, оскорбленными. Даже среди венгерских коммунистов есть такие, которые стали немножко националистами и которым трудно себе и другим до конца объяснить, как сочетать национальный патриотизм компартии с защитой действий СССР, направленных на этот раз не в пользу Венгрии... Многие венгры чувствуют себя так, как будто СССР покинул Венгрию в столь трудный для нее период»¹⁴. Не удивительно, что в 1947 г. культурные отношения между двумя странами советские и венгерские дипломаты считали неудовлетворительными. Сотрудник Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) г. Я. Короткевич в записке в декабре 1947 г. также жаловался на неудовлетворительную пропаганду Советского Союза¹⁵. Хотя советская сторона приложила немало усилий для формирования благожелательного общественного мнения по отношению к СССР, в силу объективных причин советские пропагандистские и культурные органы не всегда выдерживали конкуренцию с западными организациями. Озабоченность по поводу активной пропагандистской деятельности союзников постоянно ощущалась в Посольстве СССР в Венгрии, ее разделял и представитель Совинформбюро в Венгрии¹⁶. США и Великобритания старались использовать все возможности для пропаганды в стране своей культуры и моральных ценностей и усиления, таким образом, своего политического влияния¹⁷.

¹³ *Стыкалин А.С.* Указ. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 314. Л. 214–215.

¹⁶ Там же. Оп. 137. Д. 269.

¹⁷ По мнению советских представителей в Венгрии, западная пропаганда проникала в страну в конце 1940-х годов по трем основным каналам: через радиопередачи на венгерском языке из разных западных городов; пресс-бюллетени американской и английской миссий; организацию «Британский совет» (British Council) и курсы по изучению английского языка. Эта работа приносила свои плоды, чему способствовали также уже упомянутые выше проамериканские и прозападные симпатии части

К середине 1948 г. ВКП установила свою монополию на власть. Был взят курс на форсированное построение социализма по советскому образцу. Однако это вовсе не означало, что население страны в целом превратилось в убежденных сторонников коммунистов.

В новой властной структуре, сформировавшейся в 1948–1950 гг., интеллигенция лишилась своей определяющей роли в руководстве обществом. Значительная часть интеллигенции, особенно старой, рассматривалась коммунистами как оппонент нового режима. На руководящие посты назначались люди, преданные партии, причем на долю интеллигенции приходилось всего лишь 2% (в центральном аппарате ВПТ – 20%)¹⁸.

За годы народно-демократического строя в целом произошла переориентация венгерской науки с Запада на Советский Союз. Хотя влияние советской науки являлось определяющим, старшее поколение сохраняло западную ориентацию. Старая интеллигенция, получившая образование при режиме Хорти, а также в учебных заведениях Западной Европы, в первые послевоенные годы продолжала сохранять прочные позиции в венгерской культуре, науке и технике. В численном отношении на ее долю приходилось почти 50% инженерно-технического персонала и около 70% работников других профессий. Однако в виду научного и технического опыта, знаний и авторитета реальное значение и влияние ее в общественной жизни страны значительно перекрывало эти цифры.

Большинство крупных ученых Венгрии, так или иначе, были также связаны с Западом: многие из них учились в университетах Западной Европы, имели там друзей и знакомых, владели западными языками, их научные труды издавались на западных языках, главным образом, на немецком. После 1945 г. эти связи с западными странами значительно уменьшились, существенно ограничилась, а затем практически сошла на нет возможность публикаций научных работ за границей, резко сократились поездки на Запад, возникли большие затруднения и в обмене научной литературой. Это обстоятельство вызывало естественное недовольство научной интеллигенции, поскольку ущемляло ее интересы, как в материальном, так и в духовном отношениях.

населения. Среди мероприятий по контрпропаганде следует назвать создание и распространение ежемесячного журнала «Советская культура».

¹⁸ *Standeisky Éva.* Az értelmiség Magyarországon 1945 után. *História*, 1989/4–5. sz. 12–14.

Интеллигенция выражала недовольство и тем, что ее тяготение к Западу одно-значно рассматривалось как «враждебная политическая тенденция». В то же время почти полное прекращение связей с Западом в течение многих лет не компенсировалось соответствующим развитием связей с советской наукой и деловыми контактами с учеными СССР¹⁹. Ученые не только были отгорожены от Запада, но в своих работах должны были руководствоваться «научными открытиями» советских ученых (например, «теориями» и «достижениями» академика Лысенко).

Техническая интеллигенция, хотя и являлась самым многочисленным отрядом в этом общественном слое, не играла такой активной роли в общественной и культурной жизни страны, как другие. Ее значение, однако, в формировании общественного мнения состояло в непосредственной связи с рабочим классом и возможности оказывать активное влияние на его настроения. В период народной демократии состав технической интеллигенции коренным образом изменился, но старое поколение по-прежнему имело большой вес на производстве.

Старую техническую интеллигенцию обижало и оскорбляло недоверчивое отношение к ней со стороны отделов кадров, частые проверки «политической благонадежности», замена многих старых беспартийных специалистов высокой квалификации менее подготовленными и опытными, зато партийными инженерами. Многие представители технической интеллигенции, обвиненные во вредительстве и саботаже, оказались в тюремном заключении. Несмотря на это, большая часть приняла участие в строительстве социалистического общества.

Социальные перемены, произошедшие после 1945 г., привели к заметному численному росту интеллигенции рабоче-крестьянского происхождения. После 1948 г. в связи с задачами индустриализации страны многократно возросла потребность в инженерно-технических кадрах. В их подготовке большое содействие оказал Советский Союз: многие венгры окончили советские высшие учебные заведения. Придавая особое значе-

¹⁹ Советских представителей в Венгрии в 1946 г. беспокоило, в частности, то обстоятельство, что «обилие английской и американской литературы по вопросам медицины и отсутствие советской литературы может привести к тому, что и та часть врачей, которая настроена просоветски, сможет попасть под нежелательное влияние» (АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 119. Д. 43. Л. 98).

ние воспитанию новой интеллигенции, руководство ВПТ постоянно следило за ее материальным положением, производственной деятельностью, участием в жизни предприятий.

Секретариат ЦР ВПТ на заседании 20 апреля 1953 г. специально рассмотрел вопросы, относящиеся к состоянию и воспитанию молодой интеллигенции. В основном докладе констатировалось, что директора и партийные организации предприятий и заводов не уделяли достаточного внимания воспитанию молодых специалистов, не занимались их социальными проблемами, в результате чего 60-70% молодых инженеров попали под влияние старых кадров и даже враждебных элементов²⁰.

Документы свидетельствуют, что и старую, и новую техническую интеллигенцию волновала новая система оплаты труда. Большинство инженеров и техников считали себя ущемленными в материальном отношении, так как получали более низкую зарплату, чем высококвалифицированный рабочий. Вызывали недовольство также и «уравнительные тенденции».

Молодая интеллигенция, в значительной своей части преданная социалистической идее, по мере утверждения ракошистского режима испытывала сильные разочарования. Эти настроения ярко выразил историк Д. Кошари 30 мая 1956 г. на дискуссии в Клубе имени Петёфи, посвященной положению в исторической науке: «Я помню, с каким воодушевлением ждала в 1949 г. студенческая молодежь, что даст ей новый мир марксизма, новая система познания развития общества. Получила ли она то, чего ждала? Нет»²¹. Весной 1956 г., когда «оттепель» немного согрела и общественную жизнь Венгрии, молодежь все более явственно ощущала пропасть между своими идеалами и их реальным воплощением.

Другой важный отряд интеллигенции – писатели и журналисты – в численном отношении являлся незначительным, но весьма влиятельным в силу особенностей своего общественного положения. Писатели и журналисты – люди наиболее активные и осведомленные во многих вопросах общественно-политической жизни, являясь «совестью» общества, существенным образом влияли на политические настроения всех слоев населения. Венгерские писа-

²⁰ Magyar Országos Levéltár (далее: MOL). M-KS 276. f. 5/241. ó. e.

²¹ A Petőfi Kör vitái – hiteles jegyzőkönyvek alapján. Szerk. Hegedüs B. András – Rainer M. János. III. kötet. Történeztvita. Bp. 1990. Bp. Kelenföld Kiadó – ELTE. (Politikatudományi Füzetek) 52–56.

тели по своим взглядам и отношению к народной демократии представляли собой весьма разнородную среду, отражавшую все оттенки общественной мысли и настроений национальной интеллигенции.

После утверждения властной монополии компартии возможности для свободного творчества оказались сильно ограниченными. Содержание и форма художественных произведений определялись постановлениями партии. Начиная с конца 1940-х гг., произошло и «организационное укрепление фронта демократической пропаганды» в Венгрии, в результате чего из редакций газет и радио были удалены «проимпериалистические элементы», закрыты «буржуазные газеты», ограничено поступление в страну англо-американской литературы и прессы и пр. Этот процесс развивался на фоне не критического перенесения советской модели во все сферы жизни страны. В связи с этим вся интеллектуальная продукция Советского Союза выдавалась за образец и пример для подражания. Однако расхваливание современной советской культуры вызывало в качестве ответной реакции чувство отторжения, усиление антисоветских настроений среди венгерской интеллигенции, особенно представителей ее «старой гвардии».

Коммунистическая интеллигенция являлась верным помощником руководства ВПТ в деле «униформизации» духовной жизни Венгрии. Значительная часть интеллигентов-коммунистов сначала искренне и в то же время слепо верила партийному руководству, мечтала о «светлом будущем»²². Ситуация резко изменилась после смерти Сталина и назначения И. Надя премьер-министром. Попытки либерализации существующего режима правительством Надя с самого начала вызывали живой отклик среди разных слоев интеллигенции и одновременно скрытое, а затем все более упорное противодействие «десталинизации» со стороны Ракоши и его окружения. По мере противодействия ракошистских сил «новому курсу» в аппарате ВПТ происходило все более резкое размежевание. Осенью 1954 г. важной опорой премьер-министра и его политики становится пресса, но голоса в поддержку Надя звучали и на партсобраниях в университетах и даже в Высшей партийной школе.

Однако кратковременная «оттепель» в Венгрии скоро сменилась «похолоданием»: в апреле 1955 г. И. Надя под давлением Ракоши и его сторонников

²² *Standeisky Éva* Ibid. Sz. 12–14.

был вынужден оставить пост премьер-министра, выведен из Политбюро ЦР ВПТ, и в декабре исключен из рядов партии. Началось наступление и на сторонников курса И. Надя – некоторых лишили их постов в государственном аппарате и в органах печати. В конце 1955 г. было принято постановление ЦР ВПТ «О правых явлениях в литературной жизни»²³. Вслед за этим началась открытая травля многих видных представителей творческой интеллигенции; писателей и деятелей искусств обвиняли в подрывной деятельности против руководящей роли партии.

XX съезд КПСС дал новый и мощный импульс реформаторским силам в Венгрии. Донесения дипломатов советского посольства в Будапеште этого периода полны сообщений об усилении оппозиционных настроений в обществе и партии. Весной 1956 г. вновь оживилась литературная жизнь, где тон задавала группа писателей-коммунистов (т. Дери, Д. Хай, З. Зелк и др.), резко критиковавшая Ракоши и партийное руководство. На страницах органа Союза писателей газеты «Иродалми уйшаг» появились материалы о необходимости обеспечить свободу творчества, резко критиковавшие административное вмешательство в культурную жизнь. В этот период особенно широко распространились идеи особого «писательского авангардизма», обосновывавшего «ведущую роль» литераторов в обществе, их способность более глубоко понимать и выражать интересы народа, чем это может сделать партия. Писатели и журналисты, группировавшиеся вокруг Имре Надя, активно выступали против политики ВПТ, партийного руководства культурной жизнью и литературой. Таким образом, после XX съезда КПСС в эпицентре борьбы за реформы оказалась творческая и гуманитарная интеллигенция. В это время главным форумом оппонентов политики Ракоши стал упоминавшийся выше Кружок имени Петёфи – дискуссионный клуб студентов и молодой интеллигенции²⁴. Деятельность его особенно оживилась летом 1956 г., когда проходившие на заседаниях кружка дискуссии по актуальным проблемам экономики, истории, литературы и искусства привлекали все большее внимание не только интел-

²³ Документ опубликован: *A Magyar Dolgozók Pártja határozatai 1948–1956*. Főszerk.: *Izsák Lajos*. Napvilág Kiadó, Bp. 1998. 381–386.

²⁴ Кружок был создан еще в 1954 г. как орган политпросвещения в рамках Союза трудящейся молодежи. См.: *Ólmosi Zoltán: A Petőfi Kör 1956 nyaráig*. História, 1989. 3. sz. 28–31.

лигенции, но и широкого круга населения, что вызвало серьезную озабоченность руководства ВПТ.

Не случайно, что именно в это время руководство ВПТ решило вплотную заняться вопросами политики партии по отношению к интеллигенции. Политбюро ЦР ВПТ 14 июня обсудило Отдела науки и культуры ЦР о положении интеллигенции. Партийное руководство считало нужным пересмотреть политику партии, особенно по отношению к «старой» интеллигенции, в виду допущенных в этой области ошибок. В докладе самокритично констатировалось, что после 1948 г. проявилась тенденция недооценки значения интеллигенции в строительстве социализма, а изменения, произошедшие в политическом поведении «старой» интеллигенции, не получили своевременной оценки, в результате чего представители этого слоя ощутили себя второстепенными гражданами страны. В целях устранения прежних ошибок в политике партии Политбюро приняло решение об улучшении политической работы среди интеллигенции, об обеспечении ее научных и культурных потребностей, улучшении материального положения ее ведущих представителей²⁵.

Для осуществления намеченных мероприятий, однако, не хватило времени. В последние дни июня в Клубе имени Петёфи состоялась очередная дискуссия о проблемах печати, которая собрала небывалое количество участников. «Идеологическая Познань», как оценивалась активизация интеллигенции в советском руководстве, вызвала сильный переполох в партийных верхах». 30 июня на внеочередном пленуме ЦР ВПТ была принята резолюция о «правых оппортунистах». Т. Дери и Т. Тардош за свои выступления в дискуссии о печати были исключены из партии. Однако курс на ужесточение, принятый после совещания представителей коммунистических партий 22-24 июня в Москве, вызывал сильное противодействие даже в партийном аппарате²⁶. Среди значительной части интеллигенции решения пленума 30 июня были встречены в целом отрицательно и с недоумением. На собраниях в Союзе писателей и в институтах Академии наук выражался протест против резолюции и звучали требования отставки Ракоши²⁷.

²⁵ MOL M-KS 276. f. 53/291. ó. e.

²⁶ Об этом информировал Э. Герё Ю.В. Андропова 4 июля 1956 г. (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 135).

²⁷ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 37. П. 187. Д. 9.

На пленуме ЦР ВПТ 18 июля при активном участии А.И. Микояна Ракоши был снят с поста первого секретаря. На его место пришел Э. Герё. В течение нескольких недель после пленума внутривластная напряженность несколько спала; как в партии, так и в обществе в целом доминировали настроения выжидания. Однако интеллигенция отставку Ракоши восприняла лишь как первый шаг²⁸.

В центре общественного внимания в то время оказалась пресса, публиковавшая острые критические материалы по самому широкому кругу проблем, которые прежде табуировались, хотя широко обсуждались в венгерском обществе, особенно в интеллигентских и студенческих кругах. К их числу относились и проблемы советско-венгерских отношений. С весны 1956 г. из советского посольства в Будапеште в МИД СССР шли донесения о неблагополучии в двусторонних отношениях. Советский посол Ю.В. Андропов понимал, что венгерское руководство не было в состоянии переломить враждебные антисоветские настроения. Э. Герё в беседе с Андроповым 12 октября 1956 г. констатировал, что антисоветские настроения заметно усилились. По его мнению, антисоветская пропаганда велась по следующим вопросам: а) пребывание советских войск в Венгрии; б) венгерские платежи СССР за проданное немецкое имущество²⁹; в) поставки венгерского урана в СССР якобы по низким ценам; г) в целом невыгодные для Венгрии внешнеторговые связи с СССР³⁰.

Летом 1956 г. в кругах интеллигенции звучали требования отмены ноябрьского 1955 г. и июньского 1956 г. постановлений ЦР ВПТ (о «правых явлениях» в литературной жизни и о Клубе имени Петёфи), «реабилитации» ряда журналистов и литераторов, ранее выступавших против Ракоши и руководс-

²⁸ И. Кирай в беседе с советским послом 3 августа сообщил, что «оппозиционно настроенные писатели и журналисты рассматривают решения пленума, и в частности пополнение состава ЦК (так в тексте. – *Ред.*) и отставку т. Ракоши как свою победу. Они пытаются представить решения пленума ЦК как возврат к той политике, которая проводилась Имре Надем в 1953 г., хотя это не вытекает из решений пленума (Советский Союз и венгерский кризис... С. 216).

²⁹ Имелось в виду немецкое промышленное оборудование, оставшееся в Венгрии после войны и перешедшее к СССР в качестве репараций. В ходе ликвидации в 1951-1953 гг. совместных советско-венгерских предприятий бывшее немецкое имущество, которым они располагали, было продано Венгрии (прим. ред).

³⁰ Советский Союз и венгерский кризис... С. 302.

тва партии. Этот вопрос стал предметом обсуждения на заседании Политбюро 9 августа 1956 г.³¹ Партийному руководству в целях «умиротворения» литераторов и журналистов приходилось идти на уступки: снять партийные взыскания с некоторых писателей и журналистов (Д. Хая, З. Зелка, Т. Ацела). 17 сентября состоялся съезд венгерских писателей, на котором впервые за много лет без заранее одобренных партийным руководством списков было избрано новое руководство. Союз венгерских писателей стал одним из идейных центров оппозиции, хотя движение за либерализацию социализма к осени 1956 г. охватило довольно широкие круги венгерской интеллигенции.

23 октября 1956 г. Союз венгерских писателей составил манифест, требования которого дублировали требования других организаций, но программа Союза оказалась менее радикальной. Манифест был зачитан у памятника Ю. Бема председателем Союза П. Верешем, однако сам писательский союз в дни революции постепенно вытеснялся из эпицентра событий, хотя его моральный авторитет продолжал оставаться высоким. В целом члены Союза пытались содействовать снижению напряженности, умерить недовольство населения.

Писатели и журналисты приняли активное участие в работе т. н. «революционных» и «национальных» комитетов, требовали немедленного вывода советских войск, пропагандировали идею «нейтральной» Венгрии с ориентацией на Запад. Они являлись основателями и активными членами Революционной комиссии венгерской интеллигенции и Революционного совета венгерской интеллигенции, созданных 21 ноября 1956 г. Учредительная декларация Совета определила в качестве главной задачи разработку программы восстановления страны³².

В отличие от писателей, большинство венгерских ученых во время октябрьских событий вели себя довольно осторожно и сдержанно, не участвовали в работе «революционных комитетов» и воздерживались от публичных заявлений против Советского Союза. Этот вывод подтверждают и политические настроения технической интеллигенции, также занявшей в это время выжидательную позицию. Многие ее представители во время революции или

³¹ MOL M-KS 276. f. 53/298. ö. e. См. также: Советский Союз и венгерский кризис... С 257–261, 268–274.

³² О роли писателей и журналистов в событиях революции подробнее см.: *Standeisky Éva. Az írók és a hatalom 1956–1963. 1956-os Intézet. Bp., 1996. С.29-96.*

непосредственно после ее подавления покинули Венгрию и бежали на Запад. Инженерно-технические работники сначала испытывали недоверие к ВСРП, опасались, что она вернется к «методам 1950-1953 гг.». Однако заявление правительства, опубликованное 6 января 1957 г., техническая интеллигенция, в отличие от писателей и журналистов, встретила в целом с одобрением³³.

После подавления революции писатели пытались организовать т. н. «литературную забастовку» – отказывались сотрудничать с любым органом, поддерживающим правительство. Кроме того, они призывали рабочих бастовать, направили ряд протестов советскому правительству и обращений к мировой общественности. В декабре 1956 – январе 1957 г. Революционный совет венгерской интеллигенции и Союз венгерских писателей были распущены в административном порядке. Основные деятели так называемой писательской оппозиции, в том числе Т. Дери, Д. Хай, З. Зелк, после подавления восстания понесли наказание по обвинению в подрывной антигосударственной деятельности, идейной подготовке «контрреволюции».

По мнению члена исполкома ВСРП Кароя Кишша, в результате роспуска Союза венгерских писателей и Союза венгерских журналистов, а также после ликвидации Литературного фонда среди писателей произошел раскол, и в начале февраля уже около 60–65 писателей изъявили желание сотрудничать с партией и поддерживать ее³⁴.

Весной 1957 г. писатели-коммунисты объединились в кружок имени Танчича, в котором имелась литературная секция. Первоначально объявленной целью этого кружка было содействовать проведению политики рабоче-крестьянского правительства, разъяснять интеллигенции и населению смысл произошедших в Венгрии событий, однако вскоре выявилась тенденция к превращению кружка в место сбора всех «обиженных». Члены кружка иногда выражали несогласие с отдельными решениями правительства, занимали сектантские позиции.

По мнению советских дипломатов, группа писателей и поэтов, начало литературной деятельности которых пришлось на период народной демократии и которые разделяли социалистические идеи, также отрекались от своей былой ли-

³³ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 38. П. 192. Д. 5.

³⁴ Там же. Запись беседы работников ЦК КПСС Федосеева, Корионова и Помелова с членом исполкома ВСРП Кишш Кароем 20 февраля 1957 г.

тературной деятельности. В их среде наблюдался «глубокий идейный разброд», долгое время они упорно продолжали оценивать октябрьские события 1956 г. как «национальную революцию», направленную против «ракошизма»³⁵.

В течение нескольких месяцев после революции ВСРП, занятая проблемами партийного строительства и неотложными задачами по «наведению в стране порядка», не имела возможности непосредственно заниматься вопросами, связанными с культурой, наукой и положением интеллигенции, хотя для улучшения партийного руководства идеологическим фронтом в аппарате ЦК ВСРП уже в конце 1956 г. был создан специальный отдел по работе с интеллигенцией³⁶. В то же время руководство сочло целесообразным пойти на отдельные уступки писателям-«народникам» (присуждение премий имени Кошута за 1957 год Ласло Немету и Лёринцу Сабо, введение в состав Литературного совета представителей «народников» П. Сабо и Ш. Эрдеи).

Политика ВСРП в отношении интеллигенции была сформулирована в статье секретаря ЦК ВСРП, министра просвещения и культуры Дьюлы Каллаи в партийном органе – газете «Непсабашаг» 4 августа 1957 г. Каллаи подчеркнул, что ВСРП проводит дифференцированную политику в отношении интеллигенции. К тем представителям интеллигенции, которые своими действиями и высказываниями помогают «реакции и контрреволюционному подполью», применялись и будут применяться самые строгие меры, вплоть до привлечения к судебной ответственности. В отношении колеблющейся части интеллигенции партия будет проводить разъяснительную работу с целью привлечения ее на свою сторону. Министр обещал, что идеологические и политические колебания в период революции не будут вменяться в вину, если идеологически «перековавшиеся» интеллигенты встанут на путь честного сотрудничества с народно-демократическим строем.

Венгерское руководство считало, что в период стабилизации в писательских кругах происходил медленный и трудный процесс идейного размежевания. Некоторый поворот в настроениях большинства писателей стал намечаться к концу 1957 г., когда внутривнутриполитическое положение страны существенным образом укрепилось.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9518. Оп. 1. Д. 84. Л. 54–71. Справка «О современном состоянии венгерской литературы».

³⁶ MOL M-KS 288. f. 5/8. б. е.

Советские наблюдатели в стране в этот период также фиксировали определенные позитивные изменения в настроениях интеллигенции. Когда в сентябре 1957 г. в стране развернулась широкая кампания протеста против обсуждения «венгерского вопроса» в ООН, в ней активно участвовала и венгерская интеллигенция. Было собрано более 200 подписей интеллигентов, в том числе тех, кто считали, что в Венгрии произошла «национальная революция», и резко враждебно встретили приход к власти правительства Кадара. Советское посольство сам факт подписания таких протестов считало свидетельством определенных сдвигов в сознании интеллигенции, однако трудно судить, насколько искренни были писатели. По мнению советника советского посольства в Будапеште, «еще большая часть, если не большинство венгерских писателей, ...сделала это неискренне и, по-видимому, далека еще от пересмотра своих политических позиций»³⁷.

Тем не менее, венгерское руководство считало обстановку в стране вполне стабильной для того, чтобы принять решение о воссоздании всех творческих союзов, распущенных в начале 1957 г.³⁸ Оппозиционно настроенная в отношении правительства Я. Кадара интеллигенция постепенно смирилась с существующим положением и старалась найти *modus vivendi* с властью.

³⁷ ГАРФ ф. 9518 оп. 1. д. 84.

³⁸ Творческие союзы были воссозданы постановлением Политбюро ЦК ВСРП от 25 ноября 1958 г. (MOL M-KS 288. f. 5/105. б. е.).

Г.П. Мурашко

ВЛАСТНАЯ ВЕРТИКАЛЬ И ЭВОЛЮЦИЯ УМОНАСТРОЕНИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 50-е ГОДЫ XX в. (ПО ДОКУМЕНТАМ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ)

Вертикаль власти, сложившаяся в Чехословакии к началу 50-х годов, являла собой созданную во многом по советскому образцу диктатуру монополюно правящей коммунистической партии. Правда, она была украшена некоторыми элементами демократического декора в виде Национального фронта. В него входили четыре фактически контролируемые коммунистами партии: социалистическая (ранее национально-социалистическая), народная, словацкая партия «Свободы» и партия «Словацкого возрождения». Внешне эта система мало чем отличалась от аналогов, функционировавших в рассматриваемые годы в других странах Восточной Европы. Особенность же системы, сложившейся в Чехословакии и оказавшей влияние на формирование общественных настроений, вытекала из характера партии, сконцентрировавшей в своих руках монополию на власть. Суть его (характера) заключалась в том, что коммунисты в послевоенном чехословацком обществе никогда не рассматривались как некий инородный имплантант, привнесенный извне, что было свойственно, например, для послевоенных обществ таких стран, как Венгрия, Польша, Румыния.

Это обстоятельство, безусловно, играло существенную роль в формировании атмосферы в стране после победы КПЧ в феврале 1948 г. Приход к власти партии, объединившей в своих рядах более 2 млн. человек, а после проведения в 1949-1950 гг. партийных «чисток» сохранившей в своем составе 1 млн. 700 тыс. членов¹, не оставлял у их политических противников сомнений в том, что коммунисты, располагая большим кадровым резервом для формирования новой правящей элиты, будут активно и последовательно реализовывать результаты своей победы. Действительно, фактический материал показывает, что в 1949-1952 гг. были в истории Чехословакии не только временем «активной чистки жизненного пространства» для победителей (следствием чего и ста-

ла высокая волна политической эмиграции из страны), но и временем утраты ряда важнейших демократических принципов организации общества.

Отказавшись под жестким давлением Москвы от «концепции национальных путей к социализму» и приняв модель ускоренного построения социализма «по Сталину», руководство КПЧ, во главе с К. Готвальдом и Р. Сланским фактически обрекло себя на откровенное копирование советской политической практики. В сознание масс стал интенсивно внедряться лозунг «Советский Союз – наш пример», который в условиях «закрытости» советских реалий от внешнего мира давал коммунистам определенный политический эффект. Этот фактор с точки зрения проблем, рассматриваемых в статье, оказывал влияние в первую очередь на сферу формирования властных структур и проводимой кадровой политики. Разработка принципов комплектования верхнего слоя управленцев осуществлялась под непосредственную диктовку Москвы.² К 1952 г. ЦК КПЧ официально утвердил список на 17 тыс. должностей, непосредственно подчиненных высшему партийному органу. На их занятие могли претендовать только представители наиболее привилегированной части партийных функционеров. Предположительно их круг ограничивался 80 – 90 тыс. человек,³ составлявшими высший эшелон власти, так называемую партийно – государственную номенклатуру. Главной опорой его становились выборные партийные функционеры, число которых в 1952 году достигало 200 тыс. человек. Из их числа и должны были формироваться органы власти на местах.

При этом важно иметь в виду, что становление и функционирование этой новой властной конструкции происходило под контролем советских советников. Правда, следует сказать, что К. Готвальд, как свидетельствуют материалы российских архивов, пытался ограничить появление в стране такой контролирующей инстанции. Он был последним из лидеров стран Центральной и Юго-Восточной Европы, согласившимся на создание в стране института советников. Сначала под их контролем оказались органы безопасности, а позже

² Подробнее эти сюжеты см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. М., 2002. С. 154–169.

³ *Křen J.* Op. cit. S. 660.

¹ *Křen J.* Dvě století Střední Evropy. Praha, 2006. S. 660.

советники стали действовать во всех звеньях властных структур⁴. В Чехословакии внедрение института советников особенно активно развернулось уже после смерти Готвальда в 1953 г., когда страну в качестве президента возглавил А. Запотоцкий, а премьер – министром стал В. Широкий. Пост же первого секретаря ЦК КПЧ получил А. Новотный.

В качестве наглядного примера приведем письмо В. Широкого и А. Запотоцкого министру иностранных дел СССР В.М. Молотову от 29 июня 1953 г.: «Правительство Чехословакии считает необходимым расширить группу советских советников в армии, прикомандировав советских военных советников к бригадам, полкам и даже к некоторым батальонам, а также направить советников в медицинское, финансовое и политическое управление министерства обороны». Всего в этом письме чехословацкая сторона просила 164 советника, согласно приложенному списку⁵.

Наличие советников, контролировавших узловое звено государственно-го управления, как показывают материалы второй половины 50-х годов, стало одной из причин, напрямую влиявших на появление антисоветских настроений в общественном сознании части населения ЧСР. В начале же 50-х годов фактором, в значительной степени определявшим моральную атмосферу и общественные настроения в стране, стали развернувшиеся с 1949 г. политические репрессии. Идеологическим обоснованием их служил постулат об обострении классовых борьбы по мере продвижения общества к социализму, активно используемый в практике ВКП(б). С 1949 по 1954 год чехословацкое общество пережило две репрессивные волны. Первая (1949-1951 гг.) была основным своим острием направлена против представителей старой политической элиты. Цель ее – убедить население, что «представители реакции» не отказались от попыток вернуться во власть и что страна находилась перед угрозой контрреволюционного переворота. Пропагандистская кампания в средствах массовой информации, сопровождавшая апогей этой волны, – судебный процесс над группой политиков из национально-социалистической партии, которую возглавляла Милада Горакова, дала искомый результат. Глава госбезопасности Л. Копржива в беседе с советским послом сообщал: «В

⁴ О деятельности советников в регионе подробнее см.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ.соч. С.613 – 655.

⁵ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 12 а. П. 70. Д. 565. Л. 136.

настоящее время в республике не наблюдается резких антигосударственных выступлений»⁶.

Удар второй репрессивной волны был обращен внутрь самой правящей КПЧ. Он также идеологически опирался на сталинский постулат – поиск врага именно в рядах партии, который, по существу, служил теоретическим обоснованием межклановой борьбы в руководстве компартии за овладение рычагами государственно – партийного управления, за продвижение тех или иных партийных группировок к вершинам власти. Об этом наглядно свидетельствуют ставшие доступными материалы, связанные с разоблачением так называемого «антигосударственного заговора» во главе с генеральным секретарем ЦК КПЧ Р. Сланским, с политическими процессами над партийными функционерами М. Швермовой, О. Шлингом, А. Лондоном и др., а также с развернувшимся в полную силу уже после смерти К. Готвальда делом «словацких буржуазных националистов» Г. Гусака, Л. Новомеского, Д. Окали и др. Причем, интересно отметить, что Сланскому и его «подельникам» инкриминировалась даже разработка «чехословацкого пути к социализму». В приговоре отмечалось: «Под прикрытием этой теории, что собственно означало восстановление капитализма в республике, центр осуществлял подготовку реставрации старых отношений в Чехословакии по примеру Тито и под руководством английских и американских империалистов»⁷. Сионизм рассматривался как важнейший канал, по которому предательство и шпионаж якобы проникали в коммунистическую партию. Пропагандистская кампания была четко сориентирована на то, чтобы убедить общество в существовании реальной опасности для формирующегося нового строя. На предприятиях, в учреждениях, институтах проводились массовые митинги, в правительство направлялись резолюции трудовых коллективов с требованиями самого сурового приговора предателям. С 1952 г. страну накрыла волна антисемитизма; тем самым правящая верхушка создавала условия для тотальной смены кадров в партийном и государственном аппарате.

⁶ Цит. по: Tabory nucené práce a další projevy persekuce 1948-1954. Opava, 1958. S.57.

⁷ См.: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ. соч. С. 555-562; Мурашко Г.П. Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940-1950-х гг. // Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 183– 190.

Если говорить о количестве жертв политических репрессий первой половины 50-х годов, то западные исследователи Г. Реннер и С. Иво считают, что из всех стран советского блока Чехословакия дала самые высокие показатели преследования инакомыслящих⁸. За это время в Чехословакии было вынесено 232 смертных приговора, количество заключенных превысило 200 тыс. человек, и более 250 тыс. прошли «трудовые лагеря», где 80% составляли политзаключенные⁹.

Третьим фактором, оказывавшим прямое влияние на формирование общественных настроений, являлась социальная политика, проводимая государством. Ее характер определялся правящей элитой. Проведенные в последние годы чешскими социологами исследования свидетельствуют, что в этой сфере в 1948–1953 гг. отчетливо проявлялись разновекторные тенденции. Если в 1949–1950 гг. показатели состояния жизненного уровня фиксировали пусть незначительную, но все же тенденцию к росту, то в 1951–1953 гг. они свидетельствовали об очевидном ухудшении ситуации в этой сфере. К 1953 г. личное потребление сократилось, по сравнению с 1948 г., на 25%. Предметом обсуждения высших органов власти с 1951 г. все чаще становились стихийно возникавшие забастовки, как протест против плохого снабжения, несправедливого распределения «карточек», лимитированных нормы продуктов питания и товаров первой необходимости, против отмены некоторых социальных гарантий. По данным, которые приводит известный чешский социолог Л. Калинова, за период с 1948 по 1953 гг. доля личного потребления населения в общем объеме национального дохода сократилась с 75,2% до 58,9%; общественное потребление выросло с 5% до 7% при том, что доля накопления в национальном доходе увеличилась с 17,8% до 24,1%, а средства, выделенные на оборону, увеличились с 2% до 10%¹⁰. В целом реальная заработная плата трудящихся упала на 12%, а конкретно лиц, занятых в сфере производства, на 17–20%. Реальная же заработная плата промышленных рабочих в течение 1951–1952 гг., несмотря на ее номинальное повышение, снижалась и только в 1953 г. достигла уровня 1949 г.¹¹

⁸ Renner H., Ivo S. Dějiny Československa po roku 1945. Bratislava. 1993. S. 67.

⁹ Křen J. Op. cit. S. 660.

¹⁰ Kalinová L. Společenské proměny v době socialistického experimentu. K sociálním dějinám v letech 1945 – 1969. Praha, 2007. S. 194–195.

¹¹ Ibidem. S. 195.

Москва, как свидетельствуют материалы АВП РФ, располагала достаточно полной информацией о ситуации, складывавшейся в ЧСР. В секретной записке председателя СЭВ Захарова, направленной руководству ЦК КПСС в июне 1953 г., прямо отмечалось: «За последние два года ухудшилось снабжение населения, среди которого стало проявляться недовольство и ослабление доверия к мероприятиям правительства. Перенапряжение в экономике вызвано, прежде всего, весьма высокими темпами роста тяжелой промышленности и раздутым объемом военного производства. ...С 1 июня 1953 г. в Чехословакии была отменена карточная система и одновременно проведена денежная реформа, масштаб цен изменился в 5 раз... Стоимость бюджетного набора рабочим и служащим после отмены карточной системы увеличилась на 22%... Повышение цен не компенсировалось повышением заработной платы...»¹² Общество и, в первую очередь, рабочий класс, составляющий социальную базу правящей партии, воспринял денежную реформу негативно. Его ответом стали 130 забастовок, которые прокатились по крупнейшим промышленным центрам страны. В Пльзне, Праге, Остраве с 1 по 4 июня бастовали 12 тыс. человек. Судя по воспоминаниям очевидцев, активное участие в забастовках протеста принимали и коммунисты. В Пльзне, ставшем центром протестного движения против денежной реформы, для разгона демонстрации, в рядах которой вместе шли и рабочие со шкодовских заводов, недовольные реформой, и прямые противники режима, власти использовали войска и полицию¹³. Как сообщал в Москву советский посол, «в ЦК постепенно стекаются сообщения о реакционных настроениях отдельных групп интеллигенции, служащих и других слоев трудящегося населения»¹⁴. Президент страны А. Запотоцкий вынужден был признать на состоявшемся 11 июня 1953 г. совещании секретарей краевых комитетов КПЧ, что «ситуация порой была очень сложной, и это в огромной степени вызвано безразличием некоторых руководящих деятелей к нуждам людей»¹⁵.

¹² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 129. П. 71. Д. 578. Л. 2,7,8.

¹³ Cisar Ā. Paměti. Praha, 2005. S. 412–415.

¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953.: в 2-х томах. Т. 2. 1949–1953. М., 1998. С. 926.

¹⁵ Цит. по: Kalinová L. Op. cit. s. 196.

Сложившееся в середине 1953 г. положение свидетельствовало не просто о нарастании напряженности по линии КПЧ, олицетворяющей собой власть, с одной стороны, и общества, с другой, но и являлось реальным проявлением кризиса доверия новой правящей элите.

Советское руководство на основе информации, поступавшей из страны по различным каналам, пришло к выводу, что «чехословацкие друзья явно недооценили сложностей внутреннего положения в стране и не сделали для себя должных выводов из прошедших событий, а это чревато новыми более серьезными трудностями в дальнейшем»¹⁶. 20 июня в 1953 г. из Москвы в Прагу поступила следующая рекомендация: «Было бы правильным, чтобы чехословацкие друзья хорошенько бы разобрались в их теперешних хозяйственных планах, как в отношении промышленности, так и сельского хозяйства, и внесли бы в эти планы необходимые серьезные поправки»¹⁷. Это был прямой сигнал более оперативно следить за корректировкой политического курса советского «коллективного руководства» и не забывать слова К. Готвальда, сказанные им в январе 1953 г.: «Только все большее приближение к советскому образцу является единственным и главным законом развития народно-демократических стран»¹⁸. В начале июля 1953 г. президент ЧСР А. Запотоцкий прибыл в Москву, где был крайне удивлен острой критикой той экономической политики, которая проводилась в ЧСР и успехами которой в плане развития тяжелых отраслей промышленности он весьма гордился¹⁹. Критику, высказанную в Кремле, Запотоцкому пришлось принять и согласиться с необходимостью перехода от политики «твердой руки» к «новому курсу». Об этом свидетельствовала разработка специального документа – «Тезисы Политического секретариата ЦК КПЧ о современном экономическом и политическом положении и задачах партии и правительства в ближайший период». Обсуждение данного документа, консультации его в Москве, доработка и новая критика со стороны советского руководства²⁰ продолжались до сентября 1953 г. По мере внесения

¹⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 60. Д.806. Л. 126.

¹⁷ Там же. Л. 127.

¹⁸ *Cisař Ā*. Op. cit. s. 420

¹⁹ Подробнее об этом визите см.: *Kaplan K. Kronika komunistického Āeskoslovenska. Doba tanı. 1953–1956 Pr aha ,2005 . S. 71-72.*

²⁰ Суть критики документа, поступившего из Праги, сводилась к тому, что он носит

корректировов постепенно сокращался критический анализ прежней политики, и суть окончательно принятого документа была сведена к констатации, что генеральная линия партии была правильной, но в ее реализации низовыми парторганизациями было допущено серьезные ошибки²¹. Этот вывод в полной мере отражал настроения правящего «триумвирата» – А. Запотоцкого, А. Новотного и В. Широкого и во многом определял характер взаимоотношений верхушки КПЧ с обществом.

В 1954-1955 гг. в качестве центральной решалась задача повышения жизненного уровня трудящихся, стало больше внимания уделяться развитию легкой промышленности, производящей товары народного потребления, увеличению выплат в социальной сфере. Это было использовано руководством КПЧ для организации широкой пропагандистской кампании в поддержку «нового курса». В краевых центрах страны уже в апреле 1954 г. проводились массовые манифестации. Поводом стало решение правительства о снижении цен на все товары народного потребления. В Праге в этой акции приняло участие 200 тыс. человек; в Брно – 45 тыс. в других краевых центрах – от 10 до 60 тыс.²² Главной целью кампании по снижению розничных цен, которая продолжалась до 1960 г., прежде всего, было снижение политической напряженности в обществе, восстановление его доверия к правящей элите и получение правящей верхушкой поддержки «нового курса» в стране.

Одновременно с активным пиаром предложенного ею экономического курса власть усиливала контроль за средствами массовой информации. «Вся

покаянный характер, причем КПЧ и правительство Чехословакии «каются сверх всякой меры и вновь допускают неправильные формулировки в оценке прежней экономической политики, приведшей к снижению жизненного уровня населения, а также по вопросам аграрной политики и кооперирования деревни». Вместе с тем отмечалось, что намеченные в документе меры по улучшению материального положения трудящихся недостаточны: «Неотложной задачей является проведение таких мер, которые позволили бы за 1953-1954 гг. превзойти уровень материального состояния рабочих, имевшийся в 1950 г., путем более значительного, чем в намечено в тезисах, снижения цен уже в текущем году, а также некоторого повышения заработной платы для отдельных категорий рабочих, оказавшихся в наиболее неблагоприятном положении...».(Советский фактор в Восточной Европе 1944-1953: в 2-х томах. Т. 2. 1949-1953 Москва , 2002 .С. 794-801.)

²¹ *Kaplan K. Op.cit. S. 573.*

²² *Ibidem. S. 595–597.*

чехословацкая печать, в том числе и некоммунистических партий, массовых организаций и ведомств, направляется теперь компартией. Ее содержание определяется основными задачами, которые ставит компартия перед народами Чехословакии на каждом этапе строительства социализма», – сообщало в Москву советское посольство ²³.

«Новый курс» несколько изменял и направленность репрессивных мер. Теперь в центре внимания был не поиск врага внутри партии, не борьба за места в системе партийной иерархии, а стремление держать под контролем настроения тех социальных слоев общества, которых коммунисты рассматривали как свою социальную базу. Речь в первую очередь шла о рабочем классе, поскольку именно он располагал, как показало лето 1953 г., таким эффективным средством воздействия на власть, как забастовки.

Судя по регулярно поступающей из советского посольства информации, забастовки вспыхивали в разных районах страны, и вызывались они отнюдь не политическими, а в первую очередь экономическими причинами. Самым распространенным поводом к забастовке служило повышение норм выработки, введение ночных смен, задержка или неполная выплата зарплаты ²⁴. Однако власти усматривали в забастовочных акциях прежде всего политическую угрозу, а именно недостаточную степень своего влияния в рабочей среде, где, по их мнению, сохранялись остатки влияния социал-демократии ²⁵. «Социал-демократизм еще далеко не изжит в стране и нередко дает о себе знать на различных участках политической, хозяйственной и культурной жизни страны», – сообщало советское посольство в Москву, анализируя положение на идеологическом фронте в Чехословакии. Именно этим фактором с пода-

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. Д. 30. П. 261. Л. 29.

²⁴ В качестве примера можно привести информацию, поступившую на имя зам министра иностранных дел В.А. Зорина 23 апреля 1955 г. В документе сообщалось, что 1 апреля на четыре часа прекратили работу 6800 рабочих завода им. Готвальда в Кунчицах, являвшегося одним из флагманов чехословацкой промышленности. Завод был построен в 1949–1953 гг., среди занятых преобладала молодежь. Причина забастовки – повышение норм выработки. «Рабочие возобновили работу только после того, как им было обещано администрацией, что новые нормы будут пересмотрены» (АВП РФ. Ф. 0138. Оп.39. Д. 67. П. 26. Л. 68). В этой же информации сообщалось еще о 7 забастовках, объявленных в знак протеста против повышения норм выработки.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп.39. П. 66. Д. 267. Л. 104.

чи чехословацкой стороны объясняли аналитики из советского посольства «случаи, когда рабочие отдельных фабрик и заводов, недовольные тем или иным мероприятием правительства, устраивают различного рода волынки и демонстративно не выходят на работу». Особенно много подобных случаев, подчеркивалось в документе, было в 1953 г. в Пльзне, Остраве и других промышленных городах. Повторились они в 1954 г. на ряде текстильных фабрик Градецкой области в связи с переводом рабочих на трехсменную работу и в других местах, а также в декабре 1955 г. на Яхимовских рудниках в городе Трутневе в связи с пересмотром норм выработки. Автор справки при этом замечает, что «подобные выступления рабочих имеют место в тех случаях, когда дело касается их кармана, а партийные организации не проводят соответствующей разъяснительной работы среди рабочих, а часто осуществляют многие мероприятия административными мерами» ²⁶.

В такой обстановке бывшие члены социал-демократической партии, не вступившие в КПЧ, становились объектом преследования органов безопасности. Советское посольство в марте 1955 г. регулярно сообщало об арестах «новых групп социал-демократов, проводивших подрывную работу». Однако попытки МГБ СССР «получить обобщающие материалы, раскрывающие характер этой подрывной деятельности, а также меры, которые предпринимает КПЧ против социал-демократии, не увенчались успехом», – отмечалось в одной из записок посольства ²⁷.

Хотя судебные процессы над социал-демократами проходили тихо, без особого привлечения внимания общественности и без вынесения смертных приговоров, свою роль по созданию напряженности в обществе они, безусловно, сыграли.

Несколько особой была ситуация в Словакии, где шел к завершению начатый еще в 1949 г. передел властных рычагов внутри словацкой коммунистической элиты, проходивший под лозунгом борьбы со «словацким буржуазным национализмом». В качестве обвиняемых на этом политическом процессе проходили известные словацкие политики Г. Гусак, Д. Окали, Л. Новомеский.

Своего рода знаковым событием, характеризующим настроения «верхов», можно считать открытие в Праге на Летненском холме летом 1955 г. само-

²⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 401. Л. 71.

²⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 39. П. 66. Д. 267. Л. 105.

го большого в мире памятника И.В. Сталину. Думается, что в такой обстановке публичное проявление общественных настроений, отличающихся от генеральной линии правящей партии, было маловероятным. Необходим был внешний толчок.

Именно им и стали визит Н.С. Хрущева в Белград в мае– июне 1955 г., переговоры с И.Б.Тито и принятие специальной Декларации, где провозглашались новые принципы взаимоотношений между двумя странами. Реакция различных групп населения Чехословакии на эти события оказалась, по-видимому, неожиданной как для властных структур, так и для советского посольства. Посол Н.П. Фирюбин с тревогой информировал Москву: «Чехословацкие друзья сообщают, что повсюду Декларация Правительства СССР и Югославии вызвала политическое оживление и положительное реагирование трудящихся ЧСР. Многие рабочие и служащие учреждений ЧСР в стихийно организованных беседах одобрительно относятся к политике КПСС и Советского правительства. Однако, наряду с положительными откликами на Декларацию, реакционные элементы распускают слухи о том, что Компартия Советского Союза официально признала два возможных пути построения социализма. Распространяются версии о том, что Р. Сланский и другие не виновны, что ЦК КПЧ и правительство ЧСР скоро объявят об этом. ...В связи с тем, что отдельные политработники неправильно истолковывают советско-югославские переговоры, не поняли некоторые положения Декларации, в Праге 2-4 июня был проведен специальный инструктаж»²⁸. Упоминание посла о спешном проведении инструктажа свидетельствовало о явной обеспокоенности властей столь широкой интерпретацией появившегося документа.

С осени 1955 г. начавшееся отмежевание общественных настроений от официального курса правящей партии стало усиливаться. В рядах социалистической и народной (католической) партий, также среди некоторых категорий населения Женевское совещание глав правительств четырех держав²⁹ и

²⁸ АВП РФ Ф. 0138. Оп. 39 –а. П. 6. Д. 27. Л. 110.

²⁹ Совещание состоялось 18-23 июля 1953 г. Это была первая послевоенная встреча глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, на которой обсуждался германский вопрос. Обсуждение выявило два принципиально разных подхода к его решению. Западные державы выступили за объединение Германии и включение ее как единого государства в свою военно-политическую группировку. Советская сторона, исходя из наличия на территории Германии двух государств с различным об-

советско– югославские переговоры в Белграде стали расцениваться как уступки социалистического лагеря капитализму, как отход коммунистов от своих позиций. Лидеры некоммунистических партий, входивших в Национальный фронт, почти открыто обсуждали вопрос о том, что в ближайшее время внутри страны произойдут важные политические изменения. В частности говорилось о возможности формирования нового правительства, которое может возглавить председатель социалистической партии Э. Шлехта³⁰.

Что касается развития контактов между Востоком и Западом, то предложение устранить барьеры, препятствующие свободному общению народов и мирной торговле, осуществлению мирных контактов и связей, сформулированное в итоговом документе Женевского совещания, вызвало в рабочей среде весьма своеобразную реакцию. Высказывались мнения, что возможное подписание советско-западногерманского договора может вызвать обострение конкурентной борьбы между ФРГ и ЧСР. Среди населения Пражского края достаточно широкое распространение получила версия о том, что в случае достижения договоренностей с ФРГ, Чехословакии придется вернуть конфискованное у немцев имущество, а спорный вопрос о приграничных районах Чехословакии может быть в Москве решен в пользу немцев³¹. Но это было только начало.

Преращение общественных настроений в Чехословакии в фактор, способный воздействовать на политическую жизнь, произошло позже, только к середине 1956 г., после таких событий, как XX съезд КПСС с докладом Н.С. Хрущева о культе личности Сталина и мартовско-апрельский пленум ЦК КПЧ, где проблема «культ личности» обсуждалась применительно к ситуации в КПЧ. Именно пленум показал, что высшее руководство партии весьма осторожно подходит к рассматриваемой проблеме, поставив своей задачей реализовать новую стратегическую линию, предложенную Москвой, с наименьшими кадровыми издержками. Главная задача была сохранить в своих руках

шественно-политическим строем, считала необходимым нормализовать отношения между ними. В итоговом документе совещания указывалось, что решение германского вопроса и воссоединение Германии должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности.

³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5140. Д. 300. Л. 201-202.

³¹ АВП РФ Ф. 0138. Оп. 39. П. 67. Д. 267. Л. 117-119.

властные функции и избежать персональной ответственности за политические репрессии 1949–1952 гг. Поэтому отнюдь не случайно в докладе А. Новотного на пленуме говорилось, что «носителями культа личности были иногда члены Политбюро, члены ЦК и главы правительства, распространяли его и все активисты партии. Так “культ личности” проник во всю нашу партию, во всю нашу жизнь, и трудно представить себе все его вредные последствия. К “культу личности” следует относиться как к болезни, которую мы должны изгнать из тела партии. .... Одновременно с борьбой против “культа личности” мы должны начать борьбу за укрепление коллективности в руководстве партии от высших до низших звеньев»³².

Это был хорошо продуманный маневр, позволявший правящей группировке не только сохранить в своих руках рычаги власти, но и приобрести имидж антисталинистов. Публично осудив сталинизм и «культ личности», присоединившись к новой линии КПСС в международном коммунистическом движении, чехословацкий триумvirат обеспечил себе поддержку Москвы. Что касается внутренней политики, то новая линия принималась им весьма осторожно и дозированно. В частности отнюдь не предполагалось, как показывали материалы пленума, посягать под антикультовскими лозунгами на авторитет вождя партии – К. Готвальда. Главный акцент делался на укреплении коллегиальности в руководстве страной³³.

Однако последовавшая вскоре внутривнутрипартийная дискуссия по ключевым вопросам развития страны выявила достаточно широкий спектр общественных настроений, диссонировавших с официальным курсом, провозглашенным только что состоявшимся пленумом ЦК КПЧ. Знакомство с документами, хранящимися в фондах российских архивов, позволяет выделить, может быть несколько условно, четыре центра оппозиционных настроений.

Первый центр – это творческая интеллигенция и ее союзы, прежде всего Союз чехословацких писателей. Состоявшийся 22-29 апреля 1956 г., сразу

³² РГАНИ Ф.5 . Оп. 28. Рол. 5172. Д. 400. Л. 222.

³³ «Козлом отпущения» за все грехи периода «культа личности» был сделан А. Чепичка (зять Готвальда), сосредоточивший в своих руках немалую власть. Он являлся членом Политбюро партии, первым заместителем председателя правительства и министром обороны. Решением пленума ЦК КПЧ 20 апреля 1956 г. он был освобожден от всех постов «за недостатки и ошибки, допущенные при выполнении партийных и государственных обязанностей» (Там же).

после пленума ЦК КПЧ, съезд Союза писателей показал весьма наглядно, что эта творческая организация фактически оказалась вне контроля ЦК КПЧ. Как сообщал министр культуры Л. Штолл в беседе с сотрудником советского посольства П.Г. Кречетеном, еще накануне открытия съезда на заседании фракции писателей-коммунистов поэт и писатель П. Когоут выступил «с резкими нападками на Политбюро и правительство и требовал созыва чрезвычайного съезда партии». Выступление Когоута было поддержано значительной частью присутствующих на заседании. Попытки А. Запотоцкого, принимавшего участие в работе фракции, и поэта И. Тауфера повлиять на настроение писателей не увенчались успехом. «Фракция коммунистов, – заявил в беседе Л. Штолл, – приняла резолюцию, предложенную П. Когоутом, о роспуске Политбюро ЦК и созыве чрезвычайного съезда партии». При этом министр не преминул отметить, что такие крупные писатели-коммунисты, как М. Майерова, М. Пуйманова, Нечасек, Пекарж отмалчивались как на заседании фракции, так и на съезде³⁴.

Секретарь ЦК по идеологии И. Гендрих вынужден был признать, что на съезде писателей в состав ЦК Союза были избраны люди, которые «не способны проводить партийную линию в руководстве литературным фронтом»³⁵. Он имел в виду прежде всего Сейферта, Грубина, Каплицкого, Ногу, Татарку, выступивших на этом форуме за право писателей свободно выражать свои творческие позиции. Атмосфера на съезде была такова, что Татарку, призвавшего писателей встать в оппозицию к существующему в стране общественному строю, избрали не только в состав ЦК Союза, но и в члены Президиума³⁶.

В Союзе художников, по мнению советского посольства, тон стали задавать «поклонники Запада» – художники Рада, Гофмайстер и др. Среди творческой интеллигенции участилась подача заявлений о выходе из партии³⁷.

Второй центр представляла студенческая молодежь, получившая поддержку части преподавательского состава на факультетах Карлова Университета, Университета Брагиславы и некоторых других учебных заведений. Именно в этой среде наиболее радикально звучала критика политики, проводимой в

³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 400. Л.228.

³⁵ Там же. Д. 401 Л. 279.

³⁶ Там же.

³⁷ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 55. Д.525. Л. 161-162.

стране. Поэтому не удивительно, что советское посольство внимательно наблюдало за складывавшейся здесь ситуацией. К середине 50-х годов в стране насчитывалось 40 высших учебных заведений, включая такие крупные образовательные центры, как Карлов Университет в Праге, Университет им. Пуркине в Брно, Университет им. Яна-Амоса Коменского в Братиславе. Число студентов обучающихся на дневных и вечерних отделениях ВУЗов к середине 50-х годов достигло 70, 5 тыс. человек. По социальному составу около 40% студентов составляли выходцы из семей рабочих и трудовых слоев крестьянства. Правда, к середине 50-х гг. среди студенчества стала увеличиваться доля выходцев из других социальных групп, доступ которым в вузы после февраля 1948 г. в определенной мере ограничивался³⁸.

После мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ студенты стали выступать с требованиями «обсудить на заседании Национального собрания вопрос о расширении в стране демократических свобод», отменить глушение западных «голосов» и разрешить населению свободно слушать передачи радиостанции «Свободная Европа», не исполнять советский гимн во время проведения мероприятий не связанных с чехословацко-советскими отношениями³⁹. Они также требовали отменить проведенную по инициативе министра образования З. Нееды в 1953 г. школьную реформу, являвшуюся прямой калькой с советской системы школьного образования, восстановить систему реальных училищ и классических гимназий, в большей степени отвечающей уровню развития страны. Кроме того, студенты настаивали на исключении из программ вузов курса марксизма-ленинизма, а также на изучении русского языка по программе факультатива. Кроме того, звучали призывы добиваться отмены воинской обязанности для лиц, окончивших институт. В студенческой среде впервые были озвучены также и требования ликвидировать институт советских советников⁴⁰.

Как отмечало советское посольство, особенно бурно проходили собрания студентов в Карловом Университете, в музыкально-художественном училище Праги, а также в высших учебных заведениях Братиславы. В информации на

³⁸ Там же. П. 50. Д. 273. Л. 98.

³⁹ РГАНИ Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 401. Л. 116-117.

⁴⁰ Там же Л. 277-278.

имя министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова от 5 июня 1956 г. сообщалось: «Особое удивление вызывает поведение на партсобраниях и собраниях студентов преподавателей марксизма-ленинизма, которые в большинстве своем были зачинщиками антипартийных выступлений. Дело дошло до того, что даже в Высшей партийной школе при ЦК КПЧ преподаватели марксизма-ленинизма и других общественных дисциплин открыто выражали недоверие ЦК КПЧ, и требовали созыва чрезвычайного съезда... Вряд ли случайным также является и то, что на собрания студентов музыкально-художественных учебных заведений были приглашены писатели и поэты Грубин, Сейферт и Когоут, выступавшие на II съезде писателей с враждебных позиций»⁴¹. По-видимому, выступления студенчества весьма обеспокоили посольство, и советский посол «полагал целесообразным подсказать нашим друзьям обратить внимание на создавшееся положение в ВУЗах»⁴².

Третий центр – это первичные парторганизации с преобладающей прослойкой интеллигенции. В этой среде открыто высказывалось недоверие руководству ЦК КПЧ, выдвигались требования созыва чрезвычайного съезда партии и отставки А. Новотного. Необходимость созыва съезда мотивировалась тем, что ЦК КПЧ «все еще механически руководствуется решениями ЦК КПСС и...не проявляет достаточной способности диалектически, самостоятельно рассмотреть наши проблемы по примеру КПСС»⁴³.

В ходе собраний в первичных партоганизациях некоторых министерств, в том числе иностранных дел, химической, машиностроительной промышленности, Академии наук, Госплана, ряда факультетов Карлова Университета, ряда военных организаций в том числе Военно-политической и Военно-медицинской академий, а также некоторых научно-исследовательских институтов, выдвигалось не только требование созыва чрезвычайного съезда, но и прозвучал ряд таких принципиально важных предложений, как ознакомить членов партии с ходом работы комиссии по пересмотру дел осужденных по процессу Сланского; пересмотреть функции органов цензуры; не переносить механически советского опыта; пересмотреть проведенную в 1953 г. школь-

⁴¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 41. П. 50. Д. 273. Л. 101-102.

⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 401. Л. 103.

⁴³ Там же. Д. 400. Л. 209.

ную реформу; перед созывом съезда провести внутривнутрипартийную дискуссию; избрание партийных органов и делегатов на съезд проводить тайным голосованием; отменить в стране смертную казнь⁴⁴.

Информацию о том, как конкретно проходило обсуждение итогов работы мартовско-апрельского пленума ЦК КПЧ в этой среде, советская сторона получала из бесед сотрудников посольства. Так, начальник секретариата МИД ЧСР М. Парис в беседе с П.Г. Кречетом рассказывал: «Обсуждение материалов пленума проходило в первичных организациях МИД довольно бурно, причем, наряду с правильными критическими замечаниями в адрес руководства, высказывались и ошибочные взгляды относительно политики партии и правительства и ряда проведенных в стране мероприятий. В частности, имелись выступления за отмену цензуры, “свободу печати”» в буржуазном понимании этого понятия, за свободный культурный обмен с западными странами, против преклонения перед советским опытом. В первичной организации, объединяющей коммунистов отдела печати и отдела международных организаций, была принята резолюция, требующая созыва внеочередного съезда, причем за резолюцию голосовали и члены партбюро этой организации. Присутствующий на собрании председатель парткома не выступил против этой резолюции ...»⁴⁵.

Еще пример, на сей раз из записи беседы сотрудника посольства Н.И. Семенова с заместителем министра образования Б. Мухой: «В министерстве школ собрание по итогам пленума проходило бурно, продолжалось около 12 часов. Ряд коммунистов выступал с выражением недоверия ЦК КПЧ и за созыв внеочередного съезда партии. Плохо, что многие руководящие работники министерства поддерживают такие выступления или просто отмалчиваются»⁴⁶. Всего в ЦК КПЧ поступило свыше 320 резолюций с требованиями созыва съезда. В некоторых сообщениях в Москву приводится и другая цифра – 350 резолюций⁴⁷.

Четвертым центром оппозиционных настроений была Словакия – с ее нерешенным национальным вопросом, с приговоренными к длительным сро-

⁴⁴ Там же. Л.209.

⁴⁵ РГАНИ. Ф.5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 401. Л. 152.

⁴⁶ Там же. Л. 165.

⁴⁷ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 41. П. 27. Д 50. Л. 197.

кам тюремного заключения «буржуазными националистами» Г. Гусаком, Л. Новомеским, Д. Окали и другими политиками, исключенными из общественной жизни. Поэтому не удивительно, что здесь оппозиционные настроения выражались более остро, чем в чешских землях. Носителем их являлась, как и в Чехии, прежде всего интеллигенция. Дискуссия по итогам пленума была крайне острой. Как сообщал в Москву консул В.Д. Карякин, требования к центральным властям сводились к тому, чтобы культуру, науку, печать, литературу отделить от политики, ликвидировать цензуру и предоставить народу право открыто высказывать свое мнение. Предлагалось также «покончить с лозунгом и разговорами о том, что СССР – наш пример, а учиться не на достижениях СССР, а на его ошибках»⁴⁸. На собрании партактива Братиславы, где присутствовали более 2000 человек, был напрямую поставлен вопрос о том, что словацкие национальные органы не имеют никаких прав, а «Корпус национальных уполномоченных бегают по каждому мелкому вопросу в Прагу», что словацкий национальный вопрос наконец-то должен быть решен. Кроме того отмечалось, что в стране продолжает расти небывалый бюрократизм. «Руководство партии и правительства не знает, как живут наши рабочие, чем мы озабочены и какие страдания переживает наш народ ...На активе было предложено созвать новый съезд КПЧ, чтобы негодные руководители были отстранены». По донесению генконсула, из 15 выступивших «никто не дал отпора демагогическим антипартийным заявлениям, а, наоборот, во всех выступлениях звучали нотки демагогии и злости на руководство». Когда же член бюро ЦК КПС О. Елень попытался дать свою оценку работе ЦК КПС и поставил вопрос, доверяют ли присутствующие тов. Бацилеку, то «в ответ раздался свист и топот ногами...» В заключении консул сообщал в Москву: «Бюро ЦК КПС решило провести еще одно собрание партактива приблизительно на 800 человек и дать в случае новых подобных выступлений отпор»⁴⁹.

Изучение доступных на сегодняшний день материалов позволяет сделать заключение, что оппозиционные настроения в Чехословакии в 1956 г. были присущи, прежде всего, так называемым «средним слоям» – интеллигенции, как творческой, так и научной, военным, служащим госаппарата, студенчес-

⁴⁸ Там же. П. 58. Д. 273. Л. 154.

⁴⁹ Там же. П. 55. Д. 275. Л.158.

тву. Рабочий класс и крестьянство не выражали сколь-нибудь четко свою позицию. Поэтому можно предположить, что эта часть общества в своей основной массе или поддерживала проводимую политику, или была безразлична к тем настроениям, которыми жили «средние слои». Здесь, по-видимому, и проходила одна из существенных граней, отделявших состояние настроений в чехословацком обществе, где жизненный уровень в рассматриваемый период был в два раза выше, чем в Польше и Венгрии, от общественных настроений в этих двух странах.

Другим весьма существенным обстоятельством, обусловившим особенность чехословацкой ситуации в 1956 г. от складывавшейся атмосферы в Венгрии и Польше, было отсутствие в Праге и в Братиславе лидеров масштаба Имре Надя или Владислава Гомулки. Причину этого, на наш взгляд, убедительно раскрыл посол США, анализируя политическое положение в Чехословакии в середине 1956 г. Он писал: «Процесс над Сланским остается “страшным сном” чехословацких коммунистов, и его последствия очень глубоки. Популярность коллективного руководства укреплялась, прежде всего, позицией тех, кто этот “страшный сон” пережил и кто ни в коем случае не хотел бы оказаться на месте, которое сулило бы подобную судьбу. Это, безусловно, объясняет стабильность руководства чехословацкого режима в последние три года. Пока еще не появился никто, кто бы по значимости сравнился с Готвальдом или Сланским и мог бы занять пост президента или [первого] секретаря... Так, что в последние три года острой и открытой борьбы в высших кругах руководства КПЧ не наблюдается»⁵⁰.

«Триумвират» же был единодушен в решимости «спустить на тормозах» наиболее радикальные требования, прозвучавшие в ходе внутривнутрипартийной дискуссии, постараться не допустить какой-либо критики действий К. Готвальда и при этом сохранить свой имидж антисталинистов.

Прежде всего, было необходимо отвергнуть требование созыва чрезвычайного съезда. Поэтому не удивительно, что в наиболее крупные парторганизации, выступившие с таким требованием, были направлены члены ЦК с целью добиться отзыва принятых резолюций. В Москву была направлена информация, что 50 наиболее крупных парторганизаций отзывали свои резо-

⁵⁰ Цит по: *Blaive Muriel*. Promarněná příležitost. Československo rok 1956. Praha, 2001 S. 128-129.

люции, а созыва съезда добиваются только 235 организаций, объединяющих около 1% членов партии⁵¹. Их позиция, квалифицированная как троцкистская, была руководством ЦК отвергнута, и опасность раскола, таким образом, ликвидировалась.

Однако из внутривнутрипартийной дискуссии руководство ЦК КПЧ, официально осудившее сталинизм, но по своему мышлению остававшееся сталинистским, сделало для себя четкий вывод – главную опасность в партии для него будут представлять наиболее последовательные сторонники десталинизации. Свидетельством тому была предложенная А. Новотным на заседании Политбюро 11 мая 1956 г. программа мер, направленных на подавление острой критики, раздававшейся на собраниях первичных организаций. Предваряя обсуждение, он специально подчеркнул в своем выступлении: «Было бы неправильно эти голоса недооценивать и не обращать на них внимания»⁵². В программе предлагались конкретные меры по блокированию оппозиционных настроений в обществе. В частности, как неотложные ставились задачи изменить систему политработы в армии, провести анализ структуры и деятельности армейских политорганов, а также особое внимание обратить на органы госбезопасности и состояние их парторганизаций. Подлежали тщательной проверке деятельность руководства факультетов в Университетах, особенно кафедр марксизма-ленинизма, и состояние преподавательского состава. Не был оставлен без внимания и партийно-государственный аппарат. Планировалось провести проверку всех звеньев этой системы и осуществить замену тех, «кто проявляет слабость и нерешительность, верными членами партии». При этом подчеркивалась необходимость принятия немедленных мер в тех сферах управления, которые подвергались особо острой критике со стороны рабочих коллективов.

Что касается Словакии, основным здесь должен был остаться курс на борьбу «против глинковских сепаратистов и буржуазных националистов». Отношения же с некоммунистическими партиями предполагалось пересмотреть в плане ограничения возможностей критики с их стороны. Поэтому в документе ставился вопрос о необходимости разработки весомой аргументации, почему право критики недостатков может принадлежать только КПЧ.

⁵¹ Ibidem. S. 85.

⁵² Ibidem. S. 87.

Однако реализация этого плана началась далеко не сразу, лишь в 1958 г. Французская исследовательница М. Блайве, много работавшая в архивах ЧСР, и в том числе в архиве министерства госбезопасности, с некоторым удивлением пишет в своей монографии, что она не нашла каких-либо материалов, относящихся к 1956-1957 гг., которые свидетельствовали бы о репрессивных мерах в отношении студентов, преподавателей вузов или членов КПЧ, голосовавших за созыв чрезвычайного съезда⁵³.

Чем можно объяснить явное несоответствие жесткого тона документа, принятого в мае 1956 г., и отсутствия каких-либо реальных шагов властей по его реализации? Думается, что такой разрыв между «словами» и «делами» следует связывать с воздействием на складывавшуюся в стране ситуацию ряда внешних факторов, и прежде всего той реальной обстановки, которая стала к лету 1956 г. обрисовываться в Польше и Венгрии.

Подавление массового протестного выступления рабочих в Познани 30 июня 1956 г., как показывают материалы АВП РФ, оказало прямое и непосредственное влияние на состояние общественных настроений в Чехословакии. Советское посольство, тщательно отслеживавшее ситуацию в стране, сообщало в середине июля 1956 г. в Москву: «Некоторая часть населения придерживается мнения, что в Чехословакии нет условий повторения познаньских событий, так как жизненный уровень в ЧСР выше, чем в Польше». Но при этом главное внимание дипломаты сосредоточили на деятельности «реакционных элементов». Последние, используя познаньские события, пытались в ряде областей – Остравской, Пльзеньской, Устецкой и Либерецкой спровоцировать рабочих отдельных предприятий выступить с требованиями повышения зарплаты⁵⁴. Им удалось добиться некоторых успехов: в ряде цехов завода им. Готвальда в Кунчицах, завода им. Ленина в Пльзене, в железнодорожном депо Лоуни и на некоторых других предприятиях именно такие требования и стали поводом для забастовок. Что касается оценки самих познаньских событий, то они и в рабочей, и в инженерно-технической среде рассматривались как «проявление истинного мнения народа, который иначе не мог выразить своего взгляда ... То, что было в Польше, должно придти и к нам....нашим тоже следует показать»⁵⁵.

⁵³ Ibidem. S. 131-137.

⁵⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 400. С. 261

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42. П. 283. Д. 720. Л.137.

Что касается интеллигенции, то часть ее, особенно в Словакии, приветствовала возвращение в политику В. Гомулки. «В последнее время, – сообщал советский консул в Братиславе, – у писателей очень актуален стал так называемый “польский пример”. ...Из рук в руки переходят различные польские материалы, они подробно изучаются, их различным способом стараются проводить в жизнь. Пропаганду “польского примера” начали сильно проводить после приезда Андрея Павлика⁵⁶ из СССР и Польши. Приехав из СССР, Павлик говорил своим друзьям о том, что там “господствует страшная бюрократия, жизненный уровень очень низкий ... Положение сегодня такое: Советскому Союзу люди уже не доверяют и обращают взоры на Польшу, где происходит действительно прекрасный очистительный процесс. Там господствует энтузиазм, о каком нам только снится. Там идет действительно чистка от сталинизма по всей стране, и весь народ поддерживает это”»⁵⁷.

Что касается ситуации в Венгрии, особенно летом–осенью 1956 г., то, судя по материалам российских архивов, реакция чешского и словацкого общества была достаточно сдержанной. Листовки, распространяемые в стране, типа «Польша свободна, Венгрия борется, пора начинать и нам!» или «Словаки, русские сапоги топчут свободу Венгрии, угнетают народ. Долой русское владычество! Смерть русским убийцам!», распространяемые среди населения Словакии, не достигали искомого политического эффекта. Тому были свои объективные причины.

В приграничных с Венгрией территориях в Кошицком, Банско-Быстрицком и Нитранском краях, где в 1945-1946 гг. шло массовое выселение этнических венгров, а земли передавались словакам, в 1956 г. среди населения «появились страх и нервозность: придут назад мадьяры и будут с нами расправляться»⁵⁸. В политической оценке венгерских событий населением ЧСР сыграло свою роль и выступление кардинала Миндсенти, требовавшего возвращения земель, конфискованных по аграрной реформе 1945 г., а также появление в Венгрии графа Эстерхази и других бывших крупных землевладельцев, претендовавших на возвращение собственности.

⁵⁶ О. Павлик – академик, президент Словацкой Академии наук.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 42, П. 283. Д. 720. Л. 262-263.

⁵⁸ Там же. Оп. 37. П. 30. Д.109 Л. 183.

Эти обстоятельства существенно деформировали восприятие происходивших в Венгрии событий и позволяли официальной пропаганде трактовать их как контрреволюцию. Консул в Братиславе сообщал в Москву, что словацкой интеллигенции и особенно части писателей, которая высказывала недовольство линией ЦК КПЧ и ЦК КПС, «события в Венгрии показали всю вредность ее требований.... Словацкие писатели официально осудили контрреволюцию в Венгрии, но некоторые из них неофициально заявили, что хотя они и остаются на своих позициях, но в настоящее время свои требования выставлять не будут из-за событий в Венгрии. Но таких людей остается среди писателей немного (Татарка, Минач и др.). Основная же часть под влиянием венгерских событий отказалась от своей старой позиции»⁵⁹. То же самое сделали писатели и деятели культуры еврейской национальности, когда узнали об антисемитских выступлениях и происходящих расправах над евреями в Венгрии⁶⁰.

В управлении внешнеполитической информации МИД СССР⁶¹ при анализе ситуации в Чехословакии, специально отмечалось, что чехословацкая интеллигенция реагировала на венгерские события «правильно, осуждая действия контрреволюции и правительства Надя. Однако при оценке причин венгерских событий некоторая часть интеллигенции склонялась к югославской точке зрения, утверждая, что причины этих событий заложены в самой системе, господствующей в Венгрии и других странах, в том числе и в Чехословакии, в разбухшем бюрократическом и партийном аппарате»⁶².

Таким образом, из приведенного материала видно, что начавшийся в Венгрии и Польше процесс десталинизации, принявший в 1956 г. разные по степени интенсивности формы, воспринимался в чехословацком обществе как два разнопорядковых явления: как контрреволюция (Венгрия) и как процесс демократизации (Польша). Может показаться парадоксальным, но именно это обстоятельство, в

⁵⁹ Там же. Л. 185.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Речь идет об информационно-аналитической службе при высшем эшелоне партийно-государственной власти – Комитете информации при МИД СССР (КИ). Аналитические записки КИ готовились на основе материалов МИД, МГБ и МВТ СССР, разведывательных структур, зарубежной периодики и др. В списке адресатов КИ первым значился И.В. Сталин.

⁶² АВП РФ Ф. 0138. Оп. 42 . П. 283 . Д. 5. Л. 28.

определенной мере, способствовало сохранению относительной устойчивости политической ситуации в ЧСР на рубеже 1956–1957 гг. Не случайно западные обозреватели, оценивая ситуацию в регионе, настойчиво подчеркивали, что «перемены в Польше и антисоветское восстание в Венгрии фактически прервали небольшую тенденцию к либерализации в Чехословакии в этом году после XX съезда КПСС. ... Чехословакия, по-видимому, решила следовать старой линии, то есть вплотную придерживаться московской политики, сохраняя контроль внутри страны смягченными экономическими уступками рабочим, что считается важнейшей гарантией “дальнейших успехов социализма”»⁶³.

Выбору такой линии в немалой степени способствовала корректировка советским руководством некоторых принципов своей внешней политики в восточноевропейском регионе. Применительно к Чехословакии уже на рубеже 1956–1957 гг. советская сторона стала подавать сигналы о возможностях некоторого сокращения масштабов своего присутствия в ЧСР, в частности о существенном ослаблении своего контроля через институт советских советников и специалистов, а также об изменении и совершенствовании форм экономического сотрудничества.

По данным на ноябрь 1956 г. в Чехословакии работало 192 советских советника. Из них 38 были гражданскими специалистами, 116 человек были связаны с армией, а 49 советников – с силовыми структурами⁶⁴. Кроме института советников, советская сторона имела в Чехословакии еще аппарат уполномоченных Главного управления экономических связей (ГУЭС). Эти уполномоченные, как отмечалось в аналитической записке советского посольства в МИД СССР в ноябре 1956 г., «по роду своей деятельности довольно активно вмешивались в практическую деятельность госаппарата ЧСР, в народно-хозяйственные планы и даже в работу отдельных предприятий»⁶⁵.

Кроме того, существовало смешанное чехословацко-советское управление Яхимовскими урановыми рудниками, где параллельно действовали две администрации и пятую часть всех специалистов на этих рудниках составляли советские граждане.

⁶³ Там же. Л. 27.

⁶⁴ Там же. П. 279. Д. 18. Л. 17.

⁶⁵ Там же. Оп. 41. П. 271. Д. 18. Л. 33.

Обсуждение названных проблем в советском руководстве началось еще в 1956 г. К началу 1957 г. были достигнуты первые договоренности с чехословацкой стороной: число военных советников предполагалось сократить до 35 человек. Было предложено также обменяться мнениями относительно целесообразности дальнейшего пребывания в Чехословакии советских гражданских специалистов и советников-«силовики»⁶⁶.

На переговорах с правительственной делегацией ЧСР летом 1957 г. обсуждался вопрос о ликвидации института представителей ГУЭС, работавших во всех министерствах и на предприятиях, имевших стратегическое значение, о полной передаче чехословацкой стороне управления Яхимовскими рудниками, а также о возможности предоставления Чехословакии кредита в свободно конвертируемой валюте⁶⁷.

Если вспомнить, какие требования к ЦК КПЧ выдвигались в ходе внутрипартийной дискуссии весной 1956 г., то станет совершенно очевидно, что советские предложения были направлены на ослабление напряженности в отношениях власти с наиболее активной частью чехословацкого общества. Советская сторона явно демонстрировала чехословацкому обществу, что существующие в нем настроения Москве известны и учтены. Вместе с тем предпринимаемые ею шаги были направлены и на то, чтобы упрочить позиции правящей элиты.

Надо заметить, что советский фактор сыграл не малую роль и в трансформации самой властной вертикали. Он способствовал урегулированию весьма сложной ситуации внутри Политбюро ЦК КПЧ, сложившейся после смерти в ноябре 1957 г. президента страны А. Запотоцкого. Здесь отсутствовала единая позиция по вопросу необходимости сохранения института президентства. Часть членов Политбюро считала возможным его ликвидировать, заменив постом председателя Национального собрания. Другие настаивали на необходимости сохранения института президентства, но расходились в выборе конкретных кандидатур. Но среди всех предложений, выдвигавшихся в кругах правящей партийной элиты, не обсуждалась идея объединения двух постов – первого секретаря ЦК КПЧ и президента республики. Она была подсказана в

⁶⁶ Там же. Оп.42. П. 274. Д. 18. Л. 17.

⁶⁷ Там же. Л. 17 – 18.

Москве еще в июле 1957 г. во время пребывания здесь чехословацкой правительственной делегации в ходе беседы с членами президиума ЦК КПСС Н.С. Хрущевым, А.И. Микояном и М.А. Сусловым⁶⁸.

Это обстоятельство сыграло решающую роль в укреплении позиций А.Новотного внутри правящей группировки, по существу, сняв какие-либо дискуссии вокруг кандидатуры нового президента ЧСР.

Состоявшиеся в ноябре 1957 г. президентские выборы стали тем рубежом в формировании властной вертикали, который фактически завершил юридическое оформление партийно-государственной диктатуры, сосредоточив все политические и государственные рычаги управления обществом в руках одного лица – А. Новотного. Только получив новый статус, А. Новотный решился на проведение масштабной акции по очистке госаппарата от инакомыслия и неконформизма, о которой говорил еще в мае 1956 г.

Ее началу предшествовало состоявшееся в июне 1957 г. специальное заседание ЦК КПЧ, посвященное вопросам идеологической работы. Доклад делал И. Гендрих – секретарь по идеологии. Текст доклада не подлежал публикации. Об основном содержании данного документа мы имеем возможность судить лишь по беседе его автора с корреспондентом газеты «Правда». Гендрих объяснил проведение такого заседания необходимостью устранить известную путаницу в толковании вопроса о различных формах строительства социализма. В докладе, по его словам, «будет подчеркнута, что главное – в общих чертах пути к социализму, а не в особенностях, связанных с конкретными условиями, существующими в отдельных странах. ...Много внимания будет уделено работе с интеллигенцией, положению в литературе и искусстве... Допущенные ошибки будут подвергнуты прямой и обстоятельной критике... В партийных организациях, где в период, последовавший за XX съездом КПСС, проявились политически нездоровые тенденции, будут проведены партийные собрания, с тем, чтобы укрепились правильные взгляды и были осуждены ошибочные...»⁶⁹.

Было очевидно, что руководство КПЧ в сфере идеологии явно стремится перенести главное внимание с проблем преодоления догматизма и «культы личности» на борьбу против проявившихся у коммунистов элементов твор-

⁶⁸ Там же. Оп. 42. П. 278. Д. 8. Л. 23 -24.

⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Рол. 5172. Д. 400. Л. 311 –312.

ческого мышления, критики политики руководства партии с тем, чтобы не допустить распространения инакомыслия в обществе. Доказательством тому и стала сразу же, после избрания А.Новотного президентом постановка вопроса на Политбюро ЦК КПЧ о положении с кадрами в государственном и хозяйственном аппаратах страны.

В ходе его обсуждения отмечалось, что ряд руководящих работников госаппарата проявляют либерализм при подборе и размещении кадров; ослаблен классовый подход, а подбор и расстановка людей осуществляются исключительно по признаку профессиональной квалификации, дипломам и свидетельствам об окончании высшей школы. При этом не учитывается политическое качество работников. Из вышеизложенного делался принципиальный вывод, что под прикрытием так называемой профессиональной квалификации в госаппарат всех уровней, а также в министерства и ведомства «проникли чуждые и враждебные элементы... Как правило, эти лица не работают на благо существующего строя, а, наоборот, являются носителями бюрократизма, носителями реакционных и антисоветских настроений и горячими поклонниками Запада»⁷⁰.

Опираясь на этот вывод, Политбюро ЦК КПЧ приняло постановление о проведении проверки всех работников министерств и центральных ведомств, а также научно-исследовательских институтов и проектных организаций «с точки зрения их классовой и политической благонадежности»⁷¹. Данная кампания напрямую увязывалась с намеченной реорганизацией управления народным хозяйством с целью сокращения бюрократического аппарата. В постановлении прямо указывалось, что цель проверки – «очистить госаппарат от всех политически неблагонадежных элементов и не допустить, чтобы они перебрались в другие важные места».

При этом давался четкий перечень критериев по отбору «благонадежных кадров». В соответствии с ним из госаппарата предстояло удалить всех бывших фабрикантов, государственных чиновников высокого ранга, крупных торговцев, владельцев финансовых и адвокатских контор, тех, кто изменял народу в период оккупации. Из госаппарата должны были также быть удалены и те лица, которые потеряли политическое доверие.

⁷⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 43. П. 290. Д. 41. Л. 8-9.

⁷¹ Там же. Л. 11.

Специальным пунктом было прописано, что в госаппарате не могут работать родственники лиц, осужденных за антигосударственную деятельность. При этом специально подчеркивалось, что особого отношения заслуживают те работники, «которые всей своей жизнью доказывают, что с такими родственниками они не имеют ничего общего»⁷². Было очевидно, что разработчики постановления стремились не допустить в госаппарат лиц, заинтересованных в пересмотре и переоценке политических репрессий рубежа 40-50-х гг. На проведение всей этой акции отводилось, по существу, не более двух месяцев. Проверке в соответствии с постановлением, без объяснения причин, не подлежали только два министерства – обороны и внутренних дел.

МИД СССР, опираясь на информацию, полученную по дипломатическим каналам, сообщил в ЦК КПСС, что советское посольство «выражает беспокойство по этому поводу, так как указанное мероприятие коснется весьма большого количества лиц, особенно в Словакии, и может вызвать нездоровую реакцию»⁷³.

Посольство, как показало развитие событий, хорошо знало реальную ситуацию в стране. С самого начала реализации этого постановления реакция на него в обществе оказалась негативной. В информации, поступавшей в Москву, сообщалось, что среди работников министерств, центральных учреждений и предприятий имеют место «проявления недовольства проводимым мероприятием по реорганизации управления промышленностью и строительством». В ряде министерств «наблюдается ослабление работы, некоторые отделы прекратили вообще заниматься подведомственными им предприятиями. Предприятия почувствовали себя “независимыми” и отказываются выполнять распоряжения, поступающие из министерств»⁷⁴.

В Госплане среди лиц, занимавших весьма ответственные посты, преобладало мнение, что проводимая перестройка управления промышленностью и строительством является непродуманной децентрализацией: «Никто не имеет ясного представления, как эта перестройка отразится на выполнении планов,

⁷² Там же. Л. 13.

⁷³ Там же Л. 16.

⁷⁴ Там же. Л. 71.

а имеющиеся серьезные затруднения в энергетической, топливной и металлургической промышленности и во внешней торговле проводимой реорганизацией будут еще более углублены»⁷⁵.

В министерствах откровенно говорили, что проводимая реформа является «прикрытием политической чистки министерств», что она демонстрирует «банкротство методов социалистического строительства», а возникшая «неразбериха с реорганизацией весьма выгодна для западных стран, для поддержания надежд среди части населения на возврат к старому»⁷⁶.

В рабочей среде проводимая реорганизация вызывала опасения пересмотра норм выработки и порядка выплаты премий, что, в конце концов, могло повлечь за собой снижение зарплаты. Уже в январе 1958 г. на машиностроительном заводе «Варнсдорф» в Либерецком крае рабочие пытались объявить забастовку в знак протеста против объединения этого предприятия с двумя другими заводами⁷⁷.

Но по мере практической реализации решения Политбюро ЦК КПЧ от декабря 1957 г. на первый план в общественных настроениях стала выступать оценка его политической составляющей. Об этом наглядно свидетельствовали результаты проводимой органами госбезопасности перлюстрации писем населения, прежде всего служащих министерств, сотрудников научно-исследовательских институтов и проектных бюро. Например, заместитель директора научно-исследовательского института материалов и технологий в одном из своих писем писал: «Мероприятия по очищению министерств и ведомств от классово-чуждых элементов являются необдуманными и свидетельствуют о политической недалекости руководства... Министры и работники инстанций насовали этих людей в различные учреждения, а сейчас выбрасывают их как скот... Кто-нибудь будет привлечен к ответственности за эту “сланщину”?»⁷⁸

В перлюстрированных письмах кампания по проверке политической благонадежности кадров оценивалась как «гестаповское шарлатанство, которое

⁷⁵ Там же. Л. 72.

⁷⁶ Там же. Л. 72-73.

⁷⁷ Там же. Л. 71.

⁷⁸ Там же. Л. 106.

затормозит развитие народного хозяйства и оттолкнет народ от честной работы», как «поход против среднего слоя служащих», «атака на интеллигенцию с намерением ее ликвидировать»⁷⁹. В информации советского посольства на имя заместителя министра иностранных дел СССР Н.С. Патоличева, сообщалось, что из материалов, полученных на основании проверки 2800 писем частных граждан, явствует, что «проводимая проверка вызвала заметное беспокойство широких слоев служащих и интеллигенции. Многие служащие, авторы писем описывают свой страх перед проверкой, переходящий порой в панику, выражают боязнь потерять место. ...Значительное число авторов жалуются на увольнения на основании “классового происхождения”, называют проверку “второй гейдрихиадой”... Ряд авторов считают инициатором проверки президента Новотного и высказывают мнение, что при бывшем президенте все новые мероприятия проводились более мирными методами». Но, пожалуй, наиболее ярким документом того времени является письмо сотрудника министерства тяжелого машиностроения Л. Шишки из Праги: «Реорганизация приобретает самые страшные формы, о которых я предполагал, но никогда не думал, что будет так страшно авантюристично продумано. Все это долгие и долгие месяцы подготавливалось за кулисами специально подобранными работниками. Все это изощренным способом обдуманное мероприятия, которыми теперь с полной силой гонят к уничтожению весь средний слой служащих, хотят нас ликвидировать как класс, все это провести перед завершением пути к социализму и переходу к коммунизму, то есть при наступлении бесклассового общества. В истории еще не наблюдался такой острый террор против среднего слоя населения, так важного для народа, который происходит теперь у нас. ... Страх, от которого нас должна была освободить последняя мировая война, ничего не значит перед наступившей пустотой, в которой очутились многие тысячи людей с семьями, без законной охраны, хотя социалистическое общество эти люди помогали строить своими руками. Такие лозунги как “повышение эффективности производства”, “сокращение разросшегося аппарата” и т.д. – все это формы для внешнего прикрытия. ...Для них ничего не значит, что ты в поте лица работал 12 лет, что ты эффективно помогал перестраивать капиталистическое общество в социалистическое, что ты был

⁷⁹ Там же. Л. 107, 161.

изобретателем, рационализатором, лауреатом, получил орден Труда. Теперь пришло время, ты должен ликвидироваться»⁸⁰.

Каковы же были итоги рассмотренной политической кампании? По данным, сообщаемым посольством в Москву, в министерствах и центральных управлениях страны было проверено 28 686 человек. Из них проверку без замечаний прошли 78,9% , то есть около 23 тыс. человек. 905 сотрудников, т.е. 14,7%, проверяемых из-за низкой политической зрелости были переведены на работу в низшие органы государственного и хозяйственного аппарата. И только 3,1% , то есть 889 человек, были удалены из госаппарата по причине классовой неблагонадежности. В их числе были и 6 сотрудников, входящих в номенклатуру ЦК КПЧ. Среди лиц, удаленных из аппарата, 193 являлись членами КПЧ, 11 человек принадлежали к другим партиям, входящим в Национальный фронт, 701 человек были беспартийными. Причем, основную часть уволенных составляли лица с гуманитарным (148 чел.), или средним образованием⁸¹.

Что касается научных и проектных институтов, то было проверено 6 688 человек, из них осталось работать на прежних должностях в своих институтах 5 036 человек, или 75,3%. 798 сотрудников (11,9%) были понижены в должности⁸².

В Словакии из 13 298 человек, работавших в государственных органах и проходивших проверку на классово-политическую благонадежность, сохранили свои должности 11 639 человек, или 87,5%. Среди партноменклатуры из 450 человек проверку прошли 417, то есть 92,6%. Переведены на работу в нижестоящие звенья аппарата 988 человек, из них 26 из номенклатуры ЦК КПС. На пенсию выведены 146 человек⁸³.

Аналогичные проверки классово-политической благонадежности проходили на уровне краев и районов. Причем здесь политически и классово неблагонадежные лица в соответствии с решениями проверочных комиссий «направлялись на низовую работу, непосредственно на участки физического труда»⁸⁴.

⁸⁰ Там же. Л. 162, 178.

⁸¹ Там же. Д. 47. Л. 217-218.

⁸² Там же. Л. 220.

⁸³ Там же. Л. 220.

⁸⁴ Там же. Д.41. Л.112.

В информации, поступавшей с мест, отмечались и «ошибки» при проведении «этого большого и полезного мероприятия», в частности, указывалось на неоправданно большие масштабы проверки и субъективный подход к проверяемым со стороны членов комиссий. Однако, несмотря на допущенные просчеты, по мнению составителей информации, положительной стороной проверки, осуществленной в краях и районах, является то, что «с руководящих мест в государственном и хозяйственном аппарате, из научно-исследовательских учреждений и проектных институтов краевого подчинения удалены люди, которые не заслуживают политического доверия и не могут быть допущены на руководящие должности»⁸⁵.

Итак, оценивая политические последствия проведенной в 1958 г. кампании по чистке управленческого аппарата, можно сказать, что она стала знаковым рубежом в отношениях власти и общества. Но осознание подлинной значимости этого произошло лишь десять лет спустя. Как показывает приведенный материал, главной составляющей рассмотренной кампании (с точки зрения исследуемых в статье проблем) было стремление правящей партийной верхушки, возглавляемой А. Новотным, взять под свой контроль механизмы формирования общественных настроений и приостановить в обществе (особенно в его интеллектуальной части) процесс нарастания неконформизма и инакомыслия.

Однако дальнейшее развитие событий показало, что результаты предпринятой в 1958 г. акции оказались принципиально иными, чем рассчитывали ее инициаторы. Проведенная чистка неизбежно потребовала привлечения в партийный и государственный аппарат новых людей, что объективно способствовало не только «омоложению» партийно-государственно актива, но и существенно меняло уровень его интеллектуального потенциала. Именно конец 50-х – начало 60-х годов стали временем активного вступления в общественную и политическую жизнь страны того нового послевоенного поколения коммунистов, которое десять лет спустя дало стране А. Дубчека, Ч. Цисаржа, О. Швестку, З. Млынаржа и целую плеяду других деятелей, ставших носителями идей реформирования социализма в целях придания этому строю «человеческого лица».

⁸⁵ Там же Л. 226.

Т.В. Волокитина

НАЧАЛО БОЛГАРСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В СТРАНЕ В 1950-е ГОДЫ

К началу 1950-х годов советская политическая и экономическая система, утвердившаяся в 30-е гг. XX в., фактически исчерпала возможности своего развития. На фоне серьезных экономических трудностей, сопровождавшихся значительной социально-политической напряженностью в обществе, рельефно выявились задачи уточнения экономической стратегии, общественных преобразований, пересмотра внешнеполитических приоритетов, прекращения репрессий и пр. И во внутренней, и во внешней политике жизнь требовала от руководства страны новых подходов.

Провозглашенный после смерти Сталина, казалось бы, позитивный принцип возврата к «коллективному руководству» был порожден генетическим пороком советской политической системы, в которой отсутствовал конституционный механизм смены политического лидера; кроме того, весной 1953 г. никто из ближайшего окружения Сталина не мог претендовать на полноту власти. Реальность показала, что «коллективное руководство» соратниками вождя понималось вполне конкретно, в первую очередь, как разделение высшего партийного и государственного постов. По всей вероятности, именно ограниченность трактовки этого принципа побудила немецкого исследователя проф. М. Реймана констатировать его характерную для того времени недостаточно отчетливую, «расплывчатую» форму¹. Насколько глубоко преемниками Сталина была осознана необходимость полностью отказаться от традиции единоличного правления, другой вопрос. И он представляется не таким однозначным, поскольку в реальности сразу же обозначилась необходимость установить баланс между превосходством одного из «соратников» и принципом коллегиальности². Несомненно одно: первые конкретные проявления «коллективного руководства» были направлены на завоевание авторитета в массах, отличались популистским и прагматическим характером. Уже в день похорон Сталина власти заявили о намерении улучшить жизнь трудовых слоев, повести решительную борьбу с бюрократизмом, защитить права челове-

ка, пересмотреть отношение к соотечественникам, побывавшим в немецком плену, и пр. Что касается вопроса о культе личности Сталина, то он стал, как показало ближайшее будущее, важным инструментом в борьбе за власть в партийно-государственном руководстве, позволявшим манипулировать общественным сознанием, объяснять все пороки системы только субъективным, личным фактором.

Развернувшаяся в советском руководстве острая борьба за сталинское «наследство» не могла не отразиться на положении в странах «социалистического лагеря». Вряд ли национальные лидеры не осознавали неизбежности грядущих перемен. Другое дело, как расценивались их векторы и масштабы. Для болгарского руководителя В. Червенкова было очевидно: «Ничто не будет таким, как прежде. Сталин держал в железном кулаке не только Советский Союз, но и весь социалистический лагерь. Сейчас начнется борьба за его пост! Это перенесется и в наши страны...» Именно эта оценка запомнилась личному секретарю Червенкова Н. Доневои³. Обращает на себя внимание, что Червенков в своих размышлениях не выходил за рамки «кадрового вопроса». Реализовывавшаяся в стране советская общественная модель по-прежнему считалась единственно правильной, перспективной, отвечавшей национальным интересам Болгарии и ее народа. Нет оснований считать, что в то время оценки указанной модели и в других странах «социалистического лагеря» были принципиально иными.

Не случайно поэтому, что начавшаяся в Восточной Европе либерализация политических режимов, получившая также название «десталинизации», явилась результатом прямых посылов из Москвы, развивалась медленно, противоречиво, с чередовавшимися «приливами» и «отливами». Советское руководство, поставив в вопросы о повороте в экономической политике социалистических стран – от ускоренной индустриализации к «продовольственному» курсу, о разделении руководящих постов в партии и государстве, считало необходимым контролировать процесс реорганизации политического руководства в странах восточного блока. При этом вполне сознательно был избран метод рокировок, исключавший, как хорошо знают шахматисты, выигрыш *качества*: фактически речь шла о некоторых «косметических» кадровых перестановках, в ходе которых предстоявшее устранение очевидных крайностей сталинской, советской модели становилось делом рук убежденных сталинистов. Тем не

менее, советская сторона, опасаясь, «как бы чего не вышло», внимательно отслеживала ситуацию в «социалистическом лагере», пыталась корректировать правительственный курс (как это было, например, в Венгрии в мае и июне 1953 г.) или «правильно» ориентировать национальное руководство. Именно с этой целью в Москву после пленума ЦК КПСС «по Берии» (2-7 июля 1953 г.) была приглашена болгарская делегация. Позднее Червенков вспоминал, что встреча носила информативный характер, никакой критики в свой адрес болгары не услышали, по ходу беседы было также «бегло упомянуто о существовавших... в КПСС неправильных методах руководства, связанных с культом личности Сталина»⁴.

По поручению Н.С. Хрущева в аппарате ЦК КПСС летом 1953 г. была подготовлена серия справок о политическом и экономическом положении стран «социалистического лагеря». 30 июля такая справка по Болгарии за подписью заместителя руководителя сектором европейских стран народной демократии В.И. Лесакова и референта М.Е. Позолотина легла на стол заместителя заведующего Отделом ЦК по связям с иностранными компартиями И.Т. Виноградова и в тот же день была отправлена в секретариат Хрущева. Политический раздел справки содержал наблюдения советской стороны за положением в высшем партийном руководстве страны и, в частности, подробно фиксировал проявления «культы личности» Червенкова⁵. В то время, однако, этой информации ход дан не был.

Несомненно, важным стимулом к тому, чтобы «держать руку на пульсе», для советского руководства стали события лета 1953 г. в Чехословакии и ГДР. Москва получила острый сигнал, свидетельствовавший о неблагополучии в советской сфере влияния и ставший лишним доводом в пользу либерализации режима.

Естественно, что в каждой конкретной стране «социалистического лагеря» этот процесс характеризовался своими особенностями. В Болгарии первая волна «десталинизации» началась летом 1953 г. под прямым давлением внешнего, советского, фактора, в атмосфере опасения повторения примера Чехословакии и ГДР. Показательно, что выступления весной 1953 г. с экономическими требованиями «своих» рабочих – табачников Пловдива и текстильщиков Сливена не имели какого-либо «политического резонанса»⁶ и не стали для болгарского руководства импульсом к переменам.

А между тем к середине 50-х гг. не только в указанных отраслях, но и в целом по стране материальное положение трудящихся оставалось тяжелым. Основными продуктами питания в рабочих семьях были хлеб, овощи и растительное масло. Систематические перебои в снабжении печеным хлебом делали этот небогатый рацион еще более скудным. Потребление мяса и молочных продуктов было ограниченным⁷. «Визитная карточка» болгарской повседневности тех лет – высокие цены на товары широкого потребления, низкие заработная плата и пенсии даже в тех отраслях, где сосредоточивались, по определению болгарского руководства, «передовые отряды рабочего класса» (табачники, текстильщики, трамвайщики). Характерно, что эти показатели были значительно ниже, чем в буржуазной Болгарии. Так, вплоть до 9 сентября 1944 г., когда коммунисты среди экономических требований выдвигали требования повышения пенсий рабочим табачной промышленности, они равнялись в среднем 400-440 левам, а при народной власти в начале 50-х гг. пенсия в этой отрасли народного хозяйства составляла всего 120-150 левов⁸. После денежной реформы и отмены карточной системы весной 1952 г. неоднократно проводилось снижение цен, но и в дальнейшем они существенно превышали свободные цены, действовавшие при карточной системе, – на 15-20% на продукты и на 40-50% – на промышленные товары⁹. Проведенное же одновременно повышение заработной платы не могло компенсировать снижение жизненного уровня населения. Положение усугубляла безработица, одолеть которую не удавалось¹⁰. Число нуждавшихся в трудоустройстве определялось десятками тысяч, однако признавать наличие данной проблемы часть членов Политбюро отказывалась в принципе, поскольку считала, что при социализме безработицы не может быть по определению. Но даже те из них, в том числе Т. Живков, кто не разделяли подобную позицию, полагали, что болгарская безработица – «конечно, это не та безработица, которая присуща капиталистическим странам», и может быть сравнительно легко устранена, поскольку в сельском хозяйстве существовала нехватка рабочих рук¹¹. Реальность, однако, показала, что вопрос не столь прост. По сведениям, сообщенным болгарской исследовательницей И. Марчевой, на 638 940 человек, занятых в 1955 г. в промышленности, строительстве и на транспорте, приходилось 117 165 безработных¹². Несложные подсчеты показывают: число безработных составляло примерно 18,3% от

общего числа работавших в указанных отраслях, причем реальные перспективы сокращения безработицы не просматривались. Подтверждает данный вывод тот факт, что годом позже в одной из бесед с советскими дипломатами Т. Живков назвал примерное число безработных – 120 тыс. чел., в том числе 30-40 тыс. молодежи со средним образованием. В политотчете посольства СССР в Софии за 1956 г. констатировалось: «...Безработица – это один из главных источников политического недовольства среди трудящихся, тем более, что из-за недостатка средств безработным не выдается никакого пособия, в то время как при правительстве старой Болгарии такие пособия выдавались»¹³.

Претензии населения к власти находили выход в многочисленных жалобах, обращенных в различные инстанции. Последние не успевали реагировать, не выдерживали положенный, месячный, срок, отведенный на рассмотрение обращений трудящихся. По сведениям секретариата Червенкова, в конце июня 1952 г. не рассмотренными оставались 3346 жалоб, поступивших в первое полугодие, в том числе по линии МВД – 361, Министерства народной обороны – 263, Верховного суда – 100, Комитета по науке и культуре – 114, Софийского горкома БКП – 105, околийских народных советов – 564 и пр. Недовольство рабочих выражалось и в обращении некоторых из них с анонимными жалобами лично к Червенкову. Основная тема писем – низкая заработная плата и плохие условия труда¹⁴.

Документы свидетельствуют, что в Болгарии, где население узнавало о событиях за рубежом крайне дозированно, политический кризис в ГДР был расценен как начало войны и «восстановления порядка во всей Европе с американской помощью». Широкое хождение, как в любом закрытом обществе, получили разного рода слухи и домыслы, выполнявшие, независимо от того, хотели этого или нет их распространители, отчетливую социальную функцию – сформировать общественное мнение, альтернативное официальному¹⁵. Особо восприимчивой к слухам о грядущих переменах оказалась крестьянская масса, недовольная тяготами государственных поставок, низкой оплатой трудодней в земледельческих кооперативах – ТКЗХ. Побывавший летом 1953 г. в селах Сталинского и Коларовградского округов консул Л.Т. Шмаков сообщил об угрозе со стороны группы крестьян (в записке Шмакова они именовались «кулаками») в адрес чиновника министерства земледелия в Преславе. Требуя

выдать справки о покрытии задолженности по госпоставкам 1952 г., крестьяне обещали в противном случае повестить его на первом же суку «как только придут в Болгарию американцы». А произойдет это, утверждали они, через несколько дней, поскольку «война уже идет»¹⁶. Понятно, что советский наблюдатель оценил подобные настроения как «крайне нездоровые»¹⁷, однако конкретные приведенные им факты неоспоримо свидетельствовали о наличии объективных причин для массового недовольства. В упомянутой выше записке Шмаков привел слова крестьянина с. Султанцы Провадийской околии Кирилла Неделчева, подавшего заявление о выходе из производственного кооператива. «В прошлом я – бедняк, – рассказал Неделчев. – В кооператив передал 40 декаров земли¹⁸. Семья – 6 человек, трое детей школьного возраста. За три года работы в ТКЗХ я получил 800-900 левов. Правда, хлебом свою семью обеспечиваю, но работаю с утра до ночи. Вот в этом году заработал вместе с женой 520 трудодней. А что я за это получил? – по 2 кг зерна на трудодень. ...Денег я получил всего по 1 леву на трудодень. Я не могу детей-школьников направить на учебу, так как они не имеют ни одежды, ни обуви. Да еще эта проклятая рента за землю! 25% делимого фонда кооператив выплачивает за сданную в ТКЗХ землю. *Как раньше я гнул спину на богачей, так и сейчас. Богач вырабатывает минимум трудодней, живет за счет ренты, за счет нашего труда*» (курсив мой. – Т.В.)¹⁹.

По наблюдению Шмакова, даже в лучших и средних хозяйствах округа повсюду «одна картина»: жалобы на то, что единоличникам живется лучше, что на получаемые на трудодни деньги нельзя купить самое необходимое. Даже при хорошем урожае 1953 г. после выполнения плана государственных поставок, расчетов с МТС натурой (зерном), выплаты ренты натурой, пополнения семенного фонда и иных обязательных отчислений кооперативы в основной массе смогли обеспечить своим членам не более 3 кг зерна и чуть более 1 лева деньгами на трудодень. Оплата труда была более чем скудной, особенно если учесть, что простой ситец на одну рубашку обходился крестьянину в 20 трудодней или 60 кг зерна, а покупка брюк стоимостью в 150 левов требовала продажи двух центнеров зерна! Кооперативы, где в 1953 г. удалось выплатить по 4-5 левов наличными и выдать по 8-9 кг зерна на трудодень, можно было пересчитать по пальцам. Повсеместно преобладали «отстающие, с неполноценным трудоднем». Недовольство крестьян подпитывалось слуха-

ми (небезосновательными!) о том, что в других странах, в частности, в ГДР и Венгрии, распустили кооперативные хозяйства, вернули крестьянам землю и сельхозинвентарь. Подобные слухи получили широкое хождение в Русенском округе. Отсюда делался вывод: чем больше заявлений о выходе из кооперативов будет подано, тем скорее будет вынуждено решить вопрос об их роспуске и болгарское правительство. Протестные настроения подогревались опасениями, что с началом войны и приходом в страну американцев крестьян-кооператоров ждет расплата. Ситуацию обострила и устроенная властями неразбериха с сельскохозяйственным налогом на единоличные хозяйства. После принятия закона об увеличении налога единоличники в массовом порядке стали подавать заявления о вступлении в ТКЗХ. В одном только Сталинском округе летом 1953 г. имелось более 500 таких заявлений. Однако вскоре, реализуя официальную установку о повышении жизненного уровня населения, власти этот закон отменили, причем сделали это без огласки, не разъяснив причины населению и не признав ошибочность прежнего решения. У крестьян «втихую», как сообщалось в одном из документов советского посольства, были изъяты старые документы и выданы новые – с прошлогодними ставками. Единоличники отреагировали быстро: расценив поворот как новый курс в поддержку частнокапиталистического сектора и изменение отношения властей к ТКЗХ, они начали забирать свои заявления назад. Из упомянутых выше 500 заявлений по Сталинскому округу остались неотозванными всего несколько. Сбитые с толку крестьяне-кооператоры последовали примеру единоличников: за 20 дней августа 1953 г. в Коларовградской околии было зарегистрировано 330 заявлений от кооператоров о выходе из ТКЗХ, в Преславской – 116, Тырговиштенской – 40 и пр. Перспектива распада кооперативов крайне встревожила советских наблюдателей²⁰.

Нельзя не отметить, что советские дипломаты, информируя о тяжелом положении болгарской деревни, констатировали «серьезные промахи» правительства, в частности, недостаточное внимание к нуждам ТКЗХ, увлечение индустриализацией²¹. Естественно, что при этом недовольство кооператоров получало также и политическую оценку в соответствии с «ленинско-сталинским» постулатом об обострении классово-борьбы в переходный период. Определенная вина возлагалась советскими наблюдателями и на болгарских партийных функционеров. Посольство информировало Москву о наличии

среди части партработников неправильных, «глубоко ошибочных» оценок обстановки в стране, согласно которым произошел спад вражеской деятельности и классовый враг не имеет той силы, что в первые годы народной власти. Прямым следствием такого подхода дипломаты считали случайный характер включения в партийный лексикон слов «вражеские элементы» и «кулак». Об этом сообщил, например, консул в г. Русе г.П. Купка в мае 1953 г., анализируя ход окружной отчетно-выборной кампании. «Неуспехи в работе промышленности и сельского хозяйства объясняются всем чем угодно, но только не сопротивлением гибнущего класса. ...В принятых резолюциях окружные конференции не мобилизуют коммунистов на непримиримую борьбу против классовых врагов, не нацеливают партийные организации на борьбу с врагом, не вызывают у коммунистов лютой ненависти к врагам», – сетовал дипломат²². Соглашаясь с тем, что число открытых вражеских вылазок сократилось, а случаи умышленной порчи техники, поджогов посевов, складов и хозяйственных построек, нападений на руководящих работников, действительно, редки, советские дипломаты, тем не менее, напоминали о сталинской установке о «бывших людях»²³, которые меняют прежнюю тактику открытого сопротивления и, глубоко законспирировавшись, выискивают наиболее важные и уязвимые участки народного хозяйства, чтобы всячески вредить народной власти. В качестве примера указывалось на такие «вражеские» проявления, как «ошибки» при нормировании труда и установлении рабочих разрядов в промышленности, неправильное планирование, сопротивление введению новшеств в севооборот, использованию удобрений и т.п. Для противодействия врагу в первую очередь предлагался испытанный метод из советской практики – усилить бдительность коммунистов. Помочь выправить положение должно было также «конкретное руководство» сельским хозяйством и особенно ТКЗХ со стороны парторганизаций²⁴.

В донесениях советских дипломатов в связи с событиями в Чехословакии и берлинским кризисом отмечались антисоветские настроения, появление враждебных Советскому Союзу листовок, «разнузданная агитация против СССР», против демократического строя в Болгарии, «клевета» на экономическую жизнь в Советском Союзе, болгарских руководителей, угрозы и шантаж «отсталых людей». Показательно, что листовки, сброшенные 3 августа 1953 г. в окрестностях Софии с самолета «неизвестной принадлежности», содержали

хронику событий в ГДР и Чехословакии под названием «Растет сопротивление в странах народной демократии»²⁵ и явно преследовали цель восполнить «дефицит» информации населения.

Болгарские материалы выявляют и еще одну важную грань в проявлениях недовольства населения – критическое отношение к деятельности правящей партии и робкую надежду на «смену караула». В середине ноября 1953 г. Софийский городской комитет БКП рассмотрел «дело» коммуниста Цв. Якимова, 1924 года рождения, из рабочих, начальника отдела кадров профсоюза строителей, распространявшего «анонимные письма вражеского содержания». Расследование быстро установило, что их автором был сам Якимов, подписывавший письма от имени «Революционного комитета новой партии». Констатация в письмах невыносимого положения в стране, «мук нашего рабочего класса» сопровождалась утверждением, что «сегодняшняя партия – не та, о которой мечтали народные борцы», что «ЦК сбился с дороги», но что «скоро к власти придет настоящая партия». Деятельность Якимова была более чем скромной: он успел разослать всего два таких письма. В материалах следствия указывалось, что истинной подоплекой его действий являлись отнюдь не оппозиционные настроения, а карьеристские соображения и желание привлечь к себе внимание руководства профсоюза, якобы недооценивавшего своего «кадровика»^х. Как бы то ни было, обращает на себя внимание использованный автором лексикон, который явно отразил недовольство рядового коммуниста деятельностью партийных «верхов».

В целом, однако, обстановка в стране оставалась спокойной. Это зафиксировали и информационные материалы советского посольства на протяжении 1953 г.: враждебные проявления расценивались в них как «отдельные случаи», не наносящие режиму серьезного политического вреда²⁶.

Анализ настроений населения показывает, что не только в различных социальных, но и в возрастных слоях болгарского общества ощущался разрыв между «верхами» и «низами». В декабре 1954 г. при обсуждении на бюро Софийского горкома БКП вопроса об ошибках в воспитании детей в семьях коммунистов констатировалось, что отпрыски «ответственных товарищей» находятся в привилегированном положении, демонстрируют свое превосходство перед другими, теряя при этом «чувство меры», что недовольство ровесников выражается в презрительной кличке «комбурги», дававшейся

детям из высокопоставленных семей²⁷. Характерная аббревиатура (от словосочетания «коммунистическая буржуазия») явно указывала на сходство с положением детей в семье Кобургов – царской династии, правившей страной до 1944 г.

Документы свидетельствуют, что на настроения населения немалое влияние оказывало механическое заимствование болгарским руководством советского опыта. Даже советские дипломаты были вынуждены констатировать, что при этом «нарушались традиции и задевались национальные чувства» болгар. Это касалось не только работы административного и хозяйственного аппарата в центре и на местах, но, может быть, еще в большей степени, системы народного образования, армии, спорта и пр.²⁸ Действительно, простому болгарину трудно было понять, почему вместо привычных триместров в школе были введены учебные четверти, а оценка знаний учащихся проводилась не по шести-, а по пятибалльной системе, почему учебные программы стали буквально повторять советские и чем фиолетовые чернила, которыми писали советские школьники и которые начали использоваться в болгарской школе, лучше традиционных для нее синих? Готовность к копированию иной раз принимала странные формы: например, заимствуя названия спортивных обществ, ретивые болгарские чиновники с легкостью превратили популярный клуб имени Васила Левского в «Динамо», волевым порядком, несмотря на массовые протесты, «учредили» спортивные общества «Торпедо», «Спартак» и даже «Урожай», хотя такого слова в болгарском языке попросту нет, а есть слово «реколта». Недоумение населения вызвало введение советского образца формы одежды военнослужащих, железнодорожников, учащихся ремесленных училищ. Наконец, нельзя не отметить недовольство в связи с функционированием института советских советников. В документах советского посольства это недовольство характеризовалось как «естественное», поскольку пребывание советников и специалистов являлось «дорогим удовольствием», обходилось государству в круглые суммы, а условия труда и быта собственных специалистов существенно уступали тем, что создавались для советских представителей²⁹. Иными словами, в болгарском обществе постепенно накапливались критические настроения, хотя до достижения опасной для режима «критической массы» недовольства дело не дошло.

В августе 1953 г. в СССР по инициативе Г.М. Маленкова был принят новый экономический курс, предполагавший сокращение производства средств производства («группа А») при одновременном росте производства товаров потребления («группа Б»). Смелый для того времени и, несомненно, привлекательный для трудящихся альтернативный план противоречил, тем не менее, всей логике существования советской системы, мог быть реализован только на пути решительного разрыва с послевоенной концепцией развития страны, кардинального обновления общества. Требовался полный пересмотр стратегии укрепления военного потенциала СССР, «завязанной» на сохранении его статуса как великой державы. На преимущественное развитие тяжелой промышленности был рассчитан пятый пятилетний план (1951-1955 гг.), во исполнение которого уже полным ходом шло строительство гигантских гидроэлектростанций, каналов, секретной трансполярной железнодорожной магистрали и других «великих строек коммунизма». «Новый курс» порождает массу вопросов относительно возможности его реализации. Неоднозначным было отношение к нему и в странах «социалистического лагеря», что обуславливалось, помимо принципиальных оценок «нового курса», предстоящим пересмотром прежней экономической стратегии и вытекавшими из этого трудностями и неясностями.

Болгарское руководство, с энтузиазмом воспринявшее ранее концепцию индустриализации страны, имевшую в хозяйственных и политических кругах немало горячих сторонников³⁰, оказалось перед перспективой резкой перестройки. Уже 18 августа 1953 г. Политбюро ЦК БКП постановило организовать изучение коммунистами доклада Маленкова на сессии Верховного Совета СССР^{ad}. Был принят ряд важных экономических решений: о снижении темпов индустриализации, увеличении инвестиций в жилищное строительство и в систему охраны труда, улучшении снабжения населения и снижении цен на товары широкого потребления, уменьшении государственных поставок и повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, обеспечении легкой и перерабатывающей промышленности необходимым сырьем и пр.³¹ Вместе с тем в Софии испытывали явное замешательство, слабо представляя себе, как можно увязать новый подход с перспективным планом на вторую пятилетку (1953-1957 гг.), традиционно исходившим из приоритета тяжелой промышленности. В октябре болгарские руководители попросили принять болгарскую делегацию в Москве: «...Мы бы очень хотели посоветоваться»³².

К приезду болгар советская сторона подготовила «для внутреннего пользования» ряд документов по экономическим и политическим вопросам, в создании которых участвовали аппараты ЦК КПСС и МИД СССР³³.

Проект директив по пятилетнему плану советская сторона тщательно проанализировала с позиций «нового курса». Были подготовлены конкретные рекомендации – перенацелить капиталовложения, увеличив их долю в сельском хозяйстве за счет промышленности, ускорить темпы развития пищевой промышленности, пересмотреть объемы производства товаров широкого потребления, в частности, увеличить выпуск хлопчатобумажных и шерстяных тканей, обуви и пр. Советских экспертов насторожила отраженная в проекте плана грандомания, например, увлечение болгар строительством объектов энергетики, причем в размерах, не вызывавшихся потребностями народного хозяйства, или возведением второй очереди металлургического завода при отсутствии в стране собственного коксующегося угля³⁴. Однако, судя по воспоминаниям Червенкова, приоритет на декабрьской встрече в Москве был отдан все же политическим вопросам. В эпицентре критики оказался вопрос о культе личности болгарского руководителя, обвиненного вдобавок еще и в насаждении в Болгарии культа личности Сталина³⁵. Общую тональность встречи Червенков позднее определил следующим образом: «Нас позвали в Москву, чтобы поставить на вид за то, что мы с усердием стремились учиться на опыте КПСС». Не спасло положения даже понимание советской стороной, что в основе негативных явлений лежала советская практика («Патент не ваш, патент – наш», – констатировал по ходу встречи Маленков³⁶). Отчетливо выявилось желание Москвы сконцентрировать все внимание на фигуре Червенкова как носителя «культовых» проявлений, что неизбежно превращало его в искупительную жертву. Однако произошло это не сразу.

После визита в Москву В. Червенков выступил, причем неоднократно, с критикой собственного культа личности, отказался в соответствии с решениями январского пленума ЦК БКП (1954 г.) от поста руководителя партии, сохранив за собой главенство в правительстве, то есть как бы реализовал принцип «коллективного руководства». Однако практическое руководство работой Политбюро также *по решению пленума* было поручено Червенкову. Кроме того, он возглавил комиссию по подготовке новой программы БКП³⁷.

Основные выводы январского пленума продублировал в своих политических решениях VI съезд БКП (февраль-март 1954 г.). Принятые на нем документы непосредственно отразили рекомендации советской стороны, сделанные во время визита болгарской делегации в декабре 1953 г. В записке П.Н. Поспелова и И.Т. Виноградова на имя Н.С. Хрущева от 8 марта 1954 г. с удовлетворением указывалось, что по возвращении из Москвы Червенков принял меры, чтобы «основательно поправить положение»³⁸.

Действительно, в стране наметились существенные перемены. Изменение режима государственных поставок и системы закупочных цен несколько улучшило положение крестьян, что снизило социальное напряжение в деревне. Легче вздохнули ремесленники и торговцы в городах: уменьшилось налоговое бремя, выплачивались компенсации за национализированные после 1947 г. мелкие предприятия. В результате массовой амнистии более 40% заключенных получили свободу, закрылись лагеря, был смягчен наказательный уклон в работе судов. Судя по всему, болгарское руководство достаточно оптимистично оценивало перспективы. Выступая 17 апреля 1954 г. на встрече членов Политбюро с ответственными сотрудниками госбезопасности, Червенков с подъемом говорил: «Сейчас есть возможность по-мужски приняться за решение задачи сделать трудящихся города и села зажиточными, все полнее удовлетворять их нужды и потребности. Быстрый рост материального благосостояния даст небывалый до сих пор толчок их культурному росту, вызовет небывалый расцвет нашей национальной культуры, небывалую политическую активность»³⁹.

Доступные источники отражают достаточно спокойную реакцию коммунистов на самокритичные выступления Червенкова. «Среди партактива и в партийных организациях постановка вопроса о ненужности и вреде культа личности была быстро и положительно воспринята, – сообщал позднее советник посольства Л.И. Крылов в Москву. – Очевидно, что многие в душе давно усомнились в правильности существующего положения, но не решались говорить открыто. После выступлений Червенкова всякие внешние проявления особого почитания его личности прекратились, и обстановка стала вполне нормальной»⁴⁰.

Показательно, что среди болгарских коммунистов проявились в то время и другие представления о носителях культа личности в собственной стране.

В марте 1954 г. один из делегатов VI съезда БКП через советское посольство обратился к секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову с характерной просьбой – «помогите партии». В подробном письме, написанном в целях конспирации печатными буквами, резко критиковался созданный в БКП режим «удушения критики», подчеркивалось, что в партии существует культ личности г. Чанкова, Т. Живкова и А. Югова. «Чанков и Живков, – указывал анонимный автор, – сделали из ЦК свой орган, включили в его состав всех своих друзей, ставших верноподданными. ...Плохо, что Червенков...верит им безрезервно⁴¹...» Касаясь работы съезда, автор письма сообщил, что по ходу съезда Живков лично инструктировал секретарей окружных комитетов партии, чтобы, демонстрируя единство, они воздержались от критики. Речи выступавших предварительно просматривались, а голосование было организовано таким образом, что внести изменения в бюллетени было невозможно. Делегаты не получили никаких объяснений по поводу происшедших в отчетный период изменений в составе ЦК и Политбюро, затронувших, в частности, известных партийных функционеров Т. Черноколева, И. Винарова, К. Добрева, Д. Ганева, г. Грозева. Коснулся автор и общественных настроений: «Положение народа все еще очень тяжелое. Крестьяне сильно колеблются...»⁴².

Практика апелляции к советскому руководству получила в Болгарии определенное распространение. Месяцем позже, в апреле 1954 г. с личным письмом к Г.М. Маленкову обратился через советского консула в г. Русе болгарский гражданин Коста Момчилов. Его письмо также заключало просьбу «оказать помощь» болгарской компартии и народу. Сообщая факты, компрометирующие некоторых партийных функционеров (Г. Чанкова, Р. Дамянова, Д. Нейкова, М. Минчева, П. Пеловского), автор указывал на проводимую руководством «политику по ликвидации старых кадров». В аппарате окружных и околийских комитетов, утверждал он, сейчас почти не осталось старых партийных кадров. В Русенском округе нет ни одного коммуниста с партийным стажем до 9 сентября 1944 г., который не стал бы объектом острой критики и не был «в той или иной степени дискредитирован». Характерна концовка письма: «Единственная надежда на Вас, товарищ Маленков...»⁴³. Проведенная советской стороной проверка, результаты которой были переданы в секретариат Маленкова, показала, что автор письма Коста Момчилов характеризовался как «человек преданный, заслуживающий доверия». Однако предложение посла

Ю.К. Приходова, поддержанное руководством Министерства иностранных дел, переслать письмо непосредственно Червенкову не получило одобрения в аппарате ЦК КПСС. Там сочли, что документ содержит «много непроверенных фактов», и по этой причине он был передан в архив⁴⁴.

Хотя сами по себе обращения к советским руководителям были весьма показательны, отражая не только неблагополучие в стране, но и неверие в способность и желание собственных лидеров восстановить справедливость, масштаб и характер перемен в Болгарии в целом в тот момент с удовлетворением были восприняты в Москве. Но к середине 1954 г. оценки обстановки в стране начали меняться. В июне на V сессии СЭВ, обсуждавшей вопросы специализации стран-участниц, Болгарии было предложено сосредоточиться на производстве традиционных сельскохозяйственных культур, развивать легкую и пищевую промышленность. Болгарская делегация выразила несогласие с «коллективным мнением», расценив рекомендации как фактическое свертывание индустриальной «составляющей» национальной экономики. Особая позиция болгарских представителей вызвала недовольство в Москве. В Отделе ЦК по связям с иностранными компартиями, по всей видимости, сочли нужным «приструнить» болгар. Была начата подготовка соответствующего письма ЦК КПСС в ЦК БКП. Самым свежим критическим материалом на тот момент оказалась шифртелеграмма из советского посольства в Софии, полученная в августе 1954 г., о серьезных недостатках в руководстве сельским хозяйством со стороны ЦК БКП. Она и была использована в подтверждение неполадок в руководстве страной. 25 августа проект письма за подписью М.А. Суслова и В.П. Степанова был разослан членам Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК. Основное внимание авторы акцентировали на обстановке в руководстве БКП: отсутствии «необходимой коллективности в работе и свободного обсуждения вопросов», пассивности членов Политбюро «из-за боязни допустить ошибку и упасть в опалу». Заключал письмо «товарищеский совет» – «...в ближайшее время провести в ЦК БКП откровенный обмен мнениями об отношениях между членами Политбюро, обеспечить подлинную коллегиальность и свободный обмен мнениями в Политбюро с тем, чтобы на заседаниях Политбюро каждый член Политбюро по любому вопросу мог свободно высказывать свои соображения»⁴⁵. Хотя ни одно имя в документе не было названо, его «античервен-

ковская» направленность очевидна, поскольку именно он, как говорилось выше, непосредственно руководил работой Политбюро.

Инициатива Суслова и Степанова, однако, в тот момент не была поддержана, поскольку готовилась поездка правительственной делегации СССР в Болгарию. Письмо в ЦК БКП отправлено не было⁴⁶.

Более того, документы свидетельствуют, что в то время в глазах советских наблюдателей, работавших в стране, Червенков явно выделялся в лучшую сторону из числа его соратников. В информационных донесениях отмечались его «общий высокий авторитет, опыт руководящей работы и идейный уровень», делавшие его «преобладающей фигурой среди остальных членов Политбюро». «В то же время избранный на пост Первого секретаря ЦК Тодор Живков не имеет того веса и авторитета в партии, каким бы должен обладать Первый секретарь Центрального комитета», – отмечалось в одной из справок посольства СССР в Софии⁴⁷. Заслуживает внимания также вывод о том, что Червенкову было бы целесообразнее сосредоточиться на работе в ЦК БКП, усилив тем самым своим авторитетом роль ЦК, а на пост главы кабинета «выдвинуть другого товарища» (Показательно, что Живков как возможный кандидат в премьер-министры при этом не упоминался)⁴⁸. Заметим, что и сам Червенков в беседе с послом Приходовым 28 февраля 1955 г. дал понять, что недоволен своим переходом на государственную работу, предпочитая ей партийную, что «такое разделение постов было проведено под впечатлением его бесед в Москве»⁴⁹. Документы фиксируют недовольство создавшимся положением и Т. Живкова, неоднократно жаловавшегося «советским друзьям», что в Болгарии роль ЦК принижена, что Совет министров (читай: Червенков. – Т.В.) руководит ЦК партии, а не наоборот⁵⁰. Не в это ли время начинает завязываться тугий узел противостояния Червенков – Живков, проявившегося уже на апрельском пленуме 1956 года?

В первой половине 1950-х гг. активизировалась болгарская интеллигенция, особенно творческая. В условиях начавшегося, правда, пока еще робкими темпами, культурного обмена, наблюдался сильный всплеск критики канонизированного метода социалистического реализма, зазвучали призывы к его раскрепощенной трактовке. Важную роль в этом процессе сыграла выставка польского плаката в декабре 1954 г. Случайно или нет, выставка совпала с экспозицией болгарских плакатистов. Сравнение оказалось до такой степени

не в пользу хозяев, что вызвало в культурных кругах подобие шока: «современному, оригинальному, стилизованному, метафоричному, насыщенному неожиданными цветовыми решениями» творчеству поляков, пишет болгарская исследовательница Н. Христова, противостояли «серость», «примитивизм и схематизм» болгарских экспонатов⁵¹. Не меньшим потрясением стали состоявшиеся годом позже в Софии выставки полотен Ренато Гуттузо и произведений мексиканских художников.

Не остались в стороне и болгарские писатели. На страницах газеты «Литературен фронт» под рубрикой «Трибуна писателя» находили отражение «крамольные» мысли о свободе мнений и личного эстетического выбора писателей, о праве на критический подход к социалистической реальности. Вряд ли можно считать случайным, что на протяжении октября-декабря 1955 г. Политбюро шесть раз встречалось с писателями-коммунистами⁵². Цель этих встреч была очевидной – контролировать ситуацию и блокировать нежелательные настроения в писательской среде.

Положение на культурном фронте оставалось сложным и неоднозначным вплоть до середины 50-х годов, отражая объективные противоречия и борьбу радикально и умеренно настроенной творческой интеллигенции. Дискуссии в творческих кругах не носили, как правило, открытого характера, оставаясь достоянием участников общих собраний творческих союзов и их первичных партийных организаций.

Документы показывают, что вопросы идеологической работы БКП среди интеллигенции постоянно находились в поле зрения советских дипломатов. Регулярные констатации ими отдельных «нездоровых» проявлений для болгарского руководства не были новостью. Но, отмечая наблюдавшиеся, например, в творческих союзах (особенно писателей и художников), групповщину, напряженные отношения между отдельными членами и руководителями, проявления декадентства и прочие недостатки, болгарские функционеры на том этапе не видели в них чего-то особо тревожного, считали, что ситуацию можно легко поправить, организовав правильное партийное «руководство»⁵³.

1955 год знаменовался для Болгарии серьезными переменами. В январе после отставки Маленкова с поста главы правительства была вновь пересмотрена советская экономическая стратегия. Новая геополитическая ситуация, возникшая в результате расширения НАТО за счет вступления в него Герма-

нии и Италии, актуализировала задачу форсированного развития советской оборонной и тяжелой промышленности и добывающих отраслей. Предстояло адаптироваться к новым условиям и странам «социалистического лагеря». В конце октября 1955 г. Н.С. Хрущев в записке в ЦК КПСС изложил свое видение перспектив развития советского блока. Перед Болгарией была поставлена задача стать «витриной социализма» для соседних Турции и Греции – членов НАТО. При этом, как и летом 1954 г., Москва по-прежнему связывала перспективы болгарской экономики с преимущественным развитием сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности с учетом поставок соответствующей продукции в страны СЭВ. Создание тяжелой промышленности и особенно черной металлургии и машиностроения считалось нецелесообразным. Хрущев предлагал форсировать кооперирование болгарской деревни с тем, чтобы завершить его в ближайшие 2-3 года. Направленное в ЦК БКП для ознакомления⁵⁴ письмо с изложением позиции Хрущева стало для болгарской стороны руководством к действию. На прошедших в декабре 1955 г. двух пленумах ЦК БКП Червенкову удалось преодолеть критический настрой части делегатов и добиться, чтобы советы и указания советской стороны были оформлены как собственные решения компартии. Уже в первые месяцы 1956 г. волна кооперирования захлестнула ранее считавшиеся в этом плане «неперспективными» горные и предгорные районы страны, сопровождаясь сильными перегибами и массовым недовольством крестьян⁵⁵.

Косвенно о настроениях населения в целом можно судить по содержанию листовок, время от времени сбрасывавшихся над территорией страны самолетами-нарушителями, как это, в частности, имело место в апреле, мае и октябре 1955 г. Характерно, что листовки нередко имели конкретного адресата – крестьян, пограничников, молодежь, студентов. Как правило, авторам листовок удавалось достаточно точно нащупать «болевые точки» в нуждах и настроениях разных слоев населения, формулируя требования введения выгодных для крестьян закупочных цен на зерно, снижения размеров госпоставок, удаления коммунистов-«трутней» из ТКЗХ, призывая не подписываться на государственные займы, протестовать против социально-классовой квоты при зачислении в вузы и пр. Антиправительственная и антисоветская направленность листовок выражалась в призывах «к болгарину» служить народу, а не коммунистам, быть «настоящим сыном народа, а не презренным коммунистичес-

кой слугой», в осуждении «московских империалистов», «коммунистической тирании», «антинародной власти», регулярно отправлявшей болгарское зерно в СССР, где «царят голод и нищета», «тупоголовых безумцев, которые все еще пытаются навязать нам систему, не применимую в Болгарии». Студентам предлагалось не только бойкотировать лекции советских профессоров и преподавателей, высмеивать «научную ценность теорий Мичурина и Лысенко и гениальных советских изобретателей типа Попова и др.», но и проникать в государственный и партийный аппарат, в руководство молодежных организаций «для саботажа и взятия врага изнутри» и пр.⁵⁶ По дипломатическим каналам информация подобного рода достаточно оперативно направлялась в Москву и, обобщенная в справках и аналитических записках, поступала «наверх».

Сложившаяся в стране обстановка рождала у советской стороны сомнения в том, что при Червенкове Болгария сможет быстро превратиться в стабильного внешнеэкономического партнера. В силу этого его фигура стала стремительно обрастать негативными характеристиками. Припомнились его «культ», готовность воспринять «новый курс», расценивавшаяся теперь как притязание стать «болгарским Маленковым». Советское руководство все определеннее делало ставку на нового потенциального лидера, каковым в его глазах к тому времени являлся Тодор Живков⁵⁷.

В целом на протяжении 1953-1955 гг. процесс либерализации развивался в Болгарии медленно и непоследовательно, что, впрочем, следует признать вполне закономерным после периода абсолютного господства догматизма во всех его аспектах и при фактическом сохранении у руля власти старых кадров сталинистов. Явное отсутствие у болгарского руководства самостоятельной концепции «десталинизации» усиливало роль и влияние советского фактора, готовность воспринимать любые указания и советы Москвы, некритически руководствоваться советским опытом.

В осторожно-опасливой позиции болгарской стороны мало что изменил и XX съезд КПСС. В «верхах» испытали настоящее потрясение. Червенков, считая критику Сталина «односторонней», «небрежной», «грубой и недальновидной», признавался позднее, что поначалу «не мог осознать и воспринять прочитанное»⁵⁸. Некоторые его соратники считали, что он выбит из седла, не способен на какие-либо активные действия⁵⁹. Общество переполняло слухи, разного рода суждения, мнения, в том числе и полярные. Люди верили им

и не верили. Ликование, негодование, страх, недовольство советским руководством, переплетаясь с комментариями заграничных «голосов»⁶⁰, создавали в болгарском обществе сложную гамму настроений.

Власть демонстрировала определенное замешательство, о чем свидетельствовало отсутствие в болгарской прессе вплоть до середины марта каких-либо самостоятельных проблемных материалов. Дело ограничивалось перепечаткой статей из «Правды» по рассмотренным на партийном съезде вопросам. Явно не спешил Червенков и с проведением пленума ЦК БКП, что, кстати, породило слухи об отсутствии в Политбюро единства: в качестве оппонентов Червенкова назывались А. Югов, г. Чанков и Т. Живков. Отсутствие Первого секретаря ЦК Живкова в составе болгарской делегации на XX съезде расценивалось как неблагоприятный признак: по слухам готовилось его смещение с ответственного партийного поста⁶¹.

Ситуация получила разрешение после поездки в Москву в конце марта членов Политбюро ЦК БКП почти в полном составе. На двусторонней встрече был решен вопрос о предстоящем пленуме ЦК БКП и кандидатуре будущего руководителя партии. На болгарском политическом небосклоне уверенно восходила звезда Живкова...⁶²

Апрельский пленум ЦК БКП, призванный извлечь «уроки» из решений XX съезда, принял половинчатые и общего характера постановления. Он был, по оценке болгарского историка В. Мигева, явлением «средней величины», всего лишь «бледной копией XX съезда»⁶³. С точки зрения формы и содержания заслушанных на нем доклада и выступлений с этим, безусловно, можно согласиться. Однако по своему главному результату пленум, несомненно, стал знаковым событием в новейшей болгарской истории. Фактически на нем Живков, демонстрируя «особые отношения» с советским руководством и лично Хрущевым, сумел расчистить для себя политическое «поле» и без принятия соответствующего решения (в этом, надо отдать ему должное, он перешеголял Червенкова) сделать свою власть легитимной⁶⁴, стать единоличным лидером партии. Не случайно позднее пленум станет объектом безудержного восхваления и апологетики «апрельского духа», «апрельского поколения», биения «апрельских сердец», а для многих писателей, поэтов, художников обязательным атрибутом демонстрации их «правотности» и лояльности режиму⁶⁵, открывавшей, кстати, многие заветные двери на пути к карьерному росту и материальному благополучию.

Проходил пленум в обстановке секретности, пресса молчала, по ходу заседаний неоднократно именно Живковым внимание делегатов заострялось на необходимости сохранять служебную тайну. В боевую готовность были приведены мотострелковые части, дислоцировавшиеся в окрестностях Софии. Критические выступления, выдававшие надежды на откровенную и самокритичную дискуссию и серьезные изменения в составе и функционировании властных структур, упоминание, в частности, «нашего будущего XX съезда» были единичными и, что называется, задавлены на корню. Так, в частности, произошло с попытками бывшего заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта Йонко Панова привлечь внимание делегатов к наболевшим, по его мнению, вопросам партийной и государственной жизни. Характерно, что именно в связи с острокритическим выступлением Панова на пленуме была создана специальная комиссия для выявления каналов «утечки информации». Явно нагнетая обстановку, Живков заявил, что «во всей этой работе задействованы и иностранные разведки»⁶⁶.

Чего же так боялось руководство? Косвенный ответ на этот вопрос прозвучал во время развернутой после пленума кампании по разъяснению партактиву решений XX съезда и апрельского пленума. Информация о «секретном докладе» Хрущева, безусловно, стала потрясением для многих членов партии. Вместе с тем сравнительно быстро выявилось различие в реакции некоторых коммунистов на московские и свои собственные реалии. События в Советском Союзе, вспоминал журналист Георгий Марков, оставались «чужой драмой, которая могла затронуть нас косвенно, а могла и не затронуть...»⁶⁷. Подтверждает подобную оценку тот факт, что часть партийцев предлагала рассматривать материалы XX съезда (их изучение было объявлено обязательным) как документы, которые не следовало «пропускать через ...[болгарскую] действительность»⁶⁸. Но, как оказалось, доминировали все же другие настроения. Очень скоро выявилось, указывает И. Баева, что отсутствие в печати информации о пленуме ЦК БКП вызвало к жизни интересное явление: именно проработка «секретного доклада» Хрущева временно сняла преграды в обсуждении недостатков функционирования системы у себя дома⁶⁹. Из советского посольства сообщали, что на собраниях партактива в Сталинском и Коларовградском округах, например, было задано почти по 200 вопросов, касавшихся культа личности Червенкова, работы Совета министров и ЦК партии⁷⁰. Есть интересные

наблюдения о том, как понимался и понимался ли рядовыми коммунистами культ личности. «...Культ нам непонятен, – вспоминал позднее бывший партработник из Пловдива Цв. Сыбев. – Культ – это культ. (Мы впервые слышим, что это церковное слово относится к политической сфере). Прежде всего, нам кажется, что этот недуг существует где-то в далеких от нас и непонятных нам управляющих верхах. А нам следует решать насущные хозяйственные вопросы...»⁷¹. Эта крайне любопытная констатация дает основание предположить, что в свое время и самокритика Червенкова вполне могла вызвать аналогичную реакцию, не воспринимаясь так остро, как разоблачение культа личности Сталина в СССР.

Документы свидетельствуют, что на собраниях люди требовали объяснений провалов в экономике, злоупотреблений властью, нарушений законности, констатировали необходимость радикальных перемен в партии и государстве. «Возникло сильное брожение, – вспоминал позднее Л. Аврамов, в те дни первый секретарь Димитровского райкома партии в Софии. – Многие считали, что пришло время сменить руководство партии, партийных организаций и чуть ли не создать новую партию»⁷². (Несколько позднее, осенью 1956 г., интеллигенция Сталинского округа предприняла попытку такую партию создать, назвав ее «реалистической»⁷³). На местах отчетливо проявились настроения расширить круг виноватых, строго спросить с соратников Червенкова, в том числе с Живкова, еще вчера ревностно выполнявшего все распоряжения «хозяина»⁷⁴. Особенно остро проходили обсуждения в низовых парторганизациях. В с. Дылгопол Сталинского округа снятие Червенкова с поста председателя Совета министров одобрили менее половины участников собрания, многие открыто сожалели, что с ним «так круто поступили». Далеко неоднозначной оказалась реакция на события в Софии среди военных моряков, считавших, что «слишком перегнули» с Червенковым, снимать надо было и других членов Политбюро. Звучали негативные характеристики нового главы правительства Антона Югова – карьерист, подхалим, неглубокого ума, самовлюбленный тип и пр. Член Военного совета ВМФ Янков заявил консулу Л.Т. Шмакову: с освобождением Червенкова «потеряли надежного друга Советского Союза, чего нельзя сказать о его преемнике». Ветеран БКП Н. Николов, вернувшись с пленума, поделился со Шмаковым: «Югов и Чанков приложат все усилия, чтобы убрать В. Червенкова, а для пользы дела было бы лучше [сделать] наоборот».

Еще более откровенен был председатель Окружного совета П. Бомбов: «Вопрос о Червенкове готовился в течение ряда лет, это было всесторонне продумано, выбран подходящий момент, и дело доведено до конца с большим мастерством. ...Какая подлая работа сейчас ведется против Червенкова, трудно себе представить. ... Югов добился своей цели, но плохой из него будет председатель Совета министров, да и народ его не любит»⁷⁵. Характерно, что во многих «первичках» были приняты резолюции, зафиксировавшие требование созвать чрезвычайный съезд партии.

В Секретариате ЦК БКП особенно внимательно отслеживали информацию о настроениях в армии. В частности, стало известно, что в Управлении тыла, Министерстве обороны, Военной академии имени Г.С. Раковского, в 1-ом стрелковом корпусе имели место «антипартийные высказывания», некоторые коммунисты колеблются, «еще не разоружились» [перед партией] или «формально приняли решения апрельского пленума». Особенно тревожными были сообщения о конфиденциальных разговорах военных, считавших, что в руководстве БКП отдельные «группы» ведут между собой карьеристскую борьбу, претендуют на высокие посты. Назывались «группы» Д. Терпешева, г. Чанкова, А. Югова, Т. Живкова⁷⁶. (Можно ли считать простым совпадением, что позднее Живков последовательно уберет всех этих соратников из руководства партией и государством?)

Советские дипломаты фиксировали критические замечания и в адрес советского руководства. Так, в беседе 29 ноября 1956 г. с советником советского посольства в Вене Дзюбенко болгарский посланник Ангелов заметил, что не только в Болгарии «ничего не делается для изменения положения», «не извлечены уроки из прошлых ошибок», но что и в Советском Союзе и Румынии он также не видит серьезных перемен. Ангелов заявил о своем несогласии с советскими товарищами, «отрицающими наличие связи культа личности с системой» (курсив мой. – Т.В.)⁷⁷. Хотя у нас нет подтверждений, что подобная оценка была широко распространена в болгарском обществе, ее важный принципиальный характер от этого не меняется.

Примечательно, что из крестьянской среды с ее «заземленными» представлениями и житейской мудростью поступали предостережения к партийцам смотреть в оба и «не наплодить культиков»⁷⁸. Забегая вперед, заметим, что уже вторая половина 60-х годов подтвердила справедливость подобных

опасений⁷⁹. «Культики»-таки возникли, поразив всю властную «вертикаль» – от районных до окружных комитетов партии...

Советская сторона внимательно анализировала положение в стране после апрельского пленума. В одной из справок советского посольства, датированной 3 августа 1956 г., особо указывалось на общую слабую информированность партийной массы («коммунисты питаются слухами с улицы или пользуются информацией западных радиостанций»), «однобокость» разъяснительной работы, сконцентрированной единственно на личности Червенкова. Внимание советских дипломатов привлекли факты, подтверждавшие распространение «нездоровых» взглядов среди творческой интеллигенции: отрицание руководящей роли компартии в идеологической жизни, осуждение «вмешательства» БКП в дела печати, литературу и искусство, проповедование «мелкобуржуазных» лозунгов «свободы вообще», «свободы критики», «свободы печати». Прозвучавшие в ряде парторганизаций требования созыва чрезвычайного съезда авторы документа сочли вредными, с удовлетворением отметив, что болгарская сторона отреагировала своевременно и добилась повторного проведения партсобраний с осуждением подобных «антипартийных выступлений». В целом указанная справка отчетливо отразила намерение советских наблюдателей сориентировать «болгарских друзей» на усмирение критической волны, как это было сделано в Советском Союзе, где с весны 1956 г. наблюдался явный откат от решений XX съезда, а уже 30 июня было принято известное постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». В современной историографии этот документ справедливо оценивается как «манифест послесталинского консерватизма», его идеологическое обоснование⁸⁰.

Обращает на себя внимание такой характерный момент, как четкое понимание частью общества несамостоятельности политики болгарского руководства, сочетавшейся вместе с тем с его готовностью ступать след в след за Москвой. На собрании партактива Софии 11 апреля после выступления Т. Живкова, заявившего в очередной раз о «смелости и решимости ЦК вынести на повестку дня пленума и решить вопросы, связанные с культом личности» Червенкова, из зала неожиданно прозвучала реплика секретаря парткома Механико-электротехнического института Т. Петкова: «Что вы важничаете, товарищ Живков? Ведь вся ваша смелость идет из Москвы»⁸¹. Обстановка

накалилась, последовали «неудобные» вопросы. Живков реагировал жестко, подчеркнув, что партия не допустит анархии и беспорядков и что соответствующим органам даны на этот счет четкие указания. О том, что Петков озвучил мысли многих, свидетельствовал, в частности, получивший широкое хождение в народе следующий анекдот: «Тонет в реке человек. Ему на выручку смело бросается Гарабед и спасает утопающего. Славят его как героя! А Гарабед мечется тем временем по берегу, ищет, кто же столкнул его в воду?»

Заметим, что именно со стремительным возвышением Живкова связано бурное развитие в стране «устного творчества». Речь идет о феномене политического анекдота – особой субкультуры, существующей в условиях цензуры, показателя состояния демократии. Анекдоты лаконично комментировали и «объясняли» реальную действительность, превратились, наряду со слухами, в атрибут закрытого общества и дожили как особый жанр вплоть до крушения коммунистического режима в конце 80-х годов⁸². Намеренно утрируя ситуацию и сгущая краски, анекдоты выполняли функцию своеобразного увеличительного стекла: показывали несовершенство общества, высмеивали лидеров и демонстрировали пороки самой системы⁸³. Последнее обстоятельство объясняет, почему некоторые анекдоты отличались «интернациональным» характером: их можно было услышать в похожем варианте в разных странах «социалистического лагеря».

После апрельского пленума процесс либерализации в стране не просто начал пробуксовывать. Распространение критических настроений заставило власть перейти в контрнаступление против «разгула мелкобуржуазной стихии», «оживления гнилых элементов в партии». Последовала череда увольнений журналистов и старших армейских офицеров, допустивших наиболее резкую критику «верхов» или выразивших несогласие с партийными решениями.

Летом – осенью 1956 г. «социалистический лагерь» сотряс первый системный кризис. События в Познани, однако, вызвали не столь острый резонанс и среди населения, и в болгарском руководстве, как позднее венгерские. Судя по имеющимся у нас документам, власти отреагировали на волнения в Польше, главным образом, в связи с передачами радиостанции «Горянин»⁸⁴, призывавшей «повторить Познань» во время Международной ярмарки в Пловдиве, традиционно открывавшейся 1 сентября. Местная милиция перешла на

усиленный режим работы, были проведены военные маневры (!), что, между прочим, вызвало недоумение советской стороны⁸⁵. Хотя открытые проявления недовольства среди населения были незначительными и имели локальный характер (отмечены были на паровозостроительном заводе в Софии и заводе № 10 в Казанлыке), в советском посольстве все же посчитали, что болгарское руководство не сделало необходимых выводов из польских событий. Временный поверенный в делах СССР в Болгарии А. Порываев сообщал министру иностранных дел Д.Т. Шепилу 3 августа 1956 г.: «Среди болгарского руководства, особенно на местах, чувствуется некоторая самоуспокоенность. Друзья расценивают обстановку в стране в целом как благоприятную и не допускают возможности возникновения каких-либо инцидентов». В документе указывалось, что посольство обратило внимание «болгарских друзей» на необходимость усилить бдительность и извлечь уроки из «нездоровых проявлений в других странах народной демократии»⁸⁵.

Совет был услышан, о чем свидетельствовало и поведение властей во время венгерских событий. Была усилена охрана важных объектов, государственных и общественных зданий, введены проверка документов и вооруженное патрулирование в городах в вечернее время, приостановлена выдача загранпаспортов, закрыта государственная граница, в том числе и для въезда болгар, оказавшихся за пределами страны. Подверглись превентивному аресту несколько сот человек «из числа наиболее опасных, враждебно настроенных к народному строю лиц». К таковым, как следовало из процитированной докладной записки министра внутренних дел г. Цанкова в Политбюро ЦК БКП от 8 ноября 1956 г., были отнесены бывшие члены оппозиционного БЗНС (Никола Петков), бывшие офицеры, полицейские, «фашистские управители», капиталисты, бывшие деятели буржуазных партий, анархисты, духовенство, кулаки и прочие «антинародные элементы». Всего под арест были взяты 564 чел., причем, большая часть (374) – по линии госбезопасности, и 190 чел. – милиции⁸⁶. Вновь распахнулись ворота закрытого в период борьбы с культом личности концлагеря в Белене; «с превентивной целью» из столицы были выселены сотни семей, около 500 «социально-чуждых» студентов были исключены из вузов. Началась чистка в БКП.

Власти на местах оказались перед необходимостью парировать волну ширившихся слухов о предстоящих переменах, среди которых доминировали

слухи о роспуске ТКЗХ. Иностранная печать сообщала о высадке в Варне советских танковых частей и их дислокации по Черноморскому побережью «для предотвращения беспорядков»⁸⁷, что потребовало специального опровержения. Общественные настроения отразили события в Варненском и Коларовградском округах, где участились поджоги кооперативного имущества и был убит председатель кооператива в с. Калново. В Толбухинском округе были зафиксированы угрозы в адрес председателя ТКЗХ и сельсовета – «Уйдите добровольно, настал конец вашим порядкам!», было найдено оружие и патроны у бывших офицеров, что получило соответствующую интерпретацию как «активизация» старого офицерства. В Софии отдельные коммунисты получили письма с угрозами, что если они выйдут на демонстрацию 7 ноября, то их головы «покатятся по улицам», и пр.⁸⁸. В Институте народного хозяйства в Варне студенты выразили недовольство обязательным изучением русского языка и основ марксизма-ленинизма. Прозвучали призывы добиться от правительства уступок по этим вопросам по примеру венгерского студенчества. Немало слухов возникло и в связи с переименованием г. Сталина в Варну. В связи с этим консул Л.Т. Шмаков сообщал в посольство: «Болгары поторопились, и досадно то, что это совпало с польскими и венгерскими событиями». Реакцию дипломата можно понять, поскольку среди рабочих и «даже партактива» пошли разговоры о том, что переименование означает отказ от прежнего пути партии и правительства, переход к «новому курсу», свидетельствует о «нажиге со стороны Югославии»⁸⁹.

Прошедший 31 октября 1956 г. пленум ЦК БКП, специально посвященный событиям в Польше и Венгрии, вскрыл острую нехватку объективной информации не только среди рядовых коммунистов, но и среднего звена. В силу этого на пленуме была сформулирована задача «вооружить» партактив информацией, перейти к разъяснительной работе в массах. Но, вероятно, более эффективными в глазах некоторых участников пленума выглядели иные действия. Был, например, поднят вопрос о возврате личного оружия «старым активистам, партизанам, политзаключенным и др.», прозвучало предложение вернуться к былой традиции ношения личного оружия офицерами, которые прежде «никогда не ходили по улицам с голыми руками». (Забегая вперед, заметим, что в ноябре 1956 г. на местах выдвигались требования вооружить «руководящих товарищей» в деревне). Очевидно, что эти предложения отразили

страх руководителей разного уровня перед собственным народом. На пленуме конкретного решения на этот счет принято не было, но и с повестки дня вопрос этот не был снят. Т. Живков предложил вернуться к нему позднее⁹⁰.

Принципиальный характер приобрела констатация на пленуме необходимости блокировать главный источник возможного «неожиданного» поворота событий в стране – «нездоровые партийные элементы», без которых, по словам Живкова, «ни в одной из стран народной демократии... контрреволюция не может начаться». Особые опасения, как показали выступления некоторых функционеров, вызывала приписывавшаяся этим «элементам» готовность апеллировать к «улице». Показательно, что, ссылаясь на партийную дисциплину, Живков потребовал от несогласных с политикой партии «закрывать рот», приравняв при этом критические выступления к государственной измене. Его робкую оговорку, что действовать следует все же «тактично», «по-товарищески», прервала характерная реплика П. Кубадинского – «Кулаком в зубы...»⁹¹. Дальнейшие события показали, каким методам действия было отдано предпочтение. Для нас важно отметить, что жупел «нездоровья» в партийных рядах с завидной периодичностью использовался впоследствии болгарскими руководителями, в первую очередь, Живковым, для укрепления единоличной власти.

Несмотря на решения пленума, «разъяснительная» кампания в «первичках» сплошь и рядом превращалась в формальные мероприятия, на которых звучали спущенные «сверху» установочные оценки, а рядовые коммунисты не только не могли получить ясные и четкие ответы на свои вопросы, но и нередко ставили в тупик докладчиков. Так, на собрании парторганизации Верховного суда НРБ слушателям было предложено краткое «объяснение» венгерских событий, как выступления, инициированного студенчеством и поддержанного офицерами, что заставило правительство просить военной помощи у командования дислоцированных в стране советских воинских частей. Докладчик, секретарь парторганизации Маринов, сообщил, что после этого было введено военное положение и в течение нескольких часов положение нормализовалось. Такая лаконичность вызвала недовольство, вопросы и критические замечания коммунистов, заявивших о необходимости объективного и полного освещения событий. Маринов пообещал передать вопросы в райком партии, подчеркнув, что оттуда они будут направлены в ЦК и что «будет [получена] специальная информация»⁹².

Но в целом начал сбываться прогноз развития событий в стране, данный собственным корреспондентом британской «Таймс» в Софии Халовым: «События в Польше и Венгрии не сильно отразятся в Болгарии. ЦК принял меры предосторожности, а авторитет СССР в народе большой. ... Болгары не хотят повторения венгерских событий, но предпочли бы заставить правительство принять более быстрые меры по улучшению материальных условий жизни и устранению непопулярных проявлений коммунистического управления. ... События в Венгрии дадут возможность с большей силой показать, что ЦК прав в своей политике по отношению к “мелкобуржуазной распушенности”»⁹³.

Действительно, именно под влиянием венгерских событий Живкову удалось консолидировать Политбюро, добиться единого мнения и оценок по всем вопросам. На это указал в политписьме от 26 октября 1956 г. посол Ю.К. Приходов⁹⁴. Подоплека такого «успеха» заключалась в общем желании руководства стабилизировать обстановку в стране, заглушить проявления критики существующего режима и его конкретных лидеров. Уже 6 ноября 1956 г. «Таймс» констатировала: «Надежды и ожидания перемен многих болгар исчезли. Голоса протеста превратились в шепот». Режим укрепляется. Снова пропагандируется бескорыстная помощь СССР, необходимость болгаро-советской дружбы. Это возвращение к «сталинской эре»⁹⁵.

Опубликованные болгарскими историками документы позволяют предположить, что значительная часть общества действительно восприняла официальные пропагандистские установки, выражая желание оказать помощь «здоровым силам венгерского народа», остановить «наступление фашизма в Венгрии», предлагая действовать как мирными средствами (сбор средств, продовольствия, одежды, медикаментов), так и с оружием в руках. Среди писем, поступавших в партийные инстанции, обращают на себя особое внимание обращения, в которых требования показать «крепкую руку», «железный кулак народной власти» сочетались с пожеланиями поднимать авторитет партии, заботясь о тружениках, борясь с бездушием и бюрократизмом чиновников, публично осуждая живущих в роскоши и оторвавшихся от народа партийных руководителей⁹⁶. Показательно, что подавляющее большинство авторов таких писем были анонимами. Однако, как следует из адресованной Живкову докладной записки от 17 ноября 1956 г., составленной, вероятно, в Министерстве внутренних дел, письма «явно написаны коммунистами, которые с озабо-

ченностью анализируют положение и в этой связи указывают на имеющиеся слабости и дают рекомендации по их устранению»⁹⁷.

О сложности и неоднозначности морально-психологического состояния болгарского общества, можно судить по некоторым характерным примерам. 12 ноября 1956 г. группа столичных коммунистов обратилась с письмом в Президиум ЦК КПСС, переслав копию в Политбюро ЦК БКП. Указав на необходимость «решительных выводов» в связи с выступлением контрреволюции, авторы заявили, что «народно-демократические страны должны стать республиками СССР» и что события в Венгрии дают сейчас «прекрасный повод для такого объединения социал[истического] лагеря»⁹⁸. В конце декабря 1956 г. в Политбюро ЦК БКП и Президиум Народного собрания поступило обращение группы болгарских граждан – бывших политэмигрантов в СССР. Авторы документа выразили «горячее желание» провести в стране референдум по вопросу о присоединении Болгарии к Советскому Союзу в качестве 17-ой республики и превращении болгар в советских граждан. Мотивацией служило славянское происхождение болгар, двукратное освобождение Болгарии – «страны Георгия Димитрова» Россией и то, что в течение 11 лет Болгария идет по пути социализма под руководством Болгарской коммунистической партии⁹⁹. Дальнейшая судьба этого обращения, в частности, дошло ли оно до «верхов», рассматривалось ли и с каким результатом, достоверно не известна, но не исключено, что в июле 1963 г. именно про подобные настроения вспомнил Живков, предложив на пленуме ЦК БКП войти в советское правительство с предложением о тесном сближении национальных экономик обеих стран «с перспективой их слияния и *дальнейшего политического слияния*» СССР и Болгарии (курсив мой. – Т.В.)¹⁰⁰. Известно, что следующая такая попытка была предпринята Живковым уже во времена Л.И. Брежнева, в 1973 г.

Реакция власти на венгерские события свидетельствовала о наступлении «пика» в процессе «замораживания» процесса либерализации. Однако полного возврата к прошлому быть уже не могло. Поэтому, наряду с *новой старой политикой* «закручивания гаек», власть делала и шаги назад: довольно быстро, спустя несколько месяцев после исключения, вернулись в аудитории наказанные студенты (в беседе 21 марта 1957 г. с Приходовым Червенков признал, что по отношению к ним было допущено «некоторое увлечение», пострадали и невиновные¹⁰¹), начался пересмотр дел арестованных, внесен в Политбюро

вопрос о расформировании внутренних войск, созданных для борьбы с антиправительственными выступлениями, и пр. В это время власть приступила к выработке дифференцированного подхода к различным отрядам творческой интеллигенции, выразившегося в сочетании давления и терпимости, консервации своеобразного status quo, при котором сохранялась некоторая возможность отставания интеллектуалами собственных эстетических и гражданских позиций¹⁰².

На рубеже 1950-х – 1960-х годов процесс «десталинизации» явно шел на убыль. К позитивам, этого времени, несомненно, можно отнести развитие самоуправления путем предоставления больших прав народным советам, введение свободы частных поездок болгарских граждан за рубеж, определенное сужение функций органов госбезопасности при одновременном сокращении агентурного аппарата и числа граждан, находившихся под его наблюдением, и пр. Вместе с тем сохранявшаяся практика копирования политической жизни СССР обусловила и явные откаты в процессе либерализации. Следуя советскому примеру устранения летом 1957 г. «антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова», ЦК БКП в июле 1957 г. вывел из своего состава за «антипартийные позиции» г. Чанкова, Д. Терпешева и Й. Панова. Но если в Советском Союзе это событие означало окончательный переход высшего государственного аппарата под партийный контроль¹⁰³, то в Болгарии отставка «старой гвардии» – Терпешева и Панова фактически закамуфлировала устранение с политической сцены г. Чанкова – сильного соперника, авторитетного в партийных кругах функционера, к тому же принадлежавшего, что немаловажно, к одному с Живковым поколению¹⁰⁴. Избавившись от «опасного человека», Т. Живков начал формировать свое окружение из числа более молодых партаппаратчиков, с этой целью он внимательно работает с активом на местах – в околиях и округах. Административная реформа 1959 г., трактовавшаяся как необходимая децентрализация управления, привела к росту партийной и государственной бюрократии: вместо 13 округов было создано 30 и в каждом – свой партийный комитет и свой окружной народный совет. Надо ли говорить, что во главе их оказались ставленники Живкова? Одновременно болгарский лидер заботливо выстраивал хорошие отношения с ветеранами, для чего инициировал постановление Совета министров об учреждении звания «активного

борца против фашизма и капитализма». Летом 1959 г. по указанию Живкова была создана новая государственная структура – Комитет борцов против фашизма и капитализма. «Активные борцы» получили огромные привилегии, распространявшиеся на их семьи, причем не только на детей, но и на внуков, и переходившие «по наследству». Результат закономерен: вопреки физиологическим законам число «активных борцов» из года в год росло, а Живков получил в их лице мощную опору. Усиление позиций руководителя БКП означало, что в Болгарии был сделан важный шаг на пути дальнейшего возвышения единоличной партийной власти. После того как в 1958 г. Первый секретарь ЦК КПСС Хрущев, отказавшись от принципа разделения властей, возглавил советское правительство, перспективы Живкова в этом плане определились вполне отчетливо.

В конце 1950-х годов проявилась явная обеспокоенность болгарского руководства состоянием дел в интеллектуальных кругах. Несомненно, повышенное внимание «верхов» к творческим союзам, научным учреждениям, национальной кинематографии и др. было продиктовано венгерским кризисом, в котором интеллигенция сыграла исключительно важную мобилизующую роль. Руководство не могло не обратить внимания на то, что настроения болгарской интеллигенции и венгерской кануна кризиса во многом совпадали.

Проявилось это в отношении к творческой интеллигенции: за критику режима были исключены из партии писатели Крстю Белев и Крум Пенев¹⁰⁵.

В начале 1961 г. была разгромлена группа Куфарджиева – Варона. Члены ее в так называемом «письме семи» в ЦК БКП выступили с критикой «бюрократического государственного социализма», при котором партноменклатура превратилась в «единственного и полновластного распорядителя средств производства», осудили фактический отказ от «десталинизации» и, более того, обвинили Живкова в «ресталинизации», начавшейся после апрельского пленума, призвали критически оценить деятельность Т. Живкова, В. Червенкова, М. Григорова, Б. Велчева, г. Цанкова и «прочих виновников тяжелого положения в стране»¹⁰⁶. Лидеры группы – бывший секретарь Центрального совета болгарских профсоюзов Н. Куфарджиев и доцент Высшего финансово-экономического института в г. Свиштове Б. Варон в силу своих профессиональных занятий, безусловно, были хорошо осведомлены о действительном положении в стране. Руководство болгарских профсоюзов с конца 1950-х годов вело ак-

тивную борьбу за улучшение положения трудящихся, за реальное расширение прав синдикальных органов.

Разгром группы, официально обвиненной на пленуме в марте 1961 г. в проюгославских настроениях и контактах с посольством Югославии в Софии, стал поводом для создания нетерпимой обстановки в отношении любого несогласия с официальным политическим курсом. По «делу» Куфарджиева прошли более 100 человек, главным образом, членов БКП. Среди них – журналисты, кинематографисты, экономисты и иные представители болгарской интеллигенции. Как водится, была организована «проработка» закрытого письма ЦК БКП, в ходе которой в низовых организациях фактически развернулась чистка партийных рядов. Советское посольство в сообщениях в Москву весной 1961 г., основываясь на беседах с Т. Живковым и А. Юговым, неоднократно информировало «инстанцию» о группе Куфарджиева, а в специальной справке от 29 мая за подписью посла г.А. Денисова пришло к окончательному выводу, что «в целом “куфарджиевщина” не представляет серьезной опасности для государства и для политического положения в стране»¹⁰⁷.

Таким образом, после смерти Сталина в Болгарии, как и в других странах «социалистического лагеря», начался процесс либерализации политического режима. Развиваясь под влиянием Москвы, этот процесс в Болгарии очень скоро вступил в то же русло, что и в Советском Союзе, где «оттепель» оказалась кратковременным явлением, сменившись неосталинизмом. Во второй половине 1950-х гг. уже вполне четко определился «качественный» вектор болгарской либерализации: переход под лозунгами «коллективного руководства» от «чистого сталинизма» времен Червенкова с характерной для него тоталитарной формой правления к формированию авторитарного режима единоличной власти, получившего впоследствии наименование «живковизма». Болгарское общество по-разному откликалось на динамику этого процесса, в том числе и формируя протестные настроения. Однако они не приобрели того размаха, который позволил бы констатировать их значительную роль в переменах, начатых «сверху», национальным руководством. В свою очередь, для болгарских лидеров побудительным мотивом к действию также являлись сигналы «сверху», из Москвы. Чутко улавливая их и усердно реагируя, болгарское руководство тем самым признало определяющую роль внешнего, советского, фактора на новом этапе развития страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Политические анекдоты времен Т. Живкова

На встречу глав государств явился дух Наполеона. Прежде всего, он обратился к Брежневу: «Были бы у меня такие солдаты, как у вас, я никогда не проиграл бы битву при Ватерлоо». Затем дух повернулся к Маргарет Тэчер: «Будь у меня такая же железная воля, как у вас, я никогда не потерпел бы поражение». А Тодору Живкову дух сказал: «Эх, мне бы вашу журналистику, тогда никто никогда бы и не узнал о разгроме моей армии».

Руководители социалистических стран отошли в мир иной. И начали им там раздавать транспортные средства по такому принципу – кто меньше обманывал свой народ, тот получал лучшее. Одни уехали на «Волге», другие на «Ладе», а Брежневу достался «Запорожец». Расстроился лидер, но делать нечего – сел за руль и поехал и на одном из поворотов обогнал Тодора Живкова... на роликах.

Поймал старик золотую рыбку. Взмолилась та: «Отпусти меня в море, дам тебе все, что пожелаешь». Задумался рыбак: «Я стар, мне уже ничего не нужно. Вот разве что попасть бы мне в хороший уютный дом престарелых...». «Будь по-твоему, дедушка, – отвечает рыбка. – Ступай домой и спокойно ложись спать». ...А утром проснулся старик в Политбюро ЦК БКП.

– У кого 4 ноги и 64 зуба? – У крокодила. – Правильно. А у кого 64 ноги и 4 зуба? – У Политбюро ЦК БКП.

Тодорема: Любая кривая линия, параллельная апрельской, в сущности, есть прямая.

Доктор пациенту: «На что жалуетесь?» Пациент: «Ох, доктор, вижу одно, слышу другое...» Доктор: «Сожалею, но от социализма не лечу!»

Учитель: «Иванчо, какой девиз в нашем социалистическом обществе?» – «“Все во имя человека, все на благо человека”. А не скажете ли, учитель, кто этот человек?»

Решил Живков посмотреть, как живет простой народ. Остановился у одной из дверей и позвонил. Открыл маленький мальчик. «А где твой папа, малыш?» – спросил Живков. «Папа завел “мерседес” и уехал на работу». – «А мама?» – «А мама на своем “фиате” поехала на рынок». – «Ну, а ты чем занят?» – «Я смотрел фильм по видео, а сейчас буду играть на компьютере». – «А знаешь ли ты, кто я?» – «Нет, не знаю». – «Я тот, благодаря кому ты так хорошо живешь». – «Дедушка, дедушка! – закричал мальчик. – Иди скорее! Дядя Ганс из Западной Германии приехал в гости!»

– Что такое социалистический склероз? – А это когда я стою перед домом с пустой кошелкой и вспоминаю: «На рынок я иду или с рынка возвращаюсь?»

– Ну, как живете, как работаете в Болгарии? – А мы их обманываем, что работаем, а они нас обманывают, что нам платят!

– Знаешь ли, что до 9 сентября 1944 г. Тодор Живков был полунелегальным? – А как это полунелегальным? – Ну, он скрывался, но никто его не разыскивал...

Долгие годы философы бились над вопросом, что такое «личность». Узнав, что дело зашло в тупик, Тодор Живков решил вмешаться и дал единственно правильное, научное, марксистско-ленинское определение: «Человек без власти – ничто, а ничто у власти – это личность».

Спрашивают армянское радио, есть ли культ личности в Болгарии? Ответ: «Культ есть, а личности нет».

Стоит прохожий посреди улицы с консервной банкой в руке. Глубоко задумался. Спрашивают его, в чем дело? Отвечает: «Ну как же... Открываю

газету, на первой странице Тодор Живков. Включаю радио – говорят о нем. По телевизору – только его и вижу. Вот думаю – открою сейчас консервную банку, а там...»

– Знаешь ли, что несколько лет назад Сулейман Демирель наградил Живкова самым почетным турецким орденом? – За что? – А за то, что турки за 500 лет не смогли отучить болгар есть свинину, а Тодор Живков сделал это всего за 20-30 лет.

Поспорили американец, француз и болгарин, какой национальности были Адам и Ева. «Ну, разумеется, Адам был американцем», – убеждал американец. – Он великодушно уступил Еве яблоко. Только у нас есть такие джентльмены». Француз не согласился: «Яблоко – это мелочь. Только француз смог бы так красиво ухаживать за женщиной». «Оба вы ошибаетесь, – заявил третий собеседник. – Адам и Ева – настоящие болгары. Только мы можем ходить голыми, питаться одними яблоками и уверять при этом, что живем в раю».

Распорядился Живков представить ему список болгарских миллионеров. «В списке значится ваш сын», – доложили ему. Закручинился Живков: «Эх, сынок, сынок... Значит, он сэкономил деньги, которые я давал ему на завтрак!»

После смерти оказался Брежнев на небесах. Стоит он в очереди и ждет, какое решение о его дальнейшей судьбе будет принято Всевышним. Вдруг видит, стоявший неподалеку Чаушеску сделал сальто вперед. «Ты что, Николае?» – поинтересовался Брежнев. – «А здесь такой порядок. Как только на земле кто-то помянет тебя недобрым словом, ты независимо от себя сделаешь сальто». – «Что-то мне жарко стало, – говорит Брежнев, – встану-ка поближе к вентилятору...» – «А это не вентилятор, – объяснил Чаушеску. – Это Тодор Живков крутится».

Встретились два приятеля. Один спрашивает другого: «Ну, и что представляет собой новая экономическая реформа, каков ее механизм?» – «Я тебе наглядно объясню. Представь себе, что с тебя сняли пиджак, взамен дали жилетку и говорят: “У тебя новое пальто, поздравляем!”»

Идет по улице мужчина и причитает: «Ну и ну! Ничего нет! Мяса нет, молока нет, хлеба нет, кофе не купишь, яиц нет... Ничего нет!» Услыхал его стенания милиционер и говорит: «Немедленно замолчи, а то достану пистолет, дам тебе по башке, так что искры из глаз посыпятся!» – «Ой, товарищ старшина! Неужели и патронов тоже нет?»

При социализме сохраняются следующие элементы прежних общественно-экономических формаций: от капитализма – анархия, от феодализма – привилегии, от рабовладельческого строя – свобода личности, а от первобытно-общинного – материально-техническая база.

Болгария – самая независимая страна: от нее ничего не зависит.

Что будет, если Советский Союз присоединит Болгарию? – Ничего не будет, даже помидоров!

Подарил Брежнев Живкову хорошую машину. Тот очень обрадовался, начал ее разглядывать. Заглянул в салон. «А где же руль? – спрашивает. «Ты езжай, не беспокойся, – отвечает Брежнев. – Руль у меня».

Выехали первоклассники за город изучать природу. Идут по лесу. Вдруг из-под куста выскочил заяц. Учительница спрашивает: «Ну, дети, кто это?» Все молчат. «Как же так? – удивляется учительница. – Вы не можете не знать. Еще в детском садике вам о нем рассказывали, вы пели о нем песенки, учили стихи...» Один ученик робко поднял руку: «Это, наверно, дедушка Ленин?»

*Печат. по: Анекдоти без цензура (101 политически вица).
София, издание на в.«Стършел».
Б.г. С. 3-5,10,16, 21, 26, 30, 33,35, 37, 39-41, 48-49, 56-57, 59.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рейман М. Н.С. Хрущев и поворот 1953 года // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 165.
- ² Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1992. С. 337.
- ³ Вълко Червенков през погледа на негови съвременници. София, 2000. С. 106.
- ⁴ Вълко Червенков за себе си и своето време. София, 2000. С. 72.
- ⁵ Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 16. Л. 49-50.
- ⁶ Мигев В. България по време на комунистическия режим. 1948-1989 // Исторически преглед. 2002. № 1-2. С. 141.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 074. Оп. 46. П. 203. Д. 15. Л. 37.
- ⁸ Там же. П. 208. Д. 6. Л. 10.
- ⁹ Там же. Оп. 44. П. 200. Д. 39. Л. 57.
- ¹⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 290. Л. 52-53.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 202. Д. 7. Л. 33-34.
- ¹² Марчева Илияна. Индустиалната политика в България (1944-1958) // Страници от българската история. Събития. Размисли. Личности. 2. София, 1993. С. 123; *она же*. Тодор Живков – пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953-1964. София, 2000. С. 94.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 31. Л. 65.
- ¹⁴ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 396-Б. Оп. 1. А.е. 116. Л. 6-8; АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 46. Л. 7.
- ¹⁵ Подробнее см.: Баева И. Слуховете като «заместваща» информация в годините на социализма в България и в Източна Европа // България и Европа през съвременната епоха. Сборник в чест на 80-годишнината на проф. дин Димитър Сирков. София, 2010. С. 363.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 46. Л. 78.
- ¹⁷ Там же. Л. 145.
- ¹⁸ 1 декар = 0,1 га
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 142-143, 147, 148.
- ²¹ Там же. Л. 150.
- ²² Там же. Д. 45. Л. 201.
- ²³ Подробно о настроениях и антигосударственной деятельности «бывших людей» Сталин говорил в докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., посвященном итогам I-ой пятилетки. Отнеся к категории «бывших» «последние остатки умирающих классов», Сталин конкретно назвал их: «промышлен-

ники и их челядь, торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы», которые «пакостят [Советской власти] как только могут, действуя тихой сапой». В перечне враждебных действий «бывших людей» советский лидер особенно выделил экономические преступления – массовое воровство и хищение государственного и кооперативного имущества, колхозной собственности как организованный удар по «основе советского строя – общественной собственности». «...Рост мощи Советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов», – утверждал докладчик, призывая товарищей по партии к революционной бдительности (*Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. Изд. 11-ое. М., 1945. С.392-395).

²⁴ Там же. Д. 46. Л. 112-115.

²⁵ Там же. Л. 115, 79, 134-136.

²⁶ Държавен архив – София (далее: ДА – София).Ф. 1-в. Оп. 10. А.е. 17. Л. 148, 196-197.

²⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42. П. 190. Д. 46. Л. 80.

²⁸ ДА – София. Ф. 1-в. Оп. 11. А.е. 15. Л. 80-81.

²⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 208. Д. 14. Л. 5-7.

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ *Никова г.* СИВ и България. 1949-1960. София, 1989. С. 69.

³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 16. Л. 89-90.

³³ Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК (далее: БКП в резолюции...). Т. IV. 1944-1955. София, 1955. С. 409-410.

³⁴ Архив Президента Российской Федерации (далее: АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 275. Л. 64.

³⁵ Подробнее о пребывании болгарской делегации в Москве и переговорах с советским руководством см.: *Волокитина Т.В.* Борьба за политическое лидерство в СССР и Болгарии. 1953-1956 годы (Исторические параллели) // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 127-129.

³⁶ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 42а. П. 200. Д. 2. Л. 1-8, 12.

³⁷ Вълко Червенков за себе си... С. 73.

³⁸ Там же. С. 75, 74.

³⁹ БКП в резолюции... С. 470.

⁴⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 92.

⁴¹ Так в тексте, болгаризм. Следует читать: безоговорочно.

⁴² ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 24. А.е. 161. Л. 3-4.

⁴³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45а. П. 220а. Д. 2. Л. 7.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 138. Л. 29-29об-30.

⁴⁵ Там же. Д. 139. Л. 48, 45, 47.

⁴⁶ Там же. Л. 37, 36, 92.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45а. П. 220а. Д. 2. Л. 18, 17.

⁴⁸ Там же. Л. 21.

⁴⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 289. Л. 109, 112.

⁵⁰ Там же. Л. 108.

⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 290. Л. 82.

⁵² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45а. П. 220а. Д. 2. Л. 17.

⁵³ *Христова Н.* Динамика на естетическите норми и интелектуалните хоризонти (1944-1989 г.) // Изследвания по история на социализма в България. 1944-1989. Том 2. София, 2010. С. 487.

⁵⁴ *Мигев В.* Българските писатели и политическият живот в България. 1944-1970. София, 2001. С. 118-127.

⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 290. Л. 79-80, 144.

⁵⁶ *Марчева И.* Тодор Живков – пътят към властта... С. 90, 91.

⁵⁷ *Мигев В.* Колективизацията на българското село. 1944-1958. София, 1995. С. 235.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 45. П. 206. Д. 45. Л. 2, 4, 8.

⁵⁹ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Указ. соч. С. 136-137.

⁶⁰ Вълко Червенков за себе си... С. 78.

⁶¹ *Живков Ж.* Кръглата маса на Политбюро. 16-та република. Случаят «Кремиковци». Разгром на «Тексим». Чехословашките събития. Крах на едноличната власт. София, 1991. С. 14.

⁶² *Топенчаров В.* Бесовете на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С. 213-214.

⁶³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 51.

⁶⁴ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* Апрельский пленум ЦК БКП (1956 г.) в контексте процесса либерализации политического режима в Болгарии // *Studia balkanica.* К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 300-302.

⁶⁵ Один пример – цитата из «Приветствия» поэта Нино Николова, опубликованного в стихотворном сборнике, изданном Союзом болгарских писателей по случаю XII съезда БКП, 25-летия апрельского пленума и 70-летия Т. Живкова: «...Товарищ Живков! В боевых пятилетках / Апрельское племя шло рядом с Вами, / Писатели были Вашими солдатами, / Поэты – голосом Партии!» (Цит. по: *Историята.* 2007. Бр. 2. Живковизмът. С. 40).

⁶⁶ *Мигев В.* За априлския пленум 1956 година и за либерализация на режима в България през 50-те и 60-те години на XX век (Опит за историческа есеистика) // *Исторически преглед.* 2009. Кн. 1-2. С. 187-188.

- ⁶⁷ Михайлов С. Ръководител от сталинския тип // Историята. 2007. Бр. 2. Живковизмът. С. 9.
- ⁶⁸ Априлския пленум на Централния комитет на Българската комунистическа партия. 1956. Пълен стенографски протокол. София, 2002. С. 25, 136, 137.
- ⁶⁹ Георги Марков. Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 107.
- ⁷⁰ ДА – София. Ф. 419-в. Оп. 2. А.е. 3. Л. 5а.
- ⁷¹ Баева И. Източна Европа след Сталин. 1953-1956. Полша, Унгария, Чехословакия и България. София, 1995. С. 262-263.
- ⁷² АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 52.
- ⁷³ Цвятко Събев. В жаравата. Записки на партийния работник. София, 1987. С. 116-117.
- ⁷⁴ Аврамов Л. 50 оспорвани години. Спомени. София, 1993. С. 191.
- ⁷⁵ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 31. Л. 46.
- ⁷⁶ Мигев В. Вълко Червенков и Тодор Живков // Историята. 2007. Бр. 2. Живковизмът. С. 24.
- ⁷⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 47. П. 214. Д. 35. Л. 1.
- ⁷⁸ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 24. А.е. 216. Л. 3, 5.
- ⁷⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 52-56.
- ⁸⁰ Цвятко Събев. Указ соч. С. 118.
- ⁸¹ Мигев В. Политическият режим в България през 60-те години на ХХ век // Известия на държавните архиви. 2002. № 84. С. 75.
- ⁸² Верт Н. Указ. соч. С. 354.
- ⁸³ См.: Приложение.
- ⁸⁴ Радиостанция «Горянин», именовавшая себя «голосом болгарского сопротивления», вела передачи с территории Греции из американского радиоцентра в окрестностях Афин четыре раза в сутки на болгарском языке. Цель вещания, как указывалось в одной из передач, «сообщать факты, которые скрывают или пытаются извратить коммунисты». Действовала с апреля 1951 по ноябрь 1962 г. (Диню Шарланов. Горяните. Кой са те? Из строго секретни архиви на Дирекция на държавна сигурност. София, 1999. С. 167-184). са Топенчаров В. Указ. соч. С. 216.
- ⁸⁵ Подробен см.: Станой Ал. Станоев. Изчезването на вица // Преходът в България през погледа на социалните науки. София, 1997. С. 131-136.
- ⁸⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 110-112.
- ⁸⁷ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 85.
- ⁸⁸ 1956. «Прекрасният повод» (Документи за отражението на Унгарската революция в България) / Съст. М. Семков. София, 2006. С. 91.
- ⁸⁹ Архив на Министерство на външните работи на Република България (далее: АМВНР). Оп. 13. П. 9. А.е. 161. Л. 28.

- ⁹⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 114-118; Оп. 47. П. 214. Д. 32. Л. 147.
- ⁹¹ Там же. Оп. 46. П. 210. Д. 30. Л. 119, 120.
- ⁹² 1956. «Прекрасният повод»... С. 55, 71, 105, 77.
- ⁹³ Там же. С. 76.
- ⁹⁴ ДА – София. Ф. 419-в. Оп. 1. А.е. 3. Л. 27, 28.
- ⁹⁵ АМВНР. Оп. 13. П. 9. А.е. 161. Л. 21, 26.
- ⁹⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 392. Л. 150.
- ⁹⁷ АМВНР. Оп. 13. П. 9. А.е. 161. Л. 24.
- ⁹⁸ 1956. «Прекрасният повод»... С. 60, 85, 86, 88, 104-106.
- ⁹⁹ Там же. С. 114.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 107-109.
- ¹⁰¹ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 24. А.е. 206. Л. 1.
- ¹⁰² Там же. Оп. 5. А.е. 583. Л. 36.
- ¹⁰³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 47. П. 211. Д. 4. Л. 10.
- ¹⁰⁴ Христова Н. Конфликт «власть – интеллигенция» в Болгарии. 1956-1957 годы // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 327.
- ¹⁰⁵ Подробен о взаимоотношениях интеллигенции и власти см. статью Е. Калиновой.
- ¹⁰⁶ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. М., 1998. С. 182.
- ¹⁰⁷ Марчева И. Тодор Живков – пътят към властта... С. 123-130.
- ¹⁰⁸ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1944-1999. София, 2000. С. 87.
- ¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л. 23, 29; П. 230. Д. 29. Л. 72.

С.А.Корнеев

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ СЛОВАКИИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В период 1948–1968 гг. произошли значительные изменения в экономике Словакии, специфической чертой которой являлось то, что она не управлялась словацкими национальными органами, что отвечало асимметричной модели государственно-правового устройства, сложившейся в Чехословакии в послевоенный период.

Начиная с 50-х гг. XX в., чешские и словацкие историки и экономисты ведут споры о том, в какой мере экономическое возрождение Словакии финансировалось из собственных источников, а в какой из общегосударственных, и какая заслуга в индустриализации Словакии принадлежит чешским землям. Работы, написанные в 50-х и позже в 70-х гг. XX в. преувеличивали значение Чехии в оказании экономической помощи аграрной Словакии, упор делался на количественное увеличение промышленных предприятий и рост занятости населения в отсталых словацких землях. Научные труды, написанные в Словакии в 1968 г. и после 1989 г., имеют тенденцию к преувеличению собственных источников промышленного развития Словакии.

Как известно основой для индустриализации Словакии послужил закон № 241/1948 от 27 октября 1948 г. о пятилетнем плане, согласно которому предполагались инвестировать в экономику Словакии 96,2 млрд. чешских крон, что составляло 28,6% от общих капиталовложений в экономику страны. Планом предусматривался рост валовой продукции на 75%, создание 90 тысяч новых рабочих мест, 58 тысяч из которых – в обрабатывающей промышленности, и к 1953 г. количество занятых в данной отрасли должно было достичь 93 тысячи человек. Из общего объема инвестиций около 50% должны были быть вложены в тяжелое машиностроение. Предусматривалось выделение значительных сумм для развития точного машиностроения и электротехники, строительства гидротехнических сооружений на Ораве, в Кралованах, Новом Месте над Вагом и т.д.

В горнодобывающей отрасли, в которой работало лишь 0,5% от всех занятых в промышленности Словакии, предусматривался рост на 58%, с тем, чтобы довести количество занятых до 9,5 тыс. человек. В деревообрабатывающей промышленности предполагалось увеличить количество занятых на 1430 человек¹.

Предлагая такие темпы развития, руководство КПЧ исходило из того, что выравнивание экономических потенциалов Словакии и Чехии позволит нивелировать разницу в уровне жизни в обеих частях республики и тем самым решить словацкий вопрос раз и навсегда. Именно таким образом В. Широкий сформулировал эту проблему на IX съезде КПЧ (май 1949 г.), заявив, что, словацкий вопрос в Чехословакии – это проблема социалистической индустриализации и дальнейшего развития производительных сил. Индустриализацию Словакии необходимо провести “с учетом потребностей и соблюдением необходимых пропорций во всей чехословацкой экономике”². Однако, как показало дальнейшее развитие, такой односторонне экономический подход к решению чешско-словацких отношений оказался упрощенным, не отражавшим всей их многогранности.

Спустя пять лет ситуация в общих чертах выглядела следующим образом. Производство в Словакии в 1949–1954 гг. возросло на 128%, а доля региона в общей продукции Чехословакии составила 15,6% (для сравнения в 1948 г. – 13,2%). Количество занятых в промышленности составило 16,1% от всех занятых в народном хозяйстве (в 1948 г. – 13,8%). Был построен целый ряд гидроэлектростанций, реконструированы или построены заново железные дороги³. Жизненный уровень широких слоев населения в Словакии за годы первой пятилетки хотя и вырос, но представления, что таким образом окончательно можно решить словацкий вопрос явно не оправдались.

Более того практика свидетельствовала, что развернувшаяся индустриализация способствовала укреплению центральной власти. Ее позиции существенно усиливались тем, что окончательные решения по вопросам промыш-

¹ Londak L. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945-1960. Bratislava, 1994. S. 69.

² Široký V. Za šťastné Slovensko v socialistickom Československu. Bratislava, 1952. S. 169, 174.

³ Londak M. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945–1960. Bratislava, 1994. S. 110–112.

ленного развития Словакии определялись и принимались в пражских министерствах. Поэтому не удивительно, что споры вокруг вопроса, а кто же собственно должен руководить предприятиями в Словакии, привели к достаточно жестким дебатам о компетенции федеральных и словацких ведомств.

В рассматриваемый период существовала весьма своеобразная двух уровневая модель управления. Отдельные заводы и фабрики, связанные между собой на горизонтальном уровне, объединялись в так называемое национальное предприятие, во главе которого стояла генеральная дирекция в Праге. Но одновременно существовало еще и второе – промежуточное звено – областная дирекция в Словакии. Она подчинялась соответствующему представителю Корпуса уполномоченных. Подобная форма вносила неразбериху в систему управления, поэтому в течение 1948–1949 гг. Прага и Братислава ожесточенно спорили о том, какое из этих звеньев является лишним. В 1951 г. областные словацкие дирекции упразднили, и была введена строго централизованная, по советскому образцу, модель управления экономикой Чехословакии.

Другим вопросом, вокруг которого в этот период разгорелся спор о компетенциях между центральными и словацкими органами, был вопрос о вкладе Словакии во внешнюю торговлю. После 1948 г. торговать с границей имели право отдельные предприятия, получившие позднее, в 1953 г., название предприятия внешней торговли (далее – ПВТ). В 1948 г. Словацкий банк и Татрабанк выдвинули совместное предложение, согласно которому словацкие предприятия располагали бы правом самостоятельно осуществлять внешнеторговые операции. Автономия предприятий по данному вопросу предусматривала возможность для словацких банков осуществлять валютные операции как внутри страны, и за рубежом. Эта инициатива словацкой стороны встретила решительное сопротивление со стороны министерства финансов Чехословакии, которому удалось настоять на том, чтобы все финансовые операции ПВТ осуществлялись через пражский Предпринимательский банк, а позднее подобное право получили Чехословацкий государственный банк и Инвестиционный банк⁴.

Такой односторонний подход к вопросу о компетенциях в экономике имел своим следствием то, в Словакии утвердилось мнение: решения по словацким вопросам принимаются исключительно в Праге. Попытку преодолеть такую си-

⁴ Viz dekret c.102/1945 Sb., zák. č. 119/1948 Sb., zák. č. 181/1948 Sb.

туацию предприняла группа экономистов во главе с Ю. Браником, работавших в Словацкой плановой комиссии. Она стала добиваться для словацких предприятий большей автономии. Осенью 1952 г. эта группа на конкретных примерах доказывала, что руководить машиностроительной промышленностью Словакии непосредственно из министерства тяжелого машиностроения в Праге, весьма проблематично. Упомянутое министерство, по их мнению, не обладало четко разработанной концепцией развития, в результате чего выделяемые средства не всегда использовались целенаправленно. В качестве доказательства приводился пример со строительством машиностроительного завода в г.Кисуцке Нове Место, где были возведены производственные корпуса, но оборудование завезено не было. Отмечалось, что в 1953 г. в Словакии не использовалось по прямому назначению 100 тыс.кв.метров производственных площадей⁵. На основании фактического материала словацкими экономистами был подготовлен доклад “О ситуации в машиностроении Словакии”, предназначенный для ЦК КПЧ в Праге. Этот доклад был одобрен ЦК КПС 6 декабря 1954 г. Авторы доклада предлагали свою концепцию развития машиностроения Словакии. В основе ее лежало требование создания словацких органов управления, а также разработки обязательной программы развития производства для каждого из заводов⁶.

Секретариат ЦК КПЧ отказался рассматривать подготовленный доклад, обвинив составителей в том, что они проповедают словацкий экономический сепаратизм и стремятся разрушить единую чехословацкую экономику. Авторы доклада были обвинены в “словацком буржуазном национализме”. 3 августа 1954 г. были сняты со своих постов председатель Словацкой плановой комиссии Ю. Браник и заместитель председателя Корпуса уполномоченных Я. Пулл⁷, ставшие фигурантами разворачивающегося судебного процесса над известными словацкими политиками Г. Гусаком, Л. Новомеским, Д. Окали и др. которые и рассматривались как главные носители идей “словацкого буржуазного национализма” (подробнее об этом см. статью В.В. Марьиной, помещенную в данном сборнике).

⁵ Londak M. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945–1960. Bratislava, 1994. S. 103–104.

⁶ SNA, f. ÚV KSS, zasadanie PÚV KSS 6.2.1954.

⁷ Londak M. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945–1960. Bratislava, 1994. S. 107

Большое влияние на развитие общественных настроений в Словакии оказали XX съезд КПСС с докладом Н.С. Хрущева о культуре личности И.В. Сталина, а также политическая ситуация, сложившаяся осенью 1956 г., в Венгрии и Польше. Генеральный консул СССР в Братиславе В.Д.Карякин в справке о проведении в парторганизациях словацкой компартии марте-апреле 1956 года внутрипартийных дискуссий сообщал, в частности, что в Академии наук Словакии, Высшей партшколе, на философском факультете братиславского Университета, в Высшей экономической школе и Издательстве политической литературы на собраниях члены КПС выступали против генеральной линии партии, требовали созыва нового съезда КПЧ, выражали недоверие ЦК КПС, требовали создания армейских частей по национальному признаку и отказа от реформ ВУЗов и средних школ по советскому образцу. Далее в справке отмечалось, что словацкие коммунисты открыто ставили вопрос о том, что словацкие национальные органы не имеют никаких прав, что Корпус национальных уполномоченных бегают по каждому мелкому вопросу в Прагу и что надо, наконец, решить словацкий национальный вопрос.⁸ Такого рода информация поступала в Москву из посольства СССР в Праге и Генконсульства в Братиславе на протяжении всего 1956 года.

Напуганное “польским октябрём” и особенно ноябрьскими событиями в Венгрии чехословацкое руководство перешло к политике “закручивания гаек”. Помимо этого общее охлаждение в международных отношениях и очередной виток замораживания отношений между СССР и его союзниками, с одной стороны, и Югославией, с другой, ставили перед КПЧ задачу “укрепления единства партии”. Коммунистическое руководство понимало, что не может себе позволить допустить каких-либо послаблений в идеологической и экономической областях.

Политбюро ЦК КПЧ на заседании 7 января 1957 г., рассмотрев экономическую ситуацию в Чехословакии, и конкретно в Словакии, констатировало, что с 1953 г. произошло снижение темпов развития словацкой экономики из-за недостаточного использования собственных ресурсов. В связи с этим предполагалось разработать долговременную концепцию развития Словакии⁹. Была

⁸ АВП РФ ф. 0138, оп. 41, д. 55, п. 275, лл. 157-158.

⁹ Barnovský M. Druhý patročný plán a hospodársky rozvoj Slovenska. In.: Slovensko v období dobudovania základov socializmu. Bratislava. 1978. S. 68.

образована специальная комиссия, одним из членов которой являлся председатель Корпуса уполномоченных Словакии Р. Стрехай. В докладе, подготовленном указанной комиссией отмечалось, что в Словакии недостаточно используются собственные источники сырья, а развитие Восточной Словакии, обладающей большими резервами рабочей силы, идет медленно. Далее говорилось о том, что в предыдущий период больше инвестиций направлялось в более развитые в промышленном отношении чешские области. В будущем предполагалось уделять больше внимания Словакии, и в частности, развитию отраслей, ориентированных на производство товаров народного потребления, которые предлагалось строить в Восточной Словакии, менее развитой в промышленном отношении¹⁰.

Наряду с этим 2 апреля 1957 г. была создана комиссия под руководством заместителя председателя Корпуса уполномоченных Ш. Шебестой, которая подготовила проект новой организации управления государственными предприятиями Словакии.¹¹

Отдельные положения проекта были включены в выступление первого секретаря ЦК КПС К. Бацилека на съезде КПС, проходившем 26–28 апреля 1957 г. Однако, К. Бацилек увязал экономические вопросы со “словацким буржуазным национализмом”. На практике это означало, что каждый, кто защищал более или менее самостоятельное положение Словакии в хозяйственной сфере, незамедлительно подпадал под подозрение в “экономическом сепаратизме”. Оппортунистический подход К. Бацилека полностью проявился в начале 1958 г. По его инициативе бюро ЦК КПС 6 января 1958 г. подвергло резкой критике Ш. Шебесту и членов его команды, традиционно обвинив их в “словацком буржуазном национализме”. 9–10 января 1958 г. прошло заседание ЦК КПС, на котором Ш. Шебеста был исключен из партии, а 13 января снят с поста заместителя председателя Корпуса уполномоченных¹².

С 1957 г. в Чехословакии по сути дела наблюдалось возвращение к сталинской модели промышленного производства, опирающейся на приоритет-

¹⁰ SNA, f. ÚV KSS, k.948, zasadnutie PÚV KSS 20.4.1957.

¹¹ Londak M. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945-1960. Bratislava, 1994. S. 157–160.

¹² Pravda. 29.5.1968 (zpráva o rehabilitaci Š.Šebesty a rekapitulace jeho případu).; Československé dějiny v datech. Praha. 1988. S. 626.

ное положение тяжелой промышленности. 30 сентября – 1 октября 1957 г. состоялось заседание ЦК КПЧ, на котором говорилось о необходимости изменений в организации и управлении народным хозяйством, были обсуждены изменения во втором пятилетнем плане, выполнение которого фактически началось в 1956 г.

Размышления о дальнейших путях развития чехословацкого народного хозяйства продолжались еще целый год, и только 16 октября 1958 г. Национальное собрание одобрило закон № 63/1958, которым второй пятилетний план был узаконен. В отличие от закона о первом пятилетнем плане 1948 г., новый закон вообще не упоминал о Словакии и не определял для нее отдельных показателей.

В результате второй пятилетки в Словакии общее промышленное производство возросло на 90%. Доля Словакии в общечехословацком объеме промышленного производства достигла в 1960 г. – 18,16% (в 1948 г. – 13,2%, в 1955 г. – 16,3%). В течение второго пятилетнего плана в Словакию было вложено 29,5% от общего объема инвестиций, направленных в чехословацкое народное хозяйство. Было построено 38 новых заводов и 43 – реконструировано¹³. Эти данные позволяют говорить о том, что в период 1945–1960 гг. произошла частичная индустриализация Словакии, изменилась ее социальная структура. Появилась прослойка экономических управленцев, которые начали требовать больше прав в управлении предприятиями Словакии, это проявлялось уже в середине 50-х гг., и особенно явственно позднее, в 60-е гг. При этом важно отметить, что развивалось все народное хозяйство Чехословакии, а основной поток инвестиций направлялся в чешские земли.

5–7 июля 1960 г. общегосударственная партийная конференция КПЧ приняла Положение третьего пятилетнего плана, формально одобренные Национальным собранием Чехословакии 17 ноября 1960 г. По Словакии показатели третьего пятилетнего плана были следующие. Объем промышленного производства должен был увеличиться в 2,2 раза и в абсолютном выражении достичь 14,7 млрд. чешских крон. Предусматривалось строительство мощных предприятий металлургической и химической промышленности в Восточной Словакии. Общий объем производства в сельском хозяйстве должен был воз-

¹³ Londak M. Industrializácia Slovenska v hospodárskej politike 1945–1960. Bratislava. 1994. S. 163.

расти на 27–28%, и сравняться с теми же показателями в чешских областях. Предполагалось инвестировать в Словакию свыше 100 млрд. чешских крон. В социалистическом секторе планировалось создать 177 тыс. новых рабочих мест. Предполагалось, что в долгосрочной перспективе, к 1975 г. должна будет окончательно исчезнуть разница в развитии чешских и словацких областей¹⁴.

По сравнению с первым и вторым пятилетними планами третий имел одну существенную особенность: он должен был реализовываться в условиях, когда собственные источники для дальнейшего экономического развития были уже исчерпаны. Чехословакия не имела возможности обратиться к западным странам за столь необходимыми инвестициями. Этому препятствовала не столько разница в социалистической и капиталистической экономической системе, сколько в первую очередь, идеологические барьеры. Что касается других социалистических стран, то в этот период они также переживали экономический кризис и не располагали свободными финансовыми средствами. Вместо предполагаемого увеличения национального дохода к 1965 г. на 40%, в 1961 г. этот показатель снизился по сравнению с 1960 г., а в последующие годы его рост составлял лишь около 1% в год¹⁵.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в экономике Чехословакии в пятидесятые года, важно иметь в виду, что имевшие место во второй половине пятидесятых годов определенные успехи в развитии чехословацкого народного хозяйства, были достигнуты, прежде всего, за счет экстенсивных форм развития. В развитых капиталистических странах в это же время все в большей мере в производственном процессе применялись новейшие результаты, полученные в науке и технике, последовательно осуществлялась модернизация целых отраслей промышленности. Чехословацкое руководство недооценило необходимость использования результатов научно-технической революции в интересах развития экономики, и де-факто в стране отсутствовала “целенаправленная техническая политика”. Образно говоря, если в развитых капиталистических странах происходила научно-техническая революция, то в Чехословакии этот этап развития еще не наступил.

Вероятный крах третьего пятилетнего плана А. Новотный и ЦК КПЧ стремились предотвратить усилением директивных методов руководства. А. Но-

¹⁴ Selucký R. Ekonomické vyrovnávání Slovenska s českými kraji. Praha. 1960. S. 183.

¹⁵ Liptak L. Slovensko v 20. storoci. Bratislava. 1968. S. 339.

вотный, выступая на заседании ЦК КПЧ 12 апреля 1962 г., прямо заявил, что основной причиной стагнации является “ослабление централизованного руководства экономикой”¹⁶. На следующем заседании ЦК 10–11 июля 1962 г. был одобрен документ “О путях дальнейшего развития нашего социалистического общества”, который был рассмотрен на съезде КПС 23–25 ноября 1962 г., а затем на XII съезде КПЧ 4–8 декабря 1962 г. В этом документе основное внимание уделялось интенсификации экономического развития¹⁷. Но XII КПЧ съезд изначально не мог решить экономические проблемы, стоящие перед Чехословакией, т.к. одной из основных причин возникшего кризиса была чрезмерная централизация управления экономикой, а предлагаемые меры имели целью дальнейшее усиление позиций центра. Это неизбежно вело к дальнейшему ухудшению положения. Руководство компартии вынуждено было отказаться от реализации положений третьего пятилетнего плана.

Как ни странно, но все ухудшающееся положение в экономической области несло в себе и позитивный элемент. Стремясь предотвратить экономическую катастрофу, руководство компартии вынуждено было допустить возможность проведения экономической реформы. Для ее разработки была создана группа специалистов, которую возглавил экономист-реформатор О. Шик. Но подготовленная концепция реформы шла в разрез с представлениями А. Новотного. Она предусматривала резкое ограничение управляющей роли центра, а “всемогущие плановые показатели” заменялись так называемой социалистической рыночной экономикой. О. Шик по этому поводу писал: “Социализм в своем подлинном смысле не может существовать как общество, где вместо свергнутой буржуазии господствует произвол бюрократов, где государство вместо капиталистов проводит индустриализацию и превращает страну в одну большую, централизованно управляемую промышленную фабрику... Такое представление в действительности ведет к вырождению социализма в иную форму бюрократической индустриальной государственной машины”¹⁸. Смыслом новой экономической реформы должно было стать установление

¹⁶ Novotný A. Prejavu. II., Bratislava. 1964. S. 658.

¹⁷ Československé dejiny v datech. Praha. 1988. S. 527–528.

¹⁸ От “пражской весны” 1968 года к современной перестройке. 1968 год в Чехословакии: попытки реформ. Часть I, Раздел II. Аналитическое досье. ИЭМСС АН СССР. М., 1989. С. 38.

связи между планом и рынком, более широкое использование экономических категорий (цена, процент, кредит и т.п.) в управлении, но при сохранении социалистического характера государства¹⁹.

Экономисты, готовившие реформу, рассматривали народное хозяйство Чехословакии как единое целое, стремясь разрешить наиболее разительные противоречия, следующие из догматического использования социалистической политической экономики путем применения экономических категорий в управлении. Поиски решения региональных проблем, в том числе экономического роста в Словакии, не являлись приоритетными и не нашли адекватного отображения в экономической реформе. В решениях научного совета Высшей школы экономики в Братиславе отмечалось, что территориальная сторона развития “принадлежит к наиболее слабо проработанным принципам экономической реформы ... Задействие рыночных механизмов, особенно кредитование, инвестирование и ценовая политика, может привести к деформации политики экономического выравнивания. Может сложиться положение, которое будет способствовать углублению экономических различий между Словакией и чешскими землями”²⁰. “Невозможно повторять людям приятный тезис о том, что процесс выравнивания вновь продолжится, если в действительности ножницы экономического и жизненного уровня возросли”, – констатировал словацкий экономист В. Павленда в связи с подготовкой экономической реформы. По его подсчетам, “при сохранении нынешних темпов выравнивание промышленного развития в Словакии и в чешских землях не произошло бы и к 2000 году”²¹.

Применение на практике положений экономической реформы, которая исходила из общегосударственных реалий, негативно отразилась на словацкой экономике. Особенно ощутимой для промышленных предприятий Словакии была реформа 1967 г. в области оптовых цен, в результате которой цены на сырье и топливно-энергетическую продукцию остались на низком уровне, а цены

¹⁹ Подробнее об экономической реформе О.Шика см.: Шик О. Пути преодоления сегодняшней несбалансированности в нашей экономике. От “пражской весны” 1968 года к современной перестройке. 1968 год в Чехословакии: попытки реформ. Часть I, Раздел II. Аналитическое досье. ИЭМСС АН СССР. М., 1989. С. 9–33.

²⁰ SNA, fond ÚV KSS, kr. 1862.

²¹ SNA, fond ÚV KSS, kr. 1857.

на финальную продукцию возросли. Большинство предприятий по первичной обработке сырья и производства полуфабрикатов находилось в Словакии, и после реформы цен у них зачастую не хватало средств на закупку сырья и оплату электроэнергии. По замыслу реформаторов предприятия должны были опираться на собственные ресурсы или брать кредит в банке. На практике это приводило к увеличению финансовой задолженности словацких предприятий и ставило их в невыгодные условия по сравнению с предприятиями в чешских землях. Ухудшившаяся финансовая ситуация в промышленности Словакии в конце концов проявилась и в сокращении средств, выделяемых на инвестиционное строительство. В первом полугодии 1967 г. в промышленность Словакии было инвестировано лишь 21,9% от общегосударственного объема²².

Ускоренная ликвидация экономической отсталости Словакии путем индустриализации, как отмечалось выше, рассматривалась ЦК КПЧ в качестве основы для окончательного решения словацкого национального вопроса. Как показывала практика, это был односторонне упрощенный подход: ибо все дело сводилось, прежде всего, к экономическому подтягиванию Словакии до уровня чешских земель без учета политических и национально-психологических аспектов данной проблемы. Необоснованно сохранялись узаконенные на предыдущих этапах развития ограничения законодательной власти Словацкого национального совета и компетенций Корпуса уполномоченных, закрепленные, в том числе, и конституционно.

Промышленное развитие Словакии, особенно в период первой пятилетки, осуществлялось за счет экстенсивного роста. Вследствие этого сохранилась раздробленность материально-технической базы промышленности, структура которой отличалась незавершенностью и вторичностью, низким техническим и технологическим уровнем новых производственных мощностей²³.

Несмотря на достигнутый определенный прогресс в индустриализации Словакии, различия в уровне экономического развития между Словакией и чешскими землями оставались значительными. Отставание Словакии в промышленном производстве за период 1948–1965 гг. возросло более чем в два

²² Лондак М., Лондакова Е. Шестидесятые годы XX века в Словакии. Восточноевропейские исследования. VI. 2007. С. 28–29.

²³ Mináč V. Slovensko a jeho život ekonomický. Slovenské pohl'ady. Bratislava, 1967, roč. 83, № 1. S. 36–38.

раза²⁴. Увеличилось оно и по показателям личного потребления, величине денежных доходов, уровень которых определялся более низкой степенью использования трудоспособного населения и меньшей производительностью труда в сельском хозяйстве Словакии. Причем тенденции роста абсолютных различий имели долгосрочный характер²⁵.

Экономические вопросы, рассмотренные XII съездом КПЧ, довольно быстро отошли на второй план. Гораздо большее значение для дальнейшего развития Чехословакии имел процесс десталинизации, который А. Новотный вынужден был включить в повестку дня, учитывая изменения, происходившие в Советском Союзе.

XII съездом КПЧ была одобрена резолюция, в которой, отмечалось: “съезд Коммунистической партии Чехословакии поручает новому составу Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии в течение четырех месяцев рассмотреть и закрыть все оставшиеся дела по политическим процессам времен культа личности”²⁶.

В Чехословакии, в отличие от Польши и Венгрии и частично Болгарии, после 1956 г. не была проведена последовательная реабилитация жертв политических репрессий. Те, кто организовывал в начале 50-х гг. политические процессы, оставались на своих высоких постах в партии и правительстве, включая самого А. Новотного. Эта практика вдвойне была применима к Словакии и словацким политикам. На своих постах оставались первый секретарь ЦК КПС К. Бацилек, его “неофициальный” заместитель П. Давид и председатель правительства В. Широкий. После 1956 г. судом было реабилитировано незначительное количество осужденных. Большинство выпускалось на свободу “по-тихому”, на основании амнистий или помилований.

Целенаправленное давление на руководство ЦК КПЧ как внутри страны (со стороны амнистированных, но не реабилитированных “политических преступников”), так и из-за рубежа (прежде всего из Москвы) принесло в 1962 г. свои плоды. Значение имело и то обстоятельство, что в начале 1962 г. Р. Барак,

²⁴ Pavlenda V. Ekonomické základy socialistického riešenia narodnostnej otázky v Československu. Bratislava. 1968. S. 167.

²⁵ Pavlenda V. Ekonomické základy socialistického riešenia narodnostnej otázky v Československu. Bratislava. 1968. S. 172.

²⁶ XII. Sjezd Komunistické strany Československa (4.-8.12.1962). Praha. 1963. S. 658.

министр внутренних дел и бывший председатель комиссии по реабилитации, вступивший в конфликт с А. Новотным, был арестован и заключен под стражу. Появилась прекрасная возможность свалить на него непоследовательность при проведении первых реабилитаций 1956 г.²⁷ Летом 1962 г. была создана новая партийная комиссия по реабилитации во главе с секретарем ЦК КПЧ Д. Колдером. Она должна была вновь рассмотреть материалы процессов против коммунистов в конце 40– начале 50-х гг.

Заключительный доклад, подготовленный комиссией, был обсужден на заседании ЦК КПЧ 3–4 апреля 1963 г., после чего с ним могла ознакомиться и широкая общественность. В докладе говорилось о том, что при подготовке процессов применялись незаконные методы, а целый ряд процессов был основан на вымышленных фактах. Широкие слои общества, и особенно коммунисты, были шокированы положениями доклада и задавали вопрос, кто несет ответственность за совершенные преступления. На этот вопрос комиссия, учитывая ее состав, не могла дать последовательного ответа, ибо это означало обвинить в преступлениях все руководство КПЧ, начиная с К. Готвальда до А. Новотного. Ответственность была возложена на “политические трупы” А. Чепичку, Р. Баракка, Л. Копршиву. Но одновременно со своих постов были сняты наиболее скомпрометировавшие себя фигуры – К. Бацилек, П. Давид и Б. Кёллер²⁸.

С уходом К. Бацилека произошли кадровые изменения в руководстве КПС. Первым секретарем был избран А. Дубчек, который до этого, на съезде КПС 1962 г., был введен в состав Президиума ЦК КПС, а на XII съезде КПЧ избран в кандидаты Президиума ЦК КПЧ, полноправным членом которого стал 3 апреля 1963 г.²⁹

Как отмечалось выше, доклад Комиссии Д. Колдера вызвал негодование в широких общественных кругах. Наиболее ярко это возмущение прозвучало на съезде Союза словацких журналистов 27–28 мая 1963 г.³⁰ Выступавший на

²⁷ Kaplan K. *Nekrvavá revoluce*. Praha. 1993. S. 379–380.

²⁸ Там же. S. 381.

²⁹ Pravda. 3.6.1963. S. 3.

³⁰ Gosiorovský M. K niektorým otázkam vzťahů Čechov a Slovákov v politike Komunistickéj strany Československa. In: *Historický časopis*, 17, 1968, č. 3. S. 354–406. Требования о введении федеративного устройства или хотя бы возвращения к Кошицкой программе на с. 402–403.

съезде Р. Калиский прямо говорил: “Чешскому гражданину, чешскому политику, чешскому партийному функционеру в эти годы грозило то, что он будет преследоваться как агент империалистической разведки, приспешник Сланского, космополитический элемент, сионист, троцкист..Словак, словацкий коммунистический политик или, в конце концов, рядовой гражданин Словакии от всех упомянутых обвинений мог бы откеститься, но он не смог бы откеститься от обвинений в “буржуазном национализме”, поскольку ко всему прочему был еще и словаком”³¹.

Еще более острым был доклад, с которым выступил М. Гиско. Он обвинил председателя правительства Чехословакии В. Широкого в организации кампании, направленной против “буржуазных националистов”: “Доклад товарища Широкого на IX съезде КПС в той части, где речь идет о так называемом разоблачении так называемых “буржуазных националистов” в нашей партии, не является результатом объективного анализа ситуации. Скорее наоборот (что было характерно тогда для всей нашей пропаганды) доклад априори исходил из тезиса о неминуемой буржуазно-националистической опасности в нашей партии и этому тезису должна была быть подчинена вся действительность”.³² Это выступление можно расценивать как целенаправленную атаку на В. Широкого и фактически призыв к его отставке. Доклад М. Гиско на съезде был опубликован, по предварительной договоренности с главным редактором “Правды” О. Клоком, на страницах партийной газеты.

Выступления словацких писателей и журналистов раскрывали лишь часть настроений словацкого общества, обеспокоенного развитием событий. Наиболее существенным было то, что оппозиция к режиму А. Новотного начала формироваться внутри партийных рядов Словакии. 23 марта 1963 г. партийный историк М. Госиоровский направил в идеологический журнал ЦК КПЧ “Новая мысль” статью под заголовком “К некоторым вопросам отношений между чехами и словаками в политике Коммунистической партии Чехословакии” (о выступлении М. Госиоровского см. также статью В.В. Марьиной, помещенную в данном сборнике). В статье, со ссылками на цитаты из трудов В.И. Ленина и опыт решения национального вопроса в СССР, автор предлагал ввести в Чехословакии федеративное устройство или же, по крайней мере, предоставить

³¹ Nová mysl. 22.2.1966.; Rudé právo, 2.3.1966

³² Dubček A. *Naděje umírá poslední*. Praha. 1993. S. 100.

Словакии автономии. В статье, в частности, отмечалось: “На этнической территории чешского народа (79 тыс. кв. км.) существуют чехословацкие общегосударственные органы, которые одновременно выполняют функцию чешских национальных органов, таким образом ни один чех не испытывает потребности в существовании *особой* национально-государственной организации своего народа. Но на этнической территории четырехмиллионного словацкого народа (49 тыс. кв. км.) не имеется *ни одной* национально-государственной организации, поскольку Словацкий национальный совет, согласно положениям конституции ЧССР, исключен из ступенчатой системы народной власти (да и словацкие городские, районные и областные национальные комитеты напрямую подчиняются общегосударственным органам.). Также необходимо повторить: *словацкий народ является единственным славянским народом (и вообще единственным народом в социалистическом лагере), который на своей этнической территории не имеет национальных органов социалистической государственной власти*, которые соответствовали бы его прошлому развитию, нынешнему состоянию, его численности и особенно необходимости *действительного* (с любой точки зрения) равноправного положения по отношению к братскому народу чешскому”.³³ (Курсив в оригинале – прим. автора).

Свою статью М. Госиоровский направил не только в редакцию, но и одновременно в копии членам Президиума ЦК КПС, секретарям ЦК КПС, а так же в адрес различных чешских и словацких общественных организаций. Журнал отказался публиковать столь “крамольную” статью и автор забрал статью на переработку. 29 июля 1963 г. новая версия статьи была направлена А. Новотному, членам ЦК КПЧ, ЦК КПС, СНС и некоторым другим высокопоставленным чиновникам. Но статье и на этот раз не суждено было увидеть свет, ее впервые опубликовали в 1968 г. в “Историческом журнале”. Но в связи с рассылкой многочисленных копий статья была опубликована практически в форме “самиздата”, и с ее содержанием мог ознакомиться достаточно широкий круг читателей. Идея федеративного устройства Чехословакии приобрела многочисленных сторонников и становилась настолько популярной в словацком обществе, что против нее вначале в журнале “Новая мысль”, а затем в газете “Руде право” вынуждены были выступить М. Пехо и В. Биляк.³⁴

³³ Novotný A. Projevy. III. Praha. 1964. S. 231.

³⁴ Там же S. 232.

А. Новотному пришлось взять под свою защиту В. Широкого, который нес прямую ответственность за организацию кампании против “буржуазных националистов”, поскольку в 50-х гг. именно он являлся председателем Коммунистической партии Словакии. Критику культа личности и ее увязку с борьбой против “буржуазного национализма” А. Новотный считал весьма опасной, прежде всего, для себя самого. Последовательная реабилитация и борьба против культа привели бы к созданию такого положения, при котором нельзя было бы больше замалчивать роль и степень вины самого А. Новотного, являвшегося с 1951 г. членом Президиума ЦК КПЧ, предопределявшим приговоры в политических процессах. Реабилитация г. Гусака и других осужденных словацких политиков повлекла бы за собой необходимость вновь рассмотреть вопрос о положении Словакии в составе Чехословакии, а значит и подвергнуть ревизии Конституцию 1960 г. Поэтому А. Новотный решил перейти в контрнаступление. В начале июня 1963 г. в сопровождении А. Дубчека он предпринял поездку по Словакии, которая должна была укрепить его позиции в регионе³⁵. 12 июня 1963 г. он выступил на активе коммунистов в г. Кошице с докладом, который, как он полагал, положит начало решительному наступлению против оппозиционеров.

Город Кошице был выбран потому, что в Восточной Словакии всегда были сильны античешские настроения, а по некоторым вопросам этот регион находился в оппозиции и к Братиславе. Вначале своего выступления А. Новотный охарактеризовал выступление М. Гиско и другие статьи в журнале “Культурная жизнь” как “опасный путь, на который вступили как писавшие статьи, так и редакция”, а затем перешел к прямым угрозам. “Мы открыто говорим, что не допустим, чтобы орган центрального комитета Коммунистической партии Словакии “Правда” стал платформой для проповедования ошибочных мнений и истерических нападок на партию, чтобы с помощью таких статей оказывалось фальшивое влияние не только на словацкую, но и чешскую общественность”³⁶. Далее А. Новотный констатировал, что в Чехии под эгидой борьбы против культа личности выдвигаются лозунги с требованиями разрешить свободу слова, причем речь идет о “свободе атаковать интересы партии, интересы социализма”³⁷. По поводу “буржуазного национализма” было заяв-

³⁵ Там же. S. 236

³⁶ Там же. S. 237 – 239.

³⁷ Там же. S. 240.

лено следующее: “Партия вела серьезную борьбу за укрепление сплоченности народа наших национальностей как против чешской буржуазии, так и словацкой, представленной Демократической партией. В Словакии объявились товарищи, которые не поняли политику нашей партии и ставили вопрос таким образом: мы все словаки, несмотря на политические убеждения...Мое мнение, критика национализма в Словакии, прозвучавшая на IX съезде Коммунистической партии Словакии, была правильной”³⁸.

А. Новотный осудил выступление Р. Калиского на съезде журналистов и отказался признать справедливой критику ограничения правомочий словацких национальных органов, закрепленных в Конституции 1960 г. На перспективу им была поставлена задача по сближению чехов и словаков³⁹. Предполагалось, что в коммунистическом обществе народы, будут постепенно сливаться воедино, а поскольку чехи и словаки являются самыми близкими народами из всех существующих, то это слияние должно произойти с определенным опережением. Подобное “слияние”, по версии А. Новотного, должно будет произойти, в том числе и с помощью смешанных браков: “Так как в Словакии есть чехи, а сегодня особенно, так и в Чехии есть словаки, словаки женятся на чешках, а чехи на словачках. Разве существуют какие-то проблемы? Не существуют. Наоборот, полная гармония, и никому не придет в голову говорить о каких-то националистических проблемах”⁴⁰.

Выступление А. Новотного на партактиве, опубликованное 13 июня 1963 г., вызвало в Словакии крайне негативную реакцию. Представители интеллектуальной словацкой общественности открыто дали понять, что идея “слияния” чехов и словаков им вообще не по душе, и они считают ее замаскированной формой ассимиляции или же модифицированной версией старой теории о едином чехословацком народе⁴¹. Позже в 1968 г. А. Новотный вспоминал: “Сегодня высмеивают мое выступление в Кошице, где я говорил о произвольном слиянии двух наших народов таким образом, что чехи будут жениться на словачках и наоборот. Это не моя идея, ее предложил уже в начале 20-х гг. Т.Г. Масарик, ее заимствовал Э. Бенеш, соглашались с ней К. Гот-

³⁸ Kaliský R. Alebo asimilácia, alebo zblížovanie. In: Kultúrny život, 25.2.1966 (č. 2). S.1, 3.

³⁹ Černý R. Antonín Novotný. Pozdní obhajoba. Praha. 1992. S. 48.

⁴⁰ Nejedlý Z. Komunisté – dědici velikých tradic českého národa. 4 vyd. Praha, 1951. S.104.

⁴¹ Pachta J. Pekař a pekařovština v českém dějepisectví. Brno, 1950.

твальд и А. Запотоцкий. Никто из нас никогда не думал о чехизации словацкого народа, мы думали о чехословакизме”⁴².

Таким образом, попытка А. Новотного заручиться поддержкой в Словакии провалилась, в регионе усилилась антиновотновская словацкая оппозиция, в состав которой вошли не только партийные номенклатурные кадры и рядовые коммунисты, но и беспартийные представители широких слоев населения, в первую очередь, интеллектуалы.

Наравне с представителями литературы и журналистики (см. подробнее статьи Л.Ф. Широковой, С.А. Шерлаимовой, помещенные в данном сборнике) к середине 60-х гг. в Чехословакии активизировались историки, которые помимо своих прямых обязанностей сыграли и важную политическую роль в формировании общественных настроений и развитии страны.

В 50-х гг. чешская и словацкая историческая наука была втиснута в узкие рамки догматических марксистских представлений о безостановочном историческом развитии по пути к социализму. Коммунизм преподносился как логическое завершение развития чешской и словацкой истории. Основным пропагандистом указанной концепции чешской истории являлся З.Неедлы, который, с одной стороны, искусственно проводил линию о связи гуситства и эпохи возрождения с послефевральским коммунистическим режимом, а с другой, напрямую называл коммунистов “наследниками великих традиций чешского народа”. В своей книге З.Неедлы писал: “...Мы от всей души и от чистого сердца объявляем себя сторонниками Я.Гуса и других революционных героев гуситских. Мы вообще не возражали, если бы сегодня снова появился у нас Жижка и своей булавой, может быть и примитивным, но бесспорно эффективным методом, помог бы навести в мире порядок, так как он делал это пятьсот лет назад”⁴³.

Однако от гуситов коммунисты взяли прежде всего только “революционное” содержание. Приведенная концепция отказывалась рассматривать период, наступивший после битвы на Белой горе, и посвященные этому времени исторические работы Й.Пекаржа и всех его учеников.⁴⁴ Острой критике под-

⁴² Král V. O Masarykově a Benešově kontrarevoluční protisovětské politice. Praha, 1953.// Holotík L'. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958.

⁴³ Sirácky A. Kléřofašistická ideologia l'udáctva. Bratislava, 1955.

⁴⁴ Pichlík K., Vávra V., Křížek J. Červenobílá a rudá. Praha, 1967.// Pichlík K. Zahraniční odboj 1914 -1918 bez legend. Praha, 1968.

вергались основатели, ведущие представители и сама история первой Чехословацкой республики.⁴⁵

Само образование ЧСР в 1918 г., по мнению коммунистических историков, явилось результатом революции в России в ноябре 1917 г. История первой Чехословацкой республики сводилась к истории КПЧ и ее политической и социальной борьбе. Мюнхенские события 1938 г. и прекращение существования Чехословацкого государства в 1939 г. преподносились не только как результат нацистской агрессии и политики Запада, но и как результат предательства чехословацкой буржуазии. В истории сопротивления преувеличивалась роль коммунистов, а также абсолютизировалась роль СССР в освобождении Чехословакии.

В указанную схему не слишком вписывалось историческое развитие Словакии. Несмотря на многочисленные попытки, доказать обратное, движение гуситов в Словакии было незначительным и выстраивать историческую концепцию Словакии, основываясь на этом движении было невозможно. Опасения, в том, чтобы словацкая история “не слишком отклонялась” от заданной концепции, приводили к абсурдным ситуациям. Принижалась роль Л.Штура и его последователей и преувеличивалось значение различных восстаний и бунтов. Естественно негативно оценивалась история самостоятельной Словацкой Республики и умышленно умалчивалась сама проблема автономии и словацкой государственности. Тоталитарный режим Й.Тисо критиковался прежде всего за свой буржуазный характер, что с классовой точки зрения позволяло поставить его на один уровень с домюнхенской демократической Чехословакией.⁴⁶

В 60– гг. борьба против догматизма означала и попытки по-новому переосмыслить и историю домюнхенской республики. Постепенно стали появляться более взвешенные взгляды на ее возникновение, включая роль иностранного сопротивления и чехословацких легионов в ее становлении.⁴⁷ Некоммунистическое сопротивление в период 1939 – 1945 гг. теперь уже воспринималось не в духе 50-х гг. как “попытка Э.Бенеша не допустить социалистической ре-

⁴⁵ Olivová V. Československo-sovětská smlouva z roku 1935. In.: Československý časopis historický, 13. 1965. S.477-500. //Kvaček R. Nad Evropou zataženo. Praha, 1966.

⁴⁶ Kaplan K. Utváření generální linie výstavby socialismu v Československu. Praha, 1966. S.81-83, 103-107.

⁴⁷ Lipscher L. K vývinu politickej správy na Slovensku. Bratislava, 1966. Kramer J. Slovenské autonomistické hnutie v rokoch 1918-1929. Bratislava, 1962.

волюции”, а за членами этого сопротивления признавалось почетное место в борьбе за национальное освобождение. В 1965 – 1968 гг. не только изменились взгляды на Э.Бенеша и Мюнхен, но и стал подвергаться сомнению тезис о том, что в 1938 г. СССР был готов оказать Чехословакии помощь без каких-либо предварительных условий.⁴⁸

В рамках новых взглядов на национальную историю появилось, хотя и умеренная, критика послефевральского развития страны и особенно решения словацкого вопроса.⁴⁹ В критических подходах по отношению к событиям пятидесятых годов не было больших различий во мнении чешских и словацких историков, публиковавших свои работы в 60-х гг. Однако последние, естественно, большее внимания уделяли событиям из истории Словакии. Большое внимание уделялось положению Словакии в составе Чехословакии, различным аспектам автономии.⁵⁰ Изучался характер режима Й.Тисо в период существования независимого словацкого государства во время Второй мировой войны и отношения этого государства с Германией.⁵¹

Многие вопросы чешские и словацкие историки изучали параллельно. Примером может служить изучение периода второго сопротивления. С начала 60-х гг. в Праге существовал чехословацкий комитет по изучению антифашистской борьбы, членами этого комитета были и словацкие историки. Наряду с ним 10 ноября 1964 г. был образован словацкий комитет по изучению истории антифашистского сопротивления.⁵²

Большое значение для критического осмысления историографии имел IV съезд историков, прошедший 27 – 29 сентября 1966 г. в г.Брно. В резолюции

⁴⁸ Lipták L. Politický režim na Slovensku v rokoch 1939-1945. In: Slovenské národné povstanie 1944. Bratislava, 1965. S. 20-49. Также Příprava a priebeh salzburských rokování roku 1940 medzi predstaviteľmi Nemecka a Slovenského štátu. In: Historický časopis, 13, 1965. Также Slovenský štát a protifašistické hnutie v rokoch 1939-1943. In: Historický časopis, 14, 1966, č. 2.S.161-218.

⁴⁹ Jablonický J. Glosy o historiografii SNP. Bratislava, 1994. S.64.

⁵⁰ Československý časopis historický, 15. 1967. č. 1, S.169. Hodnocení sjezdu z “normalizačních pozic”. // Král V. Ke kritice našeho dějepisceví. Praha, 1973. S.66-70.

⁵¹ Král V. Historie v naší společnosti. In: Úkoly československé historiografie. Praha. 1973. S.64.

⁵² Mehrling F. Život Karla Marxe. Praha, 1962. S.208-209. Там же см. ссылки на др. литературу, в том числе труды К.Маркса и Ф.Энгельса.

съезда содержалось требование “углубить европейскую и мировую ориентацию нашей науки” и указывалось на то, что историческая наука не имеет ничего общего ни с политикой, ни с пропагандой, ни с идеологией, она должна объективно изучать историю”.⁵³ Реализация этих вполне естественных требований означала разрушение всех тезисов, выработанных в 50-е гг. Поэтому не удивительно, что в 1973 г. прорежимный историк В.Крал посчитал необходимым еще раз “объяснить”, что “объективизм представляет собой линию буржуазной партийности в науке и чужд марксистской историографии”.⁵⁴

Борьба словацкой историографии за объективное познание своего собственного прошлого в 60-х гг. имела и свои отличительные особенности. Основное отличие от позиций чешских историков состояло в том, что словаки стремились реабилитировать свою собственную национальную историю. Отсюда полемика на страницах профессиональных изданий с венгерскими историками о роли словаков в революции 1848-1849 гг. и споры с чешскими историками по проблематике чехословакизма.

Полемика словацких и венгерских историков о смысле революции 1848-1849 гг. имела словацкое, чехословацкое и всеобщее значение. С чисто словацкой точки зрения она означала защиту словацкого восстания 1848-1849 гг. Так как сторону словацких историков приняли и чешские коллеги, то можно говорить о том, что они создали совместно выработанный “чехословацкий” взгляд на отдельный этап взаимосвязанной истории. В общем плане значение дискуссии заключалось в преодолении принципа о недопустимости критики мнений К.Маркса и Ф.Энгельса. Чисто научный спор имел большое идеологическое и политическое значение. Как известно К.Маркс и Ф.Энгельс принимали активное участие в немецкой революции 1848-1849 гг. и отстаивали так называемую идею пангерманизма, согласно которой в объединенную Германию должны были быть включены все государства, входившие до этого времени в немецкий союз, т.е. как австрийские, так и чешские земли. Поскольку чехи категорично отказывались воспринимать такую позицию, К.Маркс и Ф.Энгельс

⁵³ Mináč V. Tu žije národ. In: Kultúrny život. 15.10.1965, 29.10.1965 (č.42-44). //Mésároš J. K niektorým otázkam hodnotenia L'udovíta Štúra. In: Slovenská literatúra. 12.1965 č. 5. S.458-464.//Novotný J. Štúr a naša vzájomnosť. In: Kultúrny život. 29.10.1965 č. 44. S.8.

⁵⁴ Pechány F. Dejiny uhorského boja za slobodu roku 1848-1849. Budapest, 1903. S.39.

без колебаний заявляли, что чехи являются “контрреволюционным народом” на службе реакционной Вены.

Такой же точки зрения придерживались и в Венгрии. В то время как борьба Л.Кошута против Вены однозначно поддерживалась, движение невенгерских народов (в первую очередь румын и словаков) считалось “контрреволюционным”.⁵⁵

Примечательно, что чешская марксистская историография в послевоенный период никогда открыто не вела полемики с немецкой марксистской историографией о роли чешского национального движения в немецкой революции. Словацкая историография, наоборот, должна была решить эту проблему. Во времена “оттепели”, наступившей в 1963 г. в Словакии резко возрос интерес к вождю словацкой антивенгерской революции Л.Штуру, тем более, что в 1965 г. исполнялось 150 лет со дня его рождения.⁵⁶

Вполне естественно, что венгерская историография всячески подчеркивала большое значение венгерского восстания против Вены и революции во главе с Л.Кошутом в 1848-1849 гг. Такой подход вполне был легитимным, поскольку корни современной свободной и демократической Венгрии брали свое начало именно в этой революции. Тем не менее, венгерская историография “забывала” о национальных аспектах событий 1848-1849 гг., а именно о том, что революционные венгерские деятели не стремились удовлетворить национальные требования невенгерских народов Венгрии. Стремления “невенгров” обеспечить условия для своего собственного развития, и особенно выступления хорватов, румын и словаков на стороне Вены против революции Л.Кошута, с венгерской точки зрения считались “непрогрессивными” и “подрывательскими”. Такая позиция отнюдь не была новой и присущей только венграм. Так, например, А.Пеханый (Пехань), провенгерски настроенный историк словацкого происхождения, писал в 1903 г.: “...В течение тысячелетий наше Отечество пережило немало тяжелых времен. Но одним из самых тяжелых и самых печальных было это время. Ибо, когда грозила опасность Отечеству венгерскому, все граждане страны совместными усилиями защищали Отечество своих предков. Теперь же подстрекательство национальных

⁵⁵ Rapant D. Štúr a štúrovci v službe národa a pokroku. In: Slovenská literatúra, 12. 1965, č. 5. S. 437-457.

⁵⁶ Andics E. Следует ли подвергать ревизии взгляд Маркса и Энгельса на венгерскую революцию 1848-1949 гг. In Fcta Historica, 12, 1966. № 3-4. S.373-393.

агитаторов вызвало споры между гражданами нашей страны, а сыны единого Отечества, единого народа разбрелись по вражеским лагерям”.⁵⁷

Разница была в том, что после 1945 г. и потом в 60-е гг. односторонняя венгерская точка зрения поддерживалась ссылками на К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина, что должно было придать данной теории особую достоверность. Наглядно это проявилось в 1966 г., когда венгерский историк Э.Андич опубликовала в журнале “Valosag” (“Действительность”) статью под заголовком “Следует ли подвергать ревизии взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса на венгерскую революцию 1848 – 1849 гг.?”. Автор, ссылаясь на цитаты из трудов К.Маркса и Ф.Энгельса, в которых они занимали однозначную провенгерскую позицию и отказывались признавать требования невенгерских народов. Данная статья была откровенно направлена против словацкого историка Д.Рапанта, автора многолетнего исследования словацкого национального восстания 1848-1849 гг., опубликовавшего в том же 1966 г. свою работу “Штурм и штурмовцы на службе народа и прогресса”.⁵⁸ Попытки словацких и других историков – румынских, хорватских, таким образом были оценены как “немарксистские” и еретические. Политическое значение статьи венгерского историка подчеркивал тот факт, что в том же году статья была опубликована в Будапеште в “Acta historica” на русском языке специально для читателей других социалистических стран.⁵⁹

Д.Рапант хотел ответить, но редакция журнала “Valosag” отказалась публиковать его статью, которая была опубликована лишь в 1966 г. в журнале “Словацкая литература”. Позицию Д.Рапанта поддержали не только словацкий историк Ю.Месарош на страницах партийного журнала “Авангард”, но

⁵⁷ Rapant D. Pokrok a spiatocňíctvo v rokoch 1848-1849. Odpoveď akademičke Alžbete Andicsovej. In: Slovenská literatúra, 13, 1966, č. 6. S. 604-605.//Mésároš J. Musíme revidovať názory Marxa a Engelsa na revolúciu 1848-1849? In: Predvoj, 27.7.1966 (č.30). S.10-11. 4.8.1966 (č.31). S.10.//Novotný J. K současným polemikám našich a maďarských historiků o marxistickém hodnocení revoluce 1848-1849. Historický časopis, 15, 1967. S.235-245.// См.также: Diskuse kolem otázek hodnocení revoluce 1848-1849. In: Československý časopis historický, 15, 1967. S.203-209.// См.также: Češi a Slováci v národně politických bojích od slovanského sjezdu do porážky revoluce 1848-1849. In: Historický časopis, 15, 1967, č. 3. S.299-300.// Ответ Гюбла М. См.: Literární noviny, 24, 1966.

⁵⁸ См. доклад: М. Kropilák. Historický časopis. 13. 1965, č.4. S.639-641.

⁵⁹ См. доклад: М. Kropilák. Historický časopis. 15. 1967, č.1. S.169.

и чешские историки Я.Новотный и М.Гюбл, которые подчеркивали, что для изучения истории более важны факты, а не цитаты, тем более вырванные из контекста, даже если они и принадлежат К.Марксу и Ф.Энгельсу.⁶⁰

V съезд словацких историков и связанный с ним съезд Словацкого исторического общества, прошедшие в г. Банска Быстрица 16-18 июня 1965 г., был посвящен проблеме “Словаки и их национальное развитие”, что должно было символизировать приверженность словацких историков идее самостоятельного исторического развития словаков, без учета каких-либо идеологических клише и без учета мнений из-за рубежа.⁶¹ О споре с Э.Андич говорилось и на IV съезде чехословацких историков в Брно в 1966 г.⁶²

Полемика между Д.Рапантом и Э.Андич получила свое продолжение в высоких партийных кругах, поскольку венгерская сторона настаивала на продолжении дискуссии со словацкими (или же чехословацкими историками). Предполагалось, что “по идеологическим соображениям”

мнение Д.Рапанта будет дезавуировано.⁶³ В 1967 г. вопросы вокруг революции 1848-1849 гг. действительно стали предметом дебатов на конференции чехословацко-венгерской комиссии историков в г.Смоленице, прошедшей 28 февраля – 3 марта 1967 г., на которой чешским и словацким историкам удалось отстоять свою точку зрения.⁶⁴ Собственная интерпретация национальной истории сыграла большую роль для повышения словацкого самосознания.

Еще более важное значение в этом плане имела полемика вокруг нового взгляда на Словацкое национальное восстание (далее – СНВ). Здесь дебаты носили исключительно политический характер, поскольку были связаны с реабилитацией Г.Гусака и Л.Новомеского. Г.Гусак в 1964 г. опубликовал свои воспоминания о СНВ.⁶⁵ Часть текста публиковалась уже с весны 1963 г. в журна-

⁶⁰ Haraksim L'. Historické dielo Daniela Rapanta. In: Historický časopis. 45. 1997, č. 3. S.386.

⁶¹ См.статью: Mésároš J. In: Historický časopis. 15. 1967, č. 3. S.480-483.

⁶² Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstáí. Bratislava, 1964.

⁶³ Kultúrny život, 28.3.1964 (č.13). S. 9; 1.5.1964 (č.18). S.7; 11.7.1964 (č.28). S.5.

⁶⁴ Например, см. Рецензию Людовита Голотика в Historický časopis. 13. 1965, č. 2. S.250-254.

⁶⁵ Beer F., Benčík A., Graca B., Křen J., Kural V., Šolc J. Dejinná križovatka. Slovenské národné povstanie-predpoklady a výsledky. Bratislava, 1964.

ле “Культурная жизнь”.⁶⁶ Книга была достаточно хорошо принята чешскими и словацкими историками, хотя нельзя сказать, что она в прямом смысле являлась историческим трудом.⁶⁷ В книге Г.Гусака, в частности отмечалось, что режим независимого словацкого государства, несмотря на его негативные черты, положительно воспринимался многочисленной частью словацкого общества. Целью СНВ являлось не обновление домюнхенской Чехословакии, а наоборот – развитие словацкой государственности в новых условиях. В принципе в книге не содержалось каких-то сенсационных открытий. В том же году был опубликован труд коллектива авторов под заголовком “Исторический перекресток”, выводы которого в основном совпадали с выводами в книге Г.Гусака.⁶⁸

8-10 июня 1964 г. Г.Гусак вместе с Л.Новомеским принял участие в научной конференции чешских и словацких историков, прошедшей в г. Смоленице и посвященной Словацкому национальному восстанию, на которой Гусак выступил с незначительным докладом. Летом того же года присутствовал на торжествах в г.Банска Быстрица, посвященных двадцатой годовщине восстания.⁶⁹ Создавалось впечатление, что его книга и особенно политические взгляды 1944-1945 гг. уже не будут предметом политической борьбы, тем более, что в эти и последующие годы был опубликован ряд книг на ту же тему.

Однако, совсем неожиданно, 24 февраля 1966 г. против книги Г.Гусака на страницах журнала “Культурное творчество” выступил коммунистический историк, директор Института истории европейских социалистических стран Чехословацкой академии наук В.Краль. В.Краль получил широкую известность в 50-е гг. как автор книги, содержащей резкие выпады против Э.Бенеша, а в начале 60-х гг. им была опубликована книга с нападками на Г.Гусака и Л.Новомеского.⁷⁰ В.Краль в своей запоздалой рецензии на книгу Г.Гусака опровергал мысль о

⁶⁶ Husak G. K niektorým otázkam Slovenskeho narodného povstania. In: Slovenské národné povstanie. Zborník z konferencie 8.-10. 6.1964. Bratislava, 1965. S.652-664. // См.там же: Выступление Л.Новомеского под названием “За историческую правду о восстании”. С.665-670.

⁶⁷ Král V. O Husákově svědectví trochu jinak. In: Kulturní tvorba. 4. 24.2.1966. S.4-5. См.: Král V. Beneš a obrana státu. Bratislava, 1952.// Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962.

⁶⁸ Falt'an S. Ku Královej recenzii trocha inak. In: Historický časopis. 14. 1966, č.4. S.586. //Špitzer J. Podivný postup proti polemike. In: Kultúrny život, 1.4.1966 (č.14). S.6.

⁶⁹ Jablonický J. Glosy o historiografii SNP. Bratislava, 1994. S.65-67.

⁷⁰ Falt'an S. Ku Královej recenzii trocha inak. In: Historický časopis. 14. 1966, č.4. S.585-594.

том, что Словацкое национальное восстание являлось борьбой за осуществление словацких требований и собственно повторял выпады в стиле кампании времен борьбы с “буржуазными националистами”. В.Краль утверждал, что основной силой восстания были партизаны, а Г. Гусак допустил непростительную ошибку, когда пытался затормозить развитие партизанского движения. Главной целью восстания, по мнению В.Краля, являлась борьба словацкого пролетариата против словацкой буржуазии, а не борьба СНС за новое государственно-правовое положение Словакии в послевоенный период.

С весьма большой долей вероятности можно предположить, что статья была написана по прямому или косвенному указанию А.Новотного. Аппарат ЦК КПЧ предпринял атаку на Г.Гусака, стремясь уничтожить не только его, но и словацкую национальную коммунистическую оппозицию. Против статьи В.Краля выступило большинство не только словацких, но и чешских историков. О том, что рецензия В.Краля была написана по заказу сверху свидетельствуют хотя бы тот факт, что несогласные со статьей с трудом находили возможность опубликовать свое мнение.⁷¹ 7 марта 1966 г. рецензия В.Краля разбиралась в идеологическом отделе ЦК КПЧ в присутствии чешских и словацких историков. Несмотря на все попытки сотрудников отдела Я.Шимка и П.Ауэрсперга убедить приглашенных, чешские и словацкие историки встали на защиту Г.Гусака.⁷²

Официально Г.Гусак не стал вмешиваться в спор. За него это сделал национально-ориентированный коммунистический историк С.Фалтян, опубликовавший статью в “Историческом журнале”.⁷³ Прежде всего С.Фалтян сосредоточил свое внимание на недостаточно подтвержденном фактами утверждении В.Краля о том, что Словацкое национальное восстание да и движение сопротивления в Словакии в целом было всегда стихийно направленно на обновление Чехословакии, что Г.Гусак слишком преувеличивает критическое отношение Словацкого национального совета к Э.Бенешу. При этом С.Фалтян не побоялся открыто написать то, на что Г.Гусак лишь намекнул: “Если чешский человек видел в Бенеше чеха, пусть и буржуазного либерала, но антифашиста, приверженца обновления ЧСР, то словак видел в нем, помимо прочего, то, что он был чехом, буржуазным либералом, антифашистом, явным врагом, против-

⁷¹ Там же. S.587-588.

⁷² Там же. S.588.

⁷³ ALU MS, sig. 209 F 15, sig. 209 F 26.

ником признания своеобразия словацкого народа. Планы Бенеша в этом направлении и его идеологию нельзя охарактеризовать иначе как реакционную и для словаков вражескую”.⁷⁴ Далее добавлялось : “Чехословацкая государственность не является понятием априори и данным на вечные времена”.⁷⁵

Рецензию В.Краля осудил также и Л.Новомеский в письме, направленном в партийные органы, охарактеризовав ее как попытку вернуться в 50-е годы.⁷⁶ При этом следует учесть, что Л.Новомеский в эти годы вообще не участвовал в политической жизни. Он отказался принять участие в возобновляемых чешско-словацких совещаниях в г.Лугачовице, отказался получить звание почетного доктора Университета им. Я.А.Коменского в Братиславе, а чуть позже не принял приглашение участвовать в съезде КПС в качестве почетного гостя.⁷⁷ Поэтому можно предположить, что за его выступлением стоял Г.Гусак. Он сам выступил против В.Краля только в 1968 г., когда на страницах сборника “Конфронтация” написал: “Кто может с уверенностью вычислить, сколько в сознании словацких и особенно чешских людей осталось от искаженной интерпретации истории СНВ? Тем более, что существуют новые попытки вернуться к старым оценкам. В качестве примера можно упомянуть статью Вацлава Краля, уже цитировавшегося автора книги “Правда об оккупации”, в “Культурном творчестве” от 24.2.1966 г., в которой снова в *модернизированной форме* (курсив Г.Гусака) развивает свои старые культовые представления о СНВ. Правда, подавляющее большинство словацких и чешских историков, которые работают над тематикой сопротивления, энергично отклоняют попытки Краля вернуться к старым оценкам. Правдой является и то, что эти попытки оживляют и удерживают при жизни старые предрассудки и сумбур в головах людей”.⁷⁸

Полемика по историческим вопросам, выступления писателей и журналистов показали, что представители чешского и словацкого общества, несмотря на различия в приоритетах, могут поддерживать друг друга особенно по тем вопросам, где их интересы совпадали, и самое главное в борьбе против

⁷⁴ ALU MS, sig. 209 E 6, sig. 209 G 1. ALU MS, sig. 209 F 27. ALU MS, sig. 209 F 26.

⁷⁵ Husák G. Prechádzka dejinami. In: Konfrontácia. Bratislava, 1968. S.130-131.

⁷⁶ Fabian J. Z bojov o stredoeuropsky most. In: Kultúrny život. 1.10.1966 (č.40). S.1, 3.

⁷⁷ Friš E. K problému čechoslovakizmu a l'udáctva. In: Kultúrny život. 4.11.1966 (č.45). S.4.

⁷⁸ Kaliský R. Národ s dedičným hriechom? In: Kultúrny život. 9.12.1966 (č.50). S.3, 7.

режима А.Новотного. В 60-х гг. и чехи и словаки оказывали друг на друга взаимное влияние, но сотрудничество между ними имело и свои границы. Реабилитация идеи словацкой государственности в том виде, в котором она подавалась во времена Словацкого национального восстания, влекла за собой и проблему отношения и к словацкой народной партии А.Глинки, выступавшей за автономию, и к словацкому государству времен второй мировой войны и к первой Чехословацкой Республике. Отрицательное отношение к ним было задано коммунистической идеологией. Но как только официальные догмы начали рушиться ситуация сразу же стала выглядеть иначе.

Осенью 1966 г.– в начале 1967 г. разгорелся большой спор между Ю.Фабианем, Р.Калиским, с одной стороны, и Э.Фришем и З.Есенской, с другой стороны. Ю.Фабиан обосновывал значение образования независимого словацкого государства во время второй мировой войны, как ответ на ревизионистские угрозы и требования Венгрии.⁷⁹ Э.Фриш возражал, заявляя, что недемократический характер словацкого государства от этого не изменился, поэтому невозможно оправдывать режим глинковской партии.⁸⁰ Р.Калиский принял сторону Ю.Фабиана, чьи выпады против Э.Бенеша и “чехословакизма” мало чем отличались от бывшей “людацкой” или неолюдацкой эмигрантской публицистики.⁸¹ Наоборот З.Есенска выступила на защиту довоенной Чехословакии и указывала на то, что хотя против самой идеи о словацкой автономии нельзя ничего возразить, но в конкретной форме, т.е. в условиях “людацкого” тоталитаризма, эта идея не могла быть шагом вперед и тем более не могла решить словацкий вопрос.⁸² В приведенной полемике не только как в зеркале отразился спор известный потом в 1968 г. как полемика “демократизация против федерализации”, но и высветились определенные различия в ориентации чешского и словацкого обществ, поскольку из чешского лагеря никто не поддержал Ю.Фабиана и Р.Калиского.

⁷⁹ Jesenská Z. O dedičnom hriechu, čiže Nehante l'ud moj? In: Kultúrny život. 13.1.1967 (č.2). S. 3, 10.

⁸⁰ Kultúrny život. 30.6.1967 (č.26).

⁸¹ Kultúrny život. 7.7.1967 (č.27). Подробнее о съезде см.: Kaplan K. Všetchno jste prohráli. Praha, 1997.

⁸² Kultúrny život. 30.6.1967 (č.26). S.1, 8-9.// Literární noviny. 1.7.1967 (č.26). S.2-3. // Rudé prvo. 28.6.1967. S.1-2.

Различная ориентация интеллектуалов еще больше проявилась на IV съезде Союза чехословацких писателей, который прошел в Праге 27-29 июня 1967 г.⁸³ Часть чешских писателей открыто выступила против диктатуры А.Новотного и потребовала предоставления свободы слова и творчества без вмешательства государственной власти. Не удивительно, что присутствующий на съезде секретарь ЦК КПЧ Й.Гендрих остро протестовал против подобных выступлений. Однако против “идейной платформы некоторых выступлений” протестовал и словацкий поэт М.Лайчиак. Правда, слова об “антисоциалистических элементах” прозвучали и из рядов чешских писателей (например, И.Скала). То, что никто из словацких писателей так и не поддержал своих чешских коллег, снова указывало на различия в приоритетах. Хотя проводить разграничительную черту, исходя из национальностей, было бы не совсем правильным, поскольку резолюцию, в которой содержалось требование не решать политические вопросы на съезде, и, которая дезавуировала выступление реформаторов, подписали не только словацкие, но и часть чешских делегатов.⁸⁴

Протокол съезда полностью не мог быть опубликован в 1967 г., исключение было сделано для вступительного слова М.Кундеры и доклада Й.Гендриха.⁸⁵ Критические выступления публиковались в сильно сокращенном варианте или в виде отдельных реплик. Интерес представляет то, что словацкий журнал “Культурная жизнь” информировал своих читателей о критических выступлениях на съезде в гораздо меньшей степени, нежели его чешский аналог “Литературная газета”. Так, например, принципиальное выступление Л.Вацулика было сведено лишь к одному предложению: “Лудвик Вацулик говорил об отношениях гражданина и власти и об отношениях власти и литературы”.⁸⁶

Выступления чешских писателей на съезде были подвергнуты резкой критике на заседаниях ЦК КПЧ 19 сентября и 26-27 сентября 1967 г.⁸⁷ Некоторые из них были исключены из рядов КПЧ. Другие получили различные дис-

⁸³ Kultúrny život. 7.7.1967 (č.27). S.3.

⁸⁴ Там же

⁸⁵ Kaplan K. Všechno jste prohráli. Praha, 1997. S.158.

⁸⁶ Literární noviny. 7.10.1967 (č.40). S.3 (diskuse Strana a spisovatelé)

⁸⁷ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Bratislava, 1998. S.212.

циплинарные взыскания.⁸⁸ Партийные чиновники, идеологи и приглашенные на заседания верные партии публицисты и писатели Я.Фойтик, О.Швестка, И.Скала и В.Румл особенно критиковали “неклассовое понятие свободы”. Присоединился к ним и словацкий писатель В.Минач. Вначале он отклонил упреки западных интеллектуалов, которые протестовали против вмешательства партийных функционеров свободу творчества, а затем критиковал попытки “не с классовых позиций” представить довоенную Чехословакию как страну свободы и демократии: “От берегов Влтавы аж до берегов Темзы была развязана против нас (КПЧ-прим. автора) кампания... Самым конфузным и безответственным способом на съезде говорилось о свободе. На заднем плане, в подтексте, мерой свободы была домюнхенская республика”.⁸⁹

В.Минач естественно представлял мнение не всех словацких писателей, даже не большую их часть, но все равно возникает вопрос, почему словацкие писатели не поддержали своих чешских коллег на съезде. Среди историков существовала версия, что словаки заранее не были информированы о выступлении чешских реформаторов и не смогли соответствующим образом подготовиться, и это не позволило писателям выступить с единых позиций.⁹⁰ Позже в 1968 г. В.Минач так объяснял позицию словацких писателей. Прежде всего словакам не нравилось то, что чешские коллеги говорили об отношении чехов с другими странами, а словаки в их рассуждениях вообще не упоминались.⁹¹ И хотя к утверждениям В.Минача надо относиться критически, они тем не менее частично подтверждают, что у чешской и словацкой интеллектуальных элит налицо были различные идейно-политические приоритеты. Различие в чешских и словацких приоритетах наиболее ярко проявилась во время демократического процесса весной 1968 г.

⁸⁸ Kultúrny život. 10.5.1968 (č.19). S.3-4.

⁹⁰

⁹¹

Е.Л. Валева

ОППОЗИЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В БОЛГАРИИ В 1960-е ГОДЫ

Апрельский пленум 1956 г. и пять-шесть лет после него имели для Болгарии то же значение, что для Советского Союза хрущевская «оттепель». С наиболее очевидными и одиозными проявлениями сталинизма было покончено, методы и формы управления тоталитарного государства становились более гибкими. По примеру Хрущева Живков пришел к власти в 1956 г. под лозунгом критики «культ личности», а к концу 1962 г. в его руках сосредоточена вся полнота партийной и государственной власти. К этому времени ему удалось окончательно избавиться от своих вчерашних соперников или потенциально опасных противников, имевших прочные связи и влияние в БКП. Оказавшись на вершине властной пирамиды, Живков подчинил себе не только весь партийный и государственный аппарат, но и руководство армией, репрессивные структуры и средства массовой информации.

Как любой авторитарно-тоталитарный режим, живковский опирался на репрессивный государственный аппарат, прежде всего на органы госбезопасности. Правда, после 1956 г. формы работы госбезопасности стали более завуалированными, не такими открытыми, как прежде, когда тайная полиция стояла над партией и государством и могла подвергнуть необоснованным репрессиям партийного и государственного деятеля любого ранга. После апрельского пленума 1956 г. преследовались лишь недовольные режимом и уличенные в активных действиях против него. Служба, следившая за руководящими кадрами, была законспирирована и называлась Отделом борьбы с антипартийными проявлениями в составе Шестого управления Государственной безопасности (кстати, и сам Отдел и все Шестое управление были закрыты после ноября 1989 г.). Информация Отдела предоставлялась лично Т. Живкову. Никто другой из высшего партийного руководства не знал о структуре и формах работы этой службы.

В органах госбезопасности с их практически неограниченными техническими возможностями, а также в широкой сети добровольных информаторов

Живков не без основания видел надежную опору своей власти. Ему же фактически подчинялось и Министерство внутренних дел, поскольку возглавлявший оперативно-агентурную работу в МВД М. Спасов отчитывался лично перед Живковым. Глава партии и государства вообще ценил информацию любого рода. Это качество, несомненно, помогло ему продержаться у власти 35 лет, устраняя политических противников, хотя их и было немного. В умении этого деятеля быстро вскрывать зарождающиеся тревожные ситуации и еще быстрее реагировать на них кроется одна из причин того, что при нем в Болгарии, в отличие от ряда других социалистических стран, не было тяжелых политических эксцессов. На протяжении всего периода правления Живкова не было вынесено ни одного смертного приговора по политическим мотивам¹. В целом можно сказать, что живковская эпоха в истории Болгарии не была омрачена политической нестабильностью.

Тем не менее, было бы явным преувеличением говорить о совершенно «безоблачном» правлении болгарского лидера. Как у любого авторитарного политика, у него имелись противники и критики. Однако как правило, все они выражали несогласие с отдельными сторонами существовавшего режима, не являясь принципиальными «врагами» социализма. В историю вошла так называемая «группа Николы Куфарджиева», отважившаяся открыто выступить с острой и всеобъемлющей критикой руководства БКП. Семеро коммунистов с довоенным стажем (бывшие участники партизанской борьбы и политзаключенные) направили 1 июня 1960 г. письмо-предупреждение ЦК БКП, в котором они называли себя «группой членов БКП – демократов, обеспокоенных направлением развития социализма» в Болгарии. Фактически они стали первыми коммунистами, открыто указавшими на деформации в различных секторах общества²: в промышленности, созданной в результате национализации, распоряжается высшая бюрократия; трудовые коллективы не участвуют реально в управлении производством; кооперативные хозяйства на селе превратились в своеобразные госпредприятия и т.д. Представив острокритический экономический и политический анализ болгарского общества, они констатировали, что «высшая государственная и партийная бюрократия неизбежно становится единственным и полновластным распорядителем всех средств производства, фактически их реальным собственником». Охарактеризовав существующий в Болгарии строй как «бюрократический государственный социализм», как опо-

роченную модель марксовского социализма, и доказав при этом его экономическую неэффективность, оппозиционеры назвали и персональных виновников «создавшегося тяжелого положения в стране и в партии» – Т. Живкова и его окружение³. Заметим, что письмо было написано за восемь лет до «Пражской весны» и за двадцать пять – до начала перестройки в СССР. Важно подчеркнуть, что «семеро смелых», формально действовавших в соответствии с партийным уставом, не участвовали лично в борьбе за власть и не входили в партийное руководство. Это были журналисты и экономисты, один полковник запаса; сам Н. Куфарджиев занимал должность секретаря Национального совета профсоюзов.

Разумеется, расправа со смельчаками последовала незамедлительно: на специально созванном пленуме ЦК БКП в марте 1961 г. «группа Куфарджиева» подверглась сокрушительному разгрому.

В качестве их идейного источника называлась югославская модель социализма, приверженцем которой являлся Н. Куфарджиев. Члены группы были исключены из партии, уволены с работы и выселены в отдаленные районы страны вместе с семьями. Опасаясь, как бы некоторые члены ЦК БКП не выразили согласия с авторами письма, партийная верхушка сочла целесообразным не знакомить всех членов ЦК с адресованным им письмом.

Используя этот инцидент как повод для устранения еще остававшихся конкурентов на вершине партийного Олимпа, Живков настоял на обсуждении и осуждении поведения своих старых личных врагов – видных деятелей БКП Йонко Панова и Добри Терпешева, имевших большие заслуги в партизанской борьбе. На том же пленуме их обвинили в сотрудничестве с членами «антипартийной группы» и также исключили из партии⁴.

К середине 1960-х годов кризисные явления в болгарском обществе были налицо. В экономике наблюдалось снижение и без того невысокого жизненного уровня многих слоев населения. В политической системе социализма стал очевиден износ ряда ее компонентов. Неправильная и неэффективная политика властей вела как к усилению оппозиционных тенденций внутри правящей партии, так и к возникновению негативных настроений среди народных масс. В частности, самый сильный взрыв недовольства вызвало значительное повышение цен в 1967 г. на основные продукты питания – молоко и мясо. На собраниях в коллективах многие коммунисты вместо того, чтобы воздействовать

на беспартийных в «нужном» направлении, напротив, оценивали экономическую политику правительства негативно, критиковали отдельные «составляющие» политической системы и политическую элиту, облагодетельствованную высокими зарплатами и различного рода привилегиями⁵.

Вместе с тем, наступившая с конца 1964 г. некоторая либерализация режима создала условия для усиления свободомыслия в болгарском обществе. Наиболее сильное выражение оно нашло в среде художественно-творческой и научной интеллигенции.

Но все эти оппозиционные настроения ни в коей мере не представляли опасности для руководства страны во главе с Т. Живковым. Единственная серьезная попытка свержения его единоличного управления за весь период «государственного социализма» в Болгарии была предпринята весной 1965 г.

После крушения коммунистического режима в ноябре 1989 г. появился целый ряд исследовательских и мемуарных публикаций, касающихся заговора военных против Живкова в середине 60-х годов⁶. Об этих событиях, известных как «заговор группы Ивана Тодорова – Горуни», было, конечно, известно и раньше. Однако в годы социализма по понятным причинам они всячески замалчивались. Как сам заговор, так и его раскрытие официальная власть держала в тайне целых 25 лет. Дозированную информацию получили в свое время лишь члены компартии, в народе же циркулировали только слухи. Относительно подробные сведения о заговоре стали достоянием общественности лишь после отстранения Т. Живкова от власти в 1989 г., в частности, в связи с пересмотром данного дела Верховным судом Болгарии в 1990 г.

Интерес к этим событиям и к личности И. Тодорова остается в Болгарии неизменным и по сей день, тем более что на многие вопросы до сих пор нет ответа. После крушения коммунистического режима этот интерес даже возрос, но, правда, главным образом в связи с вопросом, покончил ли Горуня жизнь самоубийством накануне ареста или речь идет об организованном убийстве, за которым стоит Т. Живков. Вторую точку зрения поддерживают авторы книг об И. Тодорове (прежде всего П. Цонев в книге «Кто убил Горуню»), а также Д. Добрилов, режиссер документального фильма «Жертва», прошедшего по экранам Болгарии после 10 ноября 1989 г. и посвященного «первому оппозиционеру» живковской власти, каковым многие болгары

считают Горуню. А в 2010 г. в связи с 45-й годовщиной гибели И. Тодорова в его родном селе Горна Кремена был организован митинг-поклонение. Перед памятником Горуни, установленным после его гибели на средства односельчан, собрались его соратники и приверженцы, многочисленные активисты левых партий Врачанской области, где Горуня еще при жизни пользовался большим влиянием и авторитетом. Председатель Общинного совета Болгарской социалистической партии (БСП) г. Мездра Д. Дамяновски в равной степени эмоционально говорил как об участии Горуни в движении Сопrotивления капитализму и фашизму, так и о его решительной борьбе против утверждения единоличной власти Т. Живкова. По словам оратора, социалисты Мездренского края хранят верность заветам Горуни со времени его зловещего убийства 8 апреля 1965 г. и по сей день.

Доживший до нынешних времен соратник Горуни, генерал Цвятко Анев, время от времени выступает с обвинениями БСП (преемницы БКП) в ренегатстве и против членства в ней таких нездоровых элементов, как например, внучка Т. Живкова Евгения ⁷. Для Анева и его единомышленников участие их в заговоре – несомненное проявление героизма в борьбе против прогнившего правления Т. Живкова. Вообще, немало болгар склонны и сегодня героизировать участников и последователей «группы Горуни». Среди причин этого можно назвать отсутствие достоверной и полной информации об идеях и программе конспираторов, сохраняющийся негативизм по отношению к Живкову и периоду его правления, мифологизация заговора и, в частности, самого Горуни (приведем в качестве примера характерный заголовок статьи Б. Гырдева – «Заговор, окутанный тайнами, и с очарованием легенды» ⁸). Не последнее место, конечно, занимает и желание убедить себя и других: «и мы кое-что дали миру» в борьбе против коммунизма!

Разумеется, как и по многим другим вопросам, в оценке этого деятеля и связанных с его именем событий мнения в современной Болгарии разделились. Противоположная точка зрения сводится к тому, что для восхваления Горуни нет никаких оснований. Нельзя представлять его демократом только из-за того, что он выступал против Т. Живкова. Убежденный коммунист, И. Тодоров хотел изменить партийный курс, а, следовательно, и политику государства, но не в направлении демократизации, как это произошло в 1956 г. в Венгрии и в 1968 г. в Чехословакии. Горуня был сталинистом, стремившимся

вернуть Болгарию к «ортодоксальному» коммунизму и оппонировавшим Живкову с крайне левых позиций.

Иван Тодоров-Горуня родился в 1916 г. В компартию вступил накануне войны, в 1939 г. был осужден за политическую деятельность, но сумел бежать из тюрьмы в 1941 г. и сразу включился в партизанскую борьбу. (Считается, что в сентябре 1941 г. он стал первым партизаном во Врачанском округе). Вскоре был назначен политкомиссаром легендарного партизанского отряда «Гаврил Генов». После прихода коммунистов к власти 9 сентября 1944 г. Горуня стал кандидатом в члены, а затем и членом ЦК БКП, занимал руководящие посты во Врачанском округе, а затем должности заместителя министра земледелия и председателя Комитета водного хозяйства при Совете министров НРБ в ранге первого замминистра.

В конце 1964 – начале 1965 г. вокруг Горуни образовалась группа единомышленников, в которую вошли несколько десятков высших офицеров, в том числе генералов, известных партизанских командиров. К ней примкнули также преподаватели идеологических дисциплин в вузах, которые не смогли смириться с ревизией сталинских установок, порвать с устаревшими догмами. Сталинисты и «правоверные» коммунисты, которых в то время в Болгарии было немало, считая, что Т. Живков делает недопустимые уступки капитализму, начали тихо роптать.

Помимо Горуни, главную роль в заговоре играли бывший первый секретарь Врачанского окружного комитета БКП, заведующий отделом МИД Цоло Крыстев (вместе с ним в свое время Горуня находился в тюрьме), начальник Софийского гарнизона генерал-майор Цвятко Анев, начальник кабинета министра обороны полковник Иван Велчев (все трое – соратники Горуни по партизанскому отряду «Гаврил Генов») ⁹. Многие данные свидетельствуют, что о зрелом заговоре знали видные лица в управленческих структурах власти, но не просигнализировали об этом ¹⁰.

Как видим, в руководство группы входили известные лица (включая члена правительства), имевшие прочные связи со своими боевыми соратниками по партизанской борьбе в разных районах страны, особенно в юго-западной части Врачанского округа. В этом крае авторитет Горуни, завоеванный в движении Сопrotивления, не смогла поколебать даже его неблагоприятная роль в коллективизации во Врачанском и Михайловградском округах, когда

он насильно загонял крестьян в кооперативы). Таким образом, конспиративная сеть состояла из людей, облеченных властью и располагавших реальной возможностью совершить насильственный переворот. Все это объясняет, почему полученная информация о конспираторах вызвала в руководстве БКП нешуточную тревогу.

Идейная основа заговора возникла вскоре после отстранения от власти в октябре 1964 г. Н.С. Хрущева, когда новое руководство КПСС во главе с Л.И. Брежневым взяло курс, не афишируя этого, на частичную реабилитацию Сталина. Болгарские сталинисты решили, что наступил удобный момент для свержения «предавшего идеалы коммунизма» Живкова. Идейные убеждения конспираторов совпадали и с позициями китайских и албанских коммунистов, полагающих, что после смерти Сталина начался период оппортунизма и ослабления диктатуры пролетариата, что в европейских соцстранах, включая Советский Союз, «обуржуазившаяся» руководящая верхушка реставрирует капитализм.

Первоначально единомышленники Горуни полагали, что в ЦК БКП имеется достаточно противников Живкова, чтобы отстранить его простым голосованием. Однако вскоре стало ясно, что первый секретарь располагает поддержкой большинства. На декабрьском пленуме ЦК БКП в 1964 г. генерал Иван Бычваров, заведующий административным отделом ЦК, предложил отстранить Живкова с поста руководителя партии из-за отсутствия необходимых деловых и личных качеств. Предложение Бычварова встретило резкую критику, а вскоре он был смещен со своего поста и направлен а почетную ссылку – послом в ГДР. Спустя два года Бычваров погиб в авиакатастрофе по пути из Софии в Берлин¹¹, что породило предположения о его насильственном физическом устранении. Неудавшаяся попытка Бычварова убедила членов группы Горуни, что мирным путем ничего не добиться.

Как говорилось в закрытом письме ЦК БКП всем партийным организациям, направленном уже после раскрытия заговора, «после Октябрьского пленума ЦК КПСС, неправильно толкуя его решения как отступление перед руководством Китайской компартии, Цоло Крыстев, Иван Тодоров-Горуня, генерал Цвятко Анев и некоторые другие лица, члены партии, активизируют свою деятельность и решают осуществить свой план – путем переворота свергнуть партийное и государственное руководство и изменить политику партии... От-

странив партийное и государственное руководство в центре и на местах, они хотели осуществить коренные изменения во внутренней и внешней политике страны в прокитайском духе. В области внешней политики линия группы заговорщиков была направлена на постепенный отрыв страны от Советского Союза»¹² (после того, как стало ясно, что новое руководство СССР не реабилитировало сталинизм полностью, оно также подверглось нападкам со стороны конспираторов).

Платформа заговорщиков (болгарский историк В. Мигев охарактеризовал их как «правую оппозицию власти»¹³, хотя, с нашей точки зрения, правильнее говорить о левой) представляла собой смесь маоизма и сталинизма. С точки зрения сегодняшнего дня позиции конспираторов были нечеткими и противоречивыми, в их суждениях существовала известная путаница. С одной стороны, они стремились к более независимой от СССР внутренней и внешней политике в стиле Тито, а с другой – преклонялись перед Сталиным. Но прежде всего это был протест против наметившейся либерализации в политической и экономической областях: против изменений в сфере пропаганды и идеологии, против новых методов руководства экономикой, то есть введения рыночных принципов в плановое хозяйство, в частности, более дифференцированной оплаты труда. Начавшая в 1965 г. в Болгарии экономическая реформа могла привести, по мнению оппозиционеров, к появлению «красной буржуазии» и к реставрации капитализма.

Однако – и это крайне важно для понимания влияния и авторитета оппозиции в определенных кругах населения тогда и популярности И. Тодорова у части болгар в наши дни – Горуня и его сподвижники справедливо и резко критиковали моральную деградацию «верхов», их привилегии и образ жизни, коренным образом отличавшийся от жизни простых людей. Не случайно на пленуме ЦК БКП, специально созванном в связи с раскрытием заговора, один из членов ЦК, С. Симеонов предложил не излагать в информации ЦК всю платформу заговорщиков, а взять лишь ее антисоветскую часть. Главное же – в информации следовало представить их обычными карьеристами, искушаемыми соблазнами власти, людьми с неудовлетворенными амбициями, в разное время и по разным поводам наказанными партийными органами. Надо подчеркнуть, считал Симеонов, что вся их работа сводилась лишь к борьбе за власть (что не вполне отвечает действительности – ведь многие из конспирато-

ров и так занимали важные посты, вплоть до участия в правительстве! – Е.В.). Другую же часть платформы (естественно, с критикой злоупотреблений правящей верхушки и ее нравственной деградации. – Е.В.) не следует делать достоянием партийных организаций, поскольку они вызовут сочувствие, пусть даже небольшого числа партийных членов¹⁴.

Основной доклад на чрезвычайном пленарном заседании 14 апреля 1965 г. сделал член Политбюро и секретарь ЦК Боян Былгаранов¹⁵. «Не может быть никакого сомнения, что если бы конспираторы не были своевременно раскрыты и не началась бы работа по их обезвреживанию, их организация могла бы причинить большие неприятности нашей партии и государству», – подчеркнул оратор. Он информировал пленум о плане заговорщиков, согласно которому в назначенный для заседания ЦК БКП день группа офицеров при поддержке нескольких войсковых частей столичного гарнизона должна была проникнуть в здание Партийного дома и заставить членов ЦК принять решения, предварительно выработанные руководством заговорщиков. При сопротивлении не исключалось и кровопролитие, а затем предусматривалось расширение завоеванных позиций¹⁶. Так, была поставлена задача овладения властью на местах, а в г. Русе предстояло захватить мост через Дунай (для этого у конспираторов был даже специальный пароль), чтобы воспрепятствовать переброске советских войск (!)

Выступление было намечено на субботу 14 апреля 1965 г. во время пленума ЦК БКП. Военный комендант Софии генерал Анев должен был овладеть Партийным домом силами столичного гарнизона и нейтрализовать охрану, верную Живкову. При этом конспираторы рассчитывали и на начальника Софийского управления МВД генерала С. Стефанова, но тот предал их еще 12 февраля, доложив министру внутренних дел генералу Д. Дикову и его заместителю А. Солакову о предложении, сделанном ему накануне полковником Цанковым¹⁷. Полковник Велчев должен был от имени министра обороны вызвать в министерство командиров армий, которых следовало задержать, а на их место направить новых, посвященных в заговор. Предполагалось также блокировать все аэродромы с целью предотвращения вылета боевых самолетов.

Руководители группы действовали в условиях строгой конспирации, встречались лишь в случае крайней необходимости, во избежание подслу-

шивания использовали в разговорах пароли и медицинскую терминологию: Горуня был «доктор», Велчев – «больной мальчик», «поднялась температура» означало опасность, «немного кашляю» – опасности нет и т.п. Только Горуня и, вероятно, Крыстев знали о том, чем занимаются другие участники заговора. На местах создавались конспиративные группы, по некоторым сведениям, даже были распределены будущие посты (что дало основание обвинить заговорщиков в карьеризме и жажде власти). Правда, на периферии конспиративных связей оказалось немного, а поддерживать их было трудно.

С точки зрения сегодняшнего дня, шансов на успех у группы Горуня было крайне мало: им противостоял мощный государственный аппарат, за которым стоял еще более мощный – советский (спустя три года армии стран Варшавского договора показали себя в действии в Чехословакии). Горуне не удалось привлечь на свою сторону членов ЦК БКП, Анев и Крыстев не смогли завербовать важные кадры в правительстве и армии. Крупной неудачей заговорщиков следует считать невозможность увлечь за собой значительную часть армии и гарантировать содействие или хотя бы нейтралитет милиции, по крайней мере, столичной. Провал начался именно после попытки конспираторов привлечь генерала С. Стефанова, начальника Военной академии В. Палина и некоторых других военных, сообщивших о заговоре. От них ниточки предательства потянулись в разные стороны.

Определенное (хотя, разумеется, не первостепенное) значение для раскрытия заговора имел и тот факт, что его душой были боевые соратники из врачанского партизанского отряда «Гаврил Генев». Они пользовались известностью и уважением во Врачанском округе, но основные действия конспираторов должны были развиваться не там, а в столице. В Софии же власть находилась в руках людей, часть которых (прежде всего, сам Живков и министр обороны Добри Джурев) в свое время действовала в другом, также легендарном партизанском отряде – «Чавдар». На практике вышло так, что места по разные стороны заговора заняли «гаврилгеновцы» и «чавдарцы».

Заговор был очень быстро раскрыт силами госбезопасности, информацию о нем моментально довели до Живкова. 28 марта утвердили «план агентурно-оперативных и профилактических мероприятий по групповой разработке» под красноречивым названием «Дураки» (предположительно кодовое название операции дал сам Живков, часто употреблявший это русское слово в бол-

гаризованном варианте)¹⁸. Под руководством М. Спасова были организованы слежка, прослушивание и активные контрдействия. Благодаря подслушивающему устройству, микрофон которого удалось вмонтировать в фуражку Ц. Анева (!), органам госбезопасности очень быстро стали известны все детали заговора. В период с 28 марта по 12 апреля 1965 г. большинство конспираторов были арестованы.

Надо сказать, что Живков попытался «отрезвить» заговорщиков и на пленуме ЦК БКП 23 марта 1965 г. сделал весьма прозрачный намек на то, что некоторые авантюристские элементы стремятся к изменению партийного курса (на партийном языке это фактически означало смену руководства). Параллельно по его указанию орган ЦК БКП газета «Работническо дело» выступила с критикой Горуни, после чего состоялась личная встреча Живкова с оппозиционером. В это время заговорщики уже подозревали, что за ними ведется наблюдение, и даже советовали своему лидеру использовать встречу для признания с тем, чтобы избежать репрессий. Однако Горуня не проявил признаков раскаяния, хотя, по свидетельству Живкова, выглядел подавленным¹⁹.

5 апреля Горуня сообщил генералу Аневу, что заговор раскрыт, после чего Анев уничтожил письменный план и список с именами заговорщиков. Оба решили перейти на нелегальное положение и эмигрировать в Румынию. Однако через три дня генерал бежал, укрывшись в доме у своего родственника, где его быстро обнаружили и арестовали. Узнав о бегстве Анева, Горуня оказался перед альтернативой: явиться в ЦК с повинной или перейти на нелегальное положение.

Конец агонии заговора наступил в 4 часа утра 8 апреля 1965 г., когда в доме Горуни раздался выстрел. Его сын нашел отца в спальне, убитым выстрелом в правый висок. При этом его пистолет лежал на груди, а руки были вытянуты вдоль тела. Рядом нашли и предсмертную записку: «Вслед за подготовкой идейного разгрома партии началась физическая кровавая расправа с ее кадрами. Сдаваться живым в руки врагов партии я не привык. Я в осаде! Умираю, но не сдаюсь». Далее следовали число (8.IV.1965 г.) и подпись. Согласно официальной версии тогдашних властей И. Тодоров-Горуня покончил жизнь самоубийством, опасаясь ареста. Однако почти сразу же поползли слухи о том, что Горуня убит (возможно, их распускали его единомышленники для создания ореола героя-мученика вокруг имени своего лидера). Медсест-

ра больницы, куда отправили тело, впоследствии свидетельствовала о следах крови на пижаме в грудной области: по одной из версий, в машине скорой помощи Горуня был еще жив, но М. Спасов якобы добил его ножом в грудь. Позже пижама исчезла (у сторонников версии убийства возникал вопрос: какой самоубийца спокойно ляжет спать, надев пижаму?!).

По распоряжению ЦК БКП Горуня был без официальных почестей похоронен в родном селе. Несмотря на очевидное желание властей провести погребение без огласки, достичь этого не удалось: односельчане и соратники Горуни собрались на массовый митинг²⁰.

Забегая вперед, отметим, что в 1989/1990 гг. было проведено повторное расследование, подтвердившее прежнее заключение о самоубийстве. Были допрошены Т. Живков и работники госбезопасности, участвовавшие в операции. Эксгумации подверглись останки Горуни. Была проведена и графологическая экспертиза, доказавшая, что предсмертное письмо написано и подписано И. Тодоровым.

Несмотря на смерть руководителя заговора, тревога властей улеглась не сразу. Врачанский округ был блокирован милицией, продолжались аресты подозреваемых, началось следствие. По свидетельству тогдашнего председателя Госбезопасности А. Солакова, Живков был проинформирован об окончании следствия, якобы выявившего широкую сеть непосредственных участников – 105 человек. Солаков, однако, не исключает, что эта цифра была намеренно преувеличена, чтобы развязать руки для расправы с политическими противниками²¹.

Т. Живков принял решение провести суд над главными заговорщиками, но высказал пожелание, чтобы их было как можно меньше. В июне 1965 г. Военная коллегия при Верховном суде НРБ рассмотрела дело группы заговорщиков. Девять активных участников получили сравнительно мягкие для того времени приговоры – от 8 до 15 лет тюремного заключения. Однако Живков использовал заговор военных как исключительно удобный повод расправиться с оппозицией в рядах партии и усилить единоличный контроль над армией и Министерством внутренних дел. Об этом свидетельствуют следующие данные: по партийной и административной линии были наказаны 192 человека, военные были разжалованы, некоторые интернированы. Только во Врачанской области из БКП исключили 189 коммунистов, 250 офицеров были уволены по

подозрению в негативном отношении к Живкову. Были произведены перемещения в командном составе армии²².

Однако никто из участников заговора не отбыл полный срок – в течение нескольких лет все вышли на свободу. Целью Т. Живкова непосредственно после ликвидации заговора было наказать главных виновников, но так, чтобы вокруг этого не поднималось много шума и чтобы о конспираторах забыли как можно быстрее. В связи с этим можно не согласиться с В. Мигевым, усматривающим в сравнительно мягких приговорах свидетельство о том, что правящая верхушка не воспринимала оппозиционеров и их организацию всерьез, не считала их реальной опасностью режиму²³. То, что Живков, справившись со своими противниками, не наказывал их строго, скорее представляет собой один из тактических ходов искусственного политика, с помощью которых он постепенно элиминировал всех претендентов на верховную власть. Так, по случаю 25-летия победы 9 сентября 1944 г. Т. Живков типично в своем стиле включил заговорщиков в списки для амнистии: противники полностью разбиты, извлекли для себя уроки во время тюремного заключения и уже не представляют для него реальной опасности.

А 15 июня 1990 г. во время повторного следствия все осужденные по делу Горуни были реабилитированы Военной коллегией Верховного суда. Но с какой мотивацией! Суд не отрицал подготовки переворота, но оправдал ее при помощи своеобразных аргументов: «Эта деятельность была общественно полезной и необходимой, направленной на свержение режима, который, как это уже полностью доказано, был диктаторским... Группа Горуни... выступила с риском для жизни против неправильных, вредных для страны и народа решений, хотя и прикрытых мантией закона»²⁴. Несомненно, подобные формулировки стали данью конъюнктуре периода активной антиживковской кампании (напомним, что в это время проходил судебный процесс против бывшего лидера партии и государства). Единомышленники Горуни, дожившие до крушения «государственного социализма», воспринимались частью болгарского общества чуть ли не как борцы за демократию только лишь из-за их противостояния Т. Живкову. При этом как-то забывалось, что заговорщики вовсе не собирались изменять существовавший тоталитарный режим или внешнеполитическую ориентацию Болгарии. Более того, они мечтали вернуться назад, к политике и идеологии «чистого сталинизма». Не случайно заговор Горуни

вызвал определенную тревогу среди либерально мыслящих болгар – они опасались возвращения «старых», то есть сталинских, порядков. В этих кругах авторитет Живкова даже вырос – в нем видели гарантию того, что прежние времена не вернуться.

Несмотря на молниеносный разгром «группы Горуни», оппозиционные настроения в болгарском обществе сохранялись и в последующие годы. В партийных архивах хранится множество документов об исключении из рядов БКП за прокитайскую и проалбанскую деятельность, за «антипартийные» высказывания и создание оппозиционных групп. В листовках и воззваниях против «красной буржуазии», «красной аристократии» от имени «борцов за народное благо» с возмущением говорилось об извращениях социализма в Болгарии, в результате которых в социалистической стране «появились коммунисты, чье материальное благополучие конкурирует с благосостоянием многих капиталистов в царской Болгарии»²⁵. По данным В. Мигева, в 1963 – 1967 гг. было раскрыто более 35 антипартийных групп с 2000 участниками²⁶.

Последний шеф VI отдела²⁷ Шестого управления Госбезопасности полковник Димитр Иванов в своей книге «Заговоры против Т. Живкова»²⁸ подробно анализирует брожение умов в группах, выразивших недовольство Живковым и режимом его личной власти. В 1964–1974 гг. спецслужбы зарегистрировали 1200 человек, развивавших антиживковскую деятельность. 72 человека были приговорены к различным срокам лишения свободы, 97 интернированы и 6 выдворены за пределы страны. Число допрошенных и предупрежденных следственными органами и партийными контрольно-ревизионными комиссиями достигает 520 человек.

Поскольку властям не удалось обеспечить полную информационную блокаду вокруг заговора, имя Горуни для многих болгар на долгие годы стало легендой и символом борьбы против злоупотреблений коммунистической номенклатуры. Так, в информации комитета госбезопасности г. Враца от 26 октября 1967 г. отмечалось, что характерным моментом в оперативной обстановке во Врачанском округе остаются «участившиеся антигосударственные проявления со стороны наших граждан, стоящих на прокитайских позициях и выражающих симпатии к заговорщической группе Горуни – Цоло Крыстева». Многие «высказывают сомнение и неверие в самоубийство Горуни, не одобряют их осуждение, своим поведением подстрекают к сопротивлению

партийному руководству...»²⁹. Сообщалось, что около 50 человек посетили осужденных заговорщиков в тюрьме, а по возвращении стали распространять различные слухи. Высказывалось беспокойство в связи с тем, что на местах (в частности, в городах Враца, Мездра и др.) распространялось много анонимных материалов – лозунгов, воззваний, портретов, стихотворений. Выделялось два этапа проявления оппозиционных настроений подобного рода. На первом, охватывающем 1965-1966 годы, воззвания, листовки и клеветнические слухи распространялись стихийно (за это в заключении оказались три человека). Второй этап (с середины 1966 до августа 1967 гг.) характеризовался «более замаскированными проявлениями, выражавшимися в обособлении групп коммунистов, сомневающих в партийной линии, симпатизирующих заключенным, в поддержании тесных связей с семьями осужденных, в посещении тюрем с целью свидания с заключенными»³⁰.

Архивные документы свидетельствуют, что особенно долго оппозиционные настроения сохранялись на родине Горуни и Ц. Крыстева – во Врачанском округе. В справке первого секретаря окружного комитета БКП г. Враца «о поведении единомышленников заговорщической группы» в округе отмечалось, что в некоторых первичных парторганизациях ряда сел Мездренского, Криводолского и Врачанского районов отдельные коммунисты и граждане «на основе личной преданности» не приняли позицию ЦК БКП. Более того, некоторые коммунисты и активные борцы против фашизма и капитализма³¹ пытались оправдать их намерения и действия, сочувствовали им и посещали их в тюрьме, собирали для них материальную помощь. Некоторые открыто демонстрировали свое несогласие с партийной линией и личную привязанность к заговорщикам. Как «явно антипартийные проявления» были охарактеризованы в справке установление знамени на могиле Горуни, распространение стихов, листовок и слухов, что он не покончил жизнь самоубийством, а убит органами МВД. Была «раскрыта и обезврежена» конспиративная группа школьников– комсомольцев (6 человек). В справке приводился возмутительный с точки зрения секретаря окружного комитета АБПФК П. Тодоров заявил, что ЦК БКП не проводит политику борьбы с классовыми врагами, а ищет «врага с партийным билетом» и что хотят задушить внутрипартийную демократию³².

Чтобы ликвидировать «это тревожное положение», ЦК БКП в 1967 г. вновь рекомендовал окружному комитету партии предпринять конкретные меры по оздоровлению обстановки в городских парторганизациях городов Мездра, Враца и Криводол. Выполняя указание «вышестоящей инстанции», окружком наложил партийные взыскания на 97 коммунистов, из которых 36 были «активными борцами» – то есть особо заслуженными людьми (10 из них были лишены звания, 46 коммунистов исключили из партии, остальные получили выговоры). И хотя «большинство наказанных осознали свою вину», секретарь окружкома был вынужден признать, что «в поведении части исключенных не наступило существенной перемены» и оно в известной степени отрицательно влияет на воспитание части их окружения...»³³.

Как показывают документы, на закрытых партийных собраниях при исключении заговорщиков из партии многие голосовали против, в партийных рядах не было единодушия, и секретарям приходилось призывать к строгости и решительности. Несмотря на указание властей не поднимать шума вокруг действий оппозиции и хранить полное молчание в средствах массовой информации, на закрытых партсобраниях разных уровней эта тема долгое время была предметом повышенного внимания и, надо думать, вышла за узкопартийные рамки.

В марте 1968 г. была обезврежена еще одна внутрипартийная оппозиционная группировка, получившая название «Второй центр». Некоторые ее члены участвовали и в заговоре Горуни, но избежали в свое время суда. Руководителем «Второго центра» был журналист Михаил Докторов, подробно описавший события в своих мемуарах, опубликованных после крушения живковского режима³⁴. В сущности, «Второй центр» представлял собой избежавшую ареста часть группы находившегося в тюрьме Бориса Темкова³⁵. С помощью своих единомышленников Докторов стал размножать напечатанные им на пишущей машинке короткие воззвания антиживковского содержания, чем очень быстро привлек внимание спецслужб.

В 1967 г. оппозиционеры объявили о создании Благоевско-Димитровской Болгарской коммунистической партии – таким названием они хотели показать, что партийная верхушка порвала с революционными традициями коммунистического движения в Болгарии. Группа успела распространить через свою сеть несколько документов, в которых с целью привлечения на свою сторону

населения предусматривались некоторые социальные мероприятия: повышение низких зарплат и пенсий, отмена привилегий при поступлении в вузы и т.п. Приведем для иллюстрации взглядов организаторов Благоевско – Димитровской БКП отрывки из воззвания, датированного 1967 г.: «В апреле 1956 г. люди, называвшие себя коммунистами, прикрываясь «борьбой против культа личности и его последствий», захватили руководство Партией и государством в Болгарии. Более десяти лет обуржуазившаяся правящая группа во главе с Т. Живковым проводит политику, противоречащую интересам трудовых людей, интересам болгарского народа. Спустя 22 года после народной победы в Болгарии у власти снова деньги, коррупция и властолюбие»³⁶.

На закрытом судебном процессе в августе 1968 г. главный обвиняемый М. Докторов был приговорен к 10 годам строгого тюремного заключения, еще четверо – к меньшим срокам.

Приведенные документы убеждают, что заговор группы Горуни имел более широкие масштабы, чем их характеризовали официальные власти, и долговременное воздействие на Болгарию. Но верно и то, что раскрытые впоследствии оппозиционные группы были менее многочисленными по сравнению с группой Горуни, изолированными, состояли из людей, малоизвестных в обществе, деятельность которых не выходила за рамки написания воззваний и обращений.

В целом следует признать, что оппозиционная деятельность в 60-е годы в Болгарии была делом небольших групп, не согласных с начавшейся либерализацией системы. Как справедливо замечают И. Баева и Е. Калинова, все заговоры носили характер внутривластных и не переросли в нечто типа диссидентского движения, поскольку их цель заключалась вовсе не в противопоставлении социализму. Вопрос стоял о том, какая группа внутри БКП овладеет центральной властью³⁷, а, следовательно, и сформирует затем свой курс. Тем не менее, не подлежит сомнению, что действия оппозиции в рассматриваемый период вызывали сочувствие у части болгарской общественности в связи с ее протестами против морального разложения правящей верхушки, против привилегированного образа жизни партийной номенклатуры, резко контрастировавшего с жизнью остального населения страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чакъров К. Втория етаж. София, 1990. С. 92.
- ² Впоследствии это признавал и сам Т. Живков. См.: Живков Т. Мемуари. София, 1997. С. 192.
- ³ Варон Б. Пътеки. София, 1999. С. 15-19.
- ⁴ Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф. 1 Б. Оп. 5. А.е. 446; см. также: Баева И., Калинова Е. Българските преходи 1939 – 2005. София, 2006. С. 141.
- ⁵ Мигев В. Пражката пролет '68 и България. София, 2005. С. 48-50.
- ⁶ Цонев П. Кой уби Горуня? София, 1993; Анев Ц. Спомени и размисли на един «горуновец» 1965. София, 1996; Иванов Д. Политическо противопоставяне в България 1956-1989 г. София, 1994; Асенов Б. От Шесто за Шесто. София, 1994; Солаков А. Председателят на КДС разказва. София, 1993; Благоев К. 50-те най-големи атенгата в българската история. София, 2000; Бонов Й. Легендарният Иван Тодоров – Горуня. Художествено-документална повест. София, 2003.
- ⁷ «Сега», 12.6.2001.
- ⁸ <http://www.bg-history.info/4996/Zagovorut-na-Gorunia-45-godini-po-kusno.html#>
- ⁹ В историю вошло название «Заговор Горуни», хотя по некоторым сведениям главным заговорщиком был Цоло Крыстев. Предполагается, что причинами фаворизации Горуни в качестве лидера являются его большая энергичность, харизматичность и не в последнюю очередь тот факт, что Крыстев остался в живых, а Горуня нет.
- ¹⁰ Мигев В. Указ. соч. С. 90.
- ¹¹ <http://www.krumblogov.com/fifty.php>; <http://m1d2g3.blog.bg/lichni-dnevnic/2008/06/10/gorunia-zagiva-jivkov-triumfira.201038>
- ¹² ЦДА. Ф. 399 Б. Архивна колекция «Групата на Иван Тодоров – Горуня и прояви на вътрешно-партийна опозиция в Врачанска организация на БКП». Л. 46-48.
- ¹³ Мигев В. Указ. соч. С. 91. Как поясняет В. Мигев в другой своей книге, «Българските писатели и политическият живот в България 1944-1970» (София, 2001. С. 6), в исследуемый нами период понятие «правый» он отождествляет с понятиями «ретроградный» и «консервативный», в соответствии с традициями английской парламентарной системы, когда консервативная партия занимала правую часть парламента.
- ¹⁴ ЦДА. Ф. 1. Оп. 34. А.е. 6. Л. 73-74.
- ¹⁵ Сегодня историки располагают полным текстом протокола пленума ЦК БКП от 15 апреля 1965 г. «с решением относительно деятельности заговорщической группы, руководимой Цоло Крыстевым, Иваном Тодоровым-Горуней и генералом Цвятко Аневым» – ЦДА. Ф. 1. Оп. 34. А.е. 6. Л. 1-108.
- ¹⁶ Там же. Л. 5.
- ¹⁷ <http://www.bg-history.info/4996/Zagovorut-na-Gorunia-45-godini-po-kusno.html#>

- ¹⁸ Иванов Д. Шести отдел. София, 2004.
- ¹⁹ <http://www.krumblagov.com/fifty.php>
- ²⁰ ЦДА. Ф. 399 Б. А.е. 40. Л. 3.
- ²¹ Солаков А. Указ. соч.
- ²² <http://www.krumblagov.com/fifty.php>
- ²³ Мигев В. Пражката пролет... С. 94.
- ²⁴ <http://www.bg-history.info/4996/Zagovorut-na-Gorunia-45-godini-po-kusno.html#>
- ²⁵ ЦДА. Ф. 399 Б. А.е. 37. Л. 1-3; А.е. 64. Л. 44.
- ²⁶ Мигев В. Пражката пролет... С. 91.
- ²⁷ После раскрытия заговора группы Горуня Госбезопасность обособляется в качестве отдельной структуры при Совете министров и получает название «Комитет государственной безопасности» (по аналогии с КГБ в Советском Союзе). В нем создается новый отдел борьбы с прокитайскими и проалбанскими настроениями среди коммунистов. В 1974 г. он получает номер шесть (Шестой отдел) в Шестом управлении (политическая полиция) Госбезопасности и занимается наблюдением за членами партии.
- ²⁸ Иванов Д. Заговорите срещу Т. Живков. С 1991; <http://www.balcanica.eu/cibal/bibliography.pdf>.
- ²⁹ ЦДА. Ф. 399 Б. А.е. 48. Л. 1-2.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ С 1959 г. в Болгарии существовала привилегированная группа так называемых «активных борцов против фашизма и капитализма» (нечто подобное «старым большевикам» в СССР). Эта прослойка являлась одной из социальных опор власти Живкова.
- ³² ЦДА. Ф. 399 Б. А.е. 63. Л.1-3.
- ³³ Там же. Л. 4 -7.
- ³⁴ Докторов М. В схватка с октопода. «Вторият център» в борбата против живковистите 1965-1968 година. Спомените на един заговорник срещу режима на Живков. София, 1993.
- ³⁵ <http://pirdop.com/index.php?con=temkov#3> (неопубликованные мемуары Б. Темкова)
- ³⁶ ЦДА. Ф. 399 Б. А.е. 52. Л. 1-2.
- ³⁷ Баева И., Калинова Е. Указ. соч. С. 146.

А.С. Стыкалин

РУМЫНИЯ. ЛЕТО 1964-ГО... ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ СССР ГЛАЗАМИ СОВЕТСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ

Предлагаемый вниманию читателя документ относится к концу лета – началу осени 1964 г., периоду, когда советско-румынские отношения, еще не так давно казавшиеся безоблачными, вступили в полосу серьезного кризиса. Официальный Бухарест все более активно и настойчиво отстаивал право на собственный путь к социализму, национально-специфическую его концепцию, противопоставлявшуюся, прежде всего, советским образцам и моделям, в которых ранее, в 1950-е годы, было принято видеть путеводную звезду.

В конце 1950-х гг. Румыния пока еще воспринималась в Москве как надежный союзник, по выражению Н.С. Хрущева, «шагающий в ногу» с другими членами социалистического содружества¹, ситуация в этой стране не вызывала серьезных беспокойств. Об этом можно судить как по дипломатическим донесениям, так и по отчетам многочисленных советских эмиссаров, выезжавших в Румынию с той или иной целью. Показательна жалоба, с которой сотрудники редакции главной румынской партийной газеты обратились к одному из руководителей Союза писателей СССР Б. Полевому, побывавшему в стране в конце августа 1959 г.: «Руководящие работники «Скынтейи» полушутя говорили мне, что в Румынии немало серьезных людей, которые ежедневно прикладывают строчкомеры к страницам советских газет и разочарованно докладывают о том, что вот опять Чехословакия,

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее: РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 403. Л. 4. Во время встреч с югославскими руководителями в сентябре 1956 г. Н.С. Хрущев поучал их: «По-вашему, выходит, что только вы одни правы, а все другие неправы. У русских по этому поводу есть поговорка: когда солдату сказали, почему он нарушает строй, идя не в ногу, то солдат ответил, что он идет в ногу, а вся рота идет не в ногу. Если вы хотите идти в ногу с другими странами народной демократии, – сказал тов. Н.С. Хрущев, – то вы должны перестраиваться. Тов. Попович (Коча Попович, госсекретарь по иностранным делам ФНРЮ, а в прошлом известный генерал Народно-освободительной армии Югославии. – А.С.) бросил реплику: «это правильно, но надо подумать, кто рота, а кто солдат».

Польша и Венгрия освещены хорошо, а от Румынии отмахнулись коротенькой заметкой. «Может быть, это происходит от того, что ваши товарищи спокойны за нас, знают, что руководство в крепких руках и у нас не могут произойти венгерские события?» – пошутил один ответственный журналист»². Как бы то ни было, внутренняя стабильность в Румынии действительно не подвергалась в Москве сомнению. Жестокие репрессии, предпринятые г. Георгиу-Дежем и его командой против тех, кто, так или иначе, выразил симпатии венгерской революции³, и преследования всех потенциальных оппонентов коммунистической власти⁴ были не только призваны запугать недовольных, но и смогли убедить советских лидеров в том, что за Румынию они могут быть спокойны, здесь существует прочная коммунистическая диктатура, и венгерский вариант не может повториться. Весной 1958 г. к этому аргументу охотно прибегали с обеих сторон при обсуждении вопроса о выводе из страны советских войск⁵.

² Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 4. Кстати, в те же самые годы и болгарские писатели в беседах с советскими «литературными генералами» констатировали: «Для того, чтобы на Болгарию обратили внимание, у нас должны произойти венгерские события» (См., в частности: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 57. Л. 120-124; Д. 156).

³ Этой теме посвящена большая литература на венгерском языке, вышедшая как в Венгрии, так и в Румынии. Из наиболее значительных публикаций последних лет см.: *Bottoni Stefano. Kényszerből stratégia: a román államhatalom válaszlépései a magyar forradalomra (1956 – 1958)* // 1956 okai, jelentősége és következményei. Szerk. Pál L. és Romsics I. Bp., 2006. 157-195.o.; *Pál-Antal S. Áldozatok – 1956. A forradalmát követő megtorlások a Magyar Autonóm Tartományában. Marosvásárhely (Tîrgu-Mureş)*, 2006.

⁴ Как следствие венгерской революции, сильно напугавшей румынскую коммунистическую элиту и настороженно воспринятой в румынском обществе, опасавшемся усиления в соседней стране ирредентистских, шовинистических настроений, активизации требований пересмотра границ, жесткие чистки были проведены, в частности, в творческих союзах Румынии. Немало деятелей культуры подверглись преследованиям по партийной, административной и судебной линии за реальную или мнимую поддержку венгерского восстания. Так, по некоторым данным, после июньского пленума ЦК РРП 1958 г., прошедшего под знаком идеологического наступления на ревизионистов, из Союза писателей, насчитывавшего 640 членов, было исключено 250 человек, из Союза художников, где было 1547 членов, изгнали 936 человек. Сменились составы редколлегии ряда журналов (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 94. Л. 43-47).

⁵ Советские войска находились в Румынии (как и в Венгрии) на основании Парижского мирного договора 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской оккупационной зоной в Австрии. С подписанием в мае 1955 г. государственного договора,

Румынские лидеры активно участвовали в нейтрализации правительства Имре Надя, лишившегося власти в Венгрии в результате советской военной акции 4 ноября 1956 г. Члены «группы И. Надя» после выхода из югославского посольства в Будапеште, где получили убежище, были захвачены советскими спецслужбами и переправлены именно в Румынию, в курортный городок Снагов⁶. Из Румынии Имре Надя был доставлен на родину в наручниках в

восстанавливавшего полный суверенитет Австрии, иностранные войска были из этой страны выведены и, таким образом, была устранена юридическая основа для дальнейшего пребывания советских воинских контингентов в Румынии и Венгрии. В 1956 г. румынская сторона по разным каналам осторожно зондировала мнение официальной Москвы относительно перспектив вывода советских войск из Румынии. Во время поездки в СССР румынской делегации во главе с премьер-министром К.Стойка 26 ноября – 3 декабря 1956 г. стороны пришли к выводу о целесообразности дальнейшего нахождения советских войск в Румынии – напуганное венгерскими событиями румынское руководство готово было не форсировать решение вопроса. 17 апреля 1958 г. после проведения соответствующих переговоров с представителями Румынии Президиум ЦК КПСС утвердил письмо ЦК КПСС в адрес ЦК Румынской рабочей партии (См.: Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Том 2. Постановления. 1954 – 1958. М., 2006. С. 783). В нем отмечалось, что пребывание советских войск в Румынии уже не вызывается необходимостью ввиду некоторого ослабления международной напряженности и достаточной подготовленности румынских вооруженных сил для защиты своей страны. Для СССР вывод войск из Румынии явился составной частью пакета мер по разоружению, адресованных в это время Западу. При принятии решения учитывалось, что Румыния окружена только социалистическими странами, включая внеблоковую Югославию, которая не рассматривалась как потенциальный военный противник. Важно отметить, что вывод советских войск из Румынии был синхронизирован с принятием мер по усилению обороноспособности ее армии, а также с предоставлением румынскому правительству долгосрочного кредита на сумму 40 млн. рублей. Вывод советских войск из Румынии явился акцией, призванной иметь прежде всего политико-пропагандистский эффект. В Декларации Политического Консультативного Комитета стран-участниц Организации Варшавского Договора от 24 мая 1958 г. он был подан как новое доказательство миролюбивой политики социалистических стран. Как известно, советские войска были выведены из Румынии в июне-июле 1958 г. Подробнее см.: Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма в материалах Президиума ЦК КПСС (1953 – 1964) // *Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930 – 2005)*. Сборник статей. М., 2010. С. 371-392.

⁶ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И.Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) // *Славяноведение*, 2000, № 1. С. 70-81.

апреле 1957 г., чтобы через год предстать перед несправедливым судом, приговорившим его к повешению⁷.

В свою очередь г. Георгиу-Деж приезжал в Венгрию через неполные три недели после приведения к власти на советских штыках правительства Яноша Кадара. Выступая в Будапеште на партактиве, он высокомерно поучал венгерских коллег, как надо устанавливать диктатуру пролетариата⁸.

Однако за жесткой реакцией на венгерские события уже тогда, в конце 1956 г., проглядывал еле заметный мотив. Укрепление доверия со стороны Кремля было для Георгиу-Дежа, конечно, не самоцелью, а средством повышения собственной самостоятельности перед руководством КПСС. Своей твердой внутренней политикой он хотел убедить советских лидеров: поскольку в Румынии существует прочная коммунистическая диктатура, ее руководство не нуждается в мелочной опеке, на него можно положиться в принципиальных вопросах, а значит можно и предоставить больше самостоятельности в решении внутри- и внешнеполитических проблем. Стремление Румынии к большей независимости проявилось уже в самые первые месяцы после венгерских событий. Так, руководство Румынской рабочей партии (РРП) дистанцировалось от осуждения лидеров Союза коммунистов Югославии (СКЮ), занявших особую позицию в связи с венгерскими событиями⁹. Более того, оно уже в конце ноября 1956 г. пыталось выступить в роли посредника при налаживании советско-югославских отношений, испортившихся в результате венгерских событий¹⁰. Первая после ноября 1956 г. встреча югославских и советских лидеров состоялась именно в

⁷ О пребывании «группы Надя» в Снагове см. сборник документов на румынском языке: *Insemnări de la Snagov: corespondență, rapoarte, convorbiri*. Ed. Ileana Ioanid. Iași, 2004. См. также сборник документов на венгерском языке: *A Snagovi Foglyok. Nagy Imre és társai Romániában. Iratok. Összeállította, a jegyzeteket és a bevezető tanulmányt írta Baráth M. és Sipos L.* Бр., 2006. См. также публикацию текстов Имре Надя, написанных в снаговской ссылке: *Nagy Imre. Snagovi Jegyzetek. Gondolatok, emlékezések. 1956-1957.* Felelős szerk. Vida I. Бр., 2006.

⁸ См. запись выступления г. Георгиу-Дежа на заседании Временного ЦК ВСРП 24 ноября 1956 г.: *Magyar-román kapcsolatok. 1956. január – 1958. január. Dokumentumok.* Szerk. Lipcsey I. Бр., 2004. 173-78.о.

⁹ РГАНИ. Ф. 5 Оп. 28. Д. 478. Л. 125.

¹⁰ *Стыкалин А.С. Проблемы советско-румынских отношений и формирования румынской модели социализма... С. 374.*

Румынии 1-2 августа 1957 г.¹¹ В ноябре 1957 г. Георгиу-Деж, ссылаясь на болезнь, не поехал в Москву на большое совещание компартий, приуроченное к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России. Румынскую делегацию возглавлял премьер-министр К. Стойка. Можно предполагать, что Деж, информированный об отказе югославов подписать итоговую декларацию, ожидал (не без оснований), что на конференции начнется их острая проработка¹². Он хотел заранее от нее отмежеваться. Румынский лидер принимал во внимание неплохо складывавшиеся румыно-югославские отношения¹³ и не хотел ими жертвовать, сужая тем самым поле внешнеполитических маневров для Румынии. В Бухаресте рассчитывали на поддержку Белграда и при выдвижении в 1957-1959 гг. ряда инициатив, направленных на активизацию регионального сотрудничества балканских и черноморских государств¹⁴. Правда, в мае 1958 г., после публика-

¹¹ Стороны пришли к взаимному компромиссу. Советское руководство обещало повлиять на венгерского лидера Я. Кадара и его команду, чтобы те не выпячивали обвинений против Югославии во время предстоящего судебного процесса по делу И. Надя. Югославская же сторона согласилась участвовать в запланированном на ноябрь 1957 г. совещании компартий социалистических стран. Однако в середине октября, ознакомившись с проектом Декларации совещания, она заранее отказалась его подписать, убедившись в том, что Москва, как и раньше, продолжает диктовать мировому коммунистическому движению свои установки. Свой отказ югославы мотивировали нежеланием дополнительно осложнить отношения с Западом после того как ФРГ уже разорвала отношения с ФНРЮ на основании так называемой «доктрины Хальштейна», после установления Югославией дипломатических отношений с ГДР. Тем не менее, представители СКЮ приехали в Москву, участвовали в юбилейных торжествах по случаю 40-летия Октябрьской революции. Не подписав декларации компартий социалистических стран, они в то же время поставили подпись под Манифестом мира, принятом на более широком совещании.

¹² Делегация СКЮ во главе с Э. Карделем подвергалась в дни московских ноябрьских совещаний сильному давлению в целях заставить ее подписать декларацию компартий социалистических стран. Однако в целом в то время доминировала линия на консервацию конфликта, сохранявшаяся до апреля 1958 г., когда была принята новая программа СКЮ, признанная в СССР ревизионистской.

¹³ Из новейших работ по истории румынско-югославских отношений в 1950-е годы см.: *Stanciu Cezar. From Amity to Enmity and Back. Romania and Yugoslavia from 1948 to 1956 // Historical Yearbook. Vol. V. București, 2008.*

¹⁴ Подробнее см.: *Стыкалин А.С. Проекты регионального сотрудничества черноморских и балканских государств и позиция СССР (1950-е – начало 1960-х годов) // Studia balkanica. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 323-338.*

ции новой программы СКЮ, Георгиу-Деж и его окружение подключились под давлением Москвы к новой антиюгославской кампании, но участвовали в ней довольно вяло¹⁵.

Переход к более инициативной внешней политике в тех конкретных условиях ни в коей мере не открывал перспектив внутривосточной либерализации румынского коммунистического режима. Подспудно в стремлении к большей внешнеполитической самостоятельности содержалось нечто противоположное – желание Георгиу-Дежа оградить свою страну от представлявших реальную угрозу его бесконтрольной власти оппозиционных веяний, усилившихся на волне XX съезда КПСС, но особенно проявившихся в Польше и Венгрии. Напуганный революцией в соседней стране, румынский лидер в конечном итоге сумел воспользоваться ею в интересах укрепления своей единоличной власти. Венгерские события 1956 г. явились фактором, заметно ускорившим формирование специфической румынской национальной модели тоталитаризма. Из опасений, что либерализация социализма у некоторых соседей пойдет настолько далеко, что сможет вызвать цепную реакцию в Румынии, Георгиу-Деж с конца 1956 г. все более целенаправленно создавал механизмы противодействия не только венгерскому и польскому, но в первую очередь советскому влиянию – причем нередко под вывеской искоренения последствий культа личности¹⁶.

Заметное осложнение отношений КПСС и РРП произошло к 1963 г., когда румынская сторона отвергла советские планы экономической интеграции в

¹⁵ Новая антиюгославская кампания, конечно, не достигла остроты предыдущей, инициированной Сталиным в 1948 г. В мае 1958 г. установки руководства КПСС относительно границ критики СКЮ были наиболее полно изложены в закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям КПСС о советско-югославских отношениях: критика югославского ревизионизма в советской печати «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославов. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949-1953 гг.» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 207. Л. 75). «Нам надо сделать все, что в наших силах, чтобы не отдать Югославию в империалистический лагерь. Путем воздействия на членов СКЮ, на югославский народ, своей терпеливой товарищеской критикой ошибок руководителей Югославии добиваться исправления их ошибок», – говорил Хрущев с трибуны майского пленума ЦК КПСС 1958 г. (Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 35).

¹⁶ *Cătănuș D.* The Romanian Communists under the Impact of Destalinization, 1956 – 1961 // *Totalitarian Archives*. București, 2002. № 1-2, p. 174-191.

рамках СЭВ как мало учитывающие национально-государственные интересы Румынии, ее сложившуюся хозяйственную структуру. Советский Союз обвинялся в стремлении низвести Румынию до роли аграрно-сырьевого придатка более развитых стран. Принципиальные разногласия между СССР и Румынией в вопросе о перспективах экономической кооперации впервые остро проявились на сессии Исполкома СЭВ в Варшаве 10-13 мая 1963 г. Насколько можно судить по записям заседаний Президиума ЦК КПСС, они были до известной степени неожиданны для Хрущева. Так, 5 ноября 1962 г. при обсуждении на Президиуме ЦК вопроса о создании совместных плановых органов социалистических стран он говорил о том, что за годы, прошедшие после смерти Сталина, выросло доверие между социалистическими странами, страх исчез, и Георгиу-Деж, как и некоторые другие восточноевропейские лидеры, «нам безгранично верят»¹⁷. Конечно, это было иллюзией, что наглядно показала варшавская сессия СЭВ, и чем сильнее была иллюзия, тем сильнее и последующее разочарование.

Как явствует из записи заседания Президиума от 7 июня 1963 г., советские лидеры не считали, что в основе возникших разногласий лежат глубокие противоречия. Ответственность была возложена на главу советской делегации зампреда Совмина СССР и постпреда СССР в СЭВ М.А. Лесечко, который якобы не проявил необходимой политической гибкости («не нужно было принимать резолюцию, не было бы расхождений с румынами»¹⁸). Ситуацию не собирались драматизировать, было отмечено, что сессия в целом прошла хорошо, вместе с тем был сделан важный вывод: «учесть на будущее – можем иметь отдельные разногласия по отдельным вопросам с отдельными странами»¹⁹. 10 июня, на следующем заседании Президиума ЦК, решено было направить в Румынию делегацию во главе с Н.С. Хрущевым для того, чтобы «найти приемлемую форму сотрудничества по кооперированию»²⁰.

Поездка, состоявшаяся 24-25 июня, не была результативна, беседа Хрущева и Дежа прошла в напряженной атмосфере. Позже, в середине октября

¹⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 645.

¹⁸ Там же. С. 719.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 732.

1964 г., при отстранении Хрущева ему среди прочего соратниками было поставлено в вину нанесение обиды Дежу своими грубыми выражениями, что, безусловно, не могло не повлиять на дальнейшее развитие советско-румынских отношений. Речь шла о том, что подобный стиль общения с лидерами соцстран может привести к дистанцированию этих стран от СССР, а, в конечном итоге, к разброду в социалистическом лагере²¹.

К чести обеих сторон, им удалось избежать публичной полемики. Более того, как показывают документы, после конфликта, возникшего в мае-июне 1963 г., они приложили усилия, направленные на улучшение взаимоотношений. 23 июля на Президиуме ЦК КПСС обсуждалась программа намеченного на 25 июля Совещания первых секретарей компартий стран Организации Варшавского Договора (оно одобрило проект договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, подписанного в Москве СССР, США и Великобританией в начале августа). Краткая запись обсуждения вопроса на заседании Президиума начинается словами «румын не дразнить», что отражает установку на нераздувание конфликта²². Позже, 26 мая 1964 г., при подведении итогов поездки Хрущева в Египет был поднят вопрос о необходимости теоре-

²¹ Как говорил М.А. Сулов на пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г., «линию нашей партии в международных вопросах мы считаем правильной. Но не надо закрывать глаза на то, что у т. Хрущева бывали выступления, когда он совсем некстати становился в позу этакого наставника, он весьма любил поучать руководителей братских стран в тех случаях, когда этого совершенно не требовалось. Например, едет за границу и поучает там, как сеять кукурузу, как получать высокие урожаи сельскохозяйственных культур. Зачем это делать? И это делалось там, где урожаи часто значительно выше, чем у нас. Это же обижает товарищей. Такая бестактность была допущена почти публично, например, в отношении румынских товарищей. Это же не может не обижать руководителей братских партий. Это – люди опытные и закаленные, они не нуждаются в таких неуместных советах» (Как снимали Н.С. Хрущева. Материалы пленума ЦК КПСС. Октябрь 1964 г. // Исторический архив, 1993. № 1. С. 13. См. также запись заседания Президиума ЦК КПСС от 13 октября 1964 г.: «зачем вам нужно Дежу говорить обидные слова?» (Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964. Т.1. С.865). На высших партийных форумах КПСС не впервые говорилось о том, что приезжавшие в Румынию советские эмиссары подчас поучают румынских коллег, как надо сеять кукурузу. Так, на декабрьском пленуме ЦК КПСС 1956 г. об этом говорил Д.Т. Шепилов, в то время министр иностранных дел. За 8 лет, таким образом, мало что изменилось, продолжал сохраняться (порождая те же проблемы) менторский тон советских руководителей при общении с лидерами братских партий.

²² Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964...С. 734

тической проработки вопроса о том, что разным странам «может быть придется пройти путь коммунистического национализма», и в этом контексте упомянута Румыния²³. К этому времени была уже опубликована апрельская Декларация РРП (1964 г.) по вопросам коммунистического и рабочего движения – программный, концептуальный документ, уточнивший внешнеполитические приоритеты Румынии: акцент на равноправии стран, строящих социализм, и первостепенности национальных, а не интернациональных интересов. Реакция на него в Москве, как явствует из вышеприведенных записей, была достаточно спокойной: вероятно, именно в этот момент советская сторона приблизилась к пониманию того факта, что разногласия не случайны – в каждой из стран в силу конкретных условий на определенном этапе развития могут усилиться национально-специфические моменты при выборе методов и форм социалистического строительства, с этим необходимо считаться, не идти на обострение²⁴. Выраженная Тито в мае 1962 г. готовность, вопреки всем разногласиям между СКЮ и КПСС, поддержать КПСС в ее противостоянии КПК за лидерство в мировом коммунистическом движении явилась серьезным аргументом в пользу большей терпимости к национал-коммунистическим устремлениям, не несущим в себе угрозу краха коммунистических режимов в тех или иных странах.

В свою очередь, и румынская сторона была заинтересована в стабильных отношениях с могучим восточным соседом, в ослаблении возникшей напряженности. Отсюда жест доброй воли – предоставление в сентябре 1963 г. Советскому Союзу на выгодных условиях 400 тыс. тонн пшеницы (1963 год оказался неурожайным, на большей части территории СССР показатели производства зерна были очень низкими)²⁵.

²³ Там же. С. 825. В те же дни, 28 мая 1964 г., на Президиуме ЦК КПСС было принято решение о мероприятиях по улучшению советско-румынских отношений.

²⁴ Об этом же говорил и М.А. Сулов 14 октября 1964 г. на пленуме ЦК КПСС при отстранении Н.С. Хрущева: «Отношения между некоторыми социалистическими странами складываются сложнее, чем были до сих пор», и это объясняется не только раскольнической деятельностью руководства компартии Китая. «В данный момент есть элементы роста национализма в некоторых социалистических странах. В этих условиях следует проводить очень терпеливую, выдержанную, гибкую политику, направленную на то, чтобы укреплять наши связи, дружбу с руководством братских партий, с народами этих стран» (Как снимали Н.С. Хрущева... С. 13).

²⁵ Президиум ЦК КПСС. 1954 – 1964... С. 737.

Хотя разногласия между РРП и КПСС обе стороны старались в то время не афишировать, возврата к прежнему, доконфликтному состоянию не произошло. Румынская коммунистическая элита все более решительно и последовательно выступала против далеко идущей экономической интеграции стран социалистического содружества, видя в этом дискриминационный для Румынии характер. Она настаивала также на корректировке отношений внутри Организации Варшавского Договора на основе большего равноправия. Сотрудничество с балканскими странами заслонялось теперь более широкомасштабной внешнеполитической доктриной, предполагавшей расширение разносторонних (в том числе внешнеэкономических) связей с Западом, проведение более активной политики в «третьем мире» и, наконец, балансирование между двумя коммунистическими державами – СССР и КНР. Начиная с 1964 г., Румыния весьма последовательно стремилась проводить более самостоятельную политику в рамках советского блока, дистанцируясь, в частности, от участия на стороне КПСС в острой полемике с КПК. Вообще, обострение советско-китайского спора дало румынским лидерам возможность играть на противоречиях двух великих коммунистических держав в целях укрепления собственных позиций, как внутри страны, так и вовне. Эта тактика продолжится и в дальнейшем, в «эпоху Чаушеску»²⁶.

Западные наблюдатели уже осенью 1963 г. обратили внимание на возникшие трения между Москвой и Бухарестом и, более того, зафиксировали первые видимые симптомы отклонения Румынии от общей линии стран-участниц Организации Варшавского Договора²⁷. К выводу об изменениях внешнеполитического вектора Румынии можно было прийти, даже не обладая полной информацией о секретных проявлениях ее внешней политики: осенью 1963 г. правительство Румынии предприняло неподконтрольные СССР внешнеполитические шаги, направленные на сближение с США. В частности, 4 октября в Нью-Йорке, в дни работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр

²⁶ Из новых работ, в которых затрагиваются проблемы внешней политики Румынии в 1960-е годы, см.: *Улуян Ар.А.* Миф «Новой Малой Антанты». К истории появления одной концепции (60-е годы XX в.) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 3. История и сообщества. М., 2010.

²⁷ *Brown J.F.* Rumania Steps Out of Line // *Survey. A journal of Soviet and East European Studies.* № 49. October 1963, p. 19-34.

иностранных дел РНР К. Мэнеску провел секретную встречу с госсекретарем США Д. Раском. Румынское правительство, говорил он, не было информировано о планах размещения советских ракет на Кубе. Поэтому Румыния, хотя и является союзником СССР, не может вместе с СССР нести ответственность за последствия этого шага. В случае возникновения в будущем аналогичной ситуации, способной привести к войне, Румынию, подчеркнул министр иностранных дел, следует рассматривать как нейтральное государство, не направляя против нее военного удара²⁸. В контактах с США один из союзников СССР, таким образом, прямо дистанцировался от непродуманной советской внешнеполитической акции, подвергнутой позже, при отстранении Хрущева в октябре 1964 г., критике и в руководстве КПСС.

Не ясно, было ли советское руководство и в какой мере информировано по разведывательным каналам о секретных контактах румынской дипломатии с Вашингтоном. Можно однозначно утверждать лишь, что оно было всерьез озабочено тем, чтобы в момент обострения советско-китайского спора разногласия СССР с Румынией не привлекали слишком большого внимания на Западе. Об этом свидетельствует, в частности, запись заседания Президиума ЦК КПСС от 4 июня 1964 г.²⁹ А.Н. Косыгин (в то время пока еще первый зампред Совмина СССР) ездил в Индию для присутствия на похоронах Дж. Неру, где встречался с премьер-министром Великобритании лордом Хьюмом. В ходе беседы были затронуты вопросы советско-румынских отношений, что вызвало комментарии западных политических экспертов. Через несколько дней на заседании Президиума ЦК КПСС руководство СССР отреагировало на тенденциозное отражение в западной прессе этого «семейного спора» в социалистическом лагере³⁰.

О том, как румынское общество и, в частности, интеллигенция, реагировало на наметившийся кризис в отношениях между Румынией и СССР, можно судить по разным источникам. В ряду документов и материалов, отражающих общественные настроения – донесения советских деятелей

²⁸ *Garthoff R.L.* When and Why Romania distanced itself from the Warsaw Pact // *Cold War International History Project Bulletin.* Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Issue 5. Spring 1995, p.111.

²⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964... С. 825-827.

³⁰ Там же. С. 827.

культуры, выезжавших в Румынию по линии культурного обмена. Ситуация конца 1950-х гг. нашла отражение в уже упомянутом донесении Бориса Полевого, секретаря Союза писателей СССР, курировавшего Иностранную комиссию Союза писателей³¹. Отметив, что «везде встречали необыкновенно дружелюбно, везде чувствовалась огромная симпатия к советским людям и советской литературе», Полевой с удовлетворением подчеркнул, что его румынские собеседники, находясь под «правильным» партийным влиянием, не склонны были затрагивать острые вопросы советской литературно-общественной жизни – такие, как, в частности, дискуссия вокруг романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956 г.) или скандальное дело Б. Пастернака, который был исключен из Союза писателей в октябре 1958 г. после публикации итальянским (близким к компартии) издательством «Фельтринелли» романа «Доктор Живаго» и был вынужден отказаться от присужденной Нобелевской премии³². В целом доминировала установка на выявление общего в развитии СССР и Румынии.

Но уже через несколько лет ситуация кардинально изменилась. О настроениях партийной элиты и интеллигенции (не только творческой, но отчасти и технической) летом 1964 г. дает представление докладная записка заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература» писателя-прозаика Саввы Дангулова. Бывший военный переводчик и дипломат, он в течение нескольких лет начиная с осени 1944 г. служил в Союзной Контрольной Комиссии в Румынии³³, затем в посольстве, хорошо владел румынским языком и мог видеть куда больше, чем Полевой, не знавший страны и ее языка и поэтому,

³¹ Писатель находился в Румынии в течение 3 недель в августе-сентябре 1959 г., в частности, в день, когда отмечалось 15-летие событий 23 августа 1944 г. (государственный переворот, свергнувший при поддержке молодого короля Михая власть маршала Антонеску и приведший к разрыву Румынии с нацистской Германией).

³² РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л. 2.

³³ О его деятельности в качестве сотрудника СКК в 1944 – 1945 гг. дают представление записи его бесед с румынскими политиками, частично опубликованные (Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944 – 1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 29-30, 68-72, 116-117). Они свидетельствуют о высоком профессионализме С.А. Дангулова как карьерного дипломата. Известная ему не понаслышке деятельность советских дипломатов стала впоследствии главной темой его творчества как литератора.

подобно другим «литературным генералам», с почетом принятым в одной из стран «народной демократии», грешивший в своих отчетах легковесностью и поверхностностью, особенно там, где пытался дать оценку современного состояния румынской литературы и культуры.

В записке С. Дангулова предпринята попытка не просто изложить впечатления, но проанализировать на их основе некоторые характерные тенденции в румынской внутренней и внешней политике. Писатель, в дни поездки внимательно следивший за румынскими газетами и общавшийся с широким кругом людей³⁴, обратил внимание на глубокие изменения всей общественно-политической атмосферы – линия на максимально широкое использование советского опыта была решительно отвергнута не только властями, но и общественным мнением, тогда как новый курс, предполагавший всяческое дистанцирование от СССР, пользовался поддержкой значительной массы интеллигенции. Пресса в канун 20-летия событий 23 августа 1944 г. много обращалась к истории Второй мировой войны на ее заключительном этапе, но ничего не писала о роли Советской Армии, напротив, пыталась создать у читателя впечатление, что Румыния освободила себя от немецких и венгерских оккупантов собственными силами, а позже сама добилась экономических успехов, вопреки попыткам некоторых соседей низвести ее до уровня «аграрного придатка». Не только журналисты, но и историки, писатели, пишущие о войне, также были призваны работать в соответствии с новым политическим «заказом» и дклали это с удовольствием. Некоторые публицисты, в прошлом занимавшиеся безудержным славословием в адрес СССР, теперь выступали исключительно критически, даже, как отмечал Дангулов, «бессовестно клеветуют на Советскую страну». Причину этого «кульбита» писатель усматривал в желании искупить перед партийным руководством свою «вину» за прежнюю активность в деле

³⁴ К записке был приложен ряд других материалов, в частности, записи бесед С.А. Дангулова с одним из руководителей Союза писателей Румынии З. Станку (который, как и собеседники Полевого в 1959 г., много говорил о недостаточном внимании советской литературной общественности к произведениям румынских писателей), с крупнейшим румынским прозаиком М. Предой и др. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2485. Л. 1-28). Все эти материалы секретарь Союза писателей СССР по оргвопросам К. Воронков уже 5 сентября 1964 г. (т.е. очень оперативно) направил в ЦК КПСС секретарю ЦК по идеологии Л.Ф. Ильичеву (РГАНИ. Ф.5. Оп. 55. Д. 104. Л. 153-180).

пропаганды СССР³⁵. Общество румынско-советской дружбы АРЛЮС, еще недавно очень влиятельное, оказалось в деликатном положении – деятельность его местных организаций свернута, а центральные структуры фактически изменили свою функцию, пресса же АРЛЮСа вместо популяризации советского опыта, по сути дела, подключилась к пропагандистской кампании, направленной на его дискредитацию. При посещении предприятий, построенных при участии СССР, любые попытки Дангулова напомнить о преимуществах советско-румынского сотрудничества вызывали, как правило, негативную реакцию собеседников – писателю сразу давали понять, что его мнение «противоречит официальной точке зрения, и разговоры на эту тему сегодня в Румынии не приняты»³⁶. В записке Дангулова была затронута и болезненная проблема

³⁵ Члены советской писательской делегации, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., также заметили, что в прессе много критикуют писателей, в прошлом связанных с СССР (РГАНИ. Ф.5. Оп. 55. Д. 150. Л. 184). В свою очередь, в отчетах лиц, ответственных за прием в СССР румынских писательских делегаций, отмечалось, что литераторы, приезжавшие из Румынии, как правило, в контактах сдержанны и замкнуты, видимо, не желая давать своим коллегам-соотечественникам повода обвинять себя в просоветских настроениях (Там же. Д. 105). На научных конференциях с участием представителей социалистических стран румынские делегаты также держались довольно обособленно и замкнуто, распространяя в то же время изданную на разных языках пропагандистскую литературу, излагающую новую внешнеполитическую концепцию Румынии, ставившую во главу угла равноправие как главный принцип в отношениях между социалистическими странами (Отзыв 1964 г. Там же. Д. 64. Л. 101). В интеллигентской среде правило бал общественное мнение, которое не было в 1960-е гг. благоприятным для СССР.

³⁶ Замалчивание советского вклада в укрепление промышленного потенциала Румынии было общим, установленным сверху правилом на протяжении многих лет. Так, в информации ЦК компартии Молдавской ССР для ЦК КПСС о связях пограничных районов Румынии и Советской Молдавии (1967 г.) отмечалось, что румынские функционеры, участвующие во встречах с советскими гражданами, никогда не говорят о роли СССР в строительстве тех или иных объектов на территории Румынии (Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău). F. 51. In. 29. D. 240, f. 31). Интересно заметить при этом: установка на замалчивание советского опыта, советской помощи и т.д. предполагала отсутствие не только восхваления, но и открытой критики СССР, негативных сторон советской действительности в то или иное время. Членам писательской делегации из СССР, посетившей Румынию в сентябре 1965 г., было сказано в ходе одной из бесед: румынские театры не собираются ставить советские пьесы, содержащие критику эпохи «культы личности», так как они могут оказать дурное влияние на румынскую молодежь (Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д.

чисток в госучреждениях, в результате которых были в первую очередь лишены работы советские женщины, вышедшие замуж за румын и не желавшие отказаться от гражданства СССР.

Во внешней политике Румынии Дангулов отметил разноречивые тенденции. С одной стороны, стремление активизировать отношения с Западом, в том числе возродить традиционные культурные связи с Францией, привлечь в страну иностранных туристов, установив в этих целях льготный курс обмена валюты (писатель обратил внимание и на такую деталь, как значительно возросшее количество западных туристов на черноморских курортах). С другой стороны, все большее выражение симпатий (явно в пике Москве) к Китаю и поддерживавшей его Албании. Между тем, режим Тито в Югославии, в котором современное румынское руководство видело для себя пример независимой внешней политики, хотя и дистанцировался во многом от СССР, однако однозначно стоял на стороне Москвы там, где дело касалось советско-китайского спора³⁷.

В соответствии с доминировавшими в сознании подавляющего большинства советских людей его поколения стереотипами С.А. Дангулов был уверен, что любая попытка дистанцироваться от СССР и любое пренебрежение советским опытом играют на руку антисоциалистическим элементам. По его глубокому убеждению, в новом курсе заинтересованы в первую очередь кулаки, торговцы, потеврявшие в 1940-е гг. собственность и мечтавшие ее вернуть, народ же «этой линии не понимает», в народе имеются «известные настроения протеста против нового

150. Л. 182). Всего полгода прошло, как Чаушеску встал во главе партии, и мало кто мог предугадать реалии Румынии 1980-х, но нежелательность критики «культы личности» уже тогда, в 1965 г., не вызывала сомнений у партийно-государственных функционеров. Характерен и еще один момент. В отличие от конца 1950-х гг., когда невнимание советской прессы к румынским реалиям было одной из частых тем бесед с Полевым, в 1964 г. при встречах румынских коллег с Дангуловым эта тема, насколько можно судить из его донесения, вообще почти не поднималась, речь заходила лишь о недостаточном внимании в СССР к румынской литературе, культуре.

³⁷ Как уже отмечалось, четкое обозначение руководством СКЮ этой позиции в мае 1962 г. способствовало принципиальному улучшению советско-югославских отношений. 6 мая Тито на партактиве в Сплите заявил о том, что СКЮ однозначно стоит на стороне КПСС по главным пунктам ее разногласий с КПК. 16 августа Н.С. Хрущев в ходе визита в Болгарию, выступая на одном из митингов, подчеркнул, что СССР имеет с ФНРЮ «нормальные, более того, хорошие отношения» («Правда». 1962. 17 мая).

курса». Общаясь с румынской интеллигенцией, писатель обратил внимание на то, что обсуждение некоторых программных документов партии и правительства сопровождалось выражением надежд на роспуск колхозов (Дангулов признал, что этого хочет часть сельского населения), возвращение магазинов и ресторанов прежним владельцам и т.д. Более любопытно, однако, другое наблюдение, сделанное во время посещения Румынской Академии, где Дангулов встречался с видными учеными, преимущественно филологами. Некоторые из этих людей отнюдь не были в 1950-е гг. правоверными коммунистами (а до 1945 г. никто из них вообще не имел прямого отношения к коммунистическому движению), теперь же все они довольно скептически отзывались о новом курсе г. Георгиу-Дежа, воспринимая его как очередное проявление политической конъюнктуры: ведь независимо от воли и желания партийного лидера геополитические реалии изменить невозможно и стабильные, добрососедские отношения с СССР для Румынии объективно должны быть важнее, нежели все громче декларируемая дружба с далеким Китаем. Но опытный карьерный дипломат проявил определенную тонкость в понимании мотивов прокитайской ориентации, характерной не только для партийной элиты, но и для части интеллигенции. Он пишет: «Все, с кем я говорил в Румынии, особенно интеллигенция, подчеркивали, что им глубоко враждебна линия китайского руководства по вопросам сосуществования, по вопросам войны и мира». С другой стороны, по его наблюдению, некоторые интеллигенты, признавая свое несогласие с Китаем по главным пунктам его разногласий с СССР, вместе с тем эмоционально находятся на стороне Китая. По оценке Дангулова, «в нынешний острый момент советско-румынских отношений, Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, при этом ведет себя достаточно осторожно». Однозначно встать на сторону Китая означает осложнить отношения с Западом, тогда как «заявить о своем несогласии с Китаем – значит отказаться от известных возможностей тактической игры». Таким образом, если для партийной элиты стремление разыгрывать китайскую карту было проявлением внешнеполитической тактики балансирования, то для интеллигенции симпатии к Китаю носили эмоциональный характер, будучи вполне объяснимой реакцией на прежнее засилье советского опыта³⁸. Позже, в 1970-е – 1980-е гг., язвительный смех над

³⁸ Ср. с определенными прокитайскими симпатиями и интересом к опыту КПК среди польских и венгерских коммунистов-реформаторов в 1956 г.: *Стыкалин А.С.* Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // Российско-

волонтаризмом Чаушеску, возмнившего свою способность переменить в один присест географические реалии, становится одним из лейтмотивов румынской независимой общественной мысли (выступления историка Влада Джеорджеску по радиостанции «Свободная Европа», интервью поэта Мирчи Динеску западным изданиям).

Союз писателей Румынии осуществлял все свои мероприятия в точном соответствии с духом и буквой новой политической линии; контакты с СССР сознательно отодвигались на второй план. Вместе с тем при более тесном общении с руководителями этого творческого союза у Дангулова сложилось впечатление, что они в известной мере озабочены, как бы слишком резкое ухудшение отношений с СССР не возымело для Румынии негативных последствий. По резонному замечанию заместителя главного редактора журнала «Иностранная литература», бойкотирование этих людей не отвечало интересам Москвы, поскольку могло превратить их в серьезную антисоветскую силу. Напротив, было бы целесообразно издавать их произведения в СССР. Вообще же дистанцирование от СССР Дангулов воспринимал как составную часть общей политической линии, которая, по его мнению, характеризовалась усилением националистических настроений (слово «национализм» для него, как и для большинства советских людей в это время носило однозначно негативный оттенок). Он рассматривал официальное изменение отношения к СССР и советскому опыту в одном ряду с другими проявлениями нового курса, к которым причислял вывод из партийно-государственного аппарата большого числа функционеров – не румын по национальности (венгров, евреев, немцев, болгар, украинцев, русских; в этом контексте назван отправленный на пенсию ветеран румынского рабочего движения украинец Федор Руденко, в прошлом посол Румынии в Югославии и Китае), закрытие венгерского университета в Клуже, как самостоятельного учебного заведения³⁹, грубое препарирование

польский исторический альманах. Вып. IV. Ставрополь – Волгоград – Москва, 2009. С. 78-101.

³⁹ Известный польский философ-марксист (впоследствии обвинявшийся в ревизионизме) А. Шафф в беседе с советским дипломатом, состоявшейся примерно в те же дни, что и поездка Дангулова в Румынию, также с негодованием говорил о закрытии венгерского университета в Клуже как об одном из националистических извращений румынских властей (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 64. Л. 127). О негативной реакции в кадаровской Венгрии на румынскую политику в национальном вопросе в это время

румунской истории, нередко преподносившейся в шовинистическом аспекте. Правда, автор записки, зная румынские реалии, все же не задался вопросом: какой процент составляли представители некоторых национальных меньшинств (в частности, трансильванские венгры и бессарабские евреи) до чисток в государственных учреждениях. Кстати, вопрос о том, в какой мере румынская компартия, созданная в межвоенный период, представляла интересы титульной нации, либо была изначально пристанищем сил, заинтересованных в расчленении Великой Румынии, до сих пор активно дискутируется в румынской историографии⁴⁰.

Глубина противоречий между СССР и формирующейся румынской национальной моделью социализма оказалась недооцененной советскими лидерами, предпринявшими после отставки Хрущева целый комплекс мер, направленных на преодоление наслоений в советско-румынских отношениях. Списать все на волюнтаризм и грубость Хрущева, начав политику «с чистого листа», не удалось. Настойчивые попытки теснее пристегнуть Румынию к общей линии советского блока на международной арене оказались безуспешными. Не последнюю роль сыграли в этом амбиции нового лидера Румынии Н. Чаушеску, его упорное стремление к укреплению режима личной власти внутри страны и повышению веса ее руководства во внешней политике⁴¹. Пик обострения советско-румынских отношений в доперестроечный период пришелся на август 1968 г., когда Румыния, как известно, оказалась в состоянии острой

см.: *Baráth Magdolna*. Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957-1964 // *Múlt századi hétköznapiak. Tanulmányok a Kadar-rendszer kialakulásának időszakáról*. Вр., 2003. Ср. с мнением известного американского историка румынского происхождения Ст. Фишера-Галаца, писавшего об усилившейся в 1960-е гг. политике румынизации, которая приобрела крайне националистический характер: *Fischer-Galati St.* Trianon and Romania // *Trianon and East Central Europe. Antecedents and Repercussions*. New York, 1995.

⁴⁰ См.: *Constantiniu Fl.* O istorie sinceră a poporului român. Ed. a III-a. București, 2002.

⁴¹ В 1965-1966 гг. с румынской стороны на заседаниях Политического Консультативного Комитета ОВД выдвигалось требование о реальном приобщении союзников СССР по ОВД к выработке любых планов и принятию любых решений, связанных с применением стратегического оружия. Это требование было, однако, совершенно неприемлемым для советского руководства. (*Kramer M.* The «lessons» of the Cuban Missile Crisis for Warsaw Pact Nuclear Operations // *Cold War International History Project Bulletin*. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington. Issue 5. Spring 1995, p.113.

конфронтации с советским руководством, решительно выступив против вторжения СССР и ряда его союзников по Организации Варшавского Договора в Чехословакию. В течение нескольких дней в стране существовали даже опасения советской интервенции в Румынию, впрочем явно необоснованные⁴². Правда, уже в конце августа с румынской стороны были предприняты определенные усилия, направленные на смягчение, стабилизацию двусторонних отношений, нейтрализацию последствий августовского конфликта с СССР (при сохранении особой позиции Румынии в советском блоке)⁴³.

⁴² *Марьина В.В.* «Пражская весна» 1968 года: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // *Славяноведение*. 2008. № 3. С. 60-75.

⁴³ Это проявилось и в изменении тональности румынской прессы. В сводке Главного управления по охране государственных тайн в печати (Главлит) о выступлениях зарубежной прессы с 26 августа по 8 сентября 1968 г. отмечалось: «Сейчас тон румынской печати резко изменился, и последние номера газет СРР в основном пропускаются в продажу беспрепятственно», чего не было в первые дни после военного вторжения стран-участниц Варшавского Договора в Чехословакию 21 августа. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 20. Л. 125). Тем не менее, в записке «О некоторых мероприятиях в области советско-румынских связей», подготовленной в аппарате ЦК КПСС и рассмотренной 17 сентября 1968 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС, говорилось, что «линия руководства РКП по существу остается недружественной, препятствующей достижению единства социалистических стран. Смысл позиции ЦК РКП в отношении событий в Чехословакии не изменился, в беседах с представителями компартий третьих стран румынские руководители по-прежнему допускают прямые антисоветские выпады, в стране продолжается формирование отрядов «патриотической гвардии» в целях «отражения вооруженного вмешательства в дела Румынии» (Цит. по: *Улуяня Ар.А.* Миф «Новой Малой Антанты»... С. 184-185). Надо сказать, что проникновение в Советскую Молдавию (чаще всего по недосмотру ее собственных чиновников) в большом объеме румынских газет за 20-е числа августа, содержащих выступления Чаушеску с прямым осуждением военного вмешательства в Чехословакии и другие пропагандистские материалы, явилось причиной серьезной разборки в ЦК компартии Молдавской ССР (Moldova, Romania, and the Soviet Invasion of Czechoslovakia. Introduction, translation, and annotation by Mark Kramer // *Cold War International History Project Bulletin*, Issue 12/13, p. 326-333. Cambridge (Mass.), 2001). Вообще до конца августа критика друг друга в румынской и советской прессе была взаимной. Так, 25 августа «Правда» обвиняла Румынию (как и Югославию) в оказании активной помощи чехословацким «антисоциалистическим силам». С намеком на недавние посещения Праги Тито и Чаушеску (последний был там перед самым вторжением) газета писала, что именно в Белграде и Бухаресте «политические авантюристы» из Праги «плетут свои интриги». Между тем, черно-белый, лишенный полутонов взгляд на происходящее в Чехословакии и вокруг нее не мог удовлетворить мыслящую часть

Встает вопрос об источниковой ценности писательских донесений и отчетов по итогам поездок за границу, в частности в социалистические страны. Несомненно, их авторы зачастую находились в плену господствовавших идеологических стереотипов и, более того, во избежание недовольства нередко писали именно то, что от них хотели услышать в вышестоящих инстанциях⁴⁴. Как правило, чем более высокий пост занимал человек в партийно-государственной иерархии, или чем более видным было его положение в культурной жизни, тем более он был свободен в выражении собственного мнения⁴⁵. Господство идео-

общества, в своем стремлении понять причины кризиса искавшую альтернативные источники получения информации. В советской Молдавии для составляющего в ней большинство румыноязычного населения наиболее доступным таким источником были румынские СМИ – пресса, но особенно радио и телевидение, принимавшиеся на значительной части территории республики. Как выясняется из документов, даже партийные политинформаторы, не всегда способные ответить на вопросы аудитории на основании информационных писем ЦК КПСС для партаппарата, а тем более советской прессы, нередко использовали версии румынских СМИ, не менее тенденциозные и вместе с тем дополнявшие картину новыми штрихами (Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova. F. 51. In. 29. D. 28, f. 32).

⁴⁴ Г.М. Гусев, в 1960-е гг. работник аппарата ЦК ВККСМ, вспоминает, как в 1964 г. по итогам посещения Чехословакии написал записку, в которой указал на довольно сильные прозападные настроения в среде чешской молодежи, неприязнательность советского опыта, равнодушие к коммунистической идеологии и т.д. Его записка была воспринята в штыки некоторыми вышестоящими работниками, будучи квалифицированной как попытка вбить клин в дружеские отношения молодежи двух стран. Карьера молодого функционера оказалась под угрозой. Лишь через некоторое время, когда аналогичные свидетельства поступили в центр и по другим каналам получения информации, к словам Гусева отнеслись всерьез и его перестали преследовать за «клевету» в адрес дружественной страны (На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС // Неприкосновенный запас. 2008. № 4. С. 154-158).

⁴⁵ Даже в эпоху Сталина некоторые крупные деятели культуры, выезжавшие за рубеж в составе официальных делегаций, осмеливались иной раз пойти против течения в оценке тех или иных явлений западной культуры. Более того, они обращали внимание партийно-идеологических структур на необходимость более терпимого отношения к иностранным коллегам, стоявшим на левых политических позициях, хотя и не разделявшим эстетических принципов, декларированных официальной Москвой. «Иногда мы сами отталкиваем от себя друзей СССР, – говорил, например, С. В. Образцов на совещании в ЦК ВКП(б) в 1948 г. – Зачем так критиковать Пикассо? Мы ничего не изменим в его творческой манере, но только оттолкнем его от нас» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 594. Л. 50).

логических стереотипов о превосходстве советского опыта формировало «стратегию наблюдения», предполагавшую предвзятость подхода к увиденному, оно создавало определенный фильтр, искажавший воспринимаемую картину, однако и в этом случае внимательный, заинтересованный, знающий соответствующую культурную среду наблюдатель мог подмечать существенные тенденции. Таким образом, при всей неизбежности искажений в отчетах писательских делегаций, речь идет об источнике, который может быть принят во внимание в ряду других при попытках исторической реконструкции общественных настроений в той или иной стране в тот или иной исторический период. Особенно когда (как в случае с докладной С.А. Дангулова по итогам поездки в Румынию в 1964 г.) исследователь имеет дело с записками своего рода литераторов-страноведов, неплохо знавших страны пребывания изнутри.

Несколько замечаний в связи с поездкой в Румынию⁴⁶

1. Внешне изменения, происшедшие в отношениях с СССР, обнаруживаются не без труда. В магазинах все еще много советских товаров: телевизоры, фотоаппараты, часы, парфюмерия. В книжных магазинах – советские книги. В прессе нет-нет, да мелькнет заметка о жизни в СССР. В Бухаресте все еще работает музей истории русско-румынских отношений, и большой щит в центре румынской столицы приглашает посетить этот музей. Однако все это в своем роде остаточные явления.

⁴⁶ Записку С.А. Дангулова предваряла вводная заметка из нескольких строк, напечатанная на отдельном листке: «Разумеется, три недели – малый срок, даже для человека, знакомого с Румынией (в свое время я три года прожил в этой стране), однако, события, происшедшие в последние годы, столь разительны, что их нельзя было не заметить и в те три недели, которые я пробыл в стране».

Автор искренне благодарен венгерскому коллеге и другу Аттиле Шерешу, плодом многолетнего сотрудничества с которым в поисковой работе в московских архивах стало выявление этого документа. Документ впервые был опубликован на венгерском языке в подборке материалов о восприятии в СССР творчества писателей Румынии (в том числе венгероязычных писателей Трансильвании). См.: *Babus Antal – Seres Attila. Erdélyi írók a Szovjetunióban, szovjet írók Erdélyben (Dokumentumok az erdélyi magyar és a román irodalom szovjetunióbeli recepciójához)* // Magyar napló, 2008. Július. 12-28.o.

2. Румыния готовится отметить свое двадцатилетие – двадцатилетие освобождения страны Советской Армией. В связи с двадцатилетием румынская пресса посвящает этой дате полосы и полосы, однако вы не найдете там и строки, которая бы говорила о том, что страна была освобождена в результате победы советских войск. Наоборот, пресса использует все средства, чтобы внушить читателю истину, что Румыния сама себя освободила. Доказать эту истину нелегко ⁴⁷. Я был свидетелем того, в каком тяжелом положении оказались писатели, посвятившие свое творчество военной теме. Аурел Михале, задумавший большой роман о судьбах Румынии и ее армии в минувшей войне, и опубликовавший уже первый том этой эпопеи (Румынская армия под Сталинградом), прервал свою работу, заявив, что не знает, как он может продолжить ее в новых условиях. Отказавшись от продолжения романа, Михале переключился на писание рассказов, каждый из которых, разумеется, посвящен подвигам румынской армии, однако построен таким образом, что Советская Армия неизменно оказывается за кадром. Моя беседа с Марином Предой, художником неизмеримо более крупным, чем Михале, свидетельствует об этом же ⁴⁸.

3. Мне было показано два завода, два колхоза и винодельческий совхоз. Признаться, ознакомившись с предприятиями, а потом, побывав на полях, я подумал, что выбор объектов был задуман организаторами моей поездки исходя из высоких принципов советско-румынского экономического сотрудни-

⁴⁷ Вообще же игнорирование роли Советской Армии в освобождении Румынии во время празднования очередных годовщин событий 23 августа 1944 г. постоянно обращало на себя внимание людей, приезжавших из СССР (См., например, отчет о встрече представителей общественности Румынии и Советской Молдавии в августе 1967 г.: *Arhivă Organizațiilor Social-Politice a Republicii Moldova (Chișinău)*. F. 51. In. 29. D. 240, ff. 3-4). На зарубежных форумах с румынской стороны также проявлялась склонность к недооценке роли Советской Армии в победе над нацизмом. Так, в мае 1965 г. на международной писательской встрече в ГДР с участием писателей-коммунистов разных стран румынский представитель излагал с трибуны версию о том, что Бухарест был якобы освобожден румынскими войсками, не вызвавшую к себе серьезного отношения коллег-писателей из других стран (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 149. Л. 23). См. также в фондах ЦК КПСС справку «О тенденциозном националистическом освещении вопросов истории Второй мировой войны и истории Коминтерна в работах румынских историков» (1972 г.) (Там же. Оп. 64. Д. 110).

⁴⁸ Запись беседы с Марином Предой имеется среди материалов о поездке Дангулова в Румынию, переданных Иностранной комиссией Союза писателей СССР в ЦК КПСС (Там же. Оп. 55. Д. 104. Л. 153-180; РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2485. Л. 14-28).

чества. Я проехал по стране полторы тысячи километров и видел, как благотворно влияние этих двух заводов на уклад румынского сельского хозяйства. Хорошими урожаями, которые Румыния собрала на своих полях в последние годы (кстати, в этом году виды на урожай отличные), страна во многом обязана этим двум предприятиям, в частности, новодарскому заводу химических удобрений, строительство которого во многом решило для Румынии проблему удобрений ⁴⁹. Мне казалось, что организаторы моей поездки показали мне именно эти два предприятия не только потому, что их влияние на румынское сельское хозяйство столь плодотворно, но и потому, что оба завода были созданы и освоены при ближайшем участии советской страны, а их работа является живым примером действенности советско-румынского экономического сотрудничества. Однако, когда я попробовал об этом сказать на заводе в Новодаре, инженеры, сопровождавшие меня, потупили очи – как я потом убедился, такое мнение противоречит официальной точке зрения, и разговоры на эту тему сегодня в Румынии не приняты.

4. Я несколько раз слышал в Румынии, что АРЛЮС, бывший в свое время едва ли не самой массовой общественной организацией в стране ⁵⁰,

⁴⁹ Дангулов посетил также химический завод в Брашове. Обозначившиеся советско-румынские разногласия по проблемам экономической интеграции совсем не перечеркнули амбициозных советских планов. Один из них – строительство гидроэлектростанции на Дунае у Железных ворот на границе Румынии и Югославии – постоянно находился в поле зрения Хрущева, обсуждался 9 января 1963 г. на заседании Президиума ЦК КПСС (Президиум ЦК КПСС. 1954-1964... С. 693-694). Сооружение электростанции должно было стать, по замыслу советского лидера, общим делом СЭВ, оно дало бы пример добровольного кооперирования на основе взаимовыгодного сотрудничества сразу нескольких стран (в том числе Болгарии, Венгрии и даже Чехословакии), способствовало бы привязыванию Югославии к единой энергосистеме социалистических стран. Идея, насколько можно судить по известным документам, в свое время инициированная именно Румынией (Там же. Т. 2. С. 190, 933), была реализована при участии СССР – в марте 1964 г. было принято постановление о поставке в Румынию оборудования для строительства дунайского гидроузла. Электростанцию открыли в 1972 г.

⁵⁰ Румынское общество связей с СССР (АРЛЮС) было образовано по инициативе левых сил еще осенью 1944 г. В начале 1950-х гг. в стране имелось 462 местных отделения, численность общества составляла около 300 тыс. человек, в том числе видные представители творческой интеллигенции (композитор Дж. Энеску, писатель М. Садвяну). В Обществе действовали различные секции – от музыкальной и театральной до медицинской, 11 700 чел. обучались русскому языку в кружках, в которых

по существу, свернул свою деятельность. Функции центрального совета АРЛЮСа ограничены функциями протокольными: прием советских деятелей культуры, приезжающих в Румынию, обмен сувенирами, иногда обмен речами. Если же говорить о работе в массах по пропаганде принципов советско-румынской дружбы, то она, по существу, свернута. Провинциальные отделения АРЛЮСа даже в крупных центрах фактически не существуют. Во время моего пребывания в Брашове, Констанце и Плоешти вопрос о посещении отделений АРЛЮСа даже не возникал. В свое время были закрыты три мощных очага советско-румынской дружбы: Педагогический институт русского языка и литературы имени Горького, Советско-Румынский исследовательский институт⁵¹ и издательство «Русская книга». Вот уже несколько месяцев фактически не работает большая библиотека АРЛЮСа, которая по существу была центром, где собирались все, кто профессионально посвятил себя русской теме. Однако ничто не обнаруживает так наглядно чрезвычайно деликатного положения, в котором сегодня ока-

---

преподавали поначалу чаще всего выходцы из Бессарабии, но вскоре был открыт педагогический институт имени Горького. Вместе с тем некоторые секции общества работали формально, существовали лишь на бумаге. Техническая секция по существу не функционировала, поскольку главный партнер АРЛЮСа в СССР – Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) не имело права распространять техническую литературу во избежание утечки секретной информации (Подробнее см., например: ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 3: Оп. 21. Д. 96).

⁵¹ Советско-румынский научно-исследовательский институт был создан в системе Румынской Академии весной 1947 г., в условиях, когда Румыния была еще монархией. Инициатором создания института был президент АРЛЮСа известный биолог, медик и общественный деятель академик К. Пархон. Институт издавал 5 серий ежеквартальных или ежемесячных, в зависимости от профиля серии, «Анналов», причем огромным для румынских научных журналов тиражом (3-7 тыс. экз.). По сути, это означало не только широкую пропаганду достижений советской науки (и лженауки, например, учения Лысенко) в Румынии, но и внедрение в сознание интеллигенции определенных идеологических установок. В качестве приложения к «Анналам» выходили брошюры по разным специальностям. Институт имел большую библиотеку, отдел научной документации, бюро переводов, в обязанности которого, среди прочего, входил перевод советских учебников. В структуре института имелись отделы по изучению истории СССР и российско-румынских отношений. Советско-румынский институт много занимался лекционной деятельностью, имел филиалы в Клуже и Яссах. Упомянутый в записке Дангулова музей истории русско-румынских отношений также был структурой Советско-румынского института. Существовал до 1960 г. (Архив РАН. Ф. 579. Оп. 1. Д. 16).

зая АРЛЮС, как его газета «Вяк ноу»⁵². В дополнение к тем мерам, которые уже приняты по закрытию учреждений АРЛЮСа, закрытие «Вяк ноу» было бы более чем демонстративным. Румынское руководство вынуждено терпеть физическое существование этой газеты. Как это ни парадоксально, газета, призванная пропагандировать принципы советско-румынской дружбы, не только не пропагандирует их, а, в сущности, борется с ними. Статьи советских авторов жестоко усекаются. Из статей выбрасывается все, что относится к роли Советской Армии в освобождении Румынии, роли советской страны в индустриализации Румынии. Подобную операцию, как мне говорили, претерпела статья, написанная советскими композиторами для «Вяк ноу». Это сделали в редакции «Вяк ноу» и с моей статьей, хотя, зная о печальном опыте композиторов, я предупреждал редакцию не делать этого.

5. В связи с нынешним курсом румынского руководства своеобразное положение создалось и в Союзе писателей Румынии. Во главе Союза продолжает стоять Михай Бенюк. Несмотря на невзгоды в семье (болезнь жены) и заметную усталость, Бенюк продолжает держать все практические дела Союза в своих руках и, судя по всему, деятельно работает творчески. (Одна книга стихов накануне выхода, другая – перед сдачей в набор). Однако рядом с Бенюком два молодых секретаря, ведающих практическими делами: Ион Брад и Симион Поп. Судя по всему, оба секретаря призваны точно осуществлять линию румынского руководства в Союзе писателей. Бенюк, разумеется, понимает это и, по крайней мере, внешне ведет себя так, чтобы каждый его шаг был в поле зрения секретарей или кого-то из вице-председателей. Мы встречались с Бенюком трижды, однако всегда в присутствии третьего лица: первый раз в присутствии Иона Брада, второй – Михале, третий – Галана. Кстати, все мероприятия, которые проводит сегодня Союз, осуществляются в точном соответствии с духом и буквой новой линии. Выступления иностранных делегатов на фестивале Эминеску началось с речи албанского делегата и закончилось

---

⁵² Кроме еженедельника «Вяк ноу» («Новый век»), общество выпускало ряд изданий, в том числе журнал «Проблемы внешней политики» тиражом 20 тыс. экз. Издательство общества АРЛЮС «Русская книга» было одним из крупнейших в Румынии. Наряду с пропагандистскими брошюрами оно издавало и художественную литературу, в том числе русскую классику.

на другой день речью представителя СССР⁵³; впрочем, за нашим делегатом был еще уругваец. Такой же порядок был принят и на фестивале поэтов, съехавшихся на празднества в честь Эминеску. В том случае, когда иностранных делегатов должен был представлять кто-то один, им неизменно был делегат Франции (речь на могиле Эминеску, речь в Ипотешти, родном селе Эминеску, куда выезжали делегаты). Впрочем, этот порядок неожиданно нарушил советский поэт М. Дудин, который заявил, что привез на могилу Эминеску горсть земли с могилы Пушкина. Организаторы торжеств должны были предоставить слово советскому поэту, однако речь его румынская пресса не опубликовала. До сих пор политика Бенюка была политикой балансирования. У меня есть основание предполагать, что на собраниях творческой интеллигенции, организованных в связи с новым курсом румынского руководства, выступал и Бенюк. Как далеко пойдет он в этом новом своем качестве, покажет будущее, быть может, даже и ближайшее⁵⁴.

6. Очень характерно для наших отношений с Румынией положение, в котором оказались сегодня советские женщины, жены румын. В результате жестокой чистки, которая была осуществлена в Румынии в последние год-полтора, в первую очередь были освобождены [от работы] советские женщины. Уже одно это поставило их в чрезвычайно тяжелое положение. Затем последовало требование о смене гражданства и во многих случаях перерегистрация бра-

⁵³ Вероятно, за основу был взят алфавитный порядок представления стран, чьи делегации присутствовали на торжествах.

⁵⁴ В конце 1950-х гг. деятельность Бенюка по руководству Союзом писателей Румынии не вызывала нареканий в Москве. Как резюмировал по итогам своей поездки в Румынию в августе-сентябре 1959 г. Борис Полевой, «чувствовалось, что Союз писателей Румынии находится в хороших руках и партийное влияние является в нем преобладающим, хотя, разумеется, эта партийная линия и встречает некоторое скрытое сопротивление у отдельных интеллигентов» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Д. 2423. Л.2). В начале 1957 г., посетив по поручению Георгиу-Дежа Венгрию, Бенюк пытался должным образом влиять на венгерских писателей, в основной своей массе не принявших советского военного вмешательства (Бенюк М. По возвращении из Венгрии // Иностранная литература, 1957. № 2; См. также запись беседы посетившего Румынию в феврале 1957 г. венгерского писателя и общественного деятеля Петера Вереша – Arhivele Naționale Istorice Centrale (București). Fond C.C. al P.C.R., Cancelarie, dosar nr. 76/1957, f.5-9). Активная деятельность Бенюка в Союзе писателей продолжалась до середины 1960-х гг., когда первую роль в организации начал играть видный прозаик З. Станку.

ков (браки, зарегистрированные в СССР, объявляются недействительными). О том, как обстоит дело сейчас, известное представление дает такой факт. Перед отъездом из Румынии я беседовал с советской женщиной, женой ответственного работника румынского кино, которая, в конце концов, была вынуждена выехать из страны. Что вызвало это ее решение? Первый факт. Ей было предъявлено требование о смене гражданства. Она отказалась. Второй факт. Ее брак был зарегистрирован в СССР десять лет назад, год спустя у нее родилась девочка, которой сейчас около девяти. Несмотря на все это, от нее потребовали зарегистрировать брак вновь. Третий факт. Семье была предоставлена новая квартира. Прописка на всю семью была оформлена мгновенно, в том числе и на девятилетнюю дочь (дочь – румынская гражданка). Прописка советской женщины длилась месяцы и по существу превратилась в процедуру, глубоко оскорбляющую достоинство человека. Четвертый факт. Муж решил поступить в Высшую партийную школу и в течение полутора лет готовился к сдаче экзаменов, затем экзамены отлично сдал, однако не был принят. В райкоме ему заявили: «У тебя русская жена». Муж возмутился и пошел в ЦК. Ответ, который он получил там, был лишь по форме иным. Пятый факт. Вскоре после известной публикации газеты «Экономическая жизнь»⁵⁵ в Румынии распространился слух, что отношения между двумя странами могут осложниться настолько, что советские граждане будут высланы, в то время как их дети, являющиеся румынскими гражданами, будут оставлены в стране. Женщина решила взять свою дочь и выехать из Румынии, при этом ее состояние было таким, что никакие уговоры на нее уже не подействовали. В таком положении по существу находятся в Румынии сотни советских женщин.

7. Как относятся сегодня к СССР различные круги современного румынского общества? В течение почти двадцати лет румынский народ воспитывался в духе дружбы к советской стране. Идея дружбы была тем более действенна, что она опиралась на рост благосостояния народа. Новый курс румынской политики воспринимается широкими кругами народа как курс, который противостоит как раз той линии страны, которая привела народ к росту благосостояния. Все ухищрения пропаганды не могли убедить румын в обратном. Народ этой линии не понимает. Больше того, в народе имеются и известные

⁵⁵ О какой конкретной публикации идет речь, установить не удалось.

настроения протеста против нового курса. Эти настроения особенно сильны в тех кругах румынского общества, которые относительно независимы от современной румынской конъюнктуры и, прежде всего, крупные ученые. Я беседовал с академиком Йоргу Иорданом, Александром Росетти, Виктором Ефтимииу, Штефаном Николау, которых знал по прежней работе в Румынии, как активных деятелей АРЛЮСа⁵⁶. Большинство их сегодня исповедуют свои прежние взгляды, и, как мне показалось, не намерены от них отказываться. Разумеется, в Румынии есть элементы, которые сегодня прямо выступают против дружбы с советской страной. Кто это? Прежде всего, это большие и малые хозяева, потерявшие в результате социальной революции свою собственность и мечтающие теперь ее вернуть. Это – бывшие кулаки в деревне, торговцы и ремесленники в городе. Характерно, что известное выступление газеты «Экономическая жизнь» сопровождалось требованием о роспуске колхозов в деревне и упорными слухами о том, что торговцам будут возвращены их магазины и лавки, а врачам – частная практика. Во всем, что касается открытых нападок на СССР, у этих больших и малых хозяев есть своеобразные союзники в лице таких, как Н. Морару и М. Новиков, которые, стараясь замолить свои прежние «грехи», (и один, и другой – авторы многочисленных статей об СССР), бессовестно клеветают на Советскую страну⁵⁷. Однако очень важно не переоценить реальной силы и влияния на массы антисоветских элементов, действующих сегодня в Румынии, и сделать все, чтобы сберечь в народе хорошее отношение к СССР. Здесь наверняка имеются у нас немалые возможности.

8. Нынешний курс румынского руководства обозначился тем определеннее, что ему сопутствовали некоторые факторы политического и экономического характера. Осуществление этого курса сопровождалось заметным усилением националистических настроений. Из всех румынских учреждений, имеющих важное политико-государственное значение, вышибались не ру-

⁵⁶ Й. Иордан (1888-1986), А. Росетти (1895-1990) – румынские ученые-филологи, академики. В. Ефтимииу (1889 – 1972) – известный писатель, драматург, литературный критик, академик. Ш. Николау (1896 – 1967) – медик, академик.

⁵⁷ Для понимания настроений румынской партийной и творческой элиты показательны, что оба упомянутых Дангуловым литератора – ветераны подпольного коммунистического движения в 1930-е – начале 1940-х гг. Михай Новиков – уроженец Одессы, имевший русские корни. Будучи политическим узником тюрьмы в Дофтани, упомянутой и в записке Дангулова, оставил воспоминания.

мыны; в многонациональном румынском государстве, где огромный процент населения составляют венгры, немцы, русские и другие национальности, это было особенно заметно. Чистка началась с русских, при этом за бортом оказались лица, чьи заслуги перед республикой были общеизвестны (Федор Руденко, например, многолетний узник Дофтаны, бывший в первые годы послом в Югославии и Китае), однако потом перебралась на представителей других национальностей. Закрытие венгерского университета в Клуже, имевшего многолетнюю историю и сыгравшего заметную роль в становлении венгерской национальной культуры, – одно из звеньев этой цепи⁵⁸. Чистка, которая с большей или меньшей силой свирепствует по сей день (одно из последних мероприятий правительства – освобождение русских из Министерства иностранных дел), сопровождается выпуском невиданного количества книг, фильмов, посвященных различным датам и именам, при этом румынская история грубо препарируется и нередко преподносится в шовинистическом аспекте. По существу, этим же целям призваны служить и экономические успехи Румынии. Народу внушается мысль, что Румыния добилась этих успехов сама, при этом ее большие и малые соседи, и прежде всего СССР, не только не помогали ей, но нередко ей препятствовали, пытаясь низвести Румынию до уровня «аграрного придатка», а если что-то и делали, то в сугубо корыстных целях. Всячески высмеивается мысль, что СССР помогал Румынии бескорыстно. У меня был любопытный разговор с румынскими инженерами на химическом комбинате в Новодаре. Я спросил инженеров, в какой мере строительство комбината помогает решить проблему удобрений румынских полей. Мне сказали, что после создания комбината Румыния сделала решающий шаг на пути к этой цели. «Кто строил комбинат?» – спросил я. Мне сказали: «Инженеры СССР». – Откуда идет сырье для комбината? – Мне ответили: «Из СССР, с Кольского полуострова». Я заметил тогда инженерам: «Если СССР, для которого проблема химизации сельского хозяйства является и сегодня проблемой номер один, помог Румынии построить комбинат и решить проблему удобрений, при этом снабжает комбинат сырьем, доставляя его с Кольского полуос-

⁵⁸ Речь идет о закрытии в 1959 г. венгерского университета в Клуже как самостоятельного учебного заведения. Преподавание на венгерском языке в университете и других вузах Клужа (и ряда других городов Трансильвании) продолжалось, хотя и в иных масштабах.

трова, какие еще примеры нужны, чтобы доказать его бескорыстие?» Инженеры должны были согласиться, что это именно так, но то, что очевидно для людей рядовых, попирается руководством.

9. Иностранцы литераторы, собравшиеся на юбилей Эминеску, не без любопытства наблюдавшие за тем, что сегодня происходит в Румынии, нередко спрашивали друг друга: «На кого равняется сегодняшняя Румыния, куда она идет?». Внешние признаки кажутся противоречивыми: более чем недружелюбная позиция по отношению к СССР и странам народной демократии⁵⁹, дружба с Югославией, нескрываемые симпатии к Китаю и Албании, широкое развитие не только экономических, но культурных, больше того, духовных контактов с США, Великобританией и особенно Францией. Какой вывод можно сделать из всего этого? В самом деле, как складываются у Румынии отношения с теми странами, которые мы упомянули выше, и может ли речь идти об ориентации Румынии на эти страны? Все, с кем я говорил в Румынии, особенно интеллигенция, подчеркивали, что им глубоко враждебна линия китайского руководства по вопросам сосуществования, по вопросам войны и мира. Даже такой человек, как Н. Морару, который всячески распространялся на тему о том, как верна линия румынского руководства, заявил, что Румыния не согласна с Китаем по главным пунктам его разногласий с СССР. Однако тот же Морару, заявив о несогласии с Китаем, эмоционально был не на стороне СССР, а на стороне Китая. Это характерно. Видимо, в нынешний острый мо-

⁵⁹ Ситуация была более сложной. В своей политике в отношении европейских социалистических стран руководство Румынии исходило из заинтересованности в поощрении центробежных тенденций в социалистическом содружестве и видело своих естественных союзников в тех силах, которые в том или ином плане дистанцировались от Москвы. Определенные надежды такого рода связывались ими в 1968 г. с «Пражской весной». Наибольшей напряженностью характеризовались отношения Румынии с соседней Венгрией, поскольку факты дискриминации в Румынии двухмиллионного венгерского национального меньшинства тут же находили отклик широкого общественного мнения в Венгрии, активно муссировавшего эту тему с молчаливого согласия коммунистических властей и поощрявшего трансильванских венгров к акциям сопротивления (*Стыкалин А.С.* Вопрос о венгерском меньшинстве в Румынии в двусторонних отношениях середины 1950-х годов / *Материалы конференции «Политика и политика на Балканах. Национальный и международный контекст, XIX-XX века» // Славяноведение. 2005. № 3. С.87-91; Baráth Magdolna. Magyarország a szovjet diplomáciai iratokban, 1957-1964).*

мент советско-румынских отношений Румыния из тактических соображений ищет поддержки Китая, при этом ведет себя достаточно осторожно, не рискуя обнародовать свое мнение по вопросу советско-китайских разногласий. Встать на сторону Китая – значит войти в конфликт с собственным народом, в частности, интеллигенцией. Заявить о своем несогласии с Китаем – значит отказаться от известных возможностей тактической игры.

Я был в Румынии в момент встречи румынского руководства с Броз Тито в Тимишоаре. Эта встреча вызывала живой интерес в разных кругах румынского общества. Одни утверждали, что миссия Тито, как это имело место во время поездки Дежа в Югославию⁶⁰, является миссией посредника между Румынией и Западом, при этом соответствующие шаги Тито стали тем более увереннее, что Румыния встала на югославский путь. Другие, наоборот, не отрицая того, что Тито выполняет роль посредника, утверждали, что это посредничество между Румынией и СССР, откуда Тито теперь возвращался⁶¹. Следует отметить, что улучшение отношений с Югославией, приветствовавшееся всем народом⁶², в настоящее время настораживает румынскую общественность по той простой причине, что оно совпало с ухудшением отношений с СССР. Трудно сказать, в какой мере эти подозрения основательны, но люди, не искушенные в политике, эти два явления связывают.

Кстати, улучшение отношений Румынии с Западом, наметившееся до поездки Дежа в Югославию, и, быть может, никакого отношения к этой поездке не имеющее, в народе связывается с этой поездкой. Так или иначе, а усилия

⁶⁰ Вероятно, речь идет о поездке, состоявшейся весной 1964 г.

⁶¹ И. Броз Тито побывал с краткосрочным неофициальным визитом в СССР в июне 1964 г. (8-9 июня по пути из Финляндии в Югославию он заехал в Ленинград, где встретился с Н.С. Хрущевым).

⁶² Надо иметь также в виду, что в сравнении с соседней Венгрией, где партийный лидер М. Ракоши играл первую скрипку в инициированной Сталиным в 1948 г. антиюгославской кампании, организовав в 1949 г. процесс по делу Л. Райка, Георгиу-Деж, хотя и подчинялся блоковой дисциплине, все же проявил несколько меньше активности в травле руководства СКЮ, что позитивно сказалось на готовности югославов к сближению с Румынией в 1955-1956 гг. Показательно в этой связи, что в июне 1956 г., чтобы избежать встречи с Ракоши, Тито поехал в СССР не через Венгрию, а более длинным путем, через Румынию (*Constantiniu F., Pop A. Schisma roşie. România și declanşarea conflictului sovieto-iugoslav (1948-1950). Bucureşti, 2007).*

Румынии, направленные к улучшению отношений с Западом, все заметнее. Очевидно, дело не ограничивается новыми торговыми и культурными соглашениями. Много делается, чтобы привлечь из Европы поток туристов. В течение недели я прожил на черноморском курорте Румынии в Мамайе, близ Констанцы. Курорт полон туристами с Запада. Я жил в отеле, который заселен туристами из скандинавских стран. По такому же принципу (общность языка) заселены пятнадцать других гостиниц Мамайи. Чтобы стимулировать приток туристов, Румыния установила льготный курс и значительно облегчила оформление въезда в страну (въезд оформляется непосредственно на границе). Кстати, близ Констанцы введен в эксплуатацию огромный международный аэропорт и, таким образом, черноморское побережье Румынии связано с важнейшими центрами непосредственно.

Все, с кем мне приходилось говорить в Румынии, в том числе, с теми, чьи беседы со мной были явно инспирированы сверху (Морару, Станку), в общем, были озабочены тем, как отнесется СССР к этой новой румынской политике. Как мне кажется, эта проблема не в шутку тревожит румынское руководство. В Румынии не могут не понимать, что новый курс, принятый в последние годы, ведется без учета ее интересов, ее экономического, географического и всякого иного положения.

С. Дангулов

*Российский государственный архив литературы и искусства.
Ф. 631. Оп. 25. Д. 2485. Л. 3-13. Подлинник.*

Ар.А. Улуян

ГОТОВИЛСЯ ЛИ ПЕРЕВОРОТ В АЛБАНИИ? «ДЕЛО Т. СЕЙКО»: ВЕРСИИ

Одной из особенностей тоталитарных коммунистических режимов являлась закрытость информационных каналов для общества, в котором властями насаждались удобные для них в политическом смысле «информационные конструкты». Происходящие внутри правящего слоя процессы трактовались публично через призму различных интерпретаций марксистско-ленинской доктрины с учетом существовавшей «национальной специфики». Именно данное обстоятельство способствовало тому, что многие из событий того времени, не будучи подтверждены документально, получили в общественном дискурсе «народное изложение» в виде порожденных закрытостью общества слухов, мистифицированных нарративных конструкций или специально распространявшихся властями, не уверенными в результативности собственной пропаганды, искусственно созданных из выдуманных и содержавших отрывочные достоверные сведения, версий. К числу событий, продолжающих оставаться наименее изученными и получивших после крушения восточного блока возможность быть все-таки исследованными, относятся попытки разрешения силовым путем противоречия в высших эшелонах власти в рамках существовавших в Восточной Европе коммунистических режимов, а также место и роль различных группировок в этом процессе с учетом вовлеченности в подобные события «внешнего фактора». Особый интерес представляют факты реальной и «мнимой» военной оппозиции в период существования коммунистических режимов. Несмотря на появившиеся в 90-е г. XX в. научные исследования, базировавшиеся как на документальных материалах национальных архивов, так и в воспоминаниях участников событий, тема военных заговоров и даже попыток военных переворотов представляет собой широкое поле для исследований. К числу таковых относятся события 1960-1961 гг. в коммунистической Албании, вошедшие в историю как «заговор Теме Сейко».

Усиление изоляции Албании в восточном блоке создавало проблемы для ее руководства, которое было заинтересовано в том, чтобы не допустить дистанцирования Тираны от СЭВ и Организации Варшавского Договора (ОВД) как

по политическим, так и экономическим причинам. При этом албанские руководители рассчитывали сохранить полную автономию во внутривластных делах и определении внешнеполитического курса по отношению к членам блока, формально в него не входящим: ФНРЮ и КНР. Все более конфликтными становились взаимоотношения между СССР и коммунистической Албанией, усиливалось и без того жесткое противостояние с ФНРЮ, а с соседней Грецией – членом НАТО отсутствовал мирный договор. Режим Э. Ходжи использовал сложившуюся ситуацию в пропагандистских целях, чтобы подчеркнуть перманентно существующую угрозу для Албании, несмотря на то, что она продолжала сохранять свое членство в ОВД. Весна 1960 г. стала одним из важных этапов для внутривластного развития НРА. Череда событий свидетельствовала о начале пока еще не очевидных для внешних наблюдателей, как, впрочем, и самих граждан страны, процессов. Одним из первых знаковых событий стало посещение главой режима Э. Ходжей 25 апреля южной границы Албании с Грецией. Такие поездки в прошлом, как правило, использовались им для того, чтобы заявить о необходимости защиты страны от агрессии со стороны Греции, где довольно часто слышались призывы освободить Северный Эпир (в греческой исторической традиции так называется южная часть Албании). Однако на этот раз, помимо призывов к бдительности, прозвучали слова о том, что необходимо уделять особое внимание «чистоте партии» и ее «монолитности»¹.

В определенной степени это было связано со стремлением главы АПТ усилить консолидацию не только партийных рядов, но и всего албанского общества в условиях набравшего силу советско-албанского партийного конфликта, когда Тирана уже открыто начала поддерживать Пекин в его споре с Москвой. Так называемые идеологические противоречия АПТ с КПСС, по сути, являлись проявлением более серьезного процесса – стремления Ходжи не допустить каких-либо изменений, способных подорвать его власть, и исключить «советский фактор» из внутривластной жизни страны как опасный для него лично. Поэтому призывы к укреплению партийных рядов имели

¹ Именно так было озаглавлено его выступление в опубликованном собрании сочинений: *Партийная организация на границе должна быть сильной, чистой и монолитной. Из замечаний на встрече с представителями пограничных войск. 25 апреля 1960 г. – Organizatat e Partisë në kufi të jenë të forta, të pastra, monolite. Nga fjala e mbajtur në takim të bashkë me ushtarakët e forcave të kufirit. 25 prill 1960// Hoxha E. Vepra. V.18. Janar 1960-Qershor 1960. Tiranë, 1975. F. 204-226.*

вполне конкретное содержание и одновременно явились сигналом для внутренней и внешней аудитории: борьба с несогласными в рядах АПТ усилится.

В тот момент, однако, внимание албанского общества привлекли драматические, которым предстояло дать адекватную оценку. 27 апреля орган ЦК АПТ газета «Зери и популлит» сообщила, что накануне от кровоизлияния в мозг скоропостижно скончался начальник управления Министерства внутренних дел в Шкодре 38-летний генерал-майор Хилми Сейти. В городе быстро распространились слухи о том, что смерть – не простая случайность и что к ней причастны власти, те самые, которые организовали 28 апреля торжественные похороны генерала. Имея в виду особенности албанского общества, характер формальных и личных связей в нем, а также традиционный регионализм, базирующийся на земляческих и родственных отношениях, слухи о «неслучайном» характере трагедии имели определенные основания. Среди жителей Шкодры и прилегающего района Сейти стал популярен после того, как, возглавив региональное управление внутренних дел, он прекратил репрессии в Южной Албании, направленные против реальных, а большей частью – мнимых врагов «народного строя».

Ставшие известными на протяжении последних 20 лет после крушения коммунизма в Албании факты имеют непосредственное отношение к «делу Теме Сейко». Так, в частности, большинство свидетелей событий апреля 1960 г. в Шкодре отмечают участвовавшие в этом месяце поездки руководителей центрального аппарата Министерства внутренних дел и лично его главы генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу в этот город. Более того, именно в это время была проведена региональная конференция АПТ, на которой присутствовал и глава МВД. Вскоре после смерти начальника УВД Шкодры в городе распространилась информация о том, что, будучи в Шкодре, Хазбиу обратился к своему подчиненному – Сейти с достаточно странным, но вполне вписывавшимся в политический контекст и соответствовавшим практике репрессивных органов предложением. Сейти должен был выступить в роли руководителя некой антигосударственной организации, которая якобы была связана с СССР, и затем предстать перед судом, где эта организация должна быть разоблачена. Такова одна из версий с доминирующей советской «составляющей»².

² Свидетельство современника событий, но не их участника, католического священника Зефа Плумби (Zef Plumbi): *Kulli F. Zbulohet vrasësi i gjeneral-major Hilmi Seitit // Shqipëria Etnike, 12.10.2004.*

Другая версия, но также связанная с «постановочным характером» планировавшегося процесса, имела отношение к югославо-греко-американскому «направлению»³. Обращение к Сейти с этим предложением не было случайным и во многом обуславливалось еще и местными условиями. Глава УВД Шкодры являлся выходцем из района Чамерии – албано-греческого приграничья и северной части Греции, населенной албанцами-чамами⁴.

В годы Второй мировой войны часть чамов воевала на стороне немецких и итальянских войск против греческих партизан, а другая – в составе подразделений, контролировавшихся коммунистами, среди которых был и Сейти. Так называемое «чамское братство» охватывало большое количество членов, многие из которых были вынуждены бежать из Греции после ее освобождения в Албанию, а другие, будучи антикоммунистами и противниками режима Э. Ходжи, либо остались в Греции, либо эмигрировали в другие страны. Более того, репрессии со стороны властей НРА по отношению к чамам, которые рассматривались нередко как опасный элемент, приобрели систематический характер. Именно поэтому «чамское дело» во главе с Хилми Сейти, который должен был выполнить «долг перед партией», имело широкие пропагандистские перспективы и могло вызвать широкий международный резонанс, затронув, в частности, Грецию и США. Естественно, Сейти отказался от этого предложения и спросил о том, насколько осведомлено руководство страны, прежде всего, лично Э. Ходжа, о деталях плана. Не получив ответа, он захотел сам выяснить это, о чем и предупредил Хазбиу (а по одной из версий и присутствовавшего во время разговора секретаря парторганизации Шкодора).

³ Agjenti «Gjoksi» e dinte çfarë ndodhi me Teme Sejkon, por nuk e tha kurrëjnt //Panorama, 27.6.2010.

⁴ Эта версия, а также ее детали были подробно изложены знавшим достаточно хорошо Т. Сейко профсоюзным деятелем и выходцем из г. Кониспол, где родился Сейко, Ю. Кучуку в его интервью: Shoku i Teme Sejkos: Si u inskenua «grupi komplotist» nga Çamëria //Panorama, 26.6.2010. Подробнее о чамах (по-албански Çamë, а по-гречески Τσάμηδες) и роли этой проблемы во взаимоотношениях Албании и Греции в описываемый период, а также в целом см. в: *Meta B. Marrëdhëniet shqiptro-greke në vitet 1960-1962 // Studime Historike. 2004. N 1/2; Μαντά Ε. Οι μοσοὺλμάνοι Τσάμηδες της Ηπείρου (1923-2000). Θεσσαλονίκη, 2004; Vickers M. The Cham Issue – Albanian National and Property Claims in Greece. Defence Academy of the United Kingdom. Conflict Studies Research Centre. Eastern Europe Series, G109. London, April 2002; Xhufi P. Çamët ortodoks // Studime Historike.2006, N38.*

Однако спустя несколько дней его срочно вызвали к секретарю партийной организации города, где во время беседы его потчевал хозяин. В этот же день Сейти скончался от «кровоизлияния».

8 мая 1960 г. Э. Ходжа отмечал в своем дневнике: «Сегодня принял Иванова, который по поручению советского руководства официально обратился за получением согласия на назначение маршала Гречко командующим Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора вместо маршала Конева, который был отстранен в связи с “болезнью”. Мы дали ему согласие, но совершенно не уверены в происходящей смене. Конев физически здоров, но он думает не так, как Хрущев, поэтому последний его снял и заменил. Чистки известных генералов и маршалов Советской Армии продолжаются. Разумеется, что чистки лучших кадров в советских вооруженных силах продолжаются с особой силой с помощью массовой демобилизации военных кадров. В этих условиях мы должны быть очень бдительными в вопросах обороны нашей страны!»⁵

Проходившее в конце июня 1960 г. в Бухаресте международное совещание коммунистических и рабочих партий стало еще одним этапом в развитии советско-албанского конфликта: руководство АПТ заняло сторону китайской компартии и отказалось поддержать Москву в ее полемике с Пекином. Выступая 11 июля на XVII пленуме ЦК АПТ Э. Ходжа резко осудил позицию советской стороны. Показательно, что сам доклад имел вполне однозначное название: «На встрече в Бухаресте были нарушены ленинские нормы взаимоотношений между партиями»⁶.

В августе 1960 г. из официального сообщения страна узнала, что Управление государственной безопасности Албании, или сокращенно «Сигурими» (Drejtoria e Sigurimit të Shtetit), выявило в высших военных и партийных кругах лиц, готовивших государственный переворот. Среди арестованных были контр-адмирал Т. Сейко, получивший военное образование в СССР, занимавший в 1947-1960 гг. ответственные посты в военной разведке албанских воо-

⁵ Работать, чтобы усилить бдительность для защиты нашей Родины. Воскресенье, 8 мая 1960 г. – Veprime që na imponojnë britjen e vigjilencës për mbrojtjen e e atdheut tonë. E Diel, 8 maj 1960 // *Hoxha E. Ditar për çështie ndërkombëtare. (1958-1960). Tiranë, 1981. V. 1. F. 413.*

⁶ Në mbledhjen e Bukureshtit ne s'pranuam të shkelen normat Leniniste të marrëdhënieve midis partive. Nga fjala në Plenumin XVII të KQ të PPSH. 11 korrik 1960 // *Hoxha E. Vepra. V.19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960. Tiranë, 1975. F. 38-61.*

руженных сил, а в последние годы возглавлявший ее в качестве начальника Оперативного управления Министерства обороны, а также ряд партийных функционеров – Т. Деми, А. Ресули и др. К сентябрю 1960 г. число арестованных превысило 200 человек, военных и гражданских, многие из которых были выходцами с юга Албании. Для большинства граждан Албании произошедшее было неожиданностью, хотя на протяжении 40-х – 50-х гг. XX в. многие известные партийные и государственные деятели, входившие в высшие эшелоны власти, были объявлены врагами или иностранными агентами (в частности, югославскими), осуждены и казнены. Внутрипартийная борьба в АПТ, в ходе которой группа во главе с Э. Ходжей и его ближайшим сподвижником – премьер-министром М. Шеху последовательно уничтожала любых возможных конкурентов и претендентов на власть, не являлась секретом для многих в Албании. Репрессии коснулись и членов семей осужденных. Однако сам факт обвинения главнокомандующего ВМС Албании Т. Сейко и высших представителей партийной номенклатуры, достойно проявивших себя в годы антифашистской борьбы, в заговоре с участием иностранных сил был из ряда вон выходящим. Весьма примечательной в данном контексте является применявшаяся (под явным влиянием партийной традиции) в оперативных документах Сигурими терминология для «классификации» тех, против кого были направлены действия Госбезопасности. В соответствии с ней находившиеся в «разработке» лица делились на «политических эмигрантов», «экономических эмигрантов», «беженцев», «албанскую реакционную политическую эмиграцию», «реакционные организации» и др. Инкриминируя «враждебную деятельность» лицам и организациям, Сигурими избегала упоминания в этом случае словосочетания «враждебная деятельность против Албанской партии труда» и использовала вместо этого другое – «враждебная деятельность против Народной Республики Албании»⁷. Целью подобной подмены являлось стремление сформировать у населения представление о том, что все политические противники коммунистического режима являются, прежде всего, врагами страны, и не допустить разделения понятий АПТ как правящей партии и албанского государства.

⁷ Подробнее об этом см. статью С. Накучи, получившего доступ к документам Сигурими: *Nakuçi S. Teme Sejko – Panajot Plakut: «I çali të kujton dhe s'të harron» // Ndryshe, 29.4.2008.*

Что касается «югославского направления», то в контексте деятельности Управления политической разведки (*Drejtori i Zbulimit Politik*) оно в этот период было связано с отслеживанием ситуации, складывавшейся в ФНРЮ в связи с наличием многочисленных беженцев и эмигрантов из Албании⁸, а также наблюдением за их наиболее видными представителями, в частности, за одним из наиболее последовательных оппонентов режима Э. Ходжи бывшим членом ЦК АПТ, бывшим заместителем министра обороны генерал-майором П. Пляку, бежавшим в Югославию 16 мая 1957 г.⁹

3 августа 1960 г. член Политбюро К. Ташко сообщил Э. Ходже в личной встрече о негативных оценках Н.С. Хрущевым происходящих в Албанской партии труда процессов. В ответ Ходжа обвинил Ташко в том, что он проводил несанкционированные встречи с советскими официальными лицами, и, в частности, с послом В.И. Ивановым, интересовавшимся повесткой дня предстоявшего пленума ЦК АПТ¹⁰. Особое внимание албанской контрразведки привлекла деятельность подполковника И. Колчина, являвшегося членом советского военного персонала в Албании, а также призыв советского посла «Будьте настоящими военными», адресованный албанским офицерам и генералам во время встречи в посольстве 6 августа 1960 г. Внимание к албанским вооруженным силам и их идейно-политическому состоянию с советской стороны было традиционным. Еще во второй половине 50-х гг. представители советского военного руководства высказывали мнение о том, что «албанская армия боеспособна. Она имеет хорошие кадры офицерского состава, которые на 100% являются членами Партии труда, большинство из них проходило обучение в Советском Союзе. Солдаты, сержанты и офицеры на проведенном

⁸ Всего за время албано-югославского конфликта в Югославию перебрались 30 тыс. беженцев, которые имели собственную политическую организацию, насчитывавшую 9 тыс. членов и возглавлявшуюся профессором А. Танефи. Подробнее в: *Hrabak B. Albanski emigranti u Jugoslaviji 1948-1954// Tokovi istorije. 1994. №. 1/2.*

⁹ Панайот Пляку (1919-1966) являлся автором книги «Насилие над албанской революцией», изданной в 1984 г. на сербском языке. В 1985 г. она была опубликована в Косово на албанском языке: *Pljaku P. Nasilje nad albonskom revolucijom. (Memoari, dnevnic, sećanja). Beograd, 1984; Pljaku P. Dhuna ndaj revolucionit në shqipëri. Prishtinë, 1985.*

¹⁰ *Komiteti Qendror është udhëheqja e partisë që gjzkon kurdoherë drejt, urtë, qetë, por kur duhet edhe ashpër. Nga biseda me Koço Tashko. 3 gusht 1960 // Hoxha E. Vepra. V.19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960. Tiranë, 1975. F. 84-104.*

учении показали хорошую выносливость и втянутость при действиях в горах. Идеологическое воспитание в армии поставлено хорошо»¹¹.

На этот раз слова советского дипломата были расценены албанской стороной как провокация и прямое подстрекательство к действиям против руководства страны¹². 6 августа 1960 г. ЦК АПТ направил в адрес ЦК КПСС письмо, содержавшее протест по поводу поведения посла СССР в Албании, а также секретарей посольства К. Новикова и Ф. Беспалова. Их действия были охарактеризованы как вмешательство во внутренние дела АПТ и как антиалбанские. В послании особенно выделялся пассаж, имевший непосредственное отношение к проблеме армии и ее роли во внутривластной жизни страны, что было продемонстрировано самой тональностью составленного при активном участии Э. Ходжи документа: «Нас особенно сильно задело поведение советского посла товарища Иванова, который недавно зашел так далеко в своем недружественном отношении к нашей партии, что имел смелость публично обратиться к нашим генералам и офицерам на аэродроме Тираны со странным и провокационным вопросом: «Кому верно воинство?» Наши генералы дали ему сразу же правильный ответ и обратились с жалобой в Центральный комитет партии, возмущенные таким тенденциозным вопросом товарища Иванова. Они задаются логичным вопросом: “Почему он задал такой вопрос? Почему он ставит под сомнение преданность нашей армии нашей партии, Родине, народу и социалистическому лагерю?” Для всех нас поведение советского посла товарища Иванова является полностью неприемлемым»¹³. Уже в 50-е гг., особенно во второй половине десятилетия, албанские органы Госбезопасности,

¹¹ Телеграмма г. К. Жукова в ЦК КПСС о ходе визита и переговорах с руководителями Албании. 25 октября 1957 г. // Россия XX в. Документы. Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 179.

¹² См. публикацию «Так попадали военные секреты Энвера Ходжи в руки советских секретных агентов: документы раскрывают длинное информационное письмо агентов в досье nr.78/AS» с выдержками из архивных документов албанских контрразведывательных органов в: Si ranë sekretet ushtarake të Enver Hoxhës në dorën e agjentit sekret sovjetik: dokumentet zbardhin letrën e gjatë informative të agjentit me dosje nr.78/AS // Panorama, 10. 3.2004.

¹³ Letër drejtuar KQ të PK të Bashkimit Sovjetik lidhur me ndërhzrjen e hapur n[punët e brendshme të PPSH dhe të hteitit Shqiptar nga disa funksionarë të ambasadës së BS në Tiranë. 6 gusht 1960 // *Hoxha E. Vepra. V.19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960. Tiranë, 1975. F. 107.*

пристально следившие за действиями советского военного персонала в НРА, получали сведения о попытках вербовки советской разведкой (судя по всему – военной) военнотружущих албанских вооруженных сил, что отмечали в своих информационных материалах¹⁴.

Курс на локализацию тех, кто мог оказаться в «просоветской фракции» в АПТ был продолжен в конце лета 1960 г. 30 августа на заседании Политбюро ЦК АПТ Э. Ходжа осудил в своей речи действия члена Политбюро Л. Белишовой за ее критическую позицию по отношению к КНР¹⁵, а днем позже назвал оппортунистом и карьеристом К. Ташко¹⁶. Вновь было заявлено о том, что Ташко без разрешения руководства, по собственной инициативе встречался с послом СССР Ивановым и секретарем посольства Новиковым, что рассматривалось Ходжей как неприемлемое для одного из высших руководителей партии поведение. 9 сентября 1960 г. газета «Зери и популит» опубликовала решение ЦК партии от 8 сентября о смещении Л. Белишовой и К. Ташко со всех партийных постов.

Тем временем с момента ареста в августе 1960 г. и вплоть до февраля 1961 г. о судьбе Т. Сейко и других высших партийных и государственных деятелей официальные власти ничего не сообщали.

Первая официальная и в тоже время крайне осторожная в части, касавшейся трактовки событий, информация о подготовке заговора и его срыве была дана в выступлении Э. Ходжи 13 февраля 1961 г. на IV съезде АПТ, который заявил: «Титоистская Югославия вместе со своим союзником Грецией при координации с VI-м американским флотом в Средиземноморье составили заговор против свободы, независимости и суверенитета нашей родины... Этот преступный заговор был полностью сорван. Заговорщики и [разоблачающие их] факты находятся в руках народного правосудия. Этот глупый заговор был сорван нашей героической партией, народом, армией и силами Государствен-

¹⁴ Si ranë sekretet ushtarake të Enver Hoxhës në dorën e agjentit sekret sovjetik.

¹⁵ Mbi gabimet e rëndësive politike dhe ideologjike të Liri Belishovës. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH. 30 gusht 1960 // *Hoxha E. Vepra. V.19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960. Tiranë, 1975. F. 132-153.*

¹⁶ Ai që nuk ka besim te partia, arrin në konkluzione dhe në veprime të gabuara. Diskutim në mbledhjen e Byrosë Politike të KQ të PPSH mbi veprimet e Koço Tashkos në kundërshtim me vijën e Partisë. 31 gusht 1960 // *Hoxha E. Vepra. V.19. Qershor 1960 – Dhjetor 1960. Tiranë, 1975. F. 154-167.*

ной безопасности, которые, как всегда, бдительно стоят на защите нашей Родины и народа»¹⁷. В опубликованный в 1976 г. в XX томе Собрания сочинений Э. Ходжи доклад на съезде АПТ «О деятельности Центрального комитета Албанской партии труда. 13 февраля 1961 г.», в отличие от аналогичного издания 1961 г., было дополнительно включено примечание о «деле Сейко», имевшее отношение к оценке руководителем АПТ планов СССР и его союзников. Оно было призвано объяснить, что именно скрывалось за фразой «заговор против Албании с целью ликвидации Народной Республики». В примечании была дана уже более детальная трактовка событий, при том что круг их участников был расширен: «Речь идет о контрреволюционном заговоре, подготовленном тайной антигосударственной организацией, во главе которой стояли старые агенты иностранных служб. Их контрреволюционный план сочетался с вооруженной интервенцией из-за рубежа. Как было доказано позже, об этом плане было осведомлено советское ревизионистское руководство, рассчитывавшее на его реализацию в собственных целях»¹⁸. Тема заговора была серьезно воспринята как в греческих правящих кругах, так и на Западе, где, судя по всему, не были заинтересованы в смещении Э. Ходжи и приходе нового руководителя, который был бы связан с СССР. «Югославский фактор» также имел свое значение в складывавшейся ситуации. В Афинах опасались, что Белград при поддержке Москвы организует переворот в Албании и установит дружественный СССР режим¹⁹. В Белграде достаточно остро реагировали на любые обвинения со стороны Тираны по поводу подготовки югославскими властями каких-либо действий в отношении Албании и, в свою очередь, заявляли о враждебной политике албанского руководства²⁰.

¹⁷ Raport në Kongresin të PPSH «Mbi aktivitetin e Komitetit Qendror të Partisë së Punës të Shqipërisë». 13 shkurt 1961 // *Hoxha E. Vepra*. Tiranë, 1976. V. 20. Janar 1961 – prill 1961. F. 115.

¹⁸ По ату.

¹⁹ Παλαγκάς Μ. Όψεις των ελληνογιουγκοσλαβικών σχέσεων κατά την περίοδο 1955-1965. Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης Φιλοσοφική Σχολή Τμήμα Ιστορίας και Αρχαιολογίας. Τομέας Νεότερης και Σύγχρονης Ιστορίας, Λαογραφίας και Ανθρωπολογίας. Πρωτεύουσα Μεταπτυχιακή Εργασία. Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 67.

²⁰ О подобном отношении режима Э. Ходжи к ФНРЮ см.: *Bela knjiga o neprijateljskoj politici Vlade Narodne Republike Albanije prema Federativnoj Narodnoj Republici Jugoslaviji*. Beograd, 1961.

Одновременно с заявлениями о раскрытии заговора в присутствии советской и восточноевропейских партийных делегаций на съезде АПТ албанское руководство однозначно негативно оценило позицию СССР и, наоборот, поддержало точку зрения руководителей коммунистического Китая.

Конфликт между НРА и СССР обострился в конце зимы – начале весны 1961 г. Москва, а также Прага, являвшаяся по значимости оказываемой Тиране помощи одним из ее главных партнеров, пригрозили прекращением сотрудничества в случае, если албанская сторона не изменит своего отношения. В марте 1961 г. Албания не была приглашена на заседание Политического консультативного комитета (ПКК) ОВД. По решению Президиума ЦК КПСС, принятому в марте 1961 г., предстояла ликвидация советской военно-морской базы во Влэре, что было крайне остро воспринято в Тиране. Албанские власти, пытаясь не допустить ухода советских кораблей и подводных лодок, а также эвакуации вспомогательной техники, предприняли шаги по блокированию базы с использованием поставленного ранее СССР вооружения (береговой артиллерии, минных заграждений и т. д.). Выход из албанских территориальных вод оказался для советских военных судов серьезно затруднен, и Москва была вынуждена оставить часть плавсредств и судов ВМФ, в том числе 4 подводные лодки, в распоряжении албанцев²¹.

Обмен письмами между Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами ОВД маршалом СССР А.А. Гречко и министром обороны НРА генерал-полковником Б. Баллуку (25 февраля, 27, 28 марта), а также памятливыми записками (22 марта и в июне 1961 г.) свидетельствовал о приближении разрыва между Москвой и Тираной, что, в свою очередь, влияло на отношения Албании с восточным блоком. В начале апреля 1961 г. Э. Ходжа записал в своем дневнике, дав соответствующий заголовок этой записи – «Хрущев, Тито и Гомулка – примеры опасной банды международных ревизионистов»: «Они [имелись в виду члены ОВД под руководством СССР. – Ар. У.] срезали экономическую и военную помощь нашей стране и, желая прикрыть заговор Тито против нашей страны, заявили о своем праве

²¹ Советский флот в войнах и конфликтах «холодной войны» // Персональная страница Александра Розина. – <http://alerozin.narod.ru/mediter.htm>. См. также: *Негашев В.* О становлении албанского подводного флота и о начале освоения советскими подводниками глубин Средиземного моря // *Подводник России*. 2003, № 3.

контролировать процесс над Теме Сейко, что не имеет прецедента в истории суверенных государств. Они угрожают нам выводом военно-морской базы из Влэры, предоставляя свободу рук американскому VI-му флоту в Средиземноморье. Они обвиняют нас в разжигании войны, создании препятствий для мирного сосуществования на Балканах и догматизме»²². Начало судебного процесса было отмечено в дневниковой записи под заголовком «Теме Сейко – агент иностранных служб» всего одним предложением: «Начался суд над группой предателя Теме Сейко, агента греческой, югославской и американской спецслужб»²³.

Параллельно с ухудшением албано-советских взаимоотношений и усилением изоляции НРА в восточном блоке активизировалось сотрудничество между Тираной и Пекином, включая и исключительно специфические его направления. Обращение к теме возможной реакции китайского партийно-государственного руководства на действия советской стороны в отношении Тираны становилось в данном контексте закономерным. Сотрудничество между коммунистическими режимами Албании и Китая приобрело в начале 60-х г. XX в. устойчивый и доверительный характер, что начало проявляться в сфере обороны и безопасности. Министерство внутренних дел Албании активно сотрудничало с Министерством государственной безопасности КНР по вопросам обмена разведывательной информацией, причем спектр их был весьма значительным, включая политические²⁴ и военные, главными из которых являлись конкретные военно-политические действия любых государств в географических регионах нахождения двух стран и внешняя политика стран западного и восточного блоков в отношении Тираны и Пекина. Интенсивность

²² Hrushovi, Titoja dhe Gomulka eksponente të rrezikshem të bandës revizioniste ndërkombëtare. E Entje, 6 prill 1961 // *Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare.* (1961 – 1963). Tiranë, 1982. V. 2. F. 71.

²³ Teme Sejko agente në shërbim të huajve. E Hënë, 15 maj 1961 // *Hoxha E. Ditar për çështje ndërkombëtare.* (1961 – 1963). Tiranë, 1982. V. 2. F. 102.

²⁴ Plani Kennedy – Hrushov dhe qëndrimi i De Golit : bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // *Ndryshe*, 30.5.2008; Japonia është duke lozur rolin e ndërmjetës... : bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1963-1965: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi // *Ndryshe*, 31.5.2008.

обмена разведанными между Тираной и Пекином за первое полугодие 1961 г. была достаточно высокой, что подтверждает, например, передача албанской стороной китайцам 16 информационных сообщений²⁵.

В предоставляемой китайским партнерам разведывательной информации албанская сторона нередко намекала на сходство действий недружественных и враждебных политических сил (государств) в отношении Албании и Китая, что, вероятно, было призвано, по мнению Тираны, подчеркнуть объективную необходимость тесного союза между двумя странами. В начале февраля 1961 г. министр внутренних дел Албании генерал-лейтенант К. Хазбиу направил информационное письмо с разведанными, полученными его ведомством по линии Управления государственной безопасности, своему коллеге – министру государственной безопасности КНР Сю Фуджи. В соответствии с данными, которыми располагала албанская сторона, «Главный штаб морской пехоты и ВВС приняли решения об усилении в течение 1961 г. VI-го флота в Средиземном море и VII-го флота в Тихом океане». В число запланированных мер входило: увеличение авианосных единиц; усиление присутствия сил авиации в прилегающих к акватории Средиземного моря территориях и конкретных районах Тихого океана (прежде всего, на Тайване, названном в албанском документе Формозой); совершенствование системы командных пунктов с использованием средств воздушного базирования, а также разработка новых видов системы раннего оповещения. Тирана предоставила Пекину информацию о разработке тайваньскими военными противоздушных ракет²⁶, а также копии наставлений для вооруженных сил НАТО по вопросам организации и проведения наступательных и контр наступательных операций²⁷.

²⁵ Текст благодарственного письма министра государственной безопасности КНР Сю Фуджи в адрес министра внутренних дел НРА Кадри Хазбиу. 26.6.1961. см.: Përgjigje. 26.6.1961 – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // *Ndryshe*, 28.5. 2008. Точное количество аналогичных сообщений от китайской стороны пока не приводилось в открытой печати.

²⁶ Текст письма министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фуджи. 1.2. 1961. – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961: korrespondenca mes Kadri Hazbiut dhe ministrit të sigurimit të shtetit kinez Hsje Fu Xhi – 1961 // *Ndryshe*, 28.5. 2008.

²⁷ Текст письма заместителя министра внутренних дел НРА Зои Темели министру государственной безопасности КНР Сю Фуджи. 15.3. 1961 – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961.

Помимо общей военно-технической информации албанская сторона направила китайским партнерам данные о подготовке кадров переводчиков в вооруженных силах США и оперативную информацию о зарубежных американских дипломатических представительствах²⁸.

Отслеживание военно-политической обстановки в регионах, представлявших взаимный интерес для Тираны и Пекина, позволило албанской разведке выступить в роли серьезного партнера разведывательной службы КНР. Одним из направлений деятельности Управления безопасности МВД НРА было ведение работы по военно-политическому блоку СЕАТО и складывавшейся в нем ситуации. Это было особенно важно, учитывая зону ответственности альянса, имевшего выход на регионы, близкие географически как к Албании, так и КНР. Албанские разведывательные органы передали китайским коллегам весной 1961 г. информацию о составе и численности вооруженных сил стран-членов блока в конце 1960 – начале 1961 гг.²⁹ Особое место в работе албанской разведки по СЕАТО занимала военно-политическая «составляющая» этого союза. Ценность полученных Тираной данных о характере происходивших в блоке процессов заключалась в том, что они касались вопросов военно-стратегического планирования и взаимоотношений союзников по региональному пакту. Именно поэтому добытые сведения были направлены в Пекин, где также внимательно следили за происходящим в СЕАТО, так как это затрагивало его взаимоотношения со многими членами организации, в частности, Пакистаном, рассматривавшимся как союзник КНР против Индии. Несмотря на предупреждение албанской стороны о том, что «информация требует проверки», полученные сведения во многом отвечали действительности. Тиране и, соответственно, Пекину стало известно о том, что на заседании представителей стран-членов СЕАТО, проходившем 27-29 апреля 1961 г. в Анкаре, «Турция, Иран и Пакистан обратились к США с просьбой об увеличении экономической и военной помощи», однако американцы не дали никаких обещаний. Три названных государства выступили также с инициативой создания единого военного командования, главой которого предложили назначить американского генерала. Американская сторона, как стало известно албанской разведке,

²⁸ По ату. Примечательным фактом были одновременные сообщения от 15 марта 1961 г. как Хазбиу, так и Темели, адресованные Сю Фуджи.

²⁹ По ату.

выдвинула в ответ свои условия, заключавшиеся в том, что Пакистан и Иран разместят на своей территории ядерное оружие; Великобритания увеличит свой вклад в финансовое обеспечение СЕАТО; Турция, Иран и Пакистан будут вести осторожную политику в отношении арабских стран, Афганистана и Индии, а также будут противодействовать распространению коммунизма³⁰. Не меньшую важность представляли сведения, полученные из натовских военных кругов и касавшиеся позиции членов альянса по актуальным для Албании и КНР вопросам. Так, в частности, в связи с проходившим в Осло 8-10 мая 1961 г. заседанием министров иностранных дел государств-членов НАТО отмечалось, что «американцы стремятся усилить борьбу против социалистических стран и сделать ее более долгосрочной. В дополнение к этому они предложили, чтобы военные силы НАТО вмешивались в дела тех новых государств, в которых существует угроза коммунизма. Англичане и французы высказали свое несогласие с этими предложениями и настаивали на том, чтобы страны НАТО проводили политику переговоров. Франция оценивала ситуацию в Южном Вьетнаме более серьезно, чем в Лаосе, и требовала принятия срочных мер с целью недопущения перехода Южного Вьетнама в руки коммунистов. По берлинскому вопросу было принято единогласное решение о недопустимости никаких компромиссов»³¹. Как и в одном из предыдущих сообщений МВД НРА, направленных в МГБ КНР, албанская сторона вновь предупреждала своих китайских коллег о необходимости проверки данных. Ставшие доступными в последние годы и опубликованные архивные материалы подтверждают точность полученной Управлением безопасности МВД НРА информации³².

³⁰ Текст письма министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фуджи. 16.5. 1961. Informatë. 8.5.1961 – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961.

³¹ Текст письма министра внутренних дел НРА генерал-лейтенанта Кадри Хазбиу министру государственной безопасности КНР Сю Фуджи. 8.6. 1961. – Bashkëpunimi shqiptaro – kinez në fushën e shërbimeve të fshehta 1961.

³² О сессии министров иностранных дел государств НАТО (Осло, 8-10 мая 1961 г.) см.: NATO Strategy Documents. 1949-1969. Ed. by Pedlow Gr. W. Brussel, 1997; *Nash Ph. The Other Missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957-1963.* New York, 1997.

26 апреля 1961 г. Кремль разорвал договор с Тираной о предоставлении советских кредитов Албании. На заседании ПКК ОВД была принята секретная резолюция, требовавшая от албанской стороны предоставить союзникам по пакту подтверждение факта нападения на Албанию со стороны Греции и VI-го американского флота (о чем заявляло ранее албанское руководство)³³. Попытка режима Э. Ходжи сослаться именно на подготовку подобного нападения, а не как на уже свершившийся факт, была воспринята в ПКК с подачи Москвы с подозрением относительно намерений Тираны использовать фактор потенциальной внешней агрессии для оправдания своей позиции в споре с Кремлем о методах использования советским флотом базы во Влёре. Поэтому Э. Ходжа постарался в начале июля 1961 г. восстановить сокращавшиеся экономические и оборонные контакты с блоком, но достичь этого ему не удалось. Более того, делегация АПТ не была приглашена на встречу компартий стран Варшавского Договора, состоявшуюся в августе того же года.

Тема шпионажа в отношении Албании и отнюдь не «империалистических держав», и даже не «титовской Югославии» была затронута Э. Ходжей уже 4 мая 1961 г. в беседе с партийными кадрами Элбасана. На этот раз, он, в отличие от прежних исключительно осторожных публичных высказываний, в которых избегалось упоминание советского участия в заговоре и делался акцент на югославо-греко-американских «организаторах», выдвинул совершенно иную версию произошедшего. Так, в частности, Э. Ходжа сообщил собравшимся, что «мы [албанское руководство. – Ар. У.] открыто заявили советским руководителям о том, как это возможно – ставить подслушивающие устройства в посольство дружественной [имелась в виду Албания. – Ар. У.] страны. Это – величайший позор! К тому же, советское руководство организовало заговор и подрывную работу против нашей партии с тем, чтобы создать для нас трудности и сместить руководство партии и государства. Такие действия

³³ Ссылка на планы Греции, Югославии и НАТО содержалась в письме Б. Баллуку от 28.3.1961 г. – http://www.php.isn.ethz.ch/collections/colltopic.cfm?lng=en&id=17892&n_avinfo=14465. Албанская версия письма была напечатана в албанской газете «Shekulli» 11.11.2007 в статье под названием «Beqir Balluku-Varshavës: «Na ndihmoni, do na sulmojë Jugosllavia, Greqia e NATO!»» (Бечир Баллуку – ОВД: «Мы поможем, мы атакуем Югославию, Грецию и НАТО»).

неприемлемы для нас, кто бы их ни организовывал»³⁴. В опубликованном в 1977 г. XXI томе Собрания сочинений Э. Ходжи содержался необычный для такого рода материалов пересказ этой части выступления без уточнения деталей, а именно: «Далее товарищ Энвер Ходжа, после того как привел несколько фактов враждебной деятельности советского посольства в Тиране против нашей страны, продолжил...»³⁵. Таким образом, если пассаж о средствах аудионаблюдения в албанском посольстве в Москве был опубликован, то другие конкретные факты, приведенные Ходжей, оказались в томе опущенными.

В специально изданной на русском языке в Албании книге «Судебный процесс по делу заговора, направленного на ликвидацию Народной Республики Албании. Сборник материалов» особое внимание уделялось именно югославо-греческо-американской версии. Содержание публикации свидетельствовало о стремлении руководства АПТ и, прежде всего, лично Э. Ходжи, избегая прямых обвинений Москвы в подготовке переворота, показать наличие угрозы для страны из-за рубежа и скрытое желание Кремля, официально игнорировавшего наличие опасности для Албании со стороны Югославии, Греции и США, использовать ситуацию в своих целях³⁶.

Примечательным в этом контексте был неудачный по своим результатам краткосрочный визит 18 мая 1961 г. в Албанию первого заместителя министра иностранных дел СССР генерального секретаря ПКК ОВД Н.П. Фирюбина и первого заместителя начальника советского Генерального штаба и начальника Штаба ОВС ОВД генерала армии А.И. Антонова. Они пытались склонить албанские власти к изменению их позиции по военным и внешнеполитическим вопросам. По времени визит совпал с проведением суда над Т. Сейко.

В июне 1961 г. «дело адмирала Сейко» нашло свое отражение в дневниковых записях Э. Ходжи под заголовком «Кадар сам себе вынес приговор» и имело определенные нюансы. Так, в частности, албанский лидер писал: «Янош Кадар от имени Центрального комитета Венгерской социалистической

³⁴ Komunistet Shqiptare i përlen vetëm Marksizem-Leninizmit dhe popullit tone.Nga biseda me kuadrot e Partisë të qytetit të Elbasanit. 4 maj 1961 // *Hoxha E. Vepra*. V. 21. Maj 1961 – shtator 1961. Tiranë, 1977. F. 24.

³⁵ По ату.

³⁶ Судебный процесс по делу заговора, направленного на ликвидацию Народной Республики Албании. Сборник материалов. Тирана, 1961.

рабочей партии прислал письмо, провокационное и неприемлемое для Центрального комитета нашей партии. В дополнение к подлым обвинениям в том, что мы являемся антисоветчиками и т. д. и не являемся интернационалистами, желая скрыть страх и давление, нас обвиняют в том, что мы потратили “на плохие цели” оказанную нам ранее помощь в размере 15 млн. рублей. Что за позор! Но самый большой позор заключается в том, что Кадар явно защищает заговорщиков и агентов империализма, Теме Сейко и его группу. Так он сам подписал себе обвинительный приговор в отношении сотрудничества с предателями собственного народа, против Албании, за ее расчленение и ликвидацию народной власти. Это письмо является важным документом против них самих»³⁷.

В июле 1961 г. Управление государственной безопасности ФНРЮ арестовало за шпионскую деятельность некоего С. Барчи. Ему было предъявлено обвинение в попытке убить упоминавшегося выше генерала и бывшего члена ЦК АПТ П. Пляку³⁸. Однако в сообщении югославской прессы, передавшей слова Пляку относительно обвинений албанских властей в подготовке им переворота в стране, говорилось и о том, что впервые с информацией о ситуации в албанских руководящих кругах накануне своего бегства в ФНРЮ генерал обратился к Москве. Отдельные зарубежные аналитики, хорошо знакомые с ситуацией в Югославии и ее взаимоотношениями с Албанией, высказывали мысль о том, что поддержку советской стороной идеи смещения Э. Ходжи находившимся в Югославии Пляку можно рассматривать как один из вариантов возможного развития событий³⁹.

Обвинения албанских властей в адрес Сейко о его тайных связях с Пляку и югославскими официальными лицами сталкивались с одним, но очень важным противоречием, ставившим под сомнение всю версию о «югославском следе». Дело в том, что как руководитель военной разведки Т. Сейко являлся

одним из организаторов антиюгославской разведывательной и подрывной деятельности, включая акции внутри самой Югославии, на что указывали не только югославские публицисты, но и далекие от апологетики титовского режима обозреватели радио «Свободная Европа»⁴⁰.

В свою очередь, албанская Сигурими, используя оперативные каналы в Югославии, внимательно отслеживала жизнь и деятельность П. Пляку, регулярно составляя подробные специальные сводки о его пребывании в стране, вплоть до перемещений по территории ФНРЮ⁴¹.

Документы, подтверждающие факт подготовки государственного переворота с участием подсудимых на «процессе Т. Сейко» и вовлеченность в эту операцию СССР, пока еще не введены в научный оборот. Однако нет также данных, которые позволили бы категорически отвергнуть подобную версию. Российский исследователь доктор исторических наук А. О कोरोков в публикации под названием «Зигзаги албанской политики. 1942-1995 г.»⁴² без ссылок на источник пишет: «К середине 1961 г. (Т. Сейко и ряд других высших чиновников были арестованы в августе 1960 г., и о дате планировавшегося переворота албанские власти никогда не упоминали. – Ар. У.) в Москве был разработан план силового решения “албанской проблемы”. Он предусматривал свержение Э. Ходжи с помощью албанских коммунистов, “верных социалистическим идеалам” и их последующее обращение к СССР и странам Варшавского Договора с просьбой о “военной помощи”. После этого войска СССР и других социалистических стран, кроме Румынии, отказавшейся от участия в акции “помощи”, должны были войти в Албанию с севера и востока – через Югославию и с юга – через Ионическое море. “Освобождение” Албании планировалось осуществить не позднее 1 сентября 1962 г. Однако обострившиеся советско-американские отношения по поводу Кубы (Карибско-

⁴⁰ На этот факт указывали и югославские СМИ во время проведения судебного процесса в мае 1961 г. См.: Stankovic Yugoslav Comment On Tirana Spy Trial. 30.5.1961. Box-Folder-Report 1-6-71. RFE Evaluation and Analysis Department. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-6-71.pdf>.

⁴¹ *Nakuçi S.* Teme Sejko – Panajot Plakut: « I çali të kujton dhe s'të harron » // Ndryshe, 29.4.2008.

⁴² *О कोरोков А.* Зигзаги албанской политики. 1942-1995 гг. // Чекист.ру: информационно-аналитическое издание. (Электронный ресурс) 16.2.2009 – <http://chekist.ru/article/2575>

³⁷ Kadari bën aktakuzën e vetvetes. E Shtunë, 24 Qershor 1961 // *Hoxha E.* Ditar për çështje ndërkombëtare. (1961 – 1963). Tiranë, 1982. V. 2. F. 130.

³⁸ Stankovic Yugoslavs Using Albanian «Spy» Case to boost Tito's Protege for Tirana Power? 18.7.1961. RFE Evaluation and Analysis Department. Yugoslav Special. No. 1087/1961. Box-Folder-Report 1-6-37. – <http://www.osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/1-6-37.pdf>.

³⁹ Ibid.

кий кризис) не позволили реализовать план в намеченные сроки. Воспользовавшись отсрочкой, албанское руководство предприняло превентивные меры. Весной 1962 г. во время очередной встречи Э. Ходжи и премьер-министра М. Шеху с китайскими лидерами Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем была достигнута договоренность о всесторонней помощи Албании со стороны КНР. После этого в страну стали прибывать китайские военные советники, вооружение, боеприпасы. В срочном порядке стали строиться подземные убежища, которыми к 1968 г. оказалась оборудована практически вся территория страны. Одновременно была произведена очередная “чистка” партийных рядов, в первую очередь в государственном аппарате. В результате в 1960-1962 гг. было обновлено до 70% состава ЦК и руководство большинства министерств и ведомств. “Курировал” эти мероприятия секретарь ЦК АПТ Р. Алия, ставший впоследствии преемником Ходжи. Летом 1962 г. Москва вновь вернулась к “албанскому вопросу”. Главная роль в процессе “десталинизации” страны отводилась югославскому лидеру И.Б. Тито. В Москве полагали, что албано-китайский альянс, антититовская политика и пропаганда Тираны, а также усилившееся внимание Ходжи к “угнетению албанцев в Косово” вынудят Белград пойти на сотрудничество с СССР. В июле 1962 г. Н.С. Хрущев запросил у Тито разрешения на пропуск войск Варшавского Договора через Югославию к албанским границам. Но, несмотря на конфронтацию с Ходжей, Тито ответил отказом. Более того, он в конфиденциальном порядке сообщил албанскому лидеру о планах Москвы и известил Неру, Насера и Сукарно о намерении Хрущева “проучить” Тирану. Опасаясь международной огласки, Москва вынуждена была отступить, а достигший апогея конфликт СССР и США из-за Кубы, поменял геополитические приоритеты».

В Албании работа А. Окорочкова стала известна с опозданием и опубликована в пересказе под названием «Российские архивы: проясняется план оккупации Советами Албании в августе 1962 г.». В материале указывалось, что приведенные автором сведения почерпнуты из российского военного архива, но его название не уточнялось⁴³.

⁴³ Arkivat ruse, zbardhet plani për pushtimin e Shqipërisë në gusht 1962 nga sovjetikët. 17.3.2010 // Mekuli Press – <http://www.mekulipress.com/index.php?m=shfaqart&aid=1976>.

Как стало ясно из рассекреченных документов ЦРУ США, информация, поступающая в «фирму» из Тираны на протяжении 1948-1961 гг., отличалась высокой степенью достоверности и наличием важных с точки зрения полноты освещения положения внутри руководства АПТ фактов. ЦРУ не раскрыло источников получения сведений и исключило из рассекреченных материалов подлинное имя (имена) информатора. Однако уровень и осведомленность «источника» свидетельствуют о его принадлежности к высшему партийно-государственному эшелону страны⁴⁴. В американском разведывательном сообществе конфликт в ОВД рассматривался с учетом проблем оборонной политики стран-участниц ОВД⁴⁵. Допуская возможность прямого или косвенного применения Москвой силы по отношению к албанскому руководству, аналитики ЦРУ пришли зимой 1962 г. к выводу о том, что подобные действия неизбежно приведут к окончательному разрыву между СССР и КНР. В то же время последствия «советского покровительства успешному государственному перевороту [в Албании] были не столь однозначными и могли бы не привести к разрыву с Пекином»⁴⁶. Авторы аналитического доклада ЦРУ «Советско-албанские отношения, 1940-1960 гг.» от 22 июня 1962 г., т. е. составленного спустя два года после ареста Т. Сейко и через год после вынесения ему и другим подсудимым обвинительного приговора,

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Karaj V. Njeriu misterioz i CIA-s në Tiranë : misteri i agjentit që i raportonte CIA-s bisedat me Mehmet Shehun dhe dëshirën e tij për ta lidhur Shqipërinë me Perëndimin // Shekulli. Nr. 177, 4 .7. 2007. F. 13.* Сам документ см.: *Soviet-Albanian Relations, 1940-1960.* (Reference Title: ESAU XIX-62). 22 June 1962. Current Intelligence Study. Office of Current Intelligence. Central Intelligence Agency.– <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-19.pdf> См. также: *Blum W., Ahmed N.M. CIA dhe Ushtria Amerikane : Ndërhryjet në vende të ndryshme të botës që prej Luftës së II Botërore. Tiranë, 2005.*

⁴⁵ Об особенностях американских оценок в этот период см.: *Anton M. Diversitate în unitate. Perceptii Americane Asupra Blocului Comunist, 1962 // Arhivele totalitarismului. 2004. № 3-4.*

⁴⁶ Current Intelligence Staff Study. The New Stage of the Sino-Soviet Dispute (October 1961-January 1962). Reference Title: ESAU XVIII-62. 26.2.1962. P. 89. – [http://www.faq.org/cia/docs/90/0000107344/Current Intelligence Staff Study – New Stage of the Sino-Soviet Dispute \(Octob.html\)](http://www.faq.org/cia/docs/90/0000107344/Current%20Intelligence%20Staff%20Study%20-%20New%20Stage%20of%20the%20Sino-Soviet%20Dispute%20(Octob.html)).

предположили, что «СССР, вероятно, для укрепления собственных позиций в Албании пытался прибегнуть к свержению руководства Ходжи-Шеху. Как заявил Ходжа, КПСС направила в августе [1960 г.] письмо, в котором содержалась просьба к Албанской партии присоединиться к осуждению Китая. Когда албанцы отказались, СССР начал “неожиданное нападение” на Албанию, оказывая нажим на определенных руководителей с тем, чтобы они выступили против албанского руководства, и подстрекал армию свергнуть партийное руководство. Существуют серьезные доказательства в пользу обвинений со стороны Ходжи. К сентябрю [1960 г.] французское, итальянское и турецкое посольства в Тиране получили информацию о сорванном заговоре армии в начале августа, целью которого было свержение албанского руководства. Перебежчики в Греции также сообщают некоторые подробности. Согласно этим рассказам, в заговор были вовлечены командующий албанскими военно-морскими силами вице-адмирал Сейко, три армейских генерала и многочисленные офицеры..., а также несколько партийных и государственных региональных руководителей. Заговор был подавлен на ранней стадии, и около 200 человек арестовано. Западные [дипломатические] представители в Тиране в это время отметили признаки нервозности албанских руководителей и изменения в поведении дипломатов блока [Восточной Европы], которые начали в конфиденциальном порядке сообщать своим западным коллегам о широком недовольстве албанского населения и трудностях, с которыми столкнулся режим. Было также отмечено, что советский посол Иванов в августе был вызван в Москву и назад не вернулся. Он был смещен в январе 1961 г. Шикиным⁴⁷. О существовании заговора с целью свержения режима было публично заявлено Ходжей на съезде Албанской партии в феврале 1961 г. Он, однако, осторожно охарактеризовал заговор как “империалистический”. Три месяца спустя в Тиране состоялся процесс над Сейко, руководителем района Элбасан и восемью другими обвиняемыми, и были оглашены суровые приговоры. Советская пресса никогда не упоминала ни о заявлениях Ходжи по поводу “империалистического” заговора, ни о самом суде. Однако за день до окончания суда, 27 мая, СССР полностью эвакуировал военно-морскую базу и начал полномасштабный отзыв военного,

⁴⁷ Шикин Иосиф Васильевич (1906 – 1973) – генерал-полковник, посол СССР в НРА в 1961-1962 гг.

дипломатического и технического персонала из Албании. При раскрытии и срыве заговора в августе ни Москва, ни Тирана не предприняли дальнейших серьезных усилий по маскировке существующих между ними разногласий. Москва начала использовать находившиеся в ее распоряжении рычаги, исключая прямую военную интервенцию, с тем, чтобы заставить албанцев подчиниться, а руководство в Тиране упорно двигалось по пути ликвидации любых подозрительных просоветских элементов в партии»⁴⁸.

К сожалению, до сих пор архивные материалы, относящиеся к «делу Т. Сейко», остаются недоступными в полном объеме, как в Албании, так и в современной России. Состоявшаяся весной 2010 г. дискуссия о степени осведомленности о нем советского КГБ (тема ГРУ ГШ в ней не затрагивалась) и американского ЦРУ не прояснила данного вопроса⁴⁹.

К осени 1961 г. взаимоотношения между СССР и НРА испортились окончательно. В октябре 1961 г. Хрущев уже открыто заявил в своей речи на XXII съезде КПСС о неприемлемости политической практики и идеологических воззрений руководства АПТ, что вызвало ответную реакцию Э. Ходжи. Последний сделал жесткие заявления в адрес руководства КПСС и лично Хрущева в ноябре 1961 г., открыто обвинив советского руководителя в ревизионизме и пораженчестве (имея в виду политику мирного сосуществования, поддержанную вербально Москвой в конце 1950-х – начале 1960-х гг.). В декабре того же года Москва отозвала своих дипломатов из Албании и заявила о нецелесообразности пребывания албанского посольства в СССР, что, по сути, означало разрыв дипломатических отношений. Эта акция сопровождалась ожесточенной публичной полемикой.

Спустя двадцать лет после указанных событий в опубликованной в 1980 г. книге воспоминаний «Хрущевцы» Ходжа конкретизировал существовавшие интерпретационные «нюансы» «дела Сейко»: «Хрущевцы, естественно, выбрали путь вражды с Народной Республикой Албанией и Албанской партией

⁴⁸ Current Intelligence Staff Study. Soviet-Albanian Relations, 1940-1960. (Reference Title: ESAU XIX-62). 22 June 1962. P.53, 54 – <http://www.foia.cia.gov/CPE/ESAU/esau-19.pdf>.

⁴⁹ В дискуссии участвовали бывший сотрудник ЦРУ Питер Эрнст, представленный в публикации как отвечающий за албанские дела на протяжении долгого времени, а также генерал-майор КГБ О. Калугин: *Tare A. Shqipëria në sytë e CIA-së dhe KGB-së // Gazeta Shqip, 26.04.2010.*

труда. Они стали в своих действиях более наглыми, более оголтелыми. Известно, что в то время мы раскрыли и разгромили заговор некоторых иностранных империалистическо-ревизионистских держав, которые вместе со своими сообщниками и агентами в наших рядах хотели совершить военную агрессию против нашей страны и нашего народа. На IV партийном съезде мы заявили, что заговор был раскрыт и что заговорщики – Теме Сейко и компания – будут держать ответ перед народным судом. Заговорщики своими собственными устами признали все. Именно в это время наши “друзья” – участники Варшавского Договора во главе с Хрущевым, помимо своих угроз, заявили нам о своем намерении “направить в Албанию специальную комиссию Варшавского Договора для проверки достоверности ваших заявлений о заговоре”! До чего дошла их подлость! Они хотели приехать в Албанию, чтобы добиться того, чего не добились другие. На это мы также дали им заслуженный ответ. Хрущев исчерпал все средства. По отношению к нам он прибегнул ко всему: махинациям, коварству, ловушкам, шантажу, однако все эти средства оказались безрезультатными»⁵⁰.

На заседании Политбюро ЦК АПТ 5 октября 1982 г., рассмотревшем деятельность министра обороны НСРА К. Хазбиу⁵¹, Э. Ходжа напомнил о событиях 20-летней давности, увязав их с самоубийством 17 декабря 1981 г. своего ближайшего сподвижника, премьер-министра М. Шеху⁵², который был объявлен агентом иностранных разведок – СФРЮ, США и СССР: «Мы проанализировали тот факт, что вы раскрыли большой заговор во главе с Теме Сейко при [его] сотрудничестве с греками, VI-м американским флотом и югославами. Этот заговор был также осужден на съезде партии, где мы проанализировали это событие. Но, оказывается, что ты, помимо того, что Теме Сейко мог быть любым агентом, не проанализировал тот факт, что это была совместная

⁵⁰ Ходжа Э. Хрущевцы. Воспоминания. Тирана, 1980. С. 500. Оригинал этого издания на албанском языке был опубликован в том же году: *Hoxha E. Hrushovianët*. Kujtime. Tiranë, 1980.

⁵¹ На Пленуме ЦК АПТ 13 октября 1982 г. К. Хазбиу был снят со всех государственных и партийных постов, 15 октября того же года арестован и после проведенного закрытого судебного процесса, на котором он был обвинен в заговоре и попытке покушения на Э. Ходжу, расстрелян 10 сентября 1983 г.

⁵² События вокруг смерти М. Шеху до сих пор остаются недостаточно изученными.

работа Мехмета Шеху, Бечира Баллуку⁵³ с участием советского Военно-морского флота...»⁵⁴

Примечательным в этом контексте было обвинение Ходжи в адрес К. Хазбиу, отразившее практику «конструирования» легенд, которые служили основанием для проведения органами Госбезопасности репрессий в отношении конкретных лиц. Разумеется, на заседании Политбюро ничего не говорилось о роли самого Ходжи, одобрявшего подобные действия репрессивных органов. К числу «легендированных» расправ было отнесено Ходжей и «дело Теме Сейко», несмотря на то, что Хазбиу в бытность министром внутренних дел получил от албанского лидера как минимум согласие на подобные действия. Не исключено, что и сама идея организовать «дело Сейко» изначально принадлежала Ходже. На заседании 5 октября Ходжа обвинил Хазбиу в том, что тот сначала обсудил «легенду» (т. е. сценарий) преследования Теме Сейко с советскими представителями и лишь затем передал его албанскому лидеру для утверждения. Ссылка на этот эпизод имела прямое отношение к событиям начала 1960-х гг. Согласно докладу Хазбиу (дата доклада в публикации не указана, но вероятно, он относится ко второй половине лета 1960 г.), во время беседы некоего информатора из албанской контрразведки с генерал-полковником А. Андреевым, назначенным в июне 1960 г. старшим представителем Главнокомандующего ОВС ОВД в Албанской народной армии (в тексте документа он назван советником при Министерстве обороны НРА), последний,

⁵³ Бечир Баллуку (1917-1975) – министр обороны НСРА в 1952-1974 гг. Снят с государственных и партийных постов на 5-м Пленуме ЦК АПТ, обвинен в попытке государственного переворота и после закрытого процесса расстрелян вместе с другими представителями высшей партийной номенклатуры – П. Думе и Х. Чако. В деле Баллуку активное участие принимал К. Хазбиу, включая организацию тайного захоронения расстрелянных. См. об этом: Kadri Hazbiu, si ja fshehu Enverit kufomat e Ballukut, Dumes e Çakos // Panorama, 12.8.2010.

⁵⁴ Стенограмма заседания Политбюро ЦК АПТ от 5 октября 1982 г. приводится в публикации албанского автора, специализирующегося по вопросам новейшей истории Албании, профессора, преподавателя Военной академии им. Скандербег полковника Э. Леци, получившего доступ к этим материалам, сохраняемым в Центральном Государственном архиве Республики Албании, и указавшего их сигнатуру: Arkivi Qëndror i Shtetit (AQSH). Dosja Nr.112, Lidh.Nr.1, Fondi 14, viti 1982. Цит. по: *Leci E. Enver Hoxha: Ja si ia shiti Kadri Hazbiu agjenturën sekrete KGB-së ruse!* // Shekulli, 14.2.2008.

якобы, открыто заявил, что группа в 940 человек, которые учатся в 45 высших учебных заведениях и академиях СССР, может действовать в общих интересах Советского Союза и Албании. В докладе Хазбиу говорилось также, что по каналам разведки была получена информация о том, что визит Фирюбина является отвлекающим маневром с целью убедить албанское руководство не отказываться от военного сотрудничества, так как у советской разведки есть данные о создании в Албании некой контрреволюционной группы, которая поддерживает отношения с Грецией и США, и результатом этого сотрудничества может стать интервенция⁵⁵. Иными словами, явно просматривался «постановочный характер» действий советской стороны. В этом же документе содержались соответствующие указания на якобы имеющуюся информацию о том, что данный сценарий был разработан при активном участии советской военной и политической разведки и фактически направлен на сохранение присутствия СССР в НРА на условиях Москвы и возможное устранение Э. Ходжи от власти. Именно «легендирование» «дела Т. Сейко» в этой связи становилось отправным моментом для обвинений в 1982 г. К. Хазбиу в «сговоре» с попавшим в опалу М. Шеху. В ходе обсуждения, а точнее – во время обвинительных речей членов Политбюро и, прежде всего, самого Э. Ходжи, стало ясно, что Хазбиу инкриминировалось сокрытие действий М. Шеху и «замена» его на посту главного заговорщика Т. Сейко⁵⁶, при том что основным организатором заговора уже все больше начинал выступать СССР.

Остающееся до сих пор малоизученным «дело Т. Сейко» дает основания для выдвижения нескольких версий. Первая из них связана с так называемым «чамским землячеством», против которого был резко настроен Э. Ходжа, увидевший в нем и его главных представителях угрозу собственной власти. В этой связи можно предположить, что был разработан план по дискредитации и физической ликвидации наиболее влиятельных членов землячества, и основную

роль в реализации данного сценария мог сыграть министр внутренних дел К. Хазбиу при скрытом участии самого Э. Ходжи. К тому же обострение советско-албанских отношений давало основания для албанского лидера считать вероятным появление просоветской фракции в партийно-государственном руководстве. Вторая версия, так или иначе, связана исключительно с внутрипартийной борьбой в АПТ и не имеет отношения к «чамскому землячеству» как таковому. Третья версия, при всей своей спорности, но при определенных допущениях и уже известных фактах, – в пользу сценария, разработанного советским партийным руководством: используя свои оперативные возможности, советские спецслужбы различной ведомственной подчиненности сумели внушить албанскому руководству мысль о существовании заговора, на роль руководителя которого сами албанские руководители нашли наиболее подозрительного с их точки зрения человека из высшего партийно-государственного эшелона. Не менее правдоподобен и вариант проведения китайскими спецслужбами операции, направленной на усиление конфронтации Тираны и Москвы, в связи с чем албанская сторона могла получить соответствующие материалы о существовании некоего плана Москвы по смещению Ходжи или наличию в стране заговорщической организации. Наконец, последняя и наиболее простая версия событий – заговор был организован с использованием различных методов и способов в Москве, и об этом узнали в Тиране. Учитывая гипотетичность указанных версий, каждая из них требует дополнительных конкретных исследований.

⁵⁵ См. подборку документов в: Informacioni i Kadri Hazbiut për Enverin në vilën e Dajtit : raporti sekret, Hrushovit i kërkohet ndihmë për rrëzimin e Hoxhës : spiunazhi shqiptar [1960] // Ballkan. 22 .7.2007.

⁵⁶ Подробнее стенограмму заседания Политбюро ЦК АПТ от 5 октября 1982 г. см.: *Leci E. Debati i Enverit me Kadriun për «Legjendën»(eliminimin) e Teme Sejkos // Shekulli, 13.2.2008* а также: *Leci E. Hekuran Isai akuzon Kadri Hazbiun si mbrojtës e ndërlihdës i grupeve armiqësore // Shekulli, 21.2.2008.*

В.В. Марьина

СЛОВАКИЯ НАЧАЛА 1960 ГОДОВ: РЕАБИЛИТАЦИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СЛОВАЦКИХ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ И СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС

16-24 апреля 1954 г. в Праге состоялся суд над «словацкими буржуазными националистами». Он завершал череду «монстрпроцессов», прошедших в Чехословакии в конце 1940-х – начале 1950-х гг. На скамье подсудимых оказалась группа словацких коммунистов, занимавших в прошлом высокие государственные и партийные посты: председатель Корпуса уполномоченных (словацкого правительства) Густав Гусак, уполномоченные (поверенники) Ладислав Новомеский (по делам просвещения), Даниэл Окали (внутренних дел), Ладислав Голдош (по делам церкви), бывший посол в Будапеште Иван Горват. Все они были арестованы еще в начале 1951 г. и до суда, то есть в течение трех лет, находились в тюремном заключении. Тогда Москва дала «зеленый свет» процессу в Чехословакии по делу генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского, якобы стоявшего во главе «антигосударственного заговорщического центра». 11 из 14 обвиняемых были приговорены к смерти и в декабре 1952 г. казнены. Среди них – бывший министр иностранных дел Чехословакии словак Владимир Клементис, арестованный в 1950 г и ранее прочившийся органами госбезопасности, которые тогда контролировал Рудольф Сланский, на роль руководителя группировки «словацких буржуазных националистов»¹.

Суд над «словацкими буржуазными националистами», в отличие от предыдущих судебных процессов, имел закрытый характер. Это и понятно! Он состоялся более чем через год после смерти И.В. Сталина и К. Готвальда и почти через полгода после разоблачения преступных деяний Л.П. Берии, о чем много говорилось в советской печати и о чем, конечно, были хорошо осведомлены тогдашние руководители Чехословакии. Поэтому они решили – а именно с их ведома проводились все политические процессы – подстраховаться: во что бы то ни стало довести до конца уже «раскрученное дело», но сделать суд закрытым. Просочившаяся о нем дозированная информация была

минимальной, хотя критика «словацкого буржуазного национализма» не прекращалась. Его проводником и вдохновителем в компартии Словакии, наряду с Клементисом, был объявлен Г. Гусак.

Всем проходившим по «делу Гусака» было предъявлено обвинение в государственной измене, в саботаже, а Голдошу и Горвату – еще и в шпионаже в пользу иностранных государств. Все обвиняемые, кроме Гусака, признали себя виновными: эти признания были «выбиты» из них путем физического и психологического насилия. Впоследствии они отказались от них. Гусак не подписал ни одного следственного протокола, в котором были записаны якобы данные им показания, или же сразу отзывал свою подпись под теми показаниями, которые он дал под «прессом» допрашивавших его сотрудников госбезопасности. Он отказался от официально назначенного ему адвоката и, будучи юристом, предпочел на суде защищать себя сам. Но это делу не помогло. Ему практически не дали говорить в ходе судебного разбирательства.

Все подсудимые были признаны виновными в том, что «как буржуазно-националистические предатели, враги чехословацкого трудящегося народа, народно-демократического строя и социализма, находясь на службе западного империализма и будучи связанными с антигосударственным заговорщическим центром во главе с Рудольфом Сланским, создали подрывную буржуазно-националистическую группу в Словакии и таким образом допустили тяжелейшие преступления против народно-демократического государства и трудящегося народа». Гусак, Новомеский, Окали и Горват, значилось в приговоре: «а) как члены буржуазно-националистической группы объединились с реакционной буржуазией и под ее руководством и с обязательствами в отношении нее втерлись в руководство Словацкого национального восстания с целью тормозить борьбу трудящегося народа за освобождение чехословацкого государства; б) после освобождения сгруппировались с другим обвиняемым Голдошом вокруг Клементиса, самыми разными способами саботировали проведение в Словакии Кошицкой правительственной программы², конституции и законов [Чехословацкой] республики и строительство народно-демократического государства. Свои позиции в Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных они преступно использовали против национальных и государственных интересов словацкого народа, стремясь к изоляции словацкого народа от чешского трудящегося народа и от строительства социализма. Тем

самым они усиленно поддерживали в Словакии остатки капиталистических позиций и стремились создать предпосылки для реставрации капитализма. Таким образом, они угрожали самобытности словацкого народа, гарантированной народно-демократическим строем; в) боролись преступным образом против осуществления Кошицкой правительственной программы, а при обсуждении Конституции 9 мая [1948 г.] также против национального единства, основанного на равноправии чехов и словаков; г) противозаконным способом создавали в Словакии аппарат [государственной] безопасности, саботировали строительство национальных комитетов, как органов власти трудящегося народа, и решительное осуждение людацко-фашистских предателей и прочих врагов словацкого народа; д) в самых разных сферах действовали против экономического и культурного развития Словакии и защищали экономические позиции капитализма. Особенно они тормозили строительство народно-демократического школьного дела, саботировали введение упорядоченной системы снабжения трудящихся, помогали саботировать национализацию, нанесли вред народному хозяйству, препятствуя введению института национальных управлений и ускоренному проведению конфискации вражеского землевладения и земельной реформы. [Занимая посты] в государственном и хозяйственном аппарате, они тормозили развитие важнейших отраслей экономики; е) после победы трудящегося народа в феврале 1948 г. обвиняемые, кроме того, дали возможность представителям реакционной буржуазии бежать в западные империалистические государства и препятствовали проведению чистки в Словакии; ж) обвиняемый Окали помогал сионистам и еврейским капиталистам нелегально переправляться за границу. Нелегальным переводом имущества этих капиталистов за границу республике был нанесен огромный ущерб; з) кроме того, обвиняемые Горват и Голдош развернули большую шпионскую деятельность в интересах западных империалистов». «Все обвиняемые... проводили свою преступную деятельность в согласии с враждебными планами антигосударственного заговорщического центра Рудольфа Сланского, в рамках борьбы западных империалистов против СССР и народно-демократических стран»³, – говорилось в приговоре.

Все подсудимые получили высокие меры наказания: Гусак был приговорен к пожизненному заключению, Горват – к 22 годам, Окали – к 18, Голдош – к 13, Новомеский – к 10 годам тюрьмы. Кроме того, Гусак, Окали и Горват были

лишены чехословацкого гражданства, Голдош и Новомеский приговорены к конфискации всего имущества, Голдош и Новомеский – к потере почетных гражданских прав на 5 лет, Гусаку, Окали и Горвату было запрещено в течение 10 лет занимать должности в государственных учреждениях и хозяйственных органах.

Через несколько месяцев после суда над «словацкими буржуазными националистами» в июне 1954 г. состоялся X съезд КПЧ. Он подтвердил правильность генеральной линии партии на строительство социализма в стране. Н.С. Хрущев, который присутствовал на съезде в качестве гостя, информировал руководство КПЧ о нарушениях «социалистической законности» в СССР, возложив при этом всю вину на Л.П. Берию. В связи с этим съезд указал на вредность «культы личности» без конкретизации этого понятия и на необходимость соблюдения «социалистической законности». Однако на практике правопорядок не восстанавливался. Противозаконные политические процессы не подлежали осуждению, а потерпевшие – реабилитации. Хотя кое-что для проформы и было сделано. 10 января 1955 г. Политбюро ЦК КПЧ создало комиссию «по пересмотру и дополнительному контролю некоторых судебных дел 1948 г. с точки зрения длительности срока наказания осужденных за антигосударственную деятельность». В конце 1954 г. министр внутренних дел Р. Барак на совещании с президентом ЧСР А. Запотоцким и первым секретарем ЦК КПЧ А. Новотным внес на рассмотрение Политбюро ЦК КПЧ предложение о пересмотре и переоценке «некоторых судебных случаев с точки зрения размера наказания». От имени МВД ЧСР Барак утверждал: «Эта переоценка преследует цель не одноразового акта освобождения, а постепенный пересмотр отдельных случаев, особенно более старых, с тем, чтобы были устранены возможные несправедливости в приговорах. Министерство полагает, что современная ситуация, и особенно тот факт, что органы государственной власти были укреплены, а их деятельность всесторонне улучшилась, такую переоценку допускают». Рабочие группы, которым надлежало пересматривать дела, должны были состоять исключительно из работников МВД, юстиции и прокуратуры. Ревизия в этом случае как бы «уходила» из рук партийного руководства. Решение Политбюро в связи с этим гласило, что никакой государственный, партийный орган либо кто-либо другой, кроме Политбюро ЦК КПЧ, не может издавать

приказы о пересмотре уголовных дел, указанных в предложении МВД. «Эту задачу решает только комиссия, одобренная ЦК КПЧ». Так возникла комиссия во главе с Р. Баракком, ответственным наряду с другими за организацию и проведение политических процессов. В комиссию и ее рабочие группы по решению Политбюро ЦК КПЧ были включены работники партаппарата. Комиссия могла предлагать только два вида решения: либо наказание оставить прежним, либо смягчить его.

Комиссия начала работать в середине января 1955 г. и быстро представила Политбюро первые предложения о ревизии. Свои предложения Барак обсуждал с Новотным, который и сам не был заинтересован в снятии обвинения. В качестве правовой формы результатов ревизии министр предлагал «помилование президента», как способ менее сложный. Коммунистическое руководство, однако, решило, что дела должны снова расследоваться на основе прошений об их пересмотре вследствие нарушения социалистической законности, а в отдельных случаях решаться путем помилования⁴. Так, например, по случаю амнистии 9 мая 1955 г. наказание Гусаку было снижено до 25 лет. Остальные наказания по этому делу остались прежними. Новомеский на основании решения Краевого суда в Праге от 18 февраля 1956 г. был условно под подписку о невыезде освобожден от отбывания наказания и отпущен на свободу, хотя реабилитации не подлежал⁵. Дело Сланского не подлежало пересмотру, поскольку это грозило «обрушению» всех связанных с ним дел. Руководство КПЧ рассчитывало, что ему удастся «спустить все на тормозах».

И тут вдруг, казалось, совершенно неожиданно грянули решения XX съезда КПСС, к которым невозможно было не прислушаться. Как и весь коммунистический мир, они шокировали КПЧ, застав руководство партии врасплох. На съезде, и это было самое главное, в закрытом докладе Хрущева осуждался культ личности Сталина и говорилось о необходимости преодоления его последствий. В марте и апреле 1956 г. состоялись пленумы ЦК КПЧ. Из их материалов следовало, что стратегический курс на завершение строительства основ социализма в стране будет сохранен. Особое внимание уделялось вопросу о культе личности, который определялся как система деформаций социализма, вина за которые возлагалась на всех партийных функционеров, включая руководящее звено. Критиковалась сталинская «теория об обострении классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму», однако утверж-

далось, что борьба продолжается, хотя социальная база реакции сужается. Говорилось о нарушении социалистической законности и применении «неправильных» методов ведения следствия. Приводились примеры пересмотра некоторых ранее вынесенных приговоров. При этом вся ответственность за сфабрикованные процессы возлагалась на казненного в 1952 г. Сланского и некоторых работников органов государственной безопасности, «вышедших из под контроля коллективного органа партии». Во время дискуссии поднимался вопрос и об ответственности за допущенные деформации В. Копецкого, а в Словакии – видных партийных функционеров В. Биляка (секретаря Краевого комитета КПС в Прешове и члена ЦК КПЧ), П. Давида, О. Еленя, Е. Сикоры и др. Биляк, хотя и удержал свои позиции, но должен был выступить с самокритикой на пленумах ЦК КПС и ЦК КПЧ.

Во время внутрипартийной дискуссии, развернувшейся в стране, в Словакии из рядов интеллектуалов раздавались требования пересмотра вопроса о «буржуазных националистах» и решений по их делу, расширения правомочий словацких национальных органов. Особой активностью в этом плане отличался председатель Словацкой академии наук О. Павлик. Часть словацких писателей также не осталась в стороне, высказываясь критически в адрес «верхов» и существующих в стране порядков. Так, на пленарном заседании Союза словацких писателей в июне 1956 г. его председатель Ц. Штитницкий ратовал за отмену цензуры, за реабилитацию Л. Новомеского⁶.

По оценке политического секретариата ЦК КПЧ, проанализировавшего ход дискуссии по материалам XX съезда КПСС, среди ее участников были люди, высказывания которых выходили «за рамки партийной критики и зачастую отражали взгляды классового врага». Говорилось об активизации троцкистов, бывших социал-демократов, национальных социалистов, а в Словакии – сепаратистов и буржуазных националистов. Решения общегосударственной партийной конференции (июнь 1956 г.), подтвердившей курс на завершение строительства основ социализма в стране, были поддержаны, во всяком случае, внешне, большей частью общества. Однако нашлись и несогласные: партийная группа Союза словацких писателей, например, требовала разрешения открыто писать о полемике по вопросам культуры и политики, идущей в Польше, Венгрии, Китае, Франции. И. Купец, в частности, поставил под сомнение марксистский характер КПЧ, говорил о переоценке роли госу-

дарства в строительстве социализма, что считал отходом от ленинской теории, высказался, вместе с В. Миначем и Д. Татаркой, за пересмотр процесса по делу Г. Гусака. О. Павлик предостерегал от настроений против интеллигенции и попыток властей «после короткого периода свободного обмена мнениями... вернуть все на первоначальные рельсы». А. Новотный в этой связи указал «на неодинаковое развитие процесса понимания решений XX съезда КПСС» в разных частях республики: в Чешских землях «открытых нападок на партию избегают, а в Словакии это продолжается»⁷.

Чтобы «притушить» оппозиционную активность некоторой части словацкого населения, прежде всего интеллигенции, в конце июля 1956 г. был принят конституционный закон о словацких национальных органах, Словацком национальном совете и Корпусе уполномоченных, несколько расширявший их полномочия и ослаблявший зависимость от центра. Однако при этом сохранялась подчиненность словацких органов центральному правительству и Национальному собранию. В Словакии закон приняли с определенным удовлетворением, но на практике, по мнению Я. Рыхлика, он реализовывался в минимальной степени, что объяснялось новым «закручиванием гаек» в ЧСР в связи с событиями в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г.⁸

Хотя по ряду причин чешское и словацкое общественное мнение оказалось «глухо» к событиям в Венгрии⁹, но в среде интеллигенции, прежде всего, чешских и словацких писателей, обнаружилась тенденция солидарности с венгерскими повстанцами и отказа от их осуждения. Появление этих тенденций в Словакии власти связывали с оживлением там националистических настроений, подтверждая тем самым якобы принципиальную правильность осуждения «словацких буржуазных националистов». Политическим центром сосредоточения оппозиционных настроений объявлялась Словацкая Академия наук и персонально О. Павлик. Новотный советовал ЦК КПС «дать оппозиционерам понять, где и что они могут критиковать. А если они будут вести себя иначе, то принять соответствующие меры»¹⁰. В. Биляк на заседании ЦК КПС в декабре 1956 г. говорил об опасности, могущей возникнуть, «если внутри партии и в обществе получают перевес вечно колеблющиеся интеллектуалы, которые никогда не понимали и не понимают законов диалектики, которые, колеблясь, сегодня до небес превозносят одно, чтобы завтра это опровергнуть, и которые легко становятся игрушкой, инструментом контрреволюции»¹¹.

В партийной среде возросло число неосталинистов, сторонников «твердого курса», жесткой линии против тех, кто проповедовал немарксистские и «враждебные» взгляды. Политбюро ЦК КПЧ отдало распоряжение Генеральной прокуратуре не освобождать политзаключенных, ужесточить наказание за антигосударственную деятельность. Особое внимание обращалось на настроения и поведение интеллигенции. Положение в рядах словацкой интеллигенции обсуждалось в апреле 1957 г. на заседании Политбюро ЦК КПЧ, на котором речь шла даже о возникновении оппозиционной и фракционной группы в рядах словацкой компартии. Копецкий призывал к твердости и решительности в действиях против нее: «Надо, чтобы в действиях против этой фракции вы были храбры, как львы, хитры, как змеи, и чисты, как голуби». Зд. Фирлингер указал на национализм О. Павлика и на сильные националистические течения в среде словацких писателей.

«На съезде КПС 26. 04.57, – писал Г. Гусак в письме в ЦК КПЧ 1 мая 1963 г., – Бацилек по поводу дела Павлика заявил: “Суть его антипартийной деятельности в том, что О. Павлик не согласился с решениями партии при приложении решений XX съезда КПСС к нашим условиям, заявлял, что наша партия не сделала никаких выводов из решений XX съезда..., что считает процесс по делу Гусака незаконным, и утверждал, что Гусак допустил лишь определенные политические ошибки, а не преступления, далее, что его (Павлика. – В.М.) выступление на заседании ЦК КПС в апреле 1951 г., в котором он осуждал деятельность буржуазных националистов, было ошибкой, и что он сожалеет о своем выступлении ...Бюро ЦК КПС призвало О. Павлика к самокритике. Однако он отказался от какой либо самокритики и заявил, что на своей точке зрения настаивает. Вследствие этого О. Павлик был исключен из партии”». Одновременно с этим, как писал Гусак, Павлик был лишен своих постов, ему было запрещено публиковать научные статьи, он до сего времени не восстановлен в партии. «Страх, что они (организаторы политических процессов. – В.М.) будут отвечать перед партией за свои противозаконные действия, за нарушения социалистической законности снова вел этих людей к использованию методов периода культа личности»¹². Были приняты также решения о партийных наказаниях и снятии с должностей Ю. Шпитцера и Ц. Штитницкого, возглавлявших соответственно еженедельник «Культурная жизнь» и Союз словацких писателей.

На заседании ЦК КПЧ в июне 1957 г., рассмотревшем вопросы идеологической работы партии, секретарь ЦК Й. Гендрих в качестве главной опасности назвал ревизионизм, который ведется якобы под лозунгом борьбы против сталинизма. В. Биляк упрекал писателей и деятелей искусства в аморальности, поскольку, дескать, «они получают деньги от народа и не отрабатывают их, как должно». «Старая поговорка гласит, – заявил он, – чей хлеб ешь, того и песни пой. Я думаю, они получают достаточно хлеба, чтобы хоть немного приличнее петь». Наступление на позиции интеллигенции в Чехословакии являлось в определенной мере отражением и советской политики в этой области, где резкой критике в это время подверглись писатели и поэты – В. Дудинцев, Б. Пастернак, А. Вознесенский. В декабре 1957 г. Политбюро ЦК КПЧ приняло решение о проверке классово-политической благонадежности сотрудников министерств, научно-исследовательских и других институтов. В ходе этой «чистки» многие переводились на низшие должности и отправлялись на пенсию, некоторые подлежали «перевоспитанию» физическим трудом на производстве. Осуществлялась массовая чистка библиотек от «низкопробной и вредной» литературы. Незначительными оказались и результаты реабилитации, пересмотра политических процессов начала 50-х годов. Из 6978 изученных комиссией Р. Барака дел в 6715 случаях была подтверждена правильность прежних приговоров. Власть из политических соображений предпочитала вместо действительного пересмотра и переоценки судебных процессов освобождать осужденных по-тихому, путем амнистирования или помилования. Ревизия политических процессов, проведенная в 1955-1957 гг., по мнению К. Каплана, в действительности была лишь вторым кругом противозаконных приговоров: большинство поданных обвиненными обжалований было признано необоснованными, подтверждена правильность ранее вынесенных обвинений и приговоров. Властная группировка, ответственная за политические процессы прошлых лет, не желала сдавать позиции. Барак в информации, одобренной Политбюро ЦК КПЧ, утверждал: «Наша партия не пошла по пути поголовной реабилитации, что могло бы дискредитировать политику партии, прежде всего ее руководства». Кроме того, руководителей КПЧ страшила возможность возврата в политическую жизнь реабилитированных, как это произошло в Польше (В. Гомулка) и Венгрии (Я. Кадар). 19 ноября 1956 г. Политбюро ЦК КПЧ приняло решение временно приостановить

условное освобождение от наказания, а в отношении лиц, уже отпущенных на свободу, но политически ведущих себя неправильно, снова восстановить отбывание наказания. Новотный направил краевым и районным функционерам указание установить наблюдение за реабилитированными и условно освобожденными, поскольку получал сведения об их недовольстве формой исправления беззаконностей и требованиях последовательной реабилитации, включая восстановление в должностях. Новотный считал необходимым решительно пресекать подобные тенденции, характеризовал их как антипартийную деятельность и предлагал не церемониться с их носителями. На упомянутом выше заседании ЦК КПЧ 19 ноября 1956 г. он говорил: «...Мы и сейчас должны быть тверды, и если бы мы только уступили, товарищи, не знаю, с какими бы последствиями мы столкнулись»¹³.

В письме в ЦК КПЧ от 1 мая 1963 г. Г. Гусак так писал о методах борьбы с последствиями культа личности в Чехословакии после XX съезда КПСС: «Наша партия тоже начала постепенно разоблачать пагубные последствия культа личности у нас. На заседании ЦК КПЧ в конце марта 1956 г. т. Новотный заявил: “Следует ясно сказать, что все мы в нашей партии без исключения не только поддались культу личности, но и насаждали его. ...Эта практика исходила от самого руководства партии и постепенно создавалась целая система... Не соблюдались основные принципы социалистической законности...выяснилось, что ряд лиц были незаконно осуждены...проверка дел до сих пор не завершена...”. У нас тоже начался процесс возрождения, оживила вся партия. Упомянутая точка зрения ЦК КПЧ породила надежду, что и у нас с поправкой закона будет покончено, несправедливости будут исправлены. ...Мы снова и снова писали в ЦК КПЧ и государственные органы и добивались исправления. Однако процесс возрождения у нас застопорился, исправление несправедливостей периода культа личности было прекращено, все осталось по-старому. Решение нашего дела было отложено. Сохранилась прежняя точка зрения. “Правда” (центральный орган ЦК КПС. – В.М.) 12.05.56 опубликовала выступление Широкого на заседании ЦК КПС 11.05. 56. Широкий вместо самокритики...опять выступил с обвинениями против нас. В этом выступлении он заявил: “В связи с обсуждением вопросов о нарушении социалистической законности в Словакии нередко поднимается вопрос, было ли правильным осуждение Гусака, Клементиса, Новомеского. Здесь следует особо подчерк-

нать, насколько это известно Центральному комитету (! – В.М.), никто из этих людей не был осужден за то, что имел отличные идеологические и политические воззрения. Партия по праву вела против их буржуазно-националистических концепций острую идеологическую и политическую борьбу. Однако они были наказаны и осуждены не за эти свои ошибки, не за неправильное отношение к тому или иному, хотя и очень важному самому по себе вопросу, а за то, что своей фактической деятельностью, своими поступками поставили под угрозу завоевания Словацкого национального восстания [1944 г.], угрожали плодам победы чешского и словацкого народов над гитлеровским фашизмом, поставили под угрозу путь социалистического строительства, который единственно может создать условия для полного национального развития Словакии...». В резолюции, принятой ЦК КПС по докладу Широкого, говорилось: «...ЦК КПС подчеркивает, что осуждение буржуазных националистов было законным... Гусак и осужденные вместе с ним за сотрудничество с реакцией угрожали единству и безопасности республики и завоеваниям рабочих и крестьян в СНВ¹⁴». Решающее слово на заседании, писал Гусак, имели те, кто организовывал процесс по делу буржуазных националистов: Широкий, Бацилек, Давид, Страхай: «Винные снова обвинили свои жертвы, использовали свои партийные должности для того, чтобы наше дело не решалось, чтобы добиться от ЦК КПС принятия неправильной и несправедливой точки зрения», «все они занимали высокие государственные посты, все были членами ЦК КПЧ», «...против нас была развернута новая кампания, начатая упомянутым выступлением Широкого на заседании ЦК КПС. В выступлении Бацилека на заседании ЦК КПС 13.07.56 повторялись прежние обвинения против так называемых буржуазных националистов»¹⁵.

В ноябре 1957 г. после смерти А. Запотоцкого президентом ЧСР стал А. Новотный, сосредоточивший в своих руках функции президента страны и первого секретаря ЦК КПЧ. Напомним, что Хрущев примерно тогда же с осени 1957 г. также занимал посты первого секретаря ЦК КПСС и главы правительства. При поддержке Москвы руководством КПЧ удалось преодолеть кризис коммунистического режима в ЧСР, пик которого пришелся на 1956 г.¹⁶ В 1958-1960 гг. борьба против «врагов народа» продолжилась. По Словакии прокатилась волна новых общественно-политических процессов. Она не имела такого размаха и не сопровождалась такими жестокостями, как в начале

1950-х годов. Процессы были сфабрикованы по делам сторонников так называемых «измов», то есть троцкизма, социал-демократизма, национализма. В отличие от начала 50-х годов, по этим процессам проходили не члены компартии, а люди, не входившие в нее. Особенно по насыщенности ими отличился 1958 год. По мнению словацкого историка Я. Пешека, волна политических процессов в Словакии в этот период была значительно выше, чем в Чешских землях¹⁷.

Словакия стала опять рассматриваться, как «слабое место» Чехословацкой республики. Так, в конце 1957 г. органы государственной безопасности выявили в Братиславе неформальную группу «троцкистов», в которую входили люди разных профессий. Среди ее руководителей были философ, врач, банковский служащий, рабочий и др. Они собирались, чтобы обсудить ситуацию в стране, сложившуюся после XX съезда КПСС, критиковали вяло идущий процесс десталинизации, считали необходимым освобождение жертв политических репрессий, распространяли листовки со своими взглядами и машинописную записку (elaborat) под названием «Уроки XX съезда для нас». В информации о членах этой группы, подготовленной для членов братиславского горкома партии, утверждалось, что они «грубо нападали на линию нашей партии, на партийных и государственных функционеров и под предлогом десталинизации требовали изменения политического курса партии и отставки ее функционеров», они также требовали освобождения Гусака и осужденных вместе с ним, приветствовали события в Польше и Венгрии, ставя их в пример и утверждая, что подобное необходимо осуществить и в Чехословакии. В августе 1957 г. члены этой группы были арестованы и заключены в тюрьму. В организации процесса особую активность проявили секретарь ЦК КПС П. Давид и первый секретарь ЦК КПС К. Бацилек. В декабре 1957 г. члены группы были осуждены как «троцкистские ренегаты», которые под предлогом борьбы против последствий культа личности стремились «разложить морально-политическое единство общества и подорвать народно-демократический режим». Осужденные получили от 2,5 до 9,5 лет тюрьмы. Вместе с ними повторно попал в тюрьму и военный прокурор А. Рашла, участвовавший в процессе по делу Й. Тисо в 1947 г., осужденный в ноябре 1954 г. как военный и государственный преступник и шпион, и выпущенный на свободу в декабре 1956 г. Теперь же, в новых политических условиях, руководство КПЧ пришло к выво-

ду, что его освобождение являлось «одним из недосмотров», имевших место после XX съезда КПСС.

Летом 1958 г. был проведен процесс по делу бывших социал-демократов, которые якобы готовились возродить социал-демократическую партию на случай переворота в республике по образцу венгерского. Осужденные получили от 1,5 до 11 лет заключения. Сфабрикован и политически мотивирован был процесс над составителями «Настольного энциклопедического словаря» и работниками издательства «Освета» в Мартине, которые готовились его издать. Они обвинялись в идеологически неправильном, антимарксистском подборе статей для словаря, где мало было уделено внимания персоналиям из СССР и народно-демократических стран, зато имелись статьи о «предателях рабочего класса и лицах, исключенных из КПЧ». Вопрос обсуждался даже на заседании Бюро ЦК КПС. Уголовное дело включало обвинения в саботаже и подрыве республики. Член Политбюро ЦК КПЧ В. Копецкий рассматривал подготовку словаря как проявление «словацкого буржуазного национализма».

Весной 1958 г. органы государственной безопасности разоблачили группу (в Братиславе), «готовившую свержение коммунистического режима в ЧСР» и создание самостоятельного словацкого государства, «экономически включенного в унию средневропейских народов». Во главе этой группы, поддерживавшей контакты с послефевральской словацкой эмиграцией, стоял якобы генерал бывшей чехословацкой армии В. Ковач и бывший управляющий Словацкого национального банка во время войны И. Карваш. К этой же группе госбезопасность причислила и ряд бывших генералов и офицеров (генерала Й. Марко, полковника Я. Малара и др.). Генерал Марко якобы «путем клеветы принижал руководящую роль КПЧ и партизан в Словацком национальном восстании», выяснял возможности реабилитации Гусака, поскольку в нем, как в руководящем деятеле КПС, видел, как и другие обвиняемые, подходящую фигуру, способную стать словацким Имре Надем. Добиваясь осуществления широкой реабилитации, обвиняемые стремились оказать влияние на общественное мнение в Словакии путем объективной, с их точки зрения, переоценки Словацкого национального восстания. Этот процесс проходил в Праге в марте 1959 г. Карваш получил 17 лет тюремного заключения, Марко – 14 лет. Они вышли на свободу в 1963 г. Остальные попали под амнистию 1960 г. Процесс был призван доказать, что сепаратизм в Словакии «поднимает голову»

и что против него необходимо бороться, как и против так называемых «буржуазных националистов». Все это организовывалось и направлялось Бюро ЦК КПС и специально созданной для этого комиссией, которая обеспечивала «участие» общественности, проводила пропагандистские кампании в печати, радио и телевидении.

В глазах пражского руководства Словакия по-прежнему оставалась «слабым местом», для которого характерно было «нарастание враждебной деятельности». Например, в докладе МВД о том, как в Словакии обстоит дело с государственной безопасностью, который был обсужден на заседании Бюро ЦК КПС в августе 1959 г., говорилось о росте националистических воззрений среди так называемых «бывших людей», об их активности и усилении идеологической и организационной борьбы против существующего режима. Органы госбезопасности пришли к выводу, что жесткие действия против них в предшествующий период привели к тому, что «они не прекратили враждебную деятельность, но стали осторожнее, а их подрывная работа стала более конспиративной». Согласно справке, составленной исследовательским институтом МВД в конце 1960 г., положение в Словакии было катастрофическим, почти как накануне государственного переворота. Однако тенденция органов госбезопасности подчеркивать «нарастание враждебной деятельности» не соответствовала политической ориентации пражского руководства «на достижение победы социализма в Чехословакии». Поэтому фабрикации процессов по общественно-политическим делам следовало остановить¹⁸. И она была остановлена, зато стали «раскручиваться» дела по церковно-политическим процессам.

XI съезд КПЧ (1958 г.) поставил цель постепенного перехода к коммунизму. Эту цель подтвердила и общегосударственная партийная конференция (июль 1960 г.), наметившая конкретную программу «всестороннего развития социалистического общества», основы которого, как считалось, уже построены. Национальное собрание одобрило 11 июля новую конституцию. В ней Чехословакия характеризовалась как социалистическое государство, ЧСР стала именоваться Чехословацкой социалистической республикой (ЧССР). Конституция провозгласила республику государством двух равноправных народов – чехов и словаков. Исходя из ложного посыла о том, что неизбежное сближение наций в условиях социализма приведет в ближайшей перспективе

к их слиянию, конституция значительно ограничила правомочия и компетенцию словацких национальных органов. Корпус уполномоченных был объединен со Словацким национальным советом, исполнительным органом которого стал его Президиум.

Так к началу 1960-х гг. обстояло дело с претворением в жизнь деклараций руководства КПЧ о намерении следовать курсу, провозглашенному XX съездом КПСС.

Между тем, в октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, который, помимо прочего, снова подтвердил курс XX съезда КПСС на борьбу с последствиями культа личности и на восстановление социалистической законности. Вместе с тем, он призвал к последовательной и непримиримой борьбе на два фронта – против ревизионизма и против сектантства и догматизма в международном коммунистическом и рабочем движении. Съезд одобрил курс на дальнейшее развитие социалистической демократии, на укрепление дружбы народов, на сближение и всестороннее взаимное обогащение культуры советских социалистических наций. Была принята новая программа КПСС, в которой утверждалось, что к 1980 г. советский народ будет жить при коммунизме. Вопреки ссылкам на необходимость продолжения борьбы с последствиями культа личности, съезд наглядно продемонстрировал нарастание культа личности самого Хрущева, которого делегаты съезда величали не иначе как «несгибаемый ленинец». В том же духе была выдержана беспримерная по своей сервильности, если не сказать подхалимажу, речь Новотного на XXII съезде. Он заявил, что после ознакомления с проектом Программы КПСС «мы считаем ее и своей программой, исходя из конкретных условий страны и деятельности нашей партии. Мы будем последовательно руководствоваться ею в своей работе, так как в ней содержатся основные черты и нашего будущего. И в Чехословакии нынешнее поколение также будет жить при коммунизме». Новотный вновь подчеркнул значение решений XX съезда КПСС для деятельности КПЧ.

Однако на практике дело реабилитации осужденных по процессам начала 1950-х гг. не сдвинулось с мертвой точки. И даже наоборот, в ноябре 1961 г., т.е. сразу после XXII съезда КПСС, на заседании Политбюро ЦК КПЧ Новотный призвал воздерживаться от настойчивых призывов к реабилитации⁹. Слишком велики были сопротивление коммунистической верхушки,

в том числе и самого Новотного, кардинальному пересмотру и осуждению сфабрикованных в начале 1950-х гг. политических процессов, ее страх перед признанием своей вины и ответственности за преступления прошлого. Руководство КПЧ и КПС по-прежнему предпочитало другой, «тихий» способ решения вопроса: постепенное освобождение осужденных путем амнистии и президентского помилования. К началу 60-х гг. таким путем было отпущено на свободу довольно много людей, однако все они обрели свободу условно, дав подписку о невыезде, и находились под неусыпным надзором органов государственной безопасности. В полной мере это относилось и к осужденным по делу «словацких буржуазных националистов». По амнистии 9 мая 1960 г. Г. Гусак был выпущен на свободу, а 17 февраля 1961 г. на основе личного помилования президента ему было возвращено чехословацкое гражданство, правда, без возврата конфискованного имущества. Это же касалось и Д. Окали. 6 января 1960 г. на основе личного помилования президента вышел из тюрьмы И. Горват, которому также было возвращено чехословацкое гражданство. Он умер 4 сентября 1960 г. Л. Голдош был помилован президентом еще в 1957 г. А Новомескому тоже по милости президента 17 февраля 1961 г. были возвращены почетные гражданские права¹⁹.

Но вскоре процесс реабилитации обрел как бы «новое дыхание». Спустя 9 месяцев после XXII съезда КПСС, в августе 1962 г. по предложению Новотного Политбюро все же одобрило создание комиссии «по пересмотру важнейших политических процессов против лиц, занимавших высокие политические посты». Возглавил ее секретарь ЦК КПЧ Д. Колдер. Чем это было вызвано? Прежде всего, по мнению К. Каплана, давлением снизу, активностью и недовольством результатами пересмотра дел вышедших на свободу людей. Далее – новой волной разоблачений сталинских преступлений в СССР. И, наконец, появлением у руководства КПЧ нового «козла отпущения», объявленного виновным в непоследовательности процесса реабилитации, а именно амбициозного министра внутренних дел Р. Барака, который в начале 1962 г. вступил в конфликт с Политбюро ЦК КПЧ и лично Новотным, был арестован, заключен в тюрьму и осужден по указанию президента на 5 лет²⁰. Его осуждение явилось предлогом для нового пересмотра политических процессов, поскольку, как утверждалось сначала на заседании ЦК КПЧ 30 августа 1962 г, а затем на XII съезде КПЧ в ноябре 1962 г., Барак многое умышленно скрыл от партий-

ного руководства в целях укрепления своего положения в Министерстве внутренних дел и спекуляции имеющимися в его распоряжении данными.

Но, начиная новый виток пересмотра дел, руководство КПЧ по-прежнему намеревалось подтвердить правильность политических оценок начала 1950-х гг. и «подправить» лишь некоторые из них. Речь шла, таким образом, только о «косметической» ревизии прежних решений, которая проводилась под девизом переквалификации дел и, следовательно, пересмотра наказания за совершенные преступления. С выводами комиссии сначала ознакомился Новотный, а затем с его одобрения и согласия о них сообщалось другим партийным органам. Но так случилось, что в комиссии Колдера и ее подкомиссиях значительный перевес имели люди, прямо не связанные с конструированием политических процессов. В коммунистическом руководстве, избранном на XII съезде КПЧ, тоже возросло число сторонников реабилитации. Из 12 кандидатов и членов Президиума ЦК КПЧ только четверо были прямо связаны с фабрикацией политических процессов. И комиссия добилась проведения реабилитации.

Результаты работы комиссии были обсуждены и одобрены на заседании ЦК КПЧ 3-4 апреля 1963 г. Позднее с выводами и оценками были ознакомлены партийные массы. Внимание было обращено в первую очередь на процесс по делу Сланского, которое было признано полностью сфабрикованным. «Во многом неполное сообщение вызвало среди коммунистов сильное политическое потрясение, можно сказать внутривнутрипартийный кризис, – пишет К. Каплан. – Во время дискуссий поднимались вопросы: как это стало возможно и кто несет ответственность за эти ужасы и беззакония, за политические процессы и казни?»²¹

В определении ответственности за «нарушение законности» комиссия Колдера была непоследовательна и возложила главную вину на органы безопасности и юстиции. Члены руководства КПЧ и КПС (Широкий, Кёлер, Бацилек и др.), которые были непосредственными организаторами процессов 1948-1954 гг., твердо стояли на том, что они ничего не знали и о многом слышат впервые. Новотный, хотя и настаивал на самокритике «старых» функционеров, но одновременно старался сохранить их в руководстве, невзирая даже на требования членов комиссии Колдера снять с постов первого секретаря ЦК КПС Бацилека, его неофициального заместителя Давида и Кёлера. В конечном счете, Новотный должен был уступить²², сохранив все же за ними членство

в ЦК КПЧ и депутатские мандаты. «Старые» в руководстве хотели ограничиться возложением ответственности на ушедших из жизни К. Готвальда и А. Запотоцкого или на «политические трупы» – А. Чепичку, Р. Барака, г. Бареша, Р. Копрживу и лишь незначительную вину приписать Широкому и Бацилеку. В значительной степени им это удалось: главными виновниками были объявлены мертвые, которые и понесли партийное наказание.

Комиссия Колдера добилась, чтобы из органов госбезопасности и юстиции были уволены самые активные участники конструирования политических процессов, то есть те, кто руководили фабрикацией дел ведущих коммунистических деятелей. Обвиняемые в этом сотрудники указанных органов в свою защиту и оправдание говорили, что они руководствовались указаниями коммунистической партии и отстаивали ее линию, выполняли распоряжения министра, что о законности тогда вообще никто не говорил и пр. Эти непосредственные исполнители были либо просто понижены в должности, либо нашли себе место в других министерствах, учреждениях, научных институтах, государственном аппарате, редакциях и т. д.

Непоследовательность выводов комиссии Колдера была очевидна, особенно по делу «словацких буржуазных националистов». Например, было оставлено в силе обвинение Гусака, Новомеского и других в буржуазно-националистическом уклоне. Хотя в апреле 1963 г. они были восстановлены в партии, но добивались полной реабилитации, как по партийной, так и по государственной линии. (Письмо Гусака в ЦК КПЧ с просьбой о полной партийной реабилитации от 1 мая 1963 г.). Это требование было поддержано участниками конференции словацких писателей в Братиславе 4 апреля 1963 г. и съезда Союза чехословацких писателей в Праге 22-24 мая 1963 г. Острые вопросы были подняты и на съезде Союза словацких журналистов 27-28 мая 1963 г. Р. Калиский, например, заявил: «Чешскому гражданину, чешскому политику, чешскому партийному функционеру в эти годы грозило то, что он будет разоблачен и понесет наказание как агент империалистической разведки, как слансковец²³, как космополит, сионист, троцкист... Словак, словацкий коммунистический политик, как и рядовой гражданин имел, помимо прочего, и то несчастье, что даже, если бы он смог из всех упомянутых обвинений выкрутиться, он не смог бы отвертеться от обвинения в буржуазном национализме, поскольку, кроме всего прочего, был еще и словаком». Доклад М. Гиско отличался особой

конкретностью: в организации кампании против так называемых «словацких буржуазных националистов» он обвинил председателя правительства В. Широкого: «Доклад товарища Широкого на IX съезде КПС, если говорить о так называемом разоблачении буржуазных националистов в нашей партии, не являлся результатом объективного анализа действительности, а, что тогда было характерно для всей нашей пропаганды, наоборот, исходил из априорного тезиса о неизбежности буржуазно-националистической опасности в нашей партии, и этому тезису должна была быть подчинена вся действительность». Это, как считает Я. Рыхлик, был непрямым призыв к отставке Широкого. Съезд высказал также пожелание, чтобы Гусак, Новомеский и Фриш публично могли защитить свою точку зрения, и направил им приветственные и извинительные письма²⁴.

Давление снизу было настолько сильным, что Новотному ничего не оставалось, как согласиться на создание специальной комиссии для пересмотра процесса по делу так называемых «словацких буржуазных националистов». Так в Праге начала работать комиссия, известная под названием Барнабитская (она работала в здании Барнабитского монастыря). Новотный ожидал, что, как и предыдущие комиссии, она подтвердит правильность сделанных ранее выводов. Но он ошибся. Результат, полученный в конце 1963 г., был обратным. Новотному не удалось воспрепятствовать возвращению Г. Гусака в политику. Наоборот, Гусак вновь ступил на политическую сцену, притом, как политический противник Новотного, и развил в Словакии значительную активность. В конце 1963 г. Новотный вынужден был лишить Широкого всех партийных (являлся членом Президиума ЦК КПЧ) и государственных (возглавлял правительство ЧССР) постов. За этим, по сути, скрывалось неофициальное осуждение его активного участия в конструировании процесса по делу «словацких буржуазных националистов».

По всей видимости, немалую роль в том, что словацкое общество, и прежде всего его интеллигентские слои, пришли в движение, сыграли материалы (согласно современной лексике) «самиздата». Пишущая эти строки осенью 1963 г. находилась в научной командировке в Словакии и была знакома с настроениями словацких историков, сотрудников Института истории САН и Института истории КПС в Братиславе. Именно тогда в здании Словацкой Академии наук состоялась моя встреча с Г. Гусаком, организованная про-

фессором М. Госиоровским. Гусак тогда являлся сотрудником юридического кабинета САН и работал над книгой о Словацком национальном восстании 1944 г. Беседа, которая продолжалась около двух часов (жалею, что постеснялась записать ее), касалась интересовавшей меня тогда истории Словакии в 1944-1948 гг. Вопросы, связанные с реабилитацией, не затрагивались. Гусак, который являлся одним из организаторов и руководителей Словацкого национального восстания, а после войны занимал высокие государственные посты в Словакии (после парламентских выборов 1946 г. он стал председателем Корпуса уполномоченных), охотно отвечал на все интересующие меня вопросы, оправдывая и защищая свою позицию в то время. Это и понятно! Ведь за десять лет его пребывания в тюрьме (1951-1960 гг.) на него, как на «словацкого буржуазного националиста», было вылито столько грязи и возведено столько клевет, что он вынужден был защищаться, по праву ссылаясь на то, что его действия никогда не расходились с указаниями партии, Готвальда, и что даже если он не был согласен с чем-то, то, в конечном счете, как дисциплинированный член партии, все же подчинялся принятым решениям.

После XII съезда КПЧ, принявшего решение в течение четырех месяцев пересмотреть дела по важнейшим политическим процессам, Гусак, уже находясь на свободе, направил письмо в ЦК КПЧ с просьбой о реабилитации²⁵, а затем, после того, как А. Дубчек в апреле 1963 г. вручил ему партбилет, 1 мая 1963 г. написал новую обширную записку (134 страницы машинописного текста)²⁶, добиваясь полной реабилитации и снятия с него всех обвинений по партийной и государственной линиям. После XII съезда КПЧ письмо Новотному направил и Новомеский²⁷. В комиссию по пересмотру политических процессов была представлена также записка Голдоша²⁸. «Самиздат» обнаруживал и приговор Президиума Верховного суда от 28 июня 1963 г. о снятии всех обвинений с Гусака и осужденных вместе с ним лиц²⁹. Все эти материалы, напечатанные на пишущей машинке на папиросной бумаге, чтобы можно было сделать как можно больше закладок, распространялись в Словакии, во всяком случае, в Братиславе, очевидно среди интеллигенции. Получила их и я, как представитель страны, к голосу которой в то время еще прислушивались, и где, как тогда представлялось словакам, дела с реабилитацией политзаключенных шли очень хорошо.

Вероятно, и все эти «самиздатовские» материалы, несомненно, влиявшие помимо прочего на общественные настроения, привели к тому, что генеральный прокурор 9 апреля 1963 г. потребовал снова вернуться к делу «словацких буржуазных националистов», как проведенному с нарушением закона. 18 апреля следственные дела были возвращены в прокуратуру для доследования. И уже 13 мая генеральный прокурор передал его результаты Президиуму Верховного суда и предложил отменить приговор от 24 апреля 1954 г. в отношении Гусака и всех обвиненных вместе с ним лиц. В ходе дополнительного расследования, говорилось в приговоре Президиума Верховного суда от 28 июня 1963 года, выяснилось, что доказательства вины «были вырваны из всех объективных и субъективных взаимосвязей, включены в искусственно сконструированные взаимосвязи, искажены и извращены до такой степени, что их нельзя рассматривать, как доказательство действительных поступков обвиняемых». Президиум Верховного суда на своем закрытом заседании пришел к выводу, что приговором 1954 г. и расследованием по этому делу был нарушен закон, и поэтому отменил указанный приговор. Президиум Верховного суда отмечал, что материалами Верховного суда по делам Сланского, Шваба и Райцина «достоверно доказано, что никакого заговорщического центра во главе с Рудольфом Сланским не существовало. Утверждение о его существовании находилось в противоречии с действительностью, было искусственно сконструировано», «все лица, осужденные в рамках так называемого заговорщического центра, освобождены от обвинений в антигосударственной деятельности»³⁰. Наряду с этим, Верховный суд снял обвинение и с Клементиса, который «согласно обжалованному приговору Верховного суда по делу Густава Гусака и др. не только должен был осуществлять связь буржуазных националистов с антигосударственным центром Рудольфа Сланского, но также должен был этой группой постоянно руководить и нацеливать ее на антигосударственную деятельность». «Обвиняемые Гусак и др., – говорилось в документе, – не могли быть параллельным центром, “филиалом, объективным и субъективным помощником группы Сланского в Словакии”, как значится в обжалованном приговоре, а также не могли быть связанными с каким-либо членом этого несуществующего центра, то есть с Владимиром Клементисом...». «Приговор опирался на общие фразы и признания некоторых осужденных, причем, нельзя не заметить и то, что эти признания не опираются на какую-либо реаль-

ную основу и были следствием противозаконных методов ведения следствия, грубого нажима, как физического, так и психологического»³¹. Далее последовательно, одно за другим, опровергались конкретные обвинения, которые предъявлялись Гусаку и другим на IX съезде КПС, в ходе следствия и на суде в апреле 1954 г. Сравнение доказательств невиновности, приведенных в письмах Гусака, Новомеского, Голдоша, с содержащимися в приговоре Президиума Верховного суда от 28 июня 1963 г. свидетельствует, что аргументация этих документов мало чем отличалась. Приговор Президиума Верховного суда, подписанный его председателем Й. Литерой, был окончательным и не мог быть опротестован.

Гусак, о чем говорилось выше, ни в ходе следствия, ни на суде не признал своей вины. Новомеский и Голдош, как свидетельствуют их письма, отказались от своих признательных показаний, сделанных под физическим и психологическим давлением. В очередном письме Гусака в ЦК КПЧ (декабрь 1962 г.) о пересмотре дела так называемых «словацких буржуазных националистов», он писал: «Наша партия, устранив эту неправду, повысит свой авторитет и доверие к себе, как это было в аналогичной ситуации в СССР, Польше, Венгрии, Болгарии и других братских партиях», «я всегда стоял плечом к плечу с СССР, пропагандировал и защищал политику советской партии... Многие товарищи считали меня чересчур правоверным, чересчур жестким в борьбе за осуществление указаний партии. Я никогда не конфликтовал с партийными органами, никогда не выступал против принятых партией решений. Я не понимал этого обвинения». Гусак не отрицал и своих возможных ошибок, которые он совершал по молодости и неопытности при решении сложных встававших перед ним задач: «Было много импровизаций в эти годы и много недостатков в наших и моих решениях». Он признавал и свои личные недостатки: «большое самомнение, вспыльчивый характер, нетерпеливость, излишняя требовательность к людям и др.». Отвергая обвинения в свой адрес, Гусак писал: «Вся политическая жизнь Словакии после 1950 г. несла на себе печать кампании против “словацкого буржуазного национализма”», «расцвели лицемерие, стремление сохранить собственную шкуру и теплое местечко».

Свое отношение к Советскому Союзу Гусак характеризовал так: «В международном коммунистическом движении отношение к СССР рассматривается как пробный камень пролетарского интернационализма, как всей партии,

так и отдельных людей. Хочу сказать несколько слов о себе в этой связи. С молодых лет я был верным другом Советского Союза, горячим пропагандистом идей Октябрьской революции и Коммунистической партии Советского Союза. Никогда ни на минуту я в этом своем отношении к СССР не проявил колебаний. Ни в период моей активной политической деятельности, ни в тюрьме, ни сегодня. Когда меня в 1950 г. критиковали, с 1951 г. допрашивали и потом судили, то не могли найти ничего, что могло бы указать на мое неправильное отношение к СССР. А ведь к этому стремились изо всех сил... Вся моя жизнь была проникнута любовью и преданностью ко всему советскому и русскому, начиная с политических отношений и кончая культурой, литературой и личным отношением». Говоря о значении решений XX и XXII съездов КПСС, Гусак писал: «Я всегда был и останусь верным сторонником СССР». Много места в письме занимал рассказ о незаконных методах ведения следствия и издевательствах над заключенными. Трудно сказать, было ли тогда известно Гусаку о применении точно таких же методов в СССР. Думается, что, если он и не знал об этом точно, то предполагать нечто подобное мог.

Свое отношение к вопросу о национализме в Словакии Гусак описывал следующим образом: «Как старый член партии я знаком, конечно, с марксистским учением о национальном вопросе и с ним согласен. Но речь идет не о теоретическом согласии. Речь идет о правильном его воплощении на практике. Я всегда хорошо понимал реакционную сущность национализма в Словакии, особенно в обскурантской комбинации с клерикализмом...Я всегда был сторонником общего государства чехов и словаков и боролся против людацкого сепаратизма (до войны, во время войны, в ходе восстания, после освобождения страны). Боролся с Бенешем, с его концепцией чехословакизма». И далее: «Что касается конкретного государственно-правового устройства отношений чехов и словаков в рамках ЧСР, то этот вопрос на разных этапах был предметом обсуждения и соглашений...Я участвовал в этих переговорах, точка зрения партии была и моей точкой зрения. Пока идет дискуссия по некоторым вопросам, то, полагаю, нет преступления в том, чтобы высказать свою личную точку зрения. Но если партия по какому-либо вопросу, в том числе и по национальному, принимала решение, я всегда твердо придерживался точки зрения партии... В годы восстановления ЧСР словацкий вопрос был одним из самых чувствительных. И И.В. Сталин советовал в разговоре с Готваль-

дом в начале 1945 г. (? – В.М.) подходить к его решению с особой мудростью и деликатностью. г. Димитров в начале 1945 г. советовал решить эту проблему у нас федеративным способом и т. д. Короче говоря, решение искалось и постепенно находилось. Готовых рецептов не было ни у кого, разве только у Бенеша, который хотел оставить все по-старому. Партия в Словакии, когда вела народ на национально-освободительную борьбу, а затем, когда в борьбе с реакцией стремилась завоевать как можно большее политическое влияние на массы, не могла игнорировать историческое развитие и перескакивать этапы в решении национального вопроса. Все это находило отражение и в политической практике партии тех лет, когда и я находился в ее руководстве ...Я всегда действовал, как сознательный коммунист, верный идеям пролетарского интернационализма». «Я согласен с выводами XX и XXII съездов КПСС, с заявлениями коммунистических и рабочих партий, согласен с генеральной линией нашей партии, одобренной XIII съездом КПЧ», – писал Гусак и обращался с просьбой, «чтобы Центральный комитет КПЧ после пересмотра всего дела отменил решение от 21 февраля 1951 г. о моем исключении из КПЧ и восстановил мое членство в КПЧ. В партии, членом которой я был с молодых лет, я хотел бы снова работать, как ее верный и дисциплинированный член. Своими скромными силами я хотел бы помогать партии в решении ее сегодняшних и будущих задач». «Я не понимаю до конца, – писал в заключение Гусак, – почему решение вопроса о процессах над партийными функционерами у нас так затягивается. На XII съезде было сказано, что причиной этого был Барак, “авантюрист и карьерист”, который неправильно проверял эти процессы... Во время нашего процесса Барак был в течение 8 месяцев министром внутренних дел», «с XX съезда КПСС я шесть лет ждал решения этих вопросов, в том числе 4 года в тюрьме. И не только я, но и десятки старых членов и функционеров партии. Направляю эту просьбу в надежде, что ЦК КПЧ после пересмотра нашего дела примет решение о моей уголовно-правовой и политической реабилитации, восстановит меня в партии и даст возможность честно трудиться во имя построения социализма»³².

В другом весьма подробном письме Гусака от 1 мая 1963 г. убедительно, пункт за пунктом (всего их 16), опровергаются все измышления относительно деятельности «словацких буржуазных националистов» с довоенных времен и до начала 50-х годов. Не скупится Гусак на критику и изобличение причаст-

ных к конструированию этого дела лиц, многие из которых и в начале 1960-х гг. все еще находились у власти, занимая высокие партийные и государственные посты. В первую очередь, речь шла о Широком, Сланском, Баштёванском, покончившем жизнь самоубийством в 1952 г., Копецком, Бацилеке и др. О вине Новотного, возможно, из тактических соображений, в письме ничего не говорилось. Кроме того, надо иметь в виду, что тогда Гусаку вряд ли было известно о «руке Москвы» в организации политических процессов конца 40-х – начала 50-х годов и о роли советских советников в их проведении. Не известно, как это могло бы повлиять на всю его дальнейшую деятельность.

Особенно подробно и критически разбирает Гусак позицию Широкого: «Широкий на IX съезде [КПС] исходил из понимания национального вопроса не с позиций ленинского учения, а с позиций силы, власти, с позиций сильнейшего против слабейшего», «на IX съезде КПС Широкий просто прокламировал обвинения против ”буржуазных националистов” точно так же, как папа Римский, исходя из своей непогрешимости, провозглашает *urbi et orbi* свои личные воззрения верующим. Во времена культа личности подобная непогрешимость была характерна для личности вождя. Непогрешимый вождь обладал монополией на правду. Обязанностью остальных было таким заявлениям верить». На конкретных примерах Гусак опровергал измышления Широкого по адресу так называемых «словацких буржуазных националистов». Он обвинил его в том, что тот «умышленно не ставит вопрос ясно, потому что тогда открылось бы, что при решении национального вопроса у нас...он всегда отстаивал централистскую точку зрения, отвечавшую национальным чаяниям до того господствующего более многочисленного чешского народа». «Триумф Широкого на IX съезде КПС был триумфом культа личности в Словакии, культом его личности», – считал Гусак.

Вместе с тем, Гусак писал и о других функционерах, которые участвовали в организации политического процесса по делу «словацких буржуазных националистов», в частности, о Сланском: «Р. Сланский, вместе с Широком – главный режиссер “дела словацких буржуазных националистов”, в своем докладе [на IX съезде КПС] нисколько не отстал от остальных ни в страшных обвинениях, ни в оскорблениях и клевете. Он заявил: “Разоблачение заговора показало, что они (заговорщики. – В.М.) стремились к восстановлению старого господского режима, режима банкиров, фабрикантов и помещиков, режима

голода и безработицы, национального угнетения и озлобленности...”. Сланский увязывает действия словацких буржуазных националистов с деяниями чешских националистов Швермовой и Шлинга, которые “всегда пытались натравливать чешский народ против словацкого народа”, “Клементис, Гусак и Новомеский тоже натравливали словацкий народ против чешского, словаков против Праги, и говорили о том, что самым лучшим было бы, если бы пражское правительство не имело никакой власти в Словакии”. Он называет их “пятой вредительской колонной” и считает, что после их разоблачения “начинается и собственно уже наступил золотой век словацкого народа...”. Широкий в заключительном слове одобрительно отозвался о “блестящей речи Сланского” и заявил о начале борьбы против пережитков буржуазного национализма в общественной жизни, государственном аппарате, экономике, в области культуры, словом, во всех сферах жизни Словакии», «как я вскоре понял, эта борьба действительно жестко велась на всех участках, и заплатились за это тысячи людей»³³.

В заключение Гусак выражал надежду, что времена беззакония прошли и что теперь для восстановления «доверия широких масс к партии и ее руководству» необходимо окончательно покончить со всеми последствиями периода культа личности: «Половинчатость и компромиссы в таких принципиальных вопросах жизни партии, принесли бы партии не пользу, а лишь вред». «Наше дело – “дело словацких буржуазных националистов”, как его именовали его инициаторы и режиссеры, – чрезвычайно глубоко коснулось сознания народа, особенно в Словакии, – писал Гусак. – С одной стороны, потому, что в течение 10 лет велась общественная, почти непрерывная кампания против нас лично и “против националистической опасности в Словакии” вообще. Далее, потому, что наше дело в этой кампании постоянно связывалось с решением национального вопроса у нас, с решением так называемого словацкого вопроса. Эта продолжавшаяся 10 лет кампания...нанесла партии и республике большой вред, особенно в области взаимного доверия обоим нашим народам. В чешском народе эта кампания по необходимости вызвала недоверие к словакам и Словакии... Совершенно обратное действие по сравнению с тем, чего хотели ее инициаторы и режиссеры, эта кампания вызвала в Словакии. В течение 10 лет она (кампания. – В.М.) сеяла семена недоверия в отношениях словацкого и чешского народов, нанесла серьезный

вред доверию между нашими народами....Непрерывная “мобилизация партии на борьбу против национализма в Словакии”...рождала в словаках чувство обиды, неравноправности, несправедливости... Упомянутая кампания, связанная с нашим делом, является одной из причин грубых деформаций в решении национального вопроса у нас в период культа личности. При устранении последствий культа личности у нас необходимо устранить деформации в сфере национального вопроса. Таким образом, кроме личных, тут есть и более глубокие причины, по которым я считаю необходимым завершить рассмотрение нашего дела».

ЦК КПЧ на своем заседании 3-4 апреля 1963 г., – писал Гусак, – «оставил без изменений решение от 21.02.1951 г. о нашем исключении из ЦК, то есть это решение подтвердил. Это нельзя понимать иначе, как подтверждение обвинения в буржуазном национализме, высказанного Широком на IX съезде КПС. В этом отношении я считаю наше “дело” недорешенным, поэтому подаю эту просьбу, чтобы обвинения IX съезда и его выводы о нас были пересмотрены, чтобы было изменено и вышеуказанное решение ЦК КПЧ о нашем исключении из ЦК и, таким образом, окончательно решено наше дело. Это – одна из важнейших предпосылок устранения деформаций в национальном вопросе периода культа личности. ...Я убежден, что последовательное решение нашего дела существенно может содействовать устранению вреда, о котором я говорил. Укрепление доверия между нашими двумя народами, всестороннее улучшение их взаимоотношений я считаю одной из важнейших политических задач у нас... Я надеюсь, что мои слова не будут истолкованы так, что я имею в виду некое беспринципное замалчивание ошибок в какой-либо области, в том числе и в области национальной политики. Наоборот, чем более открыто и конкретно мы будем критиковать подлинные ошибки и недостатки, либо в прошлом, либо в настоящем, и в этой области, тем более правильный и объективный взгляд на вопрос получим. ... И в этом прощении я повторяю то, что сказал 17.04.1963 г. т. Дубчеку, когда он вручал мне партийный билет: “Все свои силы, способности и опыт я отдаю полностью в распоряжение нашей партии в ее колоссальном усилии построить у нас социалистическое и коммунистическое общество. Своей личной обязанностью я считаю всячески способствовать восстановлению и углублению взаимного доверия между нашими народами, содействовать укреплению единства, силы,

расцвету нашего государства. ...Заверяю Центральный комитет в моей полной преданности партии”»³⁴.

Из вышеуказанного письма Новомеского явствует, как его мучила мысль о предательстве, в первую очередь, по отношению к Клементису, с которым он был очень дружен еще со времени их сотрудничества до войны в левом, близком к компартии общественно-политическом журнале ДАВ. От своих показаний на суде в Праге в 1952 г. (по делу Сланского) и в Братиславе в 1954 г. (по делу «словацких буржуазных националистов») Новомеский, как значится в письме, отказался еще в 1955 и 1956 гг. перед комиссией ЦК КПЧ. Он еще раз подчеркнул, что давались эти показания под беспримерным физическим и психологическим давлением. Но не методы дознания были главными в том, что заставило Новомеского, по его словам, поставить подпись под признаниями, навязанными ему следователями, а тот факт, что он «оказался перед следственными, а затем судебными органами той партии, старым членом которой... был. Все следователи апеллировали к “сознанию” старого члена партии, писал Новомеский, почти все требовали от меня, чтобы я осознал, что тут я представляю партию и выполняю ее цели. И, таким образом, я в конце концов, пришел к выводу, что, если я хочу доказать, что я не враг и не предатель, что я и в этом испытании не сдался, что по-прежнему хорошо и дисциплинированно веду себя в отношении партии...я должен отказаться от всякой защиты, согласиться с обвинениями и “помочь партии” (буквальное и частое выражение) тем, что приму ее постулаты “безоговорочно”, “неколебимо”, “не оглядываясь на себя и на других”, короче, так, как они были сформулированы»³⁵.

Как и в письмах Гусака, в письме Новомеского уделяется большое место словацкому национальному вопросу в послевоенной ЧСР. «Спор о правах словацких национальных органов перед февралем [1948 г.], – пишет он, – лил воду на мельницу античешских реакционных настроений в Словакии, поэтому Клементис, Гусак и Новомеский критику их деятельности в 1945-1948 годах приняли. Эта критику и самокритику следственные и правовые органы использовали как исходный пункт для утверждения, что речь шла о преднамеренной и далеко идущей антигосударственной деятельности – заговоре с целью отторжения Словакии от республики, реставрации капитализма и т. д.». «С Клементисом и Гусаком, – писал Новомеский, – мы действительно часто встречались до и после освобождения и многократно обсуждали вопрос о по-

ложении Словакии, то есть о таком ее положении в Чехословацкой республике, которое раз и навсегда лишило бы живительной почвы в Словакии сепаратизм, шовинизм, античешскую или антипражскую озлобленность, буржуазный национализм». Этим вопросам Новомеский, в действительности, посвящал значительную часть своей публицистической деятельности. О чем шла речь? «Действительность домюнхенской республики, – по его словам, – учила нас тому, что по настоящему питающей автономистское, а позднее сепаратистское движение почвой в Словакии было отношение к ней и к словацкому народу чешской буржуазии: ее концепция чехословацкого национального единства, ее экономическая политика, не способствующая экономическому развитию Словакии, ее (чешской буржуазии. – В.М.) политический, административный и культурный централизм. Спротивление этой политике правительства [Чехословацкой] Республики в Словакии было всеобщим... По мере того, как со дня на день росла надежда на крах нацизма и его клеро-фашистских сепаратистских последователей в Словакии, росло и опасение, что восстановление Республики будет означать простую реставрацию домюнхенских порядков с их чехословакизмом и централизмом и с утомительным ведением разговоров со Словакией о всяких мелочах .... Стоит обратить внимание, что до самого [Словацкого национального] восстания, точнее до прибытия делегации СНС в Лондон, т.е. до октября 1944 г., только один корреспондент лондонского радио (т. Грон-Клементис) говорил о двух народах и о словацком народе; все остальные – о чехословацком народе, поскольку словацкую национальную самобытность считали поддакиванием словацкому сепаратизму. Было ясно, что компартия могла укрепить свой авторитет и снискать доверие широкой общественности в борьбе за восстановление Республики лишь в том случае, если заявит, что восстановленная Республика будет иной, новой ... республикой чехов и словаков, основанной на равноправии обоих народов. Она (партия. – В.М.) должна была сделать это и потому, что среди партийной и беспартийной общественности распространялись из-за опасения возврата домюнхенских отношений различные периферийные тенденции, домогающиеся включения Словакии в СССР, для чего, как утверждалось, давало единственную возможность то обстоятельство, что Словакия будет освобождена Красной Армией³⁶. Пример для новой организации дел мы видели в Союзе Советских Республик, короче, в федеративном союзе чехов и словаков. Я был бы рад привести хоть

одно имя словацкого коммуниста, функционера или рядового члена партии, который был бы тогда, до и во время восстания, против такой концепции восстановления Республики. Различия между нами были лишь в степени горячности, с которой новое устройство совместного государства чехов и словаков признавалось и пропагандировалось. Единственно т. Широкий сначала стоял на такой точке зрения, что о будущем государственном устройстве не стоит говорить; Республику следует сначала восстановить, а уж потом наполнять ее новым содержанием. Но и он тоже признавал, что способность партии мобилизовать широкие слои народа была бы ослаблена, если бы ясно не было сказано, что республика не будет домюнхенской республикой и в этом вопросе. Как вытекает из вышесказанного, это не было никакими “тайными кознями буржуазных националистов против Республики”. И, что я особенно хотел бы подчеркнуть, даже не ошибкой, которая противоречила бы духу марксизма-ленинизма. Во время пребывания в Москве в декабре 1944 г. мы подробно говорили о ситуации в Словакии с тт. Димитровым и Копецким и об упомянутых уже вопросах будущего положения Словакии в восстановленной республике. Мое сообщение о настроениях в Словакии не были тогда уже для московских товарищей чем-то новым и неизвестным. По инициативе т. Готвальда мы все, в большинстве участники таких разговоров, были приняты т. г. Димитровым в ЦК ВКП(б). Там были тт. Готвальд, Копецкий, Вало, который как член чехословацкой правительственной делегации был в Словакии, Фриш и я. Т[ов]. Димитров очень внимательно выслушал наши соображения, отверг мнения, что в виду политики СССР могут вообще братья в расчет тенденции, направленные к включению Словакии в состав СССР, а что касается будущего, заключил дискуссию о нем так (цитирую по памяти, слова могли быть другими, но их смысл я воспроизвожу точно): вашей, словацких коммунистов, обязанностью будет признать более высокую зрелость и уровень развития чешского народа, и поэтому сблизиться с ним, как можно более тесно. Обязанностью чешских коммунистов будет стремиться к скорейшему выравниванию всех различий, существующих между Чешскими землями и Словакией. Что же касается государственно-правового устройства, то должны быть словацкий сейм и чешский сейм, а над ними Центральный сейм республики; должны быть чешское правительство и словацкое правительство, а над ними центральное правительство. Эта конструкция, которая нас естественно вдохновила, осуществилась

лишь частично (см. VI главу Кошицкой правительственной программы), и мы признали обоснованность аргументов т. Готвальда, что ее невозможно было во всем объеме провести в жизнь из-за оглядок на неподготовленность чешского общественного мнения. И вслед за тем, в 1945-1948 гг., когда определялся и ограничивался объем полномочий словацких национальных органов, поскольку представители Д[емократической] п[артии] использовали их для саботажа правительственных решений, мы дисциплинированно защищали и проводили решения Национального фронта, и до 1950 г., как я об этом выше упоминаю, не появлялось никакого серьезного довода к мнению, что так называемые буржуазные националисты проводят иную политику, чем остальные члены КПС и КПЧ, отличную от политики КПЧ. Правда, что мы были весьма чувствительны к бюрократической бесцеремонности, к стремлению вылить с грязной водой и дитя, то есть во имя борьбы с реакцией ликвидировать или обходить национальные органы и выхолащивать их значение...»³⁷

Вопрос о государственно-правовом положении Словакии в ЧССР, о взаимоотношениях чешского и словацкого народов, поднятый в нелегально распространяемых письмах Гусака и Новомеского, несомненно, вызвал живой отклик в словацком обществе начала 60-х гг. Об этом свидетельствует и статья доктора исторических наук профессора М. Госиоровского «К некоторым вопросам взаимоотношений чехов и словаков в политике Коммунистической партии Чехословакии», подготовленная им для публикации в теоретическом органе ЦК КПЧ журнале «Новая мысль» и одновременно направленная в руководящие органы КПЧ и КПС. В это же время она появилась и в «самиздате»³⁸.

В статье показано, как ставила КПЧ на различных этапах своего развития, начиная с момента создания в 1921 г. и до современности, вопрос о государственно-правовом положении Словакии в Чехословакии. В своих оценках и выводах автор опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, на решения XX и XXII съездов КПСС, на опыт СССР и Югославии, как многонационального, помимо Советского Союза, славянского государства социалистического лагеря, в решении национального вопроса. Госиоровский рассматривал современное состояние проблемы в ЧССР и рассуждал о том, может ли быть советский опыт примером «и для нас, и в чем может состоять специфика проблемы у нас». «Советский Союз, – говорится в статье, – по праву считается примером многонационального социалистического государства, и поэтому осталь-

ные коммунистические партии, которые работают тоже в многонациональных государствах, учатся и непрестанно должны учиться у СССР, у КПСС».

Характеризуя состояние общественных настроений в Чехословакии, Госиоровский писал: «За прошедшие 13-15 лет [после февраля 1948 г.] ситуация зашла так далеко, что простой чех думает..., что в Словакии есть только людаки и словацкие буржуазные националисты, что существующие словацкие национальные органы являются лишь каким-то рудиментом так называемого словацкого государства, что какое-либо предложение о повышении полномочий этих органов – это лишь путь к ликвидации республики, путь отторжения Словакии от республики. С другой стороны, простой словак в условиях этого пятнадцатилетнего непрерывного подчеркивания опасности лишь словацкого национализма думал и думает, что следует очень осторожно говорить о словацкой национальной гордости, о национальных правах и т. д., если он хочет избежать клейма буржуазного национализма. Словом, начиная с весны 1950 г. и до XII съезда КПЧ в декабре 1962 г. и даже до реабилитации видных словацких товарищей весной 1963 г. все те, кто в словацком народе творчески мыслят, все те, кто как-либо часто приходят в соприкосновение с общегосударственными деятелями, живут в страхе перед последствиями, которые могут быть результатом такого обвинения. Это ощущение страха быть обвиненным в буржуазном национализме усугублялось тем обстоятельством, что Словакия после потери своей мыслящей верхушки в 1951-1954 гг. оказалась под непосредственным руководством таких людей, как товарищи Карол Бацилек, Павол Давид, Рудольф Стрехай и др.». Из-за опасения не допустить каких-либо националистических уклонов «они почти полностью парализовали деятельность Словацкого национального совета и Корпуса уполномоченных». «Словацкий народ, – констатировалось в статье, – оказался единственным в социалистическом лагере, который на своей этнической территории не имеет таких органов социалистической государственной власти, которые отвечали бы уровню его современного развития, его численности и, особенно, необходимости (в любом случае) равноправного положения с братским чешским народом». В результате построения социализма, считал Госиоровский, возникли все условия для реализации принципа федеративного устройства республики, но этого не произошло: «Так это видят преобладающее большинство не только словацкой интеллигенции, но и словацкие рабочие и крестьяне, так это видят

все те, кто в словацком народе творчески мыслят». Однако на съезде КПС в ноябре 1962 г. Бацилек так характеризовал подобные настроения: «С узко националистических позиций оценивается новая территориальная организация и роль словацких национальных органов в системе государственной власти и управления»³⁹. «Но, невзирая на то, что нам грозит опасность быть обвиненными в узком националистическом подходе, поставим вопрос..., – писал Госиоровский, – является ли сегодняшнее урегулирование отношений между чехами и словаками, в том виде, как это записано в Конституции ЧССР, принятой в июле 1960 г., действительно самым подходящим способом обеспечения государственного единства чехов и словаков, их всестороннего расцвета, с одной стороны, и их взаимовлияния и взаимообогащения, с другой, и действительно ли нам не подходит советский пример...».

Автор предлагал для обсуждения три варианта решения вопроса о государственно-правовом устройстве ЧССР: «1) Федеративное решение, как в СССР и СФРЮ. Это означало бы, что вся система организации государственного управления и народной власти снизу доверху (от национальных комитетов) на этнической территории чешского народа осуществлялась бы чешскими национальными органами (законодательными и исполнительными), а на этнической территории словацкого народа также словацкими законодательными и исполнительными национальными органами, над которыми как действительно общенародные стояли бы органы, абсолютно необходимые для обеспечения единого планирования и единого руководства чехословацкой экономикой, для обеспечения действительного эффективного взаимовлияния и взаимообогащения обоих братских народов и их общей социалистической родины»; «2) Возвращение (правда, с учетом уровня социально-экономического развития, достигнутого в 1945-1963 гг.) к “Магна харта” словацкого народа весны 1945 г., которая являлась...специфической формой чехословацкой федерации, без того, чтобы это “ужасающее” слово “федерация” было названо. Это означало бы, что, например, отдельные повереництва (Корпус уполномоченных) были бы в Словакии конечными административными институтами, кроме тех случаев, которые и в “неспецифическом” случае федерации могли решать общегосударственные органы (Национальное собрание и правительство), получившие двойные полномочия: а) в общегосударственных вопросах общегосударственные, б) в чешских национальных и региональных вопросах

полномочия, распространяющиеся на этническую территорию чешского народа. (Здесь Госиоровский делает ссылку на Программу КПСС.– В.М.); «3) Возвращение к управлению, зафиксированному в конституции 9 мая 1948 г. (или в конституционном законе от июля 1956 г.), которое являлось специфической чехословацкой формой социалистической автономии и которое было сведено на нет деформациями во взаимоотношениях наших братских народов в период культа личности и нарушением социалистической законности в отношении видных представителей словацкого народа (и словацкой организации КПС). Это означало бы, что законодательным органом в вопросах национального и регионального характера...был бы Словацкий национальный совет (Словацкое национальное собрание), а органом всей правительственной и исполнительной власти на этнической территории словацкого народа был бы опять особый Корпус уполномоченных (словацкое национальное правительство) как исполнительный орган общегосударственного правительства».

Наиболее подходящим для ЧССР Госиоровский считал первый вариант. Но, поскольку, по его мнению, только недавно принятая конституция не могла быть изменена так быстро, следовало пока начать широкую товарищескую дискуссию по всем этим вопросам и при определении дальнейших задач развития общества опираться на результаты научной работы⁴⁰.

Журнал «Новая мысль» отказался опубликовать статью⁴¹, но, благодаря «самиздату», с ней познакомились довольно широкие круги словацкой общественности. Словацкий вопрос, несмотря на его формальное разрешение, зафиксированное в Конституции ЧССР 1960 г., а, может быть, именно поэтому, снова становился одним из волновавших политическую жизнь Чехословакии. Идея федерализации, ревизии Конституции 1960 г. становилась популярной. Новотный решил перейти в наступление. Совершив в начале июня 1963 г. в сопровождении А. Дубчека поездку по Словакии, он 12 июня выступил перед коммунистическим активом в Кошицах с принципиальным заявлением, которое, по словам Я. Рыхлика, должно было стать началом решительных действий против оппозиционеров⁴². Он подверг критике статьи М. Гиско и других авторов, появившиеся в журнале «Культурная жизнь», и заявил: «Мы открыто, таким образом, говорим, что не допустим, чтобы орган Центрального комитета Коммунистической партии Словакии «Правда» стал платформой неправильных взглядов и истерических выпадов против

партии и чтобы с помощью подобных, опубликованных в этом органе статей, оказывалось неправильное воздействие не только на словацкую, но и на чешскую общественность». Относительно так называемых буржуазных националистов он заявил следующее: «Вплоть до 1948 г. партия решительно боролась за единство народов наших наций, как против чешской, так и словацкой буржуазии, представленной Демократической партией. При этом в Словакии появились люди, в том числе и товарищи (т. е. коммунисты. – В.М.), которые не до конца поняли эту политику нашей партии и ставили вопрос так: невзирая на политические убеждения, мы все – словаки. ...Моя точка зрения такова, что на IX съезде Коммунистической партии Словакии критика национализма в Словакии была в основном правильной». Новотный отверг критику правомочий словацких национальных органов, зафиксированных в Конституции 1960 г., объяснив это тем, что, дескать, в будущем коммунистическом обществе неизбежно постепенное слияние всех наций, а поскольку чехи и словаки являются самыми близкими из всех наций, то их слияние произойдет опережающими темпами.

Публикация выступления Новотного в словацкой «Правде» вызвала негодование в Словакии. Словацкая интеллигенция открыто дала понять, что идея «слияния» воспринимается ею как ассимиляция или же как модифицированная версия единого чехословацкого народа. Попытка Новотного укрепить свои позиции в Словакии, по оценке Рыхлика, оказалась неудачной и, более того, усилила антиновотновскую оппозицию⁴³. Одним из ее лидеров, наряду с Дубчеком, все определеннее становился Гусак, который в 1964 г. опубликовал монографию «Свидетельство о Словацком национальном восстании», защищенную им в качестве кандидатской диссертации и позднее, в 1969 г., переведенную на русский язык⁴⁴. Реформаторское движение в Словакии проходило под лозунгом федерализации ЧССР. Успехи его до 1968 г. были незначительны. Дело ускорило, когда в апреле 1968 Г. Гусак стал вице-премьером чехословацкого правительства, в обязанности которого входило курировать и этот вопрос. После августа 1968 г. буквально за два месяца был разработан и к 50-летию образования Чехословакии 28 октября утвержден конституционный закон о федеративном устройстве страны, который вступил в силу 1 января 1969 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Об организации процессов см. подробнее: *Волокитина Т.В., Мурашко г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949-1953. Очерки истории. М. 2002. С. 495-591; *Мурашко г.П.* Государственный антисемитизм в СССР и внутрипартийные политические репрессии в странах Восточной Европы на рубеже 1940-х – 1950-х годов // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы. Новосибирск, 2010. С. 179-192.
- ² Речь идет о Программе Национального фронта чехов и словаков, провозглашенной в апреле 1945 г. в г. Кошице, раздел которой по национальному вопросу был квалифицирован как «Великая Хартия» («Magna Charta») словацкого народа.
- ³ *Presidium Nejvyššího soudu v Praze. Prz 9/63 Rozsudek Jmenem republiky dne 28. června 1963. S.4-5* // Личный архив автора. Машинописная копия. 30 стр.
- ⁴ *Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993. S. 368-370.*
- ⁵ *Presidium Nejvyššího soudu v Praze. S. 6-7.* Однако Новомеский из-за продолжавшейся в Словакии травли «словацких буржуазных националистов», предпочел не возвращаться в Словакию и до 1963 г. жил в Праге, отказавшись от участия в политической жизни.
- ⁶ *Marušiak Ju. Slovenské postoje počas krízy komunistického systému v rokoch 1956-1957// Krízy režimov sovietskeho bloku v rokoch 1948-1989. Banská Bystrica, 1997. S. 182, 184.*
- ⁷ *Ibid. S. 187-188ю*
- ⁸ *Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945-1992. Bratislava, Praha. 1998. S. 174-178*
- ⁹ См. подробнее: *Марьина В.В.* XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М.. 2008. С. 182-220.
- ¹⁰ *Barnovský M. Prvá vlna destalinizácie a Slovensko (1953-1957). Brno, 2002. S. 104.*
- ¹¹ *Ibid. S. 111.*
- ¹² *List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ. S. 130* // Личный архив автора. Машинописная копия, 134 стр. К сожалению, Гусак, отказавшись после августа 1968 г. на постах первого (генерального) секретаря ЦК КПЧ, а затем президента ЧССР, сам использовал эти критикуемые им методы борьбы с инакомыслящими.
- ¹³ *Kaplan K. Op.cit. S. 377.*
- ¹⁴ Словацкое национальное восстание (прим. ред.).
- ¹⁵ *List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústřednému výboru KSČ. S. 127-128.*
- ¹⁶ См. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 135-161
- ¹⁷ См. подробнее: *Pešek Jan. Vlna politických procesov na Slovensku koncom 50. rokov // Politické procesy v Československu po roce 1945 a prípad Slánský. Sborník príspevků ze*

- stejnomené conference, pořádané ve dnech 14.-16. dubna 2003 v Praze. Brno, 2005. S. 179-191.
- ¹⁸ Ibid. S. 186-187.
- ¹⁹ Kaplan K. Op.cit. S. 378.
- ²⁰ Presidium Nejvyššího soudu v Praze. Prz 9/63 Rozsudek Jmenem republiky dne 28. června 1963. S. 7.
- ²¹ В июле 1968 г. Верховный суд отменил приговор по делу Барака как противозаконный.
- ²² Kaplan K. Op.cit. S. 380-381.
- ²³ Так в тексте. Имеется в виду сторонник Р. Сланского или входивший в его окружение член КПЧ (прим. ред.).
- ²⁴ Место К. Бацилека занял А. Дубчек, который на съезде КПС 24-25 ноября 1962 г. был избран членом Президиума ЦК КПС, а в апреле 1963 г. стал полноправным членом ЦК КПЧ.
- ²⁵ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. S. 192-193.
- ²⁶ Gustav Husák. Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. Ústredný výbor KSČ k rukám s. Antonína Novotného, I. taj. ÚV KSČ v Praze. Bratislava, 20.XII.1962 // Личный архив автора. Машинописная копия. 64 стр.
- ²⁷ См. сноску 11.
- ²⁸ List L. Novomeského. Opis. Súdruh Antonín Novotný I. tajomník ÚV KSČ a prezident ČSSR. Praha // Личный архив автора. Машинописная копия. 28 стр.
- ²⁹ Ladislav Holdoš. Zpráva Komissii Predsedníctva ÚV KSČ pre preskúmanie politických procesov. Praha // Личный архив автора. Машинописная копия. 55 стр.
- ³⁰ См. сноску 2.
- ³¹ За некоторое время до этого, в мае или июне 1963 г., Р. Сланский и все проходившие по его делу были реабилитированы по государственной линии, но, насколько известно автору, ни тогда, ни позже не были реабилитированы по партийной линии и восстановлены в КПЧ. Обвинение в организации процессов начала 50-х годов XX века со Сланского не было снято.
- ³² Presidium Nejvyššího soudu v Praze. S. 8-9.
- ³³ Gustav Husák. Žiadosť o preverenie procesu a rehabilitáciu. S.60-64.
- ³⁴ List G. Husáka z 01.05.1963 adresovaný Ústrednému výboru KSČ. S. 81, 89-90, 109, 120-121.
- ³⁵ Ibid. S. 131-134
- ³⁶ List L. Novomeského. Opis. S. 1-2, 7.
- ³⁷ Этого взгляда еще летом 1944 г. придерживались многие коммунисты Словакии, в том числе и Гусак.
- ³⁸ List L. Novomeského. Opis. S. 20-23.

- ³⁹ M. Gosiorovský. K niektorým otázkam vzťahu Čechov a Slovákov v politike Komunistickej strany Československa //Личный архив автора. Машинописный текст. 95 стр.
- ⁴⁰ Pravda. 26 november 1962 г.
- ⁴¹ M. Gosiorovský. Op. cit. S. 4, 18, 70-71, 73-75, 91-95.
- ⁴² Статья М. Госиоровского была опубликована только в 1968 г. в «Историческом журнале» – органе Института истории САН (Historický časopis. 1968. N 3. S. 354-406).
- ⁴³ Rychlík J. Op. cit. S. 195.
- ⁴⁴ Ibid. S. 195-196.
- ⁴⁵ Гусак Густав. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969.

С.А. Романенко

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ И ЮГОСЛАВЫ. ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ВЗАИМНЫХ ПРЕДРАССУДКОВ, СТЕРЕОТИПОВ И ИЛЛЮЗИЙ. 1953 – 1964 гг.

Период в развитии Советского Союза, названный «оттепелью», характеризовался попыткой «верхов» отказаться от наиболее опасных для советского политического класса (номенклатуры или аппарата) и государства черт во внутренней и внешней политике. При этом речь шла не об изменении сути режима, смене или хотя бы видоизменении идеологии и не о принципиальной перемене отношения к внешнему миру. Трансформация была резко ограничена и сущностно, и хронологически.

Во внешней политике одним из наиболее значимых проявлений отказа от наследия Сталина стала относительная нормализация отношений между СССР и ФНРЮ, КПСС и СКЮ. В ее основе – ликвидация последствий политики по отношению к Югославии, проводившейся на протяжении 1948-1953 гг. Содержательные элементы концепций государственных интересов и идеологии, определявшие развитие взаимоотношений обоих государств и обеих партий, опирались на комплекс марксистско-ленинских идеологем, национальную и государственную историческую традицию, этническую и конфессиональную психологию. Это находило свое выражение во всех типах массового, группового и индивидуального сознания – прежде всего, политического, философского, экономического, исторического, правового. Вместе с тем, наряду с элементами рационального знания и понимания, в советско-югославских взаимоотношениях большую роль играли доставшиеся от прошлого и постоянно формирующиеся новые предрассудки, стереотипы, мифы, иллюзии, которые зачастую в реальной политике приводили к погоне за миражами.

В 1950-е – начале 1960-х гг. в Югославии эволюция государства, режима и партии характеризовалось несколькими парадоксальными явлениями. Во-первых, выстояв в схватке со Сталиным и его «этатистским» социализмом, за которым стояла мощнейшая военно-политическая машина, Й. Броз Тито и его соратники ради примирения с советской стороной пошли на свертывание

достигнутого на рубеже 1940-х –1950-х гг. уровня демократизации. Процесс трансформации режима, установленного в 1945 г., оказался заблокированным перед угрозой идеологической эрозии, и началось возвращение в недавнее прошлое. Югославское руководство фактически отказалось от идей VI съезда КПЮ (1952 г.), в значительной степени связанных с именем М. Джиласа. Причина наступления в ФНРЮ «заморожков» одновременно с «оттепелью» в СССР коренилась не только в том, что КПСС поставила условием «примирения» свертывание политических экспериментов в Югославии и осуждение идей Джиласа. Югославская партийная номенклатура и лично Тито не хотели заходить слишком далеко, опасаясь если не утраты, то ограничения собственной власти. Несмотря на особенности внутреннего устройства, идейные разногласия, межгосударственные противоречия, здания обоих государств стояли на одном фундаменте и были выкрашены в одни цвета. Лишь в 1970-е – 1980-е гг. началось постепенное разрушение сталинизма и титоизма.

Второй парадокс состоял в том, что, критикуя явление, которое КПСС назвала «культом личности Сталина», КПЮ (с 1952 г. СКЮ) взрастила собственный культ «вождя», сумевшего противостоять самому Сталину.

Наконец, третий парадокс заключался в том, что югославо-советский конфликт сплотил Югославию, ее народы и общество. Но с началом нормализации постепенное смягчение напряженности, исчезновение советской угрозы способствовали пробуждению не только социального и политического протеста, но и оживлению концепций национального самоопределения.

В целом, однако, можно констатировать, что в рассматриваемое время процесс нормализации привел югославских коммунистов к практическому и психологическому сближению с КПСС. В обеих странах в 1950-е гг. произошло отступление от политических реформ начального периода десталинизации, а идеологические реформы так и не начались.

Изменения в советской пропаганде по отношению к СФРЮ происходили медленно и непоследовательно. 23 апреля 1953 г. временный поверенный в делах ФНРЮ в Москве Д. Джурич информировал Белград об отсутствии в первомайских лозунгах ЦК КПСС упоминания о Югославии¹. Впрочем, 6 июня 1953 г. югославский дипломат сообщал в Белград, что в майском но-

¹ *Luburić R. Pomirenje Jugoslavije i SSSR-a 1953-1955. Tematska zbirka dokumenata. Podgorica, 1999. S. 107-108.*

мере журнала «Славяне», подготовленном, вероятно, в марте-апреле, все еще содержались прежние антититовские клише («фашиствующий клоун», «фашистский выродок Тито», «Тито и его банда» и т.д.)².

Эта история имела и политико-дипломатическое продолжение. 1 сентября 1953 г. вновь назначенный посол СССР в ФНРЮ В.А. Вальков встретился в Белграде с заместителем Государственного секретаря по иностранным делам, членом ЦК СКЮ А. Беблером, а 7 сентября – с занимавшим такие же посты В. Мичуновичем³. Хотя главной темой и целью была нормализация, собеседники весьма жестко обменялись мнениями о взаимных – «антиюгославских» и «антисоветских» выпадах печати.

Все же постепенно антиюгославская пропаганда с личными выпадами против Тито сходилась в Советском Союзе на нет. Газеты и журналы перестали печатать «разоблачительные» статьи, однако образ Югославии, компартии и Тито как «отщепенцев» в лагере социализма начал уходить из массового сознания советских людей только после визита делегации во главе с Хрущевым в Белград в 1955 г.⁴

Важным, хотя и своеобразным источником, позволяющим охарактеризовать представления советских граждан о Югославии и ее лидере, могут служить материалы надзорных производств прокуратуры за следствием, ведшимся органами государственной безопасности по делам в соответствии со статьей 58.10 Уголовного кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Эти недавно рассекреченные и опубликованные материалы отражают также эволюцию политики десталинизации при Хрущеве. По делам, начатым прокуратурой в 1953 г., в пяти обвинительных заключениях содержался «югославский компонент». Приговоры осужденным были вынесены еще при жизни Сталина. Им инкриминировались, помимо прочего, хвалебные высказывания

² Ibid. S. 148. Будучи прав по существу, Джурич неточен в деталях: на самом деле, в упомянутом номере журнала «Славяне» говорилось о Тито как «подлеце, продавшем империалистам свой свободолюбивый народ», а в статье о жилищной проблеме страны была помещена карикатура на югославского лидера – строителя тюрем (Славяне. 1953. № 5. С. 9, 28-29).

³ Советский фактор в Восточной Европе. 1944-1953 / Отв. ред. Т.В. Волокитина/ Т. 2. 1949-1953. М., 2002. С. 812-815.

⁴ См.: *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде, 1945-1954 // http://www.fedydiary.ru/?page_id=6033.

в адрес Тито – «он – коммунист и идет к социализму своим путем, а не по указке СССР»; «в Югославии Тито строит правильный, настоящий коммунизм, а в Советском Союзе строится неправильный»; «в Югославии государственный строй лучше, чем СССР, т.к. там имеется частная собственность на землю». Впрочем, были зафиксированы и другие высказывания, отразившие идеологическую и партийно-классовую «подготовку» следователей: один из осужденных, как указывалось в протоколе допроса, «восхвалял разоблаченного врага партии и советского народа Берию, югославского фашиста Тито и американского ставленника в Южной Корее Ли Сын Мана». (Понятно, что определение «югославский фашист Тито» принадлежало следователю). Показательно, что в ходе прокурорской проверки этих дел часть их была прекращена, а по некоторым смягчены наказания⁵.

Однако для внутриаппаратной поддержки процесса нормализации Хрущеву необходимо было принципиально изменить отношение значительной части партийных и государственных чиновников к Югославии и СКЮ, сформированное в 1948-1949 гг. и закрепленное в 1950-1953 гг. «К тому времени уже сами наши брехуны, уже соврав однажды и много раз повторяя потом свою ложь, начали верить в собственную выдумку, что Югославия – капиталистическое государство, у которого нет ничего социалистического; что она стала на позиции предательства и связана с империализмом», – вспоминал позднее бывший Первый секретарь ЦК КПСС⁶.

Выход из создавшегося положения был все же найден. Хрущев пишет: «Я предложил: “Товарищи, давайте создадим комиссию из ученых и поручим ей изучить, какого типа сейчас Югославское государство — капиталистическое или социалистическое?” ...Комиссия вынуждена была признать, что Югославию никак нельзя считать капиталистическим государством и что в государственном устройстве Югославии присутствуют все элементы социалистического уклада: нет частной собственности на средства производства, нет частной собственности на банки, все это принадлежит народу. Торговля в ос-

⁵ 58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Аннотированный каталог. Март 1953-1991 гг. / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Сост. О.В. Эдельман при участии Э.Ю. Завадской и О.В. Лавинской. М., 1999. С. 57, 131, 133, 163-164, 185 (Далее: Надзорные производства).

⁶ *Хрущев Н.С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. Кн. 3. М., 1999. С. 126; Кн. 2. С. 72.

новном тоже находится в руках государства. Не решена была только проблема сельского хозяйства: колхозов там почти не существовало, и господствовали единоличные хозяйства»⁷.

Созданная в феврале 1954 г. Президиумом ЦК КПСС комиссия в составе М.А. Сулова и заместителей министра иностранных дел В.А. Зорина и В.В. Кузнецова исходила из оценки Югославии как «фашистского государства», и, по признанию самого Сулова, первоначальный проект был направлен не на улучшение отношений с Югославией, а «на еще большую закрутку этих отношений». Впоследствии ситуация изменилась. Изменились и оценки⁸. Произошел отказ и от пресловутого тезиса сталинской пропаганды о том, что в Югославии не было социалистической революции.

О том, сколь медленно и трудно шел процесс пересмотра былых установок свидетельствует «эпопея» с изданием учебника «Исторический материализм», в те времена – одной из «священных книг», закладывавшей основы мировоззрения и ориентации советского человека в окружающем мире. В вышедшем в 1954 г. втором издании книги утверждалось, что «фашистская диктатура существует в Испании, Португалии, Греции, Югославии». Дело приняло столь серьезный оборот, что обсуждалось в ЦК КПСС. Однако учебник не был изъят из продажи и библиотек, использовался он и в учебном процессе⁹.

Вообще, советские ученые-гуманитарии, профессиональная сфера деятельности которых оставалась важнейшим партийным делом, оказались в весьма трудном положении. Оценки историческим деятелям по-прежнему выносили если не «вожди», то партийные чиновники, но отнюдь не исследователи. Характерный, хотя и не единственный, пример – труд «История русской экономической мысли», авторы которого, учтя пример с книгой Константинова, проявили максимум изобретательности, повествуя об известном хорватском мыслителе XVII в. Юрае (Юрии) Крижаниче. Связано это было как с

⁷ Там же. Кн. 3. С. 126. Например, ср.: *Вукмановић-Темпо С.* Зашто се и како распала Југославија. Београд, 1996. С. 67-86; Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 1. Становление «реального социализма». 1945-1965. М., 2000. С. 475-484.

⁸ *Аксютин Ю.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2004. С. 108-109.

⁹ Исторический материализм /под редакцией Ф.В. Константинова / Изд. 2-ое. М., 1954. С. 378.

идеологическими проблемами, так и с сугубо политическими обстоятельствами 1954-1955 гг. Непонятно было, кем считать хорвата Крижанича – поборником «славянской идеи», к которой после смерти Сталина у нового советского руководства могло измениться отношение, или же «тайным агентом» Ватикана – противника Русской православной церкви, с одной стороны, и, по оценкам того времени, мирового центра католического клерикализма, с другой. Кроме того, и у СКЮ в тот период были весьма непростые отношения с Католической церковью в стране. Поэтому «неправильная оценка», хотя и данная со стороны, могла навредить нормализации отношений. Заведующий отделом науки и культуры ЦК КПСС А.М. Румянцев и инструктор отдела И. Мрачковская рассудили вполне благоразумно и профессионально: «Учитывая характер работ Ю. Крижанича о России, полагали бы целесообразным, не причисляя Крижанича к русским экономистам, кратко сказать в книге о работах хорвата Крижанича, а также о его письмах и донесениях царю по экономическим вопросам, так как они отражают в известной мере тогдашнее состояние экономики России и объективно являются одним из выражений русской экономической мысли и экономической политики того периода». Споры же по вопросу о целях миссии Крижанича в России «нельзя считать завершенными..., этот вопрос не имеет непосредственного отношения к содержанию его работ и за отсутствием подлинных документов не является достаточно выясненным». После такого напутствия книга вышла в свет¹⁰.

Эта ситуация представляется важной с точки зрения методологии восприятия внешнего мира в советской политической культуре. При оценке того или иного деятеля, жившего в совершенно иную историческую эпоху, но принадлежавшего к «братским» народам или государствам, смешивались его этническое происхождение, взгляды, участие в политической борьбе, оценка им политики России, а также отношение к нему со стороны нынешних властей той или иной страны, в данном случае – Югославии. Советское историко-политическое сознание и профессиональная историография оказывались в двойственной ситуации – они опирались как на свойственное большевикам-революционерам отрицание царизма, так и на националистически-державное восхваление русской монархии и Российской империи – предшественниц со-

10 Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Юрий Крижанич. Взгляд со Старой площади (декабрь 1954 года) // Славяноведение. 2011. №2. С. 104-105.

ветской власти и СССР. И то, и другое были важнейшими элементами советского массового сознания.

Подобная двойственность и внешняя парадоксальность проявлялась и в работах советских историков, занимавшихся с начала 1950-х и вплоть до конца 1980-х гг. изучением национальных движений народов Австро-Венгрии и королевской Югославии. Если речь шла о Югославии после 1918 и, особенно, после 1945 г., негативную оценку получали, как правило, именно те стороны их деятельности, которые превозносились при изучении истории борьбы против монархии Габсбургов и Карагеоргиевичей. Применительно к XIX – началу XX в. историки должны были давать исключительно положительную оценку национальным движениям, по определению считавшимся «освободительными» и «революционными». В то же время национальные движения в странах, вошедших позднее в «социалистический лагерь», начиная с 1941, и тем более, с 1945 г. характеризовались как «буржуазно-националистические», «контрреволюционные», противостоявшие пролетарскому интернационализму и национальной политике, как ВКП(б)-КПСС, так и СКЮ.

Официальная советская наука, подчиненная идеологии, политике и пропаганде, в те годы механически переносила многочисленные высказывания и «установки» Маркса, Энгельса (за исключением статьи «Внешняя политика русского царизма») и Ленина о России на Австро-Венгрию и на другие страны. Что касается хорватского и боснийско-мусульманского национальных движений, то в Москве к ним относились с подозрением, памятуя о создании во время Второй мировой войны профашистского Независимого государства Хорватия и сотрудничества части мусульманских деятелей с оккупантами¹¹. Австро-Венгрия рассматривалась как соперник России на Балканах и угнетатель славянских народов, а Габсбурги – исключительно как «классовые враги».

Однако после почти полного дезавуирования обвинений, содержащиеся в резолюциях Коминформа 1948-1949 гг. (за исключением крестьянского вопроса и критики «прозападной» политики), Югославия более не классифицировалась как «буржуазное» и, тем более, «фашистское» государство.

¹¹ О ситуации на территории Югославии во время Второй мировой войны подробнее см.: Романенко С.А. «Неистовая, ожесточенная война за существование». Национальные движения народов Югославии 1941-1945 // Славянский альманах. 2004. М., 2005.

С этим выводом Москвы еще долго не могли смириться партийные деятели и ученые из некоторых стран Центральной и Юго-Восточной Европы, по-прежнему утверждавшие, что Югославия – «капиталистическая страна». Да и в СССР ограниченные и не отвечающие исторической реальности сталинские пропагандистские штампы оказались настолько живучими, что их рецидивы в советском общественном сознании встречались даже в 1970-е -1980-е годы!

Не могла быстро перестроиться и югославская сторона. Газетные материалы, появившиеся непосредственно после смерти Сталина, вряд ли можно назвать особо дружественными. Сараевское «Освобождение» уже 6 марта вынесло в заголовок слова американского дипломата А. Гарримана о том, что Россию «ожидает крайняя степень террора и напряженность». Комментируя прошедшие перестановки в советских «верхах», «Освобождение» оценило назначение Маленкова председателем Совета министров СССР, как его «избрание наследником Сталина». А белградская «Борба» 8 марта озаглавила свою статью о новых решениях советского руководства следующим образом: «В СССР подчеркивается роль главных опор бюрократической диктатуры – полиции и армии»¹².

Анализ ситуации в Югославии свидетельствует, что прежние характеристики советского режима как господства «бюрократического государственного аппарата над рабочим классом, над обществом», а СССР – как «государственно-капиталистического типа фашистского государства», ставшие основой для обвинений Москвы в «ревизионизме»¹³, достаточно прочно укоренились в югославском обществе.

Югославское руководство не спешило пересматривать прежние оценки причин конфликта между двумя странами, разделяя точку зрения идеолога КПЮ Э. Карделя, который еще в 1952 г. подчеркивал: «Конфликт между Советским Союзом и Югославией был... следствием различных тенденций в развитии югославской и советской внутренних систем»¹⁴. Однако конфликт был обусловлен отнюдь не различиями, а именно принципиальной однородностью систем обоих государств и сходными тенденциями в их развитии, а посте-

¹² *Oslobođenje*, 6. mart 1953; 7. mart 1953; *Борба*, 8. mart 1953.

¹³ Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 года / Публ. В.Ю. Афиани, А.Б. Едемского, А.Л. Панина, М.Ф. Кишкина-Иваненко при участии А.С. Стыкалина // Исторический архив. 1999. № 5. С. 13, 14.

¹⁴ Там же.

пенно превратившийся в антисталиниста-догматика Кардель пытался задним числом обосновать чуть ли ни имманентно присущую КПЮ «особость» представлений о пути развития¹⁵.

Отголоски былой критики действий советского руководства во внешнеполитической сфере содержала и статья югославского дипломата А. Беблера, опубликованная в югославском журнале «Международные проблемы» уже в январе 1955 г. Автор возложил на Москву основную ответственность за наиболее острую фазу «холодной войны», подчеркнул, что ныне, в новых условиях, когда «концепция необходимости демократического международного порядка в интересах мира между народами постепенно завоевывает все мировое общественное мнение», советское правительство, бывшее при Сталине «самым воинственным», «вынуждено... искать новые пути»¹⁶.

Исходя из своего мировосприятия, М. Джилас (сначала верный титовец и личный друг Йосипа Броза, а впоследствии – первый югославский диссидент) много лет спустя вспоминал: «С конца 1949 до лета 1953 года югославская партия, вернее, ее верхи были опьянены духовным освобождением от советских образцов (что тогда воспринималось как свобода вообще. – С.Р.) и учений. ...Это, без сомнения, был период интеллектуальной смелости и духовной свободы, которую Югославия, вернее, югославское коммунистическое движение, впоследствии уже не достигло».

О тесной связи политики и идеологии Тито и Сталина свидетельствует и история с преследованием Милована Джиласа. Ближайший друг и соратник Тито в октябре 1953 – январе 1954 г. выступил с критикой отхода руководства СКЮ от провозглашенных демократических реформ и использования сталинистских методов югославской партийной бюрократией (начавшегося после смерти Сталина), с идеями дальнейшей либерализации существовавшего в Югославии режима¹⁷. По мнению Джиласа, «решительный поворот в торможении демократизации, т.е. в возвращении к ленинской идеологии и “диктатуре пролетариата”, наступил на II пленуме в конце июня 1953 г. в резиденции Тито на о. Бриони»¹⁸.

¹⁵ Джилас М. Тито – мой друг и мой враг. Париж, 1982. С. 182.

¹⁶ Советско-югославские отношения... С. 12.

¹⁷ Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 346, 350.

¹⁸ Ђилас М. Пад нове класе. Повест о саморазарању комунизма. Београд, 1994. С. 141.

В опубликованных статьях Джилас, в конце 1953 г. избранный главой Скупщины (парламента) ФНРЮ, ни как официальный партийный идеолог, ни тем более как начинающий партийный «диссидент», не мог не критиковать советский социализм и сталинский режим¹⁹. Однако критика сталинизма и СССР в СКЮ и Югославии позволялась только с догматических – коммунистических – позиций в их титовско-карделевском варианте. Любопытно, что еще в сентябре 1953 г., отвечая на упреки советской стороны в «искажении» и «грубых выпадах», допущенных, в частности, Джиласом, в статье «Начало конца или конец начала»²⁰, А. Беблер заметил, что «им (югославам. – С.Р.) приходится обороняться»²¹. Иными словами, еще ранней осенью 1953 г. позиция Джиласа не вызывала отторжения у югославского руководства. Однако недогматический антисталинизм Джиласа, постепенно эволюционировавший от идеи «чистого» коммунизма к идеям «несоциалистической», как ее тогда называли, «буржуазной» демократии, не мог не встретить жесткую ответную реакцию со стороны Тито и его твердых сторонников. Всем им было важно сохранить свои посты, суть идеологии и сущность режима.

Характеризуя «случай Джиласа», известный политический деятель Сербии и историк Латинка Перович заметила в начале 1990-х годов: «Выход из противоречивой ситуации, в которой КПЮ находилась с 1948 г., Джилас для себя лично нашел в демократическом выборе. Для нас (т.е. Югославии. – С.Р.) слишком рано... В центре колебаний и политической борьбы с VI съезда СКЮ (ноябрь 1952 г., Загреб) находился вопрос о характере и роли самой партии. [Изменение названия партии] (КПЮ на Союз коммунистов Югославии, СКЮ. – С.Р.) носило символический характер, отразило и перемены ее общественной роли, перемещение центра с власти и государства на самоуправление и развитие социалистических общественных отношений. ...Сменив название, партия, (по словам Тито. – С.Р.), “...отвергла известные вредные методы, следы которых тянутся от советской (сталинской) практики”»²².

¹⁹ Ibid. С. 144-184.

²⁰ Ibid. С. 143.

²¹ Советский фактор... С. 813.

²² Perović L. Zatvaranje kruga. Ishod političkog rascjepa u SKJ 1971-1972. Sarajevo, 1991. S.

²³ Об этом также см.: Dilas M. Vlast i pobuna. Zagreb, 2009.

17 января 1954 г. на внеочередном пленуме ЦК СКЮ Джилас был обвинен в «ревизионизме», снят со всех партийных и государственных постов и 19 января сам вышел из СКЮ²³. Спустя год он получил первый «срок» – три года тюрьмы условно; формальный повод – интервью корреспонденту «Нью-Йорк Таймс», в котором критиковал замедление демократических преобразований в Югославии, начатых, по его мнению, в 1950 г., и высказался за создание оппозиционной партии²⁴.

Возвращаясь к процессу нормализации, заметим, что обе стороны понимали важное значение вопросов пропаганды и информирования общества. Особый пункт по этому вопросу содержала и Белградская декларация 1955 г., о которой в наше время написано немало²⁵. «Придавая большое значение информированию общественности для развития дружественного сотрудничества между народами и желая, чтобы общественность была точно и объективно информирована, – говорилось в документе, – оба правительства согласились относительно необходимости заключения конвенции об информационной службе в духе решений ООН и на основе взаимности с точки зрения положения и привилегий органов этой службы на территории каждой договаривающейся страны». Однако эти красивые слова так никогда и не были воплощены на практике. Многие годы, практически вплоть до распада двух государств, информация с обеих сторон отсутствовала, а в основном велась лишь контрпропаганда.

«Пропагандистские машины» обеих партий во многом продолжали работать по инерции. Особый обзор советской печати, подготовленный югославским посольством в Москве за период с 14 мая по 3 июня 1955 г., начинался

²³ Некоторые документы об «осуждении» М. Джиласа см.: *Luburić R.* Op. cit. S. 235–271; *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija. 1918–1984. Zbirka dokumenata. Beograd, 1985. S. 883–899.

²⁴ *Билас М.* Указ. соч. С. 335.

²⁵ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Едемский А.Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008; *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011.

с признания того, что с момента обнародования информации о предстоящем визите советской делегации «печать активнее следила за событиями в связи с Югославией». Авторы обзора в то же время критически констатировали, что материалы посвящены почти исключительно внешнеполитическим проблемам, в то время как информацию о внутренней жизни Югославии советская печать по-прежнему «сообщает редко, ограничиваясь констатацией фактов». Работа югославских наблюдателей была очевидной. «Правда» от 17 мая перепечатала отрывки из речи президента Тито, который говорил о независимой политике Югославии, а в передовой статье от 18 мая подчеркивалось, что нарушение хороших отношений между Югославией и СССР играет на руку только врагам мира, выражался оптимизм относительно предстоящих переговоров, которые пойдут на пользу общему смягчению международной напряженности. Хотя большую часть информации публиковал партийный официоз «Правда», некоторые другие газеты, например «Известия» и «Комсомольская правда», также были подключены к «разъяснительной работе». Начали цитироваться статьи из югославской прессы относительно предстоявших переговоров, что совсем недавно трудно было даже представить.

В июле 1955 г. Хрущеву и его сторонникам удалось одержать важную победу в вопросе о нормализации. Это открыло дорогу и к XX съезду КПСС, и к ответному визиту югославской делегации в Москву, закончившемуся подписанием Московской декларации²⁶.

Большие психологические сложности возникли тогда перед теми деятелями советского «истеблишмента», кто честно и искренне пытались разобраться в произошедшем и преодолеть прошлое. Об этом убедительно написал известный советский писатель К.М. Симонов, занимавший в конце 1940-х – начале 1950-х гг. значимые официально–партийные и литературные посты²⁷.

О сложностях в налаживании контактов между советской и югославской сторонами не только в партийно-государственной, но и культурной области

²⁶ Гиренко Ю.С. Сталин и Тито. М., 1991. С. 403–404. Интересно, что в полное издание «Воспоминаний» Н.С. Хрущева в качестве приложения вошла Белградская декларация, касавшаяся нормализации межгосударственных отношений и подписанная Н.А. Булганиным, а не Московской, предусматривавшая восстановление межпартийных связей и подписанная самим Хрущевым.

²⁷ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 174–175.

свидетельствует документ, направленный в мае 1955 г. в ЦК КПСС Союзом писателей (СП) СССР. Хотя справка готовилась к визиту Тито в СССР, приведенные в ней характеристики наиболее видных югославских литераторов отразили подходы и «дух» 1948-1953 гг.²⁸

Автор справки – консультант Иностранной комиссии СП СССР И.М. Литвакова дала краткую оценку положения в Югославии и ситуации в писательских кругах. «1948 год являлся переломным не только в политике, экономике, культуре страны в целом, но и в литературной направленности, общественном и творческом проявлении каждого писателя в отдельности», – писала Литвакова. Одним из главных критериев оценки югославских писателей было их «поведение» во время Второй мировой войны и Народно-освободительной борьбы. «С 1941 по 1944 г. писательская общественность Югославии разделилась на три группы. К первой группе следовало бы отнести людей различных убеждений, не пожелавших терпеть ига германского фашизма и присоединившихся к борьбе народа, к партизанам; среди них находились писатели – старые члены партии, просто люди демократических убеждений, были здесь также люди, считавшие единственной целью в настоящий момент – свергнуть немцев, буржуазно-националистически настроенные. В общем, это были писатели разных политических и художественных направлений, выступившие единым фронтом против общего национального врага». Литвакова продолжала: «Вторая группа (среди них наиболее крупные имена в югославской литературе) – писатели, остававшиеся на не освобожденной территории, не участвовавшие в борьбе народа, но вместе с тем воздержавшиеся от сотрудничества с немцами и квислинговским правительством. Эти писатели в период войны почти не печатались или уходили в своем творчестве глубже в историю, в интимные переживания своих героев, избегая современной тематики. И, наконец, третья группа (самая маленькая) – это писатели, открыто сотрудничавшие с немцами».

Имелись, однако, и другие примеры, свидетельствовавшие о зарождении новых подходов к информированию общества о событиях в некогда безого-

²⁸ Текст документа Союза писателей СССР на русском языке опубликован в: Југословенска књижевна сцена четрдесетих и педесетих година XX века (совјетска специјалистичка анализа) // Годишњак за друштвену историју. Beograd, 2003. № 1/3. С. 236-251.

ворочно братской стране. В массовом, рассчитанном на пропагандистские кадры журнале «Партийная жизнь» под рубрикой «В помощь пропагандисту и агитатору» была помещена обширная справка «Федеративная Народная Республика Югославия», в которой полностью отсутствовали пропагандистские штампы и содержался значительный, в основном абсолютно новый, материал об этой стране²⁹.

Несомненным важным шагом навстречу позиции Тито и СКЮ стал ныне широко известный и доступный любому читателю, а тогда закрытый и не опубликованный в СССР доклад Хрущева перед делегатами XX съезда КПСС «О культе личности Сталина и его последствиях» 25 февраля 1956 г. Советский руководитель, уже не колеблясь, перенес всю ответственность за советско-югославский конфликт лично на Сталина³⁰.

«Зарубежные вражеские станции и радио Белграда начали дословно передавать текст доклада», – вспоминал венгерский лидер М. Ракоши³¹. Однако это были передачи иновещания, рассчитанные не на югославского, а на советского слушателя. 27 февраля с текстом доклада были ознакомлены руководители некоторых коммунистических партий, находившиеся в Москве. Хотя СКЮ официально отказался направить свою делегацию на XX съезд, Тито прислал в его адрес теплое приветственное письмо³². В справке «Об отношении к решениям XX съезда КПСС в Югославии», направленной посольством СССР в Белграде 19 мая 1956 г. в Москву, отмечалось, что «широкому освещению в Югославии работы XX съезда КПСС в значительной мере содействовало приветственное письмо товарища Тито, направленное съезду»³³.

8 марта 1956 г. Хрущев направил Тито два экземпляра своего доклада на XX съезде³⁴. Но невозможно было не заметить, что, покончив с культом Сталина, югославы успешно взрастили у себя – в иных формах и размерах – культ

²⁹ Партийная жизнь. 1955. № 16. С. 45.

³⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 154.

³¹ «Людам свойственно ошибаться» // Исторический архив. 1999. № 1. С. 15.

³² Štrbac Č. Jugoslavija i odnosi između socijalističkih zemalja. Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd, 1984. S. 442.

³³ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы // Отв. ред. К. Аймермахер. М., 2002. С. 696.

³⁴ Там же. С. 28.

Тито. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением российского исследователя, что «единственной социалистической страной, не испытывавшей каких-либо проблем при ознакомлении с докладом Хрущева, была Югославия»³⁵. Не случайно полный текст доклада увидел свет в Югославии только в 1970 г. в Загребе, в период «Хорватской весны», а в СССР – еще позднее, во время «перестройки», в 1989 г.³⁶

Л. Перович так объясняет этот феномен: «Возможно, в Чехословакии и Венгрии и могут остановиться на осуждении Сталина, а тем более своих “чеходанных” вождей. Но в России, Китае, Югославии, Албании, т.е. там, где произошли народные революции, осуждение вождей ничего не решает. Надо изменить условия, которые сделали возможным их [появление]»³⁷.

Югославская печать уделяла XX съезду КПСС очень большое и благожелательное внимание. Центральное место, естественно, занимал «секретный» доклад Хрущева. Вот заголовки некоторых материалов, опубликованных на первой полосе «Борбы»: «У наших народов и югославских коммунистов есть причины приветствовать решения съезда КПСС как вклад в дело мира и развитие социализма», «Хрущев на XX съезде выступил с докладом о Сталине, о последствиях его правления для КПСС, СССР и международного рабочего движения», «В СССР широко разъясняют отрицательные последствия правления Сталина», «Советский народ чувствует большое облегчение», «Ликвидация сталинизма», «Советские граждане удовлетворены осуждением политики Сталина», «Вероятно, будут пересмотрены учебники истории»³⁸.

В информации, переданной «не позднее 18 марта 1956 г.» корреспондентом «Правды» в ФНРЮ В.В. Платковским главному редактору советского официоза Д.Т. Шепилову, говорилось о том, что в югославской центральной и республиканской печати («Борба», «Политика», «Освобождение», «Весник», «Нова Македония», «Приморски дневник» — Триест) появились разнообразные по объему и направленности материалы о съезде. В центре внимания была

³⁵ Прокуменичиков М.Ю. «Секретный» доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и международное коммунистическое движение // Доклад Н.С. Хрущева... С. 28.

³⁶ См.: Tajni referat N.S. Hruščova. Zagreb, 1970; Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

³⁷ Perović L. Op. cit. S. 12.

³⁸ См.: Борба. 3, 19, 20, 21, 22 марта 1956 г. В СССР вместо текста доклада была издана пропагандистская брошюра «К вопросу о культе личности». М., 1956.

«тема борьбы против культа личности, которая подавалась как тема борьбы против Сталина и сталинской политики», а также темы «коллективного руководства», «мирного сосуществования», «разнообразия форм перехода различных стран к социализму». Во многих газетах «подбирались, прежде всего, критические места из речей делегатов». При этом югославские журналисты в частных беседах с советским корреспондентом подчеркивали, что, хотя посол Югославии присутствовал на съезде, югославские журналисты на съезд допущены не были, в отличие от своих коллег из других стран. Это справедливо рассматривалось в Белграде «как выражение недоверия». Корреспондент отмечал, что тон югославских газет значительно «изменился к лучшему после опубликования здесь текста приветственного письма тов. Тито XX съезду КПСС». Самую высокую оценку советского журналиста получила передовая статья Йоже Смоле, опубликованная 26 февраля. Резко отрицательно Платковский отозвался лишь о карикатуре на Сталина в том же номере «Борбы» и о статье сына «известного [Сретена] Жуйовича» – З. Жуйовича в «Политике» от 27 февраля. З. Жуйович, по информации Платковского, после того как он с «тов. Козиным» негативно отреагировали на эту статью в беседе с югославскими коллегами, «на следующий день звонил и буквально извинялся за свою статью». Директор «Борбы» Сарайчич сообщил, что его издательство «в ближайшие дни выпустит брошюру большого формата, объемом 180 страниц, в которой будут полностью помещены отчетный (не закрытый! – С.Р.) доклад Хрущева и резолюции съезда». И этот сборник, по информации посла СССР в ФНРЮ Н.П. Фирюбина, действительно, вышел³⁹.

В справке посольства СССР в Белграде от 19 мая 1956 г. подчеркивался «огромный интерес в Югославии к XX съезду КПСС». Посол отметил роль приветствия Тито XX съезду, в котором «впервые после нормализации советско-югославских отношений официально признавался социалистический характер советского государства». Далее, в частности, цитировались статьи обозревателя «Политики» Ю. Густинича о «включении СССР в мирное экономическое соревнование», внешнеполитического редактора агентства «Югопресс» об обсуждении на съезде вопроса о формах перехода различных стран к социализму, о принципе коллективного руководства.

³⁹ Доклад Н.С. Хрущева... С. 626-628, 699.

Главное внимание авторы «Справки» уделили выступлению Э. Карделя на районной конференции СКЮ в г. Нови Сад 29 февраля. Содержавшаяся в нем оценка XX съезда была, по-видимому, основана, главным образом, на материалах открытой части съезда и на отрывочных и неполных сообщениях из Москвы о «секретном» докладе. Кардель заявил, что «съезд своими концепциями создал гораздо более благоприятные условия для восстановления контактов и равноправного демократического сотрудничества между различными социалистическими прогрессивными движениями в мире, чем, безусловно, сделал важный шаг вперед в преодолении субъективных и объективных причин [возникновения] известных явлений идейного и политического застоя, характерных для международного рабочего движения последних десятилетий. С этой точки зрения, говорил Кардель, очень важно новое четкое подтверждение тезиса Маркса и Ленина о различных путях к социализму». В заключение своей речи Кардель подчеркнул, что «сейчас мы с полным убеждением можем сказать, что у народов Югославии вообще, а югославских коммунистов в особенности, есть причины приветствовать результаты съезда – и как вклад в дело мира, и как вклад в дело дальнейшего развития социализма, и как вклад в лучшее понимание и дружеское сотрудничество между народами и силами социализма Югославии и Советского Союза». Доклад Хрущева был высоко оценен югославским руководством. Кардель во время обсуждения заявил, что «надо удивляться политической смелости и силе советского лидера, тому, что он уже осмелился сказать о Сталине»⁴⁰.

Однако посол и его сотрудники не проинформировали московское руководство о еще одном принципиальном пассаже Карделя: «Сегодня сталинистские силы и в Советском Союзе отодвинуты в сторону. ...Об этом свидетельствует и нынешняя критика культа личности в СССР. А культ личности, в самом деле, – это не что иное, как название политической формы, созданной сталинской эрой, это выражение бюрократизма»⁴¹.

⁴⁰ Аникеев А.С. Указ. соч. С. 271.

⁴¹ Ср.: Štrbac Č. Jugoslavija i odnosi između socijalističkih zemalja. S. 445–447. Русский перевод см.: Доклад Н.С. Хрущева... С. 695–699. О степени важности этого материала для Кремля, свидетельствует помета на документе: «Разослать членам Президиума ЦК КПСС, кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС, А.А. Громыко (в тот момент – первый заместитель министра иностранных дел СССР. – С.Р.). 02.06.1956 г.»

Опубликовав в «Борбе» изложение «секретного» доклада, югославское руководство начало борьбу против тех, кто, по его мнению, были не полностью согласны с линией XX съезда. «В эти месяцы среди европейских коммунистов самым влиятельным и авторитетным человеком после Хрущева стал Тито, который с гордостью заявлял, что история подтвердила его правоту, а не Сталина, и который без колебаний использовал свою популярность и влияние в собственных целях», – с нескрываемой завистью писал твердый последователь Сталина Ракоши⁴². В обеих странах власти опасались как «полной правды», так и естественного и неизбежного сопоставления обществом двух режимов, сопоставления, которое наводило бы на серьезные размышления, могло бросить тень на «свой» режим и «своего» вождя.

Большую роль в развитии нормализации сыграл и ответный визит югославской делегации во главе с Тито в Москву летом 1956 г. Руководству обеих партий в этот период пришлось вести жесткую борьбу с оппозиционно настроенными по отношению к их курсу деятелями. Хрущеву противостояли убежденные сталинисты. Недаром в день прибытия югославской делегации В.М. Молотов на посту министра иностранных дел был заменен более молодым и «современным» Д.Т. Шепиловым⁴³. 22–23 июня 1956 г. в Москве состоялась негласная встреча руководителей европейских стран народной демократии. На ней присутствовали и представители Югославии⁴⁴. По сути дела, это был не только их дебют после 1948 г. на такого рода заседаниях, но и дебют Хрущева, стремившегося публично показать и доказать, в том числе и партийному аппарату, возможность нормального сотрудничества с теми, кого еще совсем недавно дружно предавали партийной анафеме. Как подчеркивал в воспоминаниях посол Югославии в СССР В. Мичунович, «русские ясно дали понять, что та декларация, которую они подписали с Тито, не имеет значения по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран [социалистического] лагеря»⁴⁵.

⁴² «Людам свойственно ошибаться»... С. 18, 57–58.

⁴³ Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001. С. 392.

⁴⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления 1954–1958 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. М., 2006. С. 54, 910.

⁴⁵ Mićunović V. Moskovske godine. 1956.–1958. Zagreb, 1977. S. 93.

Непростая обстановка сложилась и в югославских «верхах». Если Хрущеву приходилось на пути к примирению преодолевать сопротивление догматиков-сталинистов, то Тито противостояли догматики-титоисты, выступавшие в роли антисталинистов. Наибольшую активность проявлял Кардель. Если верить недавно опубликованным дневниковым записям А. Ранковича, то ситуация была исключительно напряженной. «Тито решительно заявил: “Дело дошло до того, что я вынужден выйти из руководства. Я или Кардель. Больше так не будет. Один из нас должен отступить, если мы не согласны по основным вопросам нашей внешней и внутренней политики”. Далее Тито говорил о том, что Кардель постоянно дезавуирует его во время всех переговоров с русскими, как в нашей стране, так и в Москве». Ранкович признал, что «у Карделя вызывало необоснованный страх наше кажущееся быстрым сближение с Советским Союзом и политикой его руководства»⁴⁶.

Незадолго до ответного визита Тито, в конце марта 1956 г., в Москву прибыл новый югославский посол В. Мичунович, автор все еще не переведенных на русский язык мемуаров «Московские годы, 1956-1958» – ценнейшего источника по истории СССР и двусторонних отношений.

Воспоминания Мичуновича свидетельствуют, сколь трудным было восстановление нормальных отношений на политическом, личностном и даже бытовом уровне. «Наше передвижение ограничено 35-40 километрами от Москвы. На всех шоссе по границе этой зоны выставлены полицейские посты. Эта система была введена давно, еще в первые годы правления Сталина, с течением времени усовершенствовалась и прекрасно действует и сейчас. Мы можем передвигаться в диаметре около десяти километров – квартира, посольство, советские учреждения. Советские же дипломаты могут свободно ездить по всей Югославии», – отмечал посол^{47 48*}.

⁴⁶ Ранковић А. Дневничке забелешке. Београд: Југословенска књига, 2001. С. 126, 127. Некоторые исследователи высказывают сомнение в аутентичности записей А. Ранковича. Но в данном случае для нас важно то, что психологическая атмосфера передана вполне правдоподобно.

⁴⁷ Mićunović V. Op. cit. S. 128-129.

⁴⁸ * Мичунович неточен в своей констатации: югославское правительство также ввело ограничения в передвижении по стране для персонала посольства СССР в Белграде, уведомив об этом советскую сторону нотой от 1 декабря 1951 г. Об этом сообщил А.А. Громыко И.В. Сталину в записке от 7 января 1952 г. (Восточная Европа в доку-

О наступивших переменах свидетельствовал тот факт, что советская сторона 22 июня 1953 г. дала разрешение на относительно свободное передвижение югославских дипломатов по советской территории, за исключением отдельных пунктов и мест. Югославы сделали ответный шаг: Секретариат по иностранным делам ФНРЮ 18 июля 1953 г. уведомил посольство СССР о том, что его сотрудникам разрешается свободное перемещение по всей территории Югославии⁴⁹.

13 июля 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «Информация об итогах советско-югославских переговоров, состоявшихся в июне 1956 года». Предназначенное в первую очередь обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик, оно в виде письма было разослано и низовым партийным организациям. (Ранее, во время рабочего совещания руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран Европы в Москве 22-23 июня 1956 г., среди его участников распространялась для ознакомления «Информация о переговорах между делегациями СССР и ФНРЮ»).

В письме говорилось о компромиссном со стороны КПСС характере Московской декларации, подчеркивался факт разногласий с югославской стороной, отказавшейся заявить об идеологическом единстве с КПСС на основе марксизма-ленинизма и принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Письмо, «подлежавшее уничтожению в течение месяца после получения в республиканских, областных, городских и районных комитетах КПСС», было написано именно для прояснения «идеологических вопросов и вопросов межпартийных отношений»⁵⁰. Сам по себе факт рассылки такого письма показателен: он свидетельствует о переменах в идеологии и психологии советского руководства и о тех трудностях и внутренних противоречиях, с которыми сталкивалась политика Хрущева.

ментах российских архивов. 1944-1953 гг. / Отв. ред. г.П. Мурашко/ Т. 2. 1949-1953. М., 1998. С. 669-670). (Прим. ред.)

⁴⁹ Luburić R. Op. cit. S. 164-165.

⁵⁰ Mićunović V. Op. cit. S. 129-130; Молотов. Маленков. Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н. Ковалева, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачев, А. Степанов. М., 1998. С. 748. К сказанному можно добавить, что на пленуме ЦК КПСС в июне 1957 г. Ф.Р. Козлов грубо отозвался о Тито: «Он никакой не ленинец». Хрущев моментально откликнулся: «И сейчас мы не можем назвать его ленинцем» (Там же. С. 204).

Мичунович замечал, что «к нам (в посольство. – С.Р.) с разных сторон поступает информация, что секретное письмо только усилило смятение в КПСС, что оно еще больше деморализовало и обескуражило членов КПСС, даже те советские слои, которые умеют читать между строк»⁵¹. И действительно, письмо отражало непоследовательность советской не только внешней, но и внутренней политики. Кремлевскую «оттепель» прихватили первые «заморозки».

Довольно забавными выглядят жалобы Мичуновича на те трудности, с которыми столкнулось посольство в получении текста письма. Первоначально о нем стало известно от иностранных коммунистов и «немногих русских». Словно забыв обвинения руководства КПЮ в адрес советских спецслужб в 1948 г., справедливость которых была признана Хрущевым, посол сетовал на то, что «в связи с решением Белграда, после советско-югославской нормализации у Югославии в СССР и других странах социалистического лагеря нет никакой разведывательной службы». Заметим, что точно так же на основе взаимности поступила и советская сторона, прекратив разведывательные мероприятия на югославском направлении⁵².

В конце концов, после острых дебатов Хрущева и Мичуновича вокруг событий в Венгрии югославскому посольству в ноябре 1956 г. был официально направлен экземпляр письма. К этому моменту, однако, югославы добились искомый документ и по своим каналам, что посол не счел нужным скрыть от Первого секретаря. Тот, в свою очередь, заявил, что знает об этом. «Сегодня трудно вести тайную переписку, поэтому они знают о письмах, которые мы считали секретными», – заметил посол в своем личном, секретном даже от «своих», дневнике⁵³.

31 августа 1956 г. «Правда» опубликовала статью о суде в Белграде над двумя «информбюровцами», который мог рассматриваться как отголосок «процессов 1949-1952 гг. Мичунович назвал обвиняемых «дезертирами-эмигрантами, вставшими на службу агрессивной политики Сталина против Югославии». Статья не осталась незамеченной и оказала отрицательное воздейс-

⁵¹ См.: *Mičunović V.* Op. cit. S. 130.

⁵² Ibid. S. 129.

⁵³ Ibid. S. 191.

твие на рядовых советских людей, для которых тогда слово «Правды» было равнозначно истине в последней инстанции. Характерные высказывания советских граждан по этому поводу: «Мы так ждали Тито, а он осудил коммунистов на каторгу», «Суд над друзьями СССР в Югославии – это доказательство неискренности югославов по отношению к СССР», «Джилас свободно разгуливает по Югославии, получает высокую государственную пенсию, а друзей СССР Тито шлет на каторгу»⁵⁴. Приведя в дневнике эти высказывания, Мичунович вместе с тем констатировал разницу между читателями и «читателями», «проговаривающими» у газетных стендов лозунги, соответствующие настроениям советских властей или тех их представителей, кому была не по душе нормализация.

23 октября 1956 г. началось восстание в Венгрии. А 30 октября правительство СССР выступило с Декларацией «Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы между СССР и другими социалистическими странами».

Отрицательно сказала на советско-югославском диалоге речь, произнесенная Тито 11 ноября 1956 г. на партактиве в г. Пула. События в Венгрии он тесно связал с конфликтом 1948 г., «когда Югославия первой оказала энергичное сопротивление Сталину и заявила, что хочет быть независимой, что хочет строить свою жизнь и социализм в специфических условиях своей страны и никому не позволит вмешиваться во внутренние дела»⁵⁵. Естественно, столь однозначный возврат к риторике недавнего прошлого и подчеркнутый отказ от предложенного Хрущевым принципа примирения и нормализации по принципу «кто прошлое помянет – тому глаз вон», первоначально вроде бы принятый Тито («руководители восточных стран выразили желание не упоминать больше о том, что делалось в отношении нас, забыть то, что было»), не мог не оскорбить советское руководство. Хрущев принял на свой счет слова о «закосневших сталинистских элементах, которым в разных партиях все еще удалось сохранить свои позиции и которые вновь хотели бы укрепить свою власть». Кроме того, ему из тактических соображений было в тот момент совершенно невыгодно деление в ЦК на «антисталинистов» и «сталинистов». Как и

⁵⁴ Ibid. S. 128.

⁵⁵ *Broz Tito J.* Govor pred aktivom komunista Istre. Pula, 11. novembra 1956 // *Broz Tito J.* Jugoslovenska revolucija i socijalizam. T. II. Zagreb, 1982. S. 47-48.

Тито, он подчеркивал «единство» позиции всех членов руководства КПСС, что было незыблемым принципом политики коммунистов: обе партии были построены на принципах резолюции «О единстве партии», принятой X съездом РКП(б) 8-16 марта 1921 г.

Тито заявил, что, когда он высказал свою точку зрения «советским товарищам», то в ответ услышал заверение, что «советские войска уйдут». «Сейчас Советский Союз находится в тяжелой ситуации, – говорил он. – Они поняли, что в Венгрии борются не только хортисты, но и рабочие с фабрик и заводов, что воюет народ. Советские солдаты идут неохотно и с тяжелым сердцем. Вот в чем трагедия»⁵⁶. «Это наша общая трагедия, поскольку социализму нанесен страшный удар. Он скомпрометирован», – продолжал Тито, после чего решился на обобщение, подключив к венгерским и польским сюжетам: «Процесс начался в 1948 году в Югославии, а сейчас получил продолжение в Польше»; «это произошло бы, даже если бы Сталин не умер». Этого посягательства на «свою территорию» и попыток «югославов» доказать собственную правоту применительно не только к Польше, Венгрии, но и к самому СССР Москва так и не смогла простить⁵⁷.

Нельзя сказать, что Тито не предвидел возможных последствий своей речи и ее влияния на советско-югославские отношения. Недаром в самой Югославии она была опубликована только неделю спустя⁵⁸. Кроме того, раздражение Хрущева да и всего советского руководства вызвали названия отдельных частей речи – «Новая клевета на Югославию», «Польское ядро взяло дело в свои руки», «Маневры сталинистских элементов», «Громадное большинство партии восстало против клики Ракоши», «События в Венгрии окажут позитивное воздействие» и т.д. (В последующих, книжных изданиях она публиковалась как единый текст, без подзаголовков). Посол Мичунович даже сомневался в том, сможет ли он в Москве получить газеты с этой речью. «Если русские не задержат, получим речь послезавтра», – записал он в своем дневнике. Для

⁵⁶ Ibid. S. 56.

⁵⁷ Broz Tito J. Op. cit. S. 57, 60.

⁵⁸ Политика, 16. новембра 1956; Oslobođenje, 16. novembra 1956; Vjesnik, 16. listopada 1956. Перевод текста этой речи не был включен ни в один из двух сборников статей и речей Й. Броза Тито, изданных в СССР, не переведена она на русский язык и до сих пор.

личного недовольства Хрущева было несколько мотивов. Из содержания речи он понял, что посол сообщал в Белград многое из того, о чем откровенно говорилось Мичуновичу в их довольно частых частных беседах. Именно поэтому для дипломатов западных стран речь Тито стала источником информации о ситуации в СССР⁵⁹.

Но были и иные причины для раздражения. Во время «острого разговора» в польском посольстве Хрущев посетовал на то, что «товарищ Тито критиковал СССР» и назвал русских «сталинистами». Этот термин он принял на свой счет как «личное и несправедливое оскорбление». Объективно выходило, что «антисталинисты» – если не союзники, то единомышленники Тито, что невольно подтверждало его правоту и политические претензии. Это было воспринято как новая попытка соперничества с Москвой в Центральной и Юго-Восточной Европе и в коммунистическом движении, хотя слова Тито можно было бы истолковать как поддержку Хрущева в его борьбе как раз с теми людьми, которые «и сейчас занимают сталинистские позиции»⁶⁰. Проявилась непоследовательность и половинчатость позиции Хрущева; в Москве по-прежнему делили югославских руководителей на «про-советских» и «антисоветских».

А кроме того, во внутренней борьбе в ЦК КПСС Тито не был для советского руководителя желанным и удобным союзником.

Как раз в ноябре 1956 г. в Югославии находилась делегация советских комсомольцев во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастным. Как он вспоминал позднее, «во время беседы я не сдержался и спросил прямо: “товарищ Тито, как понимать то, что ваши газеты освещают венгерские события как бы со стороны и не высказывают своего мнения о происходящем, не говоря уже об оценке ситуации со стороны коммунистов?” Ответ Тито был неожиданным для нас: “Наши газеты не являются органами СКЮ. Да, Союз коммунистов является их издателем, однако журналисты вовсе не обязаны смотреть на вещи под тем же углом зрения, что и ЦК. Они и их главные редакторы имеют свои подходы и свои оценки. ...Только

⁵⁹ Mićunović V. Op. cit. S. 184.

⁶⁰ Broz Tito J. Op. cit. S. 48-50. Непримиримый противник Тито Ракоши также отмечал, что «дух», сформировавшийся во времена правления Сталина, «продолжал жить и при Хрущеве» («Людям свойственно ошибаться... С. 120).

от умения и ответственности вождя зависит, насколько он в состоянии успокоить массы»⁶¹.

Речь Тито была передана в «Правде» за 19 ноября в тенденциозном изложении, а 23 ноября 1956 г. там же была опубликована редакционная статья «За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов». Ей придавалось столь важное значение, что она вышла и отдельной брошюрой тиражом в 200 000 экз.⁶² В нем содержалась как критика политики Ракоши и Герё, так и значительной части выступления Тито в Пуле. В то же время в статье говорилось и о том, что «в Югославии также имеются своеобразные формы социалистического строительства, испытываются на практике новые методы и приемы управления и хозяйствования». Говорилось даже о том, что «теперь ясны некоторые положительные стороны такой формы», как рабочие советы. Однако политика сотрудничества с США, а также отказ от возвращения в «социалистический лагерь» были подвергнуты критике.

Югославская сторона не замедлила с ответом. В трех номерах «Борбы», да и в других центральных газетах были опубликованы материалы ТАСС о речи Тито в Пуле (в нем приводился текст статьи в «Правде»), «Речь Тито в интерпретации ТАСС», «По поводу статьи в московской “Правде”»⁶³.

29 ноября на официальном приеме по случаю Дня Республики советский посол Н.П. Фирюбин встретился с Тито и Ранковичем. Однако разговор их был отнюдь не праздничным. Согласно информации Фирюбина, защищаясь от обвинений со стороны КПСС, Тито заявил: «Я допускаю, что некоторые положения, которые были изложены в моем докладе, неправильно поняты вашими товарищами из ЦК КПСС. Я считаю, что это, главным образом, следствие того, что одно и то же слово на сербском и на русском языках имеет, по-видимому, разное значение.... Мы не понимаем, почему газета “Правда” – орган ЦК КПСС – так остро отреагировала на мое выступление. Я думаю, что мы можем критиковать друг друга открыто, и это очень полезно. Это несколько не ослабляет нас, а, наоборот, укрепляет». Выступил югославский лидер и против сохранившейся со сталинских времен в советской печати анонимной

⁶¹ Семичастный В.Е. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 90-91.

⁶² За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов. Редакционная статья газеты «Правда». М., 1956.

⁶³ Борба 20, 21, 27 ноября 1956 и др.

критики: «Если бы статья “Правды” была подписана одним из членов Президиума ЦК КПСС, я, несомненно, ответил бы в печати на эту статью за своей подписью. Нас обижает, сказал Тито, то, что нам не верит ваш Центральный Комитет КПСС».

Любопытно, что, по мнению югославской стороны, сохранялась известная преемственность в методах ведения полемики, начатой еще в 1948 г.: «Люди, хочешь не хочешь, сделают вывод о том, что в отношении Югославии началась кампания, аналогичная кампании 1948 года в сталинский период, и что ее (т.е. Югославию) таким образом хотят вновь изолировать от социалистического мира. Вы, может быть, скажете, что это неточно и такие формулировки преувеличены, но мы должны сказать, что так смотрят у нас не только члены Союза коммунистов, но и обычные (простые) люди», – подчеркнул Тито⁶⁴.

Для обеих сторон события в Венгрии были «пробой сил». Российский исследователь Ар.А. Улуян считает, что отношения «вновь перешли в плоскость конфронтации»⁶⁵. В декабре 1956 г. состоялся новый виток секретной переписки между ЦК КПСС и ЦК СКЮ. Как и в 1948-1949 гг., письма сторон содержали в себе тесно переплетавшуюся геополитическую и идеологическую аргументацию, однако их язык был все же иным. Иными были и авторы, и адресаты. Поэтому продолжения печально известного антиюгославского и антититовского произведения – «Югославской трагедии» Ореста Мальцева не понадобилось. Более того, роман, изданный небывальными тиражами (на протяжении 1951-1953 гг. – свыше десяти изданий в разных городах; только в популярной серии «Роман-газета» тираж составил 500 тыс. экз.), был запрещен Главлитом 3 июня 1955 г. и был «возвращен к читателю» в 1992 г. после отмены цензуры в России. В то же время в 1956-1958 гг. в открытые фонды библиотек были возвращены книги, запрещенные в 1949-1950 гг. по «югославскому списку» Главлита⁶⁶. Од-

⁶⁴ Советский Союз и венгерский кризис. М., 1998. С. 706-709.

⁶⁵ Улуян Ар.А. Старая площадь и «единая Восточная Европа» в 50-90-е годы. Советская коммунистическая доктрина и геополитика // История европейской интеграции (1945-1994). М., 1995. С. 207-208.

⁶⁶ Влияние конфликта Сталина и Тито на советскую литературу, шире – культуру, тема важная, но еще не исследованная. В данном случае заметим лишь, что особым приказом Главлита («югославский список») в 1949-1950 гг. были запрещены все издания книг К. Симонова – «Славянская дружба» (1945) и «Югославская тетрадь» (1945) и «От нашего военного корреспондента: Рассказы» (1948), Н.

нако в первую очередь возвращались «проверенные» в идеологическом отношении издания, вина авторов которых заключалась лишь в том, что они упоминали о Тито, его соратниках и социалистической революции в Югославии. Никакой «ереси», вроде произведений М. Крлежи 1920-х – 1930-х гг., или статей Джиласа, советский читатель получить не мог.

Речь Тито в Пуле стала своего рода «идеологическим пугалом» в процессе отката от политики десталинизации в СССР под влиянием венгерского кризиса и в этом своем качестве отразилась на судьбе некоторых советских интеллигентов. Например, авторы записки Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР «О серьезных недостатках в местных литературно-художественных журналах, альманахах и сборниках Российской Федерации» от 19 декабря 1956 г. (вряд ли было случайностью, что записка появилась в тот же день, что и письмо ЦК КПСС к партийным организациям «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» ознаменовавшее свертывание политики критики Сталина⁶⁷) пришли к выводу, что слова критика Фиха по поводу романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» «перекликаются с выступлением Тито в Пуле»⁶⁸. Этот вывод самым негативным образом отразился на судьбах не только критика, но и писателя, и без того подвергавшегося нападкам⁶⁹.

Особое внимание к творческой интеллигенции после венгерских событий понятно, поскольку именно национальная «писательская оппозиция» сыграла роль катализатора общего недовольства, активно вырабатывала общенаци-

Тихонова – «Стихи о Югославии» (1947) и «Югославская тетрадь» (все издания), И. Эренбурга «Дороги Европы» (1946) с очерком о Югославии, Л. Кассила и С. Михалкова «Европа – слева!» (1947), С. Михалкова «Война на войне», С. Борзенко «Утоление жажды» (1949), Г. Брянцева «Тайные тропы» (все издания) и др. Причина – «прославление Тито и его приспешников, подвигов югославских партизан в период Второй мировой войны и борьбы с фашизмом» и т.п.
<http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/blium/ilp/?id=399,429>

⁶⁷ Доклад Н.С. Хрущева... С. 393-401, 598, 600.

⁶⁸ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953-1957. Документы. М., 2001. С. 589.

⁶⁹ Например, см.: Записка отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди части писателей» от 1 декабря 1956 г. // История советской политической цензуры. М., 1997. С. 122-123. К сожалению, составители данного сборника не коснулись проблем цензуры внешнеполитической информации.

ональную платформу обретения демократических свобод и независимости страны. В Москве были хорошо известны «стремление [некоторых писателей] “освободиться” от всякого влияния партии и государства на развитие искусства», защита ими «свободы творчества», которая характеризовалась идеологами КПСС как проявление «буржуазно-анархического, индивидуалистического духа»⁷⁰. Об этом свидетельствовало и активное применение в СССР в конце 1956-1957 гг. пресловутой статьи 58.10 Уголовного кодекса РСФСР – за выражение сочувствия восставшим или за критику политики СССР во время венгерского кризиса⁷¹. Возвращая читателю официозные издания первых послевоенных лет с упоминанием имени Тито и Югославии, о чем говорилось выше, власть, тем не менее, не могла допустить свободы творчества и свободомыслия в собственной стране, как и проникновения их в югославском варианте.

Невозможно не упомянуть столь значительное для югославо-советских отношений явление, как относительно массовая реабилитация югославских коммунистов, ставших жертвами репрессий конца 1930-х гг. В 1956-1964 гг. были реабилитированы руководители КПЮ – Дж. Цвийич, М. Горкич, С. Маркович, Ф. Филиппович и др., а также многие югославы, работавшие в советских учреждениях⁷². Заметим, что Тито, много говорившему о жертвах «сталинских чисток» в СССР, даже в голову не пришла мысль о реабилитации жертв репрессий в собственной стране, как в 1945-1948 гг., так и связанных непосредственно с советско-югославским конфликтом. Отказ от реабилитации был составной частью титовских «заморозков», которые ударили одновременно с хрущевской «оттепелью».

Отношение к Югославии по-прежнему было «разменной монетой» и орудием во внутривластной борьбе в советском руководстве (точно так же, как и отношение к СССР – в югославском). 22-29 июня 1957 г. на пленуме ЦК

⁷⁰ См. статью венгерского писателя Д. Хая «За что я его не люблю» в газете «Иродалми уйшаг», а также декларацию венгерских писателей «Тревога и символ веры» // Советский Союз и венгерский кризис... С. 188-190, 289-298, 738-740.

⁷¹ Надзорные производства... С. 263-495.

⁷² О судьбе этих людей в Югославии была создана огромная литература, концептуально не выходящая за рамки «титовского» видения истории Югославии, истории КПЮ-СКЮ и югославо-советских отношений. Например, см.: *Požar P. Jugoslaveni – žrtve staljinskih čistki. (Dokumentarna kronika). Beograd, 1989.*

КПСС, рассмотревшем «дело» «группы Молотова – Маленкова – Кагановича», Хрущев неоднократно упрекал их именно за ошибочную позицию по отношению к СФРЮ и лично Тито. Он припомнил Молотову его утверждение, что «фашисты – югославы», говорил, что если тому дать «волю в руководстве», то Молотов «страну загубит, приведет ее в положение изоляции, никто не может гарантировать, что он [не] совершит поступок, который может привести к авантюризму и развязать войну»⁷³.

Воздействие нормализации советско-югославских отношений на сознание рядовых советских граждан, поверивших в линию XX съезда, было иным, нежели на югославов. Конечно, как вспоминал М.С. Горбачев, многие люди, несмотря на пропаганду и запугивания, «с симпатией относились к Югославии» и «с одобрением восприняли предпринятые Хрущевым шаги по нормализации советско-югославских отношений»⁷⁴. Для относительно небольшого части интеллигенции периода «хрущевской оттепели» Тито был символом сопротивления Сталину и сталинизму, попыток построить социализм без массовых репрессий. «При организации встречи Тито в Москве, безусловно, была допущена ошибка, – критически отмечал в своих воспоминаниях Ракоши, – поскольку на вокзал прибыли не только те, кто был мобилизован для этой цели, но и те, кто использовал этот случай для демонстрации своих оппозиционных настроений, против “сталинского деспотизма” и т.д.»⁷⁵. Судя по этим словам, в Москве в 1956 г. дышалось более свободно, чем в Белграде 1955 г.

Кто же были эти люди? Борис Вайль⁷⁶, участник диссидентского движения в СССР в 1950-е – 1970-е гг., в то время студент, вспоминал, что «газеты и журналы стран Восточной Европы можно было купить в Москве и Ленинграде». Статьи «переводились из польских и югославских газет и распространялись среди друзей и знакомых». Речи Тито о сталинизме, Карделя о рабочих советах «ходили по рукам»⁷⁷. Тогда в СССР было крайне мало информации о

⁷³ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 3. С. 656; Молотов. Маленков. Каганович. 1957... С. 200-201.

⁷⁴ Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. С. 380.

⁷⁵ «Людам свойственно ошибаться» ...С. 31.

⁷⁶

⁷⁷ Вайль Б. Особо опасный. London, s.a. С. 113, 115, 151, 133. Также см.: *English R.D. Russia and Idea of the West. Gorbachev, Intellectuals and the end of the Cold War.* New York, 2000. P. 68-69.

созданной Тито в 1948-1953 гг. системе концентрационных лагерей и тюрем для «перевоспитания» тех коммунистов и просто граждан Югославии, которые посчитали, что Сталин прав в разгоревшемся конфликте. Как и о более раннем терроре против тех, кому по тем или иным причинам социализм был просто чужд. Между тем в СФРЮ вплоть до ее распада эти люди так и не были реабилитированы. Ничего не было известно также и о двусмысленной роли Тито во время венгерских событий 1956 г.

На обсуждении упоминавшегося уже письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» в феврале 1957 г. один из ярославских коммунистов, заявив, что «наша печать побоялась опубликовать выступление Тито (в Пуле. – С.Р.), а китайские газеты опубликовали это выступление», вопрошал: «Неужели нас ничему не научила Венгрия?» «Неужели мы глупее китайцев?»⁷⁸

«Неудобные» вопросы задавали и студенты. Уже в марте 1956 г. партийные органы были проинформированы, что преподавателям Ленинградского электромеханического института пришлось мучительно искать ответы на следующие вопросы: «Если по отношению к Югославии и Союзу коммунистов Югославии Сталин допустил ошибку, то как объяснить, что аналогичную ошибку допустило Коминформбюро? Значит, Сталин единолично руководил и политикой Коминформбюро?», «На XIX съезде партии присутствовали представители Коммунистической партии Югославии, находящейся в эмиграции и подполье. На XX съезде партии опубликовано приветствие от Союза коммунистов Югославии, возглавляемого Тито. Какую организацию коммунистов следует считать более справедливой и революционной и как к каждой из них относится КПСС?»⁷⁹ В отличие от вопросов студентов, переданных «наверх» в 1949 г., вопросы студентов 1956 г., скорее всего, действительно исходили от них самих, а не были результатом чьего-либо творчества⁸⁰.

⁷⁸ Доклад Н.С. Хрущева... С. 603.

⁷⁹ Там же. С. 639.

⁸⁰ Советская жизнь. 1945-1953. М., 2003. С. 60. Ср.: *Zapisnici Politbira Centralnog komiteta Komunističke partije Hrvatske 1945-1952. Sv. 3. 1952-1954. /Priredila Branislava Vojnović. Sv. 1. Zagreb, 2005. 1. S. 484.*

Впрочем, поворот в отношениях с Югославией воспринимался советскими людьми далеко не однозначно. Парадокс тех лет состоял в том, что одурманенные пропагандой сталинских времен они охотно использовали новую атмосферу в обществе, освобождавшемся от страха, для отстаивания все того же ввевшегося в их сознание старого страха и старых идеологем⁸¹.

Подобная реакция требовала разъяснения и защиты со стороны партийных органов. «Подумайте только – оттолкнуть целую коммунистическую партию Югославии, имеющую славные боевые традиции в борьбе с гитлеровским фашизмом, оттолкнуть от социалистического лагеря целую страну народной демократии, строящую социализм, только из-за личной амбиции и болезненного самолюбия», – втолковывал слушателям заместитель начальника Политуправления МВД СССР А.В. Снегов, сам проведенный в тюрьмах и лагерях почти двадцать лет, на партсобрании министерства 30 июля 1956 года⁸². (Вскоре, однако, его должность была сокращена, а в 1967 г. ему пришлось пережить исключение из КПСС и восстановление в ней).

Впрочем, в СССР велась не только «политико-разъяснительная работа». Проявления инакомыслия, как про– так и антисталинского, карались и в уголовном порядке даже во время «оттепели» в соответствии с неотмененной статьей 58.10 УК РСФСР – недаром многие письма, поступавшие в газеты и партийные органы, были анонимными! Свообразным барометром советско-югославских отношений и их влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране стали и судебные приговоры и надзорные производства прокуратуры по некоторым из них. Если в 1954-1956 гг. надзорных производств с упоминанием Тито или Югославии практически нет (шла нормализация отношений и набухали почки «оттепели»), то в 1957 г. «югославский сюжет» стал вновь обретать «популярность». Изменился и образовательный состав тех, кто осмеливался вслух сравнивать СССР и Югославию: из десяти осужденных, проходивших по этим делам, шесть имели высшее или незаконченное высшее образование, причем трое были профессиональными журналистами. Изменилась и «география» распространения югославского «вольномыслия» – среди осужденных были жители интеллектуальных центров – Москвы, Ленинграда, Новосибирска.

⁸¹ Доклад Н.С. Хрущева... С. 567, 569, 593-594.

⁸² Там же. С. 575.

Рассуждения о путях развития социализма в советском обществе часто логично увязывались с негативной оценкой жизни в СССР и с ролью СССР в венгерских событиях. Хрущеву в 1957 г., так же как и Сталину в 1950-1952 гг., оказалось не под силу оставить безнаказанными выразителей идеи, что «путь построения социализма в Югославии более правильный, чем в СССР», что в Югославии «действительно, люди в борьбе за жизнь отвоевали свободную счастливую долю», что «в Югославии и Англии ...народ живет хорошо, а в Советском Союзе голодает», или что «Тито идет по стопам Ленина», что «Тито – гений». Некоторые под влиянием «оттепели» даже позволяли себе требовать разрешения на выезд в Югославию, откуда предполагали «вести борьбу [с СССР], пока не добьемся свержения Никитовского (так в документе. – С.Р.) строя». Следует подчеркнуть, что в рассуждениях этих людей о Югославии и СССР, независимо от их национальности и образования, ни во времена Сталина, ни во времена Хрущева ни разу не промелькнула даже тень «славянской идеи»⁸³.

С конца 1950-х гг. югославская «тематика» практически исчезает из надзорных дел прокуратуры и, по-видимому, резко сокращается и в судебных приговорах. Так, в 1958 г. в порядке надзора было рассмотрено всего два таких дела⁸⁴.

«Югославской проблеме» вновь было суждено сыграть роль орудия во внутривнутриполитической борьбе в Кремле в связи со снятием г.К. Жукова с поста министра обороны СССР осенью 1957 г. Эта акция совпала с возвращением министра из Югославии и Албании, где он находился с дружественным визитом. Однако «снял» Хрущев Жукова отнюдь не за ошибочное мнение о Югославии: он видел в нем опаснейшего соперника (обоснованно или нет – иной вопрос) в борьбе за власть в Кремле⁸⁵.

Очередное столкновение с Белградом было вызвано критикой советскими руководителями проекта, а затем и программы СКЮ, принятой на VII съезде партии 22-26 апреля 1958 г. Заметим, что СКЮ имела полное право не представлять на обсуждение в Москву указанные документы, и в известном смыс-

⁸³ Надзорные производства... С. 266, 291, 307-308, 320, 381-382, 385, 391, 392.

⁸⁴ Там же. С. 418.

⁸⁵ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 2. М., 1999. С. 207-211. Рассмотрение вопроса о том, насколько эти опасения были реальны, выходит за рамки настоящего исследования.

ле этот довольно унижительный для самостоятельной партии шаг был товарищеским жестом, рассчитанным на взаимное доверие.

Так или иначе, представленная программа, систематизировавшая положения концепции «самоуправленческого социализма» и в ряде пунктов расходившаяся с декларацией Совещания коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г., обсуждалась 24 апреля 1958 г. на заседании Президиума ЦК КПСС, т.е. во время работы съезда. Результаты обсуждения, вынесенные на страницы печати, стали достоянием общественности.

Статья П.Н. Федосеева (в тот момент директора Института философии АН СССР), И. Помелова и В. Чепракова. «О проекте программы Союза коммунистов Югославии» (журнал «Коммунист» № 6, апрель 1958 г.) и редакционная статья в «Правде» от 9 мая 1958 г. «В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий – залог дальнейших побед мировой социалистической системы» очень быстро – уже в июне – были изданы отдельной брошюрой стандартным для тех лет тиражом в 200 тыс. экз.⁸⁶ «Правда» 14 мая перепечатала редакционную статью газеты «Нойес Дойчланд» – центрального органа наиболее ортодоксальной из восточноевропейских компартий – Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) под характерным заголовком «Несовместимо с марксизмом-ленинизмом».

Критика югославского документа за наличие в нем ряда положений, расходившихся, по мнению советских идеологов, с теорией и практикой марксизма-ленинизма, мирового коммунистического движения, за неправильную интерпретацию факта раскола мира на две системы (видя источник военной угрозы в существовании блоков, югославы-де «ставят на одну доску» миролюбивую политику социалистических стран и агрессивную политику империалистов) явилась отзвуком обвинений в адрес руководства КПЮ, содержащихся в резолюции Коминформа 1948 г. Весьма болезненно советское руководство отреагировало на обвинения со стороны югославы в попытках ревизовать «важнейшие положения марксизма-ленинизма, прежде всего в области теории государства и права». Югославское руководство, считали в Москве, было убеждено, что «ревизионистские

⁸⁶ О проекте программы Союза коммунистов Югославии. В единстве и сплоченности марксистско-ленинских партий – залог дальнейших побед мировой социалистической системы. М., 1958.

элементы в ряде стран под видом критики сталинизма распространяли превратное, фальшивое представление об отношении Ленина, ленинизма к диктатуре пролетариата»⁸⁷.

Наконец, критике подверглась и интерпретация авторами программы СКЮ принципа пролетарского интернационализма – одного из «приводных ремней» политики СССР и КПСС в их отношениях с социалистическими странами и коммунистическими и рабочими партиями в рамках международного коммунистического движения. Учитывая опыт своих взаимоотношений с ВКП(б)-КПСС, СКЮ настаивала прежде всего на принципах равноправия и невмешательства в отношения между странами и партиями, выступала против «гегемонизма» в рабочем движении⁸⁸. В соответствии же с советской официальной точкой зрения «несокрушимый лагерь социалистических государств возглавляется Советским Союзом», что отражает «исторически сложившуюся ведущую роль Советского Союза в борьбе за дело мира социального прогресса, свободы народов и мира»⁸⁹.

Таким образом, критические замечания советской стороны подтвердили, хотя и в более мягкой форме, что многие оценки югославских реалий, содержащиеся в документах 1948-1949 гг. (исключая брань и откровенные оскорбления), сохранили свою силу. Руководство КПСС и СССР, собственно, и не скрывало это.

Программа СКЮ «удостоилась» критики Хрущева и на XXI съезде КПСС (27 января – 5 февраля 1959 г.). Лейтмотивом выступления стало «разоблачение» Хрущевым «ревизионистских» положений этого документа: «об изменении характера капитализма, о бескризисном развитии капиталистической системы, о мирном вращении капитализма в социализм и так далее». Хрущев утверждал, что расхождения югославских руководителей с «марксистами-ленинцами» (т.е. прежде всего с руководством КПСС) состояли в том, что лидеры СКЮ якобы отрицали необходимость международной классовой солидарности и отходили от позиций рабочего класса. Что же касается «внеблоковой»

⁸⁷ Там же. С. 19, 21. Ср.: Nacrt programa SKJ. S. 46.

⁸⁸ Там же. С. 31, 33, 37.

⁸⁹ Там же. С. 37-38.

позиции Югославии⁹⁰, то Хрущев заявил, что от нее «основательно пахнет духом американских монополий, которые подкармливают «югославский социализм». В целом заявления Хрущева носили пропагандистский характер. Звучные обвинения («югославские руководители крутят, фальшивят, бегут от правды», «стремятся скрыть суть своих расхождений с марксистами-ленинцами» и т.д.), по сути дела, маскировали отсутствие серьезных полемических «заходов»⁹¹.

В связи с анализом программы СКЮ и формированием отношения к ней руководства КПСС и лично Хрущева возникает вопрос о качестве информации и объективности ее трактовки, которые исходили из среднего и высшего звена советского партийно-государственного аппарата. Вероятно, посол Мичунович не был далек от истины, когда заметил, что бюрократия систематически поставляла Хрущеву ложную информацию, что имело целью изменить курс Хрущева на сближение с Тито. Кроме того, сам Первый секретарь не был уверен в правильности своей политики по отношению к Югославии и, хотя и критиковал Сталина, «сам так и не смог до конца избавиться от сталинских привычек»⁹².

Однако далеко не все советские люди поддавались влиянию пропаганды или, молча, мирились с ней. История интеллектуальной и духовной оппозиции в СССР еще не написана. Поступки и судьбы многих людей просто неизвестны. Но иногда в руки исследователей попадают документы, которые являются поистине счастливой находкой.

Долгие годы бережно хранили в семье Полетаевых такой уникальный документ. Валентин Поликарпович Полетаев (1928-1977) в 1952 г. с отличием окончил Ленинградский юридический институт им М.И. Калинина, в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1955-1958 гг. работал в Хабаровске старшим преподавателем заочного юридического института и школы МВД. В

⁹⁰ 18 июля 1956 г. в результате переговоров между Тито, г.А. Насером и Дж. Неру на о. Бриони была подписана Брионская декларация неприсоединившихся стран. Некоторые историки полагают, что «в действительности, это был “третий блок”, с помощью которого Югославия хотела усилить свое положение по отношению к “великим державам”» (*Matković H. Povijest Jugoslavije. S. 328*).

⁹¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 77-80.

⁹² *Тaubman У. Хрущев. М., 2005. С. 426.*

1958 г. написал «Открытое письмо», в котором выразил резкое несогласие с официальной критикой программы СКЮ на страницах «Правды» и «Коммуниста»⁹³. Этот документ эпохи является ценнейшим источником не только по истории свободомыслия в СССР, но и представляет интерес как свидетельство времени, отражающее представления о Югославии, бытовавшие в среде советской провинциальной интеллигенции, т.е. мыслящих людей, которые могли пользоваться исключительно материалами советской прессы и сочинениями классиков марксизма-ленинизма. На наш взгляд, сюжет, связанный с Югославией, в письме носит подчиненный характер. Основная его идея – критика политики Сталина и Хрущева, которой В.П. Полетаев в традициях тех лет противопоставляет политику Ленина. Этот миф о Ленине был по понятным причинам достаточно широко распространен в среде зарождавшегося свободомыслия в СССР в 1950-е – 1960-е гг.

19 ноября 1956 г., в самый разгар советско-югославской полемики относительно революции в Венгрии и нового обострения отношений между двумя странами и партиями, автор приехал в Москву и пришел в югославское посольство... При выходе из него он был задержан, и у него были изъяты «черновые наброски» будущего Открытого письма. Тем не менее, 6 декабря 1956 г. Полетаев отправил письмо в ЦК КПСС. В июне 1959 г. отправителю, вновь специально приехавшему в Москву, сообщили, что письма не получали. После этого Полетаев написал письмо лично Хрущеву, которое впоследствии было приобщено к «делу». В марте 1961 г. последовал арест. Обвинение гласило, что Полетаев «в целях передачи иностранцам в 1958-1960 годах изготовил рукопись антисоветского клеветнического содержания и хранил рукопись “Открытое письмо” с конца 1958 года до октября 1960 года». В ней, указывалось в приговоре, он «защищал югославских ревизионистов, клеветал на советский государственный и общественный строй, на развитие советского общества, внутреннюю и внешнюю политику КПСС...». Полетаев был осужден на три года ссылки, которую отбывал в г. Тайшет Иркутской области. Таким образом, за симпатии к Югославии, за идеализацию ее опыта «социалистического стро-

⁹³ Автор выражает глубокую признательность дочери В.П. Полетаева Наталье Валентиновне, предоставившей возможность ознакомиться с копией «Открытого письма» и рассказавшей о судьбе отца.

ительства» и противопоставление его советскому опыту, можно было подвергнуться репрессиям не только во времена Сталина, но и в период правления Хрущева.

Свое «Открытое письмо» автор начал без обиняков: «Критика проекта программы СКЮ, которая дана в журнале «Коммунист (1958, №6) и в газете «Правда» от 9 мая 1958 г. является, на мой взгляд, образцом грубейшего извращения марксизма-ленинизма». Автор подчеркивал, что оценка СКЮ, по сравнению с временами Сталина, практически не изменилась: «Коммунисты Югославии обвиняются в отходе от марксизма-ленинизма, в извращении этого учения. Заметим сразу, что в этом они обвинялись еще в 1948 г., т.е. при жизни Сталина». Далее он подметил непоследовательность, противоречивость и беспринципность оценок развития страны официальной пропагандой: «Законом жизни у нас считается слепая вера органам ЦК КПСС. А эти органы говорили про Югославию: до 1948 года она шла по социалистическому пути развития, с 1948 по 1955 г. в Югославии был какой-то непонятный строй с откровенно фашистским режимом, в 1955 г. наша делегация открыла, что там идет строительство социализма, а сейчас, т.е. в 1958 г., социализм в Югославии опять "закрыт" и даже не упоминается, что народы этой страны строят у себя социалистическое общество». Автор увязывал отношение к Югославии с внутривосточными процессами в СССР: «Нам говорят каждый раз, что марксизм-ленинизм извращают югославские руководители. Как говорили при Сталине, так говорят при нынешнем "закрытии". Однако история убедительно показала уже раз, кто извращал марксизм-ленинизм. Об этом знает весь мир... "Коммунист" заверяет нас, что ошибки сталинского периода ушли в прошлое, но сам же защищает Сталина. Сталин умер, но ОСТАЛИСЬ ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ И ЗАЩИТНИКИ, ЖИВ СТАЛИНИЗМ». Словно откликаясь на так и не выполненные положения Белградской и Московской деклараций о предоставлении населению обоих государств более широкой информации друг о друге, Полетаев заметил: «Очень жаль, что нас держат в полнейшей слепоте, что мы не имеем возможности даже читать иностранные газеты»⁹⁴.

⁹⁴ Полетаев В.П. Открытое письмо. С. 1-5. Личный архив автора статьи. При цитировании сохранены особенности стиля и орфографии.

Вряд ли Тито было что-либо известно о содержании «Открытого письма» и судьбе его автора. А его собственные спецслужбы поступили бы так же (и поступали подчас гораздо более жестко) с людьми, высказывавшими чрезмерные симпатии к СССР и критиковавшими политику Тито.

А вот Первый секретарь ЦК КПСС не мог не знать о том, что, по крайней мере, некоторая часть населения СССР, пусть и основываясь скорее на слухах и мифах, чем на реальном знании, сравнивает жизнь «простых людей» в СССР и в Югославии. Причем отнюдь не в пользу своей родины. Поэтому ему ничего не оставалось делать, как прикрыть неисправимые дефекты системы и собственные просчеты и осудить «так называемый югославский путь» развития. Хрущев демагогически утверждал, что «жизненный уровень народа в Югославии поднимается значительно медленнее, чем в социалистических странах», что Югославия «не идет, а выхлещет по социалистическому пути», что политика руководства СКЮ, «направленная на противопоставление Югославии социалистическому лагерю и международному коммунистическому движению, может привести к потере социалистических завоеваний югославского народа»⁹⁵. Справедливости ради надо сказать, что рост жизненного уровня, достигнутый в Югославии, основывался не на эффективности экономики и большей производительности труда – югославский социализм был столь же неэффективен, как и советский, – а в значительной степени на иностранных займах, как «западных», так и «восточных».

Обвинения СКЮ в ревизионизме содержались и в Заявлении, принятом на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве в ноябре 1960 г.

Сбылось предчувствие посла Мичуновича о неизбежности нового витка конфликта. «По традиции» произошел обмен письмами между Хрущевым и Тито, в прессе обеих стран стали появляться статьи с взаимной критикой и обвинениями, по большей части, бессмысленными. Как обычно, была организована критика позиции СКЮ в печати «стран народной демократии»⁹⁶. В несколько смягченной и видоизмененной форме традиции Коминформа сохраняли свою живучесть.

⁹⁵ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС... С. 79-80.

⁹⁶ *Mičunović V.* Op. cit. S. 426-450.

Естественно, что от югославских руководителей нельзя было ожидать, что «перед лицом мировой общественности» они изменят свою программу в угоду советским публичным требованиям. Последовала еще одна попытка «призвать югославов к порядку». В ноябре 1960 г. на очередном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Югославия вновь подверглась «единодушному осуждению».

Изменения ситуации в международных отношениях и в международном коммунистическом движении, в частности, разрастающийся конфликт с КПК, обусловили новый поворот Хрущева: в 1961-1964 гг. именно в Тито и СКЮ он стал искать если не союзников, то по крайней мере сохраняющих дружественный нейтралитет наблюдателей. Именно поэтому он, словно забыв все решения пленумов ЦК и международных совещаний коммунистических и рабочих партий, стремился сблизиться с Белградом. Идеологические расхождения предстояло как-то совместить с прагматическим подходом не только в межгосударственных, но и в межпартийных отношениях.

Однако этот процесс партноменклатурой был обречен на муки. Когда сотрудник аппарата ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкий, в соответствии с новыми веяниями, решил опубликовать в журнале «Коммунист» статью, рассказывающую о Югославии в более благожелательном тоне, чем это было принято ранее, он сразу получил резкую отповедь своего начальника Ю.В. Андропова⁹⁷. Ознакомившись с замечаниями «шефа», автор решил отказаться от своего намерения. Бурлацкий вспоминал: Андропов «не оспаривал, по существу, того, что я изложил в своей статье, но указал на политическую нецелесообразность ее публикации»⁹⁸.

Советская партийно-бюрократическая номенклатура так до конца и не смогла смириться с идеологической и политической независимостью Югославии и ее лидера, подсознательно рассматривая их существование как угрозу советской модели социализма и советскому влиянию в мире, особенно в

⁹⁷ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них. М., 1990. С. 148-150. Текст упомянутой статьи см.: Пономарев Б., Константинов Ф., Андропов Ю. На старых ревизионистских позициях // Коммунист. 1960. № 8. С. 24-48. Название говорит само за себя. Ни Пономарева, ни Андропова нельзя отнести к числу сторонников перемены точки зрения на югославский опыт «строительства социализма».

⁹⁸ Там же. С. 147.

странах Восточной Европы. Поэтому не удивительно, что в отчетном докладе на XXII съезде КПСС (17-31 октября 1961 г.), носившем антисталинский характер, Хрущев вновь подверг критике программу СКЮ и его политику. Но ничего принципиально нового критика не содержала.

Новая программа КПСС, принятая на XXII съезде, по своему внутреннему содержанию полемизировала с программой СКЮ. Сказывалась прежняя ленинско-сталинская «закалка» – негативное отношение и недоверие к социал-демократии, в которой видели соперника в борьбе за влияние в рабочей и отчасти интеллигентской среде. «Ревизионизм» стал в международном коммунистическом движении новым, после «троцкизма» и «национализма» времен Сталина, знаковым словом – клеймом. В то же время в докладе «О программе КПСС» Хрущев отметил, что «мы стояли и стоим за всемерное развитие и укрепление отношений с Югославией по государственной линии. По вопросам борьбы за мир наши позиции... во многом сходятся»⁹⁹.

Для объективной оценки степени расхождения сторон важно учитывать тот факт, что, «за квазилиберальными декорациями в Югославии сохранялся, в значительной степени, однопартийный, полицейский милитаризованный режим, где центробежные интересы национальной партократии периодически гасились авторитетом Тито»¹⁰⁰. К этой характеристике надо добавить и объективный процесс национального самоопределения, неизбежного соперничества в многонациональном государстве центробежных и центростремительных тенденций.

Поддержка Белградом позиций Москвы в ее споре с Пекином и прекращение СССР поддержки Албании, имевшей территориальные проблемы с СФРЮ, открыли путь к советско-югославскому сближению. Осенью 1962 г. Хрущев направляет в Югославию, своего, как ему тогда казалось, верного соратника, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева¹⁰¹. В декабре 1962 г. Тито был приглашен на отдых в СССР, где ему было оказано подчеркнутое гостеприимство. Во время этой поездки он, естественно,

⁹⁹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. М. 1962. С. 227.

¹⁰⁰ Аникеев А.С. Указ. соч. С. 277.

¹⁰¹ О визите Председателя Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева в ФНРЮ в 1962 г. см.: Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1962. М., 1963. С. 391-398.

встретился с Хрущевым. Краткая запись информации Хрущева об этой встрече на Президиуме ЦК КПСС 30 декабря 1962 г. гласит: «О лагерях – на разных позициях. Они ставили знак равенства, мы проводим различие. По идеологическим вопросам расхождения остаются»¹⁰². Хрущев стремился установить с Тито личный контакт и сблизиться с ним. Для этого югославский лидер был приглашен в Крым, а 20 августа 1963 г. Хрущев отправился в Югославию на отдых. Там он сделал то, в чем упрекал своих оппонентов в 1957 г. на пленуме ЦК КПСС, – начал публично восхвалять не только политику СКЮ, но и «лично» Тито. Югославия удостоилась тогда титула «братской социалистической страны», даровавшегося лишь самым близким союзникам.

Разительно отличается характеристика, данная высоким гостем хозяевам-белградцам, по сравнению с 1955 г.: «Встретили хорошо. Общее впечатление очень хорошее. Народ выглядит хорошо»¹⁰³. Хрущев, по-видимому, искренне хотел разобраться, в чем же состоит этот югославский «новый шаг в создании форм перехода от капитализма к социализму», и могут ли «их формы руководства экономикой... быть использованы в наших условиях». Во время своего визита советский лидер в духе Московской декларации 1956 г., предусматривавшей «взаимное ознакомление с формами и методами социалистического строительства», посетил тракторный завод в Белграде, после чего пришел к не лишнему меткости выводу: «У меня создалось впечатление, что тут бутафорское прикрытие участием общественности, план же в основном устанавливает правительство, и оно же контролирует его выполнение». Югославские товарищи, что называется, стиснув зубы, из вежливости «наполовину» согласились с ним¹⁰⁴. По сути, этот же тезис Хрущев повторил и на Президиуме ЦК КПСС сразу же после возвращения, 4 сентября: «Рабочие советы на предприятиях – совещательная [инстанция]. Практика похожа на нашу, но много бутафории»¹⁰⁵.

Словно стремясь еще раз заглядывать вину сталинского руководства, а также в пику Пекину, Хрущев заявил: «У нас, советских коммунистов, не может

¹⁰² Президиум ЦК КПСС. Т. I. С. 664.

¹⁰³ Там же. С. 735.

¹⁰⁴ Хрущев Н.С. Указ. соч. Кн. 3. С. 157.

¹⁰⁵ Президиум ЦК КПСС. Т. I. С. 735.

быть коренных противоречий с коммунистами Югославии, потому что обе наши страны являются социалистическими». После поездки была, наконец, «решена» и болезненная проблема идентификации СКЮ: «Не называть югославов ни ленинцами, ни антиленинцами».

Несмотря на значительное потепление советско-югославских отношений, в сентябре 1964 г. на заседании Президиума ЦК КПСС Хрущев предостерегал: «Надо иметь в виду, что политика Югославии не очень устойчивая в отношении нас, и вообще эта политика неустойчивая, и поэтому надо не особенно полагаться на Югославию»¹⁰⁶.

Отношение к Югославии, как и ко всему окружающему миру, постепенно, хотя и очень медленно, менялось и на уровне научного сознания. В 1963 г. вышла «История Югославии», изложение в которой, однако, было доведено только до 1945 г.¹⁰⁷ В том же году в Москве была опубликована Конституция СФРЮ.

Однако все эти реверансы подпортила маленькая, но красноречивая деталь: из списка изданных на русском языке сборников «произведений» и выступлений руководителей «братских партий и государств» явствует, что к 1965 г. вниманием издательств оказался обойденным лишь Тито. Его статьи и речи были изданы на русском языке, но... в Белграде, то есть в условиях цензуры и ограничения свободы выезда за рубеж оставались практически недоступными советскому читателю. Первый однотомник Тито вышел в Москве в 1973 г., но в нем отсутствовали материалы, содержавшие в себе хоть намек на полемику с СССР и КПСС, как в 1948-1953 гг., так и позднее. (К сожалению, сборник «перестроечного» 1987 г. немногим отличается от своего предшественника пятнадцатилетней давности¹⁰⁸). Справедливости ради, заметим, что и в Югославии также практически не издавали «трудов» и речей советских руководителей. А это означало, что взаимное недоверие и страхи по-прежнему

¹⁰⁶ Никита Хрущев. 1964. Документы. М., 2007. С. 110.

¹⁰⁷ История Югославии. Т. I-II. М., 1963. Также см.: Романенко С.А., Стыкалин А.С. Портрет историка на фоне эпохи. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922-2004) // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы с XI до начала XX века. Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. Выпуск IV. Памяти В.И. Фрейдзона. М., 2011.

¹⁰⁸ Броз Тито И. Избранные речи и статьи. М., 1973; Броз Тито И. Избранные речи и статьи. М., 1987.

му демонстрировали свою живучесть, вопреки обязательствам Белградской декларации об обеспечении сторонами непредвзятой информации.

Атмосфера подозрительности по части контактов с «русскими» сохранялась в партийном и государственном аппарате СКЮ и СФРЮ. Многие чиновники ловко использовали ее для внутриаппаратной борьбы. Поэтому отнюдь не такими уж невинными могли быть заданные «по-товарищески», в частной беседе, вопросы типа: «Почему вы с Марко (А. Ранковичем. – С.Р.) иначе, гораздо сердечнее всех нас, приветствуете русских на встречах дома или в Москве?»¹⁰⁹ Ярko и образно описал обстановку соперничества и доношительства среди «соратников» А. Ранкович: «Нынешние условия в Югославии порождают стервятников и стервятничество. Но такого стервятника, как Петр С[тамболич], редко можно встретить. Он только вынюхивает налево и направо и выслеживает, кто и как относится к русским. Достаточно подловить момент, как кто-нибудь поздоровается с ними за руку и, тем более, улыбнется, – и этого уже достаточно для обвинения кого-то в “просоветской позиции”...»¹¹⁰.

В то же время в середине 1960-х гг., часть советской партийной интеллигенции, получившей в силу разных обстоятельств возможность поближе познакомиться с жизнью в СФРЮ, несколько романтически-восторженно воспринимала «титовскую» Югославию. «Поразительно интересное по тем временам место, – вспоминал спустя тридцать лет тогдашний школьник Егор Гайдар, оказавшийся в Белграде вместе с родителями. – Югославия – единственная страна с социалистической рыночной экономикой. В 65-м здесь существенно демократизирован политический режим, идут экономические реформы, вводится рабочее самоуправление. Страна поражает невиданным по советским масштабам богатством магазинов, открытостью общественных дискуссий, публичным обсуждением проблем, которое совершенно невысказано у нас»¹¹¹.

¹⁰⁹ Ранковић А. Указ. соч. С.123.

¹¹⁰ Там же. С.161,169.

¹¹¹ Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед // Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1997. С. 184-185. О.Р. Лацис вспоминал, что Т.А. Гайдар, в то время корреспондент «Правды» в СФРЮ, «снабжал нас кое-какими книжками по югославской системе самоуправления, с которой мы связывали большие надежды» (Лацис О.Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 99).

Однако сохранялась и прежняя болезнь – отсутствие информации и нежелание видеть, что один из наиболее болезненных в Югославии вопросов, вопрос ее жизни и смерти коренился в межэтнических отношениях. Рост напряженности в связи с этим (парадоксально, но одной из его причин стало уменьшение внешней опасности со стороны СССР) власть начала ощущать с конца 1950-х годов, и с тех пор национальная проблема не покидала югославскую политическую сцену. Вплоть до распада государства, возможность которого стала в повестку дня еще в 1962 г.

«Публичные обсуждения», действительно, были в СССР по-прежнему невысказаны, несмотря на возобновление критики Сталина на XXII съезде КПСС. Людям уже просто не приходило в голову выступать открыто с мнением, отличным от официального. В то же время «югославская тематика» в судебной практике фактически полностью сошла на нет: в 1959 и 1960 гг. прокуратура в порядке надзора рассмотрела лишь по одному делу с упоминанием Югославии. Характерно, впрочем, что осужденные были не «работяги», а интеллигенты, вина которых, среди прочего, состояла и в том, что они слушали иностранные радиопередачи¹¹².

Особняком стоят два более поздних судебных приговора 1963-1964 гг. Они касались ставших широко известными впоследствии диссидентов-правозащитников, убежденных противников советского строя – В.К. Буковского и покойного ныне А.И. Гинзбурга. Среди прочего им вменялось в вину распространение перевода книги М. Джиласа «Новый класс»¹¹³.

Если, подводя итог, попытаться сравнить развитие СССР и Югославии при Хрущеве и Тито, то при всех противоречиях между советскими и югославскими догматиками, а также грызне внутри верхушечных группировок, их объединяло одно: и те и другие опасались не только и не столько за чистоту «принципов», сколько за свое собственное положение, которое они могли утратить при изменении не только остова «своих» режимов (о том, чтобы их демонтировать, тогда и речи быть не могло), но даже его фасада. Сравнивая политику обоих лидеров, стремившихся разными путями отойти от сталинского наследия, можно заметить и ее закономерную непоследовательность и

¹¹² Надзорные производства... С. 487, 526, 551, 629.

¹¹³ Там же. С. 553, 639.

противоречивость, и случайные совпадения в определенных ситуациях. Тито силой подавил Цазинское восстание 6 мая – 4 июня 1950 г., участники которого выступили под лозунгом «За короля и Отечество!» Большинство его участников были по национальности сербами, но к ним присоединилось и некоторое количество хорватов и мусульман, и оно носило характер не столько национального, сколько социально-политического протеста. Хрущев также силой в 1961 г. подавил волнения рабочих в Новочеркасске. В 1950-е – 1960-е гг. Тито преследовал выступавшего за либерализацию режима М. Джиласа. С «молотовцами» в 1957 г. Хрущев поступил гуманнее, чем Тито с Джиласом, однако с Берией в 1953 г. он расправился вполне «по-сталински». При этом стоит заметить, что одно лишь упоминание Джиласа, открыто выступившего в поддержку венгерского восстания 1956 г., вызывало в Кремле такую же негативную реакцию, как и в Белграде. Имя Джиласа стало нарицательным не только для Тито и его соратников, но и для руководителей практически всех коммунистических партий «социалистического лагеря»¹¹⁴.

В 1948-1957 гг. «югославский фактор», утратив свою этническую нагрузку, но приобретя советско-державную, сыграл большую роль во внутривосточной борьбе в Кремле – сначала в соперничестве за «доступ» к Сталину, затем в схватках между его «наследниками» (пленумы ЦК КПСС 1953, 1955, 1956 и 1957 гг.). Однако впоследствии ситуация изменилась. Первый секретарь оказался лицом к лицу с новыми идеологическими и геополитическими противниками – китайскими и албанскими коммунистами. Как внутривосточный и, тем более, этноконфессиональный, «югославский вопрос» больше чем на два десятилетия утратил свое значение.

Когда на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. «снимали» самого Хрущева, югославскую проблему также никто не вспоминал. Ни нормализация советско-югославских отношений и их последующее обострение на «принципиальной основе», ни новое «потепление» в списке «волюнтаристских ошибок» Первого секретаря, предъявленном «заговорщиками», отсутствовали¹¹⁵. Новое руководство КПСС не хотело возврата к старым конфликтам в

интенсивной и открытой форме, хотя скрытое латентное идеологическое (в международном коммунистическом движении) и геостратегическое (в межгосударственных отношениях) противостояние на фоне попыток частичной реабилитации Сталина продолжалось.

Взаимное недоверие в советско-югославских отношениях не было, да и не могло быть преодолено в рамках существующих режимов и идеологием. Парадоксальным образом обе стороны рассматривали однотипную – коммунистическую – идеологию друг друга как опасность с точки зрения влияния на массовое сознание, опасались невыгодных для себя сравнений. Взаимные стереотипы и предрассудки транслировались через СМИ, прежде всего – газеты, журналы и радио. Оба режима не были заинтересованы в поступлении широкой и объективной информации друг о друге. Способы воздействия на население были одинаковыми – официальная партийно-государственная пропаганда, речи вождей и ближайших соратников, цензура и ограничение свободы дискуссий (в Югославии она была несравненно большей) даже в рамках официальной идеологии, не говоря уже о других типах идеологии, которые все объявлялись враждебными. И СССР и ФНРЮ свои отношения с внешним миром строили по образцу «осажденной крепости», опасаясь подрыва своего монопольного положения «на внутреннем рынке» не только со стороны друг друга, но и со стороны западноевропейской социал-демократии, в которой традиционно видели опасного соперника в «борьбе» за умы населения, прежде всего рабочих слоев.

В СССР попытка трансформации происходила под лозунгом возврата к Ленину, ленинским нормам. Этот пароль использовали и руководство, и внутрисистемные реформаторы, и часть диссидентов. Отношение к югославскому опыту было противоречивым. Оно имело под собой не только принципиальную основу идеологического неприятия югославского опыта (на смену ярлыку сталинских времен «троцкизм» пришел новый ярлык – «ревизионизм»), но зачастую носило ситуативный характер: определялось личными настроениями Хрущева в тот или иной момент, ситуацией в международных отношениях, в международном коммунистическом движении. Советские реформаторы и диссиденты пытались интегрировать югославский опыт в свои аппаратные

гие документы / Сост. А.Н. Артизов, В.П. Наумов, М.Ю. Прокуменщиков, Ю.В. Сигачев, Н.Г. Томила, И.Н. Шевчук. М., 2007. С. 182-216, 252-267.

¹¹⁴ *Rajak S.* The Tito-Khrushchev correspondence. 1954. P. 319, 321.

¹¹⁵ Например, см. «вариант» доклада Президиума ЦК КПСС на октябрьском пленуме ЦК КПСС, выступления на нем Л.И. Брежнева и М.А. Сулова, а также некоторые другие документы // Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и дру-

рекомендации и программы. Однако эти попытки были крайне ограниченными и, успехом не увенчались. Слабое знание друг о друге и недостаточное понимание друг друга – характерная черта общества в обеих странах.

Со смертью Сталина в общественном сознании Югославии произошло изменение восприятия советского руководства. При всем неприятии и враждебности к Сталину даже Тито воспринимал его как «отца» – прямого наследника Ленина. Хрущев никак не мог претендовать на эту роль в глазах Тито хотя бы потому, что по возрасту они были практически ровесниками. Политически же Тито обладал харизмой освободителя и создателя страны, победителя Сталина, многолетнего партийного и государственного руководителя. Авторитет и заслуги Хрущева времен войны не шли ни в какое сравнение с авторитетом и заслугами Тито, не говоря уже о том, что в сталинском окружении он играл далеко не первую роль. Таким образом, в 1950-е гг. СССР из «отца» превратился в «старшего брата», а в конце 1980-х гг. оба режима стали «сиамскими близнецами», одновременно окончившими свой век.

Ни в СССР, ни в Югославии на рубеже 1950-х – 1960-х гг. власти не ставили своей задачей трансформацию режима. Однако в обеих странах именно в эти годы зарождались движения диссидентов и возникли группировки системных реформаторов– аппаратчиков. Однако нигде им не удалось создать свои организации, движения, выработать единую идеологическую платформу или программу действий. В обоих государствах как внутрисистемные реформаторские, так и диссидентские движения разных направлений преследовались и были подавлены.

В.В. Волобуев

АНТИСЕМИТИЗМ В ПНР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА. 1944 – 1968 гг.

«Еврейский вопрос» в контексте становления нового строя

Приход к власти в послевоенной Польше Польской рабочей партии (ППР) сопровождался насильственным подавлением традиционных политических сил страны. Тот факт, что среди активистов ППР было немало евреев, способствовал взрыву антисемитских чувств поляков. Для части населения участие евреев в структурах новой власти являлось подтверждением старого тезиса о «жидо-коммуне». Так, например, военный курьер эмигрантского правительства доносил в октябре 1945 г.: «Фактически Польшей правят евреи и большевики. Высмеиваемый до войны лозунг “жидо-коммуны” теперь реализуется на практике. Польские коммунисты не имеют никакой власти даже в ППР. Евреи захватили все рычаги власти. Министерство иностранных дел, министерство промышленности и торговли, министерство безопасности почти исключительно в их руках. Заграничная торговля, радио, кино, театр, пропаганда, военные передвижные театры находятся в руках евреев»¹.

Действительно, во властных структурах послевоенной Польши было немало лиц еврейской национальности, особенно выходцев из Компартии Польши (КПП). Но значимые посты в разных правительствах, руководивших страной в 1944 – 1956 гг. (т.е. в период сталинизма), занимали лишь три еврея – министр промышленности Хиляры Минц (член КПП с 1922 г.), министр иностранных дел Зыгмунт Модзелевский (также коммунист с тридцатилетним стажем) и заместитель премьер-министра по вопросам общественной безопасности Якуб Берман. В Политбюро ЦК правящей партии в 1945 – 1956 гг. неизменно входили: Якуб Берман, Хиляры Минц и Роман Замбровский (член КПП с 1928 г.). Все они отвечали за ключевые направления деятельности: Минц – за индустриализацию, Берман – за идеологию и силовые структуры, Замбровский – за работу с партийными кадрами и борьбу с «вредительством» в эконо-

мике. Кроме того, Берман и Минц вместе с первым секретарем ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП)² Болеславом Берутом в 1948 – 1956 гг. формировали «узкое руководство», которое задавало тон в разных областях партийной и общественно-экономической жизни.

Следует сразу оговориться, что высокопоставленные функционеры-евреи не принимали никакого участия в культурной и тем более религиозной жизни своих соплеменников, считая себя прежде всего коммунистами, а уже потом евреями³. Фракция ППР при Центральном комитете евреев в Польше не сумела заручиться поддержкой ни одного раввина, жившего в стране, и к маю 1947 г. (незадолго перед тем, как ее местные ячейки были переподчинены напрямую ППР) объединяла в своих рядах не более 7 тыс. человек⁴. Отношение к этим людям со стороны установленных сионистов выразил много позднее израильский политик правого толка Теодор Хаталюги: «Как сионисты и израильтяне мы никогда не перестанем критиковать позорную роль данных лиц, немало которых отличилось в пропаганде ненависти к нашему национальному возрождению и нашему государству»⁵.

Весьма значительным было наличие евреев в органах госбезопасности, заслуживших недобрую славу среди поляков своими варварскими методами работы и преследованиями тех лиц, которые в общественном мнении считались поборниками польской независимости (т.е. участников антифашистского подполья некоммунистической ориентации и представителей старых органов власти). Из 450 руководящих работников Министерства общественной безопасности (МОБ) в 1944 – 1956 гг. евреи составляли почти 30%. Не все из них являлись коммунистами с довоенным стажем – таковых среди командного состава МОБ насчитывался лишь 21%. Разумеется, число евреев в органах госбезопасности сильно разнилось в зависимости от воеводства. Например, в Силезском воеводском управлении общественной безопасности в 1944 – 1956 гг. евреи занимали 10 ответственных постов из 65 (т.е. 15%), а в Жешовском воеводстве из 102 постов на их долю пришлось лишь четыре⁶. Наибольшее количество евреев оказалось в структурах госбезопасности следующих воеводств: Щецинского (18,7%), Вроцлавского (18,7%), Катовицкого (14,6%), Лодзинского (14,2%), Варшавского (13,6%), Гданьского (12%) и Люблинского (10,1%). В остальных воеводствах их количество не превышало 7%, а меньше всего было в Зеленой Гуре – 3,5%. Если брать самый высокий уровень мес-

тного руководства, т.е. начальников и заместителей начальников воеводских управлений, то из 161 высокопоставленного функционера евреями были 22 человека⁷.

Несомненно, такое количество евреев, непропорциональное к их числу в стране (особенно после нацистского террора), бросалось в глаза. Например, кельцкий епископ Чеслав Качмарек заявил в 1946 г. американскому послу: «Госбезопасность – это организация, сравнимая с гестапо и руководимая евреями»⁸. Спустя годы упущения в кадровой политике Министерства общественной безопасности признал и один из влиятельных партфункционеров еврейского происхождения Роман Вэрфель (бывший член КПП, главный редактор органа ЦК ПОРП⁹ «Нове дроги»): «Даже при попытках нужно соблюдать определённые принципы. Сташека должен бить другой Сташек, а не Мойша. В госбезопасности, как я теперь вижу, было слишком много евреев. Мы не подумали об этом тогда. Мы учили этот момент в торговле... Евреи слишком хорошо разбираются в торговле... и мы решили, что во внутреннюю торговлю в Польше мы их не допустим. Пускай идут во внешнюю торговлю, в издательства, в прессу, но только не во внутреннюю торговлю. А вот о госбезопасности мы не подумали, [а зря], ведь, повторяю, Сташека должен бить другой Сташек»¹⁰.

С чем было связано столь обширное присутствие представителей этого нацменьшинства в органах госбезопасности? Прежде всего, играла свою роль традиционно значительная еврейская прослойка среди активистов КПП и ППР. Эти коммунисты, прошедшие через польские тюрьмы и, нередко, советские лагеря, отличались фанатичной приверженностью своей идеологии, а потому воспринимали послевоенные польские реалии как очередной этап в войне труда и капитала. Они с готовностью записывались в ряды сотрудников госбезопасности, спеша воплотить в жизнь обуревавшую их идею. Впрочем, поляков среди таких людей было не меньше, чем евреев.

Немаловажное значение имели также военные переживания: жизнь в гетто, фашистские концлагеря и доноительство соседей. Приход Красной армии воспринимался евреями как долгожданное избавление от шестилетнего ужаса, а потому они куда более охотно, нежели большинство поляков, шли на сотрудничество с новой властью.

Нельзя сбрасывать со счетов и мстительные побуждения: долгое время трактуемые как люди второго сорта, а затем методично уничтожаемые в гитле-

ровских лагерях смерти, евреи, наконец, получили возможность расквитаться сполна со своими обидчиками – немцами и поляками.

Наконец, работа в правоохранительных органах давала евреям защиту от насилия со стороны разного рода агрессивных антисемитов, а также обеспечивала их куском хлеба ввиду отсутствия каких бы то ни было других средств к существованию. Последнее, однако, в равной мере относилось и к полякам.

Весьма значительным было также присутствие евреев среди творческой и научной интеллигенции страны. Само по себе данное явление не было чем-то новым для Польши. Например, в 1929 г. из 7500 польских художников и литераторов евреями были 3 тыс. человек, из 9 тыс. учёных – 5 тыс., а из 14 тыс. инженеров и архитекторов – 6 тыс.¹¹. Всего же, согласно переписи населения 1931 года, из 3 839 400 лиц свободных профессий (включая ремесленников и предпринимателей), евреев насчитывалось 1 997 200¹². Причиной этого были трудности, которые чинились им при поступлении на работу в госаппарат довоенной Польши. Не видя для себя возможности сделать карьеру, евреи уходили в мелкий бизнес, творчество и гуманитарную сферу. При этом надо заметить, что как раз деятели культуры относились к наиболее полонизированным слоям еврейского населения Польши (в отличие, скажем, от рабочих и ремесленников, зачастую даже не говоривших по-польски)¹³. Большинство из них были уничтожены в период фашистской оккупации. Остальные же, кто успел бежать в СССР или сумел дожить до прихода советской армии, вскоре после войны либо переехали в Израиль и страны Запада, либо активно включились в восстановление мирной жизни (каковая тогда понималась как строительство социализма). Среди пропагандистов нового, социалистического, искусства оказались такие деятели еврейского происхождения, как Павел Хоффман (один из ведущих публицистов послевоенной Польши) и Ежи Борейша (директор издательского концерна «Чытельник»), литературоведы Ян Котт и Ежи Помяновский, поэты Адам Важек и Мечислав Яструн. Продолжали свою деятельность бывшие члены КПП философ Адам Шафф, быстро превратившийся в главного теоретика правящей партии, и писатель Юлиан Стрыйковский, известный книгами о еврейских местечках Галиции. В поддержку нового строя высказался и выдающийся польский поэт еврейского происхождения Юлиан Тувим.

К началу 1946 г. в Польше насчитывалось 93 тыс. евреев, причем в это число, судя по всему, входили также те из них, кто вернулся на родину вместе

с армией Берлинга (таковых было 16 – 20 тыс.), а также вышедшие из советских лагерей в соответствии с соглашением о репатриации от сентября 1944 г. (примерно 30 тыс.)¹⁴. Среди последних было особенно много членов КПП, осужденных за сотрудничество с полицией и разведкой довоенной Польши, а потому не выпущенных из лагерей вместе с остальными польскими ссыльными и заключенными в 1942 – 1943 гг. Они вышли на свободу благодаря личному вмешательству члена Политбюро ЦК ППР Б. Берута, пользовавшегося особым доверием И.В. Сталина¹⁵. Мировоззрение этих людей описал один из них – Стефан Шашевский – член молодежных структур КПП с 1921 г., отсидевший на Колыме семь лет, а затем занявший пост первого секретаря варшавского комитета партии. Он говорил: «... Я вернулся в Польшу как коммунист. Это означает, что всей жизнью и идеологией я был связан с концепциями и программой, которые защищали коммунисты, другими словами – люди, с которыми я много лет сотрудничал... эти люди, которые перед войной пришли вместе со мной в партию – в момент, совсем неподходящий для того, чтобы делать карьеру, – не искали высоких постов или лучших условий быта. Уже одним фактом своего выбора они подставляли себя под удар... Эти люди сидели в тюрьмах, их исключали из вузов, выгоняли с работы, они часто отказывались от личного счастья, чтобы воплотить в жизнь свои стремления и идеалы... Я вернулся в Польшу с убеждением, что здесь будет не так, как в Советском Союзе, ибо мы – другие... мы воспитаны в иной государственной и общественной традиции. Я вернулся с убеждением, что мы создадим какую-то новую модель. Сходную в основах, но иную»¹⁶.

6 июля 1945 г. было подписано новое польско-советское соглашение о репатриации. Как следствие, к концу июля 1946 г. в Польшу из СССР прибыло 157 420 е тыс. человек. Всего же к концу 1949 г. вернулось около 230 тыс. евреев¹⁷. Репатрианты начали предпринимать усилия по возврату своего имущества, захваченного соседями-поляками, что, в свою очередь, вызвало волну погромов, прокатившуюся по Хелму, Хшанову, Ченстохову, Кельцам, Кракову, Радому и Жешову. Особенно кровавый исход имел келецкий погром 4 июля 1946 г., унесший жизни 42 человек¹⁸. Результатом этого стала мощная волна еврейской эмиграции из Польши. В июне – сентябре 1946 г. страну покинули 63 тыс. евреев. Всего же к июлю 1947 г. в лагерях для перемещенных лиц на территории Австрии, Германии и Италии насчитывались 121 тыс. беженцев

из Польши. В целом за 1945 – 1955 гг. Польшу покинули более 200 тыс. евреев¹⁹. Среди эмигрантов оказались и два первых председателя Центрального комитета евреев в Польше: Эмиль Зоммерштейн (уехал в 1946 г. в США) и Адольф Берман (брат члена Политбюро ЦК ППР и ПОРП Я. Бермана. Уехал в 1950 г. в Израиль, где вступил в национальную компартию). К осени 1948 г. в Польше насчитывалось примерно 100 тыс. евреев, а в 1951 г., когда власти запретили выезд в Израиль, – только 80 тыс.²⁰

Отношение властей к еврейскому меньшинству в стране было в общем и целом благожелательным. В армии З. Берлинга с момента ее возникновения действовали раввины. В феврале 1945 г. правительство выдало разрешение на восстановление Еврейского вероисповедального объединения (с 1946 г. – Конгрегация, с 1949 г. – Религиозный союз веры Моисеевой). К 1947 г. еврейские конгрегации существовали уже в 80 населённых пунктах, в основном – на Западных землях. Было восстановлено 40 синагог, свою деятельность осуществляли 45 раввинов. Работали самоуправляемые еврейские религиозные школы всех уровней. Государство даже планировало создать еврейские анклав, главным образом – на Западных землях (например, в Валбжихе)²¹. Тогда же прошли судебные процессы над некоторыми виновниками массовых убийств евреев в Едвабне и Радзилове (Белостокское воеводство), произошедших в 1941 г. Власть также использовала в своих целях погром в Кельцах, возлагая ответственность за него на политическую оппозицию и католическую церковь²². Обвинения в антисемитизме вообще стали одним из орудий официальной пропаганды, которая, таким образом, стремилась опорочить всех противников нового строя²³. Существенную поддержку со стороны властей получили и сионисты (вследствие позиции СССР, который на тот момент рассматривал их как союзников в борьбе с «британским империализмом»). В 1947 – 1948 гг. в силезском Болькове даже действовал учебный центр боевой организации сионистов «Хагана», где преподавали инструкторы-коммунисты²⁴. Но на рубеже 1940-х – 1950-х гг., параллельно с резким охлаждением советско-израильских отношений, ужесточилась и политика в отношении польских евреев, в частности, была свернута деятельность сионистских организаций, распущены все возрожденные было еврейские партии и запрещена эмиграция в Израиль²⁵.

В 1947 г. при активной поддержке властей и советских спецслужб было создано Товарищество «Пакс» – организация христианско-социалистической

направленности, руководство которой (Б. Пясецкий, З. Пшетакевич, А. Лашовский и др.) в значительной мере состояло из антисемитски настроенных деятелей, до «Пакс» был необходим властям как орудие против католической церкви, однако оголтелая юдофобия его лидеров ни для кого не была секретом. Имея тесные связи с верхушкой правящей партии, «Пакс» претендовал на роль посредника между государством и костелом, но в тоже время не слишком жаловал «еврейскую группу» в Политбюро и правительстве. В частности, из недр «Пакса» вышла так называемая «секретная директива Бермана» – документ, сработанный по образцу «Протоколов сионских мудрецов», в котором польским евреям приписывалось желание захватить все рычаги управления в стране²⁶.

В 1948 г. в ППР столкнулись между собой два течения. Первое, представленное генеральным секретарем ЦК В. Гомулкой, а также некоторыми его соратниками по антифашистскому подполью (З. Клишко, И. Лога-Совиньский, М. Спыхальский, г. Корчынский, В. Беньковский и др.), выступало против насильственной коллективизации крестьян и воссоздания наднационального органа коммунистического движения взамен распущенного в 1943 г. Коминтерна. Гомулка, кроме того, не был склонен записывать в разряд врагов югославского лидера И. Броз Тито, против которого в значительной степени и была направлена пропагандистская и организационная машина созданного в сентябре 1947 г. Коминформа. Второе же течение, представленное формально беспартийным президентом Польши Б. Берутом (членом КПП с 1918 г.) и большинством членов Политбюро и ЦК ППР (Я. Берман, Р. Замбровский, Х. Минц, Э. Охаб, А. Завадский, Ф. Юзвьяк, С. Радкевич, К. Мияль и др.), слепо следовало советским курсом и обвиняло сторонников Гомулки в правонационалистическом уклоне. Почти все противники генерального секретаря были т.н. «московскими поляками», то есть провели войну в Советском Союзе либо были заброшены в оккупированную гитлеровцами Польшу с советской территории. Эта линия водораздела была очевидна и для советского посла В.З. Лебедева, который в марте 1948 г. сообщал в Москву: «В руководстве ППР сложились и действуют две борющиеся друг против друга группировки: одна – вокруг Гомулки, включающая в себя лиц, зараженных польским шовинизмом, и другая – вокруг Минца, включающая в себя работников партии, которые во время войны находились в СССР и которые характеризуются

явно «промосковской ориентацией»²⁷. Понятно, что за этими людьми стояла вся мощь военного, идеологического и репрессивного аппарата СССР. В начале сентября 1948 г. пленум ЦК ППР снял Гомулку с поста партийного лидера. 9 декабря того же года прошла личная встреча опального политика со Сталиным, а спустя пять дней Гомулка написал советскому вождю письмо, в котором, пожалуй, впервые открыто заявил о наличии «еврейского вопроса» в правящей партии Польши. По его словам, в государственном и партийном аппарате страны было слишком много евреев, причем, часть из них «не чувствует себя связанной с польским народом... никакими нитями или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом»²⁸.

В научной литературе уже высказывалось предположение, что данный пассаж отставного лидера был вызван стремлением сыграть на все более нараставших антисемитских чувствах Сталина ввиду явных произраильских симпатий множества советских евреев²⁹. Однако подобную точку зрения не позволяет принять сам стиль письма. Во-первых, оно вовсе не похоже на обычный антисемитский пасквиль по образцу пресловутой «секретной директивы Бермана». Гомулка просто перечислял причины, по которым он отказывался баллотироваться в новый состав Политбюро, и среди прочего назвал «персональную», а точнее, кадровую политику партии. Более того, он упомянул, что уже не раз поднимал этот вопрос, и, словно продолжая заочный спор со своими оппонентами, говорил: «Не соответствует истине тот факт, что только серьезный недостаток польских партийных кадров делает невозможным проведение иной, чем существующая теперь, персональной политики»³⁰. Во-вторых, если бы Гомулка действительно хотел избавиться от своих соперников по партии, взяв на вооружение пропагандистский арсенал кампании по борьбе с космополитизмом, то, наверно, наштапковал бы свое послание соответствующими формулировками. Однако бывший генеральный секретарь этого не сделал. Напрашивается вывод, что Гомулка был искренен, когда говорил, что большой процент евреев препятствует расширению социальной базы партии, и надеялся, что Сталин обратит внимание на этот наболевший вопрос. Не случайны его слова: «Я располагаю многочисленными документами того, что существующее положение дел в области состояния руководящих кадров как в партии, так и в государственном аппарате вызывает серьезную тревогу и недовольство. В то же время в партии, особенно после августовского пленума

[1948 г.], сложилась такая обстановка, когда никто не имел мужества высказать критические замечания против нынешней персональной политики. Недовольство же выражается в кулуарах»³¹.

Аналогичную озабоченность высказывали и работники советского посольства. В уже приводившемся донесении советского посла от марта 1948 г. имеются такие строки: «Группа г. Минца, как всякая подобная группа, идет по ошибочному пути: борясь против польского шовинизма в партии, сама складывается как еврейская группа»³². Летом 1949 г., на волне кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, В.З. Лебедев сообщил министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, что руководящая группировка ПОРП явно страдает еврейским национализмом, покровительствует еврейским националистическим организациям и стремится изолировать Берута от «польских товарищей». «Аппарат Министерства госбезопасности, начиная с заместителей министра и включая всех начальников департаментов, не имеет ни одного поляка. Все – евреи. В департаменте разведки работают только евреи...». Посол настаивал на необходимости замены министра госбезопасности и проведении чистки в ведомстве³³. Даже после смерти Сталина и спада антисемитской волны в СССР из Польши продолжали доноситься призывы к ограничению числа евреев в руководящих органах. Так, 20 октября 1953 г. министр обороны ПНР К.К. Рокоссовский проинформировал советника посольства СССР Д.И. Заикина, что в политуправлении Войска Польского кадры укомплектованы по семейному и национальному признаку (с преимуществом евреев), а Берут находится под влиянием Бермана, Минца и Замбровского. Советские лидеры Н.С. Хрущёв, Г.М. Маленков, В.М. Молотов и Н.А. Булганин откликнулись на это пожеланием польской верхушке сделать оргвыводы и «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности»³⁴.

Из этих заявлений шатким выглядит разве только письмо Лебедева, написанное летом 1949 г. Его тезис о потворстве еврейским националистическим организациям, прежде всего, «Джойнту», слишком уж напоминает аналогичные заклинания советской пропаганды того времени, когда кругом виделись происки сионистов и космополитов. Лебедев, будучи государственным чиновником, конечно, не мог остаться в стороне от очередной политической кампании, а потому старательно искал «еврейский дух» на поднадзорной террито-

рии. Чтобы понять, насколько его доклад не соответствовал действительности, достаточно сказать, что как раз летом 1949 г. в Польше вовсю шел процесс уничтожения всех независимых от ПОРП еврейских структур, в особенности националистических (т.е. сионистских и традиционалистских). Куда большего внимания заслуживает сообщение Рокоссовского. Известно, что у него не сложились отношения с руководством ПОРП, которое считало его чужеродным элементом. Однако вряд ли столь прямолинейный человек, как Рокоссовский, стал бы прибегать к разного рода сомнительным приемам, дабы опорочить кадровый состав политуправления Войска Польского. Представляется, что он не кривил душой, когда указывал, что данное ведомство укомплектовано по семейному и национальному признаку. Очевидно, у министра вызывала раздражение бросавшаяся в глаза численность евреев в данной структуре.

В принципе, Гомулка был недалек от истины, когда говорил, что часть его однопартийцев страдает национальным нигилизмом. Действительно, многие «московские поляки» рассматривали Польшу как очередной взятый коммунистами бастион, а потому для них не имело смысла рассуждать о каком-то самостоятельном пути страны к социализму. Любой, кто так ставил вопрос, однозначно расценивался как адепт «буржуазного национализма». Отсюда и тезис о «правонационалистическом уклоне» Гомулки. Например, Е. Борейша, идейными и родственными нитями связанный с высшими кругами аппарата (его братом был заместитель министра общественной безопасности Ю. Ружаньский) сообщал одному из советских дипломатов 30 марта 1948 г.: «...Гомулка, как вы знаете, националист, как и многие поляки». По его мнению, Берман и Минц были «куда более спокойными и рассудительными людьми»³⁵. Позднее, когда политическая линия правящей партии радикально изменилась, подобные убеждения начали расцениваться как левацкий курс, особенно присущий «скрытым сионистам». Но в конце 1940-х гг. в таком духе не раз высказывались многие представители государственного и партийного истеблишмента Польши, в том числе и нееврейского происхождения. Например, член Политбюро ЦК ППР и ПОРП Александр Завадский, некоторое время занимавший пост председателя Государственного Совета, утверждал позднее, что отказать в поддержке Гомулке его побудили соображения коммунистического интернационализма. «Мы – не одинокая Народная Польша, – говорил он, описывая настроения того времени. – Мы – Народная Польша, снова связан-

ная узами с другими коммунистическими и рабочими партиями, в том числе с ВКП(б)...»³⁶. Глава управления общественной безопасности в Лодзи Мечислав Мочар, позднее прославившийся лидером партийных антисемитов, заявил в августе 1948 г. на пленуме ЦК: «Советский Союз – это не просто союзник. Для нас, партийцев, это – наша родина, границы которой трудно определить. Сегодня они за Берлином, а завтра – на Гибралтаре»³⁷. Таким образом, оба деятеля открещивались от «националиста» Гомулки с его тезисом об особом, «польском пути к социализму».

В 1949 – 1951 гг. в Польше проходили многочисленные аресты лиц, заподозренных в правонационалистическом уклоне, а также в связях с югославской и англо-американской разведками. Подготавливался большой судебный процесс В. Гомулки и его «соучастников». Стремясь обосновать наличие разветвленного межгосударственного заговора, верхушка ПОРП сносилась с советским руководством и лидерами других стран народной демократии, где проходили аналогичные процессы над своими «отступниками», вроде Ласло Райка и Трайчо Костова. Смерть Сталина 5 марта 1953 г., казалось, должна была положить конец этой вакханалии, но Политбюро ЦК ПОРП, раздосадованное, очевидно, тем фактом, что не успело до смерти советского лидера провести по-настоящему крупный процесс над собственными «отщепенцами» в партии (в отличие от всех остальных стран советского блока), продолжало раскручивать маховик репрессий. 19 марта 1953 г. снова оказался за решеткой бывший председатель фракции ППР в Сейме Зенон Клишко (член Компартии Польши с 1931 г.), а 22 мая 1954 г. на тайном судебном заседании был приговорен к пожизненному заключению ветеран Гражданской войны в Испании и бывший помощник министра общественной безопасности Гжегож Корчынський. Среди прочего его обвинили в убийствах евреев во время войны (в 1942 – 1943 гг. его партизанский отряд действительно произвел экзекуции еврейских коммунистов в рамках внутрипартийной борьбы³⁸). Это было беспрецедентным фактом в истории политических репрессий в Польше и, вероятно, вытекало из изменившихся правил игры, когда улучшение отношений СССР с Югославией сняло с повестки дня обычный до тех пор пункт обвинений в связях с «титовской агентурой».

После развенчания культа личности и возвращения Гомулки на политический Олимп период с 1948 по 1956 гг. стал именоваться в официальной пропа-

ганде «временем ошибок и искажений», а в среде разного рода антисемитов (в том числе с партийными билетами) получил негласное наименование «еврейского засилья». Причинами этого, как уже упоминалось, являлось, во-первых, большое число евреев в органах госбезопасности, а во-вторых, присутствие нескольких евреев в составе Политбюро ЦК ПОРП. В опровержение этого тезиса также не раз указывалось, что среди людей, непосредственно причастных к установлению в Польше сталинских порядков, было немало поляков, в том числе и самого высокого ранга (первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут, премьер-министр Юзеф Циранкевич, министр общественной безопасности Станислав Радкевич, члены Политбюро и Оргбюро ЦК ПОРП Александр Завадский, Франтишек Мазур и Эдвард Охаб, заместитель премьер-министра Зенон Новак, секретарь Варшавского комитета партии Казимеж Мияль, председатель Центрального совета профсоюзов Виктор Клосевич, министр обороны Константин Рокоссовский, председатель Центральной комиссии партийного контроля Франтишек Юзьвяк, министр культуры Владзимеж Сокорский и многие другие). Но нельзя не заметить, что если среди поборников сталинского курса встречались как евреи, так и поляки, то среди осужденных за правонационалистический уклон были только поляки. Такое положение являлось закономерным следствием этнического состава тех активистов ППР, которые всю войну провели в Польше и привыкли видеть в Гомулке своего лидера. Это также имело свой отзвук в дальнейшей эволюции правящей партии Народной Польши.

Предупреждение Гомулки о глухом недовольстве многих членов партии и работников органов власти кадровым, а точнее, национальным, составом правящей элиты имело под собой все основания. Уже вскоре после окончания войны сотрудник советской госбезопасности обращал внимание начальства на то, что значительная часть служащих в государственном аппарате жалуется на еврейское засилье в министерствах и ведомствах. В 1947 г. комиссар по вопросам обеспечения еврейского населения в Кракове информировал «верхи»: «Сохраняется более или менее скрытая неприязнь к евреям, свойственная также и низам демократических партий [т.е. ППР и ее союзников. – В.В.], хотя и в куда меньшей степени. То же самое касается армии и милиции»³⁹. Последнее подтвердилось в ходе келецкого погрома, когда активное участие в избиении евреев приняли военнослужащие и сотрудники Министерства гос-

безопасности⁴⁰ – той самой госбезопасности, чью деятельность, по мнению келецкого же епископа Качмарека, якобы направляли евреи.

Все это свидетельствовало о том, что бытовой антисемитизм никуда не делся, даже если часть населения встала на путь сотрудничества с новой властью, принимая, вроде бы, ее лозунги пролетарского интернационализма. Рабочие, крестьяне и интеллигенция, даже вступая в ППР или какие-либо официальные структуры, по-прежнему находились под сильным влиянием польской католической церкви, чье отношение к иудаизму и евреям было хорошо известно. Кроме того, многие из них в прошлом так или иначе взаимодействовали с разными политическими организациями, которые тоже не слишком жаловали евреев (например, крестьянские партии, обвинявшие их в эксплуатации деревни⁴¹) или даже открыто провозглашали их врагами Польши (как национал-демократы, громившие их магазины), что не могло не сказаться на мировоззрении масс.

Учитывая все вышесказанное, можно понять обеспокоенность Гомулки и некоторых других представителей партноменклатуры чрезмерным присутствием евреев в партийно-государственном аппарате. Уже в 1949 г. А. Завадский говорил в доверительной беседе: «Для меня совершенно ясно, что группа в лице Бермана, Замбровского и Минца захватила в свои руки фактическое руководство ПОРП и умело отодвигает Берута на задний план... Я считаю, что засилье евреев в партийных и государственных органах Польши является серьезной политической проблемой»⁴². А в конце сентября того же года министр общественной администрации Владыслав Вольский (бывший член КПП) в беседе с одним из сотрудников советского посольства раскритиковал Я. Бермана, заметив, что из-за господства «лиц еврейской национальности» в Министерстве общественной безопасности Москва не получает объективную информацию о событиях в Польше. В апреле 1950 г. Вольский даже обратился к советскому послу с просьбой разрешить ему встретиться со Сталиным, чтобы донести до советского вождя свою озабоченность «еврейским вопросом». Тогда же, согласно спецдонесению ТАСС, член ЦК ПОРП, бывший социалист Стефан Матушевский следующим образом высказался о решении Политбюро ЦК ограничить полномочия Я. Бермана и Р. Замбровского: «Многие работники ЦК – евреи – рассматривают это решение как наступление против партийных работников-евреев, отстранение их от руководства партией... это решение будет горячо одобрено всей партией»⁴³.

Однако советские «верхи» не пошли на поводу у подобных настроений. Причиной тому, несомненно, было то, что Берман, Минц и ряд других деятелей, которых причисляли к «еврейской группе», являлись доверенными лицами Сталина в ПОРП. А, кроме того, как быстро выяснилось, начиная атаку на них, Вольский руководствовался отнюдь не заботой о продвижении польских кадров, а личными амбициями. Как сообщал советник МГБ СССР в Польше, сам Вольский следующим образом объяснял мотивы своих действий: «В настоящее время я веду борьбу с руководством партии. Там есть такие люди, которые хотят меня отодвинуть на задний план, поэтому у меня с ними идет борьба за власть»⁴⁴. В силу этого советская «верхушка» не поддержала Вольского, когда тот выступил с предметной критикой кадровой политики ПОРП на майском пленуме 1950 г. Результатом этого пленума было исключение Вольского из состава ЦК «за интриганство, двурушничество, за диверсионную деятельность против единства партии»⁴⁵.

Общественно-политический кризис 1956 г. и обострение межнациональных противоречий

Смерть Сталина, политическая борьба в советских «верхах» и осторожное дуновение «оттепели» явились толчками к новому столкновению внутри ПОРП. В декабре 1953 г. бежал на Запад один из высокопоставленных функционеров польской госбезопасности Юзеф Святло, ведавший борьбой с «контрреволюцией» в партии (в частности, именно он производил арест В. Гомулки). Его бегство, по всей видимости, было вызвано падением некогда всесильного шефа советских спецслужб Л.П. Берии, опекавшего коллег из Восточной Европы. Вскоре, с сентября 1954 г., Святло начал выступать по радио «Свободная Европа» с разоблачительными передачами о методах работы органов внутренних дел в Польше. Это послужило причиной для разбирательства в Политбюро ЦК ПОРП и позднейшего разделения Министерства общественной безопасности на МВД и Комитет общественной безопасности. Ряд руководителей старого ведомства (С. Радкевич, М. Метковский, Ю. Ружаньский, А. Фейгин) лишились своих постов, в отношении некоторых из них спустя какое-то время были возбуждены уголовные дела «за нарушения

социалистической законности». Таким образом, были серьезно поколеблены позиции органов госбезопасности, а опосредованно – и всей правящей элиты. Начались реабилитации и освобождения из тюрем политзаключённых, в том числе пострадавших за «правонационалистический уклон». На совещании центрального партийного актива 29 ноября – 1 декабря 1954 г. критике подвергся всемогущий доселе Я. Берман, а член ЦК В. Клоевич открыто поставил вопрос о юридической обоснованности ареста Гомулки⁴⁶.

В конце февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором с секретным докладом о культе личности выступил Н.С. Хрущёв. А 12 марта в Москве умер Б. Берут. Начавшееся вскоре в Польше массовое общественное движение за демократизацию и завоевание полноценного государственного суверенитета изрядно подогрело страсти, связанные с дележом «наследства» бывшего партийного лидера.

На проходившем в марте 1956 г. VI пленуме ЦК ПОРП, пожалуй, впервые обнаружился явный раскол ЦК на две группы – «натолинцев» и «пулавян», трения между которыми будут определять внутривнутрипартийные отношения во второй половине 1950-х – 1960-е гг. В историографии сложилась точка зрения, что «натолинцы» (названные так по имени варшавского района, в одном из особняков которого участники группы проводили свои встречи) относились к консервативному крылу правящей верхушки. Они якобы выступали за сохранение жесткого политического и экономического курса при условии отказа от «перегибов» и наказания виновных в «ошибках» старого руководства. Такое мнение, на наш взгляд, звучит слишком упрощенно и не вполне отражает цели этого течения.

Единственное, что не подлежит сомнению, это стремление «натолинцев» отмежеваться от Берута, Бермана, Минца, Замбровского, Радкевича и их ближайшего окружения. «Натолинцы» открыто говорили о неумеренном присутствии евреев в правящих структурах партии и госбезопасности, и, будучи выходцами из рабоче-крестьянской среды, весьма холодно относились к интеллигенции. К наиболее влиятельным «натолинцам» причисляют: В. Клоевича, С. Лапота (заместителя премьер-министра), З. Новака, К. Мияля, Б. Руминьского (министра сельскохозяйственной промышленности и продовольствия), К. Виташевского (заместителя министра обороны, начальника Главного политического управления вооруженных сил), Х. Хэлховского (кандидата в члены

Политбюро, председателя президиума воеводского совета во Вроцлаве), Ф. Юзьвяка, А. Завадского, В. Двораковского (начальника Комитета общественной безопасности).

«Пулавяне» же (от названия Пулавской улицы в Варшаве, где многие проживали), как полагают многие историки, выступали за ограниченную демократизацию политической системы (в частности, за реальную выборность партийных руководителей), экономические реформы в югославском стиле и либерализацию культурной и научной жизни. Видными «пулавянами» считаются: Р. Замбровский, Л. Касман (многолетний главный редактор газеты «Трыбуна люду»), С. Шашевский, А. Альстер (заместитель председателя Комитета общественной безопасности), Ц. Будзыньская (директор Центральной школы ПОРП), Р. Гранас (директор партийной школы при ЦК ПОРП), Е. Моравский (заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК), А. Верблян (преемник Моравского в Отделе пропаганды и агитации), Е. Альбрехт (председатель президиума варшавского горсовета), В. Матвин (бывший первый секретарь варшавского комитета ПОРП, дважды – главный редактор «Трыбуны люду»), Х. Козловская (заместитель заведующего Организационным отделом ЦК), Ю. Коле (заместитель министра финансов), Х. Яворская (председатель Главного правления Союза польской молодёжи), Я. Зажицкий (председатель Центрального управления профессионального образования, затем – заместитель министра обороны), А. Старевич (секретарь Центрального совета профсоюзов)⁴⁷.

Приведённый перечень показывает, что новый раскол произошёл уже не по политическому, а скорее по национальному признаку. Среди «натолинцев» не было ни одного еврея, зато среди «пулавян» их было немало. Вместе с тем потеряло свою актуальность разделение на «московских» и «немосковских» поляков. Представители и той, и другой группы находились в обеих «фракциях». Например, «натолинцы» Виташевский и Завадский провели войну в СССР, а их сотоварищи по группировке Мияль, Хэлховский и Юзьвяк – в Польше. «Пулавяне» Альбрехт и Моравский были участниками антифашистского подполья, а Замбровский и Матвин входили в состав армии Берлинга, сформированной на территории СССР. Но оба течения отказывали в доверии Берману, Минцу и Радкевичу, которые, таким образом, оказались лишены поддержки в партии и вскоре были выведены из властных структур.

Постепенно за «пулавянами» закрепилась репутация прогрессивно мыслящих людей, в отличие от закосневших в своем консерватизме «натолинцев». Однако если взглянуть повнимательнее, то окажется, что «пулавяне» просто шли в русле той партийной политики, которая проводилась, начиная с 1954 г. И с этой точки зрения первыми «пулавянами» в определённой степени можно считать Б. Берута и Я. Бермана.

Именно в 1954 г. наметился новый подход правящих кругов к сфере культуры. Если раньше, невзирая на постоянные заверения членов Политбюро в важности литературы и искусства в деле построения социализма, и та, и другое фактически приносились в жертву ускоренной индустриализации страны, а сами деятели культуры подвергались непрерывному идеологическому и политическому давлению со стороны партийных органов, то теперь режим несколько изменил свою культурную политику. Цель осталась той же – воспитание бойцов за коммунизм, но методы воздействия на творческих работников, а через них и на общество, были уже иные. Вместо подавления каждого несанкционированного властью высказывания начали поощрять критику, если она исходила от членов собственного лагеря, с целью убедить сомнеющихся в правильности линии партии. Иначе говоря, власть отказалась от механического вбивания в головы граждан решений правительства и Политбюро и утверждение среди деятелей культуры коммунистического восприятия окружающей действительности возвела в ранг сознательного выбора. Секретарь ЦК Ежи Моравский позднее (уже после смерти Б. Берута) так сформулировал новую политику: «Мы за свободу слова и обмен мнениями, но чтобы при этом побеждала партийная и коммунистическая точка зрения»⁴⁸. На заседаниях Союза польских литераторов и других творческих объединений в 1954 – 1955 гг. начали проходить дискуссии, где часто критиковались исполкомы первичных парторганизаций, сами парторганизации и некоторые их деятели, особенно жестко внедрявшие когда-то сталинскую политику. Зазвучала также критика некоторых постановлений правительства предыдущих лет. Главными причинами недовольства деятелей культуры были: административные методы управления творческим процессом, засилье соцреализма, плачевная экономическая ситуация в культурных учреждениях и сообществах⁴⁹. Партийные функционеры, хотя и с подозрением смотрели на некоторые заявления, считая их проявлением «безответственности», а иногда даже наступлением «враж-

дебной идеологии», отмечали, однако, что «сам обмен мнениями положительно характеризует пленум»⁵⁰.

Власти вообще начали более благосклонно взирать на общественную инициативу, особенно если она была направлена на укрепление социализма: например, тот же Берман, прежде нещадно подавлявший любую самостоятельность низов, осенью 1955 г. дал добро на создание Клуба кривого колеса в Варшаве, где собиралась научная и творческая интеллигенция и обсуждались насущные вопросы культурной жизни страны. В прессе с молчаливого согласия цензуры начали появляться все более смелые материалы о темных сторонах социалистической действительности, а прежний глашатай соцреализма поэт А. Важик выступил с сенсационным произведением «Поэма для взрослых», где описал убогие условия существования польских рабочих. «Поэма» увидела свет на страницах еженедельника «Новая культура», главным редактором которой был недавний ортодоксальный сталинист П. Хоффман. Это указывало на изменение общественно-политической атмосферы в стране, на пересмотр многими коммунистами своих идейных ориентиров.

Возникли новые журналы, посвященные вопросам культуры. Первым из них, созданным в качестве эксперимента, была «Лодзь литератца» («Литературная Лодзь»). Популярность, которую завоевал этот журнал, поощрила власть к дальнейшим шагам, и в течение года (лето 1955 – лето 1956) появилось еще несколько еженеделничков и еженедельничков о культуре, главным образом в провинции. На важность, которую придавала власть этому вопросу, указывает тот факт, что для исследования ситуации, сложившейся в культурной периодике страны, ЦК создало комиссию с участием партийных писателей: Яцека Бохеньского и Леона Пшемского⁵¹.

«Пулавянам» принадлежит заслуга развертывания критики сталинизма в Польше. Правда, произошло это уже после знаменитого доклада Хрущёва на XX съезде КПСС. О том, какое влияние на умы польских коммунистов имело выступление Хрущева, говорит заявление Ю. Стрыйковского, который указывал, что до XX съезда он питал «слепое доверие» к партии, а свою идеологию основывал на работах Сталина; но поскольку партия, продолжал писатель, сама признала, что может совершать ошибки, стало быть, позволено ее критиковать⁵². Глава варшавского комитета ПОРП С. Сташевский, выступая в начале марта 1956 г. на закрытом совещании центрального партактива, назвал

«бериевщину» закономерным следствием системы, созданной Сталиным, и выступил с предложением реабилитировать всех польских коммунистов, осужденных за политические преступления. А «Трыбуна люду», руководимая В. Матвиным, 10 марта без ведома ЦК опубликовала редакционную статью под заголовком «О культе личности и его последствиях»⁵³. Благодаря этому в Польше «секретный доклад» Хрущева быстро стал достоянием гласности.

При этом не следует переоценивать реформаторский запал «пулавян». Они тщательно оберегали свои властные позиции и не останавливались перед крутыми мерами в отношении наиболее зарвавшихся «критиканов». В 1955 г. с подачи будущих «пулавян» Е. Моравского и С. Жулкевского (заведующего Отделом культуры и науки) Центральный Комитет по меньшей мере дважды одергивал работников гуманитарной сферы, предупреждая их об опасности «буржуазной идеологии» и недооценки партийного руководства творческим процессом⁵⁴. В сентябре 1955 г. на совещании писательского партактива в ЦК ПОРП разному подвергся А. Важик за свою «Поэму для взрослых», а П. Хоффман вскоре после этого потерял работу. На протяжении 1956 г., в условиях все более нараставшей критики властей в прессе, партийным взысканиям (вплоть до исключения из ПОРП) подверглось несколько публицистов и литераторов. В декабре 1956 г. Р. Замбровский на одной из районных партконференций прямо назвал членов ПОРП, выступавших за более глубокую демократизацию, «группой бешеных». К таковым он отнес публициста Р. Зиманда, поэта В. Ворошильского и сотрудницу Института общественных наук Я. Секерскую⁵⁵. Чуть ранее еще один высокопоставленный «пулавянин» Антоний Альстер, говоря о грядущих выборах в Сейм, заявил: «Сейчас проявляются разные аппетиты на выставление других предвыборных списков, кроме списка Национального фронта»⁵⁶. Но никакие другие списки допущены не будут... Говоря о характере будущего Сейма, следует сразу заявить, что это не будет Сейм, отвечающий мечтам депутата Хохфельда»⁵⁷ (Юлиан Хохфельд – социолог, бывший член руководства ППС, профессор нескольких польских вузов).

«Пулавяне» также были категорически против снятия с группы Гомулки ярлыка «правонационалистических уклонистов». И в этом они тоже следовали курсом Берута. Еще весной 1956 г., когда в стране поднималась общественная волна за возвращение бывшего генерального секретаря на пост главы партии, такие люди, как С. Сташевский и Е. Моравский, продолжали твердить, что го-

мулковщина означает отказ от социализма. Впрочем, подобной точки зрения придерживалась и часть «натолинцев» (например, А. Завадский, Ф. Юзьвяк), а также новый первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Охаб. Ничего не имея против восстановления отставного лидера в партии, они воспринимали это лишь как акт его очищения от обвинений в антигосударственном заговоре, но не как признание правильности его политической линии. Охаб вспоминал: «Я говорил в Политбюро: надо с горечью заявить, что мы совершили тяжкую ошибку, обвиняя Гомулку в антикоммунистическом заговоре... После XX съезда КПСС для меня стало совершенно ясно, кто организовал этот “международный заговор”. Я по-прежнему сохранял свою позицию по отношению к так называемому правонационалистическому уклону, но говорил: это дело уже в прошлом, а теперь, сталкиваясь с другими проблемами, мы не должны ущемлять Гомулку и мешать ему вернуться в партию»⁵⁸. 9 мая 1956 г. по поручению Политбюро с бывшим генеральным секретарем встречались Ф. Мазур и З. Новак – два столпа «натолинской» группировки. А на июльском пленуме ЦК произошел горячий обмен мнениями между представителями обеих группировок, в ходе которого общим голосованием было решено отменить постановление III пленума от 13 ноября 1949 г. о выводе Гомулки, Клишко и Спыхальского из состава ЦК за « правонационалистический уклон» и потерю революционной бдительности⁵⁹.

Для «натолинцев» не меньшую важность, чем ситуация с Гомулкой, имел вопрос этнического состава руководящих органов ПОРП и госаппарата. Эта тема всплыла на VI пленуме ЦК в марте 1956 г. во время обсуждения кандидатуры нового партийного лидера. Наиболее вероятными кандидатами на этот пост считались З. Новак и Р. Замбровский, причем первый не гнушался прибегать к аргументам антисемитского характера в своем стремлении не допустить избрания соперника. Однако главой партии стал Э. Охаб, кандидатуру которого поддержал присутствовавший на пленуме Хрущев. Советский лидер исходил при этом из тех же соображений, что и «натолинцы» – «руководить Польшей должны поляки»⁶⁰. По этой причине он советовал «польским товарищам» переместить Р. Замбровского или хотя бы освободить его от курирования кадровых вопросов в ЦК⁶¹. Во время пленума, по воспоминаниям С. Сташевского, Хрущев в личной беседе с некоторыми «пулавянами» предлагал ввести процентную норму для польских евреев в вузах и государственных учреждениях, и подробно живописал антисемитские настроения Сталина на рубеже 1940-х – 1950-х гг.⁶²

Собственно, именно предложение избрать Замбровского членом Секретариата ЦК и послужило, как утверждал В. Кloseвич, поводом к первому открытому столкновению двух группировок. «Натолинцы», по воспоминаниям Кloseвича, вовсе не были поборниками антисемитизма, а лишь выступали против концентрации полномочий в одних руках (в данном случае – Замбровского). И действительно, интервью с этим партийным деятелем, взятое в начале 1980-х гг. журналисткой Т. Тораньской, не дает оснований заподозрить в нем юдофоба. Он вполне отдавал себе отчет в причинах обширного присутствия евреев в партноменклатуре и госбезопасности, и был озабочен лишь имиджем партии в глазах населения страны, которое было весьма податливо на лозунги о «жидо-коммуне». «Если бы в Америке коммунисты взяли власть и на все посты назначили бы негров, мы бы сказали им: не делайте этого, ведь утратите влияние. Следует ли из этого, что мы – расисты?.. – вопрошал Кloseвич. – Большим несчастьем оказалось, что когда в 1955 г. наступил расчет [за прошлое], все руководители департаментов в управлении госбезопасности были евреями»⁶³. В этих словах слышится та же обеспокоенность, что и в письме Гомулки Сталину.

Все это, однако, не отменяет того факта, что в условиях острого политического кризиса, который переживала ПОРП в 1956 г., призывы ограничить число евреев во власти служили удобным орудием для сохранения собственного положения в правящих структурах. Чувствуя недовольство населения существующими порядками, что вскоре проявилось в познанском бунте и студенческих волнениях, «натолинцы» пытались сделать партию более национальной, дабы заручиться общественной поддержкой, а заодно удержаться на своих постах. Поэтому «еврейский вопрос» поднимался еще не раз. Например, 2 и 3 мая 1956 г. на заседании Политбюро А. Завадский обрушился с резкой критикой на Я. Бермана, обвинив того в еврейском национализме и потакании «сплеменникам» при назначении на различные посты в своем ведомстве⁶⁴. А на VII пленуме 18 – 28 июля 1956 г. З. Новак прямо предложил сократить число евреев в руководящих органах. Его речь вызвала бурную дискуссию и получила широкий резонанс в прессе, которая с этих пор начала активно обсуждать тему польского антисемитизма⁶⁵.

Выступление Новака оказалось также в центре внимания бесед сотрудников советского посольства с региональными руководителями ПОРП. Так,

например, первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Быдгощи бывший член КПП Владыслав Кручек отметил, что «некоторые члены пленума (по национальности евреи) стали обвинять ЦК ПОРП в антисемитизме. Поводом для этих разговоров послужило выдвижение на крупные руководящие должности членов ПОРП по национальности поляков и соответствующая замена на этих должностях лиц еврейской национальности. Пленум поддержал линию ЦК ПОРП на обновление кадров и осудил разговоры об антисемитизме». Первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Кракове Станислав Бродзинский назвал речь Новака «правдивой» и «ленинской», повторив слова докладчика, что «дальше терпеть нельзя, чтобы на важнейших государственных постах в правительстве и ЦК ПОРП в своём большинстве находились евреи». Первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Гданьске Ян Труш сообщил в связи с речью Новака, что «среди людей еврейской национальности, в том числе и членов ЦК ПОРП, распространяются мнения о том, что еврейский вопрос обострился якобы по вине товарища Н.С. Хрущева, затронувшего этот вопрос во время его последнего приезда в Польшу»⁶⁶.

Раздражение по поводу пребывания евреев на ответственных постах испытывали не только представители партийной верхушки, но и немало чиновников среднего звена. Очевидно, именно на них, прежде всего, и рассчитывали те, кто ставил на повестку дня «еврейский вопрос». Например, партийный работник из Бялы-Подляски А. Чех (член КПП с 1928 г.) в беседе с одним из советских коллег, имевшей место вскоре после возвращения Гомулки на пост первого секретаря, сокрушался, что «стойкие коммунисты оказываются в меньшинстве перед лицом пепеэсовцев, бундовцев и сионистов», ибо, по его словам, из 60 членов ЦК поляками были только 26 человек, а из 12 генералов – лишь 4. Особенный гнев у Чеха вызывали: «сионист Мордко (Сташевский)», который в октябре 1956 г. якобы организовал раздачу оружия рабочим, «генерал еврей Спыхальский», который, дескать, после отставки Рокоссовского разлагает армию, и председатель Госплана Ендрыховский (без объяснений)⁶⁷. В разговоре, состоявшемся 14 ноября 1956 г., секретарь Главного правления Общества польско-советской дружбы (и постоянный информатор советского посольства) Т. Ксенжек обвинил «еврейскую группу» – Замбровского, Матвина, Моравского, Сташевского, Будзыньской, Гранас и ряда других – в том, что она устроила разгон неугодных ей партийных кадров⁶⁸. 27 декабря тот же

Ксенжек не без досады заявил сотруднику советского посольства, что, невзирая на массовый отъезд евреев в Израиль и во Францию, Гомулка продолжает поддерживать лиц еврейского происхождения на руководящих постах, что может снизить его авторитет в стране⁶⁹. В августе 1957 г. второй секретарь польского посольства в Москве П. Мотрук в разговоре с сотрудником МИД СССР обратил внимание собеседника, что «основные ключевые позиции в Министерстве [иностраных дел ПНР] занимают лица не польской национальности». Ответственными за такое положение он считал Ю. Циранкевича, Р. Замбровского, А. Рапацкого и близких к ним людей, которые будто бы намеренно выдвигали на руководящие посты «ревизионистов, выходцев из ППС и АК⁷⁰»⁷¹. В декабре 1959 г. один из сотрудников посольства СССР сообщил, что в личной беседе представителя Северной группы войск генерала Лактионова с председателем варшавского отделения Лиги друзей солдата полковником Москаликосом последний указал на евреев как на источник разброда и шатаний в ПОРП. По словам офицера, более половины ЦК составляли евреи; к таковым он отнес Циранкевича, Замбровского, Рапацкого, Спыхальского, Охаба, Ендрыховского, Матвина и др., причем лидером этой «еврейской группировки» он считал Замбровского. «Получилось так, что основные рычаги государства, такие как: армия, во главе со Спыхальским и Зажицким, ВВС во главе с Фрей-Белецким, МИД во главе с Рапацким, планирующие органы во главе с Ендрыховским, – оказались в руках евреев. Начальника политического управления Войска Польского генерала Зажицкого товарищ Москалик характеризует как “главаря ревизионистов в Войске Польском”. Товарищ Москалик считает, что засилье евреев в центральных органах является одной из главных причин распространения в ПОРП ревизионистских настроений»⁷².

Несомненно, в значительной мере этот упор на «еврейское засилье» был сделан ввиду готовности советской стороны слушать подобные голоса. Как указывалось выше, советская верхушка всегда с подозрением смотрела на присутствие евреев в ЦК ПОРП и не раз выражала свое негативное отношение по этому поводу. Наиболее явно такой подход обозначился на мартовском пленуме ЦК ПОРП в 1956 г., когда Хрущев сделал ставку на «натолинцев». В связи с этим польские информаторы, поставлявшие данные в МИД СССР, неустанно подогревали у «советских товарищей» ощущение «сионистской угрозы», записывая в евреи всех подряд и выставляя себя таким образом предан-

ными борцами идеологического фронта. Достоверность этой информации и ее логичность не играли при этом никакой роли. Приведенные выше примеры, когда евреями с легкой руки информаторов оказались даже такие чистокровные поляки, как Циранкевич и Охаб, исчерпывающе демонстрируют качество этих «данных». Разыгрывание «еврейской карты», кроме того, оказывалось полезным и с бытовой точки зрения. Пример тому вышеупомянутый Мотрук, который, свалив в одну кучу «лиц непольской национальности» и выходцев из ППС и АК (в большинстве своем не евреев), в ходе беседы выдал также обширный компромат чуть ли не на всех своих коллег по работе в посольстве, а в заключение попросил устроить дочь в советскую школу и заверил собеседника в готовности к дальнейшему сотрудничеству⁷³. Однако нельзя недооценивать и, так сказать, идейный антисемитизм многих чиновников, замешанный на неудовлетворенных карьерных амбициях или же привитый в силу других обстоятельств.

Таким образом, можно констатировать, что раскол ЦК ПОРП на «натолинцев» и «пулавян» был вызван в определяющей степени не расхождениями во взглядах на глубину политических реформ в стране, а «национальным вопросом». Причем, импульс к размежеванию исходил от «натолинцев». Выступив за сокращение количества евреев в руководящих органах партии и государства, они тем самым заставили еврейскую часть правящей элиты сплотиться и предпринять контрмеры. Масла в огонь подлила позиция советской верхушки, которая откровенно пыталась вмешиваться во внутренние дела ПОРП. Неоднократные призывы Политбюро ЦК КПСС к «полонизации» высших структур власти в ПНР вынудили «пулавян» выступить с тезисом о защите самостоятельности ПОРП от советского давления, что неминуемо привело их к лагерю сторонников расширения национального суверенитета. Первые раскаты этого противостояния прогремели на мартовском пленуме 1956 г., когда ряд членов ЦК (Ю. Ольшевский, С. Сташевский, Л. Касман) критически отозвались о присутствии Хрущева на данном форуме⁷⁴. В дальнейшем, по мере нарастания политического кризиса в стране и все более угрожающих «знаках внимания» со стороны СССР, «пулавяне» начали склоняться к поддержке Гомулки с его концепцией «польского пути к социализму». Одним из первых, кто высказался за возвращение бывшего генерального секретаря на пост главы партии, был ни кто иной, как Р. Замбровский – неформальный ли-

дер «пулавян». Произошло это в середине сентября 1956 г.⁷⁵ К этому времени все более независимую позицию от мнения Москвы занимали также первый секретарь Э. Охаб и премьер-министр Ю. Циранкевич, что было следствием давления на них снизу, со стороны прессы, общественности и части ЦК. Появлявшиеся в массовом порядке клубы интеллигенции и комитеты революционной молодежи, манифестации рабочих и студентов, все более смелые публикации в газетах и журналах, наконец, бунт в Познани – все это оказывало мощнейшее воздействие на поведение властей. Страна требовала повышения уровня жизни и завоевания полноценного суверенитета. Фигурой, с которой связывались эти надежды, был Гомулка – человек, отважившийся бросить вызов восточному соседу и пострадавший за это длительным отстранением от политической жизни. В таких условиях «натолинцы» с их антиеврейскими призывами и стремлением сохранить в неизменности отношения с СССР оказывались в роли проигравших. Последнюю попытку перетянуть на свою сторону общественность они предприняли 16 октября, в преддверии VIII пленума ЦК ПОРП, который, по всеобщему убеждению, должен был вернуть на пост партийного лидера Гомулку. В этот день орган «Пакса» ежедневная газета «Слово повсехне» опубликовала статью своего лидера Б. Пясецкого «Государственный инстинкт». Автор, известный своей яркой юдофобией и тесными контактами с партийными консерваторами, заявил о необходимости вывести из-под огня критики вопросы о сохранении в стране социалистического строя и курса на союз с СССР. При этом он прозрачно намекнул на возможность принятия жестких мер, если события и дальше пойдут так, как они идут⁷⁶. Однако данная эскапада не только не спасла «натолинцев», а, напротив, привела к их окончательной дискредитации, обернувшись настоящей травлей главы «Пакса» со стороны прессы. Пясецкого открыто называли советским агентом, «ультранационалистом», осуждали авторитарный стиль управления в руководимой им организации⁷⁷.

Статья Пясецкого прозвучала похоронным маршем для «натолинцев». На VIII пленуме ЦК 19 – 21 октября 1956 г. почти единодушно было решено вывести большинство представителей этой группы из Политбюро и Секретариата, заменив их «пулавянами» и людьми Гомулки (против этого, по некоторым данным, выступали лишь Ф. Юзьвяк, З. Новак и К. Мияль⁷⁸). Таким образом, вниз по партийной лестнице пришлось переместиться З. Новаку, Ф. Юзьвяку,

Ф. Мазуру, К. Рокоссовскому, В. Двораковскому, Х. Хэлховскому. В этой же группе оказались и избранные на предыдущем пленуме в члены Политбюро первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Ополе Роман Новак и заведующий Отделом тяжелой промышленности ЦК Эдвард Герек. Вместо них в новый состав Политбюро вошли В. Гомулка, Е. Моравский, И. Лога-Совиньский (секретарь Центрального совета профсоюзов), С. Ендрыховский (заместитель премьер-министра). Сохранили членство в Политбюро Э. Охаб, Ю. Циранкевич, Р. Замбровский, А. Завадский, А. Рапацкий. Состав самого ЦК также пополнился. В него вошли: В. Гомулка, З. Клишко, М. Спыхальский, И. Лога-Совиньский. Секретариат ЦК, вокруг членства в котором было сломано столько копий в марте, отныне состоял из следующих лиц: Э. Герек, Р. Замбровский, В. Матвин, Э. Охаб, В. Ярославский, Е. Альбрехт.

Поражение «натолинцев» было сокрушительным. Лишь один из них – Завадский – удержался на высшем партийном посту. Очевидно, это было следствием его решительной позиции в момент переговоров с советской делегацией, внезапно нагрянувшей в Варшаву 19 октября. Встреча в президентском дворце Бельведер как никогда четко провела водораздел. С одной стороны, оказались гости из СССР (Н.С. Хрущёв, А.И. Микоян, В.М. Молотов, Л.М. Каганович), усиленные советским маршалом К.К. Рокоссовским, с другой – вновь избранное руководство ПОРП. Советские руководители пытались давить на поляков, требуя оставить в Политбюро «выразителей польско-советского союза товарищей Рокоссовского, Новака, Мазура, Юзвьяка». Поляки не прогибались, чувствуя за собой поддержку огромного большинства населения. Москва привела в действие военные рычаги, приказав расквартированным в Польше советским частям двигаться на Варшаву. Однако и это не возымело действия. Польская военная верхушка, хотя и состоявшая из проверенных коммунистов, по сути, вышла из подчинения министра обороны К. Рокоссовского и сформировала оперативный штаб. В него вошли: заместитель министра внутренних дел Ю. Хибнер (участник войны в Испании, ветеран армии З. Берлинга, выпускник Военной академии им. М.И. Фрунзе), командующий внутренними войсками В. Комар (член КПП с 1926 г., выпускник командных курсов Красной армии, один из командиров испанских интербригад, в 1952 – 1954 гг. – в заключении по обвинению во вредительстве), командующий ВВС Я. Фрей-Белецкий (слушатель Военной академии им. К.Е. Ворошилова), начальник

корпуса общественной безопасности В. Мусь (коммунист с довоенным стажем, участник обороны Ленинграда, выпускник Школы политработников в Москве), командующий ВМФ Я. Висьневский и ряд других. Появился также и гражданский штаб во главе со С. Сташевским, который, по некоторым данным, начал выдавать оружие рабочим автомобильного завода в Жерани⁷⁹. Возникла реальная опасность советско-польского вооруженного столкновения. Понимая это, советская сторона пошла на попятную и согласилась с изменениями в составе руководящих органов ПОРП. В обмен Гомулка дал твердые гарантии того, что Польша не выйдет из Организации Варшавского Договора.

Всплеск патриотических чувств поляков сопровождался обострением антисоветских и антисемитских настроений. Несомненно, что в 1956 г. антисоветизм имел куда большее распространение, ибо угроза со стороны СССР была неопровержимой реальностью. Однако и евреи тоже ощущали себя не вполне уютно. Любопытно в связи с этим, что обвинения в их адрес претерпели радикальную метаморфозу. Если до 1956 г. евреев обвиняли в навязывании полякам чуждой власти, то после 1956 г. – в их же подрыве⁸⁰. Это явилось красноречивым свидетельством легитимизации правящего режима, т.е. изменения отношения к нему со стороны большинства народа.

На протяжении 1956 г. антисемитские эксцессы имели место в Бытоме, Валбжихе, Легнице, Джержоневе⁸¹. В январе 1957 г. корреспондент агентства «Юнайтед пресс» Э. Кавендиш отмечал «зловещее усиление антисемитизма» в стране, которое, по его словам, использовала в своих интересах растущая оппозиция Гомулке⁸². Как иллюстрацию этого можно привести анонимное письмо, полученное в декабре 1956 г. редакцией «Трыбуны люду» и советским посольством: «У простого человека кровь закипает, когда он читает в печати статьи, посвященные ликвидации “антисемитизма” в Польше. Но ничего не поделаешь, он должен выдержать, ибо знает, что это ведь пишут евреи в собственных интересах... Сегодня каждый в Польше знает, что у нас столько евреев, сколько есть постов министерских, директорских и т.п... Отсюда вывод, что мы снова имеем у себя “господствующую расу”... Мы знаем, кто был Святоло и тысячи других палачей в судейских и прокурорских тогах! Это были не поляки, не русские, а евреи!.. Мы не фашисты, мы – социалисты из крови и костей, мы хотим дружбы с СССР... Русские являются нашими побратимами, и мы верим в их великую идею равенства, но мы не хотим фикции равенства»

тва!.. Если бы не евреи, то сегодня весь народ как один стал бы на сторону коммунистической идеи»⁸³. Более точного выражения позиции «натолинцев» трудно и представить.

Аналогичной была и реакция еврейского населения. Как только появилась возможность покинуть страну, началась вторая волна эмиграции в Израиль. В 1957 г. из Польши уехало примерно 40 тыс. евреев⁸⁴. Эмиграция, но уже не такая массовая, продолжалась вплоть до 1960 г. Имелось и встречное движение – из Советского Союза. На основании подписанного 25 марта 1957 г. соглашения о репатриации к марту 1959 г. в Польшу прибыло 224 тыс. человек, из них 40 тыс. евреев⁸⁵. Таким образом, после 1957 г. в Польше оставалось всего лишь 25 – 30 тыс. граждан еврейской национальности⁸⁶.

Нормализация ситуации в стране и вялотекущий антисемитизм

Понимая, что отъезд большого числа евреев не красит власть перед лицом мирового сообщества, ЦК ПОРП обратился 26 апреля 1957 г. с письмом ко всем членам партии с призывом начать борьбу с проявлениями национализма, шовинизма и расизма⁸⁷. Очевидно, это не помогло, ибо уже в мае по Варшаве циркулировали слухи, зафиксированные корреспондентом агентства «Синьхуа», о том, что скоро «консервативная группировка» в партии вынудит Гомулку уйти в отставку, а сама, придя к власти, устроит суд над Минцем и Берманом, дабы свалить на них всю вину за ошибки в области экономики и права. Оба они – евреи, отмечал корреспондент, и это позволит консерваторам «одним ударом убить двух зайцев»⁸⁸.

Однако к этому моменту погоду делала группа Гомулки, занимавшая центристские позиции между «пулавянами» и «натолинцами». С одной стороны, она продолжила курс на осуждение наиболее одиозных деятелей «периода ошибок и искажений» (были исключены из ПОРП Берман, Радкевич и Метковский, а бывшие заместители министра общественной безопасности Фейгин, Ромковский и Ружаньский оказались за решёткой). С другой же, развернулось открытое наступление на свободу прессы и собраний, вызвавшее уже в 1957 г. протесты со стороны деятелей культуры: многие из них даже положили партбилеты на стол либо были изгнаны из партии. Продолжалось выдавливание из

власти «натолинцев»: потеряли свои посты Виташевский, Мияль, Руминьский и многие другие, но вместе с тем основной опасностью уже на IX пленуме ЦК в мае 1957 г. был провозглашён ревизионизм, под которым понималось все, что, так или иначе, угрожало всевластию ПОРП.

Внешне все происходящее выглядело как полная победа «пулавян». Правда, один из их лидеров, С. Сташевский, был в феврале 1957 г. снят с должности первого секретаря варшавского комитета партии в силу своих слишком уж либеральных взглядов, но зато остальные пребывали на вершине власти и рьяно проводили новый курс партийного руководителя.

Такое положение категорически не устраивало «натолинцев» и всех, кто пострадал от «ветра перемен». Пожалуй, именно с этого времени можно с основанием говорить о «натолинцах» как о консерваторах. Им не по душе была «уступчивость» Гомулки в отношении католической церкви, отказ от коллективизации, непризнание руководящей роли СССР в мировом коммунистическом движении и, разумеется, обилие евреев во властных структурах. Казимеж Мияль уже в январе 1957 г. заявлял, что политика обновленного руководства ведет к восстановлению в стране капитализма. В мае и июне 1957 г. по стране ходили листовки, в которых Гомулка обвинялся в ревизионизме. Автор их остался неизвестен. В марте 1958 г. на очередном пленуме ЦК линию Гомулки открыто раскритиковали «натолинцы» В. Клоевич и С. Матушевский, за что немедленно поплатились своими постами.

Сходные идеи витали тогда среди некоторых рабочих, бывших сотрудников госбезопасности, журналистов, а также деятелей культуры, утративших популярность после разоблачения культа личности. Например, по сообщению советского писателя М. Соколова, посетившего Польшу в декабре 1957 г., многие лица в разговоре с ним выказывали недовольство происходящим в Польше. Уже в поезде ему довелось встретить бывшего военного атташе в Пекине, «старого коммуниста и рабочего» С. Висека, который, получив отставку, выражал крайнее негодование политикой министра обороны Спыхальского и вообще всей линией руководства ПОРП. По его словам, Польша в своем развитии пошла вспять, и лучшие люди оказались не у дел. То же самое заявляли в Варшаве бывший заместитель заведующего Иностранным отделом ЦК Т. Тщалковский и бывший председатель правления Союза польских литераторов Л. Кручковский. А писатели С.Р. Добровольский и Л. Пастернак

жаловались советскому коллеге, что их больше не печатают, называя «сталинистами»⁸⁹.

На этой почве произрастала неприязнь к Хрущеву как к зачинателю «оттепели». Сталинисты с надеждой направляли свои взоры в сторону Китая, который придерживался куда более консервативных позиций. В свою очередь, представители правящей элиты Польши характеризовали такие взгляды, как «догматизм». Один из «догматиков», журналист Казимеж Яжембовский, сотрудник газет «Хлопска дрога» и «Валька млодых», так характеризовал позднее свои воззрения: «Считал и считаю, что со смертью Сталина Советский Союз лишился своей передовой роли в международном коммунистическом движении. Наследники Сталина – Маленков, Хрущев или Брежнев – уже не соответствовали этой роли. Всех их превосходил Мао, представлявший страну с миллиардным наследием⁹⁰ регулярно собирались у Яжембовского, установили контакт с китайским посольством и стали распространять документы Компартии Китая. На встречи с ними приходили некоторые деятели «Пакса» (например, Рышард Рейфф, член правления этой организации и позднее ее председатель). Группа получала материальную помощь от китайского посольства. В марте 1959 г. в кулуарах Дворца науки и культуры в Варшаве, где проходил III съезд ПОРП, ходила по рукам листовка, обвинявшая Гомулку в потакании евреям. В ее написании подозревались К. Мияль и секретарь ЦК С. Лапот. Оба партийных функционера были тут же сняты со своих постов в ПОРП.

В декабре 1963 г. появилась первая большая брошюра «догматиков» под характерным названием «Победа в борьбе! Пассивность и молчание – это гибель!». Непосредственными авторами ее предположительно являлись молодые журналисты Юзеф Снециньский, Станислав Сенкевич, Рышард Конарский и ученый Анджей Калестыньский. Окончательное редактирование, по всей вероятности, провел К. Мияль. Документ обращал внимание читателей на последовательное проникновение международного капитала во все сферы жизни польского общества и усиление буржуазной идеологии. Проводниками империалистического влияния объявлялись сионисты и троцкисты, под давлением которых якобы произошло освобождение главы польского епископата кардинала Стефана Вышиньского, восстановление преподавания религии в школе и активизация «реакционной части клира». ПОРП обвинялась в отходе от генеральной марксистско-ленинской линии, а ее руководство – в превра-

щении в марионеток в руках «буржуазных интеллектуалов»⁹¹. На средства албанского посольства брошюра была размножена и в количестве 10 тыс. экземпляров разослана работникам партаппарата и делегатам IV съезда ПОРП, проходившего в июне 1964 г. За это Мияль был снят с должности директора Инвестиционного банка и на два месяца помещен под домашний арест. В начале августа 1964 г. были арестованы главные члены группы Яжембовский, Снециньский и др. Следствие по их «делу» вел лично заместитель министра внутренних дел Франтишек Шляхчиц, а на беседы с заключенными приходил руководитель Главной комиссии партийного контроля Р. Новак. В начале сентября обвиняемые были приговорены к нескольким месяцам заключения за распространение ложных сведений о Народной Польше. Позже сроки были увеличены до трёх лет. За решетку попали Яжембовский, Сенкевич, Снециньский, а также рабочий Мечислав Фельчак. Фамилия Мияля в ходе судебного процесса не упоминалась.

4 декабря 1965 г. Мияль, по его собственному утверждению, основал подпольную Коммунистическую партию Польши, у истоков которой также будто бы стояли известные люди, занимавшие при Б. Беруте высокие посты, – В. Двораковский, Х. Хэлховский, С. Бродзиньский. В феврале 1966 г. Мияль выехал в Албанию, откуда начал от имени Компартии Польши рассылать через албанское посольство листовки антигоммулковского содержания. Адресатами Мияля были партийные чиновники и редакции газет и журналов. За распространение этих материалов в 1966 г. милиция арестовала бывшего члена КПП В. Ровиньского и ветерана Гражданской войны в Испании, бывшего члена Компартии Франции Б. Маслянкевича. Последний возглавлял после войны Люблинское управление гражданской милиции, но в 1953 г. был переведён на незначительную должность в Министерство лесной промышленности, а в 1960 г. и вовсе отправлен в «почетную ссылку» в Корею в качестве члена контрольной комиссии. Очевидно, такое понижение воспринималось им как забвение прежних заслуг, в силу чего он взялся лично распространять листовки «догматиков». Тогда же на «Радио Тирана» была создана польская редакция, которая призывала поляков свергнуть господство «сионистов» и «ревизионистов»⁹².

Таким образом, группировка «натолинцев», возникшая как реакция на неумеренное присутствие «нетитульной нации» в руководстве правящей пар-

тии, постепенно оформилась в качестве консервативного течения в ПОРП. Его социальную базу составляли в большинстве своем бывшие члены КПП либо близкие коммунистам деятели, сделавшие большую карьеру после окончания войны, а затем, на волне «оттепели», смещенные со своих постов. Будучи убежденными интернационалистами, «натолинцы» рассматривали Польшу как часть мирового коммунистического лагеря, в силу чего не допускали даже мысли о ее самостоятельном историческом пути. По этой причине они не могли заручиться сколь-нибудь значимой поддержкой в стране и быстро превратились в маргинальную группу. Чувствуя это, последние несломленные «натолинцы» решительным образом меняли свою идеологию, оставив в качестве незабываемой основы лишь антиеврейскую направленность. В брошюрах, ходивших по стране в 1963 – 1966 гг., а также в передачах «Радио Тирана» много говорилось о необходимости демократизации внутрипартийной жизни, осуждалось преследование инакомыслящих, и даже заявлялось, что воссозданная КПП добьется (!) включения в состав Польши Минска, Киева, Вильнюса, Львова и Калининграда⁹³. Однако к этому времени группа, по сути, уже распалась, а ее идеологический арсенал частично переняла «команда» Гомулки.

Не все чиновники, сделавшие карьеру после войны, были столь идейными, чтобы рисковать своим положением ради убеждений. Многие, неприязненно относясь к кадровой политике обновленного руководства ПОРП, предпочитали, тем не менее, демонстрировать лояльность, дабы не потерять место в рядах партноменклатуры. Среди них встречались как старые коммунисты, так и представители более молодого поколения партийцев, чьи зрелые годы пришлись уже на послевоенные времена. Им было безразлично, какой курс проводит Политбюро ЦК ПОРП и кто стоит во главе партии; главным было сохранить свой привилегированный статус, а по возможности – и повысить его. Очень удобной в этом смысле была линия на очищение руководящих органов ПОРП от «еврейского засилья», лицемерно прикрываемая лозунгом борьбы с сионизмом.

Социалистическая Польша долгое время оставалась чужда юдофобии на государственном уровне. Этим она отличалась от СССР, где государственный антисемитизм как политика, начавшись в период борьбы с космополитизмом, то усиливаясь, то ослабевая, продолжалась до самых горбачевских времён. «Натолинцы», подняв на щит «еврейский вопрос», вовсе не думали подводить под него теоретическое обоснование. Риторика борьбы с сионизмом появи-

лась у них лишь в начале 1960-х гг. под влиянием официальных структур ПНР, прежде всего – Министерства внутренних дел.

Гомулка и сам, как указывалось выше, не был равнодушен к «еврейской проблеме». Вынужденный опереться на «пулавян» в своем противостоянии с советскими «верхами» и их сторонниками внутри ПОРП, он вскоре начал отдалять от себя лидеров этой группировки. Польский лидер не был антисемитом: в его окружении были как поляки, так и евреи. Но общий курс на отстранение «пулавян», многие из которых были евреями, становился все более очевидным. Причиной этого было естественное желание любого руководителя видеть на ответственных постах лично преданных ему людей. Поскольку «пулавяне» не были обязаны своими карьерами Гомулке, тот активно приступил к чистке от них министерств и ведомств, всюду расставляя своих выдвиженцев. Объективно это способствовало обновлению кадров в руководящих органах.

Первый тревожный звонок для «пулавян» прозвенел в январе 1957 г., когда Гомулка решил не распускать насквозь антисемитский «Пакс», чье влияние было серьезно подорвано событиями «Польского Октября». Этот шаг первый секретарь предпринял, не желая оставаться «один на один» с католической церковью. Но в среде некоторых партийцев еврейского происхождения такое решение, по всей видимости, вызвало недовольство. Иначе трудно объяснить обстоятельства гибели Богдана Пясецкого – сына лидера «Пакса».

Богдану Пясецкому было 15 лет, когда 22 января 1957 г., через двадцать дней после встречи Гомулки с его отцом, он был похищен двумя неизвестными при выходе из школы и, скорее всего, в тот же день убит. Его останки были случайно обнаружены в одном из варшавских бомбоубежищ 18 декабря 1958 г. Виновные в этом преступлении так и не были найдены. Непонятными остались также мотивы преступления. Отец согласился, но преступники, каждый раз выбирая условное место путем сложных комбинаций с оставленными записками, так и не явились за деньгами. В конце концов, они замолчали, а милиция, ведя расследование, проявила редкостный непрофессионализм и халатность. «Заметание следов, исчезновение вещественных доказательств, неожиданные ошибки в написании фамилий, затрудняющие идентификацию личности, были в порядке вещей»⁹⁴ Пясецкий и его близкие вынуждены были сами доискиваться правды и добились в этом куда больших успехов, чем правоохранительные органы. Следы вели к нескольким бывшим сотрудникам

госбезопасности, евреям по национальности. Вскоре после исчезновения Богдана Пясецкого почти все они выехали в Израиль. В Польше оставался лишь один, но и он уже паковал чемоданы. Благодаря энергичному вмешательству главы «Пакса» буквально в последний момент его задержали. Дело против него, открытое в 1959 г., было тут же закрыто по личному настоянию премьера Ю. Циранкевича и секретаря ЦК ПОРП Е. Альбрехта. Виновные в гибели подростка остались безнаказанными⁹⁴.

История трагической гибели Богдана Пясецкого по сей день будоражит умы польских историков и публицистов. Версии выдвигаются самые разные – от операции зарубежных разведок до политических махинаций самого Болеслава Пясецкого. Автор единственной крупной работы на эту тему историк Петер Райна прямо возлагает ответственность за убийство на бывших работников госбезопасности еврейского происхождения⁹⁵. К той же версии склоняются и некоторые другие ученые, например, Я. Жарын и А. Гарлицкий. По их мнению, злоумышленники хотели отомстить главе «Пакса» за его антисемитскую деятельность в довоенной Польше и во времена фашистской оккупации. Сам Болеслав Пясецкий был личностью неприкосновенной – слишком многое связывало его с правящей элитой ПНР и советскими спецслужбами. В 1956 г. казалось, что его организация вот-вот прекратит свое существование. Но «Пакс» устоял. Не исключено, что раздосадованные этим, уволенные из органов рядовые сотрудники, перед тем как покинуть страну, решили хотя бы частично отыграться на главном польском юдофобе. Вряд ли к смерти Богдана были причастны высокопоставленные чиновники – «пуляване». Но явное нежелание властей раскручивать это дело было очевидно. Обилие поистине детских «ошибок», которое допустило следствие, заставляет подозревать целенаправленную деятельность кого-то из руководителей правоохранительных органов. Обычно в качестве такового называют А. Альстера – заместителя министра внутренних дел и одного из виднейших «пуляван». Доказательств, подтверждавших это предположение, нет, но даже если Альстер и впрямь приложил руку к уходу от ответственности виновных в смерти Богдана Пясецкого, скорее всего, он действовал из чувства самосохранения, а не повинуюсь «зову крови». Внутрипартийный антисемитизм по-прежнему тлел, и давать лишний козырь юдофобам значило поставить под удар многих евреев, работавших в органах, в том числе и самого себя.

Тот факт, что невзирая на сильное сокращение количества евреев в стране антисемитизм сохранялся, подтверждается рядом свидетельств членов партии того времени. Например, философ А. Шафф, выступая в январе 1959 г. в Клубе кривого колеса, счел нужным отметить, что эта проблема все еще не потеряла своей актуальности⁹⁶. В декабре 1966 г. на отчетно-выборном собрании первичной парторганизации Варшавского университета молодой социолог Александр Смоляр, (сын коммуниста с довоенным стажем Герша Смоляра, позднее возглавившего Общественно-культурное товарищество евреев в Польше, обратил внимание на странную терпимость партийных работников к проявлениям антисемитизма⁹⁷.

Новое нагнетание партийной юдофобии было связано с появлением в недрах силовых структур неформальной группировки бывших бойцов Армии Людовой (АЛ) во главе с заместителем министра внутренних дел М. Мочаром и руководителем военной разведки г. Корчыньским. С лёгкой руки западных журналистов членов группировки окрестили «партизанами». Используя в общении уличный жаргон, «партизаны» стремились представить себя выходцами из «толщи народной», плоть от плоти матери-Польши, в отличие от прибывших из СССР солдат и офицеров Войска Польского, находившихся в подчинении у евреев-коммунистов и советского командования. Постоянное апеллирование к патриотизму и более теплое, в отличие от официальной пропаганды, отношение к бойцам Армии Крайовой должны были продемонстрировать их заботу о национальных интересах родины, в противоположность господствовавшему до тех пор классовому подходу.

Впервые группировка заявила о себе в июле 1961 г., когда вышла в свет книга «Люди, факты, воспоминания», содержащая интервью с двенадцатью бывшими командирами АЛ, в том числе с Мочаром, Корчыньским, главой воеводского управления гражданской милиции в Катовицах Ф. Шляхчицем и известным «натолинцем» Х. Хэлховским. В качестве интервьюера выступил личный секретарь В. Гомулки Валеры Наметкевич. Книга была богато оформлена и продавалась по доступной цене. Она была немедленно разослана по всем вузовским и школьным библиотекам. В декабре появилась книга воспоминаний М. Мочара «Цвета борьбы», которую цензура поначалу сочла опасной из-за ряда антисоветских и антисемитских намеков, но затем, с позволения Политбюро, все же допустила к печати⁹⁸. К 1970 г. эта книга выдер-

жала одиннадцать изданий, в 1964 г. ее ввели в обязательный курс начальной школы, а в 1965 г. экранизировали.

Таким феноменальным успехом публицистика «партизан» в немалой степени была обязана покровительству В. Гомулки. Первый секретарь, занятый обновлением кадров в партноменклатуре, поддерживал лозунг этой группировки – «доведения до конца Октября [1956 г.]». Под этим лозунгом «партизаны» понимали расчет с «пулавянами», которые-де использовали демократическую риторику, чтобы избежать ответственности за сталинизм⁹⁹.

«Партизаны», а вернее, их лидер М. Мочар, сумели привлечь на свою сторону «Пакс», располагавший широкой сетью издательств и прессы, а также заручиться поддержкой некоторых литераторов. Один из них, Збигнев Залуский, издал в октябре 1962 г. книгу «Семь главных польских грехов», в которой на основании исторических фактов брался защищать патриотические ценности от «глумления» циников. Многие сочли это произведение манифестом нарождавшейся группировки¹⁰⁰.

В мае 1962 г. был снят со своего поста А. Альстер. Вместо него заместителем министра внутренних дел стал один из «партизан» Ф. Шляхциц. Ранее, в 1960 г., заведующим Административных отделом ЦК неожиданно был назначен один из «натолинцев» К. Виташевский, казалось, полностью скомпрометировавший себя в 1956 г. своими антиинтеллигентскими и антисемитскими высказываниями. Мочар в 1964 г. занял пост министра внутренних дел. Одновременно он возглавил Союз борцов за свободу и демократию (ЗБОВИД) – единственную в Польше организацию ветеранов. При нем в эту структуру начали широко включать бывших солдат и офицеров Армии Крайовой, прежде дискриминированных властями¹⁰¹. В том же году членом Политбюро стал другой соратник Гомулки по антифашистской борьбе бывший министр транспорта Рышард Стшелецкий, который вскоре вошел в «узкое руководство» ПОРП наряду с первым секретарём и З. Клишко. Стшелецкий поддерживал особенно близкие отношения с «партизанами» и, по сути, являлся их представителем в Политбюро. В 1965 г. поднялся наверх по карьерной лестнице и еще один лидер «партизан» – г. Корчыньский, совместивший посты заместителя министра обороны и главного инспектора территориальной защиты.

К этому времени «пулавяне» усилиями группы Гомулки практически сошли со сцены. В период с 1959 по 1961 гг. были сняты со своих постов руково-

дитель Главного политического управления Войска Польского Я. Зажицкий, начальник внутренних войск В. Комар, командующий военно-воздушными силами Я. Фрей-Белецкий, министр высшего образования С. Жулкевский, выведен из состава ЦК Е. Моравский. Был уволен также и министр просвещения В. Беньковский – соратник Гомулки по антифашистскому подполью. Его отставка, несомненно, была продиктована чрезмерным либерализмом министра, смотревшего сквозь пальцы на общественную активность школьников. В июле 1963 г. на XIII пленуме был исключен из состава Политбюро и главный «пулавянин» Р. Замбровский. Многие истолковали это как целенаправленную линию на устранение евреев из всех ветвей власти. В связи с этим ожидали скорого снятия Л. Касмана с поста главного редактора «Трибуны люду»¹⁰².

Негласное соперничество между «пулавянами» и «партизанами» вышло наружу в начале 1962 г. Поводом явились похороны известного журналиста еврейского происхождения Генрика Холланда, отца кинематографистки Агнешки Холланд.

41-летний г. Холланд был одним из наиболее заслуженных марксистских публицистов Польши. Коммунист с довоенным стажем, он был первым из рядовых членов партии, кто еще в апреле 1956 г. на собрании варшавского партактива с участием первого секретаря Э. Охаба поставил вопрос о реабилитации В. Гомулки, хотя ранее нападал на него за «правонационалистический уклон»¹⁰³. Во время событий 1956 г. Холланд активно включился в движение обновления, посещал заседания Клуба кривого колеса, однако в симпатиях к «ревизионизму» замечен не был. «В 1957 году он просидел у меня целую ночь, – вспоминал сотрудник эмигрантского ежемесячника «Культура» Ю. Мерошевский. – Не думайте, господа партийцы, что мы пытались переменить его. Он был ваш до конца»¹⁰⁴. Встречаясь по роду своей деятельности с начальником Бюро прессы ЦК ПОРП Артуром Старевичем, он услышал от него известный рассказ Н.С. Хрущёва об обстоятельствах ареста Л.П. Берии (Старевич, в свою очередь, узнал подробности от члена Политбюро И. Лога-Совиньского, а тот – непосредственно от Хрущева). Хотя рассказ этот уже несколько раз публиковался на страницах западной печати, в Польше к появлению подобного рода «утечек» относились настороженно. Холланд передал услышанное от Старевича своей знакомой журналистке Алиции Завадской, муж которой был репортером парижской газеты «Монд». В квартире Завад-

ских в то время была установлена подслушивающая аппаратура. К Холланду явились сотрудники Службы безопасности, которые предъявили ему обвинение в шпионаже. Журналист не стал дожидаться суда, а покончил с собой, выбросившись из окна на глазах у работников госбезопасности ¹⁰⁵.

На похороны Холланда собрались до 250 человек; в их числе оппозиционно настроенные журналисты и ученые, а также множество «пуляван»: секретари и заместители секретарей ЦК Р. Гранас, Х. Яворская, Е. Моравский, Я. Зажицкий, заместитель председателя Госсовета О. Лянге, секретарь варшавского отделения Товарищества польских журналистов С. Ольшевский, главный редактор журнала «Жиче партии» Ю. Финкельстайн, бывший заместитель командующего внутренними войсками Ю. Хибнер, бывший руководитель Варшавского горкома ПОРП С. Сташевский, заместитель председателя Центрального фотоагентства М. Дербень, заместитель председателя Радиокomiteта г. Вернер и т.д. Не все из присутствовавших были евреями или находились в опале. Но трагедия объединила и тех, кто активно выступал за расширение области гражданских свобод, и тех, кто еще недавно клеймил их, а теперь оказался под ударом партийных антисемитов.

Проявленная гражданская позиция вызвала недовольство Гомулки. Немедленно была образована комиссия Политбюро, которая начала по одному вызывать «на ковер» некоторых участников похорон для «проработки». Вопрос к ним был единственным: зачем они пришли на погребение? Интересно, что все вызванные были евреями (Моравский, Зажицкий, Яворская, Гранас, Финкельстайн, Бейлин) ¹⁰⁶. Кроме них пришлось объясняться с Гомулкой и Л. Касману, который сам не присутствовал на похоронах, но «не уследил» за некоторыми своими подчиненными ¹⁰⁷. Нападкам со стороны МВД подвергся также и А. Старевич – один из немногих оставшихся в высшем партийном руководстве евреев. Однако в последнем случае «партизанам» пришлось умерить свой пыл, ибо заведующего Отделом прессы ЦК взял под защиту первый секретарь ¹⁰⁸.

Следующий неожиданный эксцесс произошел на закрытом заседании первичной парторганизации варшавского отделения Союза польских литераторов в октябре 1963 г. Это заседание было посвящено итогам XIII пленума ЦК ПОРП, на котором Гомулка призвал партийные органы перейти в наступление на ревизионизм. На том же пленуме был выведен из состава Политбюро Р. Замбровский.

К этому времени варшавская парторганизация Союза польских литераторов была уже практически полностью очищена от разного рода «смутьянов» и «ревизионистов». Тем удивительнее был произошедший на заседании острый обмен мнениями. Ряд писателей, не замеченных до тех пор ни в каких оппозиционных проявлениях, резко поставили вопрос о растущем национализме и антисемитизме в стране, приведя в качестве примера книгу Залуского «Семь главных польских грехов». Прозвучало даже определение «охота на ведьм», когда речь зашла о ситуации в литературном и журналистском сообществе. Причем под ведьмами в данном случае имелись в виду евреи. Отдельных поборников новых тенденций сравнили с членами печально известной профашистской организации довоенной Польши ОНР-Фаланга. «Исполком [первичной парторганизации] не смог выработать единой позиции по поводу пленума», – констатировали сотрудники Отдела культуры ЦК ПОРП ¹⁰⁹.

Несомненно, такой выпад объяснялся все более очевидным курсом на усиление партийных антисемитов. Но спусковым крючком к внезапно возникшему бурлению среди «лояльных» писателей, по всей видимости, послужила отставка Р. Замбровского.

Наращение антисемитизма прослеживалось и по внутренней документации силовых органов. Например, в деле офицера внешней разведки Ежи Брына, приговоренного в 1962 г. к пожизненному заключению за измену, явственно проскальзывал мотив «евреев-предателей». В связи с этим Главная военная прокуратура подготовила список всех офицеров разведки еврейского происхождения, которые бежали на Запад, эмигрировали из Польши, имели родственников в капиталистических странах или по каким-то иным причинам были «слабо связаны с Польшей» ¹¹⁰. Трудно сказать, чего здесь было больше: сознательного недоверия к сотрудникам-евреям или обычного желания подстраховаться. Но нельзя не отметить, что наиболее громкие бегства на Запад случались именно с высокопоставленными функционерами еврейского происхождения. Так было с Юзефом Святло, бежавшим в декабре 1953 г., так было с Северином Бялером – одним из руководителей Политического отдела штаб-квартиры гражданской милиции, позднее – научным сотрудником кафедры политэкономии Института научных кадров, бежавшим в январе 1956 г., так было с Павлом Монатом, заведующим отделом военных атташе Министерства обороны и, «по совместительству», зятем председателя Госсовета А. Завадского,

бежавшим в октябре 1959 г. После всех этих случаев Главная военная прокуратура, пожалуй, имела некоторые основания внимательнее присмотреться к сотрудникам-«силовикам» еврейского происхождения. Впрочем, это не принесло искомого результата, ибо в 1965 г. бежал еще один офицер – Владислав Тыкочиньский, глава военной миссии Польши в Берлине.

В апреле 1961 г. Службе безопасности удалось завербовать бывшего секретаря Общепольского центра сотрудничества клубов [интеллигенции] Романа Щурковского, который с 1957 г. проживал в Израиле. Щурковский поделился обширной информацией о возникновении Клуба кривого колеса (закрыт в феврале 1962 г.) и его «подрывной» деятельности. В частности, он заявил о существовании связи между появлением Клуба и деятельностью некоторых высокопоставленных партийных чиновников еврейского происхождения, например, председателя Главного правления Союза польской молодежи Х. Яворской и начальника Отдела пропаганды ЦК ПОРП А. Вербляна)¹¹¹. В показаниях, записанных со слов Щурковского сотрудниками госбезопасности, вообще всячески подчеркивалось еврейское происхождение лиц, принимавших участие в создании Клуба. Причем, характерно, что эти показания не были протоколами бесед со Щурковским, а изложением самих сотрудников спецслужб на основе рассказа бывшего секретаря Центра сотрудничества клубов. Это видно по тому, что прямая речь Щурковского сплошь и рядом, без всяких объяснений, прерывается рассказом от третьего лица.

Подобное нагнетание атмосферы в стране не могло остаться незамеченным. И уже в 1962 г. на страницах эмигрантского ежемесячника «Культура» появилась статья «Хамы и евреи», всколыхнувшая страну. Автором ее был социолог Витольд Едлицкий, незадолго до этого эмигрировавший в Израиль, ранее один из активнейших участников Клуба кривого колеса. Социолог писал, что события 1956 г. были не спонтанным общественным движением за демократизацию и суверенитет, а всего лишь следствием внутривластной борьбы между «пулавянами», получившими от оппонентов прозвище «евреев», и «натолинцами», снабженными ярлыком «хамов». По мнению Едлицкого, подлинными поборниками десталинизации были как раз «натолинцы» – сторонники Хрущева, в то время как бывшая сталинская гвардия в лице «пулавян» только разыгрывала карту либерализма, чтобы таким образом завоевать популярность в народе и остаться у власти после потрясения, вызванного

«секретным докладом» первого секретаря ЦК КПСС. Едлицкий доказывал, что причиной ужесточения режима после событий октября 1956 г. была не угрожающая позиция СССР, а победа одной из фракций («пулавской»). «В интересах польского народа в 1956 г. было сохранить внутреннюю грызню во власти, а не поддержать одну из сторон. Только благодаря тому, что власть тогда была разрозненна и слаба, оказалась возможной та демократизация, которая была осуществлена между VI и VIII пленумами ЦК ПОРП. Сосредоточение всей власти в руках “пулавян” в октябре 1956 г. положило конец столь выгодной конъюнктуре»¹¹². Позднее, продолжал автор, Гомулка расправился с крайними «натолинцами» и начал постепенно избавляться также от прежних союзников – «пулавян», уступая желанию низов партаппарата, которые всегда косо смотрели на «евреев». Вследствие этого к началу 60-х гг. назрело новое столкновение, каковое, согласно автору, могло сыграть положительную роль в деле дальнейшей демократизации режима, но при условии, что население страны перестанет пассивно наблюдать за происходящим. «Хочу, – писал Едлицкий, – чтобы мой вывод стал тревожным звонком. В Польше вновь готовы столкнуться лбами две фракции. Это значит, что опять возникает подходящая возможность для демократизации, для повторения в определенной степени того, что было сделано в 1956 г. Но для того, чтобы эта возможность стала реальностью, польский народ не должен бездейственно и равнодушно взирать на то, что происходит на самом вершине общественной лестницы»¹¹³.

Диагноз Едлицкого, пожалуй, был слишком оптимистичен. В действительности, «на самом вершине общественной лестницы» происходила обычная смена кадров, осуществлявшаяся в соответствии с практикой авторитарного государства. При фактическом отсутствии демократической процедуры ротации кадров низы партийно-государственного аппарата должны были ради продвижения по службе прибегать к опорочиванию вышестоящих начальников, чтобы занять их место. В этом им помогали некоторые честолюбивые представители высших эшелонов власти, увидевшие шанс занять более влиятельное положение в стране. Активно способствовал этому процессу и Гомулка: как всякий диктатор (а человек, имевший столь обширную власть и по сути избавленный от явной критики снизу, с полным правом мог называться диктатором), он должен был периодически перетряхивать бюрократический аппарат, дабы тот не превратился в независимую от него силу.

Козырь в руки партийным антисемитам нередко давали дети высокопоставленных чиновников еврейского происхождения. Многие из них участвовали в независимой от ПОРП общественной деятельности, часто квалифицируемой как оппозиционная. Например, среди участников Межшкольного дискуссионного клуба, закрытого в 1963 г. за «несоответствующий» идеологический облик, были такие люди, как: Ирена Грудзиньская (дочь заместителя министра лесной промышленности), Ян Литыньский (сын заместителя директора департамента в Министерстве транспорта), Эльжбета Светлик (дочь бывшего заместителя министра общественной безопасности), Юзеф Блясс (сын генерального директора в министерстве финансов), Хелена Брус (дочь заместителя председателя Экономического совета при Совмине), Хелена Гуральская (дочь бывшего руководителя Заграничного отдела ЦК ПОРП), Марек Боровский (сын заместителя главного редактора «Трибуны Люду»). Основатели Клуба – Адам Михник и Ян Гросс – также были детьми заслуженных родителей: отцом Михника был бывший член ЦК Компартии Западной Украины, матерью – учена, писавшая в 1950-е гг. официозные учебники истории, а братом – судья на политических процессах начала 1950-х гг.; отцом Гросса был сотрудник кафедры психологической гигиены и детской психиатрии на факультете промышленности Высшей школы экономики в Катовицах¹¹⁴. Позднее многие из вышеперечисленных, поступив в Варшавский университет, образовали там неформальное сообщество «коммандосов», отличавшееся «провокационным» поведением. На собраниях Союза социалистической молодежи они задавали «неудобные» вопросы о новейшей истории Польши и текущей политике партии и правительства. За эту тактику «диверсии», напоминавшую действия израильского спецназа в тылу арабских войск, они и получили свое название.

Одним из «духовных учителей» этой группировки был приемный сын министра иностранных дел ПНР З. Модзелевского Кароль – активист бунтарского движения молодежи в 1956 г., позднее оказавшийся в тюрьме за «Открытое письмо к партии», в котором он предрекал Польше новую революцию, направленную против господства партийно-государственного аппарата. В начале 1960-х гг. он стал одним из основателей Политического дискуссионного клуба в Варшавском университете, на собраниях которого не раз слышались весьма резкие отзывы о происходящем в Польше и «социалистическом лагере». Среди завсегдатаев этого клуба был сын Р. Замбровского Антоний – ас-

пирант факультета экономики. После разгона клуба, произошедшего в 1963 г., А. Замбровский вошел в кружок Бернарда Тейковского – молодёжного вожака Кракова в 1956 г., поступившего в аспирантуру Варшавского университета и тогда же завербованного Службой безопасности МВД. Участники этого кружка обсуждали проблемы современного марксизма и социальную структуру социалистических стран. Весной 1966 г. А. Замбровский высказался за участие в праздновании тысячелетия крещения Польши и раскритиковал антицерковную политику ПОРП, за что вскоре был исключен из партии.

Разумеется, такая активность отпрысков сановных родителей не могла прибавить последним популярности в глазах партийной элиты. В сущности, деятельность этой «золотой молодежи» служила подтверждением тезиса о тесной связи между догматизмом и ревизионизмом, с которым Гомулка не раз выступал на партийных форумах. Но вплоть до 1968 г. партийная верхушка, судя по всему, не пыталась использовать оппозиционность детей для публичного сведения счетов с их высокопоставленными родителями. Хотя органы внутренних дел старательно информировали «верхи» обо всех случаях крамольного поведения этих лиц. Например, в начале 1967 г. МВД передал в ЦК список тех «привилегированных» учащихся Варшавского университета, кто поставил свою подпись в защиту А. Михника, лишённого на год студенческих прав за «неподобающие» речи. Среди таковых оказались как дети «пулавян», так и «натолинцев»¹¹⁵. Ранее, в 1963 г., громя на XIII пленуме ревизионизм, Гомулка напомнил о Михнике (к которому тогда было всего 16 лет), увидав в нем пример растущей идеологической заразы. Поводом послужила работа Межшкольного дискуссионного клуба¹¹⁶. Источником столь поразительной осведомленности первого секретаря, вне всякого сомнения, явилась информация МВД.

Репрессивные органы и сами не брезговали склонять фамилии детей известных родителей. Например, осенью 1967 г. заместитель министра внутренних дел Ф. Шляхчиц, выступая на собрании партактива одного из районов Варшавы, заочно пригрозил Антонию Замбровскому, заявив, что тот «скачет, скачет, но, в конце концов, допрыгается»¹¹⁷. Такое внимание высокого лица к рядовому участнику интеллектуальной фронды в Варшавском университете, безусловно, объяснялось личностью его отца, находившегося на прицеле у «партизан».

Очень скоро в ревизионисты были записаны и сами «пулавяне». Во всяком случае, некоторые из них. Например, среди новоявленных «врагов партии» оказался главный редактор органа ЦК ПОРП «Новые дроги» Р. Вэрфель, поплатившийся должностью за слишком близкие контакты с западными журналистами¹¹⁸. Ярлык «ревизиониста» был навешен и на С. Сташевского, не устававшего выражать недовольство Гомулкой и завязывать знакомства с литераторами, известными своей оппозиционностью. Подробный доклад о связях Сташевского с интеллектуальной фрондой был составлен Службой безопасности в конце мая 1964 г., когда в польской печати разворачивалась кампания по дискредитации участников т.н. «Письма 34-х» – обращения тридцати четырёх представителей польской науки и литературы к премьер-министру с требованием изменить политику власти в сфере культуры¹¹⁹. А в 1966 г. Сташевский уже прямо был назван среди людей, «атакующих политику партии с ревизионистских позиций». Такая формулировка содержалась в социологическом исследовании Службы безопасности, проверившей группу лиц, известных «враждебной деятельностью» на территории Варшавы в 1963-1966 гг.¹²⁰ Таким образом, произошла окончательная компрометация «пулавян». Отныне они рассматривались как враждебная партии группировка.

«Антисионистская кампания»

Все это было прелюдией к началу подлинных гонений на служащих еврейского происхождения, устроенных в период т.н. «антисионистской кампании».

Поводом к ней явилась «шестидневная война» Израиля с арабскими государствами летом 1967 г. Победа Израиля вызвала неожиданное воодушевление многих поляков, которые рассматривали это как болезненный удар по престижу Советского Союза, поддерживавшего арабов. В стране, никогда не испытывавшей особых симпатий к евреям, вдруг обнаружили заметные произраильские настроения. Из уст в уста передавалась фраза «наши евреи победили их арабов»¹²¹. При этом слово «наши» имело зачастую буквальное значение, ибо немалая часть израильтян были выходцами из Польши.

В данном случае явно сработал тот же механизм, что и в 1956 г.: все, что было направлено против интересов СССР, заслуживало безусловного одобрения. Антисоветские (а антирусские) настроения вновь взяли верх над антисемитизмом. Для Гомулки же, как видно, такой политический выбор населения был неожиданным. Не желая мириться с фактом всепобеждающего антисемитизма поляков, что косвенно могло свидетельствовать об их неприятии социалистического строя, он склонен был объяснить его происками «пятой колонны» в лице сионистов. По Гомулке выходило, что не поляки, а чудом уцелевшие сионисты приветствовали победу Израиля. Выступая 19 июня 1967 г. на VI конгрессе профсоюзов, первый секретарь прямо заявил, что власть не может оставаться равнодушной к наличию в стране подрывных элементов, и что у всех граждан Польши должна быть лишь одна родина, те же, кто поддерживает израильскую агрессию, могут свободно уезжать¹²². Речь его, транслировавшаяся по радио и телевидению, стала важным импульсом кампании по выявлению «сионистов» на всех уровнях. Поначалу эта кампания затрагивала почти одних «пулавян» и слабо затрагивала прочих служащих еврейского происхождения. До конца 1967 г. практически все представители этой группировки, еще занимавшие какие-либо ответственные посты, были отправлены в отставку (к примеру, Л. Касман, В. Боровский, Я. Жажицкий, Э. Пщулковский, В. Комар). Из редакции Большой энциклопедии были уволен ряд прежних деятелей «идеологического фронта», в том числе П. Хоффман. Вместе с ним своего последнего поста лишился и С. Сташевский. Была проведена также чистка в армии, откуда было изгнано около 2 тыс. офицеров, в том числе 17 генералов. В конце января 1968 г. из ПОРП добровольно вышли два выдающихся ученых еврейского происхождения – Зыгмунт Бауман и Владзимеж Брус, не пожелавшие мириться с набравшей силу антисемитской волной.

Но подлинный размах кампания приобрела весной 1968 г. после протеста студенческой оппозиции против снятия со сцены Национального театра спектакля по поэме А. Мицкевича «Дзяды». Спектакль был приурочен к пятидесятой годовщине Октябрьской революции, но вызвал неудовольствие высшего партийного руководства своими религиозными и антирусскими мотивами. Было объявлено, что спектакль с 30 января 1968 г. исключается из репертуара. «Коммандосы», руководимые К. Модзелевским, а также учащиеся Высшей театральной школы организовали акции протеста, которые закончились стол-

кновениями с милицией и задержанием некоторых участников. Одновременно варшавское отделение Союза польских литераторов созвало чрезвычайное заседание, которое приняло резолюцию с требованием вернуть спектакль на сцену и изменить культурную политику государства.

Министерство высшего образования постановило исключить из числа студентов двух, по его мнению, наиболее активных «коммандосов» – А. Михника и г. Шляйфера. Это, в свою очередь, вызвало возмущение студенческого сообщества Варшавского университета, которое 8 марта собралось на митинг протеста, разогнанный милицией. После этого начались волнения и забастовки во всех крупных городах Польши.

Польский историк Е. Эйслер подметил, что среди 2725 задержанных участников волнений было всего около 600 студентов, зато 937 рабочих¹²³. В свою очередь, исследователь М. Заремба обратил внимание на то, что все задержанные рабочие были молодыми людьми – не старше тридцати лет¹²⁴. Это наводит на мысль, что события марта 1968 г., по сути, были бунтом молодежи против косной системы. Новое поколение поляков, в отличие от людей старшего возраста, не склонно было сравнивать окружающую действительность с довоенным временем, поэтому оставалось глухо к риторике власти, пропагандировавшей успехи Народной Польши. Молодежь имела перед глазами пример западных стран, где куда более высокий жизненный уровень сочетался с широкой демократией. Именно этот факт, а не умозрительный «коммунизм» официальной пропаганды, стал для нее ориентиром.

Власти же восприняли внезапный общественный взрыв как следствие подрывной работы опальных «пулавян», ныне квалифицировавшихся как «сионисты», желавших вернуть себе утраченное влияние. Основная тяжесть обвинений возлагалась на «политических банкротов» Р. Замбровского и С. Сташевского. В связи с этим под наблюдение МВД были взяты и некоторые другие бывшие функционеры еврейского происхождения – А. Альстер, Я. Берман, А. Фейгин, В. Комар, М. Метковский, Р. Ромковский¹²⁵. С партийных трибун и страниц прессы также клеймились как «ревизионисты»: фрондирующий философ Л. Колаковский (исключённый из ПОРП в 1966 г.); редактор издательства «Книга и просвещение» О. Шехтер (отец А. Михника); профессора Варшавского университета Б. Бачко, В. Брус и З. Бауман; актриса А. Стейнсбергва; оппозиционный писатель П. Ясеница; поэт А. Слоним-

ский; католический публицист С. Киселевский. Другими словами, в одной компании оказались все, кто так или иначе вызывал раздражение у властей. В прессе была развернута кампания по очернению бунтующей молодежи; газеты публиковали списки наиболее активных студенческих оппозиционеров еврейского происхождения, выдавая их за главных виновников создавшейся ситуации. При этом журналисты не останавливались перед фальсификациями. Например, в перечне вдохновителей студенческого движения, опубликованном 11 марта «Трыбуной люду» и «Словом повсехным», встречались фамилии А. Замбровского, К. Вэрфеля и М. Альстера (детей соответственно Р. Замбровского, Р. Вэрфеля и А. Альстера), хотя вовсе не они стояли у истоков акций протеста¹²⁶. «Коммандосов» – зачинателей движения – именовали «банановой молодежью», выпячивая высокое социальное происхождение некоторых из них.

Одновременно «партизаны» развернули кампанию по пропаганде своих взглядов. В 1967-1968 гг. увидел свет ряд книг начальника III департамента МВД, занимавшегося борьбой с антигосударственной деятельностью, Тадеуша Валихновского о сионизме и его роли в новейшей истории Польши. Красной нитью в этих произведениях проходила мысль, что сионисты вкупе с ФРГ неустанно плетут интриги против Народной Польши. Объединение этих, еще недавно несовместимых, явлений принадлежало к одному из наиболее оригинальных теоретических нововведений «партизан».

Сам Гомулка, хотя и старался дистанцироваться от антисемитизма, тоже поддавался общему настроению аппаратчиков среднего звена, требовавших расчета с «еврейскими кадрами», и на совещании в ЦК 26 марта 1968 г. вдруг заявил, что истинной причиной его снятия с поста генерального секретаря в 1948 г. была попытка изменить руководящий состав Министерства общественной безопасности, где все начальство составляли евреи. Поэтому нынешние выступления «всяких Замбровских, Сташевских и Бачек» он охарактеризовал как попытку вернуться во власть. Кроме того, Гомулка заявил, что из одиннадцати человек, готовивших митинг 8 марта, десять были евреями, и лишь один – поляком¹²⁷. Источником такой информации (сразу оговоримся – ложной) являлось, несомненно, МВД, руководимое М. Мочаром. А потому не приходится удивляться, что первый секретарь видел в мартовских волнениях заговор бывших «пулавян», перекрасившихся в сионистов. Министр внутрен-

них дел ловко манипулировал настроениями партийного лидера, дабы его руками расчистить дорогу для своих приверженцев в партийных низах.

Деятели идеологического фронта, например, А. Верблян, теперь обвиняли старую когорту коммунистов еврейского происхождения в недооценке роли борьбы поляков за независимость, в «люксембургизме» (т.е. пренебрежении национальной проблематикой в угоду классовой) и в изобретении теории о «правонационалистическом уклоне». В принципе, все эти положения (кроме правонационалистического уклона) отражали позицию Гомулки в 1940-е гг., когда он также упрекал КПП и СДКПиЛ¹²⁸ в забвении национальных традиций польского народа. Новым был перенос акцентов с партий как таковых на их еврейскую часть.

Чего стоили эти обвинения, показывает неопубликованная статья бывшего министра финансов Е. Альбрехта, которую тот отослал в 1968 г. в Секретариат ЦК, дабы оспорить вышеприведенные тезисы. Альбрехт, досконально проанализировав всю историю рабочего движения в Польше с конца XIX в., показал, что недоверие к лозунгам национального суверенитета было свойственно не только коммунистам еврейского происхождения. Но при этом он признал, что «к сожалению, значительное большинство из нас, тогдашних партийных деятелей, приняли ложную теорию о правонационалистическом уклоне... Фактом также является то, что мы не сумели противостоять наступившему затем террору и репрессиям в отношении лучших деятелей нашей партии...»¹²⁹.

Тезис о репрессиях против патриотов во времена Берута превратился в расхожий штамп, который усиленно эксплуатировали «партизаны», стремясь, таким образом, лишний раз продемонстрировать свою близость к народу. В апреле 1968 г. М. Мочар в одном из интервью обрушился на «московских поляков» Бермана и Замбровского, которые, по его мнению, должны были нести полную ответственность за «зло, творившееся до 1956 г.», и прежде всего – за преследования патриотов¹³⁰. И хотя среди этих «московских поляков» далеко не все были евреями, посыл был ясен: «хорошие партийцы», прошедшие всю войну в Польше и думавшие о национальном суверенитете, пострадали от «плохих партийцев», чуждых «хорошим» по духу и крови, и к тому же отсиживавшихся в тяжелые времена за советскими штыками.

Подобная расстановка акцентов в прессе и публикациях неизбежно должна была вызвать массовые антисемитские чистки. Так и произошло. По всем

предприятиям, парторганизациям и учреждениям проходили проверки на предмет выявления скрытых сионистов. В секретариаты ЦК и первого секретаря слались коллективные письма в поддержку Гомулки и его борьбы с ревизионизмом и сионизмом. Из страны буквально выдавливались лица еврейской национальности, даже если те уже давно ассимилировались и не имели ничего общего с еврейским народом, кроме фамилии. Особой трагедией это было для тех людей, которые не один десяток лет были связаны с партией, а теперь клеймились как поборники враждебных сил. Польшу вынужден был покинуть писатель, коммунист с довоенным стажем С. Выгодский, эмигрировали литературоведы Я. Котт и Е. Помяновский, ученые В. Брус и З. Бауман. Ведущий марксистский философ А. Шафф был временно отстранен от общественной жизни и вынужден был читать о себе клеветнические измышления в прессе.

Всего из страны без права возврата в 1968 – 1969 гг. уехали более 15 тыс. граждан, среди них несколько сот ученых, около 200 сотрудников прессы и издательств, 91 артист, 26 кинематографистов и более 300 врачей. Кроме того, была проведена большая чистка в руководящих органах. Уже к сентябрю 1968 г. с ответственных постов в Варшаве были сняты 774 человека, в том числе 5 министров, 22 заместителя министра, 133 директора и заместителя директора отдела. Наиболее высокопоставленными жертвами чистки стали председатель Госсовета Э. Охаб, министр финансов Е. Альбрехт и министр иностранных дел А. Рапацкий, выступавшие против нагнетания антисемитской истерии. Кроме того, министр обороны М. Спыхальский, которого негласно обвиняли в связях с сионистами, был переведен на почетную, но менее значимую должность председателя Госсовета, а его место занял Войцех Ярузельский. 82 члена руководящих органов партии не были переизбраны в новый состав на V съезде ПОРП¹³¹. В целом эта волна отставок способствовала обновлению кадров в ПОРП.

В мае 1968 г. Гомулка начал сворачивать антисемитскую кампанию. Видя, что события начинают выходить из-под контроля, он настоял на отставке главного теоретика борьбы с сионизмом Т. Валихновского, а 29 мая на совместном заседании варшавского комитета ПОРП и Секретариата ЦК призвал «больше не продолжать акцию»¹³². По инициативе Гомулки исполком воеводского комитета ПОРП Варшавы обратился с письмом ко всем парторганизациям, в котором заявлял, что партия не делит людей по национальному признаку,

и предлагал ограничить «кадровую карусель»¹³³. 24 июня 1968 г. цензура издала циркуляр, предписывавший своим сотрудникам следить за чрезмерным нагромождением публикаций о сионизме и перестать указывать этническую принадлежность лиц, участвовавших в студенческих выступлениях или снятых со своих постов¹³⁴. А в конце июля заведующий Отделом пропаганды ЦК А. Верблян, еще недавно выступавший с «партизанских» позиций, уже писал Гомулке проект речи для выступления на ближайшем пленуме ЦК, тщательно подбирая наиболее подходящие формулировки для «снятия [сионистской] проблемы с повестки дня». По версии Вербляна, «зараженность» многих членов ПОРП еврейского происхождения сионизмом имела ту же природу, что и их эволюция от догматизма к ревизионизму. «Представляется, что главной причиной этого было допущение на протяжении многих лет, под давлением объективных трудностей, но прежде всего в силу неверной кадровой политики, возникновения в некоторых органах партийного аппарата и партийного актива крупных групп, почти сообществ, состоящих из товарищей еврейского происхождения». Отсюда, по мнению Вербляна, происходила их изолированность от народа, создававшая благодатную почву для ревизионизма и космополитизма, а затем – и сионизма. Однако, оговаривался высокий чиновник, «конфликт этот имел не национальный, а социально-классовый характер», и «ныне, когда эта проблема уже выяснена, можно и должно снять ее с повестки дня партийной пропаганды». И, словно не удовлетворяясь этим заключением, Верблян добавил тезис, не раз до того озвученный Гомулкой, о неправильности отождествления всех польских евреев с ревизионистами¹³⁵.

На XII пленуме ЦК (8-9 июля 1968 г.) было решено избрать кандидатом в члены Политбюро и секретари ЦК М. Мочара, одновременно сняв его с должности министра внутренних дел. Предполагалось, что Мочар теперь в качестве кандидата в члены Политбюро будет курировать вопросы, связанные с госбезопасностью и обороной. На его место в министерстве Гомулка неожиданно предложил Казимежа Свиталу, а не ожидавшегося «партизанами» Ф. Шляхчица. Свитала до того всего лишь около года работал заместителем министра внутренних дел, а прежде являлся председателем воеводского суда в Катовицах. Обосновывая свое решение, Гомулка прямо заявил, что партийное руководство должно полностью контролировать МВД, фактически признав тем самым, что при Мочаре такой контроль отсутствовал. Ему пытался

оппонировать партийный руководитель Катовицкого воеводства Э. Герек, но безуспешно¹³⁶.

На V съезде ПОРП в ноябре 1968 г. о сионизме уже почти не говорилось. Куда больше внимания было уделено 50-й годовщине восстановления польской независимости, борьбе с ревизионизмом и «Пражской весне». Съезд утвердил перестановки в высших органах партийной власти. Наряду с ближайшим окружением Гомулки (Клишко, Спыхальским, Циранкевичем, Ендрыховским, Лёга-Совиньским, Стшелецким), Политбюро пополнил ряд «молодых» деятелей, начавших свою карьеру уже после войны. В их числе были первый секретарь Гданьского комитета ПОРП Станислав Коцелек, секретарь ЦК, бывший председатель Главного правления Союза сельской молодежи Юзеф Тейхма, первый секретарь Познанского комитета ПОРП Ян Шидляк, секретарь ЦК, заведующий Бюро прессы ЦК Стефан Ольшовский, министр сельского хозяйства Мечислав Ягельский. Кроме них в Политбюро также вошел ряд коммунистов: старшего поколения – Э. Герек, В. Кручек, Б. Ящук, М. Мочар. Компанию им составил заместитель премьер-министра и постоянный представитель Польши в СЭВ Петр Ярошевич (род. в 1909 г., член ППР с 1944 г.), введенный в Политбюро еще в 1964 г. Он не принадлежал к когорте членов КПП, но быстро сделал себе карьеру в армии, а затем столь же успешно проявил себя в сфере экономики.

Таков был последний состав Политбюро ЦК ПОРП при Гомулке. В целом нетрудно заметить, что «антисионистская кампания» принесла свои плоды, хотя, возможно, и не в той мере, на какую рассчитывали её приверженцы. Старые деятели партии оказались в значительной степени разбавлены более молодыми. Причем, этим последним Гомулка явно симпатизировал, видя в них преемников своей команды¹³⁷.

Выборы в ЦК показали, что средние и низшие звенья партии не удовлетворились произведенными переменами. Лидеры «партизан» М. Мочар и г. Корчынський по-прежнему пользовались большой популярностью (они получили даже больше голосов, чем Гомулка), в то время как такие функционеры, как Клишко и Спыхальский, постепенно теряли опору в партии. Очень много голосов было отдано за Э. Герека, также шедшего в первых рядах «борцов с сионизмом», зато едва не провалился на выборах заместитель премьер-министра Эугениуш Шир (член КПП с 1934 г.), который в 1964 – 1968 гг. даже входил

в состав Политбюро¹³⁸. Причиной тому, несомненно, были подозрения в том, что Шир якобы потворствует евреям-сионистам.

Массовый отъезд евреев за границу привел к тому, что их численность в Польше сократилась до нескольких тысяч человек. По сравнению с более чем тридцатимиллионным населением страны это была ничтожная цифра. Поэтому в дальнейшей жизни ПОРП «еврейский вопрос» уже не играл большой роли. Как курьез можно воспринимать тот факт, что еще в 1971 г. Служба безопасности МВД при агентурной разработке адвокатского сообщества Польши отдельным пунктом выделяла «сионистскую группу»¹³⁹.

Последний раз партийные круги ухватились за еврейскую тему весной 1981 г., когда волна массовых забастовок поставила под вопрос сохранение властной монополии ПОРП. Такие организации, как Патриотическое объединение «Грюнвальд», еженедельник «Жечывистошч», Катовицкий партийный форум и некоторые другие, попытались возродить отошедшую было в прошлое «натолинско»-«партизанскую» риторику, совместив идеологию марксизма-ленинизма и антисемитски окрашенный патриотизм. Но деятельность этих структур, невзирая на их поддержку со стороны некоторых высокопоставленных чиновников (Т. Грабского, С. Коцелека, С. Ольшовского) имела маргинальный характер и не оказала большого влияния на ход событий.

Резюмируя, можно сказать, что предпосылкой для межэтнической напряженности внутри марксистских партий Польши являлось слишком большое, непропорциональное по отношению к общей численности населения страны, присутствие в них евреев. Причинами этого являлись преследования, которым подвергались многие евреи в довоенной Польше, тяжелые экономические условия существования значительной части еврейского меньшинства в стране, а также известные симпатии некоторых еврейских кругов к СССР как к государству, якобы лишенному национальных предрассудков, к тому же внесшему решающий вклад в разгром фашизма. Приток евреев в КПП и ППР, особенно усилившийся после окончания войны, вызывал раздражение у многих поляков-коммунистов, весьма страдавших от ярлыка «жидо-коммуны». Наиболее остро этот конфликт проявился в 1956 г., когда кризис власти заставил партийных «юдофобов» открыто поставить вопрос о национальном характере правящей партии. В этом они нашли поддержку у советского руководства, которое также было весьма озабочено образом ПОРП в глазах трудящихся масс

Польши. В свою очередь еврейская часть ПОРП, не желая быть принесенной в жертву легитимизации режима по национальному признаку, вынуждена была сплотиться и выступить с тезисом укрепления государственного суверенитета, что на некоторое время позволило ей обрести опору в обществе.

Однако в среднем и низшем звеньях партаппарата неумолимо росла численность этнических поляков, весьма недовольных продолжающимся «еврейским засильем» в верхах. Откровенный раскол партии по национальному признаку, произошедший в 1956 г., давал благодатную почву для разговоров о «еврейской клике» в ЦК ПОРП. Объективный процесс «коренизации» партии, т.е. неуклонного приведения ее этнического состава в соответствие с пропорциями по стране, и карьерные амбиции аппаратчиков среднего и низшего уровня вызвали к жизни антисионистскую кампанию. По ходу ее авторитарная система, лишенная эффективного избирательного механизма, избавлялась от части старых деятелей, чтобы освободить дорогу молодым. Параллельно с этим была предпринята попытка сближения идеологических установок власти с мировоззрением масс путем «расчета», причем весьма уродливого и одностороннего, с преступными сторонами истории правящего режима. Однако кампания была прервана, едва начавшись. Гомулка оказался слишком привержен формулам коммунистического интернационализма, чтобы допустить чрезмерную «этнизацию» официальной идеологии. Убеждения «партизан» были ему весьма близки, но статус лидера партии не позволял ему, в отличие от Мочара и его сподвижников, опускаться до низменных приемов.

Трудно сказать, как развивались бы события дальше, не потеряй Гомулка власть в декабре 1970 г. Не исключено, что «партизаны», продолжая и усиливая свой натиск, в итоге вынудили бы его уйти в отставку. А там, кто знает, возможно, Польша превратилась бы в аналог национально-коммунистической диктатуры наподобие Румынии, КНДР или Советского Союза периода позднего сталинизма. Однако протест рабочих в декабре 1970 г. смешал партийным группировкам все карты. Гомулка и Мочар сошли со сцены, а бразды правления неожиданно получил «технократ» Э. Герек, эпоха которого закончилась спустя десять лет «Солидарностью» и скорым крушением Польской Народной Республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Grabski A. Działalność komunistów wśród żydów w Polsce (1944 – 1949). Warszawa, 2004. S. 32.
- ² ПОРП возникла в декабре 1948 г. вследствие слияния Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС). До слияния исполнительная власть была сосредоточена, по существу, в руках ППР, куда входила основная масса довоенных польских коммунистов (сама КПП была распущена в 1938 г.).
- ³ Ibid. S. 31 – 32.
- ⁴ Ibid. S. 26.
- ⁵ Цит. по: Chodakiewicz M.J. Żydzi i Polacy. 1918 – 1955. Współistnienie – zagłada – komunizm. Warszawa, 2000. S. 391.
- ⁶ A Handbook of the communist security apparatus in East Central Europe. 1944 – 1989. Edited by K. Persak and J. Kamicki. Warsaw, 2005. P. 241.
- ⁷ Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 100.
- ⁸ Chodakiewicz M.J. Op. cit. S. 409.
- ⁹ ПОРП – Польская объединённая рабочая партия. Возникла в декабре 1948 г. вследствие слияния Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС). Фактически – правящая партия Польши с 1948 по 1989 гг.
- ¹⁰ Toracska T. Oni. Warszawa, 2004. S. 129.
- ¹¹ Markus J. Social and political history of the Jews in Poland. 1919 – 1939. Berlin, 1983. P. 67.
- ¹² Ibid. P. 31.
- ¹³ Eisler J. Op.cit. S. 91.
- ¹⁴ Ibid. S. 93; Litvak Y. Polish-Jewish repatriates from the USSR // Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939 – 1946. Edited by N. Davies and A. Polonsky. London, 1991. P. 230.
- ¹⁵ Nazarewicz R. Od KPP do PPR (1938 – 1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 188-189.
- ¹⁶ Toracska T. Op. cit. S. 150.
- ¹⁷ Nazarewicz R. Op.cit. S. 235; Eisler J. Op.cit. S. 93.
- ¹⁸ Eisler J. Op.cit. S. 96.
- ¹⁹ Ibid. S. 93; Nazarewicz R. Op.cit. S. 238; Костырченко Г.В. Советско-польские отношения и еврейский вопрос. 1939 – 1957 // Польша – СССР. 1945 – 1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. Отв. ред.: Э. Дурачинский, А.Н. Сахаров. Москва, 2005. С. 304.
- ²⁰ Eisler J. Op.cit. S. 97.

- ²¹ Ćaryn J. Dzieje kościoła katolickiego w Polsce (1944-1989). Warszawa, 2003. S. 57.
- ²² Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce (1945 – 1989). Kraków, 2003. S. 20; Яжборовская И.С. Вовлечение Польши в сталинскую блоковую политику // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 112.
- ²³ Aleksium N. Dokąd dalej? Ruch syjonistyczny w Polsce (1944 – 1950). Warszawa, 2002. S. 97.
- ²⁴ Ibid. S. 207; Chodakiewicz M.J. Op. cit. S. 389.
- ²⁵ Aleksium N. Op. cit. S. 207 – 220.
- ²⁶ Куняев С.Ю. Шляхта и мы. М., 2002. С. 157 – 159, 168 – 172; Костырченко Г.В. Указ соч. С. 309.
- ²⁷ Цит. по: Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949 – 1953): Очерки истории. М., 2008. С. 509.
- ²⁸ СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944 – 1949. Сборник документов. Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 274 – 275.
- ²⁹ Костырченко Г.В. Указ.соч. С. 309.
- ³⁰ СССР и Польша. Механизмы подчинения... С. 274.
- ³¹ Там же, с. 275.
- ³² Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ.соч. С. 510.
- ³³ Там же, с. 552.
- ³⁴ Там же, с. 265.
- ³⁵ Там же, с. 511.
- ³⁶ Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 96.
- ³⁷ Machcewicz P. Władysław Gomułka. Warszawa, 1995. S. 27; Wiczorkiewicz P. Mimo wszystko Stalin nas szanował // Dziennik, 11/08/2007.
- ³⁸ Chodakiewicz M.J. Op. cit. S. 172.
- ³⁹ Aleksium N. Op. cit. S. 98.
- ⁴⁰ Paczkowski A. Pył wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005. S. 129 -130.
- ⁴¹ Chodakiewicz M.J. Op. cit. S. 49.
- ⁴² Цит. по: Костырченко Г.В. Указ.соч., с. 310.
- ⁴³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Указ.соч. С. 553.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 554 – 555.
- ⁴⁶ Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 40 – 41.
- ⁴⁷ Там же, с. 110 – 111.
- ⁴⁸ Rykowski Z., Wiadyka W. Polska pryba: Październik 56. Kraków, 1989. S. 160.

- ⁴⁹ AAN. PZPR KC. Wydział Kultury. 237/XVIII–107. К. 6-10, 57– 62, 120-123, 150-153, 200-207, 265-266.
- ⁵⁰ Jarosz D. Polacy a stalinizm. 1948–1956. Warszawa, 2000. S. 175–177; AAN. PZPR KC. Wydział Kultury. 237/XVIII–107. К. 6–10, 150–153, 200–207.
- ⁵¹ AAN. PZPR KC. Wydział Kultury. 237/XVIII–142. К. 12–201.
- ⁵² AAN. PZPR KC Kancelaria Sekretariatu XI/961. К. 54–55.
- ⁵³ Орехов А.М. Указ. соч. С. 72 – 76.
- ⁵⁴ AAN. PZPR KC. Wydział Kultury. 237/XVIII–107. К. 42–62, 144–299; AAN. PZPR KC. Wydział Kultury. 237/XVIII–108. К. 1–21.
- ⁵⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 28. Д. 481. Л. 9-14.
- ⁵⁶ Национальный фронт – предвыборный блок, возглавляемый ПОРП.
- ⁵⁷ AIPN BU. К d/s BP 6. К. 19-20.
- ⁵⁸ Toracska T. Op.cit. S. 85.
- ⁵⁹ Орехов А.М. Указ. соч. С. 137 – 140.
- ⁶⁰ Там же, с. 76 – 78.
- ⁶¹ Там же. С. 142.
- ⁶² Toracska T. Op.cit. S. 184 – 186.
- ⁶³ Ibid. S. 233 – 234.
- ⁶⁴ Zaremba M. Komunizm, legitymizacja, nacjonalizm. Nacjonalistyczna legitymizacja władzy komunistycznej w Polsce. Warszawa, 2001. S. 230 – 231.
- ⁶⁵ Ibid. S. 237 – 238; Орехов А.М. Указ соч. С. 142 – 144.
- ⁶⁶ Орехов А.М. Указ. соч. С.143 – 144.
- ⁶⁷ РГАНИ Ф. 5 Оп. 30 Д. 229 Л. 170 – 171.
- ⁶⁸ РГАНИ Ф. 5 Оп. 28 Д. 398 Л. 240 – 247.
- ⁶⁹ РГАНИ Ф. 11 Оп. 11 Д. 1 Л. 9 – 14.
- ⁷⁰ АК – Армия Крайова – вооруженные силы правительства Польши в эмиграции в период фашистской оккупации.
- ⁷¹ Там же, л. 176.
- ⁷² РГАНИ Ф. 5 Оп. 30 Д. 308 Л. 93 – 94.
- ⁷³ РГАНИ Ф. 5 Оп. 30 Д. 229 Л. 176 – 180.
- ⁷⁴ Орехов А.М. Там же, с. 79.
- ⁷⁵ Там же, с. 160.
- ⁷⁶ Piasecki B. Instynkt państwowy // Siowo Powszechne, 16.10.56.
- ⁷⁷ Turtand L. Sprawa Piaseckiego // ьwiat, 18.11.1956.
- ⁷⁸ Орехов А.М. Указ.соч., с. 191; Soitysiak G. Ёoinierze Partii // Gazeta Wyborcza, 11.12.93.

- ⁷⁹ Орехов А.М. Указ.соч., с. 181 – 197.
- ⁸⁰ Zaremba M. Biedni Polacy 68. Społeczeństwo polskie wobec wydarzeń marcowych w ьwiecie garogtyw KW i MSW dla kierownictwa PZPR // Marzec 1968. Trzydzieńci lat rucniej. Т. 1. Pod red. M. Kuli, P. Oskki i M. Zaremby. Warszawa, 1998. S. 168 – 169.
- ⁸¹ Rykowski Z., Wiadyka W. Op.cit. S. 160.
- ⁸² АВП РФ Референтура по Польше Оп. 13 П. 747 Д. 1385 Л. 364 – 366.
- ⁸³ АВП РФ Референтура по Польше Оп. 38 Пор. 19 П. 127 Д. 170 Л. 55 – 59
- ⁸⁴ Костырченко г.В. Указ. соч. С. 311.
- ⁸⁵ Eisler J. Op. cit. S. 97 – 98.
- ⁸⁶ Костырченко г.В. Указ. соч. С. 311.
- ⁸⁷ АВП РФ Референтура по Польше Оп. 13 П. 747 Д. 1385 Л. 483.
- ⁸⁸ РГАНИ Ф. 5 Оп. 30 Д. 229 Л. 167 – 169.
- ⁸⁹ Там же, л. 271 – 271.
- ⁹⁰ Soitysiak G. Ibid.
- ⁹¹ Eisler J. Marzec 1968. Geneza. Przebieg. Konsekwencje. Warszawa, 1991. S. 28-29.
- ⁹² Soitysiak G. Ibid; http://www.nowe-panstwo.pl/np_30_2001/30_temat_tygodnia.htm; AAN. PZPR KC Kancelaria Sekretariatu KC. IX/907. К. 16-64; http://pl.wikipedia.org/wiki/Kazimierz_Mijal; http://www.geocities.com/lbc_1917_2/183wywiadmijal.htm.
- ⁹³ AAN. PZPR KC Kancelaria Sekretariatu KC. IX/907. К. 16-64; Eisler J. Marzec 1968... S. 28 – 29.
- ⁹⁴ <http://www.rp.pl/artukul/75790.html>
- ⁹⁵ http://niniwa2.cba.pl/bohdan_piasecki_zabojstwo.htm; <http://www.rp.pl/artukul/75790.html>
- ⁹⁶ Raina P. Sprawa zabyjstwa Bohdana Piaseckiego. Warszawa, 1989.
- ⁹⁷ AIPN BU. 0236/175. К. 29-31.
- ⁹⁸ Eisler J. Polski rok... S. 156.
- ⁹⁹ Ibid. S. 23 – 24.
- ¹⁰⁰ Machcewicz P. Op.cit. S. 62.
- ¹⁰¹ Zaremba M. Op.cit. S. 289 – 293; Persak K. Sprawa Henryka Hollanda. Warszawa, 2006. S. 62 – 67.
- ¹⁰² Eisler J. Polski rok... S. 25 – 26; Machcewicz P. Op. cit. S. 62.
- ¹⁰³ AIPN BU 0365/8 t. 2. К. 86-87.
- ¹⁰⁴ Persak K. Op. cit. S. 143.
- ¹⁰⁵ Mieroszewski J. Wizyta u Luboniyw // Kultura (Paryi), 1962, № 12. S. 16.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: Persak K. Op. cit.
- ¹⁰⁷ Ibid. S. 321 – 322.

- ¹⁰⁸ Ibid. S. 199.
- ¹⁰⁹ Ibid. S. 318 – 319.
- ¹¹⁰ AAN PZPR KC Wydział Kultury 237/XVIII – 194. K. 110 – 130.
- ¹¹¹ Persak K. Op. cit. S. 323.
- ¹¹² AIPN BU. 0236/175 t. 2. S. 91-160.
- ¹¹³ Jedlicki W. Chamy i iedy // Kultura (Paryż), 1962, № 12. S. 23.
- ¹¹⁴ Ibid. S. 41.
- ¹¹⁵ AIPN BU 0365/97 t.2. 5-7; Eisler J. Marzec 1968... S. 90.
- ¹¹⁶ AAN PZPR KC Kancelaria Sekretariatu IX/962 K. 3.
- ¹¹⁷ Eisler J. Polski rok... Warszawa, 2006. S. 65.
- ¹¹⁸ Ibid... S. 85.
- ¹¹⁹ Persak K. Op.cit. S. 110.
- ¹²⁰ AIPN BU. 01820/5 t. 3. K. 154-157.
- ¹²¹ AIPN BU 0296/259 t. 2. Notatka wyników sondy socjometrycznej niektórych osób z terenu Warszawy – znanych z antysocjalistycznej postawy lub wrożej działalności. S. 2-3.
- ¹²² Stola D. Kampania antysyjonistyczna. Warszawa, 2000. S. 33 – 34; Eisler J. Polski rok... S. 40.
- ¹²³ Stola D. Op. cit. S. 40.
- ¹²⁴ Eisler J. Polski rok... S. 396.
- ¹²⁵ Zaremba M. Biedni Polacy... S. 159.
- ¹²⁶ Eisler J. Polski rok... S. 211.
- ¹²⁷ Stola D. Op. cit. S. 91-92.
- ¹²⁸ СДКПиЛ – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы – идейная предшественница Коммунистической партии Польши.
- ¹²⁹ Ibid. S. 126 – 127.
- ¹³⁰ AAN PZPR KC Sekretariat I sekretarzy XIA/331 K. 67 – 87.
- ¹³¹ Stola D. Op. cit. S. 120 – 121.
- ¹³² Friszke A. Polska. Losy państwa i narodu. 1939 – 1989. Warszawa, 2003. S. 300-301.
- ¹³³ Eisler J. Polski rok... S. 597; Stola D. Op. cit. S. 242.
- ¹³⁴ Eisler J. Polski rok... S. 598 – 599.
- ¹³⁵ Stola D. Op. cit. S. 245.
- ¹³⁶ AAN PZPR KC Sekretariat I Sekretarzy XIA/331 K. 42 – 50.
- ¹³⁷ Eisler J. Polski rok... S. 605 – 606.
- ¹³⁸ Ibid. S. 620 – 621.
- ¹³⁹ Ibid. S. 623.
- ¹⁴⁰ ĩaryn J. Op. cit. S. 288.

Семенова А.В.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ КАШУБОВ В СВЕТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (1940-е – 1960-е гг.)

Географическое положение Кашубии на побережье Балтийского моря между германскими и славянскими народами, правителями и режимами, определило ход ее истории на протяжении столетий¹. Кашубы были вынуждены постоянно приспосабливать «сценарии» своей культурной традиции к обстоятельствам, связанным с геополитическими изменениями в регионе. Политические и экономические тенденции, согласно современным представлениям, являются производными от духовной сферы, которая определяет межгосударственные взаимоотношения. В связи с этим, мы будем рассматривать духовную сферу в контексте политической жизни польского Поморья. К ней относят целый ряд видов деятельности, в частности, традиционное ведение хозяйства, народные ремесла, быт, религиозные практики, обучение молодежи традициям и родному языку. Среди важных видов выражения духовной жизни сообщества, следует выделить функционирование общественных организаций, которые играют решающую роль в сохранении идентичности. Они отражают когнитивные модели, функционирующие в культурной традиции, и влияют на систему ценностей общества, которые изменяются в зависимости от исторических и культурных обстоятельств². Мы рассмотрим место кашубского сообщества на географической и политической карте региона, показав их взаимоотношения с польскими властями, немецкими соседями и другими группами, с которыми им приходилось взаимодействовать. Далее обратимся к более частным вопросам, непосредственно повлиявшим на политическую и культурную жизнь кашубов, а именно, к способам организации духовной жизни кашубов, главным образом, в рамках Кашубско-поморского объединения (далее КПО).

С 1940 г. по 1970 г. кашубское сообщество развивалось в контексте общественно-политических событий в Центральной Европе, пережившей бурные потрясения. Ключевые этапы этого тридцатилетия, одинаково значимые для всех жителей Кашубии, – II мировая война, затем масштабные измене-

ния в политической и экономической жизни Польши, послевоенное восстановление (1945 по 1956 г.) и, наконец, формирование кашубско-поморских общественных организаций, поиск путей взаимодействия с властями ПНР (1956 – начало 1970-х).

К началу войны ситуация в Кашубии была напряженной, поскольку уже с 1938 г. немцы снова (после перерыва в «межвоенное двадцатилетие») стали восприниматься как угроза и источник притеснения. Незадолго до начала гитлеровской оккупации в Гданьске распространялись листовки: «*Mów po Polsku, póki czas, bo za parę dni nie będzie was*» (Говори по-польски, пока не поздно, потому что через день-другой вас не будет)³. Так, круг истории замкнулся: отзвуки германизации, проводившейся на территории Поморья до 1918 г., нашли продолжение в политике фашистов, грозя кашубам полным истреблением. При этом снималась актуальность кашубско-польских различий и актуализировалось противопоставление *славянское vs немецкое*. Во время войны кашубы и в сельской местности, и в городах, и на работах в Германии стремились приспособиться, чтобы пережить темные времена. В художественной литературе описаны случаи, когда работа в Германии становилась спасением для кашубской семьи, члены которой владели немецким языком и востребованной в то время профессией⁴. Тот, кто оставался в сельской Кашубии, был вынужден работать в своих собственных хозяйствах, переданных немцам, пришедшим с целью молниеносного заселения этих земель.

После войны происходило воссоединение семей, однако, возникали и серьезные трудности, события развивались драматично, поскольку *словинцы* – онемеченные кашубы – были вынуждены эмигрировать в Германию. Проблемы, связанные с политикой Министерства возвращенных земель по восстановлению «польскости» населения Кашубии, также были острыми. Некоторые отголоски в документах и художественной прозе получило и размещение в регионе советских войск. Так, например, в рассказе “*Wójniwó ùsemiãga*”, что можно перевести как «Тяготы войны», Х. Давидовский описывает как преследования СС, так и грабеж, насилие и мародерство со стороны советских войск, освобождавших Европу от фашистов⁵. Из этого и подобных текстов мы можем видеть, какое отношение к чужакам в военной форме закрепилось в сознании кашубов.

Судьбу кашубов после окончания Второй мировой войны отражают архивные документы, изданные Х. Рыбицким в книге под названием «Их называли словинцами»⁶. В конце 1946 года власти ПНР приняли решение о проведении «этнической верификации» среди потомков поморских кашубов и словинцев с целью определения групп лиц, которые могут войти в польское общество, и тех, кому по причине их интегрированности в немецкоязычную культуру будет предписано покинуть Польшу⁷. Деятельность этой комиссии изначально имела целью доказательство «польскости» Поморья и, соответственно, подтверждение прав Польши на «возвращенные земли» на побережье Балтики. Одновременно с насильственным выселением автохтонного немецкоязычного населения, причинившем много страданий людям, чьи деды и прадеды жили на этой земле⁸, власти стремились удержать и интегрировать в польское общество носителей славянского наречия (кашубско-словинского, польского языка), несмотря на то, что многие из них изъявляли настойчивое желание эмигрировать в Германию для воссоединения с родственниками, выбравшими добровольную эмиграцию или принудительно выселенных в Германию по причине признания их немцами в соответствии с принятыми Министерством возвращенных земель формальными критериями. В западной части Кашубии, где Людвик Заброцкий в 1946-1947 гг. провел три экспедиции на берегах озер Гардно и Лебско, «во имя исторической правды» был сделан вывод то том, что «на всей [исследованной] территории [не осталось] ни одного словинца или кашуба, который бы свободно владел этим языком»⁹. Оказалось, что местные жители не считают себя кашубами, поэтому не могут быть автоматически признаны представителями кашубского или польского этноса.

Учитывая польский национализм тех лет, в государстве, где немцам как бывшим оккупантам не было места, климат для последних германизированных славян был крайне неблагоприятным. В первые послевоенные годы эти жители были лишены каких-либо прав и полностью предоставлены милости военачальников и представителей местной администрации. Пережив притеснения и лишения, жители деревень над Лабой предпочли эмиграцию¹⁰.

Между 1950 и 1953 гг. были сделаны попытки помочь претерпевшему всевозможные тяготы войны и разрухи, нищеты и унижений автохтонному населению в районе над Лабой. При этом, в соответствии с официальной позицией властей ПНР, считалось, что все притеснения, когда-либо перенесен-

ные жителями Кашубии, исходили в XVIII – начале XX в. исключительно от Прусских властей, а позже от фашистской Германии. В 1952 г. Городской совет Слупска постановил оказать помощь этому населению, однако опека над ним понималась как «ликвидация различий между автохтонным населением и гражданами, прибывшими из центральных районов Польши» с целью снятия противостояния и националистических проявлений, а также пресечения хулиганства, мародерства и открывшихся административных злоупотреблений^к. Характерными являются доводы члена Совета Л. Кончика, писавшего, что хотя «немцев-гитлеровцев уже нет, все бежали», и остались только те, кто считает себя поляками, многие граждане причиняют страдания автохтонному населению, вымещая на них боль от страданий, причиненных фашистами¹¹.

Процесс эмиграции словинского населения продолжался и во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Об одном таком случае сообщает властям Ф. Рогачевский, занимавшийся изучением проблемы автохтонного населения части Поморья и оказанием помощи оставшимся словинцам. Так, Ф. Рогачевский вместе с группой сотрудников польского радио посетил пожилого местного жителя Йоста Хайнриха, перечислившего причины, по которым он просит позволить ему выехать в Германию. Среди них кража и варварская порча его рабочего инструмента, рыболовных сетей, поджог топлива, отравление внука, попытка изнасилования его дочери. Свое обращение Й. Хайнрих заканчивает такими словами: «Может, Народная Польша прислушается к моей просьбе, поскольку мне уже 71 год, а последние годы моей жизни я хотел бы прожить в безопасности и покое. Здесь в Ключах я серьезно опасуюсь, что когда-нибудь у меня над головой загорится крыша, а этого ни я, ни моя бедная больная жена не переживем... Г-н Рогачевский, спасите нас из этого ада»¹².

Несмотря на смягчение политической обстановки с приходом «оттепели», Кашубия продолжала сталкиваться с серьезными проблемами экономического характера. Тем не менее, постепенно возникают более современные способы ведения хозяйства, а также появляется такая важная составляющая экономической сферы кашубского региона, как агротуризм. Одной из причин развития этого направления была мода на «поиск корней», возникшая в Германии среди эмигрантов, стремившихся узнать историю своих семей¹³. Выехавшие в Германию члены семей материально помогали оставшимся, что всячески, заметим, порицалось польскими властями.

В 1950-е гг. политика мононационального и моноязыкового государства препятствует кашубам в сохранении идентичности, если не считать поддержки в области некоторых видов народного творчества. Тем не менее, попытки создания организации для сплочения кашубской интеллигенции и помощи в повышении культурного и экономического уровня в регионе, начались сразу после войны и продолжались вплоть до «оттепели», что позволило кашубам институционально утвердиться как региональному сообществу, заботящемуся о развитии своей культуры, сохранении языка и многовековых традиций. Так, например, в 1946 г. на Кашубском конгрессе в городе Вейхерове, поднимался вопрос о создании такой организации, однако политическая ситуация того времени не позволяла этого сделать^о.¹⁴ Перед «оттепелью», в 1955 г. стали возможны более открытые общественные дискуссии среди кашубской интеллигенции, люди на западе и севере Польши, в том числе и в Кашубии, ожидали прекращения дискриминации. Кашубы рассчитывали на понимание со стороны новых властей, в состав которых вошли оппоненты представителей прежнего партийного аппарата, проявлявшего неблагосклонность к кашубам. Благоприятствовал созданию организации и приезд в Гданьск правительственно-партийной комиссии, занимавшейся изучением «вопросов Побережья» (ZwI, 39). В январе 1956 года возникло общественное движение, имевшее целью объединить не связанных до того между собой мыслящих и творческих людей, которые стремились к достижению процветания кашубского региона (ZwI, 24). Вначале организация была названа «Кашубским объединением» (далее – КО). Созванный в октябре 1956 г. специальный комитет получил задание разработать проект ее устава (ZwI, 25). Таким образом, создание КО стало возможным благодаря ненадолго ставшей более благоприятной политической конъюнктуре.

Новые власти в Варшаве и в Москве предрешили судьбу возникшей организации, в данном случае в положительном ключе: стараясь обеспечить себе лояльность КО, они поначалу были готовы оказывать финансовую помощь в создании органа печати под названием “*Kaszëbë*”. В среде некашубской интеллигенции и просоветских деятелей культуры это начинание не встретило поддержки, поскольку многие считали, что партия, идя на уступки кашубам, демонстрирует слабость и неспособность руководить (ZwI, 40). В частности, в упомянутых кругах были представители, видевшие в происходящем «возрож-

дение германофильства, или склонности к поощрению всего немецкого» (ZwI, 42). В дальнейшем эти враждебно настроенные к кашубам лица инициировали всяческие затруднения в работе КО – КПО, а также составляли различные документы, полные клеветы и фактических несообразностей, с целью очернить деятелей КПО и сделать невозможной работу организации. Например, в середине 1957 г. Ш. Бойко писал о сомнительной ценности «регионального движения», в котором КО – «незаконнорожденное дитя октября». В этот период появились жертвы борьбы с «ревизионизмом и сепаратизмом» – отстраненные от общественной работы, даже арестованные. Одной из причин столь напряженных отношений с властями в регионе было неразличение ими кашубов и немецкого автохтонного населения, которое долгое время после войны подвергалось преследованиям и вынужденно эмигрировало в Германию. Другая причина состояла в разворачивавшейся на фоне международных событий антиревизионистской истерии (ZwI, 124). Недоброжелатели КО распространяли различные безосновательные слухи, как-то, например, что одним из отделений руководит некий ксёндз, призывающий на собраниях к созданию кашубского княжества (ZwI, 78–81).

В связи с быстрым изменением политического климата несколькими месяцами позже основание подобной организации было бы невозможно. В июле 1957 г. на VI Воеводской Конференции ППР ее секретарь назвал «ненормальной» ситуацию, в которой «старые методы управления» перестали применяться, а влияние партийных инстанций на территории, где действуют общественные организации, значительно ослабло. При этом партия лишалась рычагов политического воздействия на различные сообщества, и люди, придерживавшиеся «не очень близких» партии взглядов, получили возможность публично их выражать и влиять на расстановку кадров в органах местного управления. Тем не менее, партийный оратор призывал не впадать в панику и ценить вклад кашубов в процесс национального объединения Польши и построения социализма, поскольку кашубы столетиями стремились сохранить свою «польскость», (ZwI, 78–81).

Неудивительно, что кашубская интеллигенция выражала горечь и разочарование в связи с образовавшейся стеной между жителями Поморья и властями. Кашубский поэт Ян Пепка писал о том, что «после освобождения начался процесс интенсивного искусственного умерщвления всего кашубского,

народного [...] Народная культура была втиснута в централизованные формы организации, которым оказывается помощь в развитии, а на самом деле искусство сводится до измерения в ... килограммах» (ZwI, 80). Все кашубское воспринималось властями негативно, продолжались подозрения в сепаратизме, а первые издания на кашубском языке, относящиеся к 1955 году, Ян Пепка назвал вышедшими благодаря «вынужденной милости» (*wymuszonej lasce*) (ZwI, 80). Несмотря на неблагоприятную обстановку, первый кашубский журнал «Kaszëbë» начал выходить в августе-сентябре 1957 г., и был тепло встречен аудиторией. Известный гданьский журналист Эдгар Милевский так охарактеризовал «Kaszëbë»: «С этим журналом сотрудничали многочисленные региональные поэты и народные художники, учителя и общественные деятели. Возникла дискуссия о понятии регионализма, в которой звучали высказывания против его ограничения до пестования отмирающих фольклорных форм и за современное понимание этого явления как общественно-культурного движения, укрепляющего связь с традицией родного края, но воспринимающий эту связь как исходный пункт более широкой культурно-творческой деятельности, благоприятствующей активному участию в создании общенациональной культуры» (ZwI, 81–83).

Выборы в Сейм 1957 г. также стали испытанием для кашубского сообщества, в особенности из-за того, что глоток свободы, который они получили в 1956 г., помог им проявлять больше самостоятельности в выборе кандидатов и в активизации реальной предвыборной борьбы, в результате которой снимались неугодные обществу кандидаты и выдвигались более, с их точки зрения, достойные. Политическое давление на кашубов обострилось вместе с обращенной к ним декларацией в поддержку Владислава Гомулки, который был «гарантом реализации программы обновления нашей Родины». Звучали призывы: «Поможем Гомулке, чтобы он мог помочь нам. (...) Если сегодня мы хотим мира в наших домах и не хотим потерять того, что имеем, то иного пути для нас не существует!». Тем не менее, результаты выборов удивили власти: свыше 4000 бюллетеней оказались испорчены, полностью перечеркнуты, а на территории кашубского региона повсеместно выигрывали беспартийные кандидаты. К сожалению, результаты выборов не принесли КО никакой пользы, поскольку кандидаты, выдвинутые на местах или поддержанные массами, не получили в итоге депутатских мандатов (ZwI, 91–92).

После выборов в сейм начался второй период существования КПО, который оказался особенно трудным для этой организации. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. кашубов подозревали в сепаратизме, приписывая некоторым деятелям КО высказывания о том, что кашубы – отдельный народ, который стремится получить государственную независимость. В некоторых отделах КО была проведена люстрация, например, филиал в Пуцке перестал функционировать на несколько месяцев. Одним из основных импульсов к дальнейшей работе организации были молодежные встречи, в частности, кашубский слет молодежи в октябре 1957 г. (ZwI, 106–120).

В конечном итоге на рубеже 1950-х – 1960-х гг. некоторые деятели КПО были отстранены или отказались от сотрудничества с Объединением под давлением властей, а единственный на то время кашубский журнал пережил период запрета, поскольку в нем появлялись материалы неугодные цензуре. Однако властям не удалось достичь их главной цели: идея членов Объединения не умерла, их взгляд на кашубские вопросы не изменился (ZwI, 124).

Руководству КО/КПО приходилось и позднее балансировать на тонкой грани, одновременно заявляя о проблемах и избегая прямых указаний на их источник в лице власти. Примером тому служит доклад руководителя КПО Б. Щенсного, представившего историю КО/КПО между 1956 и 1964 г. Из доклада следовало, что первый достаточно успешный этап, относящийся к самому началу деятельности КО, был отмечен быстрым ростом количества членов и появлением территориальных филиалов. Однако первый успех сменился резким снижением численности активных членов и перешел в кризис 1960–1962 гг., когда работа Объединения почти замерла и встал вопрос о целесообразности ее продолжения. Б. Щенсны благоразумно не называет причин упадка молодой организации, поэтому из его речи не явствует, сами ли кашубы проявляли мало интереса к своей политической, культурной и экономической жизни, или существовали внешние причины для резкого спада активности. Текущий период (с 1963 г.) Б. Щенсный характеризует как время оживления и качественно нового уровня работы КО. При этом председатель всячески старался придать оптимизм своей речи, показав, что «прекрасные традиции кашубского региона» КО намеревается соединить с современностью, поэтому просил поддержки у «партии и народных советов» (ZwI, 173). Несмотря на эти реверансы и деликатные намеки в адрес партии, представитель ППР,

присутствовавший на Съезде, подчеркивал в своей речи нежелательность *переоценки* значения региона, а вовсе не необходимость поддержки его развития властями (ZwI 174–175). Таким образом, власти продолжали выражать настороженное отношение к кашубам и предупреждали их о необходимости и в дальнейшем постоянно подтверждать лояльность государственной власти и признавать главенство «общепольского» над региональным.

Состав организации и степень активности ее участников значительно менялись на протяжении рассматриваемого периода. Например, в съезде КО 1956 г., на котором были обозначены основные направления деятельности Объединения, участвовало 32 представителя из Гданьска, Гдыни и Сопота (ZwI, 46). Непосредственно после официального основания КО количество членов возросло до 2928 человек, а на рубеже 1958–1959 гг. отмечалось постепенное сокращение численности до 300 человек. Переломным моментом можно считать 1963–1964 гг., однако массовый приток активных участников относится к более позднему периоду. Показателен также состав Объединения в свете принадлежности к политическим партиям. Так, в результате «отсутствия слаженной работы и своевременного оповещения» партийных властей о проведении заседаний и выборов в Правление КПО, его членами стали представители нескольких партий и около половины (!) беспартийных, однако впоследствии в Президиум, состоявший из 10 человек, вошло 7 членов ППР и лишь один беспартийный. Сведения о профессиональном составе и партийной принадлежности рядовых членов КПО говорят сами за себя: от 20 до 50% членов КПО в разных филиалах были членами ППР, 90 – 100% – работниками умственного труда, главным образом, преподавателями. Для представителей власти было очевидно, что КПО оказывает определенное влияние на общественное мнение и культурную жизнь кашубского сообщества. Стремясь контролировать и ограничивать это влияние, ППР не могла полностью нивелировать влияние КПО на сознание соседей не-кашубов и направить общественное сознание в угоду власти русло (ZwI, 190–194). В частности, общественная организация на соседнем Кочевье стремилась слиться с КПО с целью оживления культурных связей и увеличения возможностей проведения культурных мероприятий. Зафиксированное на бумаге, но так и не реализованное практически стремление кочевяков последовать за кашубами в культурно-просветительской работе, говорит о значительных успехах КПО вопреки всем трудностям.

Впоследствии КПО сталкивалось с жесткими и необоснованными обвинениями в свой адрес. Например, составлялись имевшие целью скомпрометировать кашубское сообщество документы, содержащие «факты», якобы свидетельствующие о сепаратистских тенденциях у кашубов, готовности образовать подобие советской республики (!) и существовании «Партии спасения Кашубии». Не совпадающие даты, ошибки в географических названиях и фамилиях свидетельствуют о том, что составители таких «документов» опирались на собственную фантазию (ZwI, 189–190). В частности, авторы этих доносов не учитывали, что 25 января 1965 г. программа КО значительно расширилась, организация перестала быть только кашубским объединением и теперь учитывала культурные интересы всех жителей Поморья, поэтому особенно нелепо звучат обвинения КО (!) в сепаратистской деятельности во второй половине 1960-х гг. (ZwI, 175) В вымышленных обвинениях упоминается стремление к политической независимости и образованию кашубами собственной республики.

Кроме собственно политических вопросов конфликтные ситуации возникали и вокруг статуса «кашубщины». Так, в 1964 г. разразился скандал вокруг перевода одного из главных произведений кашубской литературы на польский язык, романа А. Майковского «Жизнь и приключения Рема» (*Życie i przygody Remusa*). Эта дискуссия стала одним из наиболее ярких примеров баталий вокруг кашубского языка, закончившихся на законодательном уровне лишь в XXI веке⁹. Один из активистов КПО назвал эти дискуссии «судом над переводом» и причислил к разряду политических конфликтов (ZwI, 178–179). Следующий случай для продолжения дискуссии представился во время празднования 10-летнего юбилея КПО в 1966 г. При этом руководство КПО было вынуждено снова подтверждать свою лояльность партии и признавать принадлежность Кашубии к ПНР (ZwI, 180). На мероприятии, посвященном пятидесятой годовщине со дня смерти Ф. Цейновы, представитель ППР говорил о поддержке, оказываемой правительством фольклорной традиции, деятельности, направленной на социальную интеграцию, и соответствующее задачам правительства формирование общественного сознания. Таким образом, КПО вменялось в обязанность создание общественного мнения, угодного Партии. Учитывая этот факт, мы видим, что о поддержке самоуправления, самостоятельности и проявлении инициативы не шло речи (ZwI, 181–182).

В 1960-е гг. некоторые инициативы удавалось успешно развивать, однако, давление и сложности не прекращались. Среди существенных проблем следует назвать отсутствие информации в прессе о событиях в соседних населенных пунктах региона. Так, в интервью Т. Болдуану В. Кедровский сетует на то что из газет можно узнать о происходящем в Варшаве и Силезском регионе, но «ни за что на свете» невозможно узнать о событиях в Бытове, Хойницах и Слупске, а жители Гданьска-Гдыни-Сопота (Trójmiasta) не знают, что происходит в Карпузах, Старогарде, Тчеве (ZwI, 182–183).

Середина 1960-х гг. прошла для КПО под знаком налаживания отношений с властями, и период между 1964 и 1968 гг. некоторые называют временем выхода организации из кризиса. Одной из причин, обеспечившей КПО большую лояльность со стороны властей предрержащих, было участие представителей Объединения в торжествах по поводу 50-й годовщины Октябрьской революции. В частности, были сделаны доклады на темы: «Россияне и кашубский вопрос» (Т. Болдуан) «Участие жителей Поморья в Октябрьской революции» (!) (Я. Грухала) и «Отголоски Революции на Западных землях» (Ст. Цигерт). Члены Объединения эксплуатировали социалистическую терминологию и риторику, стараясь выразить максимальную лояльность в отношении правительства. Так, Е. Хайер отметил в своем докладе, что «проникновение вражеских элементов» сеет раздор и усиливает антагонизм в обществе, указав на пример событий в Чехословакии 1968 г. Власти также неоднократно делали заявления, из которых следовало, что единственно верным для КПО направлением было объединение под знаменами Партии, а также звучали предостережения для таких представителей КПО, как Л. Бондковский и Р. Островская, осмелившихся выразить настроения несогласия в марте 1968 г. (ZwI, 187–188).

Несмотря на достаточно осторожное взаимодействие с властями представителей Объединения, следует отметить «застой» в деятельности КПО, отмеченный, в частности, Т. Болдуаном в его переписке с коллегами. На заседании, посвященном работе с туристами, осенью 1969 г. звучали голоса о «стагнации» и «маразме» в КПО. Дискуссии, которыми был отмечен 1969 г., выражали фрустрацию и были проявлением глубокого конфликта. Председатель КПО Б. Щенсны также вызывал массу недовольства своей пассивностью, однако, вопрос о недоверии и выборах нового Председателя не ставился. Анализ результатов проведения выборов в управляющий орган КПО позволяет заметить

известную степень независимости от властей, немислимую, например, в Советском Союзе того периода (ZwI, 191–194).

21 марта 1971 г. Б. Щенский в своем докладе на пленарном заседании Главного управления КПО подвел итоги работы Объединения за предшествующий период и наметил перспективы развития. Было отмечено, что КПО является самобытной организацией, перед которой по-прежнему открыт путь реализации программных принципов, Объединение «не может оставаться трусливым ягненком, озирающимся по сторонам, тревожно ожидая реакции окружающих» (ZwI, 220). То же самое можно сказать и о кашубском сообществе в целом.

Обратимся непосредственно к проектам Объединения, которые в исторической перспективе представляются сегодняшним кашубским исследователям наивными в своей многоаспектности. Однако несмотря на то, что большинство реализованных планов потребовало от членов КПО политической гибкости и большой осторожности во взаимодействии с властями, предпринятые усилия следует считать успешными. Вероятно, однако, что прося о большем, авторы проектов надеялись лишь на частичную реализацию своего проекта. Среди прочего в первом документе, разработанном и переданном на рассмотрение контролирующему партийному органу, предлагалось направить кандидатов от КПО в депутаты Сейма, получить возможность ежедневного радиовещания по-кашубски, основать в Гдыни самостоятельное кашубское книжное издательство и кашубский журнал, открыть отделение Поморского Музея в Гданьске с отделом этнографии, освещающим вопросы всего Поморского региона, прежде всего, Кашубии; ввести в школах предмет, связанный с «кашубским регионализмом», в том числе преподавание кашубского языка (начало преподавания планировалось на 1957 г.); пригласить в Дом народного творчества краеведов и этнографов; создать условия для возвращения представителей кашубской интеллигенции в кашубский регион из Варшавы, Торуня (ZwI, 42–43).

На первом съезде КО в январе 1956 г. было обозначено восемнадцать основных направлений работы, среди которых центральное место занимали политические и культурно-просветительские проекты. Кашубы стремились к получению более широких возможностей для проявления общественной инициативы, к созданию условий для включения кашубского сообщества в

политическую и экономическую жизнь польского государства, а также к сотрудничеству с другими региональными организациями, действующими в Польше. Необходима была и поддержка государством экономического развития кашубского региона, прежде всего рыболовства и сельского хозяйства. Насущную необходимость основатели КО видели в развитии кашубской культуры (особенно литературы), в создании условий для интеграции кашубов в свою духовную и материальную культуру, в поощрении любви к родному краю и культуре, в расширении возможностей получения образования кашубской молодежью, ее всестороннего развития (ZwI, 46–47). В 1964 г. программа Объединения расширилась: в это время были поставлены задачи по обучению экскурсоводов, организации встреч с региональными писателями, строительству культурных центров и квартир для учителей (ZwI, 165).

Практическое воплощение перечисленных намерений осложнялось отсутствием ресурсов, которых не хватало для обеспечения материальной базы: ремонта помещений, покупки музыкальных инструментов и материалов для народных ремесел, организации театральных постановок (для отделений КПО были недоступны даже издания пьес кашубских драматургов). Приходившие на собрания члены КО часто покидали их через черный ход до момента сбора взносов: бедность населения, еще не оправившегося от послевоенной разрухи, была не последним фактором в ряду других, создававших особые трудности реализации инициатив КО в первые годы его существования. Однако главной проблемой на фоне относительно благоприятно сложившейся на тот момент государственно-партийной конъюнктуры было недоверие населения, пережившего многочисленные преследования. Общее настроение недоверия к исходившей сверху инициативе приводило к снижению количества членов КО. В 1957 г. был объявлен конкурс на воспоминания и дневники периода оккупации. За несколько месяцев их удалось собрать лишь 21, что в целом составляло немногим более 1000 страниц текста: люди боялись преследований и неохотно делились личными записями, сколь бы важными они не были с точки зрения истории (ZwI, 68–75).

Учитывая сложившуюся обстановку, следует отметить успехи КО, достигнутые в начале его пути. Наиболее массовым мероприятием в августе 1957 г. было открытие памятника Херониму Дердовскому в день 55-летия со дня смерти этого выдающегося кашубского поэта в Веле, собравшее 25 тысяч че-

людей, среди которых были как кашубы, так и многочисленные гости. На торжественном открытии были сделаны доклады о творчестве Х. Дердовского, о значении этнографических работ для дальнейшего развития кашубской культуры, была открыта выставка кашубского народно-прикладного искусства, а также прошли выступления творческих коллективов песни, танца и народных инструментов (ZwI, 74). Это событие стало по-настоящему общекашубским праздником, и власти, стянувшие значительные милицейские силы к Велю, были обеспокоены и удивлены размахом мероприятия и богатой культурной программой, а также тем, что кашубы продемонстрировали способность к самоорганизации (ZwI, 70–71).

На фоне перечисленных сложностей появлялись новые инициативы: в частности, был открыт клуб «Померания» (1962 г.), объединивший молодых деятелей. Одной из идей, сразу получившей практическое воплощение и затем ставшей традицией, были летние экскурсии по Кашубии – *wanogi*, а также дискуссионные клубы, встречи с народными художниками, в частности, одной из первых состоялась встреча молодежи с известным мастером по керамике Августином Нецелем, различные инициативы по дополнительному образованию. Впоследствии «Померания» стала студенческим сообществом, в котором объединялись студенты вузов Гданьска, Сопота и Гдыни (ZwI, 162).

В 1963 – 1964 гг. относится еще одно важное начинание, а именно, издание «Бюллетеня кашубского объединения». Вначале этот орган печати столкнулся с серьезными трудностями, главным образом, нехваткой материалов, поскольку, с одной стороны, не все публикации могли бы оказаться пригодными с точки зрения соответствия тем, допускаемых партийным руководством, с другой, – издание было крайне бедным, и авторы не спешили писать за мизерные гонорары. После перерыва, в 1965 г., «Бюллетень» стал выходить каждые два месяца под названием «Бюллетень Кашубско-поморского объединения», его редактором стал В. Кедровский. В 1966 г. последовало обращение в Комиссию по делам печати об увеличении тиража до 1500 экземпляров. Новый редактор, Ст. Пестка, писал о том, что кашубское сообщество хотело бы иметь собственный журнал доступный также для читателей, не являющихся членами КПО, и просил разрешения изменить название журнала на «*Pomernia*». Это изменение было воспринято как важный шаг на пути к «полной эмансипации журнала» (ZwI, 202–206).

Политические трения оказывали непосредственное влияние на творческие инициативы представителей Объединения. Так, в 1968 г. впервые на сцене гданьского театра была поставлена пьеса «Трагедия о богаче и Лазаре», написанная в 1643 г. и хранившаяся в архиве Гданьска. В этом произведении, принадлежащем перу гданьского Анонима, впервые появляется персонаж Кашуб, в чьей речи встречается кашубская лексика и образные выражения. После выступления с высказываниями, противоречащими советскому взгляду на события в Чехословакии, режиссер спектакля Р. Островская стала персоной *non grata*, и возможности вновь выйти к публике у нее не стало¹⁵.

Квинтэссенция проблем и достижений кашубского сообщества во второй половине 1960-х гг. отразилась в «Днях фольклора гданьского Поморья» (1965–1972). Эти мероприятия соединяли элементы культурной пропаганды и творческих выступлений, научные встречи, деятельность, связанную с экономическим развитием региона и рекламой, а также внедрение идеологии в рамках общепольских тенденций. Таким образом, пропаганда народной культуры соединилась с государственной политикой. На первом мероприятии основная дискуссия завязалась вокруг доклада Б. Фаца, утверждавшего, что кашубская литература является исключительно «деревенской», имеет «местное» значение, тогда как «городская» литература пишется на литературном (общепольском) языке. С Б. Фацем начали спор Л. Бондковский и В. Кедровский, выступившие против «примитивизации» кашубской литературы (ZwI, 194–195). Второе мероприятие было отмечено проведением первой со времен Второй мировой войны научной конференции, посвященной фольклору. В 1967–1968 гг. работа была сконцентрирована вокруг городского, «портового» и «надвисленского» фольклора, а также было положено начало фестивалю фольклорных коллективов песни и танца гданьской земли. «Дни фольклора» в 1969 г. прошли под лозунгом *Piękna nasza Polska cała* (Прекрасна вся наша Польша) и были приурочены к 25-й годовщине ПНР. Этот год был также отмечен постановкой «Кашубской свадьбы» Б. Сыхты (ZwI, 196–199).

К началу 1970-х гг. деятели КПО обратились к Правительству с просьбой сократить количество политической пропаганды во время проведения «Дней фольклора» и увеличить удельный вес рекламы туристической отрасли, а также обратить особое внимание на экономическое развитие региона. Не получив ответа на эту инициативу, КПО приняло решение резко ограничить свое учас-

тие в проведении «Дней фольклора» в 1971 г., предложив лишь молодежную программу «Народные таланты» и конференцию, посвященную кашубской архитектуре (ZwI, 201).

Подводя итоги экскурсии в историю КПО, следует отметить, что несмотря на перечисленные сложности, в 1960-е гг. было положено начало важнейшим инициативам, имевшим ключевое значение для последующего развития культурной и общественной жизни Поморья. Так, скромный «Бюллетень», начавший с большим трудом издаваться в 1963 г., превратился в красочный журнал «Pomerania», выходящий по сей день. «Музей кашубско-поморской литературы и музыки» в Вейхерове, начавшийся с небольших выставок фотографии в 1962 и 1964 гг. и переданной в дар в 1967 г. частной коллекции Фр. Майковской, не имевший своего здания, превратился в один из крупнейших поморских культурных центров с обширными фондами.

КПО также способствовало и формированию современной кашубской интеллигенции, представленной не энтузиастами-одиночками, как в предыдущие столетия. В результате индустриализации, с возникновением лучших экономических возможностей для специалистов, обладающих специальными навыками, на рубеже 1960 – 1970-х гг. жителями сельской Кашубии была осознана ценность образования (ZwI, 206–210).

Кашубское сообщество прошло большой путь за период с начала 1940-х гг. до конца 1960-х гг. На первом этапе общественные настроения характеризовались сложными отношениями между немцами, поляками и кашубами на политическом и повседневном уровне. В дальнейшем, когда фашизм и соседство Германии перестало быть угрозой для сохранения кашубами своей идентичности, на первый план вышли отношения с властями ПНР, а также вопросы экономического развития региона, повышение уровня образования и «новый регионализм».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первые упоминания о кашубах относятся к 13 в. В 1238 г. этот этноним приписывается князю, чьи владения располагались на западно-кашубских землях. Князя именуют “Dux Cassuborum” в документе, происходившем из канцелярии папы Григория IX, после чего этноним многократно отмечается в различных документах. См. об этом в: *Borzyszkowski J., Morsawski J., Treder J.* Historia, geografia, język i piśmiennictwo Kaszubów. Gdańsk, 1999. S. 20.
- ² Эта идея принадлежит Н.В. Злыдневой (рукопись).
- ³ *Lajming A.* Mój dom. Wspomnienia. Gdańsk, 1997. S. 261.
- ⁴ *Dawidowoszczi H.* Z Kaszëbama ò kaszëbach. Òpòwiôdania. Gdańsk, 2007.
- ⁵ *Ibid.* S. 207–220.
- ⁶ *Rybicki H.* Nazywano ich Słowińcami. Część druga: Wybór źródeł. Gdańsk – Wejcherowo, 2003.
- ⁷ *Ibid.* S. 30.
- ⁸ *Język kaszubski. Poradnik encyklopedyczny.* Wydanie drugie poprawione i poszerzone. [Redaktor Jerzy Treder] — Gdańsk : Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. Oficyna Czec, 2006, 232.
- ⁹ *Rybicki H.* Nazywano ich Słowińcami. S. 31.
- ¹⁰ *Ibid.* 32–33.
- ¹¹ *Ibid.* 128.
- ¹² *Ibid.* 129.
- ¹³ *Ibid.* 181.
- ¹⁴ *Dawidowoszczi H.* Z Kaszëbama ò kaszëbach. S. 38–39.
- ¹⁵ *Cezary Obracht-Prondzyński.* Zjednoczeni w idei. Pięćdziesiąt lat działalności Zrzeszenia Kaszubsko-Pomorskiego (1956–2006). Gdańsk, 2006. S. 23. Этапы развития общественного сознания кашубов и история попыток решения перечисленных и иных проблем отражаются в драматических перипетиях КПО. В юбилейный год пятидесятой годовщины КПО была издана эта книга, отражающая этапы развития Организации на фоне социокультурной и политической ситуации в Кашубии.
- ¹⁶ В 2005 г. был принят «Устав о национальных меньшинствах и региональном языке». См. об этом: *Cybulski M.* Praktyczne aspekty Ustawy o mniejszościach narodowych i etnicznych oraz o języku regionalnym (6 I 2005. Dz. U. 2005 Nr 17 poz. 141) // *Biuletyn Rady języka kaszubskiego.* Rok 2007. Gdańsk, 2007. S. 113–122.
- ¹⁷ *Tragedia o bogaczu i Łazarzu.* Gdańsk-Gdynia, 1999.

Н.В. Коровицына

МАССОВЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, ЦЕННОСТИ И НАСТРОЕНИЯ ПЕРИОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Страны Восточной Европы начали осуществление социалистического проекта модернизации, обладая многими характерными чертами отставания от промышленно развитых стран Запада. Восточная часть европейского континента и в середине XX в. оставалась экономической периферией ее западной части. За исключением Чешских земель страны, вступившие на путь форсированной индустриализации по советскому образцу, составляли регион сельского типа с высоким аграрным перенаселением и низкими показателями грамотности. Причем, если в преимущественно аграрных Польше и Венгрии существовал все-таки значительный промышленный потенциал, то балканские государства – Югославия, Болгария, Румыния и Албания – классифицировались как типично крестьянские.

В межвоенный период в сельском хозяйстве было занято: 25,6% населения Чехословакии (1934 г.), но 53,0% населения Венгрии (1930 г.), 60,6% – Польши (1931 г.), 76,9% – Румынии (1930 г.), 80,0% – Болгарии (1935 г.), 76,3% – Югославии (1936 г.). В промышленности (включая строительство) работало соответственно 38,3% в Чехословакии, 24,1% в Венгрии 19,4% в Польше, 7,7% в Румынии, 8,0% в Болгарии, 9,9% в Югославии¹. К индустриальным странам по состоянию на середину XX в. принято относить, как в отечественной, так и в западной литературе, только Чехословакию и ГДР; Венгрия и Польша считаются странами, находившимися на начальной стадии промышленного развития; Румыния, Болгария, Югославия и Албания на старте социалистических преобразований были аграрными.

В городах проживало свыше половины всего населения тоже только в Чехословакии (51,5% в 1950 г.) и ГДР (70,9% в 1950 г.), тогда как в остальных странах региона – менее трети: Болгария – 24,7% (1946 г.), Венгрия – 36,6% (1949 г.), Польша – 36,2% (1949 г.), Румыния – 23,4% (1948 г.), Югославия – 20,8% (1948 г.)².

В общественных отношениях и культуре, во взглядах и ценностях, в образе жизни народов региона доминировал традиционализм, господствовал доиндустриальный тип сознания. Социальный статус обеспечивался механизмами наследования, иерархическая структура общества оставалась незыблемой, а семейное предприятие было наиболее распространенным типом организации производства. Структура общества после завершения Второй мировой войны принципиально не отличалась от существовавшей на момент образования национальных государств после Первой мировой войны. Процессы модернизации первой половины прошедшего века оказались, по существу, «замороженными».

На этом фоне осуществление программы социалистической индустриализации как основы «перехода к современности» и экономического соревнования с Западом приобрело для стран региона историческое значение. Темпы и результаты послевоенного промышленного подъема были действительно впечатляющими. Уже к началу 1960-х годов страны Восточной Европы перешли в категорию промышленных: свыше половины их населения стало жить на доходы от несельскохозяйственной деятельности. Был сломлен вековой социальный уклад, и восточноевропейское общество превратилось в составную часть современного мира, следуя теперь тенденциям его эволюции. Наиболее отчетливо это проявилось в скачкообразном росте с конца 1940-х годов межпоколенческой мобильности – важнейшем показателе открытости, демократичности социальной структуры. Общественное положение человека больше не определялось его социальным происхождением, о чем свидетельствовал целый ряд западных и восточноевропейских исследований³.

В период форсированной индустриализации в регионе сформировался особый, характерный для данного типа развития режим социальных перемещений, в общих чертах просуществовавший до конца 1980-х годов. Однако основные тенденции и направления социальной динамики восточноевропейского и западноевропейского общества на протяжении всех этих десятилетий принципиально не различались, что также подтверждено эмпирически⁴.

Социалистическая индустриализация опиралась на многочисленные и дешевые трудовые ресурсы, которыми располагали страны региона. В предвоенные годы около трети мужского населения трудоспособного возраста, занятого в сельском хозяйстве, относилась к категории «избыточной» рабо-

чей силы. Рост промышленного производства привел к ликвидации аграрной перенаселенности села, как и городской безработицы. Более того, в него было вовлечено практически все женское население. Увеличение занятости служило главным фактором экстенсивного индустриального развития в годы первых пятилеток.

Быстрый промышленный подъем сопровождался переходом к полной занятости. Одновременно обнаружился острый дефицит квалифицированных кадров, особенно специалистов высшего уровня, прежде всего технического профиля. Поэтому период строительства «основ социализма» вошел в историю, прежде всего, как время массовой восходящей социальной мобильности. Исследователи определяют ее как «исключительную», «беспрецедентную». Эта ситуация отчетливо контрастировала с межвоенной. Тогда даже в относительно более развитых на общерегиональном фоне Польше и Венгрии крестьянство и сельскохозяйственных рабочих отделяли от остального общества практически непреодолимые социальные барьеры. Эти группы общества были обречены на повторение жизненных судеб предшествующих поколений.

Традиционная крестьянская культура основывалась на тесной связи производственной активности с семейной жизнью, крайне ограниченных социальных и пространственных перемещениях, изоляции индивида от внешнего мира. Само крестьянское общество слабо регулировалось универсальными социальными механизмами, «заработавшими» только в результате индустриализации. Она сняла преграды на пути общественных перемещений, а социальная дистанция, отделяющая сельскохозяйственное население от несельскохозяйственного, резко сократилась. На рубеже 1940-х – 1950-х годов в странах региона сложились небывалые возможности изменения веками сложившегося порядка. Как писал У. Коннор, крестьянин по-прежнему оставался крестьянином, но ни он, ни его сын больше не считали, что последний обречен на неизбежное наследование этого статуса.

Вместе с тем, общественная система советского типа по своей сути недалеко ушла от традиционной, построенной по принципу семьи или крестьянского сообщества с характерными для них солидарными связями и коллективистским началом. Поэтому главным компонентом советской модели развития стало обобществление, или коллективизация, всех видов материальной и интеллектуальной собственности. Она охватила практически все аспекты

жизни Восточной Европы, позволив быстро и относительно безболезненно трансформировать преимущественно крестьянские общества в индустриальные и городские.

«Стержень» социальной мобильности периода индустриализации составил перелив крестьянства в промышленный рабочий класс. Быстрый рост рядов последнего шел на крупных предприятиях тяжелой индустрии, возникших в те годы. В результате Великой трансформации в выигрышном положении оказались все рабочие, занятые несельскохозяйственным трудом, в целом те семьи, в которых увеличилось количество членов, включившихся в общественное производство. Однако «выигрыш» исчислялся не только материальными показателями. Ощущение резко возросших шансов восходящей мобильности, доступности неизвестных прежде профессиональных карьер, открывшихся возможностей достижения престижных позиций охватило все общество, особенно его молодое поколение – молодежь 1950-х годов. Это ощущение сохранялось у восточноевропейской молодежи из низовых, наименее привилегированных слоев населения до середины 1960-х годов.

Принципиальное отличие периода социалистической индустриализации от межвоенного периода заключалось в том, что сельская молодежь стран региона в городах раньше могла рассчитывать лишь на низшие социальные позиции или пополнение отряда городских безработных. Теперь же миграция в города служила способом социального продвижения выходцев из крестьянской среды.

Для болгарского крестьянина заветной мечтой было стать «гражданином», тем более превратиться в промышленного рабочего: престиж индустриального труда в годы социалистической модернизации значительно превосходил престиж труда сельскохозяйственного. С работой на промышленном предприятии связывались гораздо большие профессиональные и жизненные перспективы, возможность выбора своего собственного пути, не существовавшая у традиционного крестьянина. Поэтому на протяжении всего периода индустриализации условиям труда и даже быта рабочие не придавали особенно большого значения. Для бывших крестьян главным оставался сам переезд в город⁵.

Даже рабочие во втором поколении (сыновья рабочих) считали, что их социальный статус выше, чем у родителей, принадлежавших к той же группе общества. Преобладало убеждение, что позиции рабочего класса улучшились

по сравнению с довоенным периодом. Многие в те годы ожидали дальнейшего улучшения своего социального положения. Но еще больше было тех, кто рассчитывал на лучшее будущее детей, то есть следующего поколения. И чем ниже было положение человека в социальной иерархии, тем чаще и сильнее проявлялись у него эти желания и надежды.

Энтузиазм периода массовых перемещений отражал объективную реальность тех лет, ее изменение по сравнению с предшествующим периодом. Так, если в 1930 г. в Венгрии треть рабочих мужского пола составляли выходцы из крестьянских семей, то в 1962-1964 гг. доля их достигла двух третей. Последующее ее сокращение было вызвано уменьшением удельного веса и численности самого сельскохозяйственного населения в странах региона.

Что же касается шансов образовательного продвижения, то они оценивались обществом однозначно позитивно. Более 40% считало, что практически все молодые и способные люди имеют теперь возможность получить высшее образование. Модель социального продвижения путем получения все более высоких уровней образования превратилась в доминирующую.

В 1950-е годы в социальных перемещениях участвовала, главным образом, мужская половина восточноевропейского общества. В следующее же десятилетие в них включилась и его более консервативная – женская – половина. «Женскую нишу» в системе разделения труда составляла непродуцирующая сфера. В 1960-е годы начала возрастать доля женщин в среде высокообразованных специалистов, а в следующее десятилетие они даже более активно, чем мужчины, пополняли ряды интеллигенции.

Образовательная мобильность строилась уже не на групповой, то есть коллективной, а на индивидуальной основе. Человек путем повышения своей квалификации пытался перейти к более сложным видам трудовой деятельности. Профессии, не требующие образования и квалификации, в период форсированного экономического роста считались наименее престижными. И это несмотря на политику радикального перераспределения зарплаток, урезавшихся у работников умственного труда в пользу рабочих.

Социологи замечали, что «индивидуальное продвижение уже не было чем-то исключительным и для людей амбициозных превратилось в обычное дело»⁶. Наиболее энергичные, целеустремленные личности полностью использовали открывшиеся перед ними возможности социального выбора, ко-

торых они прежде были лишены. На фоне массовой восходящей мобильности даже стабильное, неизменное положение индивида воспринималось им самим и окружающими его людьми как отсутствие жизненного успеха, везения.

К началу 1960-х годов завершается эпоха мобилизационного социализма в его сталинской версии, а вместе с ней – формирование общественной системы советско-социалистического типа. Второй, позднесоветский, период развития с рубежа 1960-х -1970-х годов – время консолидации этой системы.

В 1960-е годы в странах региона еще оставались невысокими социальные барьеры, разделявшие работников умственного и физического труда, формирующиеся отряды интеллигенции и рабочего класса. Однако программа социалистической индустриализации была уже в основном выполнена, и социальные перемещения – самые интенсивные за всю историю народов региона – исчерпали свой потенциал. Глубокие изменения в экономике и профессиональной структуре населения, вызванные индустриальным ростом, коллективизацией сельского хозяйства и национализацией основных отраслей промышленности, фактически завершились. За сравнительно короткий период времени индустриализация поглотила избыток рабочей силы, существовавший в аграрном секторе стран региона. Сформировалась новая социальная структура восточноевропейского общества, перешедшего в категорию индустриального.

По подсчетам Х. Доманьского, социальная мобильность в странах региона пережила пик в 1948-1952 гг.⁷ В те годы в Чехии, Венгрии и Словакии свой профессиональный статус сменило 38-39% мужского населения. Поляки и болгары обладали в те годы относительно меньшей готовностью к социальным перемещениям, в которых приняло участие соответственно 27 и 21% мужчин. Общества, принадлежавшие на старте соцмодернизации к числу крестьянских, дольше сопротивлялись ее воздействию. Напротив, наиболее индустриально развитое чешское общество лидировало по темпам и масштабам происходивших изменений. «Второе рождение» в годы первых пятилеток пережили в Чешских землях промышленные регионы, сформировавшиеся еще столетие назад как центры угледобычи, металлургии и тяжелого машиностроения. Чехия вместе с Восточной Германией приняла на себя роль «кузницы социализма», способствуя проведению индустриализации остальных стран региона. «Современные» чехи демонстрировали наивысшую степень

открытости переменам, выразившуюся в максимальном уровне их социальной мобильности. Чешское общество первым в регионе завершило программу строительства «основ социализма».

Противоположный полюс на начальном этапе послевоенной модернизации составляли гораздо более инертные крестьянские общества Болгарии, Румынии, Югославии и Албании с их минимальными на общем фоне показателями потенциальной мобильности населения. Болгария, например, оставалась страной мелких сельскохозяйственных производителей на протяжении всего первого послевоенного десятилетия – решающего для осуществления индустриализации в других странах региона. Ощутимые социальные перемещения у болгар произошли со значительным временным сдвигом по отношению к народам высокого и среднего уровня развития. Эти перемещения датируются болгарскими исследователями серединой 1950-х – серединой 1970-х годов. В большинстве же других стран Восточной Европы они завершились примерно на десятилетие раньше.

Уже к 1970-м годам в странах социалистической системы происходит относительное выравнивание структуры занятости. Так, если в 1950 г. в промышленности и строительстве Румынии работало 14,2% активного населения, в Венгрии – 22%, то в 1970 г. это соотношение достигло 30,8 и 34%⁸. Социальные различия, существовавшие между народами региона до начала радикальных социально-экономических преобразований периода индустриализации, практически «стираются». Тогда же наблюдается стабилизация социальной структуры: специалисты уже не отмечают ее крупных изменений. Она сохраняет основные свои параметры вплоть до распада системы социализма.

В условиях перехода ко второму этапу восточноевропейского пути развития задачи экономического роста отходят на второй план, уступая место социокультурным преобразованиям. Тогда же качественно изменяются стандарты материального потребления, значительно ослабляется идеологическое давление, существовавшее в годы становления коммунистического режима и мобилизационного типа развития. Восточноевропейское общество переходит от изоляции по отношению к внешнему миру, прежде всего к Западу, к усилению контактов с ним.

Однако основы общества индустриального, современного типа в Восточной Европе были заложены на протяжении первых 15-20 послевоенных

лет. Именно в эти годы совершился ускоренный и решительный «разрыв с прошлым» – преодоление социально-экономической отсталости и переход от аграрного общества к индустриальному. Массовые восходящие перемещения выходцев из крестьянской и рабочей среды в условиях экономических преобразований периода мобилизационного социализма, социалистической индустриализации приобретали нередко характер вынужденный, если не принудительный. Однако эти преобразования породили у самого восточноевропейского человека огромные – и в большой степени оправдавшиеся – надежды и новые ожидания. Классы и социальные группы, которые традиционно относились в странах региона к низшим, именно в период «форсированного эгалитаризма» получили доступ к образованию, вплоть до высших его уровней, к квалифицированному труду, высоким заработкам, к вершинам социальной иерархии.

Важнейшим результатом межцивилизационного по своему значению перехода стран региона от преимущественно аграрного, крестьянского общества к индустриальному явилось формирование восточноевропейского рабочего класса. Многочисленный рабочий класс, к которому принадлежало свыше половины экономически активного населения, возник на «раннем» этапе социалистической модернизации как основа новой социальной структуры. Его положение – престиж и материальный уровень – соответствовало его роли ведущей силы в процессах перехода к обществу индустриального типа. Вместе с тем, сформировавшийся в условиях ускоренной модернизации рабочий класс сохранял многие черты промежуточного класса между обществом аграрного типа и индустриальным, между городом и селом, т.е. был по существу классом «посткрестьянским».

Восточноевропейский путь развития имел еще одну особенность, консервирующую переходный характер общества этого типа. Темпы наращивания образовательного и профессионального статуса большинства населения опережали темпы увеличения его заработков. В результате широкое распространение получило явление так называемой статусной несогласованности, или несоответствия уровня образования доходам. Финансовая оценка работников умственного труда, ряды которых стремительно множились, занижалась по сравнению с оплатой физического труда: народное хозяйство продолжало испытывать в нем значительную потребность.

Общество, носившее название социалистического, четыре десятилетия совершало переход к структурам индустриального типа, сохраняя относительно невысокую социальную дифференциацию. Переход сопровождался массовой восходящей мобильностью и опирался на поддержку населения стран региона. На первом этапе послевоенной истории преобразования эгалитарного типа встречали практически всеобщее одобрение. Оптимизм по поводу шансов продвижения по социальной и образовательной лестнице особенно отличал людей, достигших в эти годы высоких статусных позиций.

Создание в Восточной Европе общества индустриального типа сопровождалось реальной ликвидацией социальных барьеров. Открылись небывалые возможности разного рода перемещений людей в обществах с сельским и сельскохозяйственным большинством населения. Превращение крестьянина в рабочего, горожанина и даже интеллигента создало неповторимую атмосферу свободы социального достижения. В этой атмосфере сложилась специфическая система ценностей, сохранившая свою традиционную основу, поскольку рабочие и даже их дети не успели испытать в полной мере процессов раскрестьянивания и пролетаризации. Они фактически не утратили своих социокультурных корней. Ощущение «восхождения» по социальной лестнице и ожидание его продолжения отеснили в тот период на второй план материальные, потребительские ценности. Возобладал приоритет нематериальных стимулов труда, и установилось господство трудоцентрической производственной ориентации: труд, как и образование, считались главной формой самореализации.

Центром повседневной жизни «строителя социализма», как мужчины, так и женщины, становилось рабочее место, работа была «правом и обязанностью» каждого гражданина. Значимость рабочего места повышалась тем, что это была и социальная инстанция: профкомы и парткомы распределяли социальные блага (путевки, жилье, субсидии), разбирались в личной жизни и проч. Рабочий коллектив был своего рода коллективным воспитателем, призванным сочетать «здоровую критику с помощью и поддержкой»⁹.

Рассмотренные выше процессы социальных и культурных перемещений ярко проявились в Польше периода социалистической индустриализации – времени сталинизма и так называемой малой стабилизации.

Валовая промышленная продукция возросла в этой стране в 1949-1955 гг. на 185%, производительность машиностроительной и металлургической

отраслей увеличилась на 335%, а занятость в этих отраслях возросла на 69%. Было построено свыше 100 новых предприятий. Всего занятость в промышленности повысилась с 1,8 до 2,8 млн., в том числе на новых предприятиях работали 150 тыс. человек. 700 тыс. переселились из села в город, сформировался полумиллионный слой рабочих-крестьян, совершающих регулярные поездки на работу в город. Индустриализация совершалась главным образом силами сельской молодежи¹⁰.

В 1948-1956 гг. около 700 тыс. человек закончили средние школы, 200 тыс. – высшие учебные заведения, в том числе половина – из крестьянских и рабочих семей. В авангарде нового общества стояла техническая интеллигенция, прочно связанная с рабочим классом. Новая интеллигенция крестьянского происхождения обладала тесными эмоциональными связями с общественным строем: она была воспитана в духе почитания авторитета, имела трезвое, практическое мышление, отторгала все «чужое», характеризовалась безрефлексивной верой. Новая интеллигенция охотно принимала выравнивание доходов работников физического и умственного труда до 1:1,5 с довоенных (1937 г.) 1:2,2, что старая интеллигенция воспринимала как процесс ее пауперизации. Интеллигенцию первого поколения А. Фришке называет «тылом» общественной системы.

Период сталинизма в своей радикальной фазе продолжался в Польше семь лет, но оставил после себя огромные перемены в организационной и идеологической структуре общества, совершил глубокие преобразования в сознании людей. С середины 50-х годов с завершением осуществления шестилетнего плана ускоренной индустриализации (1950-1955 гг.) период тоталитаризма в стране уступает место времени так называемой малой стабилизации.

Польское общество вступило в новый период своей послевоенной истории с высоким естественным приростом населения. В 1956 г. численность населения страны составляла 28 млн. человек, а в 1970 г. – 32,6 млн. Польша была страной преимущественно людей молодых: 12,5 млн. было моложе 19 лет, 4,6 млн. – в возрасте 20-29 лет. Людей старше 60 лет насчитывалось всего 4 млн. Миграция из села в города в 1951-1971 гг. превышала 2 млн., значительная часть жителей села регулярно ездила на работу в город. В конце 60-х годов прошлого века существовали три большие группы занятых: работники физического труда – 41%, работники умственного труда – 23% и

крестьяне-единоличники – 33%. Среди работников физического труда 52% приходилось на занятых в промышленности, около 12% – в строительстве, 10% – в транспорте и связи. В течение десятилетия 1960-1970 годов численность рабочего класса возросла с 2,3 млн. до 3,1 млн. Это был в значительной степени новый слой – около 40% его состава приходилось на выходцев из крестьянских семей. Вдвое (до 18%) в 1958-1968 гг. возросла численность рабочих, окончивших профессиональные школы. Рабочие крупных промышленных предприятий обладали более высоким уровнем образования, более высокими культурными потребностями и более отчетливым осознанием собственных интересов.

Польский рабочий класс традиционно обладал особой уверенностью в своей коллективной силе и гипертрофированным чувством независимости по отношению к власти, которая наделяла его званием социально-политического «гегемона». В этом смысле он явно отличался от западноевропейского рабочего класса. Работники физического труда в промышленности в Польше отличались более выраженным ощущением благополучия по сравнению со служащими. Положение рабочего в восточноевропейском обществе было явно благоприятней по сравнению с рабочим в странах Запада. Оно не уступало в первом случае положению интеллигента ¹¹.

Группа работников умственного труда в течение 1958-1968 гг. возросла с 2 до 3 млн. Сюда входили учителя (свыше 200 тыс. в 1970 г.), технические специалисты (660 тыс.), управленческие кадры (146 тыс.), работники системы здравоохранения (400 тыс.), служащие, работники партийного аппарата и др. Свыше трети работников умственного труда имела рабочее происхождение и еще около 30% – крестьянское. В несколько раз возросла доля учащихся рабочего и крестьянского происхождения. Лишь 30% группы работников умственного труда сформировались в результате процессов самовоспроизводства.

Польша находилась в авангарде европейских государств по показателю численности студентов на 10 тыс. человек: в 1960 г. – 68 и в 1970 г. – 126 (во Франции соответственно 47 и 158, в Швеции – 50 и 176, в Италии – 54 и 128). Людей с высшим образованием в 1960 г. было 415 тыс. человек, в 1968 г. – 570 тыс., со средним соответственно 2060 тыс. и 2942 тыс.

В селе проживали около 15 млн. человек, численность живущих от работы в сельском хозяйстве уменьшилась в 1960-1970 гг. с 11,3 до 9,7 млн. человек.

В 1970 г. только 5 млн. жили с доходов в собственном хозяйстве, остальные получали равноценные доходы от труда некрестьянского, как правило, в промышленности и добывающей отрасли. Однако и в селе в 1960 г. 74% обладало образованием ниже основной школы, а десятью годами позже – лишь 52%, преодолели барьер безграмотности.

В шестидесятые годы шли процессы интеграции старой и новой интеллигенции, рабочего класса. Новая интеллигенция перенимала обычаи старой, дети старой интеллигенции расставались со многими элементами стиля жизни и ценностями своих родителей.

Социальная политика режима привела к масштабному выравниванию доходов населения как проявлению своего рода демократизации общества. Соотношение доходов горожан и жителей села составляло 1:1,3, работников физического и умственного труда – 1:1,2. Социализм ассоциировался у людей с обществом нового типа, отсутствием больших материальных различий, прогрессом просвещения, патерналистской властью.

Мало известно о забастовках в период 1957-1970 гг. Они были немногочисленны, краткосрочны, характеризовались отсутствием остроты конфликта и не нарушали стабильности и покоя в обществе. В этот период не было реальной альтернативы господствующему строю, существовал страх перед возможностью начала новой войны, заставлявший людей ценить общественную стабильность. Система, включавшая элементы польских традиций, уже не воспринималась как чужая, навязанная извне, а трактовалась как польская разновидность социализма с сильным влиянием плебейской культуры. Люди сравнивали свою жизнь с жизнью своих родителей и своей жизнью в начале биографии, приходя к выводу о произошедшем прогрессе. Поколения, пережившие войну и годы послевоенного восстановления народного хозяйства, ценили период «малой стабилизации». Люди соотносили свою жизнь с прошлым, а не с заграничными образцами, о которых мало знали. Значительную часть общества составляли люди так называемого «социального аванса» – новая интеллигенция и рабочий класс. Наконец, была преодолена безработица, повысилась занятость женского населения, улучшилось социальное и экономическое положение крестьянства. Государственные институции и растущая промышленность предоставляли крестьянским сыновьям широкие возможности быстрой профессиональной карьеры.

Форсированный экономический рост в условиях общественной трансформации сформировал особый тип социальной мобильности населения Польши¹. Это была массовая преимущественно вертикальная или восходящая образовательная и социально-профессиональная мобильность, сопровождавшаяся радикальным перераспределением доходов в пользу рабочего класса.

Наиболее высоко в рассматриваемый период ценились профессии, требующие высокого уровня образования (профессор, физик, инженер и т.п.), а ниже всего – не требующие никакой квалификации или образования. Индустриализация открыла неизвестные прежде возможности профессиональных карьер. Миграция в города диктовалась не только экономической необходимостью, а открывала дорогу к экономическому и социальному продвижению значительной части крестьянских детей. Доля крестьянской молодежи в высших технических учебных заведениях в 1935/36 гг. составляла 10-11%, в университетах – 11%, а в 1950/51 гг. соответственно 31 и 25%. Свыше 80% крестьянских сыновей, покидавших деревню в возрасте 20-29 лет, приобретали профессии квалифицированного труда и 42% становились служащими.

Польская индустриализация с ее необыкновенно динамичным ростом производственных отраслей породила гигантскую потребность в квалифицированных кадрах. Кроме того, введение плановой экономики и централизация руководства экономикой явились еще одним фактором роста потребности в различных категориях служащих. Первая фаза индустриализации в Польше (1950-1953 гг.) характеризовалась процессом особенно массовой вертикальной мобильности, связанной с существенным ростом высоких позиций по профессиональной и доходной шкалам. Ощутимый рост жизненных стандартов несельскохозяйственного населения по сравнению с межвоенным периодом выразился в следующих показателях: душевой индекс реального дохода несельскохозяйственного населения в 1960 г. составил 170%, если принять этот показатель 1937 г. за 100%. Душевой доход занятого возрос на 36%, в том числе для рабочих он увеличился на 75%, а для служащих сократился на 26%.

В 1957 г. в Польше большинство (64%) сыновей крестьян, переселившихся в город, оценивали свое экономическое положение как высокое. Среди же оставшихся жить и работать в селе к этой категории относилось всего 16%.

В целом, бурный рост вертикальной социальной мобильности низших социальных слоев породил массовый рост статуса по шкалам доходов и престижа наиболее непривилегированных слоев населения.

В 1961 г. было проведено репрезентативное исследование мужского городского населения старше 18 лет¹². Согласно его результатам, свыше 60% опрошенных принадлежало к категории «рабочий, занятый физическим трудом». Превалировали получившие начальное образование (45%). Люди с более высокими уровнями образования составили лишь 40%. 28% считали свое положение в обществе низким или очень низким, испытывая чувство депривации, около 12,5% позитивно оценивало свой статус и 54% – нейтрально. Всего 6% не смогли ответить на этот вопрос.

Среди неквалифицированных рабочих депривацию ощущали свыше половины опрошенных. Напротив, свыше половины творческой интеллигенции и лиц свободных профессий считали свой статус выше среднего, т.е. , по их мнению, принадлежали к привилегированным слоям населения. Среди квалифицированных рабочих и служащих более половины приходилось на промежуточную, эмоционально нейтральную категорию.

Почти четверть (23,4%) взрослых горожан заявили, что их отцы – крестьяне или сельскохозяйственные рабочие. Вертикальная социальная мобильность явно ощущалась как социальное продвижение. 42% респондентов занимали более высокие позиции по сравнению со своими отцами в том же возрасте, т.е. именно такой процент, можно считать, составляет категория «социально продвинувшихся». 23% сыновей рабочих и 34% сыновей крестьян пополнили ряды служащих.

Около трети опрошенных ожидали дальнейшего улучшения своего положения, тогда как половина предвидела улучшение положения своих детей. Проявилась закономерность, что, чем ниже социально-профессиональная группа, тем чаще встречается ожидание перемен к лучшему для своих детей. Целых 92% неквалифицированных рабочих ожидали роста статуса детей. Несколько больше трети самой высокопоставленной группы – творческой интеллигенции – предвосхищали подобный рост.

Подъем оптимизма по поводу ослабления социальных различий, т.е. эгалитарного характера произошедших в обществе перемен, проявлялся по мере роста социального статуса респондента. 38% служащих, но 22% неквалифи-

цированных рабочих были убеждены, что социальные различия сократились.

Экономические различия – различия в заработках и благосостоянии – воспринимались как важнейшая детерминанта социальной дифференциации. Политические и религиозные взгляды оказались менее сильными факторами деления общества по сравнению с образованием – вторым по важности – и профессиональным факторами. Социальное происхождение больше вообще не воспринималось как влияющее на социальное деление. Оно заняло последнее место в иерархии факторов социальной дифференциации. В городах практически исчезло деление на людей с «хорошим» и «плохим» социальным происхождением. Аналогичным образом владение собственностью больше не служило основой социального престижа.

Рост эгалитаризма в городах особенно отчетливо проявился при заключении браков: совершенно исчезло влияние социального происхождения или собственности. Главным критерием выбора партнера стал показатель уровня образования¹³. Однако этот показатель тоже не был жестким в условиях превращения образования в массовое явление: молодые рабочие, как правило, сочетали работу с учебой в разного рода вечерних школах и на курсах, к тому же различия в образовании на том этапе еще не сопровождались различиями в образе и стиле жизни.

Чем выше было социальное положение опрошенного, тем реже он оказывался убежденным, что социальная дифференциация создает различия между людьми в Польше. Это касается зарплат, образования, физического или умственного труда, важности занимаемых должностей и др. С ростом социальной позиции увеличивалась вероятность восприятия социальной структуры как бесконфликтной. Напротив, чем ниже была социальная позиция, тем чаще усматривались признаки взаимного недовольства между группами общества.

Целых 90%, т.е. почти все опрошенные в 1961 г. в Польше, требовали увеличения равенства в социальной структуре, а ни много ни мало половина всей выборки – даже полного устранения социальной дифференциации. Характерно, что полного равенства желали 53% квалифицированных рабочих, но 38% творческой интеллигенции, представителей высокообразованных слоев. Т.е. уже в начале 60-х годов еще крайне немногочисленная интеллигенция – в основном люди, «выдвинувшиеся» в годы индустриализации, – проявляла мень-

шую склонность к эгалитарным идеалам. Привлекательность этих идеалов и связанных с ними надежд падала с ростом социальных и экономических позиций, тогда как эгалитарные требования росли постольку, поскольку были связаны с ожиданиями улучшения этих позиций¹⁴.

Однако на рубеже 50-х и 60-х годов признаки эгалитаризма еще проявлялись гораздо сильнее в молодом поколении, чем в старом, социализированном в досоциалистический период. Они воспринимались в то время как свидетельство роста демократичности общества.

Вместе с тем польская социология уже регистрировала первые проявления тенденций, в полной мере проявившихся в конце 60-х годов в событиях «Пражской весны» и, в конечном счете, приведших к разрушению социалистического строя двумя десятилетиями позже¹⁵. Весьма показательным в этом отношении известно исследование польским социологом Ст. Новаком взглядов варшавских студентов, проведенное в 1958 и 1961 гг. Согласно его результатам, на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы мир двигался к какой-либо форме социализма?» «решительно да» ответили 24%, «скорее да» – 44%, «скорее нет» – 9%, «решительно нет» – 2%, затруднились с ответом – 19%¹⁶. Однако содержание и смысл, который студенты университета вкладывали в понятие «социализм» было уже тогда далеко неоднозначным.

Безусловно, это понятие наделялось позитивной эмоциональной нагрузкой. Но система, наиболее близкая к идеальной, по мнению варшавских студентов, наделялась следующими чертами: большинство ключевых отраслей народного хозяйства национализировано, хотя ремесло, торговля и мелкое производство предоставлены свободным предпринимателям; принятие всех решений на предприятиях передано в руки рабочих комитетов; государство не ограничивает гражданских свобод, хотя некоторые ограничения допустимы в исключительных случаях и на короткое время; шкала зарплат и доходов не очень широкая, но, с другой стороны, отрицается или относится к отдаленному, неопределенному будущему принцип полного экономического эгалитаризма; среди студентов явно не распространена героическая версия социализма, идея о том, что нынешнее поколение должно быть принесено в жертву ради благосостояния и счастья будущих поколений совершенно чужда варшавским студентам.

Чем выше доход родителей, тем менее позитивная реакция проявляется по отношению к следующим идеологическим постулатам: принятие социализма, рабочих комитетов, национализированной экономики, необходимости общественной активности, ограничения гражданских свобод государством. Что касается политической ситуации в Польше в период 1945-1955 гг., то более бедные студенты либо относились к ней благоприятно, либо крайне критически, а более обеспеченные высказывали умеренно критические взгляды.

Как оказалось, выходцы из семей высокопоставленных родителей в меньшей степени являлись сторонниками экономического равенства. В 1958 г. польские социологи обнаружили закономерность, что занимающие более высокие позиции с нарастающей интенсивностью склонны защищать свои привилегии и отрицать любую идеологию, ограничивающую их долю в распределяемых благах. Та же закономерность существовала между эгалитаризмом молодых варшавских интеллектуалов и их ожидаемыми доходами. Вместе с тем, студенты крестьянского или рабочего происхождения высказывали более эгалитарные взгляды и, кроме того, их ответы характеризовались меньшей внутренней согласованностью по сравнению с выходцами из семей, принадлежащих к высшим слоям.

Подтверждением господствующей в период индустриализации в польском обществе склонности к занятию более высоких социально-профессиональных позиций служит исследование В. Веселовским и А. Сарапатов иерархии профессий и взглядов поляков в 1958 г.¹ По критерию прочности трудовых позиций в первую пятерку наиболее гарантированных в то время профессий вошли: врач, университетский профессор, квалифицированный рабочий-металлург, учитель, квалифицированный рабочий-токарь. Инженер занял 8 строчку, а неквалифицированный рабочий – 22-ю из 29 позиций. По критерию авторитетности первые места заняли профессии высококвалифицированного умственного труда: профессор, врач, учитель, инженер, опережавшие, в том числе, профессии управленческого труда, тем более рядовых канцелярских служащих. Metallург и токарь оказались на 10 и 11 позициях, а неквалифицированный рабочий, занятый физическим трудом, особенно в сельском хозяйстве, оказался наименее уважаемой профессией. В целом по надежности и авторитетности труда первое место заняли представители творческой интеллигенции, второе – квалифицированного рабочего класса. И

только по материальному фактору, явно менее значимому в те годы, обе социальные группы опередили частные предприниматели, а также управленческие профессии, такие как министр.

При выборе наиболее желательных профессий для своих детей поляки поставили на первые места инженера, врача, профессора, журналиста, адвоката для сыновей и врача, учительницы, актрисы, композитора, инженера, адвоката, журналистки для дочерей. В этом случае, в значительной степени и предопределившем восточноевропейское будущее, особенно привлекательными оказались профессии творческой интеллигенции.

Формирование многочисленного отряда ощутившей свое социальное превосходство интеллигенции во втором послевоенном поколении, рожденных на рубеже 40-х и 50-х годов прошлого столетия многочисленного поколения бэби-бумеров стало для социализма в Польше и остальных странах Восточной Европы «миной замедленного действия». Вслед за своими предшественниками 1968 года – творческой интеллигенцией Чехии, первой в социалистическом лагере завершившей индустриализацию, – они отказались от принципов эгалитаризма. Молодые восточноевропейские интеллектуалы 1980-х годов выступили против явного несоответствия, несогласованности их недостаточных позиций во власти и резко возросшего культурно-образовательного статуса, с одной стороны, и отстающего экономического, материального статуса, т.е. уровня доходов, заработков, с другой.

Однако в 50-е – середине 60-х годов прошлого века в восточноевропейском обществе массовая основа социалистического общества в лице рабочего класса и интеллигенции еще лишь формировалась, чтобы в следующем поколении превратиться в субъекта крушения этого общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Connor W. Socialism, politics and equality. Hierarchy and change in Eastern Europe and the USSR. N.Y. 1979. P.31.

² Бодрова В.В. Народонаселение европейских социалистических стран. М., 1976. С. 35.

³ Lane D. The socialist industrial state. L., 1976; Connor W. Socialism, politics and equality; Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социологические исследования. 2002. № 6 и др.

- ⁴ Andorka R. Half a century of trends in social mobility in Hungary // Social reproduction in Eastern and Western Europe. 1990; Domański H. Two transformations and social mobility // Polish sociological review. 1998. № 4.
- ⁵ Kiuranov Ch. Attitudes of youth to work: the Bulgarian case // International social science journal. 1985. № 4. P. 511.
- ⁶ Narojek W. The basic human relationships in a socialist society // Sisyphus. Sociological studies. 1981. V. 1. P.86.
- ⁷ Domański H. Two transformations and social mobility. P. 320.
- ⁸ Stoica A. Communism as a project for modernization: the Romanian case // Polish sociological review. 1997. № 4.
- ⁹ Тимофеева Т.Ю. «Советизация» или континуитет: повседневная жизнь восточных немцев в период формирования диктатуры СЕПГ // Власть и общество в условиях диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР. 1945-1965. Архангельск, 2009.
- ¹⁰ Frieszke A. Polska: losy państwa i narodu 1939-1989. Warszawa, 2003.
- ¹¹ Slomczyński K., Mach B. Dissolution of the socialist working class in Poland, Hungary and the Czech Republic: a myth or reality // Sisyphus. Sociological studies. Vol. X. 1997. P. 108.
- ¹² Pohoski M. Interrelation between social mobility of individuals and groups in the process of economic growth in Poland // The Polish sociological bulletin. 1964. № 2.
- ¹³ Nowak St. Changes of social structure in social consciousness / The Polish sociological bulletin. 1964. № 2.
- ¹⁴ Nowakowski St. Egalitarian tendencies and the new social hierarchy in an industrial-urban community in the Western territories // The Polish sociological bulletin. 1964. № 2.
- ¹⁵ Nowak St. Changes of social structure in social consciousness. P. 52.
- ¹⁶ Machonin P. a kolektiv Československá společnost: Sociologická analýza sociální stratifikace. Br., 1969.
- ¹⁷ Nowak St. Correlational approach to the control of meaning of attitudinal variables in cross-cultural surveys // The Polish sociological bulletin. 1962. № 3-4.
- ¹⁸ Wesołowski Wł., Sarapata A. Hierarchie zawodów i stanowisk // Studia Socjologiczne. 1961. № 2.

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОИСКАХ НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ

В.А. Хорев

ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: РАСЧЕТ С ПРОШЛЫМ ИЛИ ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ?

Политические события 1956 г. – имевший огромное международное значение XX съезд КПСС с его разоблачением «культ личности» Сталина и VIII пленум ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.), который вернул на пост руководителя партии репрессированного В. Гомулку, во многом определили пути дальнейшего развития польской литературы. 1956 год принес надежды на свободное развитие общества и его культуры. Надежды не осуществившиеся, хотя импульсы развития, которые были сообщены литературе, действовали вплоть до конца 80-х годов.

В конце 1956 г. досрочно собрался VII съезд Союза польских писателей. Съезд высказался за свободу художественного творчества, за отмену предварительной цензуры, за широкий доступ читателей к запрещенным до сих пор книгам, за свободные контакты с эмиграцией и западной литературой. Председателем вновь избранного правления Союза писателей стал известный своими оппозиционными взглядами А. Слонимский (в 1959 г. его сменил на этом посту Я. Ивашкевич).

После 1956 г. у многих писателей как бы спала пелена с глаз, они решительно пересматривают свои идейные позиции. Разбираясь в причинах, побудивших их подчиняться доктринерским установкам, они (тогда и позднее) ссылались на энтузиазм общества, питаемый надеждами на скорое светлое будущее, на необходимость найти свое место в новой действительности, на незнание многих фактов преступной деятельности партийного руководства и госбезопасности, на глупость молодости (В. Ворошильский), а также на монополию государственных издательств, террор, принуждение, цензуру, страх... А. Вазик говорил, что он «жил в сумасшедшем доме», а некоторые изящно писали о «гегелевском укусе историей». Ч. Милош назвал это явление «Порабощением разума». Под таким названием еще в 1953 г. он издал в Париже книгу, которая проникла и в Польшу. На примере интеллектуальных биографий современных польских писателей (Анджеевского, Боровского, Галчинь-

ского, Путрамента) Милош анализировал в ней психологический механизм, приводивший писателей к отказу от собственного «я» и к принятию условий, подавлявших мысль и талант.

В конце 50-х гг. в польской литературной печати развернулась важная дискуссия о понимании реализма и социалистического реализма, о роли художественной литературы в социалистическом обществе. С критикой ограничительных представлений о реализме и социалистическом реализме (в том числе присущих ранее самому Жулкевскому) за многосторонность художественного поиска выступил С. Жулкевский. Он пришел к пониманию реализма как исторически видоизменяющегося метода, обогатившегося к середине XX в. за счет открытий новаторов литературы XX в., в том числе представителей авангардистских школ и направлений. Жулкевский выступил за расширение культурных горизонтов художника, за живые контакты польской литературы с литературой всего мира, со всеми ее идейными течениями, подчеркивая в то же время необходимость основанного на принципиальных идейных критериях выбора ценностей, которые могут быть плодотворно использованы при создании социалистической культуры. Однако эта – свежая по тем временам – точка зрения не была популярна в литературной среде. В сознании большинства писателей и критиков социалистический реализм связывался со схематическими произведениями предшествующих лет и с нормативными формулами, заимствованными из советской литературной критики, с помощью которых до 1956 г. определялась ценность художественного произведения. Социалистический реализм для Ю. Пшибося, например, – это «дубинка, врученная Ждановым для убийства искусства чиновникам от пропаганды, сервиллистам и панегиристам...»¹.

В литературной критике была сформулирована программа «интеллектуальной литературы». Главной задачей этой литературы считалось отражение основного содержания польской действительности, которым является освобождение человека в процессе очищения социалистических идей, преодоление «отчуждения общественных институтов, человеком созданных бюрократических творений, которые начинают господствовать над человеком»² (С. Жулкевский) «борьба с фетишизацией всех продуктов жизни общества: норм поведения, общественно-бытовых стереотипов и, наконец, институтов»³ (Збигнев Жабицкий).

В ходе дискуссии был узаконен литературный эксперимент. Такое положение дел устраивало отчасти и партийное руководство культурой, которое не препятствовало формальным поискам, ибо они часто уводили в сторону от злободневных проблем действительности, от ее критического анализа.

В литературной критике и художественной практике после 1956 г. утвердились автономность личности и создание индивидуальных, даже субъективных поэтик, выявление противоречий между стремлением личности и удовлетворением ее потребностей обществом, расцвет художественного эксперимента. «Исторической необходимостью», определявшей человеческие судьбы в литературе предшествующих лет, были противопоставлены ценность и неповторимость личности и ее психология, исследуемая на различном тематическом материале.

Расширение идейных и формальных критериев оценки художественного творчества способствовало изданию широкого круга произведений литературы XX в. Впервые после войны были изданы многие произведения польских авторов межвоенного двадцатилетия (С.И. Виткевич, Б. Шульц, М. Ванькович, Зб. Униловский, М. Кунцевич, Ю. Чехович, Б. Лесьмян, М. Павликовская-Ясножевская, Я. Лехонь и многие другие). Реабилитация деятельности коммунистической партии Польши (распущенной Коминтерном в 1938 г.) вернула польской литературе произведения писателей-коммунистов, уничтоженных в СССР, Б. Ясенского, С.Р. Станде, В. Вандурского, г. Джевецкого и др. Польский читатель смог познакомиться также с западной литературой XX в. – с переводами книг Камю, Сартра, Сент-Экзюпери, Веркора, Музиля, Броча, Хемингуэя, Стейнбека, Фолкнера и других. В журналах и на сценах театров появились пьесы Беккета, Йонеско, Жене, Фриша, Дюрренматта, Адамова, Уильямса, А. Миллера, Уайльдера. Из советской литературы были опубликованы замалчивавшиеся ранее произведения Бабеля, Пильняка, Булгакова, Эренбурга, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама.

В 1956–1958 гг. из западной эмиграции в Польшу возвращаются Станислав Цат-Мацкевич, Зофья Коссак-Щуцкая, Михаил Хороманьский, Мельхиор Ванькович, Мария Кунцевич и другие писатели. В литературно-художественной печати и в издательствах стали публиковаться писатели, оставшиеся в эмиграции. В 1957 г. в Варшаве выходит роман получившего мировую извест-

тность писателя эмиграции Витольда Гомбровича «Транс-Атлантик» (ранее опубликованный в Париже в 1953 г.).

Несмотря на новые принципы культурной политики и благоприятную для литературы идеологическую и политическую атмосферу процесс обновления литературной жизни после 1956 г. протекал сложно и противоречиво. Опасаясь развернувшихся в общественно-политической и литературно-художественной печати дискуссий, острой критики извращений социализма, политическое руководство страны начало кампанию борьбы с ревизионизмом, обвинило в антипартийной и антисоциалистической деятельности всех отжившихся на самостоятельные суждения и несогласных с линией партии.

В октябре 1957 г. по решению ЦК ПОРП был закрыт критически нацеленный молодежный еженедельник «Попросту», что вызвало сопротивление большинства творческих групп и организации. В знак протеста против этого решения и других ограничений творческой свободы из партии вышли Анджеевский, Дыгат, Хертц, Яструн, Котт, Важик и др. (Несколько лет спустя, в 1966 г., партию покинули также Бохеньский, К. Брандыс, М. Брандыс, Конвицкий, Стрыйковский, Неверли, Ворошильский, Шимборская и ряд других писателей).

Весной 1958 г. разгромной критике со стороны партийного руководства была подвергнута и «Новая культура». По мнению одного из руководящих деятелей ПОРП Анджея Вербляна, журнал стал «наряду с «Попросту» наиболее активным представителем антипартийной оппозиции, выступая с позиций мелкобуржуазного ревизионизма и анархизма»⁴. Верблян осудил понимание редколлекцией свободы творчества как независимости от политики, поскольку «не те вопросы, в которых коммунисты ошибались, не их ошибки важны для решения основных конфликтов нашего времени... А в основных вопросах огромную, историческую правоту имеют и всегда имели коммунисты. Здесь они никогда не ошибались»⁵.

В редколлекцию «Новой культуры» вместо К. Брандыса, Конвицкого, В. Маха, Сцибор-Рыльского, Ворошильского, Колаковского вошли Жулкевский (главный редактор), Кручковский, Путрамент, Алиция Лисецкая. Но вскоре и эта новая редколлекция не устроила власти и в 1963 г. «Новая культура» перестала существовать. Был закрыт и еженедельник «Пшеглэнд культуральны», популярный среди интеллигенции. Вместо них стал издаваться еженедельник

«Культура» (под редакцией Януша Вильгельми), который ряд лет бойкотировался многими видными писателями и публицистами.

На III съезде ПОРП в марте 1959 г. атаку на «ревизионизм» в литературе предпринял сам Гомулка. Он заявил, что под влиянием ревизионистских и буржуазно-либеральных политических тенденций «возникли произведения вредного идейного звучания. Возникла черная литература, утверждающая отчаяние и бессилие человека, произведения, очерняющие социализм и идеализирующие его врагов»⁶.

Разумеется, в литературных дискуссиях того времени можно было встретить и явные перехлесты, в частности, полное отрицание каких бы то ни было достижений в литературе и искусстве послевоенной Польши. Но в борьбе с инакомыслящими – с большинством творческой интеллигенции – партийные власти прибегали к привычному силовому нажиму, к старым командно-административным методам, что могло привести лишь к ликвидации разнообразия творческих позиций, к интеллектуальному униформизму. Усилия ПОРП поставить под идеологический контроль художественное творчество порождали сопротивление интеллигенции. Отлучение писателей от политики станет одной из причин постоянных конфликтов между писателями и руководителями культуры в 60-е годы. В то же время надо отметить, что литература в целом устояла перед попытками новой ее унификации, отстояла свое право быть многообразной.

После 1956 года писатели попытались определить свое отношение к вскрытым извращениям в общественной жизни страны. На этой почве в 1956–1960 гг. возникла так называемая литература расчета с недавним прошлым, произведения, в которых внимание писателей было сосредоточено на критике отрицательных явлениях послевоенной действительности. (Традиции этой литературы, впрочем, будут продолжены и в последующие годы, вплоть до наших дней). Политические репрессии разоблачает К. Брандыс в романе «Мать Крулей» (1957); деморализующую роль власти осуждает Е. Анджеевский в аллегорическом романе «Мрак покрывает землю» (1957) из времен средневековой инквизиции. Притчевый характер имеет и его историко-философский роман «Врата рая» (1960). Хотя «литература расчета» и не дала глубокого анализа вчерашнего дна жизни страны, она сыграла свою очищающую роль, обратив внимание на проявления зла, насилия, ущемления прав

личности в государстве, извращавшем гуманистические принципы человеческого общежития.

Из молодых писателей, так называемого «поколения 1956», вступившего в эти годы в литературу, выделяется Марек Хласко. Сборник его рассказов «Первый шаг в тучах» (1956), повесть «Восьмой день недели» (1956) привлекли внимание беспощадным реализмом в изображении жизни современной молодежи. Поначалу в произведениях молодых писателей варьировалась одна и та же модная схема: разочарование в неустроенном, циничном и лживом мире взрослых вступающего в жизнь молодого человека, как правило, неудачника в любви; они обращались к периферийным явлениям в жизни. И все же в лучших произведениях писателей «поколения 1956» была, хотя часто с излишним эмоциональным надрывом, была запечатлена та часть реальной жизни общества, которую польская проза долгое время не замечала.

Но в первую очередь обновление польской литературы после 1956 г. связано с процессом так называемой «интеллектуализации» прозы. Для него характерно усиление личностного начала в повествовании с использованием элементов эссе и других жанров «рефлексивной» прозы (дневник, воспоминания, автобиография, фельетон, беллетризованный репортаж) с целью осмысления кардинальных морально-философских проблем (этика и политика, границы свободы личности, стереотипы мышления и др.). Этот процесс нашел отражение в цикле эссе А. Рудницкого «Голубые странички» (1956-1967), размышлениях К. Брандыса в книге «Письма к пани Зет. Воспоминания о современности» (1958-1961), его романах «Способ существования» (1963), «Джокер» (1966); в книге Т. Брезы «Бронзовые ворота» (1960) и его романе «Ведомство» (1960) о столкновении личности с бюрократическим механизмом на примере курии Ватикана; в фельетонах и романах С. Дыгата, иронически вскрывающих механизм стереотипного поведения; в притчевом историческом романе-эссе Яцека Бохеньского «Божественный Юлий. Записки антиквара» (1961) о борьбе Юлия Цезаря за верховную власть и других произведениях.

Успешной попыткой перебросить мост между реалистическими традициями литературы прошлого и современным искусством явилась трилогия Я. Ивашкевича «Хвала и слава» (1956–1962) о судьбах шляхетской интеллигенции в XX веке. В этой «субъективной» эпопее мир отражается в зеркале личных переживаний героев и автора, не теряя при этом эпической широты.

С конца 50-х гг. в польской прозе возрождается интерес к периоду войны и оккупации. Если в 40-х – начале 50-х гг. проза военной темы свидетельствовала о преступлениях гитлеровцев и мужестве патриотов, то в 60-е гг. писателей в большей мере интересует, какие следы “эпоха крематориев” оставила в душах современников. О героизме молодежи, входившей в ряды Армии Крайовой, о Варшавском восстании 1944 г. и его трагическом финале, о последующих судьбах его участников впервые стало возможным рассказать после 1956 г. – об этом повествует трилогия “Колумбы – год рождения двадцатый” (1957) Р. Братного. Весьма характерна для новой волны польской военной прозы повесть Богдана Чешко “Плач” (1961), направленная против ложного пафоса в изображении военных действий. Детерминация партизанским прошлым судеб современных героев прослежена в романе Тадеуша Конвицкого “Современный сонник” (1963). К нравственным последствиям оккупационной действительности обратился Корнель Филипович в “микророманах”, которые за счет ассоциативности, внутреннего монолога, символических деталей позволяют на небольшом пространстве запечатлеть существенные стороны прошлого и настоящего («Дневник антигероя», 1961; «Сад господина Ничке», 1965).

Достижения польской литературы в 60–е, а затем и в 70-е годы, в большой мере связаны с «деревенской» прозой, которая дала анализ нравственных основ народной жизни, конфликтных отношений между городской цивилизацией и крестьянскими традициями, человеком и природой. У истоков так понимаемой деревенской прозы – повести Юлиана Кавальца “К земле приписанный” (1962), “Танцующий ястреб” (1964).

Центральное место в поэзии после 1956 г. заняли поэты, в большом числе деботировавшие в середине 50-х гг. Характерные черты этой поэзии – преобладание интеллектуально-философского типа лирики, активные поиски новых поэтических средств, отношение к слову как к точному инструменту для выражения мысли.

Крупнейшим мастером польской поэзии и создателем школы “поэтической моралистики” стал Т. Ружевич. Главная тема его творчества – война и оккупация Польши. Но все большее место в его поэзии занимает тема угрозы духовной жизни человека со стороны современной цивилизации, кризис культуры. Новые интонации, мотивы смены времен и поколений прозвучали в по-

эзии Я. Ивашкевича, экзистенциальные размышления в поэтических книгах Ч. Милоша, изданных в эмиграции, принесли ему мировую известность. (В Польше они стали издаваться, начиная лишь с 1980 г.). Емкость лаконичных метафор и ироническая перспектива отличают философскую лирику Виславы Шимборской, «неоклассической» поэзии Збигнева Херберта присущи частые обращения к образам, мифам и мотивам поэзии прошлых веков. Вторая половина 50-х гг. принесла и другие значительные для польской поэзии дебюты – на литературную сцену вышли яркие, нонконформистские представители нового поэтического поколения (Ярослав Марек Рымкевич, Станислав Гроховяк, Ежи Харасимович, Эрнест Брыль, Уршула Козел, Малгожата Хилляр, Халина Посвятовская, Тадеуш Сливяк, Роман Сливоник, Мариан Гжешак, Эдвард Стахура, Анджей Бурса и др.).

Волна обновления коснулась и драматургии, в которой ведущую роль стала играть «параболическая» или «метафорическая» драма. Обобщающий образ современника был создан в многозначных и ассоциативных драмах Т. Ружевица. Вместе с Ружевицем на европейский и мировой уровень вывел польскую драму Славомир Мрожек, для пьес которого характерно сочетание абсурдных ситуаций с реалистическими деталями.

После 1956 г., в лучших своих проявлениях литература рассталась с фальшивой идеализацией действительности, присущей предшествующему периоду. Нацеленность литературы на интеллектуальный критический анализ действительности и духовной жизни современников, ее решительный поворот к художественному исследованию нравственных и мировоззренческих проблем личности привели к кардинальному обновлению изобразительных художественных средств. В 60-е годы было создано много замечательных произведений, обогативших польскую национальную и мировую культуру. Главные проблемно-тематические сферы, которые в первую очередь определили развитие литературы на этом этапе – это многослойный массив произведений, связанных с событиями второй мировой войны; деревенская проза, упорно отстаивающая ценности крестьянской культуры и нравственности; произведения, посвященные польской истории. В поэзии с большим успехом выступила целая плеяда молодых талантливых поэтов. Мировое признание получили драматургия С. Мрожека и Т. Ружевица, фантастика С. Лема.

В 60–70-е годы культурная политика ПОРП становится все более репрессивной. Все иллюзии по поводу обретения социализмом “человеческого лица” были развеяны в 1968 году – усмирением Чехословакии. Однако возврата к прошлому в литературе уже не могло быть. В ней нарастает сопротивление тоталитарному социализму и идеологическому диктату.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cyt. wg.: Fijałkowska B. *Polityka i twórcy...*, s. 301.

² Żółkiewski S. *Zagadnienia stylu*. Warszawa, 1965, s. 20.

³ Żabicki Zb. *Proza... proza...* Warszawa, 1966, s. 17.

⁴ Werblan A. *O socialistyczny kierunek działalności kulturalnej*. Warszawa, 1958, s. 16.

⁵ *Ibid.*, s. 53.

⁶ Cyt. wg.: Fik M. *Kultura polska po Jałcie...*, s. 313.

Куренная Н.М.

ДЕРДЬ ЛУКАЧ И ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЕНГРИИ НА РУБЕЖЕ 1940-50-х гг.

Имя Дердя Лукача (1885-1971), выдающегося венгерского философа и литературоведа, широко известно среди европейских гуманитариев. Его научная и творческая деятельность сыграли в истории философии и литературы первой половины XX в. значительную роль, о нем написано множество работ, в том числе монография российского лукачеведа – сотрудника Института славяноведения РАН – А.С.Стыкалина¹. Мы попытаемся только обозначить основные области деятельности Д. Лукача, которые тем или иным образом повлияли на формирование духовной жизни, выбор пути, по которому пошла Венгрия в конце 1940-х – начале 50-х гг. Выдающийся ученый осознавал свою непростую миссию, о чем много лет спустя писал в одном из писем: «... в определенных реакционных кругах находят, что мои работы оказывают слишком большое влияние на интеллигенцию и хотят это остановить»². Но все же остановить яркую творческую деятельность Д. Лукача, публикацию его трудов и их обсуждение не удалось ни в Венгрии, ни за границей, особенно в СССР.

Очевидно, что Венгрии с выдающимся марксистским эстетиком Дердем Лукачем «повезло»: ни в одной из стран центральноевропейского региона не было ученого-гуманитария такого масштаба. Возвращенный на трудах немецких философов, обладая парадоксальным умом, который привел его к последователям и толкователям марксистской теории, на протяжении всей жизни Лукач бескомпромиссно отстаивал собственные взгляды на самые разные социальные, политические и литературные явления и события. В 1963 г. ученый так обозначил собственное предназначение: « Я всегда выступал как идеолог, который ответственен только перед собственной совестью и перед историей»³. Начиная с 10-х гг. XX в., его научные труды по философии и литературоведению, и художественные произведения вызвали неизменный интерес и полемику во многих европейских странах, чему в немалой степени способствовал немецкий язык, на котором они были написаны. (Надо заметить, что если бы Лукач писал по-венгерски, вряд ли его труды были столь известны).

В августе 1945 г. Лукач после четвертьвековой эмиграции в СССР, испытывавший там даже заточение во внутреннюю тюрьму Лубянки (к счастью, совсем недолго с 29 июня по 26 августа 1941 г.), возвратился в Будапешт, освобожденный 4 апреля советскими войсками. В венгерском обществе той поры царили, с одной стороны, надежды и оптимизм, с другой – уныние и волнение по поводу дальнейшего хода национального развития. Каким путем пойдет Венгрия, задавалась вопросом и та и другая часть общества. Лукач, как всегда, энергично включился в литературную и политическую жизнь. Однако 25 лет, которые он провел в отрыве от коллег, от венгерской повседневности, нагруженный кардинально иным, чем у его сограждан опытом, привели, как отмечают исследователи творчества и влияния Лукача на венгерскую культуру в конце 40-х гг. (А.Стыкалин), к немалому разрыву между его политическими и эстетическими идеалами и реальным состоянием умов⁴. Имеет смысл напомнить в самых общих чертах о том, с каким политическим и идеологическим багажом встретила Венгрия окончание войны как самая верная и долговременная союзница Германии.

Несмотря на сложные в экономическом и политическом отношении межвоенные годы, в Венгрии существовали определенные политические свободы, которые были разрешены законом. Хортистский режим был куда более терпимым, чем это представлялось в советской историографии. Инакомыслие не преследовалось в такой степени, как, например, в СССР в это же время. Издавались газеты и журналы различной идейной направленности, активно действовали литературно-идеологические объединения с широким спектром политических задач. Наиболее значительным из них было так наз. течение «народных писателей». Его участники, как правило, по происхождению принадлежащие к крестьянству, взяли на себя роль духовных подвижников и воспитателей нации. В своих литературно-публицистических произведениях, которые они стали называть литературными или художественными социографиями, «народные писатели» предлагали разнообразные пути решения основных социальных проблем, главным образом, касающихся крестьянства. В течении «народных писателей» принимали участие литераторы различной степени таланта, в том числе писатели первой величины – Ласло Немет и Дюла Ийеш.

«Народные писатели» представляли собой значительную политическую и идеологическую силу. В разные периоды своей истории в зависимости от внешне- и внутривнутриполитической ситуации они выдвигали лозунг «ни фашизма, ни

социализма» и предлагали нации «третий особый венгерский путь», который опирался на умеренный национализм, на крестьянство как на основную социальную силу. Свою идеологическую и политическую деятельность «народные писатели» продолжали во время войны и некоторое время после нее. Многие из участников этого сообщества занимали ключевые посты в нескольких составах венгерского правительства в первое послевоенное десятилетие, не оставляли они и литературную деятельность.

Именно течение «народных писателей» в 1946 г. получило высокую оценку Лукача, который считал, что это писательское сообщество и его творческая деятельность стали главным событием межвоенного периода, которое сформировало новое лицо венгерской литературы, в их произведениях он видел залог «наступающей новой эпохи венгерского реализма, фрагменты «нового эпоса» о пробуждении к жизни венгерского крестьянства»⁵. Отчасти такая высокая оценка объясняется, на мой взгляд, тем, что Лукач в молодые годы сам был автором социологических работ, к тому же ему были близки и симпатичны социологические черты в художественных произведениях других писателей, об этом свидетельствует, например, его первая большая литературоведческая монография «История развития современной драмы» (1911), которую отличало особое внимание именно к социологическим проблемам литературы, воспринятым сквозь призму новейшей немецкой философии⁶.

Влияние Лукача на венгерское общество, на его духовную жизнь в первое послевоенное десятилетие проистекало как бы из двух источников. Первый питал бесспорный научный и человеческий авторитет самого Лукача, второй был результатом его постоянных многочисленных выступлений в печати, создания литературно-теоретических и философских трудов. «Его работы по истории романа и классического реализма оказываются в центре дискуссий, своей неортодоксальной (тем более по меркам сталинской эпохи) трактовкой проблем соотношения идеологии и художественного мастерства они привлекли внимание интеллигенции и вызывают резкий отпор официальной эстетики, доходивший до жестких политических обвинений»⁷.

Буквально с первых дней после возвращения на родину Лукач начинает вести настолько активную публичную и научную жизнь, что становится понятным, насколько он стеснялся по работе, не ограниченной разнообразными цензурными рамками и запретами. Уже через месяц, с нового учебного

года в сентябре 1945 г. его приглашают на должность заведующего кафедрой эстетики и философии Будапештского университета им. Этвеша, главного учебного заведения Венгрии. В это же время Лукач – один из членов созданной ЦК ВКП специальной комиссии по делам интеллигенции. Он принимает участие в разнообразных, в том числе и международных симпозиумах и конференциях, посвященных истории философской мысли, проблемам кризиса демократии, поискам новых духовных ориентиров, создает теоретически значимые литературоведческие труды. В кардинально новых социально-политических условиях Лукач продолжает работу в обычном для него, заданном еще смолоду, необычайном темпоритме, как говорил Г.Д. Гачев. Взгляды Лукача на литературу и искусство также не претерпели принципиальных изменений. Как и в молодые годы, он продолжает считать, что существует различие только между хорошей и плохой литературой, а не между идеологическими взглядами ее создателей, при этом Лукач подчеркивает, что ни один писатель не может быть отстранен и отгорожен от общественных проблем.

О своем стиле жизни в первые месяцы после возвращения Д. Лукач пишет своему другу и коллеге по журналу «Литературный критик» (1933-1940), издававшемуся в СССР, М. Лифшицу: «Жизнь в последние 14 дней была сплошной ужас, поток различнейших заседаний и совещаний по самым разнородным вопросам, начиная с реорганизации Академии наук и кончая мелкими вопросами в «Arbeiterkulturbund», в промежутке три больших доклада («Ленин о вопросах культуры» в Союзе писателей, «Демократия и литература» в большой открытой дискуссии по озаглавленному так докладу), при этом доклады надо было писать сразу для публикации и т.д., и т.д.»⁸.

Естественно, что в послевоенные годы наряду с социально-политическими изменениями менялась и картина литературной жизни Венгрии. «Плюрализм течений, групп, направлений, присущий венгерской литературе в межвоенный период, после 1945 г., обрел качественно иной характер – центр тяжести однозначно сместился с консервативного крыла на демократическое⁹». Так же как и большинство других венгерских литераторов Лукача остро занимала проблема свободы творчества. По существу, за этой важной, но касающейся только малой части общества проблеме, он видел гораздо более глубокую проблему – проблему свободы выбора каждого гражданина, проблему свободы личности.

Особое внимание Лукача в эти годы обращено к литературе отечественной, анализу которой раньше он уделял не слишком много внимания, он продолжает активно выступать в прессе по проблемам теории литературы, и в частности теории «большого реализма», защите национального классического наследия, особенно XIX века. Именно в ней (в литературе этого периода) он обнаруживал, в отличие от «позднебуржуазной» культуры новейшего времени, ту исконную позицию искусства, которая является важной частью общественной жизни, а художник – именно в тесной связи с его общественной природой – общественным деятелем. О настроении самого Лукача в эти месяцы и его видении дальнейших политических перспектив свидетельствует его собственные слова: «Победоносно завершившаяся война коренным образом изменила ситуацию в мире. Я сам вернулся домой после четвертьвековой эмиграции. Я чувствовал, что мы вступили в абсолютно новую эпоху, когда, как и во время войны, возможен союз всех сил демократии – и социалистов, и буржуазных демократов – в борьбе с реакцией», – относящиеся к 1957 году.¹⁰

Первые послевоенные годы (1945-1948) в Венгрии отличались хрупким политическим равновесием. Страной правила антифашистская демократическая коалиция, в которую входили 4 партии – партия мелких сельских хозяев, национально-крестьянская, коммунистическая и социал-демократическая. Венгрию этого периода можно охарактеризовать словами одного из героев Л. Толстого – «все это перевернулось и только укладывается» (Левин из «Анны Карениной»). В процессе нового общественно-политического «укладывания» довольно быстрыми темпами стали побеждать сторонники коммунистической идеологии, не в последнюю очередь при мощной политической поддержке советского руководства, различными средствами пытавшимся усилить свое влияние на соседние страны и способствовать установлению коммунистических режимов. Лукач со свойственной ему точностью и стремлением к возможной в тех условиях объективности так оценивал внутривнутриполитическую обстановку тех напряженных неспокойных месяцев 1946 г.: «Здесь все еще в наличии относительное равновесие между силами демократии и реакции. Реакция наносит удары непрерывно, но пока без успеха. Было разработано Положение о проведении земельной реформы, которое по существу означало бы в значительной степени аннулирование земельной реформы; это нападение было отбито. Несколько дней назад в парламенте официальный оратор Партии мелких сельских хозяев,

составляющей большинство в парламенте, выступил в открыто шовинистическо-подстрекательском тоне; возник большой парламентский скандал... При этом идет открыто реакционное подстрекательство со стороны так называемого князь-примаса Миндсенти, главы католической церкви. Как следствие этого вчера уже прошла хотя и маленькая, но открытая фашистская уличная демонстрация. Что касается репрессий, то тут идет «позиционная война». Полиция в левых руках и арестовывает всех заговорщиков, большую часть спекулянтов и т.д. Однако прокуроры и суды большинство снова отпускают... Обе крестьянские партии, даже и более левая из них Национально-крестьянская партия, ведут совершенно безответственную шовинистическую пропаганду, замазывают вину в войне, пробуждают иллюзии...»¹¹.

Наряду с участием в формировании нового государственного устройства Венгрии Лукач начинает активно публиковать свои литературоведческие работы, которые вызывают оживленные дискуссии, в центре которых находились вопросы «искусства для искусства», «чистого мастерства» против притязаний реализма и др.

1949 год стал поворотным в истории новой Венгрии. Он был отмечен ужесточением внутренней политики. Одним из этапных событий в духовной жизни страны этого периода явилась критическая кампания, получившая название дискуссии о Лукаче, которая была направлена не только против его взглядов и политической деятельности, но и против всех инакомыслящих, не вписывающихся в рамки режима Ракоши. Лукач был настолько значительной фигурой, что громко прозвучавшая, хорошо подготовленная критика его взглядов (Л.Рудаш, Й.Реваи, М.Хорват) стала грозным сигналом-предупреждением всем, кто не хотел или сомневался в правильности выбранного ВПТ (Венгерской партией трудящихся) дальнейшего исторического пути. Лукачу вменялось в вину искаженное понимание политики партии в области литературы, которое вредно влияло на писателей-коммунистов и не только на них, пренебрежительное отношение к советской литературе, написанной по социалистическим канонам, критиковались и его философские взгляды. Как тут не вспомнить слова выдающегося венгерского поэта и прозаика Д. Ийеша о том, что «История венгерской литературы не была историей только литературы¹²», имея в виду венгерскую традицию участия литераторов в политической жизни страны. С этим высказыванием коррелирует и строка Е. Евтушенко: «Поэт

в России больше, чем поэт». Эти два примера подтверждают характерную для многих литераторов деятельную гражданскую позицию, непосредственное участие в общественной жизни. «Настоящий партийный поэт, – обосновывал Лукач различие между партийной деятельностью и деятельностью партийного поэта, – глубоко солидарен с исторической миссией партии, намеченной ею основной стратегической линией. Однако при этом он должен выражать себя свободно, ему одному присущими средствами...»¹³

Дискуссия о Лукаче была довольно длительной на протяжении 1949-1950 гг. и получила широкий международный резонанс, особенно в восточноевропейских странах, о которых мы сегодня говорим. Лукач был вынужден выступить с признанием некоторых своих заблуждений и отчасти признать критику (Реваи и Хорвата) обоснованной. Почти через десять лет, в конце 1957 г. начнется вторая дискуссия о Лукаче, также не случайно совпавшая с изменением внутривластного курса, но самокритичных выступлений самого философа на этот раз не дождалась. Накануне дискуссии Лукач в письме к М. Лифшицу сообщает о своей новой книге, посвященной актуальному значению критического реализма, вышедшей на итальянском языке. Главная атака, по словам самого автора, была им направлена против ревизии марксистской эстетики, он также отмечал в этом письме, что борьба против ревизионизма будет бесполезной, «пока позиции догматиков не будут разрушены теоретически»¹⁴. Прямые репрессии к Лукачу в Венгрии никогда не применялись по нескольким причинам. Во-первых, масштаб и признание его личности и научных заслуг были признаны во всем мире. Во-вторых, нельзя не учитывать его дружеских отношений с главным идеологом Венгерской компартии Й. Реваи и рядом других политэмигрантов, вернувшихся из СССР.

Уникальность личности Лукача, к которому с уважением и почтением относились и политики, и представители творческой интеллигенции с диаметрально противоположными взглядами, и зарубежное сообщество, умело пытались использовать разнообразные политические группы, которые имели самые серьезные намерения и властные амбиции. Роль Д.Лукача в изменении общественных настроений была значительна не только в Венгрии, но и в других странах Восточной Европы. Он своими теоретическими трудами и публичными выступлениями по самому широкому спектру идеологических, политических, литературоведческих вопросов на протяжении нескольких десятилетий будоражил общественное

мнение, заставляя вступать в полемику самые полярные общественные силы. Своей независимой позицией он демонстрировал возможность в любых обстоятельствах быть внутренне свободным, оставаясь верным своим взглядам.

Существует мнение, что Лукач в первые послевоенные годы по сути определял культурную политику ВКП. Его лекции и статьи в печатных органах компартии, книги «Ответственность пишущих» (1945), «Литература и демократия» (1947, 1948), «Проблемы реализма» (1948) отражали гибкое понимание их автора специфики творчества, которое оставляло писателям достаточно широкое поле для идеологической свободы¹⁵. Конечно, эта роль в основном была опосредованной. На венгерское общество, особенно на ее творческую, интеллектуальную часть, не в последнюю очередь влияло и принципиальное отстаивание Лукачем собственных взглядов на окружающий мир, на проблемы философии и культуры. Однако не следует думать, что у него не было оппонентов, существовало и другое мнение, например, по поводу идеологических свобод, провозглашенных Лукачем, о котором упоминает в своей монографии А.Стыкалин: «Значительная часть интеллигенции (как «либеральной», так и левой) воспринимала лукачевские теории реальной демократии и «большого реализма» как часть, хотя и далеко не самую одиозную, марксистской политической, эстетической ортодоксии, которая сковывала многообразие проявлений творческого духа». В подобной критике Лукача и его теории «большого реализма», все же, как нам кажется, просматривалось скорее неприятие некоторыми литераторами определенной антиавангардистской антимодернистской позиции Д. Лукача, о которой он сам неоднократно заявлял, чем критика его конкретных теоретических работ. Проблема смены литературных эпох и направлений всегда интересовала Лукача. Он считал, «что – если смотреть с большой перспективы – все модернистское движение приходит в упадок. Оно, конечно, будет еще долго производить большой шум»¹⁶. Реализм, столь любимый Лукачем, и художественные произведения, написанные в этом русле, были более всего понятны и близки тем самым массам трудящихся, для которых и создавались литературные произведения. Тем более нельзя забывать, что Лукач был искренним проводником идеи народной демократии, главную задачу которой он видел в том, чтобы: «всю культуру, вновь привести в непосредственную связь с трудящимся народом, прежде всего с рабочим классом и крестьянством, до этого почти полностью отлученным от культуры»¹⁷.

На протяжении десятилетий Дердь Лукач был центром интеллектуальной жизни Венгрии и отчасти других стран, вспомним хотя бы ГДР. Неоспоримо, что его философские и литературоведческие труды повлияли на развитие этих наук. Он обладал, по мнению уже упоминавшегося советского философа М. Лифшица, «громким знанием всей мировой жизни, особенно жизни духа»¹. Не все в его творческом наследии бесспорно: что-то устарело, что-то было ошибочным, но это наследие, благодаря таланту их автора, его энциклопедическим знаниям, политическому кругозору, научно выверенной принципиальности, несомненно искренней веры в идею народной демократии, глубокое постижение марксизма и его позиционирование как науки об общественном развитии, бесспорно выдающееся явление в истории гуманитарной науки XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.

² Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка 1931-1970. М., 2011. С.80.

³ Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка 1931-1970. М., 2011. С. 75.

⁴ Стыкалин А. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001. С.118.

⁵ Лукач Д. «Народные писатели» на весах. 1946.

⁶ Стыкалин А. С.27.

⁷ Переписка Дердя Лукача и Яноша Кадара по делу Харасты – Далоша, 1971. По материалам венгерских архивов. Публикация и вступительная заметка А.Стыкалина. В ж. «Звезда». 2011, № 3.

⁸ Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка... С.46.

⁹ Середа В.Т. Венгерская литература. В кн.: История литератур Восточной Европы. М., 1995. С.409.

¹⁰ Curriculum vitae. Вр., 1982. 230 old.

¹¹ Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка 1931-1970.М., 2011. С.47-48.

¹² A kolto felel. Beszelgetesek Illyes Gyulaval. Вр., 1986,707. о.

¹³ Lukacs Gy. Irodalom es demokracia.2. kiad. Вр., 1948, 131.о.

¹⁴ Мих. Лифшиц и Д.Лукач... С.71.

¹⁵ Середа В.Т. С.413.

¹⁶ Мих Лифшиц и Д. Лукач. Переписка... С. 80.

¹⁷ Lukacs Gy. 154.о.

¹⁸ Мих. Лифшиц и Д.Лукач... С.134.

Петровская О.В.

ФОРМИРОВАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА ВУЗОВ БОЛГАРИИ И ПОЛЬШИ В КОНТЕКСТЕ «ВОСПИТАНИЯ» НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (КОНЕЦ 1940-х –1950-е ГОДЫ)¹

Прием в вузы в социалистическом обществе приобрел характер острой социальной проблемы. Среди причин, обусловивших противоречие между потребностями государства в специалистах с высшим образованием и возможностями вузов, с одной стороны, и общественными устремлениями к высшему образованию, с другой, следует выделить превращение высшего образования в условиях нелегитимности частной собственности в основной канал социальной мобильности. Немаловажную роль играл и характерный для государственной политики социалистических стран культ образования, определявшийся как приоритетом нематериальных принципов коммунистической морали, так и социально-экономическими потребностями. Количество претендентов на получение высшего образования росло по мере развития низших образовательных ступеней, но шансы стать студентами сокращались. Исследование формирования студенческого контингента, критериев и методов отбора молодежи в вузы в историческом контексте представляет интерес для выявления социокультурных параметров социалистической эпохи и практическую ценность для обеспечения равенства в доступе молодежи к высшему образованию на современном этапе.

Выбор Болгарии и Польши в качестве объектов исследования мотивирован общей для этих стран после 1948 г. концепцией модернизации, ориентированной на опыт СССР. Различие в формах советского влияния на развитие тоталитарного процесса создает условия для поведения компаративного анализа.

Рассматриваемый в статье период выходит за утвердившиеся в исторической науке рамки «чистого» (1948–1953 гг.) и «классического» (1950–1956 гг.) сталинизма. При определении хронологических границ автор руководствовался не только политическими событиями, но и социально-экономическими факторами, определявшими развитие образовательной сферы. После 1948 г.

главным содержанием последовавшего десятилетия в обеих избранных для исследования странах было осуществление ускоренной индустриализации. Задачам построения «материально-технической базы социализма» была подчинена и высшая школа. Основным критерием периодизации в данном случае выступает изменение нормативно-правовой базы высшего образования. Сходство политических и социально-экономических процессов, активное использование советского образовательного опыта обусловили определенную синхронность смены законодательных актов в исследуемых странах. В Болгарии «Закон о высшем образовании», заложивший правовую основу внутренней и внешней реструктуризации высшей школы, был принят 2 сентября 1948 г. В 1952 г. в него были внесены изменения упразднявшие автономию вузов². В Польше декрет переходного характера от 28 октября 1947 г. «Об организации науки и высшей школы» был заменен законом «О высшем образовании и научных учреждениях» 15 декабря 1951 г. Эти законодательные акты были отменены с утверждением новых законов о высшем образовании, которые и в Болгарии и в Польше были приняты в 1958 г. В период между этими законодательными изменениями в 1950-е годы сформировалась новая система приема в высшие учебные заведения, анализу которой и посвящена данная работа.

Популистское стремление установить открытый прием в вузы после окончания второй мировой войны практически сразу натолкнулось на недостаток кадров и помещений в вузах. Беспрецедентное стремление молодежи Болгарии и Польши в вузы в первые послевоенные годы было обусловлено тремя основными причинами. Во-первых, провозглашением в 1944 г. бесплатного образования в высшей школе, во-вторых, легкостью поступления в университеты. Так, в Болгарии были сняты ограничения для евреев, предоставлены при зачислении льготы партизанам, узникам концлагерей, политзаключенным (в качестве компенсации за пропущенные во время войны годы учебы)³. Неограниченный набор в болгарские вузы резко контрастировал с довоенной практикой лимитированного приема, введенной режимом «19 мая» в 1934 г.⁴ В Польше в условиях общей неразберихи послевоенных лет многие были зачислены в вуз без аттестатов о среднем образовании⁵. Восстановить утраченные или неполученные личные документы после оккупации часто было невозможно. (В Варшавском университете, например, утрата аттестатов, свидетельств рождения, магистерских и докторских дипломов затронула 75% учащихся и преподавате-

лей⁶). Не настаивало на предъявлении документов о среднем образовании и Министерство просвещения. Например, в 1945 г. по приказу министра на лечебный факультет Ягеллонского университета, несмотря на сопротивление декана, были зачислены шесть абитуриентов, не имевших аттестатов и даже не явившихся на вступительный экзамен⁶.

Наконец, в-третьих, притоку студентов способствовало появление новых форм помощи молодежи, отставшей в образовании в годы войны. В Болгарии целью подготовительных курсов была ликвидация пробелов в среднем образовании⁷. В Польше на основании декрета от 24 мая 1945 г. был введен так называемый вступительный год обучения: в течение 9 месяцев слушатели проходили программу четырехлетней средней школы. Поскольку курсы лишь в незначительной степени использовались слабыми социальными слоями, имевшими до войны наименьшие образовательные возможности, в апреле 1946 г. были созданы подготовительные отделения для рабочих и крестьян с шестью или семью классами общего образования.

Особенно впечатляющими были темпы прироста студенческого контингента в Болгарии. Если в польских высших учебных заведениях количество учащихся вузов возросло в 2 раза (в 1937/1938 учебном году было 49 534, а в 1948/1949 – 103 716 студентов), то в Болгарии их численность возросла в 4 раза (с 10 169 в 1939/1940 учебном году до 39 221 в 1948/1949 учебном году)⁸.

Однако огромный поток студентов наталкивался на кадровые и материальные возможности вузов. В итоге руководство Софийского университета вынуждено было ввести вступительные экзамены в университет⁹. В Университете им. А. Мицкевича в Познани в 1947 г. ограничили набор на наиболее перегруженные отделения: медицинское и лесоводческое. В Ягеллонском университете лимит приема студентов в 1948 г. составлял 150 человек – на теологический факультет, 300 – на лечебный, 700 – на юридический, 80 – на фармацевтический¹⁰.

На рубеже 1940-х -1950-х гг. политическое руководство обеих стран перешло к политике контроля за численностью студентов и коррелирования числа учебных мест в вузах с числом рабочих мест на производстве и в государственных учреждениях. Государства, совершавшие «большой скачок» к постиндустриальной цивилизации при ограниченных финансовых ресурсах для национализированной сферы образования, должны были преодолеть стихийность

процессов формирования студенческого контингента. Лавинообразный приток студентов в вузы был прекращен. Причем сокращение количества студентов оказалось более заметным в Болгарии. Если в 1953/1954 учебном году в болгарские вузы было принято 9 256 чел., то в 1954/1955 – 7 460, в 1955/1956 – 6 710 ¹¹. В Польше в 1948/1949 – 1954/1955 гг. уменьшились лишь темпы прироста студентов в вузах (более чем в два раза по сравнению с периодом 1944–1948 гг.), достигнув 50%. Волна сокращений приема достигнет польских вузов во второй половине 1950-х гг., когда впервые начнет обсуждаться проблема перепроизводства специалистов ¹². С 1956/1957 по 1958/1959 учебные годы число принятых на первый курс в этой стране сократилось на 10 207 чел., или на 24%.

Введение централизованного регулирования набора в вузы было обусловлено и диспропорциями в потребностях государства и предпочтениях молодежи. Так, после войны наиболее популярными специальностями, как в Болгарии, так и в Польше, оставались право и медицина. На первом курсе юридического факультета Ягеллонского университета в 1945 г. числилось 1 тыс. студентов, а первый набор медицинского факультета Софийского университета составлял 3 тыс. человек ¹³. Однако первоочередной задачей в Болгарии и Польше стала подготовка инженерно-технических кадров, определявшаяся значением индустриализации в социалистическом проекте «догоняющей» модернизации. В связи с этим при общей тенденции к уменьшению набора в 1948/1949 – 1956/1957 учебных годах, численность студентов инженерно-технических специальностей в Болгарии возросла более чем в 2 раза с 4 606 до 9 645 человек, в Польше – в 3 раза с 21154 до 63536 ¹⁴. Период «сталинизма» стал временем наибольшего развития технических и сельскохозяйственных специальностей в структуре обучения специалистов в Польше: в 1955/1956 учебном году больше половины студентов учились на соответствующих факультетах.

В стратегии подготовки кадров с высшим образованием акцентировалось внимание и на обучении учителей. Потребность в преподавателях была обусловлена не только курсом коммунистических партий Болгарии и Польши на развитие образования, но и идеологическими задачами, оттоком кадров из школ. В Болгарии острый дефицит учителей был вызван массовыми «антифашистскими» чистками, тяжелыми условиями труда, огромной нагрузкой и мизерными зарплатами ¹⁵. В то же время в обеих странах наметилась тенденция

к уменьшению подготовки специалистов по медицинским специальностям. Если в 1948/1949 учебном году удельный вес изучавших медицину составлял 21,5% всех болгарских студентов и 17,6% польских, то в 1954/1955 – уже 15,6% и 15,7% соответственно. В Болгарии в русле общего уменьшения численности студенческого контингента сокращение студентов медицинских специальностей с 7 997 в 1950/1951 учебном году до 5 264 в 1954/1955 учебном году было особенно заметно ¹⁶. Вместе с тем, в сравнении с грядущим тридцатилетием, отсчет которого начнется в конце 1950-х гг., подготовка врачей в системе высшего образования в эпоху «сталинизма» еще не уступала по значению экономическим, сельскохозяйственным и педагогическим специальностям.

Наибольшему сокращению в первой половине 1950-х гг. подвергся набор на гуманитарные отделения в университетах. Так, в Лодзинском университете в этот период из 14 гуманитарных специальностей осталось только 3, на гуманитарном факультете Торуньского факультета – 2 из 12. Среди закрытых в 1950-е гг. специальностей были археология, классическая филология, германистика, романистика, педагогика, философия, психология, социология ¹⁷. Властные структуры не без основания полагали, что знание иностранных языков открывает дорогу к культуре Запада, а незнание – закрывает. Подобные тенденции в развитии гуманитарных направлений обучения прослеживались и в Болгарии.

Особое отношение было у руководства коммунистических партий обеих стран к юридическим факультетам. По заявлению г. Димитрова, юридическая специальность не имела перспектив, потому, что в будущем люди (вероятно, достигнув нравственного совершенства. – *О.П.*) перестанут обращаться в суд, а конфликты между лицами и учреждениями будут решаться общественным путем, как в СССР ¹⁸. Будущие юристы в первой половине 1950-х гг. стали самой немногочисленной профессиональной группой студентов в Болгарии. Если до войны право изучали 18,4% болгарских студентов, в 1948/1949 учебном году – 14,3%, то в 1953/1954 – только 2% ¹⁹. Не пользовалась юриспруденция расположением властей и в Польше. В 1953–1958 гг., например, не функционировал факультет права в Торуньском университете им. Н. Коперника. Однако темпы сокращения численности студентов этой специальности не были такими резкими, как в Болгарии. Так, например, в Ягеллонском университете удельный вес студентов-юристов, несмотря на сокращение абсолютной численности учащихся в 1945/1946 – 1955/1956 учебных годах в 2 раза, ос-

тался неизменным – 28%²⁰. В итоге высокая доля студентов-юристов явилась отличительной чертой высшей школы Польши.

С установлением монополии коммунистических партий на власть определение условий и порядка приема в вузы на все формы обучения в Болгарии и Польше стало компетенцией ответственных за высшее образование министров. Лимиты приема, методы отбора абитуриентов, состав приемных комиссий, сроки проведения вступительных экзаменов, кроме того, находились под надзором партийных органов. Например, несогласование времени проведения вступительных экзаменов с Отделом науки и высшего образования ЦК ПОРП в 1950 г. привела к проведению повторных испытаний в Познаньской медицинской академии²¹.

Необходимость регулирования потока абитуриентов по специальностям, в жестком соответствии с потребностями рынка труда и принципами социалистического эгалитаризма, поставила задачу формирования комплексной системы приема абитуриентов в вузы. Отбор в вузы наиболее способных, усердных, амбициозных, морально и физически здоровых молодых людей обеспечивал максимальную эффективность использования их в качестве специалистов. Оформившаяся после 1948 г. система лимитированного приема в вузы на конкурсной основе имела свои отличительные черты. Она мало учитывала интересы и наклонности кандидатов, но концентрировала внимание на формальных критериях.

В новых правилах приема в вузы акцент в оценке кандидатов был перемещен с показателей успеваемости в средней школе на вступительные экзамены. Однако отношение к успехам в средней школе кандидата в студенты в исследуемых странах было разным. В Болгарии оценки аттестата сохранили свое значение в системе конкурсного отбора. В проходной балл включались как средний балл аттестата, так и оценки по отдельным учебным предметам, хотя вступительные экзамены имели явный приоритет: при определении проходного балла оценки на вступительных экзаменах удваивались²².

В Польше в первые послевоенные десятилетия система приема опиралась, главным образом, на оценку уровня знаний и навыков абитуриентов на вступительных экзаменах, введенных в 1948 г. В 1950-е гг. представители медицинских вузов выдвигали предложения не принимать документы у абитуриентов с низким баллом аттестата с целью снижения конкурса и,

следовательно, уменьшения остроты социальной проблемы, но они не были приняты²³.

Вместе с тем в обеих странах существовала возможность обретения студенческого статуса и без экзаменов. Без вступительных испытаний в болгарские и польские вузы зачислялись выпускники подготовительных курсов. Начиная с 1951 г. привилегии в Польше получили обладатели похвальных грамот за успехи в учебе и общественной работе и путевок Министерства юстиции (на юридические факультеты)²⁴. Однако из вузов поступало много нареканий на несоответствие уровня знаний и общественной активности у многих выпускников, имеющих похвальные грамоты, и льготы для этой категории абитуриентов были отменены²⁵. С 1952 г. в Болгарии отличников средних школ, подтвердивших общественной активностью свою преданность народной власти, по советскому образцу стали награждать золотыми и серебряными медалями, а их обладателям также предоставили право выбора вуза без вступительных экзаменов. Без экзаменов в 1959/1960 учебном году в болгарские вузы принимали также офицеров, уволенных из-за сокращения армии в 1955 и 1958 гг.²⁶.

Для большинства же абитуриентов среднее образование было необходимым, но недостаточным условием для поступления в вуз. Однако условия приема экзаменов, как показывала практика, не обеспечивали возможности выяснить истинные знания отдельных абитуриентов²⁷.

В Болгарии законом 1948 г. устанавливалась письменная форма экзаменов²⁸, но в 1950-е годы, наряду с письменными экзаменами, были введены и устные, позволявшие приемным комиссиям сформировать мнение не только о подготовке кандидата по предмету, но и о его общем развитии и социальной активности. Обязательным для всех специальностей стал экзамен по болгарскому языку и литературе²⁹. Все польские абитуриенты также сдавали письменный экзамен по специальности и устный – «Учение о Польше и современном мире»³⁰.

Предметы вступительных испытаний в 1950-е гг. определялись централизованно на министерском уровне. В Польше Министерство просвещения и высшего образования не только утверждало перечень вступительных экзаменов, но и определяло темы письменных работ и вопросы к устному экзамену о Польше и современном мире³¹. Только Закон о высшем образовании 1958 г.

вернул вузам право определять содержание программы вступительных экзаменов³². Постановлением Совета министров Болгарии шестибальная оценка знаний учащихся в 1952 г., в ходе применения советского опыта в системе народного образования, была заменена пятибальной. К традиционной шкале оценки уровня знаний болгарская высшая школа возвратилась лишь с начала 1957/1958 учебного года³³.

Несмотря на то, что вступительные испытания в вуз проводились по программе средней школы, значительная часть абитуриентов их выдержать не могла. В 1958 г. вступительный барьер в вузах Польши не смогли преодолеть 40,3% абитуриентов, а в Варшавском политехническом институте 50%³⁴. Недостаток учителей и их низкая квалификация вели к ухудшению качества подготовки в средней школе, отмечаемого приемными комиссиями³⁵. Действительно, в некоторых повятах западной Польши удельный вес учителей в возрасте до 30 лет достигал 82%³⁶. Особенно плохо выпускники польских школ сдавали экзамены по математике. Даже отличники из общеобразовательных лицеев, обеспечивавших наиболее высокий уровень подготовки, получали двойки на вступительных экзаменах³⁷.

Экзаменационные требования, как правило, зависели от конкурса, который, в свою очередь, определялся направлением обучения. В частности, недобор претендентов на математические факультеты вел к снижению уровня сложности задач³⁸. В 1955/1956 учебном году наибольший конкурс среди польских вузов был отмечен на гуманитарных факультетах университетов и в медицинских академиях³⁹. Во Вроцлавском университете в 1958/1959 учебном году только 65,8% абитуриентов выдержали вступительные экзамены⁴⁰. Самым же популярным направлением обучения в политехнических институтах была архитектура. Желавших изучать архитектуру даже в СССР было больше, чем мест, хотя, например, в 1950 г. и в престижном Московском университете остались незанятые вакансии, предоставленные для польских студентов⁴¹. Однако даже на самые популярные специальности (химия, право) конкурс в 1950-е годы составлял не более 3,6–3,8 человек на место⁴², что контрастирует с последующими десятилетиями. В целом наплыв абитуриентов был еще относительно невысоким, хотя неравномерность распределения абитуриентов по группам вузов и отдельным специальностям в рамках одного вуза создавала значительные проблемы в комплектовании

студенческого состава. В 1958 г. при невыполнении плана набора в польские вузы 7 070 абитуриентов, сдавших вступительные экзамены, не были зачислены из-за недостатка мест на наиболее востребованные специальности⁴³. Под давлением общественного мнения осуществлялась корректировка планов набора в вузы. Польские вузы часто нарушали плановые квоты. Например, в 1947/1948 учебном году на общее количество установленных мест – 19 180 было принято 21 899 студентов⁴⁴. Во Вроцлавском университете в 1957/1958 учебном году при лимите 550 мест приступили к занятиям 727 чел., то есть на 1/3 больше⁴⁵.

Стремление эффективно использовать государственные средства, затраченные на подготовку специалистов, и необходимость снижения конкурса на наиболее престижных направлениях обучения привели в Болгарии к введению возрастных ограничений при отборе абитуриентов. В середине 1950-х гг. были установлены следующие возрастные критерии: для всех студентов дневного обучения – 35 лет; для поступающих в Институт театрального искусства – 25 лет, консерваторию – 28 лет для мужчин и 25 лет для женщин⁴⁶.

В Польше внимание к возрасту абитуриента при формировании студенческого контингента было не столь пристальным, как в Болгарии. В 1948 г. возрастные ограничения были установлены для учащихся подготовительных отделений (20 – 26 лет)⁴⁷. Возрастных ограничений при зачислении на очное отделение правила приема в польские вузы не предусматривали. Не было и единых требований к возрасту абитуриентов заочных отделений. Данный критерий использовался только в сельскохозяйственных вузах, где студентами могли стать лица не старше 45 лет, а также в вузах физического воспитания и культуры, установивших барьер для заочников в 40 лет⁴⁸.

Введение, наряду с интеллектуальными, физических параметров абитуриентов в систему конкурсного отбора вузов соответствовало социалистической концепции подчинения высшей школы и отдельной личности государственным интересам. Данный подход объясняет и повышенный интерес приемных комиссий в Болгарии и Польше к состоянию здоровья будущих специалистов. В Польше поступление в вуз было поставлено в зависимость от медицинского осмотра в 1948 г. Закон о высшем образовании 1951 г. требовал от кандидата предоставления медицинской справки об отсутствии заболеваний, препятствующих работе по избранной специальности⁴⁹.

В начале 1950-х гг. ограничения по состоянию здоровья вводятся и для болгарских абитуриентов. Доступа к высшему образованию оказались лишены лица, страдающие инфекционными и хроническими заболеваниями, в педагогические институты не принимались абитуриенты с дефектами слуха и зрения, в театральные – с легочными и сердечными болезнями, в Горно-геологический институт – страдающие гемералопией («куриной слепотой») ⁵⁰.

Таким образом, государственная политика в сфере высшего образования не учитывала интересы такой незащищенной группы общества, как инвалиды. Люди с физическими недостатками не имели возможности для самореализации и интеллектуального развития, были лишены помощи и поддержки государства.

Имевшая место феминизация студенческого контингента обусловила введение в процесс отбора в болгарские вузы ограничений по половому признаку. С 1958/1959 учебного года для абитуриентов, поступавших на общих основаниях, на большинстве специальностей 50% мест отводилось девушкам и 50% юношам. В традиционных мужских профессиях присутствие женщин было ограничено 10–20%, а в театральном институте – 30%. Только на фармакологию и в Софийский университет, готовивший в основном учителей, допускались до 60% женщин ⁵¹.

Высшая школа, являясь средством профессиональной подготовки специалистов, в то же время должна была стать институтом формирования будущих элит политического режима. Основные законодательные акты о высшем образовании зафиксировали задачу воспитания новой народной интеллигенции «в коммунистическом духе», «в духе преданности Родине и борьбе за мир и социализм». Данный императив обусловил появление морально-политических критериев отбора в вузы, к которым следует отнести политическую благонадежность и общественную активность абитуриента. Так, в Польше уже в 1947 г. участники движения Сопrotивления и общественные деятели, для которых резервировалось 20% мест, были освобождены от вступительных экзаменов ⁵². В 1948 г. получили преимущества при зачислении активисты молодежных организаций. Характеристика трудовой деятельности, а для выпускников школ справка об общественной активности, была включена в число обязательных документов при поступлении в вуз для польских абитуриентов в 1949 г. ⁵³. Необходимость

учета общественной активности абитуриента была закреплена законом о высшем образовании 1951 (§10.3). При этом к вступительным экзаменам могли быть допущены только те абитуриенты, которые имели 35 лет направления школьных и поветовых квалификационных комиссий (§3) ⁵⁴. Однако школьные и поветовые комиссии, призванные выявлять лояльность и политические взгляды выпускников, относились к своим обязанностям достаточно формально. Не случайно, например, Гданьский воеводский комитет ПОРП добивался включения в состав комиссий «классово- и политически сознательных граждан, которые не допустят в вузы выходцев из буржуазии и мещан» ⁵⁵.

В итоге отсева неблагонадежных абитуриентов происходил уже в процессе вузовского конкурса, причем часто в ущерб знаниям. Очевидно, что партийная принадлежность абитуриента в 1950-е годы играла важную роль при зачислении в вуз ⁵⁶, в то время как оппозиционные настроения абитуриента могли стать препятствием для поступления в высшие учебные заведения. Причем в нормативных актах подобное положение зафиксировано не было, но установка на выявление «враждебных элементов» поступила в приемные комиссии вузов уже в 1947 г. ⁵⁷. Составлялись перечни лиц, дорога в вузы которым была закрыта. Например, такой список, утвержденный ЦК ПОРП на 1951 г., насчитывал 759 человек и включал молодежь 1928–1932 гг. рождения ⁵⁸.

Еще большее значение морально-политическим критериям отбора придавалось в Болгарии, в вузы которой в 1950-е гг. не допускались лица с «фашистскими и другими антинародными взглядами». Все сведения о кандидатах заверялись местными народными советами ⁵⁹. Только полностью положительные анкетные данные, подтверждавшие «политическую благонадежность», давали право на получение статуса студента. Такие формулировки, как «бывший член Земледельческого союза», «реакционно настроен к Отечественному фронту», «брат был членом легиона» (речь шла о националистической организации «Союз болгарских национальных легионов», действовавшей в Болгарии в межвоенный период и в годы Второй мировой войны – *Прим. ред.*) и т.д. закрывали доступ в вузы ⁶⁰.

В то же время в Болгарии были введены привилегии для особой категории «антифашистской молодежи», которые впоследствии не только стали пожизненными, но и в ряде случаев передавались по наследству. Начиная с

1958/1959 учебного года 10% мест на все специальности отводилось абитуриентам – бывшим партизанам, узникам концлагерей, «активным борцам против фашизма и капитализма» и их детям. При этом если сразу после войны еще можно было установить, кто был партизаном, а кто политзаключенным, то в последующие годы стремление к получению льгот вызвало, по справедливому замечанию В. Чичовской, появление «революционной автобиографической беллетристики»⁶¹.

Особенностью системы отбора абитуриентов на рубеже 1940-х –1950-х гг. было то, что официальные нормативные документы о правилах приема в исследуемых странах не отражали реальных механизмов селекции. В Польше, например, создавались на время экзаменов и зачисления в вузы территориальные партийные приемные комиссии, перед которыми ставились задачи оказания содействия привилегированной молодежи и отсева негативных элементов путем предоставления на них отрицательных характеристик. Партийное руководство добивалось привлечения «управляемых» преподавателей в экзаменационные комиссии и для проведения собеседований, причем, преимущество отдавалось членам ПОРП. Перед членами комиссий ставились сложные задачи: они не могли открыто отклонять абитуриентов, попавших в «черные» партийные списки, а должны были изыскивать иные, убедительные и внешне «приличные», способы отказа. Однако старые профессора учитывали только уровень знаний абитуриентов, не обращая внимания на его «политическую слепоту», строго спрашивали, «забывая о том, что всему этому можно научить в вузе»⁶². В силу этого утвердилась практика вмешательства партийных органов в формирование окончательных списков студентов уже после проведения конкурса. Так, результатом подобной интервенции в 1951/1952 учебном году явилось зачисление на лечебный факультет медицинской академии всех 36 абитуриентов-членов ПОРП, подавших заявления, и 90% абитуриентов-членов Союза польской молодежи⁶³. В 1955/1956 учебном году приемная комиссия шахтерского факультета Политехнического института в Гливицах жаловалась на давление со стороны инструктора Воеводского комитета ПОРП по поводу абитуриента С. Врублевского, отец которого после неудачной попытки подкупить членов приемной комиссии нашел «поддержку» в партийных органах и абитуриента экзаменовали дважды⁶⁴. В итоге в обществе утверждалось мнение о том, что в высшую школу можно попасть не только по решению эк-

заменационной комиссии, но и «по блату» – протекции родителей, поддержке высокопоставленных знакомых абитуриента.

Начиная с 1947 г. важную роль в процессе отбора кандидатов в вузы в рассматриваемых странах стал играть фактор социального происхождения абитуриентов. В рамках такого подхода властные структуры Польши и Болгарии стремились увеличить образовательные возможности для выходцев из низших слоев населения и сократить их для бывшей социальной «верхушки». Это соответствовало целям дестратификации общества и трудовой этике социализма. Кроме того, считалось, что студенческая молодежь, происходящая из рядов интеллигенции или предпринимателей, в большей степени подвержена воздействию со стороны реакционной, т.е. антисоциалистической, буржуазной идеологии. «Кого следует принимать в вузы?» – вопрошала болгарская коммунистка Цола Драгойчева. – «Тех, кто имел деньги на частные уроки, или ...сыновей и дочерей народа, которые будут наиболее полезными Болгарии?»⁶⁵. Следовательно, в основу формирования студенческих коллективов был положен социальный критерий, в соответствии с которым студенты должны были рекрутироваться «из сыновей и дочерей рабочего класса и трудящихся». В январе 1950 г. было принято решение Политбюро ЦК БКП «О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции», согласно которому в 1950/1951 учебном году предстояло принять в вузы 30-40% молодых рабочих из числа передовиков и рационализаторов производства⁶⁶. В Польше установка на представительство привилегированных трудовых социальных групп в вузах в 1947 г. определялась в 15–20%, а в 1951/1952 гг. достигла 65%⁶⁷.

В приемах, с помощью которых властные структуры Болгарии и Польши стремились обеспечить расширенное представительство привилегированных социальных групп, прослеживаются некоторые различия. Так, в болгарских вузах выходцам из рабочих и крестьянских семей отводилось определенное количество студенческих мест. При этом квота, которую резервировали болгарские правила приема в вузы для представителей рабочих и крестьянских семей, дифференцировалась в зависимости от специальности и времени.

В Польше на реализацию заданных пропорций была направлена сложная конкурсная процедура набора в вузы, в которой учитывалось мнение квалификационных комиссий с участием членов общественных организаций, а ре-

шающий голос имел представитель Министерства. Вместе с тем с введением критерия социального происхождения в польских вузах возникли проблемы с классификацией общественных групп и формальным установлением социальной принадлежности. Поскольку директора школ часто ставили подписи под недостоверными сведениями, в 1949 г. обязанность предварительного деления абитуриентов на социальные группы была возложена на технических секретарей, которые назначались из членов Союза польской студенческой молодежи (САМП) ⁶⁸. Активно участвовали в выявлении социального происхождения конкурентов и абитуриенты, не попавшие в вузы, обвиняя комиссии в фаворизации детей кулаков и кумовстве ⁶⁹. Приемными комиссиями было подмечено, что стремление крестьянских детей к высшему образованию прямо пропорционально количеству земли у родителей ⁷⁰.

В итоге и Болгарии и в Польше в начале 1950-х гг. выходцы из рабочих и крестьян перешагнули 50%-ный рубеж в составе студенчества. Причем приоритет рабоче-крестьянской молодежи был обеспечен на наиболее востребованных факультетах польских вузов: лечебном, стоматологическом, фармацевтическом и некоторых технических ⁷¹. Исследования состава варшавского студенчества в первой половине 1950-х гг. показали, что наиболее равномерно все социальные группы были представлены в медицинских вузах ⁷².

После 1956 г. система приема в польские вузы была несколько либерализована, но социальные критерии при отборе в вузы сохранились. В мае 1958 г. в письме Комиссии по науке ЦК ПОРП, адресованном вузам, вновь выдвигалась задача улучшения социального состава студентов ⁷³. Хотя оформленных законодательно льгот отдельные социальные группы не имели, на практике приемные комиссии продолжали, как и раньше, оценивать не только уровень знаний, но и условия, в которых их получал абитуриент, с тем, чтобы облегчить путь в вузы рабочим и крестьянам ⁷⁴.

Однако сокращение социальных привилегий с окончанием эпохи «сталинизма» привело к вытеснению рабочих и крестьян с наиболее престижных специальностей. Так, исследование материального положения студентов варшавских вузов, проведенное С. Новаком в 1957/1958 учебном году, показало, что среднемесячный доход семей учащихся Варшавского университета на 14,3%, а Медицинской академии – на 10,5% выше среднего показателя ⁷⁵. Становилось ясно, что наиболее доступны для рабочих и крестьян Польши педагоги-

ческие, экономические и сельскохозяйственные вузы. Рост внимания рабочих и крестьян к непопулярным математике и естественным наукам был отмечен уже в 1954 г. ⁷⁶. В Болгарии привилегированные социальные группы целенаправленно ориентировались на стратегически важные, но менее популярные в обществе специальности. Так, в конце 1950-х гг. они имели льготы только при поступлении в сельскохозяйственные и технические вузы, где им отводилось 20% мест ⁷⁷.

Таким образом, форсированные темпы общественной трансформации первой половины 1950-х гг. в Болгарии и Польше предопределили закрытый и элитарный характер высшей школы. Стремление к максимально эффективному использованию ресурсов высшей школы, задача радикального изменения социального состава студентов, социальная проблема несоответствия лимита мест в вузах и общественного спроса, необходимость регулирования потока абитуриентов в соответствии с приоритетными специальностями обусловили установление жесткого контроля политических органов над процессом приема в вузы.

Поиск оптимального механизма селекции молодежи на этапе перехода от среднего к высшему образованию, как и вся система высшего образования в 1950-е гг., прошли через максимальное копирование советского опыта к возвращению утраченных в начале десятилетия традиций и адаптации их к задачам модернизации. Сложность нахождения оптимального механизма приема в вузы заключалась в противоречивых задачах: с одной стороны, необходимо было отобрать среди абитуриентов наиболее интеллектуально развитых, с другой, – удовлетворить потребности в общественной справедливости и равенстве в соответствии с принятой идеологией. В итоге вступительным экзаменам, которым официально отводилось центральное место в системе приема, аккомпанировали многочисленные требования, предъявляемые к физическим и моральным качествам будущего студента. Причем в Болгарии, где в систему отбора были введены пол и возраст, внимание к физическим параметрам абитуриента было пристальнее.

Последующие десятилетия отмечены стремлением к модификации системы приема в вузы. Однако главные принципы, лежащие в основе системы отбора, сформулированные в 1950-х гг., оставались в Болгарии и Польше схожими и неизменными до момента крушения социализма в 1989 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статя подготовлена при материальной помощи кассы им. Юзефа Мьяновского польского Фонда поддержки науки.
- ² Указ за изменение и допълнение на Закона за висшето образование // Известия на Президиума на Народното събрание. 1952. № 64. 1 август. С. 1–2.
- ³ Университетът. София, 1999. С. 255.
- ⁴ Там же. С. 182, 200. Имеется в виду правительство, образованное членами организации офицеров Военный союз и политической группы «Звено» в результате военного переворота в Болгарии в ночь с 18 на 19 мая 1934 г. (Прим. ред.)^d Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 1919–1969. Poznań, 1972. S. 416.
- ⁵ Arhiwum Uniwersytetu Warszawskiego. Administracja Centralna. Sygn. 2091. Rekrutacja na I rok studiów. 1945/46.
- ⁶ *Perkowska U.* Studenci Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1945–1948/49. Kraków, 2001. S. 32.
- ⁷ Решение на Политбюро на ЦК на БКП за създаване на вярна на партията и народната власт социалистическа интелигенция // Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК: в 5 т. (далее: БКП в резолюции...). Т. 4. 1944–1955. София, 1955. С. 239.
- ⁸ Rocznik statystyczny. 1950. Warszawa, 1951. S. 150; Статистически годишник на Народна република България. София, 1959. С. 245.
- ⁹ *Чичовска В.* Политиката срещу просветната традиция. София, 1995. С. 328.
- ¹⁰ Wskazówki ogólne dla wpisujących się na Uniwersytet Jagielloński w roku akad. 1948/49 // Spis wykładów Uniwersytetu Jagiellońskiego w Krakowie. Rok akademicki 1948/49. Kraków, 1948. S. 7.
- ¹¹ Образованието и науката в Народна република България. София, 1965. С. 137.
- ¹² *Golański H.* Czy nadprodukcja inteligencji? // Nowe Drogi. 1957. № 9. S. 37–53.
- ¹³ *Trojnak D.* Pięćdziesiąt lat różnie // Alma Mater. 2000. № 24. S. 35; *Панчев И. Боянов Б.* Първата среща с възпитаници на Висшия медицински институт. София, 1956. № 2. С. 55.
- ¹⁴ Статистически годишник... С. 351; Rocznik statystyczny szkolnictwa, 1944/45–1966/67. Warszawa, 1967. S. 398, 400.
- ¹⁵ *Маринова-Христиди Р.* Българското образование между съветизацията и традицията: 1948–1959. София, 2006. С. 88.
- ¹⁶ Статистически годишник...С. 245; Rocznik statystyczny szkolnictwa...S. 398, 400.
- ¹⁷ *Kita J., Pytlas S.* Uniwersytet Łódzki w latach 1945-1995. Łódź, 1996. S.21; Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu. Toruń, 1981. S. 15.
- ¹⁸ *Чичовска В.* Указ. соч. С. 363.

- ¹⁹ Статистически годишник... С. 245.
- ²⁰ Рассчитано по: *Kwaśniewicz W.* Studenci i absolwenci Uniwersytetu Jagellońskiego w latach 1945–1969 // *Zeszyty nauk.* Uniw. Jagellońskiego. Prace Historyczne. 1971. № 47. S. 405.
- ²¹ Archiwum Akt Nowych w Warszawie (далее: AAN). Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn. 237/XVI–135, k.4–5.
- ²² Справочник за кандидат-студента за учебната 1951–1952 година. София, 1951. С. 9.
- ²³ AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.1166, k. 30–33.
- ²⁴ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa. 1951. № 31, poz.246; № 41, poz.317; № 48, poz.355.
- ²⁵ AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn. 1165, k.12; sygn. 1200, k.75.
- ²⁶ *Маринова-Христиди Р.* Указ. соч. С. 77, 207.
- ²⁷ AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.1200, k.9.
- ²⁸ Сборник от закон и правилници по висшето образование. София, 1949. С. 29.
- ²⁹ Справочник за кандидат-студента...1951-1952 година. С. 5.
- ³⁰ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1951. № 31, poz. 246.
- ³¹ AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn.237/XVI–134, k.35.
- ³² Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej Ludowej. 1958. № 68, poz. 336.
- ³³ *Маринова-Христиди Р.* Указ. соч. С. 78, 164.
- ³⁴ *Czyżyk K.* Wyniki doboru kandydatów na I rok studiów wyższych w 1958 r. // *Życie Szkoły Wyższej.*1958. № 10. S. 48.
- ³⁵ Archiwum Uniwersytetu Łódzkiego. Uniwersytet Łódzki. Dział Nauczania. Sygn. 368. Rekrutacja. Protokoły i Sprawozdania z działalności Wydziałowych Komisji Rekrutacyjnych w roku akad.1958/59.
- ³⁶ *Jarosz D.* Polityka władz komunistycznych w Polsce w latach 1948–1956 a chłopci. Warszawa, 1998. S. 349.
- ³⁷ AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.1200, k.4–5.
- ³⁸ Ibidem. K.51.
- ³⁹ Rocznik statystyczny szkolnictwa, 1944/45–1966/67. Warszawa, 1967. S. 398-400.
- ⁴⁰ *Wrzesiński W.* Uniwersytet Wrocławski. 1945–1995. Wrocław, 1995. S. 204.
- ⁴¹ *Golon M.* Młodzież polska na studiach cywilnych i wojskowych w ZSRR w okresie klasycznego stalinizmu (1950–1956/1957) // Polska 1944/45 – 1989: studia i materiały. Warszawa, 2006. № 7. S. 61–121.
- ⁴² *Wrzesiński W.* Ibidem. S. 172, 204.
- ⁴³ *Czyżyk K.* Ibidem. S. 44–50.
- ⁴⁴ *Chodakowska J.* Rozwój szkolnictwa wyższego w Polsce Ludowej w latach 1944–1951. Wrocław, 1981. S. 140.

- ⁴⁵ *Wrzesiński W.* Ibidem. S. 198.
- ⁴⁶ Справочник на кандидат-студента... 1951-1952 година. С. 7.
- ⁴⁷ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa. 1947–1952. 1951, № 48, poz.355; 1952, № 38, poz.266.
- ⁴⁸ Informator dla kandydatów do szkół wyższych na rok szkolny 1960/61. Warszawa, 1959. S. 224, 232, 235.
- ⁴⁹ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1951, № 31, poz.246; 1952, № 6, poz.38.
- ⁵⁰ Справочник за кандидат-студента... 1951-1952 година. С. 4-5.
- ⁵¹ Справочник на кандидат-студентите за висшите учебни заведения за учебната 1958–1959 година. София, 1958.
- ⁵² Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1947, № 10, poz. 247.
- ⁵³ AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn.237/XVI–131, k.5; sygn.237/XVI–134, k.35.
- ⁵⁴ Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1951, № 31, poz. 246.
- ⁵⁵ AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn.237/XVI–135, k.39; 36, s. 86.
- ⁵⁶ *Trojnak D.* Pięćdziesiąt lat później // Alma Mater. 2000. № 24. S. 140.
- ⁵⁷ Archiwum Uniwersytetu Łódzkiego. Uniwersytet Łódzki. Biuro Rektoratu. Sygn. 21. Rekrutacja na I rok studiów. Zarządzenia, ogłoszenia, protokoły z posiedzeń komisji dla doboru kandydatów, sprawozdania.
- ⁵⁸ AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn.237/XVI–135, k.15–25.
- ⁵⁹ Справочник за кандидат-студента...1951-1952 година. С. 10.
- ⁶⁰ Маринова-Христиди Р. Указ. соч. С. 40-41.
- ⁶¹ Чичовска В. Указ соч.С. 50-51.
- ⁶² AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego.Sygn. 237/XVI–131, k.6, 7, 21, 76, 92.
- ⁶³ Ibidem. Sygn.237/XVI–135, k.79.
- ⁶⁴ Ibidem. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.1200, k.18.
- ⁶⁵ Чичовска В. Указ. соч. С. 361.
- ⁶⁶ Решение на Политбюро на ЦК на БКП за създаване на вярна на партията и народната власт социалистически интелегенция // БКП в резолюции... Т. 4. 1944–1955. С. 239.
- ⁶⁷ Archiwum Uniwersytetu Łódzkiego. Uniwersytet Łódzki. Biuro Rektoratu. Sygn. 21. Rekrutacja na I rok studiów. Zarządzenia, ogłoszenia, protokoły z posiedzeń komisji dla doboru kandydatów, sprawozdania. AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.330, k.2.
- ⁶⁸ AAN. Polska Zjednoczona Partia Robotnicza. Komitet Centralny. Wydział Nauki i Szkolnictwa Wyższego. Sygn. 237/XVI–131, k.335.

- ⁶⁹ Ibidem. Sygn. 237/XVI–162, k.41–42.
- ⁷⁰ Ibidem. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.340, k3; sygn.1208, k.37.
- ⁷¹ *Chodakowska J.* Ibidem. S. 140.
- ⁷² Studenci Warszawy. Studium długofalowych postaw i wartości. Warszawa, 1991. S. 57.
- ⁷³ Arhiwum Uniwersytetu Warszawskiego. Administracja Centralna. Sygn. 2949. Sprawozdanie KU PZPR Uniwersytetu Warszawskiego. 1958 r.
- ⁷⁴ Archiwum Uniwersytetu Łódzkiego. Uniwersytet Łódzki. Dział Nauczania. Sygn. 368. Rekrutacja. Protokoły i Sprawozdania z działalności Wydziałowych Komisji Rekrutacyjnych w roku akad. 1958/59.
- ⁷⁵ Studenci Warszawy... S.57.
- ⁷⁶ AAN. Ministerstwo szkolnictwa wyższego. Sygn.1208, k. 37.
- ⁷⁷ Справочник на кандидат-студентите...1958-1959 година. С. 5.

Г.П.Мельников

ИСКУССТВО И КУЛЬТУРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ 1950-х ГОДОВ

Чешское изобразительное искусство оказалось в период сталинизма в Чехословакии той сферой культуры, которая сохраняла, конечно, не на публичном уровне, а дома, в частном общении (по советской терминологии – «на кухне») преемственные связи, континуитет с наследием культуры чешского модернизма первой половины XX в., называемого теперь классическим. Поэтому именно в сфере искусства в 1950-е гг. нарастало отторжение нормативности социалистического реализма, насаждавшегося идеологами коммунистической партии, которое в 1958 г. привело к решительному прорыву из сталинизма в «оттепель», выраженному в концепции и стилистике чехословацкого павильона на всемирной выставке ЕХРО-58 в Брюсселе. Брюссель-58 обозначил переломный момент в культурной ментальности чехословацкого общества, став не только «глотком свободы», «социалистической демократией на экспорт», но обозначив принципиально новый дискурс всего развития страны, прежде всего в идеологической сфере. Внешне это нашло свое выражение в резком изменении жизненного стиля, манеры поведения, форм бытовых вещей, распространении новых видов социально-культурной жизни, всего того, что стало обозначаться термином «брюссельский стиль», оказавший громадное воздействие на формирование культуры 1960-х гг.

Повышенное внимание к художественно-идеологическим процессам 1950-х гг. стало проявляться в конце первого десятилетия XXI в. в связи с переосмыслением опыта прошлого, инициированного полувековыми юбилеями событий. Конечно, после «бархатной революции» в трудах чешских исследователей уже появились новые оценки¹, впоследствии ставшие общепризнанными. Однако только в последние годы выявляется поистине огромный запас артефактов неконформистского искусства 1950-х гг., что позволяет по-новому оценить масштабы и подспудное влияние неофициального искусства на процесс сопротивления чешской интеллигенции новой социалистической

нормативной идеологии. Ведущую роль здесь играют выставки, представляющие собой концептуальное научное исследование и максимальную репрезентацию показываемого феномена культуры. Такие выставки сопровождаются научными конференциями и изданием каталогов-исследований. За последние годы в этом плане особый резонанс получили выставки «Группа «Май-57»» (Пражский Град), «Брюссельский сон. Чехословацкое участие на всемирной выставке ЕХРО-58 в Брюсселе и стиль жизни первой половины 60-х лет» (Прага – Брно – Братислава), «Годы за дни: чешское искусство 1945 – 1957» (Галерея столицы Праги в Городской библиотеке). Их материал, особенно последней выставки², ставшей даже для специалистов открытием, а также «событием года», побуждает к размышлениям и позволяет проанализировать скрытые тенденции движения социума от тоталитаризма к «социализму с человеческим лицом».

Период с мая 1945 г. по февраль 1948 г. был кратковременным «глотком свободы», в том числе в культуре. В искусстве он обозначился противоречивой тенденцией. В целом для нее характерны реабилитация и возвращение доверенного общего модернистского дискурса чешского искусства, отвергавшегося, правда, в умеренных формах, властями Протектората Богемия и Моравия. Новая ситуация была обозначена буквально бумом новых работ сюрреалистов старшего поколения, поскольку именно этот стиль мог наиболее адекватно выразить сложность переживаний чешского народа в период Протектората. С другой стороны, именно с 1945 г. формируется новая генерация художников, преимущественно неконформистов, которая по-иному реагирует на войну, оккупацию и вырабатывает свое отношение к модернистскому дискурсу, отходя, но не порывая с традициями классического чешского модернизма. Искусство молодого поколения более ориентировано на классический французский модернизм, более спокойно, коммуникационно, социально.

Обе эти ветви послевоенного модернизма оказывают внутреннее творческое сопротивление идеологическому и организационному давлению КПЧ начиная с февраля 1948 г., но особенно с 1953 г. В силу этих причин неконформистские работы почти не выставляются и не влияют на вкусы публики, однако для художественной среды они имеют огромное значение, так как почти массовая работа «для себя», ради «эксперимента» становится наиболее распространенной формой сопротивления официозу, сохранения модернистской

традиции и формирования художественных приоритетов молодого поколения чешской интеллигенции. Именно «массовость» нонконформистской «работы в стол», как показала выставка «Годы за дни» и ее каталог, позволила в конце 1950-х гг. быстро и достаточно плавно перейти к новому стилю «свободы», названному брюссельским, получившему широчайшее распространение во всем обществе.

Пока страна проделывала путь из одного тоталитаризма в другой, изобразительное искусство сохраняло континуитет культуры чешского модернизма первой половины XX в., защищало его ценности в условиях официального давления доктрины социалистического реализма. Искусство формировало подспудные общественные настроения, прежде всего среди творческой интеллигенции, создававшие значимый противовес официозу в культуре, который, кстати, в Чехословакии никогда не представлял собой, в отличие от СССР, эстетически ценного и значимого явления.

Отношения руководства КПЧ с чешской интеллигенцией, прежде всего с левой, на протяжении 1945 – 1958 гг. претерпели значительные изменения. Всеобщая эйфория мая 1945 г., победа КПЧ на выборах 1946 г., лозунг коммунистов «Культура принадлежит нации и народу» привлекли деятелей культуры к активному и искреннему участию в строительстве нового общества. Внешним выражением этих устремлений стало «Майское послание работников культуры чешскому народу», опубликованное в газете «Руде право» в мае 1946 г. Не только бывшие коммунисты возвращались в КПЧ, как знаменитый писатель Иван Ольбрахт, но и культурные деятели социалистическо-модернистской ориентации, такие как Винценц Крамарж и Отакар Мрквичка, связывали свою деятельность с программой коммунистов. Видный критик Франтишек Коварна основал Клуб социалистической культуры, который стал издавать ежемесячник «Чески живот». Он же преподавал эстетику в Школе художественных ремесел – учебном заведении, выпускники которого затем составили ядро дизайнеров чехословацкого павильона в Брюсселе.

В 1946 – 1948 гг. в журналах «Кварт», «Листы», «Китице» шла оживленная полемика о содержании и формах социалистической культуры, в которой участвовали такие видные критики и ученые-гуманитарии, как Я.Мукаржовский, Й.Халупецкий, Я.Паточка, К.Тайге, В.Эффенбергер. В этой полемике важное место занимали вопросы преемственности чешской культуры послевоенных

лет по отношению к чешскому модернизму, проблема соотношения наследия чешской леворадикальной культуры межвоенного периода (общество «Девятсил»), сочувствовавшей коммунистическому движению как революционной перестройке общества, с нынешними задачами культурного строительства. В конце 1940-х гг. Прага вновь становится европейским центром культуры, в котором организуются фестивали и выставки европейского масштаба. В стране проходит ряд выставок, реабилитирующих после фашистской оккупации искусство чешского модернизма. За рубежом организуются выставки современного чешского искусства левых направлений. Так, в Париже – традиционном центре сюрреализма в 1947 г. прошла выставка «Группы РА», представившая работы чешских сюрреалистов. Необходимо при этом отметить, что именно сюрреализм с середины 1930-х гг. становится основным течением чешского модернизма и сохраняется в чешской культуре, вербуя несколько поколений своих новых сторонников.

Февраль 1948 г. приносит значительные перемены в культурной жизни и эстетике. Закрываются многие художественные журналы, а все группы художников официально объединяются в Союз чехословацких художников. Начинается жесткий диктат новой власти в области искусства, взявшей за образец советское искусство социалистического реализма, его формы художественные и организационные, его идейное содержание в духе позднесталинско-ждановских императивов. Такая политика партии шла вразрез со всеми традициями чешской прогрессивной, леворадикальной культуры, представлявшей революционное преобразование общества на коммунистических, точнее, антибуржуазных началах как эксплицитное выражение левой революции в искусстве, обозначаемой терминами модернизм и авангардизм. Модернистский дискурс чешской культуры, в котором большую роль играли социальная и гуманистическая составляющие, оказался в противоречии с новой идеолого-эстетической парадигмой коммунистов, ориентирующихся на натуралистическое жизненное подобие и необарочно-классическо-романтическую пафосность советского искусства 1930-х – 1940-х гг. Это противоречие вызвало кризис в отношениях новой власти и левой интеллигенции. Я.Мукаржовский, назначенный в 1948 г. ректором Карлова университета, был вскоре уволен. Главный идеолог «Девятсила», критик, художник К.Тайге умер от острого сердечного приступа. Знаменитый поэт К.Библ покончил с собой.

Если еще до 1949 г. казалось, что модернистская культура может стать адекватным выражением специфического чехословацкого пути к социализму, то дальнейшая советизация культуры положила конец этим надеждам. Поэтому художественный модернизм и – шире – модернизацию сферы культуры и вообще стиля жизни общество стало связывать с некоммунистическими направлениями внутри коммунизма, что в 1960-е гг. явилось основой трансформации чехословацкого общества в сторону демократизации, приведшей к феномену «Пражской весны», в идеологии которого понятие модерности играло видную роль.

Однако, памятуя политическую левизну чешского художественного авангарда 1920-х гг., коммунистическая власть относительно мягко, по сравнению с СССР, относилась к существованию искусства вне рамок «госстандарта». Поэтому творцы культуры имели возможность, правда, ограниченную своим узким кругом, создавать и показывать в этом кругу свои произведения, далекие от соцреалистической нормативности. Именно в этой социальной среде происходит формирование того художественно-общественного мнения, ориентированного одновременно на традиции чешского модернизма и современное западноевропейское искусство, которое вскоре стало основой художественной активности в начале «оттепели» и привело к «брюссельскому прорыву».

В 1956 г. после XX съезда КПСС начался, как известно, процесс демократизации общества, получивший название «оттепели». Он распространился также и на Чехословакию, где получил такое же название. Характерно, что в Чехословакии идеологическая эмансипация начинается прежде всего как эмансипация художественная, как реабилитация в общественном сознании и даже, отчасти, в официальной идеологии и культурной политике, парадигмы модернизма, включая авангардизм, которая теперь приобретает новое звучание. Оно состоит в том, что модернизм признается прогрессивной традицией чешской культуры, связанной с деятельностью компартии в межвоенный период, акцентируется его антибуржуазность, но, что самое главное, он становится одной из основ послесталинского обновления коммунизма, открывает дорогу в «светлое будущее», свободное от деформаций периода «культы личности». Поэтому модернизм нового, точнее сказать, текущего искусства начинает связываться с перспективами социалистического строительства в Чехословакии, обретая социальную значимость. Модернизм получает новую миссию, причем

такое его понимание разделяют и сами художники, и общество, и постепенно власть и зависима от нее критика.

Власть начинает поддерживать новый эстетический прорыв и использовать его в своих целях для создания нового, гораздо более демократичного имиджа чехословацкого социализма. Тем самым, коммунистическая власть показывает всему миру потенциал чехословацкой культуры, ее свободное развитие в условиях социализма, традиции ее связей с левой культурой Запада и собственными левыми традициями. Очень важно, что этот новый образ культуры, в которой модернизм художественный был тесно увязан с модернизацией всей общественной жизни ради улучшения условий существования простых граждан, создавал новый целостный облик социализма, ориентированного на процветание общества во имя человека. Здесь официальная парадигматическая риторика совпадала с внутренним вектором развития чешской культуры, всегда, и авангард не исключение, ориентированным социально, демократически и гуманистически. Это совпадение новых установок партии с категориальными ценностями чешской культуры дало мощный всплеск левоориентированной культуры в 1960-е гг., приведший к появлению идеологемы «социализма с человеческим лицом». Необходимо подчеркнуть, что новый образ «оттепельного» социализма создавался не только «на экспорт», но и постепенно внедрялся во все сферы внутренней жизни общества, становясь нормой.

Не только «ренессанс» модернистского дискурса, но и его новое творческое претворение, поддержанное властями периода «оттепели», в условиях социализма создали идею возможности в чехословацких условиях трансформировать тоталитарный коммунизм в демократический общественный строй, культура которого будет основываться на реальных, жизненных ценностях и запросах обычного человека, учитывающего и общемировые тенденции. В этом процессе модно видеть модификацию идеологемы «чешского гуманизма», определявшую ментальность чешской культуры начиная с Яна Гуса, к идейному наследию которого апеллировали как буржуазные демократы (Т.Г.Масарик), так и коммунисты. Таким образом вновь, как и в первой половине XX в., чешский модернизм оказался связанным с традициями чешского гуманизма. Новый, «оттепельный» и, далее, «пражско-весенний» облик чехословацкой культуры сохранил оптимизм периода сталинизма как катего-

рию, но произошло его внутреннее перерождение из казенно-нормативного в искренний, личностный, объединяющий отдельную личность с обществом без нивелирования личностного начала, что наглядно проявилось в общем облике чехословацкого павильона в Брюсселе в 1958 г.

Необходимо также учитывать, что Запад в конце 1950-х гг. резко левеет. Это находит свое отражение в изменении идеологии и тактики таких очень влиятельных компартий, как компартии Франции и Италии. Их идеологи однозначно поддерживают эстетику модернизма и авангардизма, которая становится значимым аргументом в борьбе с наследием сталинизма. Такая позиция сближала компартии Запада с теми силами в социалистических странах, которые на основе аналогичной радикальной критики сталинизма выбирали европейскую художественную ориентацию. Именно ее «прогрессивная общественность» Запада увидела в павильоне Чехословакии на ЕХРО-58. В общеидеологическом плане это означало «возвращение в Европу».

Общественное сознание в Чехословакии стало активно впитывать новый левый художественный дискурс, означавший внутреннее раскрепощение личности и всего социума. В этом плане важную роль играли выставки «живых классиков» чешского модернизма, до этого замалчиваемых. В печати стали появляться положительные отзывы на эти выставки, написанные такими же «живыми классиками», но хорошо вписавшимися в социалистическую идеологию и новый эстеблшмент. Характерный пример – статья Витезслава Незвала в каталоге выставки графических работ Яна Зрзавого (1956 г.) – одной из ключевых фигур всего чешского искусства XX в. Великий поэт, в прошлом поэтист и сюрреалист, называет Зрзавого «последним великим художником», «судьба которого на родине в последние пятнадцать – двадцать лет была безрадостной». Таким образом Незвал, объединяя в один период времена Протектората и сталинизма, ставит между ними как бы знак равенства, во всяком случае относительно эстетики и отношения к художникам. Как нам представляется, Незвал в данном тексте был первым, кто печатно осмелился сделать такое обобщение. В скобках заметим, что аналогичная периодизация (1939 – 1958) принята совсем недавно чешским искусствоведением, что нашло свое выражение в концепции очередного тома академической «Истории чешского изобразительного искусства»³. Далее Незвал прямо критикует власти за их политику замалчивания достижений чешского искусства первой половины

XX в. Приведу несколько цитат из этого текста: «После нашего освобождения творчество Яна Зрзавого и далее оставалось отлученным от нашей художественной жизни. Зрзавый не выставлялся. Его произведения попросту не выставлялись. ... Совершенно непонятно, как в Чехии после 1945 года он мог быть так отлучен, так забыт. И если у нас часто говорили о народном искусстве и при этом именно в Яне Зрзавом не видели художника, глубоко укорененного в народном духе, то все разговоры о народном искусстве были, очевидно, пустыми фразами.... Наш народ имеет полное право познавать нашу культуру своими собственными глазами, без предрассудков, которые ему часто навязываются со стороны так называемых специалистов»⁴.

Новое, «оттепельное» отношение к искусству начинает реализовываться уже в 1956 – 1957 гг. Как отмечает чешский искусствовед Т.Петишкова, «нестественное разделение старого и нового искусства на официальное и политически неприемлемое вскоре было поколеблено выставкой «Основатели чешского современного искусства» (Брно, 1957; Прага, 1958)» и подготовкой экспозиции на ЕХРО-58⁵.

Характерным признаком нового стало появление во второй половине 1950-х гг. в рамках Союза чехословацких художников творческих групп в основном молодых художников, которые на пути к собственной манере выражения принципиально отклонялись от официального курса в искусстве. В их творчестве мы видим влияние таких уже ставших классикой модернизма стилей, как экспрессионизм, фовизм, кубизм, сюрреализм, неоклассицизм⁶. Очень часто у молодых художников эти стили взаимодействовали, приводя не столько к синтезности, сколько к эклектичности. Новое дыхание получил сюрреализм, нашедший в В.Эффенберге своего последовательного идеолога. Очевидно, эта «третья волна» сюрреализма была детерминирована сюрреалистичностью самих тоталитарных режимов.

Первой ласточкой, сделавшей весну, стала группа «Май 57»⁷. В нее вошли в основном молодые художники, некоторые из которых не были членами Союза художников, что, однако, разрешалось Союзом. В декабре 1956 г. инициативная группа послала в ЦК Союза чехословацких художников уведомление (не просьбу о разрешении!) о создании творческой группы художников. Часть из них уже выставлялась за рубежом, причем в ФРГ, стране, считавшейся враждебной, как группа, представляющая новое чешское искусство. Теоре-

тиком группы стал критик Ф.Дворжак. Выставка «Май 57» открылась в мае 1957 г. Обращает на себя внимание, что произведения выставлялись свободно, так как не было никакой отборочной комиссии. Более того, она развернулась в одном из престижнейших помещений – выставочных залах Муниципального дома в Праге, что привлекло к ней всеобщее внимание. В каталоге выставки была опубликована своего рода декларация молодого поколения художников. В ней содержалась актуализация чешского модернизма, прикрытая официозным щитом верности прогрессивным традициям чешского искусства, воплощенным в именах Й.Манеса и М.Алеша. Главенствовал тезис о «модерности», т.е. современном языке, остро необходимом чешскому искусству тех дней. В группу вошли такие художники, как Л.Дыдек, Р.Пизен, Р.Фремунд, Й.Колинска, Й.Мартин, Л.Фара, Й.Балцар, М.Хлупач, М.Гаек, потомок русских эмигрантов А.Белоцветов и ряд других. Художественный язык выставленных произведений живописи, графики и скульптуры не представлял ничего радикального и инновационного, что сразу заметила критика, справедливо упрекавшая художников за подражательность, особенно Матиссу и Пикассо, и эклектичность. По общему мнению, художественный уровень выставки был весьма средним. О том же свидетельствуют и личные впечатления автора данной статьи, ознакомившегося с юбилейной выставкой группы. Однако значение выставки было совсем в другом – она стала первым шагом к плюрализму в культуре, причем поддержанным государственной властью. Официальная критика разгромила эту выставку, исходя из идеологемы соцреализма⁸. Газета «Руде право» прежде всего ругала молодых за появляющиеся у них элементы абстракционизма. Критик О.Мрквичка, бывший член «Деветсила», вполне справедливо констатировал, что «выставка идет наперекор всему, что у нас делается. Особенно сегодня, когда мы строим социализм и когда все молодые люди должны бы объединиться в радостном усилении его осуществить»⁹. Работы же, представленные на выставке, были далеки от официального оптимизма. Было много грустных, печальных картин. Выставку даже собирались закрыть, но молодые художники проявили активность и показали себя хорошими стратегами. Они пригласили на нее президента Чехословакии Антонина Запотоцкого, который, по непроверенным данным, ее посетил и даже одобриительно отозвался о некоторых работах. Само возникновение этого слуха и тот факт, что в том же 1957 г. состоялась вторая выставка группы «Май 57», а в

следующем году третья выставка прошла уже в Варшаве, говорят о том, что высшая власть стала менять свое отношение к художественной жизни, даже поощрять молодых, позиционируя эти шаги как демократические перемены. Вспомним, что чуть позднее в СССР аналогичные попытки молодых художников были резко пресечены властью (знаменитый разгром Н.С.Хрущевым «левых» в Манеже).

В том же 1957 г. возникла вторая независимая группа – «Трасса», куда вошли преимущественно ученики великого чешского кубиста Э.Филлы. По творческому потенциалу (Ч.Кафка, О.Зоубек, В.Прецлик) «Трасса» была сильнее «Мая 57», с которым у нее сложились конфронтационные отношения, хотя обе группы шли по сути одним путем. Кредо «Трассы» заключалось в том, что человек, художник находится в пути, в экзистенциальном поиске, он в обществе, но он одинок. Именно в манифесте «Трассы» в послевоенной чешской культуре появилось понятие «отчуждение»¹⁰.

Как уже отмечалось, в эстетическом отношении обе группы не были радикальными, они в весьма мягких формах отклонялись от соцреализма. Очень верно поэт и критик тех лет Й.Брукнер назвал художников этих групп «кротким поколением»¹¹. Но самым важным было именно отклонение от официально навязываемых стандартов. Пример этих групп вызвал буквально лавину левых, гораздо более радикальных групп, возникших в начале 1960-х гг. Состоявшаяся все в том же 1957 г. персональная выставка молодого художника Яна Котика – сына известного живописца Православа Котика, чье творчество в межвоенный период было отмечено яркой социальной направленностью в рамках течения, называемого урбанизм, а с середины 1950-х гг. испытывало влияние абстракционизма, вызвала дискуссию о допустимости абстракционизма в социалистическом искусстве. Отстаиваемый Я.Котиком тезис о необходимости искать новый, «модерный», а не социалистический реализм, выражением которого может быть и абстрактное искусство, затем воплотился в его панно из стекла для ЕХРО-58¹².

Главным переломным моментом в формировании новой идеологемы гуманистически ориентированного демократического социалистического строя, воплощением которого хотела быть Чехословакия, стало участие страны в международной выставке ЕХРО-58 в Брюсселе. Это событие и ранее достаточно подробно освещалось в литературе^м, но только с выходом каталога-ис-

следования «Брюссельский сон» оно предстало в полном объеме как по масштабам, так и по силе влияния на все сферы жизни¹³. Выставка под таким названием прошла в Праге, Брно и Братиславе в 2008 г., а затем в уменьшенном формате была показана в Брюсселе в 2009 г., когда Чешская Республика председательствовала в Евросоюзе. Каталог выставки объемом 368 страниц большого формата содержит 610 иллюстраций и целый ряд исследовательских статей. Каталог получил награды «Красивейшая книга года» и «Czech Grand Design – 2008». Книга состоит из двух частей. В первой ЕХРО-58 освещается в европейском и чехословацком контексте, учитывающем политическую и повседневную жизнь. Особое внимание обращается на идеологию, пропаганду, способ презентации страны за рубежом. Во второй части дается анализ стиля жизни конца 1950-х – 1960-х гг., включающий такие сферы, как мода, масс-медиа, массовое производство бытовой техники и ее дизайн, женская трудовая эмансипация, здравоохранение, досуг, туризм, рок- и поп-музыка, авангардные явления в изобразительном искусстве и академической музыке.

Во введении куратор выставки Д.Крамерова отмечает, что чехословацкое правительство с одобрения КПЧ приняло решение о концепции чехословацкого павильона на ЕХРО-58 в 1956 г., учитывая «ветер перемен». Главной задачей стала демонстрация успехов социалистической Чехословакии на таком престижном международном форуме. Экспозиция имела грандиозный успех: все чехословацкие экспонаты, выдвинутые на премии ЕХРО-58, их получили, а сам чехословацкий павильон удостоился высшей награды выставки. Всего страна получила 170 наград! Успех экспозиции во многом был связан с участием лучших сил чешской и словацкой культур, как молодых (поколение 35-летних), так и прошедших школу межвоенного модернизма⁹. Самое молодое поколение было представлено работами студентов художественных вузов, что соответствовало известной идеологеме социализма «молодым везде у нас дорога», показывавшей динамизм, молодой задор и оптимизм поколения, ориентированного на будущее. Один из студентов, П. Рада, ставший затем чешским художником-керамистом, даже получил золотую медаль выставки за цикл декоративных объектов, отличавшихся юмором и по-детски веселой игрой с объемами¹⁴

Сама выставка ЕХРО-58 была неординарным явлением мировой культуры. Она как первая всемирная выставка после Второй мировой войны в

глобальном масштабе обозначила поворот послевоенного общества к модернизации, к новым социальным и художественным идеям, опирающимся на ценности демократии. Огромное внимание было обращено на возможности техники, технизацию земной цивилизации, причем технический прогресс становился базой прогресса социального. Атмосфера выставки, равной по площади небольшому городу, отличалась искренним оптимизмом и энергией, верой в прогресс и счастье всего человечества. В этот контекст из всех социалистических стран – участниц успешно вписалась именно Чехословакия.

Чешская критика того времени с восторгом встретила успех своей страны на этой выставке. Характерно, что в названиях статей акцентировалась художественная и общественно-идеологическая инновационность чехословацкой экспозиции¹⁵.

Архитектура чехословацкого павильона (авторы Ф.Цубр, Й.Грубый, З.Покорный) выглядела как продолжение традиций чешского функционализма, уже осужденного в самой стране. Павильон площадью 6000 кв м оказался одним из крупнейших на ЕХРО-58, что демонстрировало успехи, в том числе и экономические, достигнутые новой Чехословакией. Архитектура с обильным применением стекла создавала идеальную среду для нового промышленного и художественного дизайна, формируя синтез архитектуры и искусства, новое артифицированное пространство, в котором активно использовались символы и метафоры. Сама экспозиция отличалась концептуальностью (идея известного левого художника А.Гофмейстера, сценарий Й.Сантора), ее тема формулировалась как «Один день в Чехословакии». Вся экспозиция делилась на три больших раздела: Труд, Отдых, Культура, в которых существовали подразделы, в том числе Прикладное искусство, Стекло и керамика, Музыка, Дети и куклы. Идеологическая пропаганда выглядела весьма умеренной.

Чехословацкий павильон удивил и привлек внимание такими эстетическими первостепенными феноменами, как технически инновационные в мировом масштабе полиэкранное кино и «Латерна магика», ставшая впоследствии визитной карточкой чешской культуры, арт-объектами из стекла (Я.Котик, Р.Роубичек, С.Либенский, Я.Брыхтова), утвердившими мировую славу чешского художественного стекла, «Деревом игрушек» знаменитого кукольника, художника и кинорежиссера Й.Трнки, которое стало одним из наиболее при-

влекательных экспонатов выставки. Созданию единого театрализованного арт-пространства павильона во многом способствовали инновации сценографов Ф.Трёстера и Й.Свободы. Необходимо подчеркнуть, что всё оформление павильона и многие художественные объекты характеризовались активным использованием абстрактных форм, придававшим им столь ценную в те годы модерную эстетику авангарда, но уже не как самоцель, не как выражение индивидуальной экзистенциальности или протеста против нормативности, а как новый общественный дискурс, направленный на осуществление лучших устремлений человечества.

Абстрактное искусство, помимо стекла, было представлено в разделе изобразительного искусства. Он состоял из качественных работ официально признанных мастеров и творений молодежи, еще студентов. Именно в их произведениях абстрактная лексика заняла значительное место, что явно демонстрировало представление о том, что за этим искусством будущее. Аналогичная мысль прослеживалась в международной экспозиции «50 лет современного искусства», где классический чешский авангард был представлен абстрактными полотнами Ф.Купки, кубистическими работами О.Гутфройнда, Э.Филлы, В.Шпалы, сюрреализмом Й.Шимы. Почти все эти художники, подолгу жившие на Западе, были хорошо знакомы европейскому зрителю. Присутствие их работ в контексте общемировой выставки «нового искусства» маркировало интергацию в него и искусства чешского.

Концепция павильона также акцентировала верность современной чехословацкой культуры прогрессивным традициям, среди которых одно из главных мест занимала «народность» («лидовость»), т. е. сохранение традиций народной культуры и – шире – идентичности нации (в современной терминологии). Соединение «народности» с авангардизмом как плодотворный культурный синтез особо ярко продемонстрировали работы словацкого художника Л.Фуллы. На уровне ресторана павильона национально-репрезентативные функции выполняли пиво «Праздрой» и крепкий напиток «Бехеровка», имевшие большой успех у посетителей.

Участие Чехословакии на ЕХРО-58 не ограничилось международным успехом. Наиболее важно то, что оно оказало комплексное влияние на политическую, идеологическую, научно-техническую, общественную, собственно культурную и бытовую сферы жизни страны. Оно стало событием,

одним из главных поворотных пунктов на пути освобождения от догматизма и повторного включения Чехословакии в общеевропейский культурный контекст. «Брюссельский стиль» – это, как считают чешские искусствоведы¹⁶, не столько чисто стилистическое в строгом смысле явление, сколько художественно-идеологическое событие. Очевидно, к нему можно применить распространенный в нашей культурологии термин метастиль, более точно выражающий это явление.

Подводя итоги данного краткого рассмотрения трансформационных процессов, приведших к появлению нового культурно-идеологического дискурса в Чехословакии времен начала «оттепели», нужно констатировать следующее. Искусство сыграло большую роль в формировании нового общественного сознания. Эволюция общественных настроений в сторону демократизации началась именно в этой сфере. Закономерен вопрос, почему? Как представляется, по нескольким причинам. Во-первых, изобразительное и прикладное искусство невербально, поэтому имеет более широкое поле интерпретации и семантики. Во-вторых, чешское левое изобразительное искусство 1950-х гг. в целом не отказывалось от фигуративности (за исключением эксплозианизма В.Боудника), что сохраняло его широкую коммуникативность. Поэтому жупел «абстракционизма» (термин Н.С.Хрущёва) не мог быть в полной мере использован официальной критикой для дискредитации левого искусства в глазах зрителей, как это происходило в СССР. К тому же сам чешский абстракционизм, точнее, его элементы, имели не философско-экзистенциальный, а чисто декоративный характер. В-третьих, именно в сфере искусства сформировался новый дизайн, определивший облик бытовой культуры 1960-х гг., тот стиль шестидесятников, который маркировал новый способ мышления и общественного поведения. Этот стиль родился именно в Брюсселе, где чехословацкий павильон как никакой другой продемонстрировал возможность создания культуры социалистического общества с «человеческим лицом». Я не случайно использую это более позднее определение, так как именно с Брюсселя начался путь к «Пражской весне».

Брюссель-58 показал, что свобода художественного выражения и форм не противостоит доктрине коммунизма, наоборот, она подчеркивает ее современность, актуальность и обращенность к жизни общества. Из последнего тезиса вытекала акцентация в павильоне и вообще в чешском искусстве 1960-х гг.

прикладных сфер (архитектура, сценография, стекло, текстиль, книжный дизайн, промграфика, фотография, мода). Именно в них, бессюжетных, можно было, не боясь идейно-смысловой конфронтации с коммунистической властью, использовать авангардную лексику.

Трансформация чешской культуры от сталинизма к демократическому социализму осуществилась очень быстро, за два года (с 1956 по 1958), что свидетельствует об отсутствии в чешской культуре базы для социалистической культуры сталинского типа. Подтверждение этому – полуподпольное, «частное» (по современной терминологии чешского искусствознания) существование неофициального искусства, причем в широких масштабах, охватывающих художников нескольких поколений.

Эти выводы, носящие частный, конкретный характер, позволяют сделать ряд более принципиальных обобщений. В развитии чешского модернизма континуитет превалирует над дисконтинуитетом. Внутреннее развитие модернистского дискурса оказывается настолько прочным, что он экстериоризируется при первых же благоприятных обстоятельствах. Коммунистическая власть осознала, что модернистский дискурс – это оптимальный способ репрезентации страны в мире, поскольку «модерность» в художественной сфере, как и прогресс в науке и технике, является частью реноме современного государства. Эмансипация в культуре связывалась обществом с политическими мечтами, определявшими мышление молодого поколения. Так возникла связь левого искусства с идеями очищения коммунизма от сталинских деформаций, что возвращало чешскую культуру к «смычке» левого искусства и левой политики в 1920-е гг. (деятельность «Деветсила»). Смысл перемен в общественных настроениях расценивался как стремление показать себе и миру ценности чешской идентичности, прежде всего социально окрашенный чешский гуманизм с его вниманием к простому, обычному человеку. Несостоятельность, утопичность альянса левой культуры с «реальным социализмом» окончательно будет осознана гораздо позднее, в период «нормализации». В конце же 1950-х гг. именно такой союз понимался обществом как подготовка к более решительным переменам к лучшему.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Halík P. Padesátá léta // Dějiny českého výtvarného umění. D. V: 1939-1958. Praha, 2005. S. 279-292; Kramerová D. Otevírání cesty – světová výstava EXPO 58 v Bruselu // Dějiny českého výtvarného umění. D. VI/1: 1958-2000. Praha, 2007. S. 71-78; Lahoda V. Máj 57, Trasa a obroda modernismu // Ibid. S. 79-99; Kusák A. Kultura a politika v Československu 1945-1965. Praha? 1998; Chalupský V. Nové umění v Čechách. Praha, 1994; Česka kultura na přelomu 50. a 60. let / Ed. M.Judlová. Praha, 1992; Smutná léta padesátá // Prostor (Zlín). 1994, №5.
- 2 Klimešová M. Roky ve dnech. České umění 1945-1957. Praha, 2010.
- 3 Dějiny českého výtvarného umění. D. V: 1939-1958. Praha, 2005.
- 4 Цит. по: Nezval V. Jan Zrzavý // Jan Zrzavý. O něm a s ním. Antologie textů Jana Zrzavého a o Janě Zrzavém / Ed. K.Srp. Praha, 2003. S. 388-390.
- 5 Petišková T. Oficiální umění padesátých let // Dějiny českého výtvarného umění. D. V. S. 369.
- 6 Halík P. Op. cit. S. 287.
- 7 Подробно о ней см.: Lahoda V. Op. cit. S. 71-78. В 2007 г. на Пражском Граде прошла юбилейная выставка под названием «Skupina Máj 57. Úsilí o uměleckou svobodu na přelomu 50. a 60. let». Куратор – A.Primusová. Каталог не был издан. См. рецензию на эту выставку: Tučková K. Tvůrčí skupiny padesát let poté // Literární noviny. 2007, №51. S. 13.
- 8 Peřas F. Mladé umění? Na okraj výstavy skupiny «Máj 57» // Rudé právo. 22.7.1957; Šmíd J. Poznámky k výstavě mladých: Slova a skutečnost // Tvorba. 4.7.1957.
- 9 Mrkvička O. Mladí z Máje 57 // Literární noviny. 29.6.1957.
- 10 Petrová E. Trasa. Katalog výstavy. Litoměřice, 1991; Lahoda V. Op. cit. S. 92-94.
- 11 Brukner J. Krotká generace (Na okraj mladého výtvarnictví) // Květen. 1958. S. 496-497. См. также: Lahoda V. Op. cit. S. 96-97.
- 12 Lahoda V. Op. cit. S. 92.
- 13 Kramerová D. Op. cit., там же библиография темы.
- 14 Bruselský sen. Československá účast na světové výstavě EXPO 58 v Bruselu a životní styl 1. poloviny 60. let. Praha, 2008. Авторы концепции книги и кураторы выставки D.Kramerová, V.Skálková. Среди 14 авторов текстов следует выделить статьи таких известных специалистов, как D.Kramerová, V.Lahoda, J.Mlčoch, O.Palata.
- 15 Ibid. S. 5; Kramerová D. Op. cit. S. 75.
- 16
- 17 Machonin S. Z experimentu se rodí nové umění // Výtvarná práce. 1958, №11. S. 12; Chalupecký J. Za svět lidštější // Ibid. №13-14; Mičko M. O našem úspěchu v Bruselu // Výtvarné umění. 1958. S. 434-443.
- 18 Основные данные об участии «Чехословакии на EBPO-58 и оценки «брюссельского стиля» содержатся в публикациях: Bruselský sen...; Kramerová D. Op. cit.

Е. Калинова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В БОЛГАРИИ: НЕПРОСТЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ (СЕРЕДИНА 50-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 60-х гг. XX в.) *

Между двумя волнами десталинизации

В годы государственного социализма в Болгарии процессы, протекавшие в среде художественной интеллигенции, и ее отношения с управляющими кругами неизбежно испытывали влияние чисто политических факторов. Если на этапе народной демократии (1944-1947 гг.) политический плюрализм обусловил идейное и творческое многообразие, то утверждение сталинизма после 1948 г. сопровождалось установлением прямого контроля и диктата Болгарской коммунистической партии (БКП) в сфере культуры. Основные характеристики обоих периодов были заданы Москвой, а болгарские правящие круги точно следовали советскому примеру.

Наступившие в СССР после смерти И.В. Сталина перемены в политической и духовной сферах нашли отражение и в Болгарии. Активизация творческой жизни советской интеллигенции, равно как и некоторые изменения в болгарской политической жизни к середине 1950-х гг., вызвали определенное оживление среди болгарских интеллектуалов. Оно, однако, было слабым, непоследовательным и колеблющимся и проявилось, прежде всего, в среде писателей и художников. Одному из современников событий искусствоведа Димитру Аврамову принадлежит точная характеристика атмосферы тех лет: «В воздухе ощущалось что-то “новое” – не как реальность, а, скорее, как предчувствие: надежды на перемены и вместе с тем полная неизвестность. Никто не знал, что нас ожидает»¹. Умы находились в состоянии брожения, но шаги партийного руководства, направленные на ограничение попыток свободомыслия, долго насаждавшийся страх и отработанные механизмы партийного контроля делали дальнейшую эволю-

цию художественной интеллигенции на пути собственного раскрепощения весьма проблематичной.

Решающее значение для процессов обновления болгарской культурной жизни имел XX съезд КПСС и «секретный доклад» Н.С. Хрущева о преступлениях Сталина. Приведенные в нем факты вызвали сильное потрясение во всем восточном блоке. Болгарским ответом на первую волну десталинизации явился пленум в начале апреля 1956 г., на котором «болгарский Сталин» – Вылко Червенков был смещен с позиции фактического лидера партии и государства и объявлен виновником всех «прегрешений» предшествовавшего периода². Однако произведенная перестановка в руководстве имела косметический характер и была вызвана борьбой за власть в высшем эшелоне БКП при решающем влиянии поступавших из Москвы импульсов. В апреле 1956 г. первый секретарь ЦК БКП Т. Живков сумел укрепить свое положение в партии, но во главе исполнительной власти вплоть до 1962 г. оставался Антон Югов.

Самым важным итогом апрельского пленума следует считать не «смену караула» в партийных верхах, а вызванное им оздоровление атмосферы в стране и стимулирование открытой дискуссии по всем больным для общества проблемам. Среди части интеллигенции оживились надежды на завершение эры сталинизма, продолжение, с официальной санкции власти, попыток положить конец партийному диктату в культуре. На болгарскую интеллигенцию сильное влияние оказывала и доходившая информация о переживаемой в писательских кругах Чехословакии, Польши и Венгрии весной-летом 1956 г. «оттепели», хотя официальная власть относилась критически к этому процессу и стремилась блокировать каналы информации³.

Рост политической напряженности в указанных странах и усиление критических настроений в болгарском обществе⁴ вынудили руководство БКП принять охранительные меры. 6-7 сентября 1956 г. был созван пленум ЦК партии. Целью его, по определению Т. Живкова, было дать решительный отпор «нездоровым проявлениям» со стороны некоторых коммунистов, «забывших о том, что они являются членами партии» и выдвинувших лозунги против руководящей роли БКП и вмешательства ЦК в сферу культуры. Стрелы критики были направлены, прежде всего, против художественной интеллигенции – писателей и художников, а также против журналистов. Живков понимал, что дело заключалось не только в их личных обидах: критические настроения

* Перевела Т.В. Волокитина

были достаточно сильными, и этому обстоятельству следовало дать сколько-нибудь внятное объяснение. Форма, в какую это объяснение было облечено, была заимствована из партийного арсенала начала 50-х годов: борьба с классовым врагом и остатками буржуазной идеологии продолжается, носители чуждых настроений проникли в партию вследствие ее чрезмерной массовизации, и эти «случайные, чуждые и карьеристские элементы», вынужденные до апрельского пленума молчать, теперь «забыли, что состоят в организациях коммунистической партии, и болтают как дворовые сплетницы»⁵.

Венгерская революция, разразившаяся осенью 1956 г., подтвердила опасения болгарских руководителей, возникшие по ходу процесса либерализации, стала оправданием проводимого ими курса на ограничение и сдерживание перемен и явилась сильным стимулом для его закрепления. По мнению болгарских «десталинизаторов», еще в апреле 1956 г. страна пережила пик либерализации, и любое дальнейшее движение в этом направлении таило в себе опасность для всей системы. Дверь в демократическое будущее, начавшая было приоткрываться по «советам» из Москвы, демонстративно захлопнулась. Ставшее реальностью «затягивание гаек» в конце 1956 г. и усиленная пропаганда, объяснявшая события в Венгрии во многом настроениями национальной интеллигенции, внушали болгарской общественности, что главная угроза реставрации капитализма заключалась в «значительной концентрации вражеских элементов среди интеллигенции». При этом к пугающему призраку кружка Петёфи добавился эффект, произведенный на Западе разоблачением культа личности, а также и нестабильные внутривнутриполитические позиции Хрущева и Живкова.

В последующие пять лет, вплоть до новой волны разоблачения Сталина на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г., антисталинский пафос болгарских правящих кругов значительно ослабел, что не могло не отразиться на политике в области культуры и на отношении к творческой интеллигенции. Однако джинн из бутылки уже был выпущен, и возвращение интеллигенции в состояние начала 50-х годов оказалось невозможным. Социализм был «спасен», но тревога «верхов» в связи с очевидным оживлением в интеллигентских кругах сохранялась. Живков и его окружение оказались перед трудной задачей. С одной стороны, они должны были ввести интеллигенцию в определенные рамки, не выпустить ее из-под контроля партии, что обусловило преемственность

в тональности диалога и средствах воздействия, характерных для периода сталинизма. Вместе с тем, власть сознавала, что тем самым она еще сильнее оттолкнет от себя этот слой и разрушит собственный имидж обновителей, который заботливо создавала. Вот почему Живков, проявив острое политическое чутье, начиная с 1957 г. стремился дистанцироваться не только от манеры общения с интеллигенцией, свойственной В. Червенкову, но и от собственных грубых оценок 1956 г. При этом он не без основания рассчитывал подать себя в более выгодном свете.

1957 год начался с пленума ЦК БКП по усовершенствованию системы управления. В феврале было создано новое Министерство просвещения и культуры, сосредоточившее в своих руках руководство сферами образования, науки и художественной культуры. Возглавил его бывший министр просвещения Демир Янев. За короткий срок Министерство претерпело несколько реорганизаций, при которых не удалось избежать и министерской «чехарды»: за шесть лет существования ведомства до мая 1963 г. его руководители сменялись пять раз – на посту министра побывали Д. Янев, В. Червенков, Ж. Живков, Н. Папазов, Г. Ганев.

В 1957 г. партийное руководство предприняло попытку создать новые контролируемые каналы воздействия на интеллигенцию. Начала издаваться еженедельная газета «Народна култура» («Народная культура») (орган Министерства культуры), главным редактором которой был назначен член ЦК БКП Александр Обретенов. В апреле 1957 г. после длительных проволочек было получено разрешение на открытие в Софии Государственного театра сатиры, которому отводилась роль своеобразного клапана для выхода накопившегося в обществе недовольства, началось издание библиотеки «Стършел» («Оса») – серии книжек карманного формата сатирического содержания. В культурной жизни постепенно нашли свое место новые литературные журналы «Пламяк» («Пламя»), «Литературна мисъл» («Литературная мысль») и «Родна реч» («Родная речь»). Их издание было задумано еще после апрельского пленума 1956 г. с тем, чтобы создать трибуну для выражения различных мнений и проведения дискуссий. Уже в первом номере журнала «Пламяк» его создатели заявили, что будут бороться против любых «канонов применительно к литературному методу» и что их детище станет трибуной раскрепощенной писательской мысли. На страницах журнала стали появляться произведения

современных западных авторов, которых представляли читательской аудиторией молодые критики Минко Николов, Тончо Жечев, Цветан Стоянов, Атанас Натев⁶. В 1956-1957 гг. свет увидели произведения болгарских авторов, вызвавшие большой общественный резонанс не столько из-за своих литературных достоинств, сколько благодаря реальному, без прикрас, отображению действительности, – повесть Эмила Манова «Недостовверный случай», пьеса Тодора Генова «Страх», повесть «Семья Ласковых» и сборник рассказов «Холодный дом» Любена Станева.

Оживление, наступившее в литературе в 1957 г., поддерживалось стремительным вступлением в нее молодых и способных авторов. В беллетристике появились первые книги Николая Хайтова и Василя Попова, а Любомир Левчев, Владимир Башев, Дамян Дамянов, Пеньо Пенев многообещающе дебютировали в поэзии. Весной 1957 г. журнал «Септември» («Сентябрь») опубликовал антологию «Молодые поэты», отразившую изменившееся мировосприятие нового поколения – от «кроткого лирика» Дамяна Дамянова до «enfant terrible софийских литературных кафе», «непредсказуемого» Константина Павлова⁷. Само по себе явление «молодая поэзия», ставшее возможным в условиях «оттепели», оказалось столь значимым, что вызвало продолжительную, не лишённую политической окраски дискуссию в литературных кругах. Новое руководство в лице Георгия Джагарова – председателя Кабинета молодых писателей при Союзе болгарских писателей (СБП) поначалу поощряло «молодых», чтобы создать себе ореол борцов против сталинизма. Но в партийной оценке этих литераторов, как «талантливых, но лишенных идеалов», были заложены семена будущего конфликта⁸. До его возникновения, в обстановке большей свободы творчества молодые поэты вырабатывали свой индивидуальный художественный почерк. Одни проявляли склонность к самоанализу и созерцанию (Д. Дамянов, Слав Караславов). Другие (К. Павлов, Л. Левчев, Стефан Цанев) открыто выражали недовольство любыми формами опеки. А. Славов охарактеризовал этих литераторов, как «поэтов-интеллектуалов», которые, в отличие от «лириков», мыслили глобальными категориями, проявляли «буйство и агрессивность», ненавидели догматизм и были готовы бороться за освобождение интеллектуальной жизни от контроля бюрократической верхушки⁹.

Аналогичные процессы развивались и среди молодых писателей-прозаиков. Поначалу они демонстрировали единые позиции в поисках творческой свободы, но постепенно их разделили личные предпочтения. Одни (В. Попов, Л. Станев, Любен Дилов) откровенно критиковали недуги современности, не обходили острые проблемы и проявляли неподдельный интерес к литературным тенденциям, развивавшимся на Западе. Вследствие этого партийное руководство начало воспринимать их как потенциально опасных. В то же время другие прозаики (Николай Хайтов, Кольо Георгиев) уделяли особое внимание эмоциональным проявлениям, ностальгическим переживаниям, сельскому пейзажу и природе¹⁰. Таким образом, освобождение от единообразия, утвердившегося в годы сталинизма, вызвало к жизни целую гамму художественных пристрастий и проявлений, что в принципе являлось признаком нормализации в сфере культуры и обогащало литературную жизнь. С другой стороны, естественные различия неминуемо вели к оформлению отдельных направлений в творчестве, т.е. к разъединению. Этим обстоятельством воспользовалось новое руководство с тем, чтобы углубить различия, противопоставить литераторов друг другу и обеспечить себе поддержку тех, кому они покровительствовали. Такой подход, созвучный принципу «разделяй и властвуй», постепенно превратился в характерную черту живковизма в культурной политике. Особенно ярко он проявился в литературе, поскольку власть понимала, что писатели имели возможность непосредственно воздействовать на общественное мнение, а процесс раскрепощения в их среде зашел значительно дальше, чем в других сферах культурной жизни.

Еще в январе 1957 г. Политбюро ЦК БКП рассмотрело вопрос о проведении встречи с писателями, так как среди них имелось, по мнению «верхов», определенное «замешательство». Она состоялась 7 марта, отразив как новое размежевание внутри СБП, так и начальную стадию изменений в позиции Живкова. Материалы встречи производят сильное впечатление прежде всего в связи с изменившейся тональностью выступлений тех писателей, которые годом раньше ратовали за «оттепель», считались ее «голосами» – Людмила Стоянова, Эмила Манова, Челкаша, Крума Пенева. Постоянное давление со стороны властей предрержащих, поддерживаемое ими противопоставление общества и писателей принесли свои плоды. Выступивший первым, еще до открытой критики в свой адрес, Л. Стоянов долго оправдывался за свои, годич-

ной давности, призывы к писателям дистанцироваться от актуальной политики, если они хотят оставаться творцами. Эту, по его словам, «ошибку чувств, а не мыслей», Стоянов объяснил сложной обстановкой накануне и после апрельского пленума¹¹. Каялся, хотя и не так активно, Э. Манов, подчеркнувший, что после апрельского пленума он, принимая в целом его решения, все же испытывал «некоторые сомнения»¹².

На другом полюсе находились в писательской среде те литераторы, на которых партия могла твердо рассчитывать, – Ангел Тодоров, Орлин Василев и, особенно, Георгий Караславов. Поддержка партийного руководства придавала их позиции уверенность и наступательный характер. Они с готовностью называли имена «провинившихся», перечисляли их «грехи», в которых усматривали «отклонения от линии партии», требовавшие ожесточенной критики. В противном случае, считали эти писатели, допущенные ошибки и отклонения смогут укорениться и стать «линией»¹³. В отличие от Червенкова, который обычно лично подводил итог встречи и оглашал «приговор», Живков предоставил сделать это Караславу. Первый претендент на руководящий пост в СБП исполнил поручение с готовностью. Он подробно проанализировал сделанные по разным поводам заявления Л. Стоянова, Э. Манова, Эмилияна Станева и их единомышленников о свободе творчества и методе социалистического реализма, заявив, что отрицание последнего представляет собой «попытку оспорить право Партии руководить литературным сектором»¹⁴. Живков предпочел роль судьи, стоящего «над схваткой», склонного простить вольности 1956 года, поскольку, по его словам, «чтобы идти вперед, важно, какие позиции мы занимаем и что думаем сейчас»¹⁵. Тактика выжидания, пока писатели добровольно подчинятся требованиям партии, была удачно подкреплена увеличением финансирования СБП, несмотря на то, что в целом расходная часть государственного бюджета на 1957 г. сократилась¹⁶.

Зримые результаты, однако, задерживались, да и Хрущев подавал другой пример, которым Живков не мог пренебрегать, особенно в условиях обострявшейся борьбы за власть в руководстве БКП. В мае 1957 г. на двух встречах с представителями художественной интеллигенции советский лидер выдвинул лозунг укрепления ее связи с жизнью народа. Хрущев отметил колебания интеллигенции, которая неправильно поняла критику культа личности и акцентировала свое внимание только на темных сторонах и ошибках прошлого¹⁷.

(Показательно, что болгарское руководство раньше, чем советская сторона, заговорило об этом). Хрущев подчеркнул, что суть вопроса состоит в том, с каких позиций ведется критика, резко высказался по адресу некоторых авторов и редколлегий литературных журналов и заклеил попытки игнорировать руководящую роль партии в сфере культуры. Эти установки он повторил летом 1957 г. Для Живкова указанные выступления стали сигналом: пора отбросить тактику ожидания «идейной эволюции» интеллигенции и начать «затягивать гайки».

В конце 1957 г. власти сочли, что пришло время в очередной раз призвать писателей к порядку. В середине октября в редакционной статье газеты «Литературен фронт» был вынесен официальный приговор нескольким произведениям, опубликованным после апрельского пленума 1956 г. Речь шла о повестях «Недостовверный случай» Э. Манова и «Семья Ласковых» Л. Станева и сатирической пьесе Т. Генова «Страх». Эти произведения были охарактеризованы как свидетельства «нездоровых и чуждых нашей марксистско-ленинской идеологии... позиций», равно как и соответствующего поведения их авторов. Отважная попытка Э. Манова защитить на страницах этой же газеты свою гражданскую и творческую позицию вызвала резкую реакцию со стороны критиков, обслуживавших линию партии. Приступая к разгрому оппонентов, Иван Руж заявил о «недостаточной идейно-творческой подготовке» указанных авторов (к ним добавился еще Серафим Северняк), о влиянии на них ревизионизма и буржуазной литературы, «пустивших дикие побеги среди немалого числа писателей в Польше и Венгрии»¹⁸. Отныне прямого вмешательства ЦК БКП больше не требовалось: «правоверные» писатели и партийная организация СБП сами осуждали своих коллег, инкриминируя им, помимо прочего, «сдержанное отношение к социализму, к партии и ее деятелям». С этих позиций осуждению подверглись Э. Манов, Л. Стоянов, Борис Делчев, Тодор Генов (главный редактор журнала «Театър», в котором была напечатана пьеса «Страх»), Михаил Величков (автор положительной рецензии на пьесу), Кр. Пенев и Радой Ралин (сочинители «антипартийных афоризмов и эпиграмм») ¹⁹.

В январе 1958 г. ЦК БКП рассмотрел вопрос о новом руководстве СБП и высказался в пользу г. Караславова как его главы. К тому времени нажим на писателей уже начал давать результаты: Б. Делчев, М. Величков, Челкаш, Т.

Генов, Я. Молхов были вынуждены в течение февраля и апреля 1958 г. выступить с самокритикой на собраниях литераторов. Большинство писателей поддержали обвинения в адрес этих авторов. Кульминацией партийного наступления стала речь Живкова 8 апреля 1958 г. на годовичном собрании СБП «Теснее с народом, ближе к жизни» – аналог призыва Хрущева, прозвучавшего на вышеупомянутых встречах с интеллигенцией в 1957 г.²⁰ В начале речи Живков пространно объяснил, что апрельский пленум партии стал историческим не потому, что на нем был пересмотрен генеральный курс БКП на строительство социализма, а потому, что этот курс был подтвержден, были вскрыты отдельные серьезные ошибки и недостатки в его реализации²¹. Партийная политика в области литературы и искусства также всегда была правильной, несмотря на слабости и ошибки периода культа личности, и апрельский пленум не ревизовал ее сущность. В условиях стабилизации восточного блока после кризиса 1956 г. Живков мог позволить себе общение с интеллигенцией в спокойном тоне, без оскорблений и угроз, наоборот, не избегал комплиментарных высказываний, стремился быть предельно убедительным. Критически он оценил творчество только Э. Манова и Т. Генова, обвинив их в отклонении от социалистического реализма. Упреки в адрес литературных критиков были анонимными: Живков ограничился констатацией, что они вместо того, чтобы с энтузиазмом защищать соцреализм, набрали в рот воды или даже «повернулись на 180 градусов» и перешли к отрицанию того, что «раньше с такой же страстью утверждали»²². Как серьезную опасность для молодых литераторов Живков расценил вредные влияния модернистских и индивидуалистических школ. Претендуя на имидж руководителя-демократа, он заверил собравшихся, что ЦК выступает за широкие творческие дискуссии на основе марксизма, но не поощряет упорное «копание» в ошибках прошлого. Живков был категоричен в том, что компартия и ее ЦК будут руководить идеологическим фронтом, литературой и искусством так же, как и другими сферами общественной жизни²³. Иными словами, запугивание и приведение к порядку интеллигенции были прикрыты проявлениями озабоченности и умеренности. В этом плане заслуживает внимания характеристика тактических приемов партийных лидеров Червенкова и Живкова, данная много позднее Владимиром Топенчаровым – главным редактором газеты «Отечествен фронт», лишившимся своего поста за критические выступления. Говоря об отношении этих руководителей

к интеллигенции, Топенчаров писал: «Если Червенков, как правило, хмурился, то Живков улыбался. Если Червенков был резок и груб, то Живков – хитер и ловок. Если Червенков демонстрировал атакующий стиль и прямолинейность, то Живков – гибкость и изворотливость. Если при Червенкове неудобные и опасные для режима лица отправлялись в тюрьму, лагерь или на поселение, то при Живкове – на другую работу или в заграничную “ссылку”. Но принцип был один и тот же: эти люди удалялись с общественной сцены, как будто бы и не существовали вообще, чтобы не возникла никакая альтернатива существующей реальности. При Живкове репрессии над телом были заменены репрессиями над духом. Это нравилось ремесленнику, но все сильнее угнетало интеллектуала»²⁴.

В конце 50-х годов в литературной жизни наблюдались позитивные изменения – растущая заинтересованность писателей в объективном освещении проблем современности, более активное издание переводов произведений западных авторов, приход в литературу молодых амбициозных поэтов и критиков, дискуссии по вопросам критики и гласности, призванные сделать достоянием общества разные мнения и оценки. Эта ограниченная и робкая либерализация сосуществовала с умеренным, но постоянным давлением на литераторов. Заслужившие партийное порицание авторы принуждались к выступлениям с самокритикой на писательских собраниях. «Неудобные» авторы (Э. Манов, Б. Делчев, Г. Гочев, М. Величков, Челкаш, Р. Ралин, В. Акьов и др.) выведены из состава редколлегии газет, журналов и руководства издательствами, некоторым грозило исключение из партии, а органы Госбезопасности усилили наблюдение за ними²⁵. Ощутимыми были и перемены в отношении к молодым авторам. Руководство СБП настояло на чистке Кабинета молодых писателей от политически неблагонадежных лиц. Острой критике за «вредное содержание» были подвергнуты стихи Пеньо Пенева. Не выдержав нападков, поэт в апреле 1959 г. покончил с собой. Власти сразу же поняли, что эта смерть могла быть воспринята как прямое обвинение против их методов действия, и отреагировали мгновенно. Уже на гражданской панихиде член ЦК БКП писатель Ангел Тодоров дал творчеству поэта высокую политическую оценку, назвав покойного «поэтом коммунистического дерзновения». Таким образом, задействовав механизм мифологизации, партия оставила за собой оценки творчества поэта²⁶.

К середине 1959 г. писатели были уже в значительной степени «сплочены» и «приобщены» к политике партии. Секретариат и партбюро СБП применили с этой целью индивидуальный подход – провели беседы примерно со 120 писателями. На смену прежней критике и прямым обвинениям пришла терпимость к «прегрешениям» тех или иных писателей после 1956 г. Выступления с самокритикой означали в глазах руководства возвращение оступившихся на правильный путь, в партийную колею. Главный секретарь СБП г. Караславов охарактеризовал их творчество, как выражение неправильных мыслей и позиций, порожденных ошибочным смещением метода соцреализма и индивидуального стиля. При этом он отказался от прежних обвинений литераторов в «рафинированном ревизионизме» как «чрезмерных и неправильных», поскольку они вносили разброд в писательскую среду и создавали плохую атмосферу в Союзе²⁷. Караславов с удовлетворением констатировал, что СБП и Кабинет молодых литераторов изжили дразги и следуют указанным партийным курсом – идут «в низы, в народ» и отражают его жизнь.

Призыв Живкова быть «теснее с народом, ближе к жизни» был понят руководством Союза буквально, тем более что осенью 1958 г. болгарские правящие круги по китайскому и советскому примеру восприняли идею «скачка» к коммунизму. Это означало резкое ускорение экономического развития, главной, решающей силой которого, по убеждению партийного руководства, являлись энтузиазм и творческая энергия народа²⁸. На мобилизацию этих составляющих надлежало направить усилия пропагандистских структур, подчинить ей профессиональную деятельность художественной интеллигенции. Прозвучал призыв к писателям и поэтам отправляться на стройплощадки, на заводы и в сельскохозяйственные кооперативы, где чаще всего не было элементарных условий для работы²⁹. Вполне обоснованно Борис Делчев отметил в своем дневнике в начале 1959 г., что в подобном призыве «много лицемерия» и что ожидаемые от литераторов произведения нельзя создать, установив связь с трудящимися «по приказу»³⁰.

Таким образом, в конце 1950-х годов властям удалось в значительной степени «дисциплинировать» писателей. В других творческих союзах – художников, композиторов и др. – процессы обновления после 1956 г. протекали более медленными темпами, их представители почти не афишировали свои позиции, да и специфика этих жанров требовала большего времени на то, что-

бы отчетливо проявились новые тенденции. Поэтому в то время указанные творческие союзы не привлекали такого пристального внимания, как СБП, и упреки в их адрес были значительно слабее. Но уже в начале 1958 г. правящие круги проявили серьезную озабоченность положением дел в киноискусстве, хотя прежде состояние этой сферы, на развитие которой отпускались большие средства, вызывало, скорее, удовлетворение. Вслед за первым после 9 сентября 1944 г. художественным фильмом («Калин Орел», 1950 г.) были созданы картины на темы антифашистского Сопротивления, бригадирского движения, кооперирования деревни, «бдительности», экранизировалась классика, например, роман И. Вазова «Под иггом». «Оттепель» середины 50-х годов нашла отражение и в кино. В 1956 г. на экраны вышли две комедии на современную тему, создан первый болгарский цветной художественный фильм «Пункт первый» (режиссер Боян Дановски, сценарий Валерия Петрова), авторам которого удалось в поэтичной форме увязать тему мира с пробудившимся интересом к жизни простых людей. Стремление к жанровому и тематическому разнообразию реализовывалось в кинолентах с участием нового талантливого поколения актеров – Апостола Карамитева, Эмилии Радевой, Асена Кисимова, Невены Кокановой, Георгия Калоянчева, Георгия Георгиева-Геца.

Однако уже в первой половине 1958 г. власть настолько встревожили процессы в киноискусстве, что потребовалось вмешательство ЦК партии и лично Т. Живкова. Оно содержало в себе те же признаки атаки, предпринятой ранее против писателей, и вновь отразило характерную для первого секретаря ЦК тактику – запугивание при одновременном создании видимости невмешательства в творческий процесс. Тревога властей была обусловлена появлением фильмов, при оценках которых подчеркивались их безыдейность, чересчур интимный характер и отсутствие воспитательных функций в коммунистическом духе. Особенно разительно отличались от пафосных фильмов первой половины десятилетия киноленты «Жизнь идет спокойно» (режиссеры Христо Ганев и Бинка Желязкова, сценарий Хр. Ганева) и «На маленьком острове» (режиссер Рангел Вылчанов, сценарий Валерия Петрова). Авторы первой картины подняли сложную тему крушения идеалов, объединявших прежде товарищей-партизан, которые после 1944 г. пошли разными жизненными путями. Фильм был готов в 1957 г., но на закрытом просмотре члены ЦК негативно оценили эту работу, восприняли ее как удар по авторитету партии. Картина

«На маленьком острове» без излишней героизации и фальши рассказала о бегстве политзаключенных – участников Сентябрьского восстания 1923 г. из концлагеря на острове Св. Анастасии.

Чтобы блокировать нежелательные тенденции, ЦК БКП подготовил постановление о состоянии кинематографии. 19 февраля 1958 г. оно в соответствии с правилами «игры в демократию» было вынесено на предварительное обсуждение кинематографистов. Итоги обсуждения стали неприятной неожиданностью для руководства. Кинематографисты не только не проявили должного пиетета к спущенному сверху документу, но и резко отреагировали на содержащиеся в нем оценки. Целую гамму чувств – обиду, недоумение, огорчение – отразило выступление Хр. Ганева, по мнению которого, постановление, в случае его принятия в нынешнем виде, явится ошибкой и нанесет большой урон кинематографии³¹. Категорический протест Ганева вызвали и формулировки постановления о наличии в кинокругах нездоровой атмосферы, карьеризма, интриг, самоуспокоенности и нескромности, а также неоправданные обобщения, приводившие к общему знаменателю всю кинопродукцию. Ганев не прошел мимо опасного обвинения, что в Студии художественных фильмов якобы отсутствовал партийный дух. Другие выступавшие подчеркивали, что подобные оценки воспроизводились в печати (в контексте насаждавшихся в определенный период антиинтеллигентских настроений), создавая негативные общественные настроения, а «ЦК не говорит ни “да”, ни “нет” в ответ на газетные выступления»³². Все собравшиеся настаивали на конкретных оценках кинолента, на организации встречи членов Политбюро ЦК с кинематографистами (по примеру проведения встречи с писателями), чтобы партийное руководство смогло получить непосредственное представление об их настроениях.

Власть поняла, что необходимы срочные ответные меры. 22 марта 1958 г. Секретариат ЦК БКП провел первую встречу с кинематографистами. Для партийных деятелей она оказалась исключительно трудной. Поначалу Живков предоставил право критики секретарю ЦК Димитру Ганеву, который констатировал откат в развитии болгарского кино, вредные тенденции «объективистского, безыдейного, абстрактно-гуманистического раскрытия тем», а также сознательный уход кинодеятелей от требований партии. Конкретная критика была сосредоточена на двух вышеупомянутых фильмах – «Жизнь идет спо-

койно» и «На маленьком острове». По оценкам Ганева, в первом отразилось неверное представление о партизанах, а во втором сценарист В. Петров якобы подменил принцип партийности «некой отвлеченной гуманистичной» трактовкой проблемы³³.

Официальная оценка Секретариата ЦК, вероятно, не удовлетворила Живкова, и он выступил с пространной и эмоциональной речью. Болгарский руководитель заявил, что испытал сильное разочарование, поскольку двое критикуемых (Хр. Ганев и В. Петров) были коммунистами, которых он хорошо знал. Живков образно описал свои переживания во время закрытого просмотра фильма по сценарию В. Петрова: «Было очень тяжело. Мы едва выдержали и только в конце просмотра немного пришли в себя. Послушайте, как можно таким образом представлять наше движение в лице его передового авангарда! ... Подождали хотя бы 50 лет, пока все мы умрем, пока наше поколение забудет, пусть тогда снимают такие фильмы»³⁴. Живков объяснил «ошибки» В. Петрова его пребыванием в Италии в качестве атташе по культуре («Как же сильно его там заразили, что он сделал такой фильм!»). Что касается Хр. Ганева, то Живков усмотрел корень всех зол в его оторванности от жизни – в сельских кооперативах не бывал, на предприятия не выезжал поэтому и описал в своем сценарии действительность черными красками. Живков назвал оба фильма вредными, но, стремясь избежать традиций «времен» Червенкова, заявил, что Министерство культуры само решит, выпускать ли картины в широкий прокат, а ЦК якобы дал им «только» политическую оценку.

Большинство кинематографистов не поддались давлению. Борислав Шаралиев и Христо Ганев, защищая свои позиции, не побоялись вступить в открытую, острую полемику с Живковым. Шаралиев утверждал, что хотя указанные произведения и не являются шедеврами, но «это фильмы, позволяющие нам сделать шаг вперед»³⁵, и что оценка ЦК сознательно негативная. Он, как и Хр. Ганев, отверг обвинения в отрыве кинематографистов от жизни и непризнании ими руководящей роли партии. Оба указали на атмосферу недоверия, созданную людьми, отвечавшими за кинематографию по линии ЦК, но не имевшими ни малейшего представления о процессах, развивавшихся в этой сфере. Упорство Ганева и Шаралиева заставило партийных функционеров занервничать и прямо, без демагогических уверток, выразить свою позицию. Д. Ганев предупредил, что если фильм «Жизнь идет спокойно» выйдет

на широкий экран, то он будет раскритикован здоровыми партийными силами. Раздраженный Живков, уже явно не владея собой, заговорил на языке угроз: ЦК «возьмет за горло всех, кто политически разложился»³⁶.

После такой эмоциональной вспышки настала очередь безликих выступлений в поддержку линии партии. В конце встречи Живков, придя в себя, вновь в заботливой и доброжелательной манере постарался успокоить участников. Он пообещал, что партия «не начнет палкой погонять кинематографию», но потребовал оставить временные увлечения. Живков признал, что положение в кино не столь серьезно, как у писателей, «открыто выступивших в защиту ошибочных позиций»³⁷. Основания для подобного вывода имелись – при всей своей смелости кинодеятели не упомянули о свободе творчества и не выразили сомнения в методе соцреализма, хотя оба критикуемых фильма отразили именно такие тенденции.

Большая социальная роль кинематографа заставила партийное руководство, пока не поздно, «затянуть гайки». 5 июля 1958 г. ЦК БКП принял постановление о состоянии и развитии болгарской кинематографии. В нем повторялись ранее высказанные обвинения в игнорировании коммунистической идейности и партийности, абстрактном гуманизме и искажении действительности. Были поставлены также и указанные кинематографистами проблемы – примитивизме и схематизме в документальных и научно-популярных фильмах, о низком техническом уровне кинопроизводства, о слабой популяризации болгарской кинопродукции за границей и о недостаточной требовательности к идейно-воспитательным критериям при отборе иностранных фильмов для показа болгарскому кинозрителю. В качестве единственного допущенного к существованию творческого метода был определен социалистический реализм. Перечислялись темы, которые следовало раскрывать языком кино с партийных позиций, – современная жизнь города и деревни, борьба за национальное и социальное освобождение, семья и быт и даже комедийные, приключенческие и музыкальные фильмы, но в социалистическом духе³⁸.

1959 год ознаменовался серьезным успехом болгарского кино. Студия художественных фильмов совместно с киностудией «Дефа» (ГДР) выпустила в прокат кинофильм «Звезды» (режиссер Конрад Вольф) по сценарию Ангела Вагенштейна. Фильм воссоздавал эпизоды депортации евреев с побережья Эгейского моря в 1943 г. На Международном кинофестивале в Каннах фильм

был представлен от имени Болгарии и завоевал специальный приз жюри, отметившего актуальность поднятой темы. В последующие годы он стал единственным болгарским фильмом, закупленным западными кинопрокатчиками, и демонстрировался в Италии и Франции. В 1959 г. был создан Государственный киноархив (позднее: Болгарская национальная фильмотека). В конце 50-х годов усилиями, прежде всего, режиссеров Тодора Динова, Радки Бычваровой, Зденки Дойчевой, Стефана Топалджикова серьезных достижений добились и болгарское мультипликационное кино³⁹. Указанные режиссеры находились вне поля зрения партийного руководства, видимо, в силу того, что глава болгарской мультипликации Т. Динов пользовался его полным доверием, а, кроме того, этот вид искусства оставался не до конца понятным и оцененным партийными властями. Непосредственное воздействие и прямой выход художественных кинолент на массового зрителя обусловили внимание партийного руководства, в первую очередь, к этой сфере киноискусства и ее деятелям, в то время как работавшие в области мультипликационного кино художники остались без идеологического надзора.

В конце 50-х годов развивавшиеся в сфере изобразительного искусства процессы не создавали беспокойства для власти. Роль барометра, показавшего настроения художников, сыграла художественная выставка в апреле-июне 1957 г. При ее организации благоразумие отборочной комиссии взяло верх над творческим поиском, и выставка не поразила зрителя новаторским духом: «все те же иллюстративные и жанровые изображения, выполненные в старомодной академической манере», – отмечали современники⁴⁰. Однако и не допущенных к показу «спорных» картин было немного, и сам этот факт свидетельствовал о воздействии на болгарских мастеров художественных установок, характерных для периода сталинизма. Но, тем не менее, ощущались и перемены. Резко сократилось число «фотографических» изображений строек социализма, на смену которым пришли пейзажи и натюрморты, прежде заклеянные как аполитичные и безыдейные творения, как, впрочем, и картины на сюжеты из древней истории⁴¹. Место казенных портретов партийных функционеров заняли изображения простых людей, интересные воспроизведением психологического состояния героев. Вновь проявился интерес к наиболее ярким художникам межвоенного периода – Владимиру Димитрову-Майстора, Ивану Милеву, Борису Коцеву, Василу Стоилову, Златю Бояджиеву, Цанко Лавренову.

В годы сталинизма их произведения не соответствовали требованиям, предъявлявшимся к воспитательной функции искусства. Их новое «приоткрытие» для зрителя стимулировало процесс преодоления описательства.

В последующие годы ужесточение требований к художникам со стороны власти облегчалось происшедшим среди них расколом. Одним из поводов для столкновения стал вопрос об Академии художеств. В соответствии с партийным решением (март 1950 г.) от преподавания в Академии были отстранены художники яркого самобытного стиля – профессора Николай Райнов, Кирилл Цонев, Иван Ненов, Найден Петков. Остальные были вынуждены подчиниться, работать в соответствии с методом соцреализма и обучать на его основе своих воспитанников. В Академии нашлось место и не проявившим себя в творческом отношении лицам, но рьяно проводившим в жизнь линию партии. После 1956 г. художники, не связанные с Академией (Борис Делчев, Георгий (Джон) Попов, Георгий Павлов-Павлето), резко выступили против нее, указав не только на реально существовавшие слабости, но и отрицая стиль обучения, который подавлял «свойственную молодежи свободную дерзость»⁴². Острая критика заставила преподавателей Академии, в том числе Илию Бешкова и Илию Петрова, защищаться, притом, эмоционально. Споры велись по вопросам преодоления догматизма и упрощенчества при обучении студентов, при этом стороны не вдавались в рассмотрение причин, почему в Академии сложилась трудная ситуация. Раскол среди художников облегчил положение руководства вуза – оно взяло на себя роль арбитра и предложило удобную для партии формулировку: несмотря на имевшиеся в прошлом отдельные ошибки, в целом Академия стояла на позициях соцреализма, поэтому на ее деятельность нельзя смотреть только через «черные очки»⁴³.

В конце 50-х годов к положительным моментам в сфере изобразительного искусства следует отнести обращение к творческому опыту Общества новых художников. Сформировавшись как мастера кисти в 30-е годы под влиянием европейского модернизма, члены Общества в начале 50-х годов были обвинены в формализме, особенно после удара по одному из выдающихся его представителей – Александру Жендову⁴⁴. «Возвращение» к их искусству началось в 1958 г. через организацию выставок и чествований, а 21 июня 1958 г. было отменено исключение Жендова из партии. Однако реабилитация не стала полной: помешало личное участие Живкова в кампании против художника⁴⁵.

Была устроена выставка Жендова, но в печати не было и намека на случившееся в 1950 году.

Пробудившийся интерес к поиску новых творческих решений, хотя еще и осторожно проявлявшийся, внимательно отслеживался критиками, на которых партия возложила роль охранителей ее линии в искусстве. Партийное руководство вплоть до начала 60-х годов не проводило встреч с художниками, но его указания являлись призмой, через которую преломлялись все художественные проявления, получая соответствующую оценку. Провозглашенный Живковым на встрече с писателями 8 апреля 1958 г. лозунг «Теснее с народом, ближе к жизни» превратился в основной критерий оценки и объяснения процессов, протекавших и в изобразительном искусстве. Выставку софийских художников в конце 1958 г. официальные критики охарактеризовали как «рождавшую тревожные мысли»: среди работ преобладали пейзажи и натюрморты, а это, как считалось, свидетельствовало о «заметной оторванности значительной части наших художников от жизни с ее волнениями, тревогами, трудовым энтузиазмом и устремлением к светлому коммунистическому будущему»⁴⁶.

Все же в 1958-1959 гг. публичная критика приобрела значительно более мягкий характер и в обязательном порядке предварялась положительными оценками творчества художника. В условиях политической стабильности стремление Живкова привлечь к себе и сплотить людей искусства вписывалось в новый партийный курс, призванный обеспечить экономический «скачок» с последующим постепенным переходом к коммунизму. Исходя из этого, в мае 1959 г. секретарь ЦК БКП М. Григоров так определил место творческой интеллигенции в новых условиях небывалого ускорения – она должна еще сильнее соответствовать пафосу социалистического строительства, поскольку для создания серьезных произведений, воспитывающих и мобилизующих народные массы, одного дарования недостаточно⁴⁷. Самое важное для различных поколений художников, независимо от того, являются они членами партии или беспартийными, – это сплочение на основе политики БКП. Для достижения такой цели Григоров от имени ЦК заверил, что время резкого осуждения «отдельных нездоровых проявлений» в творческих союзах прошло и «полоскание старых ошибок, если они не повторяются, будет только помехой». Изменение позиции произошло в известной степени и под влиянием Москвы. После предпринятых в 1957 г. мер сфера культуры не особенно беспокоила

Кремль. На встрече с деятелями культуры в июле 1960 г. Хрущев заявил, что «ЦК доволен существующим положением» и что «гроза миновала»⁴⁸. Живков также утверждал, что имевшие место колебания после апрельского пленума 1956 г. «уже стали историей», и интеллигенция сплотилась вокруг БКП⁴⁹. Но это спокойствие нарушили драматические события нового десятилетия.

1960-е годы – противоречивое «сожитительство» власти и интеллигенции

В историографии 1960-е годы справедливо считаются временем противоречий. Диалог Восток – Запад уже начался, но свой отпечаток наложили на него Карибский и Берлинский кризисы и смена лидеров двух супердержав – США и СССР. Западные государства реализовывали новую американскую доктрину «наведения мостов» с советским блоком, что, с одной стороны, стало толчком к культурному обмену, но вместе с тем породило в коммунистических руководствах подозрения в «идеологической диверсии». Наступившее десятилетие отмечено усиленным стремлением восточноевропейских стран к либерализации экономики, за которой последовала и либерализация политических режимов. В этих условиях все сильнее звучал голос интеллигенции, требовавшей свободы творчества, и все учащались ее попытки отстаивать право на самостоятельный, свободный от партийной опеки поиск собственных путей. Эти процессы грозили выйти из-под контроля коммунистических партий, чьи руководители хорошо помнили венгерский кошмар 1956 года, а во второй половине 1960-х годов оказались перед испытаниями «Пражской весны». Ослабленные было идеологические «поводья» следовало вновь подтянуть с помощью знакомых требований верности социалистическому реализму, классовости и партийности. Компартии Восточной Европы ревниво охраняли свое «право» оценивать, какие факты и явления представляли собой «идеологическую диверсию» и сколь велика была их опасность для социалистического режима. Болгарское руководство также приняло защитные меры, причем сделало это под прямым влиянием Москвы. Политика Т. Живкова (в конце 1962 г. он сумел сосредоточить в своих руках посты первого секретаря ЦК БКП и главы правительства) в сфере культуры имела, однако, свои отличительные черты, позволявшие характеризовать ее как сочетание «кнута и пряника»:

привлекая интеллектуалов на свою сторону, власть, в случае если их действия выходили за установленные партией рамки, прибегала к таким испытанным методам из своего арсенала, как репрессии.

Десятилетие началось при достигнутом устойчивом равновесии в отношениях власти и художественной интеллигенции⁵⁰. Накануне перехода к реализации амбициозных экономических программ власти сознавали, что нажим на интеллигенцию с требованием следовать партийным предписаниям должен быть дозированным и действовать надо крайне осмотрительно. Интеллигенция, в свою очередь, поняла, что свобода имеет установленные партией границы и заплатить за нее придется дорого. В начале 60-х гг. в стране продолжается оживление литературной жизни. Изданы «Сатира» Константина Павлова с запоминавшимися, метафористичными стихами, сборник эпиграмм «Безопасные иглы» Радоя Ралина, рассказы Василя Попова, поэма «Мягкой осенью» и пьеса «Когда танцуют розы» Валерия Петрова⁵¹. Более интересным стало содержание уже упоминавшихся литературных журналов «Септември», «Пламя», «Литературна мисъл». В мае 1961 г. начала выходить газета «Литературни новини», публиковавшая произведения современных западных и ранее запрещенных болгарских авторов⁵². Возникают новые организационные формы поддержки и контроля творческой интеллигенции – кабинеты молодого писателя, молодого композитора, ателье молодого художника. С 1961 г. начал проводиться международный конкурс молодых оперных исполнителей. Внимание к творческой молодежи было не случайным: власть, рассчитывая привлечь их на свою сторону, проявляет терпимость к «увлечениям». В то время сильное влияние на молодых поэтов оказывали творчество и гражданская позиция советских поэтов Евг. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского. Особенно импонировало стремление последних напрямую общаться с аудиторией. Болгарские поэты также начали выступать в клубах, университетах, они в прямом смысле выходят на улицу. Любомир Левчев, Стефан Цанев, Константин Павлов и литературный критик Цветан Стоянов организовали «поэтическое шоу на колесах», с которым объездили всю страну. Повсюду их встречали с огромным интересом, особенно в студенческих кругах⁵³.

О значении таких явлений, как «молодая поэзия» и «свободный стих», говорит дискуссия, начавшаяся в литературных изданиях в 1961 г. и продолжавшаяся вплоть до 1963 г. В сущности, молодые поэты вновь открывают дорогу

vers libre, давно утвердившемуся в мировой поэзии и известному в Болгарии еще до Первой мировой войны. В условиях робкой либерализации в свободном стихе они видели возможность освободиться от «педантичного поиска определенного количества строк, точной литературной стопы, закругленной рифмы», создать поэзию «раскрепощенную, приближенную к простой человеческой речи, построенную на ассоциативной и образной мысли, на внутренней энергии слова»⁵⁴. Именно такими аргументами защищали свободный стих поэты и литературные критики Веселин Ханчев, Стефан Гечев, Владимир Башев, Борис Делчев, Стефан Цанев, критиковавшиеся за подражание западным образцам.

Интересные процессы развивались и в изобразительном искусстве: «пробудились» художественные центры на периферии, возродился интерес к фольклору и искусству Средневековья. Молодые художники усматривали в них возможности для творческого эксперимента и обновления изобразительных средств⁵⁵. Постепенно оживлялось и внимание общества к памятникам национального искусства, забытым и находившимся под запретом в ходе борьбы власти с религией. В журнале «Изкуство» («Искусство») участились призывы к спасению болгарской старины. В 1959-1961 гг. в нескольких европейских столицах экспонировалась уникальная выставка «Двадцать пять веков искусства болгарских земель», представившая изобразительными средствами далекого времени новый образ страны за рубежом. Преодолев косность «верхов», Национальная художественная галерея организовала впечатляющую выставку икон, которая с 1965 г. стала ядром постоянной экспозиции в крипте храма Св. Александра Невского в Софии. Возникает интерес и к художникам межвоенного времени, большинство которых в 50-е гг. были объявлены формалистами, попавшими под влияние западных модернистских течений. С большим успехом в 1960-1961 гг. прошли выставки Петра Младенова, Кирилла Цонева, Бенчо Обрешкова, которые в своем творчестве органично сочетали болгарскую культурную традицию и достижения западных художественных школ. Наряду с чествованиями в 1960 г. таких крупных живописцев, как проф. Никола Маринов, Дечко Узунев и Константин Штыркелов, эти вернисажи позволили молодому поколению сформировать свое понимание художественных традиций и пути, по которому возможно движение вперед. Дыхание обновления особенно сильно чувствовалось среди молодых художников Пловдива.

Опираясь на богатые культурные традиции своего города, Димитр Киров, Георгий Божилов, Йоанн Левкиев и др. смело искали свой индивидуальный художественный почерк, вызывая своими произведениями горячие споры. Партийные функционеры с опасением восприняли эти поиски, заявляя, что в своем стремлении к новаторству молодежь отходит от социалистического реализма, впадает в манерность, подражательство и формализм⁵⁶. Однако на стороне плодивчан выступили не только некоторые их коллеги из Бургаса, Русе, Плевена, но и руководство Союза болгарских художников (СБХ) во главе со Стояном Сотировым, Александром Обретеновым, Борисом Ивановым. Позиция этих мастеров, сформировавшихся под влиянием созданного в 30-е гг. Общества новых художников и проповедовавшегося им модернизма, резко контрастировало с поведением руководителей Союза болгарских писателей (СБП), приближенных к высшим партийным структурам: для указанных художников поиски нового и его защита были выстраданным убеждением⁵⁷.

Способ, которым власть намеревалась реагировать на нежелательные веяния, не был простым: предстояло проявлять бдительность, но не насаждать «старые догмы», быть терпимыми к деятелям искусства, подавшимся «увлечениям», но не допускать колебаний, чреватых «отходом от правильной линии»⁵⁸.

6 марта 1961 г. открылась Национальная выставка молодых художников. Это событие ожидалось с огромным интересом, как первое масштабное выступление молодого поколения и как своего рода лакмусовая бумажка, проявляющая отношение к ним зрелых мастеров и представителей власти. Высокую оценку критики и специалистов получили работы Светлина Русева, Георгия Баева, Ивана Филчева, Атанаса Пацева. Но прозвучали также и упреки в претенциозности, псевдоноваторстве и «подражательстве иностранным мастерам, выросшим в другом мире, носителям другого мировоззрения»⁵⁹. Национальная выставка молодых художников, так же, как и открывшаяся 12 февраля 1962 г. в Софии Всеобщая выставка провинциальных художников (80 работ от семи окружных объединений), продемонстрировали новое положительное явление – расширение «географии» изобразительного искусства. Целое поколение талантливых художников не только начинало свой творческий путь в провинции, но и продолжало там работать. Поддержку им оказывало руководство СБХ и многие известные столичные искусствоведы, а на местах –

партийные и административные органы, от которых зависело решение многих бытовых вопросов. Стимулом для этих мастеров служил и растущий интерес в обществе к их работам. В такой обстановке выросли г. Баев (Бургас), Св. Русев (Плевен), Ив. Филчев (Ловеч), Иван Кирков (Асеновград), художники Пловдива, некоторые из которых стали символами не только своих родных мест, но и всего болгарского искусства. Наступившее оживление отражали не только экспонировавшиеся полотна, но и высокий градус обсуждений представленных работ. Искусствовед Димитр Аврамов вспоминал позднее: «Тогда нас волновала судьба каждой картины. При отсутствии элементарных условий для свободного политического волеизъявления принятие или отбрасывание какого-либо произведения, автора, стиля являлись скудной возможностью открыто противостоять тупости, догматизму и ретроградству и защитить свободу личного выбора»⁶⁰.

Тревожным для партии явлением по-прежнему оставалась разобщенность в рядах художников. В значительной степени это было связано со старым, насчитывавшим почти десяток лет, противостоянием между преподавателями Института изобразительных искусств и руководством СБХ: «в Институте считали, что Союз не способен противостоять влиянию Запада, а в Союзе утверждали, что деятельность Института засушивает искусство»⁶¹. Отсюда происходили различия в отношении к периоду культа личности и новациям, в их оценках и, в конечном счете, деление художников на «молодых» и «старых». Власть настаивала на необходимости «устранить неизжитые настроения прошлого», с тем, чтобы мастера не отклонялись от своего долга превратить искусство в важный фактор идейного и эстетического воспитания. Такой подход, безусловно, был призван обслуживать интересы правящей партии, но, в то же время, способствовал созданию большей терпимости среди художников.

В меньшей степени в это время беспокоило руководство развитие музыкального искусства и кинематографии. Упреки власти относились по большей мере не к композиторам, а к исполнителям эстрадной музыки. 4 марта 1961 г. секретарь ЦК БКП по идеологическим вопросам Митко Григоров так инструктировал секретарей окружных комитетов партии, отвечавших за агитацию и пропаганду: «Мы должны положить конец бурному потоку таких современных танцев, такого джаза, которые полностью являются проявлением западного искусства». Однако время выступлений с поднятым забралом уже прошло, и Гри-

горов счел нужным оговориться: партия вовсе не против танцевальной музыки и джаза, но не может допускать при исполнении «кривляния и воя»⁶².

В сфере киноиндустрии пока еще нет тревожных явлений – производство фильмов остается на хорошем уровне (в 1960 и 1961 гг. состоялось по девять премьер), их тематика охватывает жизнь рабочего класса, болгаро-советскую дружбу, равно как и обязательную тему «героической борьбы против фашизма во главе с коммунистической партией»⁶³. Усилия, направленные на достижение жанрового разнообразия, также приносят свои плоды. Но партийные цензоры уже начеку: жестко контролируют проникновение «западного влияния», фиксируют случаи «неправильного» раскрытия особо чувствительных для «верхов» тем. Запуск в производство и остановка фильмов происходят вне творческой сферы. В 1961 г. такая участь едва не постигла фильм Бинки Желязковой «А были мы молодыми» по сценарию Христо Ганева, посвященный антигитлеровскому сопротивлению. Эта работа отразила попытку с высокой степенью поэтической условности философски осмыслить феномен сопротивления с позиций современности. На художественном совете фильм почти единодушно был признан достижением болгарского киноискусства, но вокруг него сразу же возникла «закулисная атмосфера подозрения», намеков, что он-де являет собой «некую францужско-итальянскую мешанину»⁶⁴. Тем не менее, на международном кинофестивале в Москве картина получила золотую медаль, и это открыло ей дорогу на болгарский экран. Подозрение вызвал и киносценарий Валерия Петрова «Солнце и тень». Посвященный актуальной антивоенной теме, он отличался необычной, яркой метафоричной стилистикой, что и вызвало опасения цензоров: «налицо буржуазная контрабанда, нечто, что компрометирует наше киноискусство»⁶⁵. Работа кинорежиссера Рангела Вълчанова была продолжена лишь после того, как известные советские кинемастера высоко оценили сценарий. Страх перед поэтической условностью, модным на Западе «абстракционизмом» обусловил и вмешательство цензуры в мультипликационное кино. В 1961 г. фильм «Дуэт» – режиссерский дебют Тодора Динова по собственному сценарию (в соавторстве с другим режиссером фильма Доню Доневым и Ангелом Павловым) – был отклонен несколькими сценарными советами с обвинениями в абстрактной манере показа в нем «мирного совместного существования»⁶⁶. Однако подобное вмешательство в сфере мультипликации происходило редко, в силу чего здесь имелись серьез-

ные достижения – работы Тодора Динова, Румяны Бычваровой, Зденки Дойчевой, Христо Топузакова, Стефана Топалджикова.

Таким образом, можно констатировать, что в начале 60-х гг. установилось равновесие в отношениях между властью и интеллигенцией – активность последней не переходила опасных для руководства границ, а партийное давление внимательно дозировалось.

Перемены наступили после очередного витка разоблачения культа личности Сталина, предпринятого Н.С. Хрущевым на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. Делегаты съезда приняли решение о выносе тела бывшего вождя из мавзолея. Общественная реакция в Болгарии на продолжение процесса десталинизации в СССР оказалась более сильной, чем в 1956 г., в том числе и потому, что эти годы не прошли даром для интеллигенции, и антисталинский пафос отвечал ее надеждам. Действия Хрущева придали смелости Живкову, приступившему под предлогом борьбы со сталинизмом к устранению политических конкурентов. В ноябре 1961 г. на пленуме ЦК БКП Живков объявил, что разъяснительная работа в связи с культом личности в Болгарии не доведена до конца и «огромное историческое значение» апрельского пленума ЦК БКП 1956 г., не понято⁶⁷. (Напомним, что на апрельском пленуме В. Червенков был снят с постов главы правительства и фактического руководителя БКП, а в качестве нового лидера партии утвердился Т. Живков).

Вторая волна десталинизации внесла оживление в ряды художественной интеллигенции. Своей высшей точки этот процесс достиг в 1962 г. в связи с решающей фазой борьбы Живкова за овладение государственной властью (на сей раз с этой целью он отстранил с поста главы правительства А. Югова). В этой борьбе Живков особенно рассчитывал на интеллигенцию. От нее требовалось напомнить обществу о пороках и преступлениях периода культа личности, с этих позиций «оценить» апрельский пленум и роль Живкова по их разоблачению и стать надежной опорой нового лидера. Именно с этой целью в феврале-апреле 1962 г. Живков провел встречи с руководством творческих союзов, но, в отличие от встреч 1956 г., они не были простым партийным инструктажем, а явились для части интеллектуалов демонстрацией раскрепощенного мышления.

Первая встреча, в которой участвовали члены ЦК, состоялась с композиторами и музыковедами 6-7 и 9 февраля 1962 г. Секретарь ЦК М. Григоров при-

звал к «откровенному разговору» о последствиях культа личности⁶⁸. Задать тон обсуждению был призван доклад главного секретаря Союза композиторов Ф. Кутева. С этой целью оратор напомнил о случаях фаворизации отдельных музыкальных деятелей «болгарским Сталиным» – В. Червенковым, об отражении в Болгарии пресловутого постановления ЦК ВКП(б) о музыке (речь идет о постановлении от 10 февраля 1948 г. об опере В.И. Мурадели «Великая дружба», объявленной примером формализма, в этом же постановлении как представители «антинародного формалистического направления» были осуждены композиторы Д.Д. Шостакович, С.С. Прокофьев, А.И. Хачатурян)⁶⁹, о редакционной статье «Вредное произведение» в центральном партийном органе газете «Работническое дело» (1952 г.), буквально разгромившей оперетту Парашкева Хаджиева «Деляна». Кутев подчеркнул, что постановление ЦК ВКП(б) было «механически перенесено» в Болгарию и привело к появлению догматических оценок творчества известных западных и советских композиторов, а статья в «Работническое дело» парализовала развитие музыкально-сценических жанров вплоть до 1956 г. Вместе с тем в очередной раз Кутев раскритиковал «группу [композиторов], которая пишет музыку под влиянием чуждой нам эстетики» (речь шла о Константине Илиеве и Лазаре Николове, которые, начиная с 1948 г. не прерывали обвиняться в разрыве с национальной традицией и реализмом и в увлечении западными музыкальными течениями). Кутев на сей раз связал их имена с вопросом о новаторстве в музыке, выразив партийную установку на этой счет – истинным новатором может считаться лишь тот, кто вдохновляется в своем творчестве «великими идеями современности, ярко выраженными в программе, принятой на XXII съезде КПСС». В противном случае, указал оратор, перед нами – «жалкий эпигон, пережевывающий обветшавшие течения упадочной буржуазной музыки»⁷⁰.

Итак, тон дискуссии был задан... Однако в первые два дня участники встречи явно не могли настроиться на нужный лад. В выступлениях композиторов Любомира Пипкова, Тодора Попова и Марина Големинова, поднявших голос в защиту раскритикованных Илиева и Николова, на передний план вышли вопросы о праве свободы творчества, о творческом поиске. Особый интерес вызвало выступление Илиева, впервые получившего возможность открыто выразить свою творческую и гражданскую позицию. По его словам, более всего угнетало композитора то, что цензура перекрывала дорогу его произведениям к

широкой аудитории, лишила возможности профессиональной оценки. Заканчивая выступление, Илиев четко выразил свое верую: «Я думаю, что в одном мы можем себе признаться – в доблести отстаивать то, во что верим... Лгать в искусстве, угодничать перед кем бы то ни было – этому не бывать...»⁷¹

Нежелательные отклонения в дискуссии были устранены в последний день встречи, когда слово получили главным образом обладатели руководящих постов в музыкальной жизни. Они критиковали период культа личности, уточняя при этом, что постановление ЦК ВКП(б) 1948 г. все же не следовало полностью отбрасывать, поскольку оно содержало правильные постановки о социалистическом реализме, что заложенные в этом методе требования «большой мелодичности, ... связи с современностью, культивировании ряда жанров, которыми пренебрегают формализм и Запад», не потеряли своей актуальности⁷². Трои руководителей Союза композиторов оспорило аргументы К. Илиева и выступивших на его стороне музыкальных деятелей. Лейтмотив заявлений руководства – нельзя позволять Западу диктовать направления, по которым будет развиваться болгарская музыка.

Встреча закончилась обязательным заключительным выступлением М. Григорова, предупредившим, что оно согласовано с Т. Живковым. Григоров, хотя и сделал упор на знакомые всем заявления, что партия будет по-прежнему руководить «идеологическим фронтом», все же смягчил позицию. Он подчеркнул, что вмешательство ЦК в решение специфических творческих вопросов не будет. Главное, чтобы деятели музыкальной культуры, различаясь по творческой манере, возрасту и иным признакам, не противостояли бы друг другу, демонстрировали взаимное уважение, а в критике опирались на убеждение. За кажущейся терпимостью, однако, без труда угадывалась прежняя твердая позиция, что инакомыслию и свободному выбору методов творчества места нет, что носители подобных настроений будут возвращены на партийные позиции, хотя и более мягкими средствами, нежели ранее. Это стало ясно и по рекомендациям Григорова в отношении Илиева и Николова – дать им возможность представить свое творчество перед специалистами и широкой публикой, организовать обсуждение. Партийный функционер был уверен, что в результате этим композиторам будет преподан «хороший урок»⁷³.

Вопреки обещаниям, что ЦК БКП не будет вмешиваться в творческие вопросы, Григоров дал установки по всем вопросам: новаторства, которое должно

выражаться не в форме, а в тематике; выразительных средств, которые могут быть разнообразными, но с учетом, что «абстрактными формами описать нашу социалистическую жизнь нельзя»; эстрадной музыки, которая должна развиваться, при том, что песни не должны быть «слащавыми и лишенными содержания», а их исполнение «безжизненным, заунывным и извращенным»⁷⁴. На такой ноте закончилось обсуждение, начавшееся в приподнятом и откровенном духе.

Вторая встреча представителей высшего партийного руководства с творческой интеллигенцией состоялась 9 и 13 марта 1962 г. На сей раз объектом внимания «верхов» стали деятели Союза киноработников. Встреча проходила аналогичным образом. Начальник Управления кинематографии Венелин Коцев напомнил о постановлении ЦК БКП о кинематографии от июля 1958 г., которое сыграло «исключительно благотворную роль» для преодоления отклонений от метода соцреализма⁷⁵⁻⁷⁶. По словам Коцева, фильмы на современную тему не оказывали нужного воздействия на зрителя, поскольку киномастера обращались к негативным явлениям и второстепенным для партии проблемам. Дебаты развернулись в конце встречи, в выступлениях тех деятелей, чьи работы после 1956 г. подверглись критике. Серьезные негативы, наблюдавшиеся в этой сфере искусства, выступавшие связали со страхом «верхов» перед возможностью крушения искусственно созданных стереотипов и навязанных партийными органами и самоцензурой требований следовать им. Эмил Петров охарактеризовал подобные настроения как «примитивизм гражданской позиции авторов», а Рангел Выханов с грустью констатировал, что из-за самоограничений в творчестве они «отвыкли летать»⁷⁷. Но резче всего разошлись присутствовавшие в оценках постановления 1958 г. В выступлениях писателей Эм. Петрова и Павла Вежинова, режиссеров Выло Радева и Христо Ганева раскрывались негативные последствия реализации этого документа на практике. Поскольку постановление было принято не при Червенкове, а при Живкове, критике подвергалось уже «апрельское» руководство, и это для новых лидеров было самым неприятным. Отчетливо проявившееся прохладное отношение к постановлению контрастировало с надеждами большинства участников встречи на перемены, пробужденными XXII съездом КПСС. Сценарист Анжел Вагенштейн заявил, что художники восприняли его решения «не только разумом, но и сердцем, как личную судьбу», с упованием, что принятые документы не окажутся только «конъюнктурой и временным тактичес-

ким ходом», а поэт и сценарист Валерий Петров напомнил, что коль скоро Болгария следовала за Советским Союзом «и в его ошибках», то тем более нужно это делать ныне, поскольку там [в Москве] находятся «на правильном пути»⁷⁸.

В конце встречи слово взяли участники, почувствовавшие (или заранее проинформированные), что хотят от них услышать партийные руководители, а М. Григоров напомнил, что «ЦК не может отречься от своего права и обязанности руководить идеологическим фронтом, и это обсуждению не подлежит»⁷⁹. Отсюда, по его мысли, проистекало и категорическое неприятие критики постановления 1958 г.: документ сохранял свою актуальность, так как, «будучи принятым после Апрельского пленума, исходил не из догматических установок, а из наших партийных, марксистских позиций». Другая установка в выступлении Григорова была обусловлена переменами после XXII съезда, а также и пониманием Живковым необходимости «отпустить поводья» и отграничиться от времен Червенкова. Григоров подчеркнул, что партия с доверием относится к деятелям культуры и даже готова простить им некоторые ошибки в творческих вопросах. Преодоление заблуждений должно идти по пути убеждения. Оратор, однако, сразу же поставил ограничительные рамки: «Свобода означает поиск новых способов, как с партийных позиций ярче показать все позитивное и в идейном, и в художественном отношениях, двигать вперед нашу кинематографию»⁸⁰.

Близкую по содержанию речь Григоров произнес на встрече с художниками 21-23 марта 1962 г. Очередной призыв к критике культа личности напомнил присутствовавшим о расправе с Александром Жендовым⁸¹, о постановлении 1950 г. о Художественной академии⁸². В отличие от встреч с композиторами и кинематографистами, остро критический тон был задан председателем СБХ Стояном Сотировым, который в годы культа личности сам стал мишенью для ударов властей. Сотиров назвал имена тех, кто, руководствуясь карьеристскими побуждениями, нанесли большой вред искусству и чьими жертвами стали некоторые выдающиеся художники⁸³. Ст. Сотиров, Никола Мирчев, Мара Цончева, Марко Бехар категорически утверждали, что направления в изобразительном искусстве определялись людьми с «подчеркнуто низкими творческими возможностями». Силу им придавала поддержка со стороны ЦК БКП, и поэтому напоминание выступавших об этих лицах, уже отстраненных от ру-

ководства СБХ, отражало опасения повторения пройденного: появления в руководстве Союза бездарных, но преданных новым партийным лидерам фигур, претендующих на определение путей развития изобразительного искусства.

Если на встрече с мастерами кино основной темой было развитие отрасли после апрельского пленума 1956 г., то художники сосредоточились на обсуждении негативных последствий культа личности. Среди них важное место заняло вышеупомянутое постановление ЦК БКП 1950 г. о Художественной академии, создавшее конфликт между преподавателями академии и художниками, длившийся более 10 лет. Все выступавшие на встрече были единодушны в отрицательном отношении к этому документу, а так как он был связан с В. Червенковым, то партийное руководство также не выступило в его защиту (в отличие, напомним, от постановления 1958 г. о кинематографии). На встрече активнее всего обсуждались вопросы новаторства, права на творческий эксперимент и поиск личного творческого почерка, отношения к западному искусству. Раскрепощенное мышление части художников отразил доклад Ст. Сотирова, что подчеркнуло актуальность вопроса об устранении назойливого вмешательства в творческий процесс со стороны невежественных «опекунов» и восстановлении права художника «быть оригинальным, самобытным, думать своей головой»⁸⁴. В защиту молодых выступили Богомил Райнов, М. Цончева, Христо Нейков, М. Бехар. Они настаивали на том, чтобы дать простор молодому поколению, не ограничивать поиски нового требованиями слепо придерживаться традиции, чтобы бдительность перед лицом западных влияний не была чрезмерной. Однако новаторство как лозунг не отрицалось и партийным руководством, провозгласившим себя, между прочим, новаторским. Поэтому для некоторых художников декларации о приверженности всему новому являлись не столько внутренним убеждением, сколько выражением согласия с партийной линией.

Встреча в ЦК БКП с «творческим активом» СБП отличалась наибольшей продолжительностью (она проходила 11-13 и 18-19 апреля 1962 г.) и самым сильным столкновением различных позиций. В ней приняли участие около 80 человек, причем больше половины выступили в дискуссии. Присутствовал на встрече и Т. Живков. Отразившиеся в дискуссии позиции сторон определились еще в конце 1950-х гг. Одну выразил главный секретарь Союза писателей Георгий Караславов, открывший своим докладом встречу. Он высказал

обвинения в адрес «маленькой, но исключительно активной, непримиримой и агрессивной группы», чья «оппозиционная» деятельность срывает все попытки конструктивной работы в Союзе⁸⁵. В составе этой группы – постоянные, на протяжении 5-6 лет, «обвиняемые» (и наказываемые) Эмил Манов, Пенчо Данчев, Стоян Каролев, Борис Делчев и оказывавшие им поддержку Давид Овадия, Людмил Стоянов, Валерий Петров. Их «грехи» заключались в высказанных после апрельского пленума 1956 г. требованиях созыва съезда партии и избрания нового ЦК. Данная позиция была расценена как «бурная и буйная атака на линию ЦК»⁸⁶. Гнев Караславова объяснялся также и критическим отношением этих писателей к руководству СБП.

С оценками главного секретаря выразили согласие Ангел Тодоров, Димитр Методиев, Андрей Гуляшки, Славчо Васев, Павел Матев. По их мнению, недостаточно говорится о коммунистической идейности, а если и говорится, то, как будто, о «чем-то обветшалом». В результате возникают случаи, как с поэтом Константином Павловым, у которого «молодость отступает перед скепсисом», или Йорданом Радичковым, которого «захватили и перехвалили», и он начал терять «политический взгляд, социальное чутье»⁸⁷. Так на встрече откровенное обслуживание линии партийного руководства получило многогласное выражение. Вместе с тем, пространные выступления Э. Манова, Невены Стефановой, Благи Димитровой, Божидара Божилова, Петра Пондева позволяют проследить надежды и терзания и другой части писателей. Особо интересно было выступление раскритикованного Манова. Он обрисовал положение в СБП после апрельского пленума 1956 г. – стремление части писателей демократизировать внутрисоюзную жизнь и противодействие этим намерениям со стороны их оппонентов, надеявшихся сохранить монополию в литературной политике. Самому Манову вторая волна десталинизации придала новые силы. Пережив многие нападки и несправедливости, он откровенно рассказал о них, чтобы проиллюстрировать методы руководства СБП, «с единственным желанием, чтобы это не повторилось никогда и ни с кем»⁸⁸. Манов указал на недостижимость руководства Союза для критики, сведение любых попыток выразить несогласие с ним к посягательству на линию партии, безоглядный карьеризм и абсолютную нетерпимость к инакомыслящим. Свои надежды писатель, как и часть других литераторов, связывал с необратимостью перемен после XXII съезда КПСС.

Пятидневные дискуссии завершились заключительным словом Т. Живкова, в котором, в отличие от речей М. Григорова на встречах с композиторами, кинематографистами и художниками, отсутствовали указания по обсуждавшимся вопросам. Выступление Живкова являлось, скорее, репетицией открывавшегося на следующий день пленума ЦК БКП по идеологии. Партийный лидер не хотел вставать ни на чью сторону в возникших спорах. Цель выступления – подчеркнуть собственные заслуги в борьбе с Червенковым и его культом, чтобы она не выглядела как результат внушения Москвы. С этой целью Живков рассказал, как еще до кончины Сталина создал в Политбюро «ядро», которое на апрельском пленуме начало борьбу против культа, но не «фронтально», а «обходными маневрами», оставив Червенкова в составе руководства. Причина заключалась в наличии «центробежных сил» в ЦК, группировавшихся вокруг оргсекретаря Георгия Чанкова (в сущности, конкурента Живкова в борьбе за лидерство. – Е.К.), и экономических трудностей. Эти препятствия уже преодолены, и «мы и без XXII съезда пошли на мероприятия» по расчистке последствий культа личности^{cf}. Разъяснив эти вопросы, Живков направил внимание присутствовавших на тех, кто активно участвовали в проведении политики партии во время культа: «Будет неправильно, если мы сейчас возьмем дубину и начнем ею размахивать. Неправильно будет громить авторитеты, созданные нашей Партией...» Заигрывание Живкова с писателями достигло апогея: «Мы считаем, что всем известным нашим писателям необходимо гарантировать такое содержание, чтобы они могли полностью отдаться работе. Мы – государство. Чего бы это ни стоило государству, оно им это обеспечит...»⁸⁹.

Встречи ЦК БКП с представителями творческих союзов прошли при высокой активности и откровенности со стороны интеллигенции. Этому способствовала атмосфера критики и тактика руководства БКП. Оно призвало к откровенному разговору, без ограничений числа выступавших и терпеливо выслушало всех. Т. Живков и его окружение уловили преобладавшие настроения и умело их использовали. Важную роль в этом отношении сыграл состоявшийся 20-21 апреля 1962 г. пленум ЦК БКП по идеологическим вопросам. Основной доклад и заключительное слово на нем Живков поручил сделать М. Григорову. Готовившаяся схватка с окружением Червенкова обусловила курс на отказ от непосредственного командования интеллигенцией, на ее завоева-

ние как союзника. Григоров заверил творческую интеллигенцию, что партия полностью ей доверяет и будет осуществлять свою руководящую роль без грубого вмешательства. Раздутые штаты идеологических отделов и инструкторов ЦК и партийных структур на местах по советскому примеру предстояло заменить на широкие по составу комиссии или актив из числа известных деятелей, действовавшие на общественных началах⁹⁰. Творческие союзы предполагалось наделить большей автономностью, устранить бюрократизм, сделав ставку на периодически обновлявшееся коллективное управление. Под влиянием выступлений Григоров был даже готов преодолеть традиционное недоверие по отношению к неформальным группам. Он настаивал: «Если некоторые лица собираются для обсуждения каких-либо вопросов, не следует подозревать их в создании фракций», поскольку для творческих людей такое общение естественно⁹¹. В отношении новаторства партийное руководство советовало: «Не следует бояться того, что в отдельных произведениях заключено какое-то непривычное для нас решение». Даже если в работах молодежи проявляются формалистические тенденции и «очернение», не следует спешить с обвинениями, что они оказались в плену влияния Запада. Не надо подходить к ним с «палкой», а следует дать им возможность представить свои работы публике и критикам, и те помогут им «увидеть свои ошибки, и если это люди талантливые, мы должны завоевать их на сторону партии»⁹². Партийное руководство уловило и некоторые другие настроения, отреагировав на них в программе действий по отношению к интеллигенции. Так, на пленуме прозвучало обещание, что культурные связи с капиталистическими странами будут развиваться, хотя при этом традиционно оговаривалось, что совместное мирное сосуществование двух систем не распространяется на вопросы идеологии. Заостряя внимание на проблеме материальных гарантий творческого труда, пленум решил «обеспечить выдающимся представителям интеллигенции еще более благоприятные условия с тем, чтобы они смогли все свои силы и время отдать творчеству»⁹³.

С тем чтобы довести новые установки до сведения интеллигенции, власти решили провести по окончании пленума национальное совещание по идеологическим вопросам. Оно состоялось 23-24 апреля 1962 г. На совещании выступил гость – секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев. Пафос его выступления заключался в том, чтобы положить конец колебаниям по вопросу о культе

личности и оградить «систему» от кошмара венгерского 1956 года. Ильичев подчеркнул, что только недостаточно зрелые в партийном отношении лица могут смешивать культ личности с марксизмом-ленинизмом. Культ – это «болезненный нарост», который партия устраняет, а «успехи социализма остаются». Ильичев напомнил, что коммунистическая партия руководит культурой, а творческие дискуссии и эксперименты следует проводить на основе учения марксизма-ленинизма, «чтобы работать для социализма и коммунизма». Закрывая совещание, М. Григоров пояснил, что встречи с интеллигенцией призваны стать отдушиной, устранить боль, накопившуюся за время культа личности. После его осуждения, однако, «было бы неправильно непрерывно крутиться вокруг этих вопросов»⁹⁴. Итак, страница была перевернута (так, во всяком случае, подчеркивалось), последующие годы показали, кто и как прочитал и понял ее содержание.

Вторая волна десталинизации, начавшаяся в 1962 г., возродила надежды интеллигенции на то, что партийные руководства в Москве и Софии сделают необратимым разрыв с культом личности. Реформаторская деятельность Н.С. Хрущева, в том числе и в духовной сфере, достигла своего пика. Он предложил пересмотреть известные ждановские постановления 1946 г. и сократить систему цензуры. Попытки Хрущева реформировать систему все еще привлекали советскую интеллигенцию⁹⁵. Да и в Болгарии для многих интеллектуалов советский лидер являлся «олицетворением спасительных исторических перемен»⁹⁶. Но были и такие, которые считали партийную линию кратковременным флиртом. Несмотря на различие позиций, 1962 год стал для интеллигенции кульминацией в процессе либерализации. В литературной жизни продолжалась дискуссия о свободном стихе, защитники которого отстаивали право на существование «интеллектуальной» поэзии и самостоятельность суждений в вопросах идеологии и политики. В своих мемуарах Л. Левчев признал, что «от темы свободного стиха ум легко переходил к проблемам традиции и новаторства, к пасторальным и урбанистическим взглядам, а отсюда и к опасным политическим аллюзиям о ревизионизме и догматизме»⁹⁷.

В 1962 г. произошло возвращение жанра сатиры. Сильный общественный резонанс получил спектакль Театра сатиры «Импровизации». Он удачно сочетал острое перо Радоя Ралина и Валерия Петрова, режиссерское мастерство Гриши Островского, актерский талант и проникновение в образ Енчо Ба-

гарова, Григора Вачкова, Константина Коцева, Невены Кокановой, Татьяны Лоловой, Георгия Парцалева, Стоянки Мутафовой, театрального художника Бориса Димовского и композитора Кирила Дончева. Пьеса затрагивала злободневные вопросы привилегий, коррупции, бюрократизма, нравственного состояния общества⁹⁸. В том же году зритель увидел киноленты тех мастеров, которые в предыдущие годы были объектом острой критики. По сценарию Эм. Манова режиссер Дучо Мундров снял фильм «Плененная стая» («Пленено ято») – драму о молодых участниках Сопротивления, приговоренных к смертной казни. Авторы фильма стремились показать не исполнение героями партийного долга, а живых людей, их характеры, переживания, чувства на рубеже между жизнью и смертью. Фильм «Солнце и тень» Рангела Вылчанова по сценарию Валерия Петрова в поэтической форме рассказывал о любви, молодости, глубоких чувствах героев, живущих в атмосфере угрозы атомной войны. Партийная цензура встретила фильм недоверчиво, но высокая оценка известных советских кинорежиссеров спасла работу. Более того, фильм получил ряд наград⁹⁹.

Власть с нарастающей тревогой смотрела на брожение в кругах художественной интеллигенции. Обстановка напоминала 1956 год: партийное руководство поощряло интеллектуалов в надежде, что сможет удержать их под своим контролем, однако быстро поняло, что такой контроль становится все менее эффективным. Именно по этой причине в ноябре 1962 г. во Втором управлении Госбезопасности создается VIII отдел для ведения «контрразведывательной работы по выявлению вражеских элементов среди молодежи, интеллигенции, духовенства»¹⁰⁰. Впоследствии на основе этого отдела было сформировано Шестое управление Госбезопасности, занимавшееся предотвращением и борьбой с «идеологическими диверсиями» и в силу этого уделявшее большое внимание работе среди интеллигенции. Еще раньше, в начале сентября 1962 г., на встрече с советской делегацией Т. Живков не скрыл, что БКП имеет известные «трудности» с писателями и кинематографистами, возложив частично вину на советское руководство: «Необходимо иметь в виду, что наша творческая интеллигенция связана с советской творческой интеллигенцией. Как только возникают какие-либо уклоны у вас, сразу же они появляются и у нас; проявятся у вас известные нюансы, тотчас же наблюдаются они и у нас»¹⁰¹.

В очередной раз такая зависимость проявилась на рубеже 1962-1963 гг. Противоречивые реформаторские акции Хрущева вынудили ортодоксальных идеологов из аппарата ЦК КПСС перейти в наступление. Поднимавшаяся новая консервативная волна заставила Хрущева сделать рискованный политический ход – он решил возглавить ее с целью контроля. Это привело его к конфронтации с интеллигенцией¹⁰². Логика политического самосохранения диктовала дилемму: или продолжить либерализацию, чреватую непредсказуемыми последствиями для режима, или свернуть критику. В конце декабря 1962 г. около 300 представителей творческой интеллигенции были приглашены на встречу с Хрущевым. В своей речи он пытался учить присутствующих, что, по его мнению является красивым, а что безобразным, что нужно народу и как художник должен помогать строительству коммунизма. Но самое важное заключалось в констатации, что все вопросы, возникающие в творческой среде, будет решать только партия¹⁰³. На новой встрече 7-8 марта 1963 г. Хрущев был предельно категоричен: «Извините, но партийное руководство мы ни с кем делить не будем. Партия и народ – единое целое! Не думаете ли вы, что при коммунизме будет абсолютная свобода? Это стройное, организованное общество, но и в нем будут наделенные властью люди, и они будут указывать, кому что надлежит делать»¹⁰⁴.

В Болгарии речь Хрущева вызвала тягостную реакцию среди той части интеллигенции, которая поверила в необратимость разрядки. Она почувствовала крах очередных иллюзий. Живков же усмотрел в речи Хрущева возможность «фронтальной атаки» против свободомыслия под надежным прикрытием советского примера. 1-4 апреля 1963 г. была проведена встреча сотрудников Отдела искусства и культуры ЦК БКП с руководством творческих союзов, издательств и средств массовой информации. Она явилась полной противоположностью встрече с творческими работниками, прошедшей годом раньше. Тон на сей раз задал секретарь ЦК Начо Папазов. Его речь была призвана отрезвить тех, кто «наивно думают или ошибочно рассчитывают», что после апрельского пленума 1956 г. произошло некоторое «самоустранение» БКП от руководства культурной сферой. В выступлении Папазова фактически констатировалось, что борьба с культом личности отошла в сторону, главной опасностью было объявлено западное влияние и создание произведений не для «народа», а лишь для «группы снобов, завсегдатаев кафе в Софии и дру-

гих крупных городах»¹⁰⁵. В качестве отрицательного примера Папазов назвал картины И. Киркова и Любомира Далчева, стихотворения Димитра Дублева и А. Стоянова, «Интеллигентскую поэму» Л. Левчева, рассказы Василя Попова, театральную постановку «Импровизации» и пьесу Ивана Пейчева «Кузнецы и молнии» в бургасском театре. Эксперименты и новаторство разрешались только на основе соцреализма и только как помощь «делу партии». В любом другом случае они объявлялись манерностью и тягой к сенсациям.

На встрече выступили 25 участников, и все выступления сообразовывались с поворотом в партийной политике. Но выявились и некоторые особенности: если руководители творческих союзов Камен Калчев, Филипп Кутев, Эмил Петров, Никола Мирчев были более умеренными¹⁰⁶, то наиболее «правовверные» – писатели Георгий Караславов, Димитр Методиев, Павел Матев, Славчо Васев открыто торжествовали. Они признали, что с тревогой наблюдали за проникновением в культурную жизнь страны «упадочных школ капиталистического мира», что с нетерпением ожидали подобную речь, которая освободила их от «замешательства и неопределенности»¹⁰⁷. Они отмечали, что установки, данные Хрущевым, не являются новыми для БКП, так как еще в 1958 г. Т. Живков говорил об этом же в своей речи «Теснее с народом, ближе к жизни», но тогда его слова якобы не были правильно поняты. Встреча еще яснее очертила контуры формировавшегося культа личности Живкова и «апрельскую линию», связанную с ним. Театральные деятели, композиторы, художники заявили, что твердо стоят на позициях соцреализма (о его многообразии уже и не упоминалось), что ясная коммунистическая позиция обязательна для каждого произведения¹⁰⁸. Оппонентов выступавшим не было. Заседания показали, что всем присутствовавшим было ясно: в творческих союзах началось «натягивание поводьев» и противостоять ему невозможно, ибо это соответствовало внутренним убеждениям руководителей или было чревато потерей ими занимаемых постов, что обуславливало готовность к резким действиям.

15 апреля 1963 г. состоялось новое заседание с участием более широкого круга приглашенной интеллигенции, идеологических структур и первых секретарей окружных комитетов партии. Живков выступил на нем с речью «Коммунистическая идейность – высший принцип нашей литературы и искусства». Близкая по духу выступлению Хрущева она отличалась контекстом, в который

были вписаны общие принципы и оценки¹⁰⁹. В речи Хрущева проблемы, которые деятели культуры и искусства создавали партии, представлены как результат их личных недостатков, ошибок и увлечений, что создавало ощущение конфронтации с интеллигенцией и возврата к прямому диктату партии в культурной жизни. Такой резонанс выступления был на руку противникам Хрущева, стремившегося к его дискредитации в глазах общества. В речи Живкова на первом плане оказалось усиление влияния «буржуазной идеологии» не только в культуре, но и в быту, и особенно среди части молодежи. Данная констатация отразила перемены начала 60-х гг. в политике США и других западных стран, воспринявших стратегию «наведения мостов» с восточным блоком в сфере экономики и культуры с целью ослабить советское влияние. В речи Живкова ясно ощущался страх перед жупелом, именованным «западным образом жизни». Оратор описал «идеологическое наступление», которое сказало на произведениях литературы и искусства, «оторванных от жизни» и насаждавших «пессимизм, отчаяние, бесперспективность»¹¹⁰. Он указал на некритичное отношение ко всему западному, пренебрежение к болгарскому. Именно в этом контексте Живков сформулировал основной тезис своей речи – о буржуазном влиянии в литературе и искусстве. И в этой части сходство с советским «образцом» наиболее ощутимо. Живков акцентировал «псевдоноваторство», начав с абстракционизма в изобразительном искусстве. Однако дело было не в его рефлекторном желании повторить оценки Москвы, а в страхе болгарского руководителя перед тем, что условность приведет к утрате воспитательной и пропагандистской роли искусства. Не ограничившись изобразительным искусством, Живков перешел к литературе. «Минорность» и «пессимизм» были охарактеризованы как отклонение от соцреализма, поскольку не утверждали коммунистический идеал. В качестве примера Живков указал на «безысходность», характерную, по его мнению, для стихотворений Невены Стефановой и Георгия Джагарова и произведений молодого беллетриста Василя Попова¹¹¹. Острой критике подверглось и кино, в котором «псевдоноваторские увлечения» были, как считало руководство, наиболее сильными. Чуждые влияния Живков обнаружил в проповедовании «отвлеченной общечеловеческой идейности» и «гуманизма вообще»¹¹². Подобные тенденции нашел он и в театре. В заключение Живков повторил слова Хрущева, что в литературе и искусстве нет места мирному сожигательству соцреализма и формалистических течений.

Безо всяких оговорок соцреализм был объявлен единственным творческим методом, коммунистическая идейность – обязательной. Как будто желая отрезвить интеллигенцию от флирта партийного руководства с ней в 1962 г., Живков напомнил, что свобода творчества допустима только в рамках борьбы за социализм и под руководством БКП, а «хороший и талантливый творец» обязан быть в своем творчестве «хорошим и талантливым политиком»¹¹³.

Эффект речи Живкова почувствовался незамедлительно. Книга Н. Стефановой «Новые стихотворения» была изъята из книжных магазинов, снят с репертуара спектакль «Импровизации». Цензура не пропустила и пьесу Стефана Цанева «Подлинный Ивайло» («Истинският Ивайло»). Трибуна свободомыслия – газета «Литературни новини» закрыта. Заглохла дискуссия о свободном стихе, а СБП отказал в приеме Константину Павлову, Ст. Цаневу, В. Попову. Живков использовал различные поводы для встреч с писателями и кинематографистами, которые, по мнению партийного руководства, были наиболее подвержены влиянию западной пропаганды. На этих встречах Живков отработывал свою модель поведения, которая вскоре превратилась в его «фирменную марку» и оказалась результативной, поскольку сообразовывалась и с психологией болгарской интеллигенции. Он играл роль непринужденного, откровенного и дружелюбного человека, который не готовил заранее свои выступления, а импровизировал, делился наболевшим. Тон его выступлений, как правило, озабоченный и временами весьма самокритичный. Так рождался образ «человека из народа», который не мешал ему в категоричной форме давать понять, кто руководит культурной жизнью. В последующие годы Живков усовершенствовал свое мастерство наносить удары мягкой перчаткой и все сильнее осознавал преимущества такой тактики. Раскритикованные в его речи 15 апреля 1963 г. деятели получили известную «компенсацию» или были втихомолку «амнистированы». Продолжена была практика присвоения высоких наград, причем поощрялись как заслуги в поддержке линии партии, так и действительно высокие достижения в сфере культуры.

После пика либерализации в 1962 г. и отката весной 1963 г. болгарская интеллигенция оказалась перед выбором – руководствоваться своим творческим чутьем или принять предложенные «верхами» правила игры – политическая лояльность взамен гарантированной обеспеченности, как материальной, так и творческой, допускавшей художественные проявления, хотя и в установленных партией гра-

ницах. В воспоминаниях и исследованиях периода после 1963 г. отмечены разные аспекты раскола прежде единого «фронта борьбы с догматизмом», то есть среди противников культа личности. Часть из них приняли условия власти и получили за это посты и льготы. При их участии укоренилась формула «апрельской линии», отождествлявшейся с Живковым¹¹⁴. Создан был миф о его личной исключительной заслуге в «апрельской весне» в культуре и об «апрельском поколении» творческой интеллигенции, то есть о тех, кто декларировал верность БКП, причем, отнюдь не бескорыстно. Возможно, реализуя подобную тактику, Живков опирался на свой личный опыт, накопленный в борьбе против политических противников в 1956-1962 гг., но с уверенностью утверждать, что речь шла о заранее и тщательно разработанной «государственной стратегии»¹¹⁵ по разгрому той группы художественной интеллигенции, которая активизировалась во время «оттепели», все же нельзя. Но трудно не согласиться с печальной констатацией одного из прежних бунтарей – поэта Л. Левчева, который, вспоминая о весне 1963 г., писал: «Налицо самый печальный и неожиданный итог – раскол и противопоставление в рядах нашего поколения. С юношескими иллюзиями было покончено. Сельские и городские жители, патриоты и поклонники иностранного, тихострунные и громогласные, правоверные и сомнительные, и те, и другие – мы все были беспощадно и навсегда разделены. И никакому апрельскому клею не под силу было слепить разлетевшиеся осколки»¹¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аврамов Д. Летопис на едно драматично десетилетие. София, 1994. С.74.
- ² Априлският пленум. Пълен стенографски протокол. София, 2002; Марчева И. Тодор Живков – пътят към властта. Политика и икономика в България. 1953-1964 г. София, 2000. С.45-52.
- ³ Баева И. България и Източна Европа. София, 2001, С.87-88; Мигев В. Несъстоялата се «Априлска пролет» на България – 1956 г. // Исторически преглед. 1993. № 4-5. С.85.
- ⁴ Об оживлении в кругах болгарской интеллигенции непосредственно после пленума в апреле 1956 г. см.: Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939-2005. София, 2006. С.131-137, 164-167; Мигев В. Българските писатели и политическият живот в България (1944-1970 г.). София, 2001. С.136-147; Христова Н. Власт и художествена интеллигенция в България. 1956-1958 година // Проблеми на изкуството. 2000. № 3.
- ⁵ Живков Т. Изкуството, науката и културата в служба на народа. Речи, статии и доклади. Т.1. София, 1965. С.117.

- ⁶ Мигев В. Българските писатели... С.151-152; Славов А. Българска литература на размразяването. София, 1994. С.50.
- ⁷ Славов А. Указ. соч. С.103.
- ⁸ Там же. С.56-57, 102. В своих мемуарах поэт Л. Левчев образно представил, как власть использовала в интересах политики молодых авторов: «Коллапс культуры и напряжение в политике наполняли собственным содержанием наши дебюты. Мы как будто были стаканами в трясущихся руках жадных до вина алкоголиков. Нас проливали на грязные столы» // Левчев Л. Ти си следващият! София, 1998. С.100.
- ⁹ Славов А. Указ. соч. С.103-104. Подтверждением подобных настроений стали выступления В. Попова и К. Павлова на обсуждении поэзии молодых в СБП 20-22 июня 1957 г. В. Попов осмелился заявить, что непосредственно после 9 сентября 1944 г. молодые авторы не могли работать в соответствии со своим стилем и природой, в то время как в настоящее время они уже мыслят самостоятельно. Еще более резко высказался К. Павлов: «Для некоторых корень идейности заключен в милицейских уставах. Если это так, то безыдейность молодых поэтов оправданна» (Цит. по: Мигев В. Българските писатели... С.155-156).
- ¹⁰ Славов А. Указ. соч. С.86-88.
- ¹¹ Л. Стоянов оправдывался, как обвиняемый в суде: «Я, товарищи члены Политбюро, твердо убежден, что вы посмотрите на этот вопрос без предубеждения, с чувством доброжелательности и с позиций принципиальной критики, если считаете, что должны мне помочь осознать свою ошибку. Я надеюсь, что на имя писателя, который почти всю жизнь посвятил литературе, народу и партии, не будет брошена тень» (Централен държавен архив на Република България (далее: ЦДА). Ф.1-Б. Оп.5. А.е. 258. Л.4-6).
- ¹² Там же. Л.7.
- ¹³ Там же. Л.18-21, 23.
- ¹⁴ Там же. Л.25-32.
- ¹⁵ Там же. Л.23, 40.
- ¹⁶ Мигев В. Българските писатели... С.154.
- ¹⁷ Свет и тени «великого десятилетия». Н.С. Хрущев и его время. Ленинград, 1989. С.124-126.
- ¹⁸ Аврамов Д. Диалог между две изкуства // Преломни времена. София, 2006. С.359-362; Христова Н. «Недостовирен случай» // Там же. С.710-715.
- ¹⁹ Аврамов Д. Диалог... С.362-363; Делчев Б. Дневник. София, 1995. С.53.
- ²⁰ Калинова Е. Българският вариант на съветското «размразяване» в културата (1953-1963) // България и Русия през XX век. София, 2000. С.421-423.
- ²¹ Живков Т. Указ. соч. С.173-175.
- ²² Там же. С. 186-187, 194-195.
- ²³ Там же. С.195, 200-201.

- ²⁴ Топенчаров В. Бесовете на моето време. Кладенецът на спомените. София, 1993. С.384.
- ²⁵ Мигев В. Българските писатели...С. 158, 164-165, 167; Трифонова Ц. Писатели и досиета. София, 2004. С.344-347.
- ²⁶ В своих мемуарах Л. Левчев утверждает, что присутствовавшие на похоронах П. Пенева были поражены такой переменной в отношении к поэту, получившему «в первую же минуту после кончины литературное и общественное признание, отсутствие которого при жизни он воспринимал столь болезненно... Сразу же все его полюбили. Так началась вторая, загробная, жизнь Пеньо» (Левчев Л. Указ. соч. С.125).
- ²⁷ ЦДА. Ф.1-Б. Оп.5. А.е.380. Л.66-67.
- ²⁸ Калинова Е., Басева И. Указ. соч. С.148-149; Живков Т. Указ. соч. С.272-273.
- ²⁹ В 1958 г. И. Радоев «по собственному желанию» откликнулся на призыв и уехал в Бургас. Но, по словам г. Караславова, этот «беспартийный, очень талантливый» писатель был вынужден разместиться с женой в крохотной комнатке полтора на два метра, деля это жилище еще с одной пожилой женщиной... и вот уже 11 месяцев никто не обращает на него никакого внимания». Главный секретарь Союза болгарских писателей рассказал и о писателе Ивайло Петрове, направленном в с. Кранево Варненской околии с заданием писать о связи между городом и деревней: «Вопрос о предоставлении ему более светлой комнаты превратился в целое партийное дело... Министр просвещения и культуры тов. Ж. Живков должен был сам лично позвонить [в околийский комитет БКП], и только тогда писателю выделили квартиру» (ЦДА. Ф.1-Б. Оп.5. А.е.380. Л.68-70).
- ³⁰ Делчев Б. Указ. соч. С.55.
- ³¹ ЦДА. Ф.1-Б. Оп.5. А.е.322. Л.11.
- ³² Там же. Л.4, 18, 35.
- ³³ Там же. Л.2-8.
- ³⁴ Там же. А.е.325. Л.11-13.
- ³⁵ Там же. Л.32-40.
- ³⁶ Там же. Л.50-51,52-53.
- ³⁷ Там же. Л.68-72.
- ³⁸ БКП в резолюции и решения на конгресите, пленуми и на Политбюро на ЦК на БКП. 1956-1962. Т. V. София, 1965. С.284-290.
- ³⁹ Маринчевска Н. Българско анимационно кино. 1915-1995. София, 2001. С.67-68, 71-72.
- ⁴⁰ Аврамов Д. Летопис... С.87-88.
- ⁴¹ Там же. С.96, 99-101, 102.
- ⁴² Там же. С.116, 119.
- ⁴³ Там же. С.120.
- ⁴⁴ Политическото убийство на Александър Жендов. Стенографски протокол на годишного отчетно-изборно събрание на первичната организация на БКП при Съюза на

художниците в България, състояло се на 7, 8 и 10 юли 1950 г. // Вести на Висшия съвет на БСП. 1990. № 4-7; Калинова Е., Баева И. Указ. соч. С.119-120.

⁴⁵ В 1950 г. Т. Живкову поручена задача «свести воедино» негативную оценку творчества Жендова, данную высшим партийным руководством. На партийном собрании в Союзе художников Живков обвинил художника в отрицании руководящей роли БКП, формализме и увлечении западным искусством. Поэтому при реабилитации Жендова Политбюро ЦК БКП поручило секретарю ЦК М. Григорову объяснить художникам, что «Жендов допускал ошибки, не подчинялся отдельным решениям партии, но обвинения против него были чрезмерными и его исключение из партии было неправильным». Таким образом, вопрос об ответственности партийных руководителей и лично Живкова был исчерпан (Борби и чистки в БКП. 1948-1953. Документи и материали. София, 2001. С.468-469).

⁴⁶ Аврамов Д. Летопис... С.214-216.

⁴⁷ ЦДА. Ф.1-Б. Оп.5. А.е.380. Л.3,40-42.

⁴⁸ Калинова Е. Указ. соч. С.421.

⁴⁹ Живков Т. Указ. соч. С.421-424.

⁵⁰ Христова Н. Конфликт «власть-интеллигенция» в Болгарии. 1956-1957 годы // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2008. С. 316-328; Калинова Н. Интеллигенция и власть между двумя волнами десталинизации в Болгарии. 1956-1961 годы // Там же. С. 329-356.

⁵¹ Славов А. Указ. соч. С. 107-109; Аврамов Д. Диалог между две изкуства. София, 1993. С. 369-370.

⁵² Славов А. Указ. соч. С. 164-165; Калинова Е., Баева И. Българските преходи 1939-2005. София, 2005. С. 170; Василев М. Движение и съзряване по априлски път. Хроника на литературните мнения и дискусии след април 1956 г. София, 1986. С. 30-32, 53-54, 60-67.

⁵³ Левчев Л. Указ. соч. С. 138-144; Славов А. Указ. соч. С. 213.

⁵⁴ Аврамов Д. Диалог... С. 396-397, 400-401.

⁵⁵ Аврамов Д. Летопис... С. 152-168.

⁵⁶ Там же. 339-340.

⁵⁷ Там же. С. 191-192, 294.

⁵⁸ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 448. Л. 69-70; Христова Н. Специфика на българското... С. 214-215.

⁵⁹ Аврамов Д. Летопис... С. 280-292.

⁶⁰ Там же. С. 352.

⁶¹ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 452. Л. 77.

⁶² Там же. А.е. 448. Л. 70-71.

⁶³ Там же. А.е. 493. Л. 3-6; Янакиев А. Синема.bg. 100 години филмов процес. Личности, филми, кина. София, 2003. С. 298.

⁶⁴ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 493. Л. 52-53; Станимирова Н. Български кинорежисьори. София, 1984. С. 48-49, 212-213.

⁶⁵ Ф. 1-Б. Оп. 5, А.е. 493. Л. 52-53; Станимирова Н. Указ. соч. С. 102.

⁶⁶ Маринчевска Н. Указ. соч. С. 104-105.

⁶⁷ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 479. Л.104-108, 261.

⁶⁸ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 491. Л. 1-3.

⁶⁹ Об опере «Великая дружба» В. Мурадели. М., 1953. С. 24-31

⁷⁰ Там же. Л. 12-13, 15-17.

⁷¹ Там же. Л. 131-134, 139-141.

⁷² Там же. Л. 171-172, 187.

⁷³ Там же. Л. 265-266, 271-273.

⁷⁴ Там же. Л. 274-280.

⁷⁵ Указанное постановление провозглашало соцреализм единственным творческим методом, содержало резкую критику болгарского кино за абстрактный гуманизм и искажение современной действительности, отказ от коммунистической идейности и партийности. Предписывалось впредь все поднимавшиеся кинематографом темы непременно увязывать с социалистическими реалиями (Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, пленумите и Политбюро на ЦК на БКП. 1956-1962. Т. V. София, 1965. С. 284-290)

⁷⁶ Там же. А.е. 493. Л. 3-4, 17.

⁷⁷ Там же. А.е. 491. Л. 62, 69-70, 138.

⁷⁸ Там же. Л. 65, 77, 107.

⁷⁹ Там же. Л. 258.

⁸⁰ Там же. Л. 263-265.

⁸¹ В 1950 г. известный художник-коммунист А. Жендов стал жертвой кампании «поиска врага с партийным билетом». По обвинению в «групповщине», преклонении перед западным искусством и даже в шпионаже он был исключен из партии в наказание тем, кто не желал примириться с контролем БКП в сфере культуры (Калинова Е. Българският вариант на сталинизма в културния живот // История на българите. Т. III – От Освобождението (1878) до края на Студената война (1989). София, 2009. С.429-430).

⁸² Данным постановлением по обвинению в формализме из Академии были уволены видные художники и искусствоведы, смененные ярмы апологетами соцреализма.

⁸³ Там же. А.е. 497. Л. 4, 65-68.

⁸⁴ Там же. А.е. 500. Л. 8-12.

⁸⁵ Там же. Л. 9-10, 12.

⁸⁶ Там же. Л. 278-280.

⁸⁷ Там же. Л. 259-260.

- ⁸⁸ Там же. Л. 512-524.
- ⁸⁹ Там же. Л. 533, 540-542.
- ⁹⁰ Там же. А.е. 502. Л. 9-10, 258.
- ⁹¹ Там же. Л. 11.
- ⁹² Там же. Л. 13-14, 17-18, 20.
- ⁹³ Там же. Л. 175-176, 179-180.
- ⁹⁴ Там же. А.е. 503. Л. 291-295.
- ⁹⁵ Там же. Л. 298.
- ⁹⁶ Ромм М. Четыре встречи с Н.С. Хрущевым // Свет и тени «великого десятилетия». Н.С. Хрущев и его время. Ленинград, 1989. С. 309-310.
- ⁹⁷ Левчев Л. Указ. соч. С. 173, 195.
- ⁹⁸ Там же. С. 171.
- ⁹⁹ Аврамов Д. Диалог...С. 371-374; Славов А. Указ. соч. С. 114-115; Христова Н. Специфика на българското... С. 230-231.
- ¹⁰⁰ Станимирова Н. Указ. соч. С. 102, 215.
- ¹⁰¹ Да се запази за вечни времена. Информационен бюлетин. София, 2002. С. 93.
- ¹⁰² ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 535. Л. 15.
- ¹⁰³ Бурлацкий Ф. Хрущев (Штрихи к политическому портрету) // Иного не дано. М., 1988. С. 435; Солженицин А. Среци в Кремъл. Из литературния живот // Факел. 1988. № 6. С. 24.
- ¹⁰⁴ Ромм М. Указ. соч. С. 311-314.
- ¹⁰⁵ Солженицин А. Указ. соч. С. 38.
- ¹⁰⁶ ЦДА. Ф. 1-Б. Оп. 5. А.е. 570. Л. 3-4 9-16.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 24-26, 40а-43, 46-47, 72-77.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 109-110, 152-153, 171а-172.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 202, 136-138, 142-143.
- ¹¹⁰ Живков Т. Указ. соч. Т. 2. София, 1965. С. 201-204.
- ¹¹¹ Там же. С. 201-204.
- ¹¹² Там же. С. 225-227.
- ¹¹³ Там же. С. 237, 241-243.
- ¹¹⁴ Там же. С. 254-255.
- ¹¹⁵ Яхиел Н. Тодор Живков и личната власт. Спомени, документи, анализи. София, 1997. С. 140-141.
- ¹¹⁶ Славов А. Указ. соч. С. 62.
- ¹¹⁷ Левчев Л. Указ. соч. С. 172.

В.В. Волобуев

«КЛУБ КРИВОГО КОЛЕСА» В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ПОЛЬШИ

Кривое Колесо – это неприметная улочка в самом центре Варшавы, вплотную примыкающая к Рынку Старого Города. В начале 1955 г. здесь возникло сообщество людей, которое позже оформилось в клуб интеллигенции, получивший название по имени улицы. Клубу этому суждено было сыграть значительную роль в процессе демократизации политической жизни в Польше, наступившем после смерти Сталина. Он явился одним из первых островков свободной мысли, превратившись в зону притяжения для многих активных общественных деятелей того периода. «Клуб кривого колеса» (ККК) долгое время имел немалый вес в интеллектуальной и культурной жизни Польши. Достаточно сказать, что о заседаниях ККК заблаговременно сообщали в прессе (в частности, в еженедельнике «Пшеглэнд культуральный»). «В галерее ККК показывали лучшие образцы современного искусства, театр ККК представлял наиболее интересные постановки европейской прозы, собрания по четвергам были подлинным Гайдпарком столицы», – пишет исследователь этого вопроса Павел Церанка¹.

У истоков Клуба стояли супруги Юлиуш и Эва Гажтецкие. В начале 1955 г. их квартира стала местом встреч творческой интеллигенции, на которых обсуждались насущные вопросы культуры. Популярность этих встреч росла, и уже в сентябре того же года основатели «салона» в заявлении на имя члена Политбюро ЦК ПОРП Я. Бермана и секретаря ЦК Е. Моравского просили дать санкцию на регистрацию нового сообщества.

В заявлении, в частности, указывалось: «В наиболее общем виде характерной чертой интеллигенции в нынешней Польше является недостаточное воздействие партийной интеллигенции на массы, идейные шатания и низкий уровень политической сознательности, отсутствие отработанных средств политического воспитания интеллигентских масс. ...Несмотря на то, что партия и правительство немало сделали для воспитания новой интеллигенции Народной Польши, работа в этом направлении остается недостаточной. До сих пор не предпринималось никаких попыток организовать интеллигенцию

и провести с ней политико-воспитательную работу, которая способствовала бы коренному преобразованию ее мировоззрения. ...В Народной Польше разгромлены санационные (т.е. пилсудчиковские. – В.В.) организации и националистические группировки, а также их подпольные аналоги, возникшие после освобождения страны. Однако совершенно не обращается внимание на необходимость идеологического разгрома тех или иных реакционных течений среди интеллигенции... Отсутствие этой задачи, убежденность, что марксистское обучение автоматически раздавит пережитки вражеской идеологии, являются одними из причин низкого уровня политической сознательности польской интеллигенции...»².

Иными словами, основатели Клуба ратовали за идейное перевоспитание польской интеллигенции в марксистском духе. Действительно, своим существованием Клуб целиком обязан творческой элите ПОРП, к которой относились не только Гажтецкие (по профессии – литературные критики), но и другие интеллектуалы, чьи фамилии стоят под обращением к властям: З. Суфин (член редколлегии газеты «Штандар молодых»), М. Перльман (советник Министерства культуры и искусства), С. Круль (сотрудник Отдела истории партии ЦК ПОРП), К. Арчухова (юрист, работник Совета по распространению чтения), К. Карковская-Краузе (актриса). Такой состав инициативной группы не мог вызвать подозрений у властей, почему руководству ККК и удалось достаточно быстро получить для своих нужд помещение в самом центре города. «Группа партийных товарищей, – говорилось в записке Отдела культуры ЦК ПОРП от 26 октября 1955 г., – которая была в контакте с Клубом, выступила с инициативой переноса Клуба в районный Дом культуры на Рынке Старого Города и таким образом придала ему легальную форму. В состав правления ныне входят 3 члена партии, 1 член СПМ (Союза польской молодежи. – В.В.) и 2 беспартийных. ...Не следует опасаться, что молодые сделают политически вредные выводы... Клуб опирается не на отрицание, а на признание... Политический ход дискуссии обеспечен присутствием членов партии и СПМ»³. Для дополнительного идеологического надзора за Клубом Отдел культуры ЦК направил туда своего куратора.

Кроме партийных органов свою лепту в создание Клуба внесли и органы польской Госбезопасности. Однако их роль до конца не ясна. В насто-

ящее время известно, что супруги Гажтецкие долго время сотрудничали с «безопаской» после войны. Вот какую биографию Ю. Гажтецкого приводит П. Церанка: «...Юлиуш Вильчур Гажтецкий на протяжении всего периода оккупации работал в разведке и контрразведке. После войны он выехал в Рим в качестве корреспондента «Польски Збройной», а в действительности – как резидент Главного управления информации Войска Польского (военной контрразведки. – В.В.). В 1947 г. он уволился из армии и устроился на работу в МИД. Был направлен на должность вице-консула польского посольства в Риме, одновременно исполняя обязанности подрезидента II отдела VII департамента Министерства общественной безопасности... После разоблачения его перевели на аналогичную должность в Париж. ...В 1949 г. он был вызван в Польшу и оказался в мокотовской тюрьме (Мокотув – район Варшавы. – В.В.) по обвинению в антикоммунистической деятельности в рамках II отдела Армии Крайовой... В период заключения следственный департамент использовал его в качестве тюремного агента. В 1954 г. он был освобожден (после 5-летнего заключения!) и стал тайным осведомителем III департамента, занимаясь разработкой бывших участников II отдела Армии Крайовой, Бюро информации и пропаганды [Армии Крайовой], а также Польской народной армии. Встречи были прекращены в 1955 г. из-за отсутствия интересных донесений. Как видно, несколько лет Гажтецкий жил на высоких оборотах, а конспирация была его второй натурой»⁴. Добавим, что позднее, в 1957 г., Ю. Гажтецкий возобновил свое сотрудничество с Госбезопасностью, однако на тот момент его уже практически ничто не связывало с ККК. То же самое можно сказать и о его супруге, которая была тайным осведомителем Министерства общественной безопасности Польши в послевоенный период, и вторично была завербована в 1962 г.⁵ Сама Эва Гажтецкая в своем отчете для Службы безопасности от 1963 г. так вспоминает ранний период деятельности «Клуба Кривого колеса»: «Вся эта затея была с самого начала известна органам Госбезопасности. Я сама контактировала с ними все время. Писала какие-то отчеты. Помню, хоть и весьма смутно, что в наших беседах с представителями партийных органов и работниками общественной безопасности шла речь о выявлении определенных настроений среди интеллигенции, о включении этой интеллигенции в позитивную творческую работу для Народной Польши. Таковы были основы»⁶.

Неоднозначная роль супругов Гажтецких в создании столь известной структуры, какой позднее стал ККК, уже тогда вызывала подозрения, будто Клуб был своего рода приманкой для недовольной интеллигенции, куда завлекали потенциально нелояльных личностей. Согласно другой версии, Клуб явился результатом каких-то политических манипуляций в ЦК ПОРП. В частности, такие известные деятели того периода как Е. Микке, В. Едлицкий, Л. Хасс и С. Жулкевский считали ККК делом рук представителей реформистского крыла в партии, в то время как Ю. Гажтецкий, Я.Ю. Липский и З. Бейнар (жена писателя П. Ясеницы) отвергали подобное предположение. По словам другого участника Клуба, Р. Щурковского, Э. Гажтецкая не раз намекала, будто идею ККК подал сам В. Гомулка, с которым супруги Гажтецкие имели возможность встретиться в начале 1955 г., когда их для поправки здоровья после тюремного заключения отправили в санаторий для парработников в Крынице⁷.

В современной польской историографии также нет единого мнения относительно того, какие факторы сыграли роль в появлении на свет «Клуба Кривого колеса». Крупнейший специалист по истории политической оппозиции в ПНР А. Фришке высказался в пользу того, что идея ККК родилась в недрах органов Госбезопасности⁸. П. Церанка полагает, что ККК задумывался супругами Гажтецкими исключительно в целях завоевания определенного авторитета на общественно-политической арене Польши того времени (аналогичную точку зрения еще в 1962 г. выразил автор единственной обширной работы по истории ККК В. Едлицкий)⁹. Фактически это признала в своем отчете для Службы безопасности в 1963 г. и сама Э. Гажтецкая. Впрочем, она обвинила в политических амбициях лишь своего бывшего мужа и его тогдашнего приятеля С. Круля¹⁰.

Первоначально на проходивших каждый четверг собраниях в Доме культуры Старого города обсуждались заранее утвержденные темы, преимущественно из области искусства. Клуб быстро приобрел известность, и уже к 1 января 1956 г. в нем насчитывалось около 80 постоянных членов и гостей¹¹. Было сформировано правление и первые секции: театральная, изобразительных искусств, графики, философии и кукольного театра. В феврале 1956 г. начала свою работу наиболее известная и активная секция Клуба, занимавшаяся обществоведческими исследованиями. У ее истоков стоял партийный

социолог Ян Стшелецкий, приобщивший к работе в секции некоторых своих коллег – С. Мантужевского, Ч. Чапова, С. Новака и др. Эта секция находилась под опекой факультета социологии Варшавского университета (в частности, профессоров Марии и Станислава Оссовских) и сотрудничала с такими известными социологами и экономистами, как Ю. Хохфельд, Ч. Бобровский, Ю. Халасиньский, Я. Щепаньский и др.¹² Именно эта секция, по мнению Службы безопасности, стала главным проводником идей обновления и оказывала немалое воздействие на формирование политического облика Клуба. Особенно ярко это начало проявляться с мая 1956 г., когда Я. Стшелецкого избрали председателем правления ККК.

К тому времени политическая атмосфера в Польше ощутимо накалилась. Информация о «секретном докладе» Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и смерть первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута пробудили общественную активность, направленную против политической и экономической линии партийного руководства. О силе воздействия «секретного доклада» на умонастроения в Польше может свидетельствовать хотя бы тот факт, что ККК посвятил целых три своих заседания обсуждению тезисов выступления советского партийного лидера¹³. Все смелее звучала критика в прессе и на собраниях творческих коллективов, вышли из тюрем многие политзаключенные, были подвергнуты осуждению на самом высоком уровне методы ведения следствия, применявшиеся сотрудниками Министерства общественной безопасности, ряд этих сотрудников были исключены из партии. Проявлением стремления к свободе явилось бурное развитие клубного движения, которое хотя нередко и подстегивалось некоторыми органами печати (прежде всего – молодежным еженедельником «По просту»), вместе с тем зачастую пыталось вырваться из-под контроля местных парторганизаций.

В этой обстановке Ю. Гажтецкий выступил с предложением создать специальный орган, координирующий деятельность всех возникших к тому времени клубов. В апреле был образован Общепольский центр сотрудничества клубов (ОЦСК), который 15 числа подписал договор о сотрудничестве с Национальным фронтом – предвыборным блоком, возглавляемым ПОРП. ОЦСК начал выпускать ежемесячник «Новы нурт» («Новое течение»), главным редактором которого стал Гажтецкий. С этого времени его активность полностью сосредоточена на работе в межклубных структурах, куда уходят и неко-

торые общественные деятели, стоявшие у истоков ККК (например, С. Круль). В самом же ККК настроения все более радикализируются: в Правлении начинают задавать тон лица, настроенные против прежней политики ПОРП, а то и самой партии. Клуб постепенно превращается в свободный форум, где встречаются люди самых разных убеждений: от высокопоставленных членов ПОРП, вроде Я. Стшелецкого и Х. Бронятовской, до старых участников антифашистского подполья некоммунистической ориентации – А. Грабиньского, Я.Ю. Липского, А. Малаховского и др. Сам Клуб не требовал от своих членов демонстрации определенных политических пристрастий, однако его члены в массе своей весьма холодно относились, например, к эндецкой и ОНР-овской (по имени ультраправой организации в довоенной Польше ОНР-Фаланга) традициям и открыто противопоставляли себя консервативному течению в ПОРП – так называемым «натолинцам»¹⁴. Ко всем остальным течениям тогдашней общественной мысли «Клуб кривого колеса» проявлял удивительную толерантность: среди его членов были, например, представители группы католического еженедельника «Тыгодник повсехны» и коммунистического «Клуба красного помидора»...

В апреле 1956 г. секция общественных исследований подготовила доклад «Как некоторые социал-демократические идеологи и их идейные вдохновители и союзники понимают социальную структуру Советского Союза и стран народной демократии»¹⁵. Этот доклад ставил своей целью ознакомить польскую научную общественность со взглядами западной социал-демократии на проблему тоталитаризма, приобщить ее к теории о так называемом «новом эксплуататорском классе» в странах с однопартийной диктатурой. Доклад носил исключительно научный характер и не претендовал на роль идеологической «инструкции» для политической оппозиции, однако его тезисы пришлись по сердцу самым разным течениям, выступавшим против линии ПОРП. Благодаря тому, что на заседания Клуба начали заглядывать немало видных ученых и публицистов, идеи, представленные в докладе, выплеснулись на страницы печати, стали предметом обсуждения на публичных собраниях. «Доклад отпечатали в 50 пронумерованных экземплярах, – вспоминал участник ККК Р. Щурковский, – и роздан членам «Клуба Кривого колеса» за две недели до запланированной по нему дискуссии. Однако этот доклад чрезвычайно быстро вышел за рамки Клуба, а поскольку был он край-

не любопытен, то его копировали и распространяли дальше»¹⁶. Отголоски доклада слышались как в утопических статьях «По просту», служившего рупором молодых коммунистических романтиков, так и в предложениях не-марксистских экономистов А. Вакара, Ю. Муйжеля, С. Куровского, которые предлагали развернуть общественную кампанию с требованием провести решительные рыночные реформы в экономике. Позднее Служба безопасности использовала текст доклада для обоснования контрреволюционного характера Клуба.

Клуб активно включился в процесс перемен, набиравший обороты на протяжении всего 1956 г., хотя никогда не оказывал самостоятельного воздействия на ход демократизации. Он явился одной из трибун, которой пользовались многие известные деятели того периода, чтобы донести свои взгляды до интеллигенции. Так, именно на собрании ККК бывший премьер Э. Осубка-Моравский выдвинул проект восстановления Польской социалистической партии¹⁷. Люди из ККК принимали участие в общих собраниях клубов интеллигенции, которые трижды в течение 1956 г. проходили в Варшаве. Выступая там, они не раз демонстрировали свое неприятие существующей в стране социально-экономической и политической модели. Позднее это дало основания Службе безопасности назвать Клуб «одним из штабов “октябрьского фронта”, работающего в тесном сотрудничестве с редакциями варшавских журналов во главе с “По просту”, с комитетами “революционного студенчества”, а также с представителями некоторых фабричных коллективов...»¹⁸. Однако это не вполне соответствовало действительности. ККК в самом деле задавал тон в клубном движении 1956 г., однако избегал делать какие-то политические заявления. За все время существования Клуба его правление один-единственный раз выступило с политическим требованием, предложив в октябре 1956 г. исключить из Президиума Фронта национального единства (нового предвыборного блока во главе с ПОРП) деятеля светского католического движения Б. Пясецкого, известного своими консервативно-шовинистическими взглядами, а также тесными связями с «натолинским» крылом партии.

По единодушному мнению «старых» деятелей Клуба Э. Гажтецкой и Р. Щурковского, «преданные партии товарищи» на протяжении 1956 г. постепенно оттеснялись на второй план «социал-демократическими элемен-

тами» или так называемой «группой Липского», которая объединяла ряд немарксистских интеллектуалов, а также некоторых членов ПОРП, настроенных резко критически к партийной элите¹⁷. Костяк этой группы составляли выходцы из секции общественных исследований (Ч. Чапов, С. Мантужевский, М. Срока и др.), но лидерство принадлежало литературоведу Я.Ю. Липскому – впоследствии участнику едва ли не всех оппозиционных выступлений интеллигенции против политики властей вплоть до 1989 г. «Для этой группы характерна несомненная интеллектуальность, – сообщали работники Службы безопасности в 1958 г., – но при этом [налицо] совершенно недостаточная политическая подготовка, незрелость, принятие тех или иных политических решений под влиянием внезапных импульсов»¹⁸. В феврале 1957 г., на излете массового движения, приведшего к смене партийного руководства в стране, Липский был избран председателем правления Клуба. При нем в ККК проходили дискуссии на острые политические темы: о венгерском восстании 1956 г., о прошедших в январе 1957 г. выборах в Сейм, о годовщине «Польского Октября» (тогда к власти вернулся В. Гомулка) и т.д.¹⁹ Это, однако, не означает, что ККК начал превращаться в подобие политической оппозиционной организации. Напротив, внешняя активность Клуба после выборов в Сейм практически свелась к нулю. Умерить свою политическую деятельность решили сами участники Клуба, собравшись на заседание 10 февраля. Во время бурной дискуссии, посвященной перспективам работы Клуба, обнаружились два подхода. Первый сводился к тому, чтобы ограничить дальнейшее функционирование Клуба деятельностью в рамках секций, не претендуя на политическую роль. «ККК сыграл позитивную роль в предыдущий период..., – указывали сторонники этого направления, – поддержав силы обновления. Однако теперь продолжение такого курса обречено на неудачу, поскольку члены Клуба не настолько подготовлены к дискуссиям на экономические или общественные темы, чтобы вести обсуждение на серьезном уровне...». Иными словами, речь шла о том, чтобы вернуть Клубу роль исключительно культурного и научного учреждения, без политических амбиций, что, кстати, лишало бы власть поводов для вмешательства во внутриклубную жизнь. Сторонниками такой позиции были Юлиуш и Эва Гажтецкие, поэт Э. Брыль, скульптор М. Богуш и литератор А. Лям. Иного взгляда придерживались

такие влиятельные члены Клуба, как сотрудник Отдела пропаганды ЦК ПОРП Х. Бронятовская, Я.Ю. Липский, философ А. Валицкий, социологи Ч. Чапов, М. Срока и З. Скужиньский, экономист С. Куровский. Они считали, что Клуб «должен по-прежнему играть роль своего рода польского Гайд-парка, т.е. места выражения общественного мнения. Однако Клубу не следует ограничиваться этими рамками, а выйти к народу, дабы помочь молодым и неопытным рабочим клубам в их деятельности...». Согласно этой точке зрения, упор должен был делаться на «самостоятельное развитие теоретической мысли, поиск новых решений в политике, общественном и экономическом строе, в области культуры, философии и общественных наук...». Крайние позиции здесь занял инженер Збигнев Яромин, который настаивал на том, что Клуб должен объединить вокруг себя всех польских левых, превратиться в серьезный фактор политической жизни. Промежуточное мнение отстаивал социолог Станислав Мантужевский, по мнению которого Клуб должен заниматься как культурной, так и политической проблематикой при сохранении определенных пропорций^v. По сути, именно эта позиция и возобладала. В новое правление вошли сторонники разных подходов, вследствие чего на практике Клуб остался местом свободного обмена мнениями по широкому кругу вопросов. Оставались, однако, запретные темы, которых руководство Клуба предпочитало не касаться, чтобы не входить лишний раз в конфликт с властями. Одна из них – степень советского влияния на внутреннее положение в стране. В феврале 1959 г. Липский без обиняков заявил по этому поводу: «Мы не будем обсуждать российскую тематику, так как это может вызвать проблемы, и об этом нельзя говорить откровенно»²⁰.

В конце 1957 г. Служба безопасности перехватила письмо главного редактора эмигрантского ежемесячника «Культура» Е. Гедройца Я.Ю. Липскому. Данное издание находилось под пристальным наблюдением органов Госбезопасности как один из главных рассадников «враждебной пропаганды», поэтому любые контакты с ним вызывали подозрение у властей. В ККК было внедрено несколько агентов, которые начали регулярно поставлять информацию о его деятельности. Уже первые отчеты заставили Службу безопасности в апреле 1958 г. сделать вывод: «1) “Клуб Кривого колеса” оказывает влияние на определенный круг высокоинтеллектуальной творческой интел-

лигенции; 2) несмотря на присутствие ряда членов партии на собраниях, линия партии никак не представлена, защищаются все политические взгляды, кроме этого последнего»²¹. Еще более резкий тон имела записка одного из секретарей варшавского комитета ПОРП, курировавшего вопросы культуры, относящаяся к ноябрю 1959 г.: «Дискуссии об экономической, политической, общественной и культурной ситуации в нашей стране насыщены скрытым ядом. В них чувствуется прославление Запада и враждебное отношение к СССР, Китаю и другим государствам народной демократии. Дискутантов характеризует красочность стиля, склонность к аналогиям... и аллегориям. Они хорошо подготовлены по каждой теме, свободно оперируют данными монографий и источников. Даже робкая попытка оппозиции пойти против мнения большинства обречена на поражение. “Отступника” буквально уничтожают язвительными замечаниями и нарочито изысканными выражениями, сальными анекдотами и репликами из зала... Всех объединяет то, что они являются клубом оппозиции. О себе имеют очень высокое мнение, полагая Клуб важным фактором воздействия на творческие и научные сообщества столицы. Лучше всего людей из Клуба характеризует такое высказывание, которое ходит по Варшаве: “Запишись в наш Клуб, у нас можно критиковать всё и всех, и тебе ничего не будет”. Всё это походит на сборище анархистов...»²². Тем не менее, эти характеристики не привели к закрытию Клуба. Основную причину назвали сами сотрудники Госбезопасности в апреле 1958 г.: «Ныне ситуация выглядит так, что в случае обострения положения в стране Клуб автоматически станет организационным центром, и тогда его роспуск будет не нужен, ибо дискуссии, которые сейчас проходят открыто... перенесутся в малые группы на частные квартиры, создавая что-то вроде “интеллектуального подполья”»²³. Другими словами, вместо закрытия ответственные лица решили использовать ККК в качестве западни, куда завлекались бы оппозиционные элементы. Таким образом, начиная с весны 1958 г., имеет смысл говорить о Клубе как об объекте постоянной слежки со стороны Службы безопасности.

П. Церанка утверждает, что вплоть до этого момента органы Госбезопасности не занимались ККК. В качестве одного из аргументов он приводит доклад Службы безопасности от 1957 г. для министра внутренних дел, посвященный различным товариществам и организациям, где напроочь отсут-

твует какое-либо упоминание о ККК, хотя наличествует, например, такое объединение, как Центр товарищества молодых вегетарианцев²⁴. Молчание компетентных органов на сей счет весьма странно, так как ККК еще в начале августа 1956 г. привлек внимание работников советского посольства, которые в аналитической записке, посвященной клубному движению, поставили его на первое место в перечне разного рода объединений²⁴. Да и сама Служба безопасности в том же августе провела поверхностное изучение ККК в рамках сбора материала о клубах интеллигенции. А в ноябре того же года в компетентные органы поступило донесение тайного сотрудника о собрании в ККК²⁵. Однако Клуб, судя по всему, в то время пока еще не вызывал больших подозрений у «компетентных органов». Когда спустя год было перехвачено письмо главного редактора «Культуры» Липскому, о чем говорилось выше, телефон последнего был поставлен на прослушку (действовала с 30 ноября по 30 декабря 1957 и со 2 января по 1 марта 1958 г.). Целью прослушки было выяснить вопрос, не сотрудничает ли Липский с французской разведкой. О том, что объект наблюдения является в то же время и председателем правления ККК, работники Госбезопасности, похоже, даже не вспомнили²⁶. П. Церанка объясняет такую неосведомленность пренебрежительным отношением Службы безопасности к Клубу, который не ассоциировался на тот момент с «происками врага». Нам остается принять эту версию, так как никаких данных, свидетельствующих об «оперативной игре» до весны 1958 г., на сегодняшний день нет.

Судя по отчетам тайных сотрудников, активисты Клуба делились на две группы. Меньшую составляли те, кто придерживались учения коммунизма и с этих позиций критиковали власть. К ним относились историк Л. Хасс (отсидевший 14 лет в ГУЛАГе), поэт Я. Выка, экономист анархистского толка Я. Вольский и молодой марксистский философ Я. Матясяк. Все они, так или иначе, выступали за решительное реформирование политического режима в сторону большего его соответствия идеям К. Маркса. Ко второй группе относились интеллектуалы, скептически оценивавшие не только социально-экономический строй Народной Польши, но и сам марксизм. В эту группу входили Я.Ю. Липский, писатель П. Ясеница, журналисты А. Малаховский и В. Зембиньский, социологи В. Едлицкий, Ч. Чапов, и др. Эта группа отличалась активностью, именно из ее приверженцев начиная с 1957 г. избирались все

председатели правления Клуба (последовательно ими становились: Липский, Малаховский (трижды) и Ясеница).

О степени влияния ККК на умонастроения интеллигенции в этот период свидетельствует тот факт, что только постоянных членов Клуба, по данным Службы безопасности, к началу 1962 г. насчитывалось до 273 человек, среди них немало виднейших представителей польской науки и культуры: экономисты В. Брус, Т. Ковалик и Э. Липиньский, бывший министр образования В. Беньковский, известные публицисты М. Червиньский, Е. Урбан и З. Найдер, адвокат Я. Ольшевский (будущий премьер Третьей Речи Посполитой), философ К. Помян, министр сельского хозяйства в межвоенной Польше Ю. Понятовский, известнейший социолог С. Новак, один из лидеров светского католического движения А. Велёвейский, бывший член руководства Польской социалистической партии Т. Штурм де Штрём, и многие другие^{27с}. Список же гостей включал почти 1200 фамилий²⁸. С докладами выступали как члены Клуба, так и специально приглашенные гости (например, писатели М. Ванькович и Е. Завейский, философы А. Шафф, Т. Котарбиньский и Л. Колаковский, социолог С. Оссовский, литературоведы Е. Помяновский и А. Сандауэр). Темы докладов отличались большим разнообразием: актуальные события в политике (январские выборы в Сейм в 1957 г., венгерское восстание 1956 г.), новые публикации и фильмы («Защита Гренады» К. Брандыса, «Пепел и алмаз» А. Вайды и Е. Анджеевского), годовщины памятных событий (трихлетие «Польского Октября», 30 лет со дня смерти экономиста Э. Абрамовского), положение в других странах (проблематика США, ФРГ, Алжира), законопроекты, вносимые в Сейм (Малый уголовный кодекс), вопросы народного хозяйства (рабочие советы, демография), общественная ситуация в стране (разводы, кооперация, состав Сейма), философия (марксизм, социализм, католицизм), литература и искусство (творчество К.И. Галчиньского, воссоздание Литературного объединения «Предместье»), история (польско-еврейские взаимоотношения в период оккупации, польский анархизм) и многие другие²⁹. Темы докладов утверждались правлением клуба без предварительного согласования с властями. Это нередко приводило к тому, что участников наиболее «опасных» дискуссий постигали разные кары: от партийного выговора до увольнения с работы и исключения из рядов ПОРП. Например, в 1959 г. после доклада Я. Выки о Коммунистической партии Польши (распушенной в 1938 г.

по решению Коминтерна) Варшавский комитет ПОРП потребовал вычеркнуть его, а заодно и двух других «радикалов» – Я. Вольского и Л. Хасса, из списка членов ККК. Клуб сумел отстоять своих членов, но в 1961 г. за продолжавшиеся «провокационные» выступления Выка был исключен из партии. В октябре 1959 г. в Клубе с докладом о довоенной фашиствующей организации ОНР-Фаланга должен был выступить Липский. Поскольку лидером упомянутой организации был занявший впоследствии «прокоммунистические» позиции католик Б. Пясецкий, доклад привлек огромное внимание. Однако правление в последний момент решило отменить его, чтобы не навлекать на себя лишние неприятности. Тем не менее, уже сама попытка коснуться запретной темы вызвала такой гнев у властей предрержащих, что Липский тут же лишился работы в Государственном издательском институте, а председатель правления Малаховский был уволен из еженедельника «Пшеглэнд культуральный»²⁹. Самые же суровые меры постигали тех, кто был уличен в сотрудничестве с эмигрантским ежемесячником «Культура». Как быстро установила Служба безопасности, связь с «Культурой» (через почтовые пересылки и приезжающих в страну знакомых) поддерживали очень многие члены ККК. Обычно целью таких контактов было приобретение научной литературы, недоступной в Польше, а также публикация за рубежом тех статей, которые не пропускала цензура. Примеры последних приводились в обобщающем отчете Службы безопасности по истории ККК. «В ноябрьском номере “Культуры” за 1957 г. была опубликована статья... Януша Матгьясяка “Невроз в Силезии”, где автор тенденциозно и преувеличенно описывает экономический хаос в Силезии в первые послевоенные годы, тяжелое положение шахтеров, “накручивание” норм, тяжелые условия и нечеткий режим работы, а также мнимую “эксплуатацию” этих людей. С. Куровский в 1957 г. вел переговоры с Е. Гедройцем по поводу публикации в рамках библиотеки “Культуры” своей работы “Размышления об экономической модели”, которую отправил в Париж. Я. Вольский много лет обменивался корреспонденцией с А. Герцем и Е. Гедройцем. Кроме того, он отправлял им на публикацию книгу о рабочем самоуправлении в кооперации труда. Эта книга содержала множество ложных утверждений, метивших в социалистическую идею кооперации труда, роль партии в этой сфере, а также отношение государства к кооперации...»³⁰. Известно было Службе безопасности и об обширной переписке, которую вели на рубеже

1950-х – 1960-х гг. Гедройц и Липский. Сотрудники Службы безопасности отметили, что первоначально хорошие взаимоотношения двух общественных деятелей сменились во второй половине 1959 г. некоторой отчужденностью, когда стало ясно, что правление Клуба не разделяет нацеленности редколлегии журнала на всемерное расширение свободы в Народной Польше. «С течением времени, – отмечали работники Службы безопасности в одном из своих отчетов, – когда “Культура” явно поменяла свой облик, не оставляя сомнений во враждебных намерениях журнала, наступило постепенное охлаждение взаимоотношений»³¹. Однако это не означало, что правление Клуба выступило против самой общественно-политической линии ежесеместника, ибо даже «и в этот период... – указывали сотрудники Госбезопасности, – Гедройц отправлял в ККК свои соображения о деятельности Клуба, призывая поощрять население страны к осторожному сопротивлению, например, бороться с цензурой. Он советовал собирать “ревизионистские” материалы и т.п.»³². Активисты ККК поддерживали такие шаги, хотя и не разделяли надежд на превращение Клуба в зародыш оппозиционной организации, о чем, судя по всему, думал главный редактор «Культуры». Возникло недопонимание, которое, впрочем, отнюдь не препятствовало обмену информацией.

Из скрупулезного перечисления подобных фактов следует, что если бы органы Госбезопасности Польши поставили своей задачей целиком пресечь связи своих сограждан с «Культурой», то не менее трети членов ККК оказались бы за решеткой. Однако сами по себе контакты с эмигрантским изданием преступлением в ПНР не являлись – «Культура» легально поступала в польские библиотеки и в адреса известных ученых и творческих работников. Получали ее и многие партийно-государственные деятели ПНР. Поэтому объектами судебных преследований становились лишь те из участников ККК, кого можно было обвинить в «распространении сведений, порочащих строй Народной Польши». Таковых за время существования Клуба оказалось трое: географ Анна Шажинская-Ревская, социолог Анна Рудзинская и писатель Ежи Корнацкий. Все они были уважаемыми людьми, пользовавшимися немалым авторитетом в Клубе (достаточно сказать, что Ревская и Рудзинская в период оккупации состояли в АК и принимали участие в боевых акциях). Ревская была приговорена в 1958 г. к 1,5 годам тюремного заключения за передачу в редакцию «Культуры» много-

численных материалов: «секретного доклада» Хрущёва, списков репатриантов из СССР, отчетов о деятельности ККК и положении в стране, и т.д.³³ Рудзинская, занимавшая в Клубе пост секретаря, была в феврале 1962 г. приговорена к году заключения за попытку перевода «враждебной» книги эмигрантского деятеля Польской социалистической партии Ф. Гросса «Захват политической власти», которую ей переслал Гедройц³⁴. Корнацкого осудили в начале января 1962 г., приговорив к штрафу и году заключения за намерение издать за рубежом коллективную работу польских писателей «Счет памяти», рассказывавшую о «перегибах» культурной политики партии в период берутовского тоталитаризма³⁵.

Суды по «делам» Рудзинской и Корнацкого состоялись в разгар мероприятий, связанных с закрытием «Клуба Кривого колеса», и, возможно, подтолкнули власть к принятию такого решения. Явственное похолодание в отношениях между ККК и представителями властей начало ощущаться уже в ноябре 1961 г. Именно тогда в отчетах тайных сотрудников Службы безопасности начали появляться эмоциональные оценки, несвойственные им раньше. Так, в отчете о собрании, посвященном помощи АК польским евреям во время оккупации, содержится следующий пассаж: «В какой мере Клуб вообще может быть свободной трибуной для АК-овцев и других бывших оппозиционных элементов, лишенных возможности публично высказываться?»³⁶. Спустя несколько месяцев один из тайных сотрудников разразился настоящей филиппикой против ККК: «Без всякого политического предубеждения следует сказать, что атмосфера [в клубе] является про-АКовской, ККК – это область обитания и отстаивания правоты членами бывшего руководства АК, «Свободы и независимости», Делегатуры (представительство лондонского правительства в стране во время оккупации. – В.В.), людей, сидевших в тюрьмах в 50-е гг., а ныне осторожно изливающих здесь свои жалобы и демонстрирующих в каждой речи свои комплексы в отношении того периода»³⁷. В апреле 1961 г. Службе безопасности удалось завербовать одного из «старых» деятелей Клуба Р. Щурковского, проживавшего с 1957 г. в Израиле. Щурковский поделился обширной компрометирующей информацией об организации Клуба и его «подрывной» деятельности в 1956 г.³⁸ Таким образом, Служба безопасности, очевидно, готовила материал для доказательства «вредоносной» сущности ККК.

Поскольку клубы интеллигенции, действовавшие при Домах культуры, государственных и общественных учреждениях, согласно распоряжению МВД от 1957 г., не могли быть зарегистрированы как сообщества, они не имели юридического лица. Размещаясь в ДК, они должны были подчиняться его уставу, однако Дом культуры Старого города не имел такового. 14 октября 1961 г. Управление внутренних дел Варшавы обратилось в Отдел культуры столичного горсовета с просьбой проконсультироваться перед тем, как утвердить устав данного учреждения. Возможно, именно эту дату следует считать началом целенаправленных действий по закрытию Клуба³⁹.

Трудно сказать, чем конкретно было вызвано изменившееся отношение властей к «Клубу Кривого колеса»: общим ли ужесточением политического курса Политбюро ЦК ПОРП, очевидным в начале 1960-х гг., или решением Службы безопасности о прекращении наблюдения за нелояльной интеллигенцией. Так или иначе, 12 января 1962 г. директор ДК Старого города сообщил Президиуму Совета клубов о решении передать здание в ведение Союза социалистической молодежи (ССМ). На следующий день Президиум адресовал письменный протест в горсовет, ссылаясь на незаконность такого постановления, а члены правления ККК отправились на переговоры с властями. Никакого результата это не принесло. Распространилась весть о скором закрытии Клуба. Как следствие, 18 января, когда в Клубе должен был выступить президент ПАН Т. Котарбиньский с докладом о свободе слова, собралось невиданное до тех пор количество слушателей. По словам члена правления В. Едлицкого, народу было так много, что один из тайных сотрудников вынужден был даже сообщить о своей принадлежности к Службе безопасности, лишь бы попасть внутрь⁴⁰. Это собрание в ККК широко освещала западная пресса, что стало еще одним поводом для нападков на Клуб со стороны силовых структур. «Похоже, что “Кривое колесо”, единственный подлинно свободный дискуссионный клуб в Польше, потерял доверие у правительства», – написала 25 января западногерманская газета «Ди Вельт»⁴¹, выразив общее убеждение польской общественности. Действительно, 1 февраля состоялось его последнее собрание, после чего ККК был распущен. На этом собрании также присутствовали западные журналисты, а с докладом «О конфликте гуманизмов» выступил один из крупнейших марксистских философов Польши А. Шафф. Во время дискуссии произошел довольно острый

обмен мнениями между выступавшим и его оппонентами, усугубленный неприятным инцидентом по окончании заседания. Аспирант Шаффа Я. Матъясак, активно защищавший профессора во время прений, столкнулся возле гардероба с нетрезвым человеком, появившимся из соседней столовой. Последний оказался личным недругом Матъясака и попытался затеять драку, но его сразу же скрутили и вызвали милицию. На этот скоротечный эпизод не обратили внимания, однако на следующий день А. Шафф сообщил о нем секретарю воеводского комитета ПОРП Юзефу Кемпе. Матъясака немедленно заставили написать заявление в милицию, где ход событий представлялся уже в куда более драматичном свете⁴². 5 февраля в президиум столичного горсовета были вызваны два члена правления Клуба, где им сообщили, что дальнейшие собрания отменяются. Первый секретарь воеводского комитета ПОРП в Варшаве В. Титков принял решение распустить ККК.

Была составлена обширная Записка о «Клубе кривого колеса», в которой инцидент с Матъясакем преподносился как следствие выступления Шаффа. «В итоге следует подчеркнуть, – указывалось в документе, – что правление ККК и сгруппировавшиеся вокруг него люди превратили дискуссионные собрания Клуба в форум враждебных выступлений и политических демонстраций... В связи с этим Секретариат В[оеводского] К[омитета] постановил: 1) рекомендовать Отделу культуры столичного городского совета принять решение о немедленной отмене вплоть до особого распоряжения собраний в “Клубе кривого колеса”... 2) рекомендовать газете “Жиче Варшавы” опубликовать до 10.02. с.г. критическую статью об атмосфере, в которой проходили дискуссии в ККК; 3) по окончании следствия опубликовать в прессе коммюнике гражданской милиции о произошедшем 01.02.62. в здании ДК Старого города; 4) проинформировать членов партии, входящих в ККК, о позиции партийной инстанции по вопросу дальнейшей деятельности Клуба; 5) рекомендовать президиуму столичного городского совета принять решение о передаче ДК Старого города в ведение варшавского комитета ССМ; 6) в течение недели подготовить план упразднения “Клуба кривого колеса”». Власть опасалась возможных эксцессов, поэтому на всякий случай поручила милиции и активистам ССМ наблюдать за порядком возле ДК. Все помещения в здании были срочно отведены под различные мероприятия. Кроме того, партийные инструкторы провели беседы на предмет создания другого клуба с работниками Академии наук, Варшавского университета и других научных учреждений.

Это должно было предотвратить совместное выступление интеллигенции. Опасения оказались напрасными. Хотя руководство Клуба и попыталось сохранить его, массовых протестных акций не последовало⁴².

Среди актива ККК было распространено убеждение (нашедшее свое отражение в книге В. Едлицкого «Клуб Кривого колеса»), что стычка между Матгьяском и его недругом была специально подготовленной провокацией Службы безопасности. Однако П. Церанка оспаривает это мнение. Он полагает, что инцидент носил случайный характер, а Шафф, сообщая о нем Ю. Кемпе, руководствовался соображениями личного порядка, не имевшими ничего общего с замыслами Службы безопасности⁴³. Анализ документов польского МВД, посвященных Клубу, позволяет согласиться с этой версией. По всей видимости, намерение закрыть Клуб вызревало у «силовиков» давно, оформившись к началу 1962 г. в окончательное решение. Не хватало лишь повода, и случайное столкновение возле гардероба стало для сотрудников органов Госбезопасности и представителей партийных структур неожиданным, но столь необходимым подарком.

Резюмируя, можно сказать, что «Клуб Кривого колеса» сыграл огромную роль в зарождении и развитии политической оппозиции в ПНР. Начавшись как мероприятие нескольких партийных деятелей, он превратился в полноценную структуру гражданского общества, став одним из немногих мест, где люди разных убеждений имели возможность встречаться и обсуждать интересующие их темы из области политики, культуры и искусства. Связи, налаженные в период существования ККК, сыграли значительную роль в возникновении впоследствии полноценных оппозиционных организаций. Именно «Клуб Кривого колеса» явился школой, в которой ее «ученикам» прививались основы взаимопонимания между носителями различных мировоззрений и закладывался фундамент для объединения всей неконформистской интеллигенции на базе демократических ценностей и неприятия авторитарной диктатуры. Я.Ю. Липский позднее особо отмечал тот вклад, который внес ККК в выработку общественно-политических взглядов варшавской интеллигенции, ее консолидацию и формирование чувства солидарности⁴⁴. Не отрицали этого и проправительственные историки (например, Б. Фиялковская), по мнению которых Клуб имел все шансы стать кузницей интеллектуальных кадров партии, но вместо этого явился училищем «кадров контрреволюции»⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // *Zeszyty historyczne*, 2006, zesz. 158. S. 74.

² AIPN 0236/175 t.1. K. 12-13.

³ *Ceranka P.* (Nie)zapomniany Klub Krzywego Koła. В личном архиве автора. S. 1.

⁴ *Ceranka P.* Sprawa o kryptonimie “Kwadrat” // *Zeszyty historyczne (Paryż)*, 2005, zesz. 152. S. 94-96.

⁵ *Ibid.* s. 96.

⁶ AIPN 0236/175 t. 2. K. 389.

⁷ См.: *Wilcz-Grzędzińska E.* Klub Krzywego Koła // *Tygodnik Demokratyczny*, 1989, № 3; *Jedlicki W.* Klub Krzywego Koła. Paryż, 1963. S. 13; AIPN 0236/175 t. 2. K. 93.

⁸ См., например: *Friszke A.* Początki Klubu Krzywego Koła. *Zeszyty Historyczne (Paryż)*, 2004, zesz. 199.

⁹ *Ceranka P.* Sprawa o kryptonimie “Kwadrat” // *Zeszyty historyczne (Paryż)*, 2005, zesz. 152. S. 95-96; *Jedlicki W.* *Op.cit.* s. 77.

¹⁰ AIPN 0236/175 t. 2. K. 392.

¹¹ AIPN 0236/175, t.1. K. 25-26.

¹² AIPN 01334/371. K. 9.

¹³ AIPN 0236/175 t.2. K. 388.

¹⁴ *Friszke A.* *Opozycja polityczna w PRL.* Londyn, 1994. S. 174.

¹⁵ AIPN 01334/371. K. 14.

¹⁶ AIPN 0236/175 t. 2. K. 105.

¹⁷ *Ibid.* k. 116.

¹⁸ *Ibid.* k. 34.

¹⁹ *Ibid.* k. 104-106, 394.

²⁰ *Ibid.* k. 26.

²¹ *Ceranka P.* (Nie)zapomniany Klub... S. 3; AIPN 0236/175 t. 2. K. 265.

²² AIPN 01334/371. K. 35-36.

²³ *Ibid.* k. 33.

²⁴ AIPN 0236/175 t. 2. K.29.

²⁵ Цит. по: *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // *Zeszyty historyczne*, 2006, zesz. 158. S. 74.

²⁶ AIPN 0236/175 t. 2. K. 28.

²⁷ *Ceranka P.* *Sprawa...* S. 88.

²⁸ РГАНИ Ф. 5. Оп. 28. Д. 398. Л. 128.

- ²⁹ *Ceranka P.* Sprawa... S. 87.
- ³⁰ *Ibid.* s. 91.
- ³¹ AIPN 0365/9 t. 2. K. 82-89.
- ³² *Ceranka P.* (Nie)zapomniany klub... S. 5.
- ³³ *Ibid.* s. 3-4.
- ³⁴ *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła... S. 75.
- ³⁵ AIPN 01334/371. K. 55.
- ³⁶ AIPN 0236/175 t. 2. K. 163.
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ AIPN 01334/371. K. 51.
- ³⁹ AIPN 0365/9 t. 2. K. 1-10; Eisler J. *Polski rok 1968.* Warszawa, 2006. S. 144.
- ⁴⁰ AIPN 02961/172 t. 6. K. 17-18; AIPN 0236/175 t. 2. K. 175-179.
- ⁴¹ AIPN 0236/175 t. 3. K. 116-129.
- ⁴² *Ibid.* K. 141.
- ⁴³ AIPN 0236/175 t. 2.
- ⁴⁴ *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu Krzywego Koła // *Zeszyty historyczne*, 2006, zesz. 158. S. 78-79.
- ⁴⁵ *Jedlicki W.* *Op. cit.* S. 156.
- ⁴⁶ AIPN 0236/175 t. 3. K. 211.
- ⁴⁷ *Ceranka P.* Zamknięcie Klubu... 87-88.
- ⁴⁸ *Ibid.* s. 91-93, 95.
- ⁴⁹ *Ibid.* s. 85-86.
- ⁵⁰ *Lipski J.J.* *KOR.* Londyn, 1983. S. 13.
- ⁵¹ *См.: Eisler J.* *Marzec 1968.* Geneza, przebieg, konsekwencje. Warszawa, 1991. S. 37.

Л.Ф. Широкова

СЛОВАЦКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРИОДИКА 1960-х гг. И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Большая заслуга в формировании либеральных настроений в словацком обществе принадлежит деятелям культуры, в том числе и литераторам – прозаикам, поэтам, литературным критикам, публицистам, а также служившим им рупором периодическим изданиям. Прежде всего следует назвать литературные журналы:

«Културны живот» (1946-1968), орган Союза словацких писателей, которому, особенно в 60-е гг., принадлежала роль центральной арены острых политических выступлений и литературных дискуссий.

«Словенске погляды», старейший литературный ежемесячник (1846-по наст. время, в 60-е гг. главными редакторами были М.Ферко, Й.Кот).

«Ромбоид» (с 1966 г., главный редактор в 1966-67 гг. – М.Валек, среди основателей, выразивших в названии журнала свою приверженность идейному и поэтическому направлению творчества Л.Новомеского – литераторы среднего поколения, поэты М.Руфус, В.Мигалик, В.Турчани, историки литературы С.Шматлак, Й.Бжох).

В их числе и «Млада творба» (1956-1970), ежемесячник молодого литературного поколения. С журналом «Млада творба» связано вступление в словацкую литературу нового поколения поэтов и прозаиков, известных позднее как «Поколение 56» (прозаики Я.Блажкова, А.Гикиш, Я.Йоганидес, Р.Слобода и др.), поэты – «конкретисты» (Я.Стахо, Л.Фелдек, Я.Ондруш) и «одинокие бегуны» (Ив.Штрпка, Петер Репка. Ив.Лаучик). Молодые литераторы искали новые пути в искусстве, решительно отказываясь от официально принятой концепции социалистического реализма. В программном заявлении «одиноких бегунов» написанном в парадоксально-ироническом стиле, звучит призыв к открытости поэзии: «Открытое стихотворение исходит из перманентного присутствия человеческой структуры, в основе которой лежит тот факт, что целое существует, но ускользает»¹ В 60-е гг. главными

редакторами журнала, во многом определившими его облик и направленность, были поэты М. Валека (1962-66) и Я. Бузаши (1967-70). «"Млада творба" вместе с еженедельником "Културны живот", – подчеркивает крупный словацкий исследователь Д. Ковач, – стала не только площадкой для новых художественных течений, но и местом, где формировалась духовная оппозиция против закостенелого режима»²

Заметное воздействие на молодых прозаиков оказало и ставшее возможным знакомство с образцами западной литературы, в чем значительную роль сыграли литературные периодические издания, такие как чешский журнал «Свьетова литература» (издавался с 1956 г.) и словацкий «Ревю световой литературы» (с 1965 г.). В произведениях зарубежных писателей XX века – а здесь публиковались переводы М. Пруста, Сартра, Роб-Грийе, Т. Элиота, А. Миллера и А. Вознесенского – они находили и новые художественные приемы и формы, а также отвечающее их собственным ощущениям проникновение в психологию современника. Новый, гуманистический пафос, стремление преодолеть отжившие шаблоны и открыть истинное «человеческое лицо» индивидуума и общества, которые отвечали и настроениям в обществе того времени, особенно в молодежной среде, звучали в поэзии, прозе, публицистике, усиливаясь ко второй половине 60-х гг.

В Словакии, по сравнению с Чехией, литераторы имели большие возможности для самовыражения. На страницах периодических изданий велась жаркая полемика, печатались публицистические выступления по вопросам культурной политики, защиты национальной идентичности, словацких культурных традиций.

Для журнала «Културны живот» в 1960-е гг. характерны открытость высказываний и широта представленных в них позиций, правда, нередко ограничиваемая давлением со стороны партийно-идеологических органов, особенно после всплеска свободомыслия в «оттепельные» 1956 и 1963 гг. Этот журнал, ориентированный прежде всего на освещение и анализ литературной жизни Словакии, стал одновременно и платформой общественно-политической публицистики. Он был, особенно во второй половине 1960-х гг., одним из наиболее читаемых периодических изданий, дискуссионной трибуной, рупором идей обновления, идей «Братиславской весны». Можно выделить три основных круга общественно-политической проблематики выступле-

ний и дискуссий этого времени: это проблема преодоления деформаций начала 50-х гг. и реабилитации жертв политических репрессий (прежде всего, Л. Новомеского, Г. Гусака и др.), проблема национальной идентичности (эссе В. Минача, М. Руфуса, Д. Татарки и др.) и тесно связанный с ней вопрос о федерализации, установлении равноправного положения Чехии и Словакии в государственном устройстве; поднимались и другие злободневные политические и социальные проблемы. Идеологическое звучание имели и дискуссии о современной литературе.

Краткий период «оттепели» 1956 г., вызванный XX съездом КПСС, был в Словакии недолгим, однако именно он дал толчок дальнейшему процессу либерализации и гуманизации общественного сознания, постепенному освобождению от закостенелых догм. На страницах журнала «Културны живот» развернулась дискуссия об одной из этих догм – социалистическом реализме. «Благодаря ослаблению гнета страха, этого мощнейшего оружия власти, – отмечает словацкий исследователь Ю. Марушьяк, – в среде словацких писателей начался постепенный процесс деканонизации социалистического реализма, поиска индивидуальных художественных средств и творческих концепций»³. Споры шли, в частности, и вокруг романа Ф. Гечко «Деревянная деревня» (1951), считавшегося образцом этого метода. Тон дискуссии задал Доминик Татарка (1913-1989), сам в недавнем прошлом бывший адептом «партийной» литературы, проникнутой оптимистическим пафосом и идеями созидания нового общества (романы 1954 г. «Свадебный пирог» и «Дружные годы»).

После недолгой оттепели 1956 г. наступил период «закручивания гаек», и уже в конце 50-начале 60-х на страницы «КЖ» возвращается прежняя риторика. Так, первый номер журнала за 1961 г. открывается речью секретаря Союза словацких писателей Милоша Крно, произнесенной на конференции ССП 22 декабря 1960 г., где говорится о необходимости более тесной связи литературы с жизнью трудящихся, о пользе писательских командировок на производство, о необходимости «корректировать ошибочные точки зрения» писателей, особенно – молодых⁴. В седьмом номере за тот же год содержится обширная статья Ф. Богача «За новый эстетический идеал», где дается уничтожающе-критическая оценка упадочного западного искусства, оказывающего, по убеждению автора, пагубное влияние на неокрепшие умы в Словакии. С незыблемых партийных позиций он указывает им на истинные ценности: «Поскольку

коммунизм является высшим идеалом человечества, он представляет собой и эстетический идеал, а в наших условиях – источник воспитательной силы искусства, поскольку мы строим мощный фундамент нового общества»⁵.

Часто со страниц журнала напрямую звучит командный голос партийного руководства, готового направлять культуру в нужное русло. В этом духе выдержано выступление первого секретаря ЦК КПС Карола Бацилека на совещании руководства партии с деятелями искусств 16 сентября 1961 г., где формулируются и общие установки («Нашим трудящимся нужно искусство, которое поддерживает все здоровое и отвергает все плохое, которое показывает хорошие и плохие примеры, ...искусство, которое стоит на стороне социализма и коммунизма»), и конкретные указания – своего рода идеологический социальный заказ («Сегодня нам нужны бодрые, воодушевляющие песни, ...которые пел бы весь народ. И такими же понятными, воодушевляющими, легко запоминающимися должны быть стихи, чтобы они вошли в сердца наших трудящихся»⁶).

С 1962 г., под воздействием прошедшего в СССР XXII съезда КПСС, и в Словакии наблюдается некоторое ослабление идеологических пут, тормозивших развитие культуры. В первых номерах «КЖ» за этот год еще появлялись материалы пропагандистского содержания, например, статья поэта-коммуниста А. Плавки «Новые задачи литературы». В ней автор поддерживает линию партии на «честную критику культа личности и нарушения норм партийной жизни», а также в весьма мягкой форме упрекает авторов схематичных произведений соцреализма в увлечении мечтой за счет правды жизни. Более резкой критики, по его мнению, заслуживают те, кто «бросился в другую крайность – в негативизм, который наносит еще больший ущерб здоровому развитию нашей литературы»⁷. Однако в целом к середине 1962 г. стал заметен отказ от идеологических передовиц, вместо них на первых страницах все чаще встречаются краткие литературные очерки, полемические выступления писателей, зарисовки (например, посвященные очередному Венецианскому кинофестивалю и др.). Затрагивались реальные проблемы литературы, получили слово молодые критики и писатели. Так, в статье «Краткий баланс молодой прозы» (№44) Йозеф Боб говорит о еще недостаточной самостоятельности, художественной незрелости молодых, а Павел Штевчек в статье «Проза в зеркале дискуссий» (№51-52) – сопоставляет чешскую и словацкую молодую прозу.

Ставшие неизбежными шаги по реформированию общественно-политической жизни, кадровые изменения в руководстве (в особенности, назначение на пост первого секретаря ЦК КПС А. Дубчека) благоприятно отразились и на сфере культуры. Все более отчетливо стала звучать в печати тема преодоления последствий культа личности, политических процессов 50-х гг. и реабилитации репрессированных.

В ряде номеров «КЖ» за 1963 г. публикуются подборки стихотворений опального в недавнем прошлом поэта Ладислава Новомеского (1904-1976), ставшего жертвой политических репрессий 50-х гг. Он находился в заключении с 1951 по 1955 г. и был реабилитирован и восстановлен в Союзе писателей лишь в 1963 г. Написанные в тюрьме и сразу после досрочного освобождения стихи вышли вскоре после журнальной публикации в более полном книжном варианте («Вилла “Тереза”», 1963; «До города 30 минут», 1963; «Оттуда и другие стихи», 1964). «Оттуда», то есть из тюрьмы, Л. Новомеский дает своего рода поэтическое свидетельство о жестокости и несправедливости, о тоске по свободе и воле к жизни:

*Как другие виноватые, как другие без вины,
бродишь дни и ночи, бродишь триста дней.
Ноги словно в кандалах волочишь по земле,
до стены пять шагов и пять шагов от стены*

(«Мотив 1950»).

*Часы, недели, месяцы и стены:
безбрежный океан, и нет нигде земли...
тоскливо, душно мне до умопомраченья
от этих тихих, молчаливых стен...*

(«Сумерки»)

Слова Л. Новомеского о репрессиях начала 50-х гг., о необходимости реабилитации и возвращения в литературу преследовавшихся писателей звучат и в его выступлении на конференции Союза словацких писателей (апрель

1963 г.), материалы которой публикуются в двух номерах «КЖ» (№№ 17, 18, 1963). «Главное теперь, – настаивал поэт, – вернуть этим людям членство в сознании народа, коммунистов и беспартийных, поколения, которое их потеряло»⁸. Тема политических репрессий стала центральной в творчестве этих лет прозаика, будущего активного диссидента и эмигранта Ладислава Мнячко (1919-1994). Его рассказы, публиковавшиеся в «КЖ» («На кладбище», № 20, 1963 и др.) и вошедшие в книгу «Запоздалые репортажи» (1963) – это эмоциональное повествование о трагических людей, бывших участников антифашистского Словацкого национального восстания, судьбы которых были искалечены репрессивным режимом.

В реабилитации, а точнее, в решительной корректировке его оценок, нуждалось и само Словацкое национальное восстание, многие руководители (Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис и др.) и рядовые участники которого пострадали по сфабрикованному делу «словацких буржуазных националистов». И начиная с августовского номера на 1963 г. (за год до десятилетия начала восстания) в «КЖ» стали появляться статьи на эту тему, дающие более объективную и развернутую картину событий (Г. Гусак «Революционные традиции и Словацкое национальное восстание», Л. Новомеский «О побудительных мотивах», А. Матушка «Осень 1944 – личное и не-личное» и др.).

Параллельно, как бы вырастая из размышлений и споров вокруг Словацкого национального восстания, в журнале шли материалы, посвященные словацкой истории, словацкому языку, словацкому национальному самосознанию, тяготевшие, особенно в 1967-1968 гг., к идее необходимости федерализации государства.

Национальный вопрос обсуждался на страницах «КЖ» в ходе оживленной дискуссии, начавшейся с полемической статьи Романа Калиского «Народ с грехами отцов?». Отвечая на этот риторический вопрос, переводчик Зора Есенска писала: «Осуществление национальных прав словаков связано с сомнением, будет ли вообще прогрессивным осуществлять их: начало этому положило столкновение штуровцев с венгерской революцией (1848 г. – Л.Ш.), отзвуки которого слышны даже сто лет спустя»⁹

В 1967 г. печатались дискуссионные материалы, посвященные 4. Съезду чехословацких писателей, Обсуждались самые разные вопросы: поддержка Израиля в войне с арабами, запрет романа Л. Мнячко «Каков вкус власти» и

его отъезд в Израиль, а до этого – публикация его обличительных «Запоздалых репортажей», уход из редколлегии Романа Калиского, возглавлявшего отдел публицистики. Р. Калиский прославился своими острыми репортажами, в том числе – «Как убивают мух» о кадровых чистках по политическим мотивам, где он расследует конкретный случай («по следам одного письма») с разных сторон, привлекая множество людей, приводя их мнения и оценки ситуации.

В 1968 г. наряду с обширной, разбитой на несколько номеров статьей г. Гусака «Примечания к Февралю», эссе В. Минача «Где наши замки» и др. здесь можно увидеть и выступления по обсуждавшейся тогда проблеме федерализации поэта М. Руфуса («Беда от народа»), литературоведа и критика П. Штевчека («Условия и замечания»), а также затрагивающие проблему прав человека острые публикации переводчика З. Есенской и прозаика Л. Мнячко.

Все чаще и активнее выступает на страницах «КЖ» Доминик Татарка; с марта 1968 г. он вошел в редколлегию журнала. Проблемам современной литературы и общества посвящены его «Вневременные размышления» (№ 51-52, 1967), статья «Культура как общение» (№31, 1968) и др.

Внутренней полемикой были отмечены и опубликованные в журнале материалы Конференции Союза словацких писателей, прошедшей в 1968 г. Так, если Д. Татарка в своем критическом выступлении говорил о необходимости коренного обновления национальной культуры, подразумевающего «неограниченное разнообразие художественных форм выражения», то В. Минач настаивал на том, что только социалистическое сознание может «реализовать истинное представление о свободе». Весьма эмоциональными были и выступления Я. Блажковой, Р. Слободы, А. Гикиша, Л. Тяжкого и др.

В тревожной атмосфере последних недель накануне оккупации в печати стали все чаще появляться открытые письма и обращения писателей в поддержку реформаторской линии, на которую возлагались все надежды на экономическое и культурное возрождение нации. 19 июля было опубликовано послание, адресованное писательским организациям стран социалистического лагеря, включая Советский Союз, за подписью членов президиума Союза словацких писателей А. Матушки, В. Минача, В. Мигалика, Л. Новомеского, С. Шматлака, П. Штевчека, М. Валека и др. В ответ на огульную, непродуктивную критику в средствах массовой информации этих стран они выступили с разъяснением ситуации в обществе, заверяя в незыблемости основ социализ-

ма, в сохранении руководящей роли компартии, которая «исправляет ошибки, допущенные системой и возвращает социализму его изначальную марксистскую гуманистическую и демократическую сущность» и, предвидя вероятное развитие событий, подчеркивали опасность «внешнего психологического или силового давления, направленного против процесса возрождения в ЧССР».

В этом же июльском номере журнала со своими статьями выступили прозаики Л. Тяжкий («Сможем ли мы избежать трагедии?») и Л. Мнячко. В статье с русским заглавием, написанном латиницей – «Да здравствует вечная» Л. Мнячко пишет о традиционной симпатии словаков к России и недоумевает по поводу искаженного освещения в советской печати процессов обновления, проходящих в ЧССР.

Гораздо более драматично звучали слова напечатанного в начале августа открытого «Обращения граждан» (прежде всего, деятелей культуры и искусства) к Президиуму ЦК КПЧ в преддверие переговоров с руководителями «братских» компартий. Отстаивая свою веру в истинный, демократический социализм как в «единственную реальную альтернативу для всей цивилизации», подписавшие его (а в их числе были известные писатели А. Беднар, П. Карваш, К. Лазарова, П. Виликовский, Д. Татарка, Л. Тяжкий и др.) выразили общую тревогу ввиду ускоряющегося негативного развития событий, обвинений, звучащих извне, в предательстве общих идеалов: «Над нами висит угроза несправедливой кары, которая... сведет на нет наши усилия, а главное – самым трагическим образом дискредитирует идею социализма во всем мире на долгие годы».

Тогда же со своими личными репликами, заметками, статьями выступили словацкие литераторы. Переводчик и публицист Зора Есенска в статье «Если бы я была политиком» указывает на приоритеты и ценности, которые следует защищать «даже ценой собственной жизни» – это «три суверенитета: государственный, национальный и гражданский». А. Гикиш в статье «Почему?» настаивает на необходимости активной позиции каждого перед лицом опасности и говорит о значении борьбы за обновление в Словакии: «Даже если нам больше ничего не удастся сделать, мы все же расчистили своими локтями место не только для десятков малых народов, но и для всего того святого, человеческого, что еще сохранилось где-то в потаенном уголке славянской души». О тесной взаимозависимости (социалистической) культуры и свободы

слова и высказывания рассуждает Д. Татарка в программном эссе «Культура как общение». П. Штевчек формулирует «Несколько тезисов о ситуации словацкого народа», где показывает положение «малого народа в эпоху политики глобальных блоков» и в пространстве, где «проходит самый рискованный и революционный эксперимент по упорядочению человеческой жизни».

Л. Мнячко в «Письме неназванному послу неназванной страны» ставит острые вопросы одному из тех, кто виновен не просто в «роковом непонимании ситуации», но и в сознательном искажении фактов, когда говорит о «несуществующих заговорах, о слабости нашего теперешнего руководства, о закамуфлированной контрреволюции».

Л. Новомеский, многолетний активный автор журнала «Културны живот» подчеркивал его роль в жизни словацкого общества: «Если наш писатель завоевал авторитет у своего читателя, то только потому, что не уходил в кусты, а вмешивался в общественные и политические дела и по-своему способствовал созданию и укреплению нравственных основ». Новомеский высоко оценивал общественно-политическую составляющую в работе журнала, говоря о том, что «Разговор о культуре и литературе без разговора об обществе одноклассов и маловразумителен»¹⁰.

В 1998 г. в Словакии вышла в свет книга «"Културны живот" и словацкая весна 60-х годов», представляющая собой сборник аналитических статей, хроники и воспоминаний авторов и редакторов прославленного издания. Значительная их часть – это материалы конференции, посвященной 50-летию «КЖ».

Главный редактор журнала в 1968 г., Йозеф Боб, так оценивал его роль уже после «нежной революции»: «Это была не редакция, это был некий национальный институт, где встречались писатели, художники, артисты, педагоги, студенты и ученые. Все здесь отвечало общей тогдашней атмосфере спонтанности, творчества, свободы и критической отваги»¹¹. Соответствовала этому духу обновления и литературно-критическая и художественная направленность (политика) журнала – в русле полемики с догмами соцреализма и поддержки всего нового и перспективного (публикация произведений и дискуссии вокруг них) – А.Беднар, Д.Татарка, Я.Йоганидес, В.Шикла, Р.Слобода и др., выступления критиков сильного молодого поколения П.Штевчек, В.Петрик, Ю.Ноге, М.Гамада и др.).

Процесс обновления, большой вклад в который вложили литературные издания, и прежде всего «Культурны живот» начинался в рамках социализма и его целью был социализм «с человеческим лицом», социализм гуманный, демократический Сейчас, спустя годы, «мир социализма» остался в прошлом, однако продолжают существовать ценности гуманизма и демократии, за которые боролись рыцари «Братиславской весны».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mladá tvorba, 1967, č. 2. S. 4

² Kováč D. Dejiny Slovenska. Praha, 1998. S. 272

³ Marušiak J. Slovenská literatúra a moc v druhej polovici päťdesiatých rokov. Brno, 2001. S. 9

⁴ Kultúrny život, 1961, č. 1. S.1

⁵ Kultúrny život, 1961, č. 7. S.10

⁶ Kultúrny život, 1961, č. 38. S.3

⁷ Kultúrny život, 1962, č. 2. S.1

⁸ Kultúrny život, 1963, č. 17. S.3

⁹ Kultúrny život, 1967, č. 2. S.3

¹⁰ Kultúrny život, 1966, č. 1. S.1

¹¹ Bob J. Časové a nadčasové impulzy Kultúrného života // Kultúrny život a slovenská jar 60. rokov. Bratislava, 1998. S. 55

Н.В. Шведова

ЗИГЗАГИ ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАЦКОЙ ПОЭЗИИ)

В словацкой общественной жизни роль поэта традиционно отождествлялась с ролью глашатая нации, трибуна, властителя умов. До 1918 г. это было связано с тем, что литература, собственно, была одним из главных, а порой и единственным способом выразить национальные интересы словаков и стимулировать национальное самосознание. Такими поэтами-героями были в первой половине XIX в. романтики-штуровцы¹, во второй половине века – Гвездослав, Светозар Гурбан-Ваянский. В начале XX в. штуровский идеал поэта, озабоченного прежде всего служением нации, стал корректироваться в сторону более камерного, интимного звучания. Тем не менее, такие ведущие поэты начала века, как Я. Есенский, И. Краско, В. Рой, по-прежнему воспринимались в качестве выразителей национальных интересов и в той или иной степени так себя и ощущали. Качественное изменение происходит уже в межвоенной Чехословакии. Вопрос выживания нации уже не стоит так остро, актуальность приобретают социальные проблемы, особая роль отводится эстетической составляющей поэзии, которая в Словакии интенсивно впитывает и осваивает импульсы модернистского и авангардного искусства. Однако влияние литературы на общественное мнение всё еще очень велико. Поэтому власти стремятся с помощью идеологических рычагов выделить одни художественные течения и затушевать другие.

Это отчетливо видно в годы существования Словацкого государства в 1939-1945 гг., т.е. в годы Второй мировой войны. Именно на те годы пришелся расцвет искусства сюрреализма, весьма значимого для национальной культуры. Поскольку словацкие сюрреалисты еще в 1938 г. в своем неофициальном манифесте «Да и нет» высказались «против фашизма и культурной реакции», руководство Словакии – сателлита гитлеровской Германии – не

¹ Людовит Штур (1815-1856) – словацкий поэт, ученый, общественный деятель, кодификатор словацкого литературного языка, глава национальной романтической школы в середине XIX в.

запрещало, но и не одобряло это новое движение. Критики, верные официальной идеологии с ее клерикальной окраской, стремились доказать, что сюрреализм на словацкой почве – явление чужеродное и бездуховное (Йозеф Кутник-Шмалов и др.). Впрочем, о возможности укоренения сюрреализма в Словакии сомневались и выразители других доктрин – представитель пролетарской поэзии Ян Роб Поницан и один из «отцов» словацкого натуразма Людо Ондрейов.

Словацкие сюрреалисты никогда не отказывались от национальных ценностей, как, скажем, сюрреалисты французские. Напротив, они провозглашали связь с прогрессивной словацкой традицией (что для западного авангарда нехарактерно), прежде всего с традицией романтика Янко Краля (1822-1876), и в начале 1939 г. назвали себя на славянский лад: надреалисты, – что уже имело место в сюрреализме сербском. Неприятие официальной критики вызывало не только отрицательное отношение надреалистов к войне, выразившееся в картинах разорванного, изуродованного мира, но и раскованность поэтической фантазии, главное завоевание надреалистического искусства, которая позволяла вести диалог с читателем в обход цензурных ограничений. Три центральных произведения надреалистической поэзии – поэмы «Станция смерть» Штефана Жари, «Я это кто-то другой» Рудольфа Фабри и «Нереальный город» Владимира Райсела – стали приговором военному кошмару. Надреалисты, как и Витезслав Незвал (а в известной степени – и французские глашатаи сюрреализма), тяготели к левому крылу политического спектра, если не прямо к коммунистическому движению. Поэтому в их произведениях освобождение от фашизма, которое несла Красная Армия, воспринималось с восторгом, а будущее виделось в социалистических тонах.

Вторая половина 1940-х гг. – это и всплеск активности надреалистов, свободных от ограничений военного времени (выходит значительное число поэтических книг), и переход поэтов на другие художественные позиции, не обязательно соцреалистические (например, неосимволистские веяния в творчестве Юлиуса Ленко или Яна Брезины). Но факт остается фактом: в 1950-е гг. бывшие надреалисты становятся певцами социалистического строительства, как, впрочем, и представители других художественных течений (Ян Костра, Павол Горов), и поэты нового поколения (Войтех Мигалик), и др. Эта трансформация и привлекает наше внимание. Хотелось бы

отрешиться от однозначных и потому уже необъективных оценок поэзии 1950-х, даваемых и в 1960-е, и в 1990-е годы, и в наше время. Массовой конъюнктурностью этого феномена не объяснить. Литературовед Павол Штевчек (сам пострадавший за свои взгляды в 1968 г.) писал в начале 1980-х: «Воспевание, прославление, похвала, радость, вера, убежденность в правильности общественных усилий – приблизительно такими были идейные детерминанты значительной части тогдашней словацкой поэзии, включая и творчество Райсела».² На наш взгляд, следует учесть по возможности всю совокупность индивидуальных и общественных предпосылок распространения такого рода поэзии, впоследствии названной «схематизмом» или «условностью». Ныне, впрочем, под это определение порой притягивается и настоящая поэзия лишь за то, что автор придерживался социалистических взглядов (неоднозначное отношение к выдающемуся поэту второй половины века Мирославу Валеку). Но даже типично «схематическую» поэзию все-таки создавали талантливые люди, писавшие не производственные романы, а стихи, в которых отражались душевные вибрации авторов.

Нас интересует, в частности, творческая судьба едва ли не самого яркого и последовательного надреалиста – Владимира Райсела (1919-2007). Он прожил долгую жизнь, рано осознал свое поэтическое предназначение и уже к двадцати пяти годам получил заслуженную известность в литературных кругах. В молодые годы, еще гимназистом в словацкой провинции, Райсел начал переводить новую французскую поэзию, хорошо владея языком, и представил соотечественникам Бодлера, Рембо, Аполлинера, Бретона, Элюара и многих других. Его письма конца 1930-х гг., приведенные в антологии словацкого литературоведа Милана Гамады «Надреализм. Авангард-38»³, позволили нам иначе взглянуть на душевный мир одаренного поэта. Юный Райсел в переписке с организатором словацкого надреалистического движения, литературоведом Микулашем Бакошем (1914-1972) осознанно включает себя в ряды сюрреалистов, и его настроения при этом колеблются от необычайного воодушевления, почти экстаза, до отчаяния и ощущения обреченности, провала новой словацкой поэзии. Всё это выдает в нем человека

² Števíček P. Literatúra v epoche socializmu // Dejiny slovenskej literatúry. Bratislava 1984. S. 647.

³ Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava 2006.

чрезвычайно чувствительного, зависящего от отклика на его поэзию, легко выпадающего в крайности. Словацкое литературоведение обоснованно считает творчество Райсела надреалистического периода (1939-1945), вписавшееся в рамки военного времени, лучшим из всего, что было им написано (как, собственно, и у большинства его соратников). Надреалист Штефан Жари писал о нем в 1946 г.: «Райсел – поэт любви, женщины, душистых и болезненных страстей, открыватель поэтических объектов, драгоценных камней в маленьких, незаметных вещичках, поэт ладоней, которые гладят, груди, на которой укрывают, глаз, которые грустят, тела, которое безгрешно любит».⁴ Что же случилось с поэтом в годы так называемого схематизма?

Скорее всего, мы лишь наметим основные вехи постижения этой проблемы. При этом нашим материалом станет поэзия как таковая – то, чем поэт и оправдывает свое существование на Земле. Хотелось бы понять, почему Райсел, любимыми словами которого в военные годы были «нонконформизм» и «меланхолия», столь неузнаваемо изменился в 1950-е гг. Сошлемся на наш опыт переводчика поэзии. После знакомства с надреалистическим творчеством Райсела, вызвавшим восхищение и желание заняться надреализмом поближе, мы с трудом нашли хоть что-то похожее на прежнего поэта в его сборнике 1960 г. «Море без отлива», который словацкие специалисты считают началом выхода из кризиса 1950-х. Произведения следующего сборника, «Стихи о сне» (1962), вызвали ощущение возврата к прошлому, характерного и для других бывших надреалистов в этом десятилетии. На наш взгляд, здесь проявилась включенность поэта в социум, преломляющий господствующую идеологию и созидающий общественное мнение.

Весной 1945 г. Райсел вступает в КПЧ и некоторое время находится на службе в Министерстве иностранных дел, в том числе – дипломатом в Париже (что, по логике, должно было усилить его интерес к французской поэзии; впрочем, Арагон и Элюар уже отошли от сюрреализма). В 1950-е гг. у него выходит семь сборников стихов, тональность которым задает опубликованная в 1951 г. поэма «Мир без господ». Она еще написана верлибром, который культивировали надреалисты (и не только они) в межвоенный и военный периоды истории. Но это лишь отголоски прежней поэтики. Жизненный путь словака

⁴ Цит. по: *Bakoš M. Básnická cesta nadrealistu Vladimíra Reiselu // Reisel V. Prvé smutné rozkoše. Bratislava 1968.*

Яна, познавшего горечь нужды и эмиграции, ведет к вымечтанному «миру без господ». И последующие сборники Райсела – «Дёма» (1953), «Любимые любящие» (1954) и др. – переполняет безудержная радость, прославление жизни, то есть полная противоположность его поэзии военного времени (за исключением концовки сборника «Зеркало и за зеркалом», 1945). Пессимизм превращается в столь же всепоглощающий оптимизм, резко меняется и поэтика. Райсел пишет если не примитивно, то подчеркнуто просто, поэтический словарь его значительно беднеет, в нем выступают романтические клише. Взамен верлибра – традиционная силлабо-тоника со строфической организацией и регулярными точными рифмами. Надо отдать должное поэту: классической формой стиха он владеет безупречно. Изысканная эротическая лирика – «конек» Райсела-надреалиста – из стихов первой половины 1950-х гг. исчезает. Если вспомнить «метания» молодого поэта в конце 1930-х, логично предположить, что фонтанирующий оптимизм 1950-х не был целиком данью «литературной условности» или, жестче сказать, конъюнктуре. Хотя, несомненно, здесь ощущается социальный заказ, обусловивший упрощенно-традиционную поэтику, адаптацию высокой поэзии для не слишком образованного читателя. Много в стихах тех лет проникнуто искренностью, важными темами становятся родной край и детство. Вчитываясь в эти произведения, мы вполне можем допустить, что Райселу такая оптимистическая стихия стала внезапно столь же близкой, сколь была когда-то близкой стихия мрачных и пронзительных сюрреалистических видений. Словацкие надреалисты приняли новую жизнь за воплощение своих образных грез, выстрадавших идеалов.

Автор монографии о Райселе Павол Плутко, стараясь (еще в социалистической Чехословакии) объективно оценить «регресс» поэта в 1950-е гг., неоднократно говорит о сложных околотрадиционных обстоятельствах тех лет. В частности, он пишет о сборнике «Дёма»: «Он также пришелся на тот период, когда в широком масштабе применялась так называемая форсированная литературная условность. Волей-неволей ей поддались все поэты, пусть и не в равной мере. Одну форму имела она у Костры и Горова, другую – у Штитницкого и Лайчиака. Владимир Райсел не был исключением».⁵

Важный мотив поэзии Райсела в 1950-е гг. – мотив благодарности советским солдатам, освободившим Чехословакию. И здесь он также не был исключением.

⁵ *Plutko P. Básnik Vladimír Reisel. Bratislava 1989. S. 67.*

Об этом писали многие словацкие поэты – от классика Есенского до надреалиста Брезины. Образы красноармейцев у Райсела согреты искренней симпатией, это братья-славяне и братья по духу. Маленькая поэма «Забутые письма» (сб. «Любимые любящие») повествует о советской воинской части, которая некоторое время стояла в словацком местечке. С приходом солдат местные жители заново узнавали мир и сами были обновленными. Это, несомненно, связано с идеалами Райсела, которые ассоциировались с Советским Союзом. Словацкий историк Михал Барновский пишет о соотечественниках-коммунистах тех лет: «Картину советской России они строили, исходя из идеи, а поскольку эта идея была привлекательна и благородна, то и Советский Союз был достойным образцом для подражания».⁶ Стихотворение «О молодом красноармейце» из того же сборника Райсела – просто лирическая песня о влюбленном юноше, «украинце синеглазом», песня со счастливым концом (а другого и не могло быть в этом контексте). П. Плутко верно замечает, что автор через «субстантивированный персонаж» (т.е. модификацию лирического «я») пытается выразить свои чувства по отношению к природе и любви. «Уже сам факт, что Райсел решил на это, – пишет критик, – свидетельствует о его внутреннем споре с условностью, о стремлении к аутентичному выражению».⁷

В конце 1980-х (книга Плутко вышла в 1989 г., в год семидесятилетия Райсела и в год «бархатной революции») за безоблачно радостные стихи пятидесятых годов, уже осужденные критикой периода «оттепели», нужно было хотя бы не обвинять автора огульно. И Плутко вновь, словно адвокат, пишет: «Сборник Райсела «Любимые любящие» надо воспринимать на фоне литературной ситуации, в которой он возник. Лишь так мы поймем творческую драму, которую пережил автор. Внешние ограничения принуждали его к всевозможным хитростям, которые по большей части вели в тупик. Компромисс в искусстве равняется художественному проигрышу».⁸

Второй частью сборника (хотелось бы сказать – приложением) стали стихи на смерть Сталина и Готвальда; их соотношение – один к пяти. Но не только в

⁶ Барновски М. Чехословацкая коммунистическая элита и Советский Союз в 1948-1967 годах // Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии. Братислава – Йошкар-Ола, 2010. С. 81.

⁷ Плутко П. *Op. cit.* S. 77.

⁸ *Ibidem.* S. 78-79.

них выражены контрастные по отношению к общему настрою горестные чувства. Примечательны стихотворения «Поэт» и «Всем страдающим». В первом поэт сравнивается с фрегатом в бурю, которому уже неоткуда ждать помощи, но он из последних сил не сдается. В отличие от лермонтовского «мятежного» паруса, поэт у Райсела ищет именно покоя. И второе стихотворение – о людях, которых постигли физические увечья – связано с необходимостью преодоления тяжелой ситуации. В подтексте стихотворения читается личная драма автора. Однако – и это главное – у лирического героя есть противовес: «Земля наша столько чудес дает, // что сердцем можно все страдания преодолеть!»⁹ «Космополитизм» сюрреалистической поэзии сменяется на традиционную привязанность словацких поэтов к родной земле, пусть и с оттенком «Марша энтузиастов».

И в стихотворениях, казалось бы, одиозных – на смерть вождей – можно увидеть ту же оппозицию: уверенность (сказочная, романтическая, чудесная) – страшная безнадежность (стихи сборника «Зеркало и за зеркалом»). Не случайно лирический герой, переживая смерть Сталина, обращается к маленькой дочери, как к существу, нуждающемуся в защите, и говорит: «Мы осиротели». Возможность потерять уверенность в жизни – главное, что ныне можно рассмотреть в этом цикле стихов. Райсел с его эмоциональностью и резкими колебаниями настроения очень нуждался в положительном заряде поэзии.

Во второй половине 1950-х гг. словацкая литература претерпевает качественные изменения. 1956 г. стал вехой в словацкой поэзии. В апреле этого года состоялся Второй съезд Союза чехословацких писателей, на котором прозвучала критика «схематической» литературы. Смена ориентиров во второй половине 1950-х связана не столько с XX съездом КПСС, который, как отмечает М. Барновский, «не встретил в Чехословакии такого отклика и не вызвал такого общественного движения, как в Польше и Венгрии»,¹⁰ сколько с изменением собственной литературной атмосферы. Одним из ярких проявлений такого изменения стал выход дебютного сборника выдающегося поэта Милана Руфуса (1928-2009), «Когда дозреем» (1956). Поэзия вновь становится личностной, непатетической, полной душевных противоречий. Эстафету подхватил конгениальный Руфусу, но более авангардный и дисгармоничный в поэзии Мирослав Валек (1927-1991) со своим первым сборником «Прикосновения» (1959). Эти поэты станут «столпами»

⁹ Reisel V. *Milovaní milujúci*. Bratislava 1954. S. 31.

¹⁰ Барновски М. Указ. соч.. S. 92.

послевоенной поэзии Словакии. У Валека в 1960-е гг. отчетливо проявятся черты сюрреалистической (надреалистической) поэтики. К рубежу 1950-х – 1960-х гг. относятся первые выступления группы «конкретистов», или трнавской группы, – Я. Стахо, Л. Фелдека, Й. Мигалковича, Я. Ондруша и др. Еще одно название группы – сенсуалисты – указывает на их поиски конкретных, чувственно воспринимаемых образов, противоположных риторическим клише и обезличиванию субъекта в «схематической» поэзии. Ступенью к преодолению этой «болезни» становится и сборник Райсела «Благодарю тебя» (1957).

В «рубежной» (даже по году издания, 1960) книге Райсела «Море без отлива» есть как безграничный оптимизм, так и печальные настроения. Первый раздел, примечательно названный «Добрый день», пронизан ощущением счастья, радости, могущества человека. Названия других разделов красноречивы: «В непогоду», «Говорят о женщине», «Правда-поэзия». Раздел «В непогоду» заполнен стихотворениями об осеннем угасании природы, об уходе близких людей, в том числе и любимых поэтов (В. Незвала, И. Краско). Здесь больше глубины и тонкости переживания.

Стихотворение памяти Витезслава Незвала, ведущего чешского сюрреалиста, названо «Смерть кудесника (В. Н.)». В нем Райсел лаконично и проникновенно обыгрывает подробности судьбы поэта и названия его произведений (в том числе в заглавии – поэма «Удивительный кудесник», 1922). Центральный образ – полное творческой энергии сердце Незвала, которого он не берёт, высекая им искры, зажигая фейерверки, высаживая плодоносящие деревья. В «Панихиде по И.К.» (умершему в том же 1958 г. ведущему словацкому символисту Ивану Краско) Райсел также использует метафору сердца поэта, проводя тонкое различие между его уязвимой судьбой и «несокрушимым» творчеством. Приведем строфу из стихотворения в подстрочном переводе (в оригинале – ямбическое четверостишие с перекрестной рифмой):

*Он смертен и раним,
тучи кружат у него над головой,
но он стоит у неприступной бойницы
и машет сердцем, словно флагом.¹¹*

¹¹ Reisel V. More bez odlivu. Bratislava 1960. S. 81.

В стихотворении «Смерть актера» Райсел создает коллизию между сыгранной ролью и реальной трагедией, поданной «без пафоса» (выражение автора). «Хотя он играл роль шарлатана, // последний вздох испустил как герой».¹² Интересный образ даже не сразу фиксируется сознанием: «Как оседает бледное солнце за край поля, // и он осел где-то в закулисье...». Закатное солнце не может быть бледным, образ соотносится с лицом умирающего, а солнце здесь – символ творчества. Однако поэт ищет выход из трудных ситуаций, говорит о пользе душевных «бурь».

В стихах следующего раздела – столь свойственная Райселу эротическая лирика, выраженная в лаконичных формах, порой великолепная (семь строк верлибра в стихотворении «Неон», четыре – в «Волнах»). Но здесь нет надрыва, как в ранней поэзии, есть свет, нега. Приведем целиком миниатюру «Неон» (знаки препинания, как это практиковали надреалисты, отсутствуют):

*Темно в комнатке
когда закроешь глаза
Потом зажжется белый неон твоего тела
и сразу столько света
он просто ослепляет
Поэтому я слеп
когда люблю тебя¹³*

В стихотворении «Волны» ритм воссоздает движение морской волны. Такая черта нехарактерна для раннего Райсела и связана скорее с символизмом, нежели с надреализмом. Эротические переживания переданы изящно (Райсел-надреалист был откровеннее). Например, в стихотворении «Купола» грудь любимой сравнивается с куполами храма св. Петра (надреалисты таких «очевидных» сравнений избегали). Однако примечательно здесь различие образов: в «куполах» женщины заключены тепло и жизнь, этим они милее. По сути, это стихотворение перекликается с «Часовенкой» М. Валека (ранний цикл «Спички»), где тело любимой превращается в молитвенный дом, а грудь – это

¹² Reisel V. Ibidem. S. 83.

¹³ Reisel V. Ibidem. S. 99. – Перевод автора статьи.

колокольня. Кто-то из словацких деятелей искусства в частной беседе назвал «Часовенку» «лучшим словацким эротическим стихотворением» (в 2000-е гг.). Заглавный образ Райсела «Море без отлива» сначала связан с женским телом, а в финале он символизирует саму бурлящую жизнь, движение волн. Сходный образ появляется у Валека в философской поэме «Удрученность» (сб. «Любовь в гусиной коже», 1965): «Так, значит, жить. Стоять на ногах, // походить на море, // не считать отливы».¹⁴ Думается, этот образ возник не без «помощи» Райсела, хотя «водные» образы (наряду с «огненными») у Валека доминируют.

В последнем разделе примечательно стихотворение «Человек». В нем поэт довольно спокойно воссоздает вехи своей судьбы со времен войны, называя этот путь «человеческой драмой». Он говорит аллегорически о потерянных, как и в войну, годах жизни и о «еретиках», которые сбили с толку многих: «И я тоже был обманутый пахарь».¹⁵ Надо полагать, речь идет об эпохе сталинизма. Но лирический герой и ныне не одинок, он собирается жить дальше и работать. «Отливы», творческие простои, исключаются, – так можно связать это с заглавным образом. Стихотворение «Правда-поэзия», написанное верлибром, – творческая программа, ратующая за простоту поэзии и критически оценивающая «молодых козлят», которые усложняют поэтическое видение, громоздят лабиринты, «любят вещь саму по себе», фиксируют некую «межпланетную туманность». Это уже отражение меняющейся с 1956 г. ситуации в поэзии. То, что представляло собой официальный «mainstream» словацкой поэзии в первой половине десятилетия, вызывает у молодых поэтов и критики всё большее отторжение.

В 1960-е гг. Райсел пытается вернуться хотя бы к темам (а отчасти и к поэтике) своей творческой молодости. Еще в 1957 г. в сборнике «Благодарю тебя», помимо новых лирических произведений, вновь публикуется поэма «Нереальный город» (1943). В 1967 г. наконец выходит, на наш взгляд, лучшая книга стихов Райсела, созданная в 1938-1940 гг., – «Темная венера». Новизну приносят сборники «Стихи о сне» (1962) и «Грустные наслаждения» (1966). Опять названия говорят о многом. Понятие сна (грезы) у сюрреалистов чрезвычайно важно. Именно в этом состоянии открывается «сюрреальность». И

¹⁴ *Válek M.* Básne. Bratislava 1981. S. 207. – Перевод автора статьи.

¹⁵ *Reisel V.* Ibidem. S. 115.

пусть миниатюры-сновидения у Райсела лаконичны и не содержат ошеломляюще красивых метафор его первых четырех сборников, необходимо отметить возвращение к камерной лирике, которая трудно совместима со схематизмом и декларативностью. Сдержанность может объясняться и возрастом автора. Райсел не проваливается в пессимизм, но пытается уравновесить грустные настроения. Понятие «наслаждения», эротического удовлетворения – также одно из ключевых у сюрреалистов. Говоря об «исходном» сюрреализме – французском, – литературовед Богуслав Ковач писал в 1960-е гг. о первостепенности эротического влечения и о том, что выход из безнадежности связан с единственной ценностью, от которой сюрреалисты не отказались. Она может называться «двойным именем: именем любви и поэзии».¹⁶ В любовной лирике Райсел органичен и притягателен. Сборники 1960-х гг. показывают хрупкость внутреннего мира человека, тонкие оттенки переживаний. Такие образы, как «надежда под глыбой страха» («Сон о радуге»), «квоточащий сон» («Сон бессмертный»), возвращают читателя к поэзии Райсела времен расцвета.

В 1960-е гг., в связи с более раскованными возможностями творчества, происходит некий «Ренессанс» надреализма (а в Западной Европе – сюрреализма). Не пытаясь дать обзор публикаций, назовем лишь некоторые. В 1965 г. выходит антология поэзии и изобразительного искусства надреалистов «Перед лицом всех» (строка В. Райсела). Переиздаются под одной обложкой сборники надреалистической поэзии Р. Фабри («Отрубленные руки. Водяные часы часы песочные. Я это кто-то другой»,¹⁷ 1966) и В. Райсела («Первые грустные наслаждения», 1968). В том же году публикуется монография Б.Ковача (правда, о родном надреализме там сказано лишь, что его «положение в мировом сюрреалистическом движении представляется совершенно исключительным»)¹⁸ Статья Ковача о словацком надреализме выходит в журнале «Словенска литература» опять же в 1968 г. и называется «Пролегомены к истории словацкого надреализма». Это свидетельствует о том, что ученый собирался создать труд о сюрреализме на «родном» материале. Но такого не случилось – надо полагать, по мотивам политическим. Один из основоположников надреализма, М. Ба-

¹⁶ *Kováč B.* Alchymia zázračného. Bratislava 1968. S. 114.

¹⁷ В названиях сборников отсутствует пунктуация, как при первой публикации.

¹⁸ Ibidem. S. 271.

кош, издает в 1969 г. сборник материалов об этом движении – «Авангард-38». То есть «потепление» политического климата и возможность высказываться без жестких ограничений, вести дискуссии помогли надреализму вернуться в культурный контекст словацкой поэзии. Однако главные его ценности уже были в прошлом, поэтому переиздания «старых» текстов были значительно новыми. Среди последних можно выделить поэму Штефана Жари «Муза осаждает Трою» (1965), посвященную временам расцвета надреализма, когда молодые поэты штурмовали крепость словацкой поэзии.

Очередные зигзаги судьбы Райсела приходятся на 1970-е – 1980-е гг. Это выходит за временные рамки нашей темы, но мы отметим лишь некоторые вехи. В 1960-1972 гг. Райсел работает редактором издательства «Словенски списователъ», а с 1972 по 1987 г. возглавляет старейший, со штуровскими традициями (вновь выходит под этим заглавием с 1881 г.), словацкий литературный журнал «Словенске погляды». После «бархатной революции» мы не отслеживали судьбу Райсела. Бывает попросту тяжело читать хлынувшие бодрым потоком обвинения, часто незаслуженные, надуманные, продиктованные личными обидами и неприязнью. Собственно, такое было и в русской литературе. Мы наблюдали эту «месть» непосредственно на судьбе Мирослава Валека, чье творчество было предметом нашей кандидатской диссертации, защищенной в 1987 г., почти накануне «бархатной революции». Вряд ли Райселу не припомнили его официозный пост, как Валеку – пост министра культуры в 1969-1988 гг., на котором он сделал немало доброго. Например, это видно по книжным иллюстрациям 1970-х – 1980-х гг. Авангардная, в том числе сюрреалистическая манера, обнаженная натура – всё это имело место, в том числе и в иллюстрациях к произведениям самого Валека, близкого, как уже отмечалось, в 1960-е гг. к сюрреалистам (художники Альбин Бруновский, Ян Валах и др.). Министр оказал поддержку опальному прозаику Л. Тяжкому, композитору-авангардисту И. Зельенке. Читать некоторые материалы послереволюционных лет, где упоминался Валека, было невыносимо (памфлет Я. Юраневој в тех же «Словенских поглядах» и др.). Поэт скончался в январе 1991 г., в возрасте 63 лет. Райселу в этом отношении повезло больше: он прожил 88 лет. В упомянутой выше антологии М. Гамады, как и в других литературоведческих исследованиях последних лет (П. Винчер и др.), Райселу отведено законное место ведущего поэта надреализма.

В годы «нормализации» Райсел публикует новые сборники стихов (в том числе «Глаза и березы», 1972, о Советском Союзе). В 1988 г. у него выходит очень интересный сборник первых поэтических опытов (1930-е гг.), «Терпкие дички». СССР, страну, которую он любил, поэт посещал в составе писательских делегаций. Так, в середине 1980-х гг. Райсел представлял словацких писателей на встрече со студентами и аспирантами филологического факультета МГУ, в которой участвовал и автор этих строк. Однако такая лояльность имела и оборотную сторону. С первого взгляда было ясно, что главный редактор «Словенских поглядов» злоупотребляет алкоголем. Эмоциональной репликой «Да он всё пропил!» один уважаемый словацкий литературовед-женщина объяснила метаморфозы его творческого пути (в ответ на вопрос автора статьи, почему Райсел так резко менялся). Надо думать, поэт делал так не оттого, что его жизнь была сплошным праздником.

Подведем итоги. На примере словацкого надреализма и его ведущего представителя – Владимира Райсела – можно наблюдать, говоря его словами, «человеческую драму» судьбы талантливого поэта, отразившую в себе судьбу общества во второй половине XX в., его надежды, иллюзии, отрезвление, поиски новых путей. В 1950-е гг. Райсел пишет полные воодушевления и патетики стихи в духе социалистического реализма, но к рубежу 1960-х подходит уже изменившимся, более камерным и разнообразным по настроению. 60-е гг. становятся временем экспериментов для молодых поэтов и возврата к прежнему – для бывших надреалистов. Однако решающее значение в этот период имело обращение к их наследию 1930-х – 1940-х гг. Поэтическим знаменем 1960-х стали другие поэты, в том числе – Мирослав Валека, в те годы – очевидный продолжатель надреалистических поисков.

Л.Н. Будагова

ВЛИЯНИЕ НАСТРОЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И СУДЬБУ ЧЕЛОВЕКА. ВЗГЛЯД БОГЕМИСТА

Каждый *homo sapiens* является носителем и выразителем общественных настроений и в то же время участвует в их формировании (профессиональной деятельностью, образом жизни, личными качествами), является объектом исходящих от них и одновременно субъектом аккумулирующихся там импульсов, токов, тенденций. Что здесь перевешивает – быть аккумулятором или генератором общественной атмосферы – зависит от многого, от уровня и креативности личности, ее положения, капризов судьбы. Разложить все по полочкам очень трудно.

От воздействий на человека общественной атмосферы нельзя абстрагироваться. Не побоюсь, прослав ретроградом, напомнить один из тезисов вышедшего из моды марксизма – «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Но эту зависимость нельзя и преувеличивать, поскольку каждый живет в своей части земного пространства, в своей ауре, в своем воздушном скафандре. Он, проницаемый, дающий возможность ощущать общий социальный настрой, обеспечивает некоторую самостоятельность, возможность быть собой, идти своим путем. В сложную материю соотношения общего и своего в жизни человека, в той индивидуальной атмосфере, в которой он существует, вдаваться не станем. Просто примем во внимание, что она есть. Была и есть она и у автора этих строк, с одной стороны – одного из носителей, а с другой, и одного из возможных микрогенераторов настроений, как в нашей стране, так и за рубежом хотя бы в сфере своей профессиональной деятельности.

Проблема, которой посвящен коллективный труд, рассматривается в данной статье в антропологическом аспекте, в аспекте влияний общественных настроений на самоопределение и судьбу людей. Автор, чье внимание направлено в первую очередь на сферу чешско-русских культурных связей, основывается на своих воспоминаниях, не пренебрегая при этом житейскими мелочами и подробностями, которые эти настроения конкретизировали.

Сначала несколько общих замечаний.

Настроения в обществе, влияющие на взаимоотношения государств и народов, или вытекающие из них, определяют не только государственно-политические обстоятельства, зависящие от исторической обстановки, но и произведения искусства, литературы, более жизнестойкие, глубокие и многозначные, чем политические документы. Художественные произведения порой сильнее, чем международные договоренности или разногласия, способны повлиять на характер отношений между людьми и народами, предопределить толерантность и многогранность, нюансы и тонкости этих отношений.

Искусство способно вмешиваться в расстановку политических сил, вербовать союзников в неприятельском стане и отделять простых людей от власть имущих. Оно в большей мере, чем политика, несет в себе миротворческий потенциал, нацеливая народы не на междоусобицы, а на сближение. Иван Вазов, Христо Ботев, тургеневский Инсаров, к примеру, больше, чем факты участия Болгарии в Первой и Второй мировых войнах на стороне противника определяли мое отношение к Болгарии, так же как Адам Мицкевич и Генрих Сенкевич, Болеслав Прус и Владислав Реймонт, а не нашествие поляков на Россию в XVII в., не их антирусские восстания XIX в., не польско-советская война в веке XX – мое отношение к Польше. Предполагаю, что даже в разгар «холодной войны» и возведения «железного занавеса» между нашей страной и Западом в сознании и памяти большинства советских людей удерживалась не речь Черчилля в Фултоне, а произведения Шекспира, Теккерея, Диккенса, Конан-Дойля, Бернарда Шоу.

Правда, во время войн на противников не смотрят сквозь розовые очки их культуры, но отделяют врага от созданных его народом духовных ценностей. В войне с фашистской Германией ненависть к немцам не смягчали мысли о Гете, Гейне, Гегеле, Бетховена, Бахе и т.д., и т.п.

Но вернемся к мирному времени.

Поступая летом 1950 г. на славянское отделение филфака МГУ, когда шел прием в чешскую и болгарскую группу, я не знала, какую из них предпочесть. У меня были самые общие и самые романтические представления об этих народах, как и обо всех зарубежных славянах, чью историю и литературу, однако, представляла довольно смутно. Знала, что все они совсем недавно страдали под пятой немецко-фашистских оккупантов, что

боролись с ними, что были нашими братьями по оружию. В детали их современной истории, в том числе – в каких взаимоотношениях с фашистской Германией и по какую линию фронта они оказывались в начале войны, в каких формах вели борьбу с агрессором, я, разумеется, не вникала. В душу вошла и укоренилась там симпатия к славянским народам. Ее не развеяли и последующие годы, когда профессиональные интересы позволили уяснить расстановку сил накануне и во время войны. Стало ясно, что одни славянские земли были оккупированы Гитлером (Польша, большая часть Югославии), и их народы вступали в составе народно-освободительных армий в открытые сражения с оккупантами. Другие – превратились в «протекторат» фашистской Германии (Чехия, Моравия), развернув подпольную борьбу с гитлеризмом, третьи вынуждены были стать ее союзниками (Словакия, Хорватия, Болгария), что не мешало их народам поднимать антифашистские восстания, развертывать партизанское движение. Обретенные с годами знания лишь подтвердили, что мои горячие симпатии к славянам были неслучайны, что независимо от того, по какую линию фронта Второй мировой находился тот или иной народ, в нем преобладали чувства ненависти к оккупантам, стремления сопротивляться врагу. Они преобладали, но не были всеохватными. Но тогда, на исходе и сразу же после войны все народы освобожденных нашей армией славянских стран были в моих глазах сплошь героями – антифашистами, подпольщиками, повстанцами, партизанами, солдатами дружеских нам соединений.

Большую роль в отношении к зарубежным славянам играли события не только истории, но и культуры. Так, от военного детства остался в памяти героизм сербов, воспетый в фильме «Ночь над Белградом» (за название не ручаюсь). Его успеху весьма способствовали исполнительница главной роли Татьяна Окуневская и ее песня, часть слов которой помню до сих пор («Ночь над Белградом тихая вышла на смену дня. Вспомни, как ярко вспыхивал яростный блеск огня. Вспомни годину ужаса, черных машин полет. Вспомни, пойми, прислушайся – песню ночь поет. Пламя гнева горит в груди. Пламя гнева, в поход нас веди. Час расплаты готов, смерть за смерть, кровь за кровь. В бой, славяне, заря впереди! В бой, славяне, заря впереди!»). Мои позитивные представления о народах Югославии дополняли блистательная «Госпожа министерша» Бранислава Нушича, которая с успехом шла в театре Моссовета

та с Верой Марецкой в главной роли, а еще образ героя гражданской войны Олеко Дундича, пьесу о котором (Ржевского и М. Каца) я видела в эвакуации, в летнем театре г. Фрунзе (столице советской Киргизии), куда приехал театр Вахтангова. В 1949 г., как известно, Сталин поссорился с Тито. Политические разногласия, определяя государственную политику, мало, как мне кажется, затрагивали отношения народов друг к другу. Не знаю, что думали о советских людях югославы в ту пору, когда наши газеты клеймили «клику Тито», Джиласа, Ранковича. Но советские школьники, сужу по себе, неприязни к их соотечественникам не испытывали. Однако ни в одну из югославских групп филфака МГУ ни в 1950 г., ни во многие другие годы, приема не было. В польскую и словацкую группы набрали студентов в году предшествующем. Мне, как я уже упоминала, предстояло сделать выбор между чехами и болгарами. И те и другие были мне одинаково симпатичны.

Чехи ассоциировались с бравым солдатом Швейком и Юлиусом Фучиком. Болгары – с Дмитрием Инсаровым и Георгием Димитровым¹. В создании позитивного образа каждого народа, таким образом, принимал участие один литературный и один вполне реальный герой. Правда, бравого солдата Швейка я тогда знала не по эпосе Гашека, а по боевым киносборникам, которые часто крутили в военные годы перед показом основных фильмов. Этот хитроумный солдат был уже участником не Первой, а Второй мировой войны. Он служил на стороне противника, а точнее всячески вредил ему, дурачил начальство, распевал песенку «Сосиски с капустой вкуснее всех блюд, сосиски с капустой я очень люблю», и из всех переделок выходил победителем. (Позже сообразила, что чешская литература стала западать в мою детскую душу и другими событиями. Помню, как еще до войны, когда ходила в детский сад, однажды с интересом слушала радиопередачу «Театр у микрофона». Помню ощущение нарастающей тревоги, исходящей из черной тарелки репродуктора, гул вроде бы приближавшихся самолетов, взволнованный голос женщины, которая вкладывает в руки сына оружие, посылая его на битву с врагом. Ни названия, ни автора пьесы, естественно, не знала. Много позже поняла, что в конце 1930-х годов слышала радиовersion пьесы Карела Чапека «Мать», свидетельство того, что в СССР к нему всегда относились лучше, чем в послевоенной Чехословакии. Мы ценили его не только за редкий талант, но и за антифашистскую позицию. На родине ему

не могли простить дружбы с президентом Масариком. Спасителем писателя (шесть раз безуспешно номинировавшегося на Нобелевскую премию) стал, в результате, Сергей Васильевич Никольский. Автор предисловия к русско-му изданию «Карел Чапек. Избранное» (М., 1950) высоко оценив его творчество, выразил и свое личное и наше официальное отношение к писателю. Удивительно, что дружба с Масариком довольно долго бросала тень на уже укоренившийся в чешской культуре светлый образ К. Чапека. Так, уже в начале 80-х гг. при посещении безлюдного музея Чапека в Стржи, в доме, подаренном ему и Ольге Шайнпфлюговой его деверем Й. Паливцем (мужем сестры), экскурсовод, подойдя к деревянной колыбельке, сказал, понизив голос, почти шепотом, что это свадебный подарок «пана». Оказалось, что это подарок Масарика, имя которого не решался произнести в связи с Чапеким наш гид.

Одно из сильнейших впечатлений школьных лет – спектакль «Волинщик из Стракониц» Тыла в Центральном детском театре, куда мы ходили всем классом. Поражали прекрасная постановка с чудесной музыкой и метаморфозы героя, деревенского парня, в котором было намешено и плохое и хорошее, всего понемногу. Разумеется, никаких представлений ни о Тыле, ни о чешском национальном возрождении, видным деятелем которого был автор «Волинщика...», я еще не имела.

Однако, несмотря на некоторое знакомство с чешской литературой в детские и школьные годы ни один из ее героев, ни один чех, не сумел увлечь меня больше, чем герой тургеневского романа Дмитрий Инсаров, бесспорно, повлиявший на имидж болгарского народа в России. А возможна и обратная зависимость. Не Тургенев повлиял на русское отношение к болгарам, а оно повлияло на Тургенева. В студента Московского университета Инсарова, одержимого желанием освободить свою родину от турецкого ига, я была влюблена, наверное, не меньше, чем Елена Стахова. Любовь к нему подогрел и прекрасный спектакль, поставленный по роману «Накануне» театром Вахтангова.

Помню, как в весенние каникулы 1949 г. мы с моей подружкой Юлей Лебедевой искали на пересечении Мерзляковского переулка и Поварской (тогда ул. Воровского), «безобразный» дом, «похожий на петербургский», где могуться Инсаров. В пользу болгар был и тот факт, что в нашем классе 175-й

московской школы училась Фаня Димитрова, дочь погибших китайских революционеров, которую удочерил герой Лейпцигского процесса 1933 г. и один из руководителей Коминтерна Георгий Димитров. Его имя мне мало что говорило. Но помню, как однажды Фаня позвала трех девочек и меня, в том числе, к себе на день рождения в «дом на набережной». Мы были предоставлены самим себе. Но в один прекрасный момент в комнате появился седовласый человек с пышными усами, пожал каждой из девчонок руку и ушел. Когда я рассказала об этом дома, мои молодые родители почему-то пришли в восторг. Причину этого я поняла уже став старшеклассницей.

У меня была возможность и дальше расширять свои контакты с болгарскими. В 9-м классе мне поручили сделать доклад о международном антифашистском движении. Ради этого я даже посетила Антифашистский комитет советской молодежи, расположенный на Кропоткинской (не зная еще, что в этих краях, в Хрущевском переулке, в старинной усадьбе XVIII в. будет находиться Институт славяноведения, куда я поступлю в аспирантуру). Антифашисты отнеслись ко мне приветливо, снабдили кое-какими материалами. Доклад прошел хорошо. Побывавшие на школьном вечере болгары позвали меня в свое посольство, вручив приглашение. Мне очень хотелось туда пойти, ни в одном из посольств я никогда еще не была. Родители порадовались за дочь, но в Посольство республики Болгария, несмотря на все мое нытье, не пустили. И правильно сделали. Наступало время, когда несмотря на дружеские объятия со странами антифашистского блока и советской сферы влияния, в нашей стране начинались аресты за «связи с иностранцами».

В болгарском посольстве я все же побывала, только лет через сорок, в 1988 г., перед X Международным съездом славистов в Софии.

Выбор в пользу богемистики, о котором не жалею, посоветовал сделать папа. Сын бедного крестьянина из села Аштарак (ныне, город), до конца жизни говоривший по-русски с сильным армянским акцентом, биохимик по профессии, он тем не менее прекрасно ориентировался в мировой культуре и сказал мне, что Чехословакия – индустриально более развитая страна, чем аграрная Болгария, и, на его взгляд, лучше заняться культурой Чехии.

Чешскую историю, литературу и язык нам преподавали таким образом, что героико-романтические представления о чешском народе не развеивались,

а лишь получали подтверждение. Язык мы изучали по «Репортажу с петлей на шее» Юлиуса Фучика. Это была первая, прочитанная нами книга на чешском языке. Сейчас мне подумалось, не было ли кощунством использовать в качестве учебного пособия произведение, тайком писавшееся в застенках гестапо и вобравшее в себя боль и муки его узников? Тогда это в голову не приходило. Мы с интересом осваивали страницу за страницей и, вероятно, никакое другое произведение мировой литературы, в результате, не было прочитано нами так внимательно, как этот предсмертный репортаж. Первым текстом, выученным наизусть, были патриотические стихи безымянного для нас поэта, находящегося далеко от родной земли и тоскующего по ней:

*Překrásný letní den.
A vůkol růží květ.
O jak vzpomínám
Na mladi mého svět.
O let' te oblaky
Na západ k horám těm,
Pozdravte domův můj,
Pozdravte rodnou zem...*

Только недавно мне удалось установить, что они принадлежали популярному в XIX в. в Чехии и России поэту-священнику Болеславу Яблонскому, позже благополучно забытому и у нас и на его родине. К Чапеку, упомянувшему это имя в «Войне с саламандрами» (его присвоило себе земноводное с Галапагосских островов, куда волной прибило учебник чешского языка с пленившим саламандру именем) даже пришлось дать читателям пояснение, кто такой Яблонский?

Помимо курса «Истории чешской литературы», который читала Р.Р. Кузнецова, мы слушали лекции С.В. Никольского по чешско-русским литературным связям. Это была та же «История...», но с определенным и вполне оправданным акцентом, поскольку связи с Россией были важным стимулом развития как чешской, так и других славянских литератур. Первой моей курсовой работой стал анализ поэтического сборника Франтишка Ладислава Челаковского «Эхо русских песен». На третьем курсе я писала о поэзии Марии

Пуймановой, разобрал ее стихи военных и послевоенных лет – «Радость и печаль», «Миллионы голубей», где отчетливо звучала тема «весны, которая приехала на танке», раскрывавшая роль Советской Армии в освобождении Праги и всей страны от немецкой оккупации. Дипломная работа была посвящена творчеству Иржи Волькера, культового поэта революционно настроенной чехословацкой молодежи. В ходе обучения мы читали современную чешскую прессу, готовили по своему выбору пересказы ее статей. Все доступные нам материалы были исключительно доброжелательными по отношению к нашей стране и в главном, и в мелочах. Если в своем «Репортаже...» Фучик, работавший в 30-е гг. в СССР, вспоминал праздничные парады на Красной площади, что служило для него моральной поддержкой, то граждан ЧССР, посещавших Москву в мирное послевоенное время, приятно удивляла чистота московских улиц. Приятно удивилась и я таким впечатлениям от Москвы начала 1950-х гг., и даже пересказала их на занятиях по чешскому языку. Скорее всего, подобные отклики о нашей столице были вполне искренними, поскольку в те времена Москва считалась одним из самых чистых городов Европы.

Итак, о стране, литературе которой я решила посвятить свою жизнь, мнение складывалось вполне положительное. К тем представлениям, какие у меня были о ней еще в школе и подтвердились в студенческие годы – свободолюбие и героизм народа (о чем свидетельствовало поведение Швейка в немецкой армии, Юлиуса Фучика в тюрьме Панкрац, поэзия и проза Марии Пуймановой), – добавлялись и новые, не менее позитивные. Это – и русофильство Ф.Л. Челаковского, видевшего в чешском и русском фольклоре базу для развития национальной литературы, а в России – надежду на освобождение от иноземного владычества, и революционная ориентация многих чешских писателей, прочувствованная мной на творчестве Волькера, которым я занималась больше, чем другими авторам, и чувство благодарности чехов и словаков Советской Армии за освобождение от оккупации.

Нас не посылали на стажировку в Прагу, как посылают туда сейчас студентов-богемистов, но мы могли общаться с чешскими студентами, распевая в хоре их землячества чешские и словацкие песни.

Одним словом, наших знаний и впечатлений вполне хватало на то, чтобы считать, что советский народ с чешским – не разлей вода.

Это мнение лишь окрепло в годы аспирантуры, во время первой поездки в Чехословакию в конце марта 1956 г. в составе туристической группы Академии наук СССР. Еще далеко было до отмены «железного занавеса», разделившего Запад и нашу страну в ходе «холодной» войны. Но после смерти Сталина (5 марта 1953 г.) и особенно после XX съезда КПСС и доклада Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» (25 февраля 1956 г.), положивших начало определенной демократизации советского режима (в рамках «социалистической законности»), этот занавес перестал быть непроницаемым. Открылись возможности для укрепления дружеских и деловых контактов советских людей с иностранцами, для командировок и туристических поездок и тех и других за границу.

Свое первое путешествие в Чехословакию весной 1956 г. (мой первый выезд за рубеж) никогда не забуду. Поражало все – и красота чешской и словацкой природы, и романтика старой Праги, и дурацкие лозунги типа «Советская женщина – наш пример», уже тогда не вызывавшие у нормальных советских женщин ничего кроме раздражения, и лозунги вполне пристойные, типа «Чай вас освежит». Особенно подкупало доброжелательное отношение к нам аборигенов. Иначе как триумфальным тот зарубежный вояж группы скромных научных сотрудников с вкраплением зеленых аспирантов и почему-то молодых архитекторов, не назовешь. Помню, как при шествии нашей группы в вагон ресторана поезда (мы ехали через Чоп и первую остановку сделали на словацкой земле), чешский сопровождающий периодически произносил – «Vládní delegace» (правительственная делегация). И местные пассажиры, еще не привычные к такого рода посещениям, расступались, освобождая дорогу.

Помню, как незнакомые люди, передавали нам какие-то подарочки, как в словацких деревнях мы стихийно обрастали следовавшими за нами по пятам поклонниками, статными шугаями. Что здесь играло роль – политические или романтические мотивы, наша ли принадлежность к СССР, или юность многих членов «правительственной делегации», – сказать трудно. Добравшись до Праги, откуда путь лежал в Карловы Вары, несколько фанатов богемистики решили пренебречь курортом и с благословения руководителя группы задержаться в столице ради посещения библиотек, Института чешской и мировой литературы и знакомства с чешскими коллегами (позд-

нее, переросшим в дружбу и многолетнее сотрудничество). Сейчас не знаю, стоило ли это делать. В Карловых Варах, где уехавшая из Праги группа наслаждалась отдыхом несколько дней и фильмом Чаплина «Диктатор», я, в результате, так и не побывала, если не считать двух проведенных там часов во время одной из командировок. В Прагу же наезжала довольно часто. Хотя и то первое пребывание прошло с пользой: посетила по инициативе аспирантки ИМЛИ Р.Л. Филипчиковой, которая писала диссертацию об Алоисе Ирасеке, его мемориальную квартиру (от нее сейчас не осталось и следа), подышала в ней воздухом, которым дышал Ирасек; наведалась в Городскую библиотеку Праги, познакомилась с ее директором, поэтом Вилемом Завадой и литературоведом Яном Петрмихлем, который занимался творчеством Завады и подбивал меня писать о нем диссертацию. Подарком судьбы стала встреча с Витезславом Незвалом. Ее устроила находившаяся тогда в Праге Нина Николаева, талантливый первопроходец послевоенной отечественной богемистики, автор ряда статей о нем и составитель первой русской антологии Незвала «Избранное», изданной в 1960 г., уже после смерти поэта. Встреча состоялась днем, в кафе «Манес» (расположенном недалеко от одноименного моста, в пришвартованном к правому берегу Влтавы парохоме). Посетителей там, кроме нас, не было, в заведении шла уборка, на столиках громоздились перевернутые стулья. Но нашу группу, куда кроме завсегдатая кафе Незвала входили героиня его лирики 30-х годов Лили Годачова, балерина Ольга, мать его внебрачного сына Роберта, самого Роберта – трехлетнего карапуза, который то и дело просился у мамы в туалет, и мы с Ниной, это не смущало. Вдруг воцарившуюся в пустом кафе поэтическую атмосферу создал сам Незвал, его поэма «Эдисон», которую он стал читать, задумчиво глядя на плескавшуюся за окнами весеннюю Влтаву... Это было мое первое из трех свиданий с Незвалом, состоявшихся при его жизни. Множество других, которые продолжают до сих пор через его творчество, проходили и проходят уже без его земного присутствия. Так стоит ли жалеть о так и оставшихся чужими для меня Карловых Варах?

Ту первую поездку в Чехословакию с точки зрения восприятия нас чехами и словаками можно назвать идиллической. Однако тогдашняя ситуация в стране была далека от таковой. Уже начинался период «оттепели». Однако в Чехословакии, несмотря на ее первые признаки, к которым, в частности отно-

сят II съезд чехословацких писателей весной 1956 г., призвавший писателей быть не «инженерами человеческих душ», как требовал того Иосиф Виссарионович, а «совестью нации» (Я. Сейферт), она набирала силу очень медленно. Когда у нас из тюрем ГУЛАГа уже потянулись домой политические заключенные, в ЧССР не торопились с освобождением и реабилитацией выживших, или погибших на плахе жертв собственных политических репрессий конца 1940-х – начала 1950-х гг. Это стало происходить только в 1960-е гг. Мы наслаждались поездкой в Чехословакию, не зная, что в ее тюрьмах томятся арестованные по обвинению в «шпионаже», «государственной измене» и других немислимых грехах писатели-католики и рураллисты, далекие от заповедного соцреализма. Среди них был один из крупнейших чешских поэтов Ян Заградничек, арестованный 13 июня 1951 г. как член некоей «нелегальной группы» и приговоренный к 13 годам тюрьмы. В сентябре 1956 г. того же года, когда мы мирно жили в Москве, писали статьи и диссертации по чешской литературе, Заградничек получит известие, что в тршебичской больнице умирает от отравления грибами его выселенная из родного дома и бедствующая семья – жена, две малолетние дочери и сын. Узнику дали отпуск, пообещав, что не потребуют его возвращения на нары. Поспешив к семье, Заградничек застал в живых только жену и сына. Девочек спасти не удалось. Несмотря на обещания начальства и заступничество Незвала и Сейферта, несчастного отца вернули в тюрьму. Он был выпущен по амнистии только 12 мая 1960 г., а в ту же осень инфаркт оборвал его жизнь. Реабилитировали же Заградничека лишь в июне 1966 г., в преддверьи «Пражской весны»³. Разумеется, горькая судьба Заградничека и других политических заключенных в социалистической Чехословакии не афишировалась. Замалчивались и казни известных политиков и деятелей культуры, чем-то не угодивших режиму Готвальда: Милады Горакковой, активной антифашистки и члена послевоенного парламента; Завиша Каландры, представителя марксистски ориентированного чешского сюрреализма; Рудольфа Сланского, государственного деятеля, работавшего в военные годы в Москве, где похитили (и не нашли) его грудного ребенка; Владо Клементиса, видного словацкого писателя, популяризатора антифашистской поэзии. Этот скорбный список можно продолжить.

Наша группа приехала в Чехословакию, когда прошло всего ничего, каких-то пять-шесть лет после этих трагических событий. Но «пепел Клааса»

(точнее, «Клаасов») тогда не стучал в наше сердце. Мы ничего не знали о них. Возможно и люди, с которыми мы общались, тоже, либо не знали, либо верили в вину осужденных, как поверил когда-то молодой Незвал, жертва советской пропаганды, в вину «троцкистов и бухаринцев». По крайней мере, никто, ни один чех или словак, не посмотрел весной 1956 г. в нашу сторону косо, не пытаясь – как это порой происходило позже – отбросить на нас хотя бы тень вины за преступления тоталитаризма. Мы приехали из страны, которую, вероятно, в первые послевоенные годы чехи и словаки, да и многие другие народы, пострадавшие от фашистского террора, искренне считали страной-освободительницей от фашистской оккупации (какой она и была), а не страной-вдохновительницей на репрессии против собственного народа (какой она была тоже).

Надо сказать, что уже в следующие поездки в ЧССР, когда открывались новые факты и страницы современной истории, смещавшие имидж Советского Союза в негативную сторону, положение советского командировочного за рубежом становилось гораздо менее комфортным, чем прежде. Приходилось уже не только гордиться своей державой, но и краснеть за нее. Вижу в этом не «происки врага», а объективные, коренящиеся в нас самих причины.

Первые трещины в этой идиллии возникли уже в октябре-ноябре 1958 г. в связи с преследованиями в СССР Б. Пастернака за итальянскую публикацию романа «Доктор Живаго» и присуждение ему Нобелевской премии.

Отношение к нам, трем советским богемистам, приехавшим в Прагу для сбора «отсутствующих в наших библиотеках материалов и консультации со специалистами», (так раньше, как впрочем и сейчас, обосновываются научные командировки), было ничуть не хуже, а даже лучше, чем к «правительственной делегации» туристов из АН СССР в марте 1956 г. Каждому из нас (заведующему Сектором славянских литератур С.В. Никольскому, старшему научному сотруднику С.А. Шерлаимовой и аспирантке первого года обучения Л.Н. Будаговой) выделили по сопровождающему из сотрудников Института чешской и мировой литературы АН ЧССР. Наиболее активным из них оказался словакист З. Айс, не поленившийся оттеснить двух других своих коллег и взять на себя заботу обо всей нашей группе. По его инициативе мы нанесли визит Вацлаву Копецкому, занимавшему тогда важный государственный пост. Предварительно З.Айс посоветовал каждому из нас составить список необхо-

димых книг, которые мы сможем увезти с собой. Получили мы не книги (или нам все же дали какой-то минимум?), а незабываемые впечатления (я, по крайней мере) от встречи с В. Копецким, весьма колоритной фигурой, близкой к литературным кругам. Помню, как он, друживший с В. Незвалом, рассказывал о любви к поэту. Обведя рукой свой просторный кабинет, В. Копецкий сказал, что «у Незвала было столько женщин, не считая проституток, что они бы не поместились в этой комнате». В доказательство своего хорошего знания русского языка, особенно его нецензурной лексики, признался, что запретил петь в присутствии советских людей народные песни с распространенным припевом «huj-ja-ja» («хуй-йа-йа»).

В один прекрасный день наш неутомимый сопровождающий сообщил, что с нами хочет встретиться на Добржиши (замок под Прагой, принадлежащий тогда Союзу чешских писателей) директор Института, чьими гостями мы были, академик Ян Мукаржовский. Мы встретили это предложение без энтузиазма: и времени было жалко, все дни сидели в библиотеках и архивах, а вечерами изучали взятые домой материалы, и академика стеснялись, не зная о чем говорить с этим, как нам тогда казалось, глубоким стариком (а было ему тогда всего-то 66 лет, гораздо меньше того возраста, при котором сотрудников Института славяноведения РАН нынче автоматически переводят на полставки). О славном прошлом Мукаржовского, ведущего участника Пражского лингвистического кружка, основоположника чешского литературоведческого структурализма, как и о знаменитом кружке со структурализмом всем нам (опять же, здесь могу ручаться только за себя) было мало чего известно. Представляю, как бы прошла встреча с этим легендарным ученым сегодня, когда все мы набрались знаний и поумнели. Но, к нашему облегчению, отужинав с гостями в замке Добржишь, Мукаржовский с супругой удалились в свою опочивальню, а мы остались *řatovat* (кутить, гулять) почти всю ночь в плохо протопленном покое замка (а был уже ноябрь) в обществе поэта Иво Флейшмана, сотрудника газеты «Литерарни новины», драматурга Милана Яриша и переводчика Эрика Саудека. Был ли кто-нибудь еще, не помню. Как потом оказалось, З.Айс, наш хитроумный Одиссей, сообщивший, что с нами хочет встретиться Я. Мукаржовский, то же самое сказал ему, что якобы с ним хотят встретиться на Добржиши (как будто, мы не могли или не хотели пообщаться с ним в Институте!) богемисты из Москвы.

Было много чего хорошего в ту пражскую осень. Запомнилась поездка на институтской машине в Сватоневицы, где рос Карел Чапек, которым занимался Сергей Васильевич, в Оломоуц, где, ужиная в гостиничном ресторанчике, мы замороженно слушали, как его завсегдатаи дружно расппевают песню о хмеле («*Roste ten jetel, jeteliček u vody, když ten jeteliček zajde, zas k nám zase cestu najde, roste ten jetel, jeteliček u vody*»). После Оломоуца были Простейов, где родился и учился Иржи Волькер, и Святый Копеечек, куда он ездил на каникулы к дедушке с бабушкой и о котором создал одно из лучших своих стихотворений в стиле «Зоны» Аполлинера («*Svatý Kopeček*»). О Волькере я писала диплом, научным руководителем которого был С.В. Никольский, и возможность посетить отчий дом Волькера на простейовской площади, увидеть его рукописи и предметы, которых он касался, было счастьем. В Праге я собирала материалы для диссертации о Витезславе Незвале, познакомилась с его вдовой Фафинкой Незваловой, была вместе с С.А. Шерлаимовой у нее в гостях на Барановой улице. Вместе с Антонином Елинеком, блестящим молодым литературоведом, преподавателем Карлова университета, автором книги о Незвале, мы были приглашены к пани Б. Никодемовой, вдове художника Виктора Никодема, большого друга поэта. Пани Никодемова подарила мне акварель своего супруга – уголок старой Праги под названием *Řásnovka* недалеко от Староместской площади. На оборотной стороне она написала «Прекрасному советскому человеку Л. Будаговой» (Так тогда мы воспринимались пражанами). С тем же А. Елинеком и младшей сестрой Незвала, Властой Фишеровой, мы совершили путешествие в Моравию, останавливаясь в Бискоупках, Шамиковицах, Далешницах, – деревнях, где родился и рос в семье сельского учителя и музыканта Богумила Незвала будущий поэт, меняя место жительства, когда отца переводили из одного местечка в другое. Закончился наш моравский маршрут в Брно, в доме, где жили в старости родители Незвала и куда он часто наезжал из Праги, запечатлев эти и другие родные места, которые мы видели своими глазами, в лирике.

Эта, как и все другие командировки в Чехословакию, были нужны не только для «сбора отсутствующего в нашей стране материала», но и для сбора впечатлений, оживлявших этот материал, строки прочитанных произведений, без чего трудно прочувствовать колорит и особенности чешской литературы. Наши чешские друзья показывали нам, не жалея времени, мес-

та, площади, улицы, забегаловки, связанные с чешскими писателями и их героями, помогали доставать редкие книги и журналы. До сих пор помню темное помещение малостранской пивной «У короля Брабанта», куда меня привел промозглым ноябрьским вечером Мирек Качер по моей просьбе, потому что там часто бывал со своими земляками Иржи Волькер, сочинивший в честь этого одноименное стихотворение – «U Brabantského krále». До сих пор храню, периодически к ним обращаясь, номера авангардных газет и журналов 1920-х гг. «Pásmo» и «Disk», первые, не отфильтрованные после войны, издания книг В. Незвала 1920-х – 1940-х гг., подаренные мне исследователями и друзьями поэта А. Елинеком, И. Тауфером, М. Совой и др. Чешским коллегам imponировал интерес зарубежных исследователей к их жизни, культуре, литературе, вызывала уважение и наша страна, проявлявшая этот интерес. Играли роль и традиционное чешское русофильство, и не испарившееся еще чувство благодарности к Советскому Союзу и его армии, за освобождение. Бремя советского влияния, под которым, согласно международным соглашениям между СССР, Англией и США, принятым во время и после Второй мировой войны, оказались многие европейские страны, в том числе Чехословакия, ощущалось, вызывая сопротивление, постепенно.

Среди неприятных впечатлений той поездки могу вспомнить лишь два. Первое – от встречи с редакцией и авторами журнала «Květen», (обратившегося от официоза к простым вещам, будням и поэзии жизни), с молодыми поэтами М. Флорианом, К. Шиктанцем, И. Шотолой и др. Встречу, по-моему, в Клубе писателей устроил Тонда Елинек. Помню, как я, сгорая от смущения и не зная, как себя вести, о чем говорить, сидела перед группой этих молодцов, разглядывавших меня и тоже молчавших. Ни один из них не пришел мне на помощь. Почему молчали они, не знаю. Может устали (дело было вечером), может я не вызывала у них никакого интереса. Я же с трудом выдавливала из себя какие-то слова и вопросы, как от страха, так и от того, что практически не знала еще их творчества. Спустя годы, уже в семидесятых, Мирослав Флориан встречал меня с букетом цветов на Вацлавской площади, у конной статуи св. Вацлава, как автора предисловия и составителя его русской антологии «Инициалы». Уже забыла, напомнила ли я тогда ему наши безмолвные посиделки в Клубе писателей осенью 1958 г., или нет?

Та неловкость никакого политического подтекста не имела. Однако он возник и возникал в разговорах о Борисе Пастернаке, связанных с другими тягостными впечатлениями. Чешские коллеги были озабочены поднявшейся в СССР злобной кампанией против выдающегося поэта. Он был хорошо известен чехам. Уже в довоенный период активно переводились на их язык его поэзия и проза. Большую рекламу ему создал тогда В. Незвал, возвратившись с Первого съезда советских писателей. В откликах на него он с восторгом отзывался о докладе Николая Бухарина, который с высокой трибуны хвалил лирику Патернака и скептически отзывался о поэзии Демьяна Бедного. Незвал-то ждал, что все будет наоборот и был приятно удивлен, что ошибся. В том, что случилось уже на наших глазах с Пастернаком, – один из парадоксов его жизни. В 1934 г. он сидел в президиуме писательского съезда, его не затронули репрессии сталинизма. А в годы пятидесятые, уже после смерти Сталина и разоблачения культа личности, судьба Пастернака как бы решила взять реванш, допустив его травлю за роман «Доктор Живаго», роман любовный, сентиментальный, политически невинный по сравнению, к примеру, с «Тихим Доном» М. Шолохова, где Октябрьская революция показана как трагедия, делавшая несчастными массы людей, по какую бы сторону баррикады они ни находились. До сих пор не понимаю, почему это гениальное произведение пользовалось охранной грамотой правительства и стало жупелом соцреализма.

Вопросы о Пастернаке задавали нам осенью 1958 г. довольно часто. Что отвечать на них, мы не знали. Романа не читали, как, впрочем, и многие его недруги. Пожалуй, тогда впервые я почувствовала, что не все в наших чешско-русских отношениях гладко и что недоуменная и негативная реакция в Чехословакии на травлю великого художника вполне понятна и справедлива. Настроения в этой стране, по моему, не проникавшие в печать, были в пользу автора «Доктора Живаго». Голосов в его поддержку у нас – ни публичных заседаний, ни в кулуарах, – припомнить не могу.

Весной 1964 г. в той же Праге я услышала от своих чешских друзей потрясающие меня факты, способные принизить героический подвиг армии Конева, совершившей стремительный бросок от Берлина до восставшей против немцев Праги, чтобы придти ей на помощь. Как мне разъяснили, можно было обойтись здесь без лишних жертв. Американские войска стояли в Пльзне, беспрепятственный путь от него до столицы был гораздо короче, чем от Берлина.

Но американцы не трогались с места, так как Чехословакия была отнесена к сфере советского влияния и выбить немцев из Праги предназначалось советским войскам. Для повышения авторитета СССР.

Совсем недавно, уже после перестройки стало известно, что в освобождении Праги принимали участие власовцы. На Ольшанском кладбище, где стоит православная церковь, построенная К. Крамаржем, первым премьер министром Чехословацкой республики и его русской женой Надеждой Крамаржевой, есть их могилы.

Сведения о короткой и свободной от немцев дороге между Пльзнем и Прагой меня потрясли, озадачили. Жизни погибших советских солдат и участников Пражского восстания были принесены в жертву престижу нашей страны, политическим играм. Они – на совести у власть имущих и подвиг простых людей – советских воинов и восставших чехов не умаляют.

Во время расцветания и подавления «Пражской весны» я была за рубежами нашей страны (декабрь 1966 – январь 1969 гг.). Впервые после возвращения в Москву, в Институт славяноведения я побывала в ЧССР осенью 1971 г., когда там происходила так называемая «нормализация». Из Института чешской и мировой литературы уже уволили члена-корреспондента АН ЧССР Феликса Водичку, которому Я. Мукаржовский несколько лет назад передал свой директорский пост. Среди сотрудников уже не было Мирослава Червенки, Мирослава Качера, Милана Янковича, Евы Штросовой, Иржи Брабца и многих других ученых, составлявших нашу молодую чешско-русскую компанию в конце 50-х – начале 60-х гг. Контакты с некоторыми из них продолжались, но уже за стенами Института. У смертельно больного Ф. Водички я побывала в гостях⁴. С Червенкой мы ходили в кино на фильм по мотивам романа Я. Гавличка «Керосиновые лампы», где звучала замечательная песня на слова поэта Франтишека Гельнера, погибшего в Первую мировую. 5 ноября 1971 г. мы собрались на дне рождения у словакистки Эльвиры Олоновой, бывшей сотрудницы ИМЛИ им. Горького. Мирек Качер, помню, принес ей в подарок комнатный цветок в горшочке. Где-то году в 1964-65-м Эльвира вышла замуж за чешского литературоведа М. Григара, переехала с дочкой от первого брака в Прагу, стала сотрудницей Института чешской литературы. Она рассказывала, как Мирек Червенка, опасаясь за ее жизнь, жизнь русской женщины в разъяренной и оскорбленной советскими танками Праге, взял ее 21 августа 1968 г. к себе домой.

Непривычная, но вполне объяснимая настроенность тогдашнего чешского общества против русских не коснулась наших друзей. По крайней мере, я ее не почувствовала, но почувствовала вакуум, который образовался в чешской Академии наук и в Карловом университете после увольнения оттуда талантливых литературоведов и преподавателей. К уже выше названным необходимо прибавить профессора Фратишека Бурианека и Антонина Елинека. Какими критериями руководствовались члены «проверочных комиссий», увольняя со службы прекрасных специалистов, одному Богу известно... Решительно все уволенные были просоветски настроенными русофилами, блестящими учеными. Может быть, имели место банальная зависть, желание, воспользовавшись моментом, устранить конкурентов? Не знаю...

Научные связи и сотрудничество наших богемистов с чехами и словаками продолжались и в годы «нормализации», но уже с другими людьми.

Некоторые раздражающие и огорчающие внешние знаки этого периода. Предвыборные плакатики в транспорте, изображавшие двух чешских пионеров, мальчика и девочку, с идиотскими физиономиями (я видела в этой нарочитой безвкусице проявления швейковщины) и призывами: «Maminko a tatínku, volte naši št'astnou budoucnost!» («Мамочка и папочка, голосуйте за наше счастливое будущее!»). Случайно услышанная фраза рассерженной пассажирки трамвая, как бы оправдывающей сложившуюся политическую ситуацию: «Sice jsme kulturní národ, ale bez facek nemůžeme» («Хоть мы и культурный народ, а без пощечин не можем»). Нелицеприятная реплика в адрес «русских» продавщицы в пивном ларьке на перроне пражского вокзала. Адресовалась она мне. Я отбывала из Праги в Москву, уже распрощалась с провожающими. Было лето, стояла жара, хотелось пить. Крон уже не было, оставалась одна мелочь. Протянув монетки киоскерше, я попросила налить мне за эти галержи немного пива. Взявшись за стакан, девушка что-то зло пробормотала про «этих русских, с которыми всегда что-то...». Не дослушав, я заявила, что пива мне не надо, что деньги пусть она оставит себе и гордо удалилась к своему вагону, умирая от жажды. Вспоминается в связи с «жаждой» и анекдот про русского солдатика, случайно услышанный во время экскурсии участников семинара «Шрамкова Сobotка» в средневековый замок Кост. Захотев пить, солдат прибил к стволу дерева кухонный кран и, повернув ручку, страшно удивился, что не течет вода. На анекдот я не обиделась, получаем,

что заслужили. А рассказчице был нагоняй от пани Марии Гейновой, организатора семинара, страшно напугавший даму. Бедняжка, даже имени которой я не знала, потом, завидев меня, всегда пыталась куда-то скрыться из глаз, а ее то ли друг, то ли родственник стал регулярно присылать мне поздравления со всеми праздниками.

Внешних знаков перемен отношения в Чехословакии к советским людям в годы «нормализации» было не так уж много. Но это не спасало меня от переживаний. Я знала, как глубоко задел процесс искоренения побегов «Пражской весны» весь народ, все общество за исключением немногих правоверных коммунистов, либо искренне убежденных в правоте СССР, либо откровенных приспособленцев. 1970-е годы стали годами повышенной смертности чехов и словаков, участвовавших онкологических заболеваний, которые, как признано, часто провоцируются стрессами.

Своеобразным слепком чехословацкого общества того смутного периода были «шрамковцы», организаторы и участники ежегодного научно-просветительского фестиваля чешского языка и литературы «Шрамкова Сobotка». Он был основан в 1957 г. друзьями и вдовой Народного поэта Чехословакии Франи Шрамека, уроженца Сobotки, живописного уголка предгорья Крконош, для учителей-словесников школ, гимназий, преподавателей и студентов гуманитарных вузов Чехии и Моравии. Программа фестиваля состояла из лекций специалистов, литературных конкурсов и культурных мероприятий, в которых принимала активное участие молодая поросль из кружков художественного слова и театральных студий. О «Шрамковой Сobotке» можно подробнее узнать из моих статей «Бурная жизнь тихой чешской провинции. “Шрамкова Сobotка”. Ее люди, история и современность» (Славянский альманах 2001) и «Полувековой юбилей “Шрамковой Сobotки”» (Славянский альманах 2006). Упомяну лишь, что фестиваль, знавший «золотые шестидесятые годы» надежд, стал в ненормальные годы «нормализации» прибежищем для изгнанных с университетских кафедр и научных учреждений специалистов, приглашая их читать лекции и оказывая тем самым моральную и материальную поддержку. Он не закрыл двери и для своих уволенных с работы слушателей. Учителя, лишённые права преподавать и вынужденные зарабатывать на хлеб физическим трудом, по-прежнему приезжали летом в Сobotку окунуться в ее атмосферу и отдохнуть душой.

Сложилось так, что с 1977 г. меня стали довольно часто приглашать на этот фестиваль читать лекции по чешской литературе и русско-чешским связям, считая свою гостью чем-то вроде его «политического талисмана» или охранной грамоты. По логике властей-нормализаторов, если в мероприятии принимает участие человек из Москвы, то все в порядке и за идейный уровень происходящего можно не беспокоиться. Не подозревая об этой своей функции («красного флага над сельсоветом») и не думая ни о каком «идейном уровне», я просто делилась знаниями и любовью к своему предмету с благодарной аудиторией. На «Шрамковой Сobotке» я обросла друзьями и знакомыми из разных уголков республики, узнала, чем дышат и живут продолжатели дела Яна Амоса Коменского и их ученики. Наши контакты со «шрамковцами» продолжились и после «бархатной революции» и смены режимов, когда «Шрамкова Сobotка» остро нуждалась уже не в политических талисманах, а в спонсорах. С фестивалей, когда я в них не участвовала, ко мне в Москву непременно приходили письма со множеством подписей. Особенно много их было после «бархатной революции». «Шрамковцы» как бы спешили меня заверить, что наступившая в их стране «десоветизация» ничего не изменила в их отношении к богемистке из Москвы, которую они давно приняли и признали «своей». 1992, 1995, 1996, 1997, 2004, 2006, – вот даты моих «постперестроечных» участия в фестивале. Очередная лекция должна была состояться в начале июля 2010 г. Но не состоялась из-за внезапной смерти сына...

Я благодарна «шрамковцам» за то, что обиду на нашу страну, вдруг размещившую на их территории, в монастырях и на высокогорьях, свои воинские части, они не переносили на меня, хоть и ни в чем не повинную, но страдавшую от комплекса вины перед своей второй родиной. Я благодарна за то, что, несмотря на все негативные ассоциации, связанные с СССР, мои чешские знакомые, друзья, коллеги не утратили интереса к русской культуре и науке, не разлюбили фильм «Морозко», без которого не мыслят себе праздника Рождества, не забыли русские песни. Они чаще стали звучать на «Шрамковой Сobotке» в последнее время, когда их страна освободилась от официальных «уз дружбы» с нашим народом, и когда на смену им («мешавшим дышать», как писала в 60-е годы пресса) пришли пусть лишённые иллюзий, но естественные и искренние связи, не навязанные сверху.

Сначала я хотела назвать свою статью «От любви до ненависти и обратно...», но отказалась, как от названия одностороннего, схематичного, упрощающего сложность взаимоотношений между народами Чехии и России. Однако в качестве вектора восприятия нас чешской стороной это выражение, пожалуй, годится. (С нашей стороны ненависти к чехам не помню, не наблюдала, если исключить период гражданской войны, когда на пути чехословацких легионов через Сибирь к океану, к водному пути их возвращения домой, случалось всякое). «От любви – до ненависти...» – это переход русофильства в русофобию, спровоцированный советскими танками в Праге 21 августа 1968 г. «Обратно» – это новые ростки русофильства, а может быть, ростки старые, но не вырванные с корнем, а затоптанные в грязь и теперь воспрявшие уже в новой, более благодатной для себя атмосфере. Их нельзя не заметить, к примеру, в притоке молодежи в вузы на русистику (правда, ее основную массу составляют дети русских переселенцев или бизнесменов, пустивших корни в Чехии, но есть русисты и среди детей моих чешских знакомых). В 2004 г. во время соботецкого фестиваля ко мне подошла симпатичная юная чешка (кажется, из Остравы), сказавшаяся большой поклонницей русской культуры. Она просила дать ей адрес какого-нибудь россиянина, чтобы, переписываясь с ним, совершенствовать свой русский язык. Могу назвать имена замечательных чешских ребят, школьников, которые берут частные уроки *guŕtín*u, занимаясь ею с большим интересом.

Передо мной две книги, посвященные чешско-русским связям, между которыми более чем полувековая дистанция во времени. Первая – «1000 лет. Хроника чехословацко-русских связей в слове и образе» (1000 let. Kronika československo-ruských styků slovem i obrazem). Изданная в Праге Министерством информации ЧСР в октябре 1947 г., она представляет собой подробную констатацию сплошных позитивов в развитии этих связей с X по XX столетие. Во второй, аналитической, изданной в 1996 г., бросается в глаза многозначность названия, созданная игрой не только слов, но и морфем: «Na/Přů/Po/ZOR na RUS. Их комбинация позволяет прочесть название сборника и как «взгляд на Россию» (*názor na Rus*) как «внимание к России» (*pozor na Rus*), и как, возможно, «просвещение России». Скажем сразу, несмотря на дезинтеграцию славянства и русофобские настроения в его стане, несмотря на подзаголовки книги – «Метаморфозы чешского взгляда на Россию», – книга, судя

по ее содержанию и пафосу, деидеализируя русско-чешские связи, вовсе не пригвозждает Россию к позорному столбу. Она констатирует «макрокосмическую сложность России, которую невозможно ни понять, ни тем более однозначно осудить», не изучив ее, не осознав «хотя бы отчасти ее многообразие, специфику ее национальных традиций и опыта, ее болезненный путь к модернизации народа, к которому совершенно неприменимы любые традиционные формы оценок»⁵. Не игнорируя материалы и факты русофильского характера, книга призывает к «диалогу с Востоком, т.е. в первую очередь с Россией», без которого «наша (чешская. – Л.Б.) коммуникация с мировой культурой, к которой мы с гордостью себя относим, не может быть ни полноценной, ни объективной»⁶.

Подобное можно сказать и о «Русских душах» – книге Петра Вавроушки. Он собрал в ней интервью, которые взял в России (где работал с 2004 по 2008 г. корреспондентом чешских СМИ) у целого ряда известных людей разных возрастов, положений, профессий (от М.С. Горбачева до актрисы Натальи Седых, героини фильма «Морозко»). Журналист не стесняется задавать самые острые и даже шокирующие вопросы, вызывая собеседников на откровенность, что ему удается. Ответы он получает искренние и честные. Журналист стремится помочь своим согражданам разобраться в загадочной русской душе, в парадоксах русской истории и современности, политики и культуры с целью не ослабить, а укрепить деловые и душевные связи наших народов. «"Какая она, русская душа?" – Именно этот вопрос чаще всего задавали мне в Чехии друзья. Но и теперь, после четырех лет жизни в России, мне трудно на него ответить. Невозможно ответить, – пишет П. Вавроушка в предисловии и все же пробует дать ответ. – Русская душа столь же широка, колоритна и непонятна, как сама Россия [...] Русская душа может быть агрессивной, мстительной, коварной, не уважающей права человека, и одновременно – гостеприимной, альтруистической, обладающей высокой культурой. Со всеми этими вариантами вы встретитесь в этих интервью».⁷ К какому же варианту склоняется сам чешский журналист? Мне кажется, что к оптимистичному. Без этого он вряд ли бы создал свой сборник, к тому же прекрасно, ярко оформленный. Помимо галереи портретов участников бесед, там представлен и другой фотоматериал. Вот снимок вечерней Красной площади зимой, с проступающими сквозь мглу силуэтами кремлевских башен, Исторического музея, храма Казанской

Божьей матери, романтически подсвеченных фонарями и окнами ГУМа. Вот стайка девушек на скамейке, чем-то лакомящихся в теплый летний день. А вот полный тревоги и неопределенности день осени 1993 г.: в кадре молодые защитники Ельцина на фоне закопченного Белого дома и машина с солдатами, принявшими, судя по всему, сторону победителей. И содержание, и оформление книги говорят о равнодушии ее создателя к многострадальной России, к русской душе и, пожалуй, о явной симпатии к ней.

Итак, общественные настроения в Чехословакии (до 1993 г.) и далее в Чехии по отношению к Советской и просто России, естественно, не могли быть стабильными, ибо нестабилен мир, а котором мы живем. Пережив с сороковых годов подъемы русофильства и русофобии, в настоящее время они усложнились, достигнув в плане проявления разных тенденций разумного компромисса со знаками усиления позитивных чувств к нам. Необходимо отметить, что российские богемисты, ощущавшие все перепады настроений чешского общества по отношению к их родине, все-таки были ограждены чешскими коллегами и друзьями от столкновений с открытой неприязнью к себе. Строго говоря, они ее и не заслуживали. Изучение и популяризация чешской культуры помогало и помогает плодотворному диалогу наших государств, преодолению накопившихся обид и претензий. И от этого тоже зависит, с каким настроением чешское общество будет относиться к нашей стране.

...У входа на соборное кладбище, когда-то опоэтизированное Франей Шрамеком, есть две братские могилы. В одной лежат участники Первой мировой войны. В другой – советские солдаты. Она – в порядке, но без особых знаков внимания к памяти погибших. Если кто и принесет к ней цветок или поставит свечку, то это лишь моя подруга, Мария Секерова, учительница, преподававшая сначала русский, а потом немецкий язык. 2 ноября 2010 г. я получила от нее e-mail, где помимо других новостей содержалась и такая: «Včera byla památka zesnulých. Šla jsem na hřbitov a rozsvítila jsem také rudoarmějčům. Když jsem šla zpátky, už jim svítla celá řada svíček. To mi udělalo radost». «Вчера был день поминовения усопших. Я пошла на кладбище, поставила свечку и красноармейцам. А когда возвращалась, около них горел уже целый ряд свечей. Это меня обрадовало».

Спасибо, дорогая Марушка, меня это обрадовало тоже! Как видно, времена меняются...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Л. Будагова. Друг моей юности Дмитрий Никанорович Инсаров, или Московские адреса болгарских эмигрантов // Дружба. Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Совместное издание ЦК ВЛКСМ и БДМ. 5/90, октябрь-ноябрь. С.116-120.
- ² Будагова Л.Н. Динамика восприятия и освоения чешской поэзии в России XIX-XXI вв. // Славянский мир в глазах России (В печати).
- ³ См. подробнее: Будагова Л.Н. Ян Заградничек: песнь отчаяния и надежды // Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век. М., 2006. С. 210-232.
- ⁴ См. подробнее: Будагова Л.Н. «Пражская весна» и заморозки. Взгляд из Жeneвы и Москвы // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива). М., 2010.; L. Budagova. Hrst vzpomínek na profesora Felixe Vodičku // Česká literární věda 20.století. K 100.výročí narození Felixe Vodičky. 41."Literární archiv". Praha, 2009. S.142-145.
- ⁵ Из рецензии О. Рихтерека // Na/prů/pozor na Rus. Tanvald 1996. S.162.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Petr Vavrouška. Puské duše. Praha, 2009. S.5.

